

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЯ РОССИИ

XX ВЕК

Курс лекций

Рекомендовано

Учебно-методическим объединени-
ем вузов Российской Федерации по
образованию в области историко-
архивоведения в качестве учебного
пособия для студентов высших учеб-
ных заведений, обучающихся по нап-
равлению 030400 «История»

2-е издание

Библиотека

«Нового исторического вестника»

Москва
2010

УДК 947 (07)
ББК 63.3(2)635+63.3(2)64
О82

Ответственный редактор *В.В. Минаев*

Авторский коллектив

Канд. ист. наук, доц. *О.О. Антропов*
(лекция 18);

канд. ист. наук, доц. *И.А. Белокопъ*
(лекция 27, учебно-метод. материалы к разделу VII);

канд. ист. наук *С.И. Голотик*
(лекции 3, 4, 5, 7, 10, 11, 12, 15, 16, 17, 23, 24, 25, 26, 27, 32; учебно-метод. материалы к разделам I, II, IV, VI);

канд. ист. наук, доц. *Е.Н. Евсеева*
(лекции 23, 24, 25, 33, 34, 35, 36, 37, 38; учебно-метод. материалы к разделам VI, IX, X);

докт. ист. наук, проф. *В.Д. Зимина*
(лекции 6, 7, 8, 9, 25, 27; учебно-метод. материалы к разделу II);

канд. ист. наук *С.С. Ипполитов*
(лекция 28; учебно-метод. материалы к разделу VII);

канд. ист. наук, доц. *С.В. Карпенко*
(лекции 18, 19, 20, 21, 23, 24; учебно-метод. материалы к разделам V, VI);

канд. ист. наук, доц. *А.А. Киличенков*
(лекции 29, 30, 31; учебно-метод. материалы к разделу VIII);

докт. ист. наук, проф. *Т.Ю. Красовицкая*
(лекции 2, 35; учебно-метод. материалы к разделу IX);

канд. ист. наук, доц. *А.В. Крушельницкий*
(лекции 18, 19; учебно-метод. материалы к разделу V);

докт. экон. наук, проф. *В.В. Минаев*
(лекции 1, 2, 13, 14, 22, 32; учебно-метод. материалы к разделам I, III)

История России, XX век: Курс лекций. 2-е изд. / Отв. ред. В.В. Минаев / Российский государственный гуманитарный университет. М.: Каллиграф, 2010. 452 с. (Библиотека «Нового исторического вестника»)

Учебное пособие включает в себя лекции, читаемые преподавателями РГГУ, по основным проблемам истории России XX в., вызывающим наибольший интерес и представляющим трудности в изучении. Лекции дополнены методическими материалами, позволяющими студентам самостоятельно закрепить и углубить знания по истории России XX в.

Учебное пособие рекомендуется студентам, обучающимся по образовательным программам бакалавров и специалистов, студентам колледжей, учащимся лицейских классов и всем интересующимся отечественной историей.

ISBN 978-5-903630-08-0

© Коллектив авторов, 2010
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2010
© Каллиграф, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Россия на рубеже XIX – XX вв.

Лекция 1. Экономика и реформы С.Ю. Витте	7
Лекция 2. Демографические процессы, этносы, социальные группы	18
Лекция 3. Политическая система и бюрократия	31
Лекция 4. Власть и общество	35
Лекция 5. Русско-японская война 1904 – 1905 гг.	41
Учебно-методические материалы к разделу I	48

Раздел II. Россия в 1905 – 1914 гг.

Лекция 6. Первая русская революция	52
Лекция 7. Создание Государственной думы	62
Лекция 8. Реформы П.А. Столыпина: замысел и итоги	83
Лекция 9. Внешняя политика России	94
Учебно-методические материалы к разделу II	99

Раздел III. Россия в Первой мировой войне

Лекция 10. Вступление России в мировую войну	102
Лекция 11. Военная кампания 1915 г.: фронт и тыл	108
Лекция 12. Военная кампания 1915 г.: фронт и тыл	115
Лекция 13. Мировая война и население России	123
Лекция 14. Мировая война и государственные финансы России	128
Учебно-методические материалы к разделу III	137

Раздел IV. 1917 год

Лекция 15. Февральская революция: причины и последствия	139
Лекция 16. От Февраля к Октябрю: трансформация власти	146
Лекция 17. Октябрь в Петрограде: рождение большевистской диктатуры	161
Учебно-методические материалы к разделу IV	171

Раздел V. Гражданская война 1917 – 1922 гг.

Лекция 18. Начало Гражданской войны	174
Лекция 19. Обострение Гражданской войны в 1918 г. и интервенция	187
Лекция 20. Советская Россия и белые диктатуры в 1919 г.: экономика и политика	198
Лекция 21. Гибель Белого движения и вооруженный экспорт большевизма в 1920–1922 гг.	212
Лекция 22. Российские города в годы Гражданской войны: население и повседневная жизнь	226
Учебно-методические материалы к разделу V	243

Раздел VI. СССР в 1920–1930-е гг.

Лекция 23. Нэп, власть большевиков и общество	247
Лекция 24. Борьба за власть в партии и государстве в 1920-е гг.	260
Лекция 25. Советская Россия и СССР в системе международных отношений 1920-х гг.	272
Лекция 26. Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства в СССР	281
Учебно-методические материалы к разделу VI	294

Раздел VII. Зарубежная Россия в 1920–1930-е гг.

Лекция 27. Политическая и духовная жизнь российской эмиграции	298
Лекция 28. Российское предпринимательство в эмиграции	310
Учебно-методические материалы к разделу VII	319

Раздел VIII. СССР во Второй мировой войне

Лекция 29. Внешняя политика СССР в 1939 – июне 1941 гг.	322
Лекция 30. Германия и СССР в преддверии столкновения	330
Лекция 31. Трагедия 1941 г.	339
Лекция 32. Демографические потери СССР в Великой Отечественной войне	355
Учебно-методические материалы к разделу VIII	367

Раздел IX. СССР в 1945–1953 гг.

Лекция 33. Восстановление советской экономики	371
Лекция 34. Власть и советское общество	380
Лекция 35. Духовная жизнь	397
Лекция 36. СССР в Холодной войне	409
Учебно-методические материалы к разделу IX	419

Раздел X. СССР в 1953–1985 гг.

Лекция 37. Власть и общество в 1953–1964 гг.	421
Лекция 38. Власть и общество в 1964–1985 гг.	433
Учебно-методические материалы к разделу X	449

РАЗДЕЛ I

РОССИЯ НА РУБЕЖЕ XIX – XX вв.

Лекция 1

ЭКОНОМИКА И РЕФОРМЫ С.Ю. ВИТТЕ

Основой экономики России на рубеже XIX–XX вв. оставалось *сельское хозяйство*. Несмотря на тысячелетний опыт земледелия, его культура была низкой. Соха, деревянная борона, серп, коса, цеп продолжали оставаться основными орудиями труда в крестьянском хозяйстве. Минеральные удобрения применялись лишь на 3 % посевной площади.

Даже в начале нового века крестьяне Европейской России имели 6,5 млн сох и только 4,6 млн стальных плугов. Средняя урожайность хлебов составляла 39 пудов с десятины земли. Это было на 10 пудов больше по сравнению со второй половиной XIX в., но в 1,6 раз ниже, чем в США, и в 4 раза ниже, чем в Великобритании. Невысокая урожайность компенсировалась вовлечением в сельскохозяйственный оборот новых земельных пространств. В результате валовой сбор зерна к концу XIX в. достиг чуть более 54 млн тонн. По объему производства зерна Россия вышла на первое место в мире и была основной хлебопроизводящей страной. На долю России приходилось 25 % мирового сбора пшеницы, 53 % – ржи, 38 % – ячменя, 27 % – овса. Вплоть до начала Первой мировой войны страна являлась крупнейшим экспортером хлеба. Доходы от продажи зерна на мировом рынке составляли около половины всех поступлений от внешней торговли. Главными покупателями русского зерна были Германия и Великобритания. Вместе с тем увеличение хлебного экспорта не свидетельствовало о благополучном состоянии страны. Действовал лозунг «Недоедим, но вывезем». Министрство финансов, увеличивая налоги, заставляло крестьян продавать зерно на рынке и тут же изымало большую часть вырученных денег.

Несмотря на низкую доходность традиционного зернового полеводства и связанное с этим ослабление интереса к земледелию в начале нового века наметились тенденции к рыночной трансформации крестьянского хозяйства. Спрос городов на некоторые виды сельскохозяйственной продукции стимулировал крестьян к углублению товарности соответствующих отраслей. В свою

очередь это способствовало активному поиску путей интенсификации и рационализации земледельческого производства, суливших выгоду даже при мало-благоприятных условиях (малоземелье, невысокое плодородие, неустойчивость климата и т.д.). Наиболее убедительным показателем агротехнического прогресса явилось сравнительно быстрое освоение крестьянством передовых многопольных севооборотов. Многопольная система хозяйства с травосеянием на наделных землях позволяла комплексно и без существенных издержек решать ключевые проблемы по рациональному распределению угодий, преодолению кормового дефицита в животноводстве, обогащению почвы. Дело в том, что десятина корневых остатков клевера, перегнивая, удобряет землю так же, как 1 500 пудов навоза. В крестьянскую среду проникали слухи о выгоде травосеяния. Весомым аргументом служил пример частновладельческих экономий, в которых давно практиковался посев клевера. В свою очередь крестьяне, работая в помещичьих имениях или арендуя у барина клеверные покосы, имели возможность, присмотревшись к травопольной системе, оценить выгоды ее введения.

Ранние заморозки и снежный покров чрезмерно сужали период, пригодный для сельскохозяйственных работ в России. Русский крестьянин имел в своем распоряжении не более 130 рабочих дней в течение года. Из них 30 дней уходило на сенокос. Таким образом, от посева до жатвы крестьянин имел только 100 рабочих дней. Это означало, что земледельцу приходилось работать почти без сна и отдыха, используя труд всех членов семьи – женщин, стариков, детей. Норма вывоза навоза как органического удобрения (1500 пудов на десятину) практически нигде не соблюдалась. Причиной этого являлись условия содержания скота и его количество. Из-за нехватки сена скот кормили по нормам, которые обеспечивали лишь физическое выживание животных. Дефицит сена приводил к тому, что основной кормовой базой животноводства российской деревни была солома. Но и соломы не хватало, поскольку ее использовали на подстилку скоту, как строительный материал для кровли изб, сараев и т.д. В итоге велик был падеж скота, а перезимовавшие животные отличались малорослостью и низкой продуктивностью.

В исторической литературе сложилось устойчивое мнение, что община чаще всего тормозила агрокультурный процесс. Однако так было далеко не во всех случаях. Общинные порядки не только не мешали, а, напротив, способствовали введению регулярных полевых посевов трав: когда большинство членов общества поддерживало приговор об установлении травопольного севооборота, меньшинство обязано было ему подчиниться. В то же время традиция действовать «миром» выручала в случаях нехватки средств на клеверные семена, стоившие недешево. Но если покупка на общественные капиталы все же не получалась, то «маломочные» сбивались в артели и покупали в складчину или занимали деньги на семена под круговую ответственность.

Начавшееся с единичных опытов отдельных общин и домохозяев на вне-наделных и усадебных землях, травосеяние на рубеже веков довольно быстро распространилось и на наделные участки. Поначалу для него отводилось место либо на особом четвертом поле, либо на углах надела. По мере отказа от трехпольной системы появились севообороты с включением кормовых трав. С ростом продолжительности применения таких посевов наблюдалось оживление

земельно-переделных функций общины, особенно в условиях повышенной миграционной активности сельского населения и размаха долгосрочного отходничества. Только по официальной статистике начала нового века, в Московской губернии «отсутствующей» числилась каждая пятая крестьянская семья. Община, как известно, стремилась исключить отсутствующих членов из передела, тем более если сельское общество нуждалось в дополнительной земле для расширения числа севооборотных полей. С помощью земской агрономии, а зачастую и самостоятельно в деревнях начали распространяться, наряду с четырехпольным, шести- и восьмипольные севообороты. Последние были особенно эффективными, поскольку обеспечивали крестьянскому хозяйству наибольшую кормовую площадь и длительный цикл чередования сельхозкультур, который не только повышал урожайность, но и делал ее стабильной.

В начале XX в. возросло производство технических культур. Расширялись площади под посевы картофеля, сахарной свеклы, льна и конопли. Активно развивалось хлопководство в Средней Азии в связи с ростом спроса на хлопок со стороны российской текстильной промышленности. Фабрики Москвы, Твери, Орехово-Зуева, Иваново-Вознесенска были флагманами российской промышленности. Текстиль занял вторую строчку в экспорте. Отечественные ситцы, плисы, миткали успешно конкурировали с европейской продукцией на восточном рынке. Перерабатывающая сельскохозяйственную продукцию промышленность была нацелена на производство предметов потребления. Именно в этих товарах в первую очередь испытывал потребность внутренний рынок.

В конце XIX в. в промышленности наметился поворот к производству средств производства. Возникли новые отрасли промышленности: нефтеперерабатывающая, химическая, машиностроительная. Строились крупные предприятия: Коломенский паровозостроительный, Сормовский судостроительный заводы. Наряду с прежними центрами – Центрально-промышленный, Северо-Западный регионы, горнозаводской Урал – возникали новые промышленные районы. Особенно бурно развивался юг страны. Опираясь на металлургические заводы Новороссии и угольные шахты Донбасса, он обогнал Урал. В 1871 г. прошла первая плавка чугуна, а в 1897 г. на юге выплавлялось 40 % всего чугуна России. Здесь были мощные печи, самое современное по тем временам оборудование, самая высокая производительность труда. На внутреннем рынке спрос на уголь и металл теперь в значительной степени удовлетворяли отечественные предприятия, а в области нефтедобычи Россия стала даже одним из крупнейших экспортеров.

Наряду с крупными предприятиями, принадлежавшими единоличным владельцам или акционерным обществам, в промышленности начали возникать монополистические объединения. На первых порах это были соглашения синдикатского типа, заключаемые для обеспечения монопольных цен. Они были очень непрочны и часто распадались.

Первоначальной формой монополистического объединения является картель (итал. Certello – договорный документ). Его участники заключают соглашение о регулировании объема производства, условий сбыта продукции и найма рабочей силы, сохраняя при этом производственную и коммерческую самостоятельность. Следующая форма – синдикат (объединение). Члены синдиката сохраняют производственную самостоятельность, но утрачивают коммерческую. Они договариваются о распределении между собой за-

казов, приобретении сырья и реализации произведенной ими продукции через единую сбытовую контору. Наиболее высокой формой монополистического объединения является трест (англ. trust – доверие). Его члены утрачивают всякую самостоятельность, предприятия превращаются в звенья цепочки объединенного производства, управляемого из единого центра – правления треста. Тресты монополизировали производство и сбыт в определенной отрасли промышленности, поэтому они объединяют предприятия, выпускающие однородную продукцию. И, наконец, концерн (англ. concern) – многоотраслевое объединение предприятий промышленности, транспорта, торговли, банков и т.д. Участники концерна сохраняют самостоятельность в управлении, но находятся в полной финансовой зависимости от господствующей группы монополистов.

Такова была база, на которой в России начался мощный промышленный подъем 1893–1899 гг. За эти годы производство в крупной промышленности в целом удвоилось, а в основных отраслях – утроилось. По объему промышленного производства Россия по-прежнему отставала от передовых стран Запада, зато по темпам своего промышленного развития она шла впереди их. Обогнала Россия передовые страны и по концентрации производства.

Наряду с крупной промышленностью дальнейшее развитие получила и мелкая крестьянская, так называемая, «дофабричная» промышленность. В ней было занято до 600 тыс. самостоятельных кустарей. Кроме того, 4 млн крестьян-ремесленников сочетали свое производство с земледелием. В промысловых селах центральной России господствовала мануфактурная стадия производства, при которой половина ремесленников представляла собой полусамостоятельных товаропроизводителей, а другая – наемных работников-надомников. В западных губерниях «дофабричная» промышленность сосредотачивалась в основном в городах и местечках и представляла собой индустриальную форму мелкого промышленного производства. За Уралом была развита домашняя промышленность. В конкуренции с крупным производством ремесленник держался за счет увеличения рабочего дня, сокращения своих потребностей, вовлечения в промысел своих домочадцев. Он мог конкурировать и благодаря соединению промысла с земледелием, которое давало ему дополнительный источник пропитания. Таким образом, в рассматриваемый период в стране сохранялась многоукладная хозяйственная система, при которой крупные предприятия, новейшие организационные формы соседствовали с кустарно-ремесленным производством, где отношения между работодателями и рабочими, подмастерьями и учениками часто характеризовались приемами эксплуатации, присущими докапиталистическим и раннекапиталистическим временам.

С промышленным подъемом 1890-х гг. теснейшим образом связано *железнодорожное строительство*. Связь эта была двоякого рода. Во-первых, строительство и эксплуатация дорог сами по себе требовали развития необходимых для этого отраслей – металлургии и транспортного машиностроения, и государство, заботившееся о железнодорожном деле, оказывало этим отраслям поддержку. Во-вторых, железные дороги – «кровеносные сосуды экономики» расширяли и сплачивали внутренний рынок и укрепляли связи важнейших экономических районов России с рынками внешними. Наиболее значительной из построенных в этот период дорог была Великая Сибирская магистраль. Начатая строительством

в 1891 г., Транссибирская железная дорога была полностью сооружена почти через пятнадцать лет, но отдельные ее участки были окончены уже в 1900 г. Строители добились рекордной скорости укладки рельсов – 642 версты в год. Несмотря на громадные расходы, первоначальная смета была превышена в три раза и достигла почти миллиарда рублей, Транссибирская магистраль оправдала самые смелые ожидания. Сибирь и Дальний Восток приблизились к Европейской России и оказались втянутыми в бурный процесс развития капитализма. Сибирь, однако, по-прежнему оставалась сельскохозяйственным регионом. Что касается промышленности, то развивались только отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции. Добывающая промышленность была слабо развита и сводилась в основном к золотым приискам.

Так же обстояло дело и в Средней Азии. Несмотря на постройку железной дороги Оренбург–Ташкент, хлопкоочистительные заводы решительно преобладали среди предприятий промышленного типа, а в сельском хозяйстве хлопок был монокультурой.

Царство Польское, как и ранее, являлось районом текстильной, каменноугольной и железорудной промышленности. Новым и быстро растущим был, кроме южного промышленного района (Украина), кавказский район. В Баку развивалась нефтепромышленность, в Грузии – добыча марганца и угля.

Помимо производственных отраслей, монополистические объединения проникали и в транспортную сферу. Поскольку основная сеть железных дорог принадлежала государству, то оно в силу своего положения стало крупнейшим железнодорожным монополистом. Речное сообщение по крупным водным артериям страны – Волге, Каме, Днепру, сибирским рекам – захватили синдикатские общества «Самолет», «Кавказ и Меркурий», «Днепровское» и другие.

Кроме промышленных и транспортных синдикатов появились и банковские монополистические союзы: Московский коммерческий, Петербургский международный, Азовско-Донской, Волжско-Камский, Русский торгово-промышленный банки. Каждый из перечисленных банков располагал от 50 до 100 филиалами в стране и за рубежом, имел связи с иностранными банками. Происходил процесс концентрации капитала в наиболее преуспевающих банках и объединение последних в монополии. Так, в 1900 г. Русско-Китайский и Русский Северный банки образовали мощный Русско-Азиатский банк.

Важной особенностью российской модернизации оставалось вмешательство государства в экономическую жизнь, казенное вспомоществование капиталистической промышленности ради политического укрепления самодержавного режима. В этом смысле особенно характерна государственная деятельность С.Ю. Витте, министра финансов в 1892 – 1903 гг.

Сергей Юльевич Витте (1849–1915) – видный государственный деятель, один из активных инициаторов политики промышленной модернизации России на рубеже веков. Родился в семье голландского происхождения, получившей в середине XIX в. российское дворянство. Образованный, обладал несомненными талантами администратора, политика, хозяйственника. Способности и распорядительность Витте были замечены Александром III, который назначил его в 1889 г. директором департамента железнодорожных дел министерства финансов. В феврале 1892 г. возглавил министерство путей сообщения, а в августе того же года состоялось назначение Витте мини-

стром финансов. Возглавлял Комитет министров с 1903 г. и Совет министров (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.). В результате ряда реформ сумел достичь реальных достижений в области экономического роста и укрепления финансового авторитета России в мировом сообществе. Несмотря на то, что был сторонником самодержавной монархии, считал, что таковая нуждается в политической модернизации, более активном движении по пути конституционализма. Автор Манифеста 17 октября 1905 г. Стал неугоден Николаю II и отправлен в отставку весной 1906 г.

Промышленная модернизация потребовала огромных расходов, и министерство финансов проявило недюжинную фискальную изобретательность. Косвенные налоги возросли на 42,7 %. По инициативе Витте в 1895 г. была введена *винная монополия*, то есть исключительное право государства на изготовление и продажу спиртных напитков.

Винокурение и изготовление водки разрешалось и частным лицам, но только по заказам казны и под наблюдением акцизного надзора. Продажа спирта и вино-водочной продукции целиком сосредотачивалась в руках государства. Государственная монополия не распространялась на изготовление и продажу пива, браги и виноградного вина. Регламентировалось время и место торговли спиртным. Контроль за проведением в жизнь этой реформы возлагался на Главное управление неокладных сборов и продажи питей министерства финансов.

Сразу после введения монополии ежедневно приносила казне миллион рублей. При преемниках Витте поступления в государственный бюджет от продажи горячительных напитков достигли более 540 млн руб. в год. Обратной стороной реформы стало спаивание населения. В будни казенные лавки торговали водкой с 7 утра до 10 вечера. В выходные дни торговля открывалась сразу же после церковной службы. Автор реформы утверждал: «Я каждый год старался ездить именно по тем губерниям, в которых вводилась эта новая реформа, и при всех моих объездах внушал акцизному ведомству, что реформа эта вводится не с целью увеличения дохода, а с целью уменьшения народного пьянства».

Министерство финансов провело *денежную реформу*. Бумажный рубль был деноминирован на треть, зато стал свободно и без ограничений размениваться на золото. Выбор золота в качестве эквивалента для нового бумажного рубля диктовался тесными финансовыми связями с Европой, наличием собственной золотодобычи и трудностями подделки золотых монет. Первым шагом стал *закон 1895 г. о фиксации курса бумажного рубля по отношению к золотой монете*. С этого момента все сделки должны были оплачиваться либо золотом, либо ассигнациями по их фиксированному курсу на день платежа. Таким образом, была совершена государственная девальвация бумажного рубля на 1/3. При этом старые золотые монеты (имперIALы достоинством в 10 руб. и полуимперIALы – 5 руб.) обменивались по новому курсу, то есть за них платили соответственно 15 и 7,5 руб.

Завершающим шагом денежной реформы стал *закон 1897 г. о новом порядке выпуска бумажных денег и денежном обращении*. Были отчеканены новые золотые монеты достоинством 10 и 5 руб. (имперIAL и полуимперIAL), которые обменивались на такое же количество девальвированных бумажных рублей. Право Госбанка России на эмиссию бумажных денег было жестко лимитировано (не более 300 млн руб.), поэтому бумажные банкноты теперь были полностью

обеспечены золотым запасом страны. В итоге Россия получила валюту европейского уровня, стабильную и устойчивую. Это породило настоящий взлет отечественного банковского дела. Петербург становится финансовой столицей страны: 40 % всех счетов и 50 % капиталов.

Витте вспоминал, что «против этой реформы была почти вся мыслящая Россия». Однако введение «золотого стандарта» способствовало притоку иностранного капитала. За 90-е гг. уходящего века сумма иностранного капитала в России возросла с 200 до 900 млн руб. Последствия ввоза иностранного капитала в Россию отличались от вложения денег европейскими державами в свои колониальные владения. Если в колониях ввозимые денежные средства приспособливали местную экономику к нуждам метрополии, то в России они способствовали промышленному развитию российской державы. Главными вкладчиками были банки и акционерные компании Франции, Великобритании, Германии, Бельгии. На долю французов приходилось 33 % инвестиций, англичан – 23 %, немцев – 20 %, бельгийцев – 14 %, остальные 10 % – составляли вложения американцев (5 %), голландцев, датчан, шведов и т.д. Французские и бельгийские капиталы инвестировались в металлургию и угольную промышленность Юга России, английский капитал направлялся преимущественно в нефтепромыслы Бакинского района, шахты Донбасса, меднодобывающую промышленность Урала и Казахстана. Германский капитал осваивал машиностроение, электротехнику, коммунальное хозяйство российских столиц. Особенность иностранных инвестиций заключалась в том, что западноевропейские предприниматели старались вкладывать средства в действующие предприятия и объединения России и в меньшей степени стремились создавать собственные производства.

Российское правительство брало крупные *заграничные займы*. За время пребывания Витте на посту министра финансов отечественная задолженность выросла более чем на миллиард рублей. Ежегодно страна тратила на уплату процентов по займам до 150 млн руб. Признавая факт огромной задолженности перед Западом, Витте тем не менее подчеркивал, что «занятые деньги пошли исключительно на цели производственные».

Витте был поборником протекционизма, его программа предусматривала целый комплекс финансово-кредитных и налоговых мер. Таможенные пошлины защищали отечественных производителей в период их становления и поощряли здоровое соперничество. Варьируя ставки пошлин, вводя поощрительные премии за экспорт продукции, создавая благоприятные условия то в одной, то в другой отрасли, государство добивалось активного торгового баланса, складывания конкурентоспособного отечественного производства. В 1898 г. было утверждено положение о новом промышленном налоге, согласно которому его размер определялся в зависимости от мощности предприятия, а не от принадлежности владельца к той или иной гильдии. Существенное значение для пополнения казны имело повышение акцизов, а значит, и розничных цен на товары повседневного массового спроса. При Витте протяженность российских железных дорог увеличилась с 29 до 54 тыс. верст. Министерство финансов проводило политику централизации тарифного дела, добиваясь не только рентабельности, но и упорядочения транспортных перевозок.

Разумеется, Витте не был изобретателем протекционизма и реформатором-одиначкой. Во многом он продолжал политику своих предшественников,

видных государственных деятелей, возглавлявших министерство в 60–90-х гг. XIX в.: М.Х. Рейтерна, Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградского, благодаря которым в правительственной политике наметился поворот к строгому протекционизму. В 1877 г. Рейтерн предложил программу «искусственного сдерживания свободной конкуренции»; в 1882–1886 гг. Бунге отменил подушную подать; в 1889 г. Вышнеградский утвердил тарифное законодательство, в том числе и в области государственного регулирования хлебных тарифов. Вместе с тем протекционистское направление в политике имело оппозицию в правительственных кругах. Витте критиковали и обвиняли в разрушении отечественных хозяйственных устоев, чрезмерном увлечении промышленностью, распродаже России иностранным банкам.

Последовавший за этим кризис 1900–1903 гг. оказался особенно болезненным и длительным для страны. Тесно связанный с европейским денежным кризисом 1899 г. он выразился в падении цен на основные виды промышленной продукции, резком спаде производства и как следствие – массовой безработице. Кризис оказался особенно губительным для металлургии и машиностроения. Правительство субсидировало скупку банками бумаг «горевших» крупных обществ и само кредитовало и финансировало их различными путями. Кризис вынудил правительство отказаться от практики неограниченного вмешательства в экономику. Сменивший Витте в августе 1903 г. на посту министра финансов Э.Д. Плесске, а в феврале 1904 г. В.Н. Коковцов уже не помышляли о какой бы то ни было целенаправленной экономической программе, сосредоточившись целиком на проблемах финансирования Русско-японской войны и спасения страны от финансовой катастрофы. Естественно, что кризис ускорил *образование крупнейших монополий* в промышленности, получивших безраздельное господство в пределах целых отраслей. Именно такой характер носили возникшие в эти годы синдикаты «Продамет» – Общество для продажи изделий русских металлургических заводов (1902 г.) и «Продуголь» – Общество для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна (1904 г.). Для России начала нового века были характерны синдикаты, как доминирующая форма монополистического объединения. Этот процесс продолжился и в период длительной экономической депрессии 1904–1908 гг. Только в 1909 г. начался хозяйственный подъем во всех отраслях экономики.

Промышленный кризис 1900–1903 гг. стал неожиданностью, как для правительства, так и для предпринимательских кругов. Одномоментное банкротство четырех тысяч предприятий сопровождалось массовыми увольнениями рабочих. Экономическая проблема получила ярко выраженную социальную направленность. Государство оказалось на стороне предпринимателей, обойдя вниманием другую сторону, пострадавшую от кризиса, – рабочих. В отношении пролетариев правительство прибегло к традиционным бюрократическим и силовым методам подавления. Попытка начальника Московского охранного отделения полковника *С.В. Зубатова* установить контроль над растущим рабочим движением окончилась фиаско.

Проект Зубатова был весьма прост – отвлечь рабочих от политической борьбы с властью и направить движение пролетариев исключительно в русло экономических требований. Таким образом, считал он, правительство достигнет двойного эффекта: снизит социальное недовольство рабочих и лишит рево-

люционное движение «горючего материала». Для этого создавались легальные рабочие организации так называемые «полицейские профсоюзы», которые действовали под тайным надзором министерства внутренних дел. Первым таким профсоюзом стало созданное московской охранкой весной 1901 г. «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве».

Спустя два года профессиональные объединения по зубатовскому проекту возникли во всех крупных городах страны: в Петербурге, Киеве, Одессе, Минске, Вильно. Среди них было и печально знаменитое «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» священника Г.А. Гапона. Летом 1903 г. зубатовцы организовали стачку на юге России, в ходе которой были выдвинуты экономические требования, но вскоре она вышла из-под контроля властей и переросла во всеобщую забастовку. Лишившись доверия власти и покровителей в министерстве Зубатов, автор идеи «полицейского социализма», был уволен, и его карьера закончилась.

Правительство осознавало неэффективность одних только репрессивных мер против рабочего движения. В 1894 г. был принят закон о реорганизации фабричной инспекции, который существенно расширял ее штаты и прерогативы. Инспекторам предписывалось глубже вникать в нужды рабочих, выявлять причины их недовольства. Принимались меры к регламентированию продолжительности рабочего дня. Согласно закону 1897 г. рабочий день не должен был превышать 11,5 часов, а для занятых на ночных работах – не более 10 часов. Контроль за соблюдением закона возлагался на фабричную инспекцию. Надзор инспекторов распространялся на 20 тысяч крупных и средних промышленных заведений России. Летом 1903 г. были изданы законодательные акты о страховании рабочих от увечий за счет предпринимателей и о введении на производствах должностей выборных старост.

На рубеже веков менялись характер и направленность рабочего движения. Если в 90-е гг. XIX в. преобладали забастовки экономического характера, то в начале нового века возрос удельный вес стачек, в которых рабочие выдвигали наряду с экономическими и политические требования. За десять лет (1894–1904 гг.) бастовало около 400 тыс. рабочих. Стачками были охвачены преимущественно промышленные регионы страны: Московский, Петербургский, промышленный южный район. В северной столице в 1896–1897 гг. забастовочное движение приняло столь масштабный характер, что получило название «петербургской промышленной войны». 1 мая 1901 г. около 1 500 рабочих Обуховского сталелитейного завода в Петербурге приняли участие в забастовке. 26 человек были уволены. В защиту пострадавших поднялись все заводчане. 7 мая рабочие, собравшиеся у завода, потребовали восстановить уволенных, ввести восьмичасовой рабочий день, признать 1 мая выходным днем и внести его в календарь праздников. Руководили действиями бастовавших рабочие завода А. Гаврилов и А. Ермаков. Около сотни пеших полицейских и конный эскадрон трижды пытались разогнать рабочих, но каждый раз отступали под градом камней. Только с помощью двух рот солдат, открывших огонь по рабочим, удалось сломить упорство обуховцев. 800 рабочих было арестовано, большинство из них были высланы из города, а 29 человек приговорены к каторжным работам. В историю отечественного рабочего движения события 7 мая 1901 г. вошли под названием «обуховская оборона».

В ноябре 1902 г. забастовали рабочие предприятий Ростова-на-Дону. При подавлении забастовки казаки ранили и убили 26 забастовщиков.

Небывалый размах приняла всеобщая стачка на юге России *летом 1903 г.* Она охватила 200 тыс. рабочих промышленных центров Украины и Закавказья.

На рубеже веков заметно усилилось и *крестьянское аграрное движение*. Обычным явлением становятся земельные споры с помещиками, уничтожение межевых знаков на границах владений, запахивание помещичьих земель, сопротивление землемерам при межевании земель, столкновения с управляющими помещичьих имений. На смену патриархальному мужику эпохи крепостничества пришел земледелец, побывавший на заработках в городе, много повидавший и многому научившийся. Массовый отход крестьян на заработки менял менталитет и поведение сельского жителя. Возвращаясь в родную деревню, он приносил городские привычки и новые взгляды на жизнь. За десять лет (1891 – 1900 гг.) уходящего века возникло 515 крестьянских волнений, из них 400 – на аграрной почве. В новом веке эта тенденция еще более возросла. Весной 1902 г. вспыхнуло восстание крестьян Полтавской и Харьковской губернии. Поводом послужил отказ в просьбе крестьянам имения Карловка Полтавской губернии, оставшихся без средств к существованию после неудачной попытки переселиться в Уфимскую губернию, наделить землей и продать им семена. В ответ возмущенные крестьяне запахали помещичью землю и сбили замки на господских амбарах с семенным фондом. Поступок карловских крестьян стал сигналом для аналогичных действий жителям окрестных селений. Беспорядки охватили в общей сложности 165 сел и деревень с числом жителей 150 тыс. человек в двух губерниях. На подавление волнений были направлены армейские части и казаки. На место прибыли командующий войсками Киевского военного округа генерал М.И. Драгомиров и министр внутренних дел В.К. Плеве. Более 1 000 участников беспорядков были преданы суду, в пользу владельцев 80 разгромленных имений с крестьян было взыскано 800 тыс. руб. Аграрные беспорядки, сопровождавшиеся погромами помещичьих имений, прокатились по 12 российским губерниям в 1902–1903 гг.

Вячеслав Константинович Плеве (1864–1904) *родился в обедневшей польско-немецкой семье, рано осиротел. За свою короткую 40-летнюю жизнь успел сменить три религии был лютеранином, католиком и наконец стал православным. В 1867 г. окончил юридический факультет Московского университета и поступил на службу в министерство юстиции. Сумел дослужиться до прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты. Был замечен М.Т. Лорис-Меликовым и в 1881 г. назначен директором Департамента полиции. В апреле 1902 г. после убийства Сипягина стал министром внутренних дел и шефом жандармов. В августе того же года провел реорганизацию органов политического сыска – отделений общественной безопасности и порядка (охранные отделения). Главной обязанностью отделений являлся политический сыск, то есть обнаружение и надзор за революционными организациями (партии, группы), за отдельными гражданами с передачей всех полученных сведений в жандармские управления для обысков, арестов и дознаний. Свои задачи отделения осуществляли через обширную агентуру «наружного наблюдения», так называемых филеров, секретных агентов «в обследуемой среде» – осведомителей и провокаторов.*

Крестьянский вопрос постоянно находился в центре внимания правительства. Еще в начале 90-х гг. власти приступили к пересмотру действующего законодательства о крестьянах. К числу давно и настоятельно требовавших своего разрешения принадлежали переселенческое дело и паспортное законодательство, ограничивавшие передвижение крестьян в пределах губерний и их отъезд в малозаселенные, окраинные районы России. Однако принятые правительственные меры – в 1895 г. введены новые паспортные правила, в 1896 г. крестьяне получают право посылать в Сибирь ходаков для осмотра земель, в 1898 г. устанавливается льготный переселенческий тариф – оказались малопродуктивны, поскольку находились в прямой зависимости от общекрестьянского законодательства, связанного с общинной системой землевладения и круговой порукой.

Споры и дискуссии в правящих кругах России по крестьянскому вопросу обострились с наступлением нового века. Либерально-консервативное крыло во главе с Витте предлагало уравнивать крестьян в правах с другими сословиями с тем, чтобы превратить их из «полуперсон» в «персон». Консервативное направление, сплотившееся вокруг министра внутренних дел В.К. Плеве, выступало за сохранение традиционности крестьянского уклада жизни как гаранта стабильности самодержавия. Малоземелье крестьян Центра России, падение платежеспособности крестьянских хозяйств, рост аграрных волнений только подогревали спорящие стороны. Разногласия оказались настолько существенными, что в 1902 г. было образовано два органа для решения данного вопроса – «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», возглавляемое Витте, и Редакционная комиссия по пересмотру законодательства о крестьянах МВД под председательством товарища (заместителя) министра А.С. Стишинского. С целью изучения итогов крестьянской реформы 1861 г. Особое совещание через свои местные органы (губернские и уездные комитеты) собрало и систематизировало огромный статистический материал о положении российской деревни за 40 лет. Глава совещания Витте настаивал на создании из крестьян «класса земельных собственников» как гарантии социальной стабильности. Он доказывал, что «прочно обеспеченный землей крестьянин есть наиболее консервативная сила, главная опора порядка». Поэтому необходимо расширить имущественные и гражданские права крестьян, а главное – содействовать переходу крестьян от общинного к «подворному и хуторскому владению» земель. Ни один из подготовленных вариантов реформы не был принят. В манифесте от 26 февраля 1903 г. Николай II подтвердил принцип крестьянской сословной обособленности, неприкосновенность общины и наделного землепользования.

Лекция 2

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ЭТНОСЫ,
СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

В конце XIX в. Российская империя достигла максимальных территориальных размеров за всю свою историю – почти 20 млн квадратных верст, уступая только английской метрополии с ее колониями. Численность населения уступала только Китаю и Великобритании с колониями. Всероссийская перепись 1897 г. зафиксировала 125,6 млн человек (без Финляндии). Основная масса населения – 82 % – обитала в 50 губерниях европейской равнины и 10 польских. В 11 кавказских, 9 среднеазиатских, 9 сибирских губерниях и областях проживало только 18 % подданных.

Тем не менее, плотность населения России была одной из самых низких в мире. Если во Франции на одной квадратной версте жило 83 человека, в Германии – 118, то в России этот показатель равнялся в 1910 г. 8,5 человека. Распределение населения по территории империи было крайне неравномерным. Наиболее густонаселенными оставались европейские губернии России.

Низкая плотность населения, обширные пространства служили постоянным стимулом для экстенсивного развития национального хозяйства и медленного роста городского населения. По переписи 1897 г. в городской местности проживало 16,8 млн человек или 13,4% всего населения.

В начале XX в. в Великобритании насчитывалось 77 % горожан, в Германии – 54 %, в США – 26 %.

Народы России говорили на 146 языках и наречиях. Самыми многочисленными из них были великороссы – 55,7 млн человек или 44,3 % населения; 22,4 млн малороссы – 17,8 %; 5,9 млн белорусы – 4,7 %; 7,9 млн поляков – 6,3 %; более 5 млн евреев – 4,2 %. Из других народностей, населявших империю, 13,6 млн или 10,8 % составляли представители тюркской группы языков: татары, башкиры, узбеки, киргизы, казахи и т.д. Народов, говоривших на языках финно-угорской группы (финны, карелы, эстонцы и другие) насчитывалось 3,5 млн человек или 2,8 %. Народы Кавказа составляли 2,4 млн че-

людей или 1,8 %. В Сибири обитали коренные народности и племена якутов, чукчей, коряков, бурят и т.д. Обращает на себя внимание, что русские составляли менее 50 % от общей численности населения. Таким образом, впервые было исчислено огромное количество этнических сообществ, по-разному и в различных исторических периоды инкорпорированных в общественно-политический, экономический, культурный властный имперский механизм. Перепись обнажила мозаичную картину уникального сверхсложного много-этнического социума, не имевшего аналогов в мировой практике. Потому-то и важны основные характеристики этого общественного организма и анализ соответствия его тем целям, которых стремилась власть достичь в ходе его модернизации.

Главенствующей религией в России являлось православие. Православную религию исповедовали 70 % подданных империи: русские, белорусы, украинцы, грузины. Благодаря полякам и литовцам была велика доля католиков – 9 %. Ислам исповедовали более 10 % населения. В прибалтийских губерниях проживали протестанты. В отдельных регионах страны имелись представители других религий и конфессий: иудеи, буддисты, баптисты и другие. Таким образом, в России проживали представители всех основных христианских деноминаций (православные, католики, протестанты, монофизиты, несториане и другие), мусульмане, сами весьма неоднородные (сунниты и шииты), буддисты и иудеи, то есть представители всех мировых религий. Многие народы Сибири и Дальнего Востока, приняв формально христианство в XIX – начале XX вв., фактически исповедовали анимистическо-шаманский религиозный комплекс. Переписью было учтено также около 2,2 млн старообрядцев и сектантов.

Православные христиане составляли абсолютное большинство населения, но крупные инарелигиозные и инославные общности проживали в целом компактно, часто находясь на территории своего исторического проживания в абсолютном большинстве.

Разнородность религиозной среды всегда была благодатной почвой для идеологизации и политизации этнического самосознания народов.

Немалые проблемы скрывались и в самосознании собственно русского этноса, его разнородности с религиозной точки зрения. Религиозная система официального православия веками программировала паству в большей степени к интравертности, отрицанию значимости материального успеха, что интуитивно уловили впоследствии большевики, которые сами были продуктом этой системы, не смотря на собственный атеизм. Рыночный способ обретения социальной значимости не мог быть массовым в православном сознании. Однако он оставался единственным способом стимуляции активности человека, развертывания потенциала его деятельности, введения в цивилизованные рамки конкуренции.

С этой точки зрения особое внимание следует обратить на явление расколичества в русском православии, на изменение им значения церкви в посредничестве между Богом и мирянином. Это неизбежно поднимало ответственность человека за его поведение, свою судьбу в мире, предрасполагало к инициативной и деятельной жизни. Центральнo-Промышленный район следует признать колыбелью расколичества, известного под названием старообрядчество. Здесь находилась арена деятельности первых его проповедников, здесь же – в брянских и нижегородских лесах – возникли первые расколичники-скиты из бежавших от

преследования правительства старообрядцев. Из этих скитов особую известность приобрели воспетые писателем П.И. Мельниковым-Печерским Керженские скиты в Семеновском уезде Нижегородской губернии.

Особое значение в раскольниковстве имела Москва, являвшаяся главным центром и силой всех старообрядческих общин, как поповщины, так и беспоповщины. Обе раскольниковские организации имели в числе своим последователей немало крупных купцов и фабрикантов, отличались богатством и пользовались огромным влиянием на весь раскольниковый мир.

Основными отличительными чертами раскольниковского населения являлись сильно развитый дух солидарности и взаимопомощи, любознательность и стремление к грамоте, строгость в жизни, воздержанность к вредным привычкам (алкоголь, табак) и любовь к порядку, а вследствие этого – большая зажиточность и материальный достаток. Другими словами, эта разносторонняя деятельность в русском варианте Реформации приобретала, в отличие от протестантизма, не индивидуалистический, а коллективистский характер. Попытки укрыться от злого мира в отдаленных местах, благо территориальный фактор тому способствовал, в развитии сектантства с его стремлением к прямому «Богообщению» (у хлыстов), в ереси и философско-теологической доктрине, «зараженные» гностицизмом («духоборы») с определенной социальной направленностью к мирской активности.

Важно, что таким образом закладывались основы и правила перехода судеб мира из рук трансцендентного Бога в руки «людей Божьих». Однако этот иррациональный импульс перехода в относительно эффективные, рационализированные формы активного преобразования мира в христианском общественном сознании строго преследовался.

И хотя только официальное православие пользовалось поддержкой государства, и ответственные государственные посты могли занимать лишь лица православного вероисповедания, господствующая в Российской империи церковь оказалась не способной формировать единообразное социальное поведение, а это мощная база, на которую должна опираться политика модернизации. Поясним, в чем здесь дело.

Многие регионы России представляли собой крупные историко-географические блоки, связанные этнокультурным и цивилизационным комплексом отношений не с великорусско-православным центром Российского государства, но с центрами, которые находились за пределами государственных границ империи. Для Средней Азии, Казахстана, исламских народов Поволжья – это Ближний Восток, исламское общество, Мекка. Для тюркских народов – это являлась Турция. К иранскому, а отчасти и к индийскому, культурному ареалу тяготели таджики. Для христианских народов Закавказья и Северного Кавказа была значима связь с Передневосточным христианским ареалом (Левантом). Литовцы, поляки, католики белорусы и украинцы тяготели к католическому (Римскому) комплексу. Ламаисты Южной Сибири и Забайкалья составляли часть центрально-азиатского мира тибетского буддизма. В религиозном отношении, таким образом, Россия унаследовала культурную «центробежность» народов, интегрированных империей, осуществлявшей экспансию в периферийных зонах нескольких мировых цивилизаций.

Модернизационная идеология и практика непосредственным образом влияли на социальное поведение и социальные контакты человека, превращая последние в гораздо более емкие и разнообразные, качественно иные. Поэтому модернизация совпадает с реформой в сфере права, когда должен быть создан гражданский кодекс поведения, который в любой стране обязан воспроизвести специфику структур и перечня запрещений «Писания», характерных для той или иной религиозной системы. В него же должна быть имплантирована специфика той или иной этноментальности (в традиционном обществе ее использует и регулирует обычай, обычное право). На этих основах регламентируется поведение человека в изменяющихся условиях и обстоятельствах жизни.

Успех правовой реформы, создание органичной нормативной базы во многом зависит от адекватности и гибкости церкви, осознании ею сути происходящих перемен и их перспектив, ибо моральный авторитет и влияние церкви в традиционном обществе огромны. Задача церкви – сохранить сложившуюся систему безопасности социальных контактов человека и его социального поведения и помочь юристам отлить в правовые формулы новое социальное поведение и контакты. При этом моральный авторитет (а в российском варианте и немалая власть), которыми обладала, в частности, православная церковь, должны быть нелицемерно разделены между церковью, обществом и законом. Этот процесс задевает устоявшиеся интересы и поэтому чрезвычайно болезнен.

Разнообразие культурно-религиозных сред затрудняло формирование однородной культурной среды населяющих государство народов. Каждая религия, как таковая, кроме системы жизненной безопасности, формирует систему представлений и навыков мышления, стиль жизни, культуру труда, этику производственных отношений. Специфика этих представлений, стилей и навыков обусловлена религиозной верой и выработана практикой религиозной жизни, а также психологическими стимулами, которые в немалой степени дают определенное направление всему жизненному строю и заставляют индивида строго придерживаться его. В этом смысле все мировые религии замкнуты в себе и не поддаются логической атаке извне. Точнее, они не приемлют аргументов из другого источника.

Стоит задуматься над вытекающими из этого постулата реальными последствиями того, что в России, по мнению многих обществоведов, колонизация народов и территорий носила более мягкий характер, чем у западноевропейских народов. На наш взгляд, эта оценка требует особой собственной интерпретации. Это правда, что в отечественной истории не известны примеры физического уничтожения аборигенных этносов (хотя и известны примеры ухода целых племен, например, на том же Северном Кавказе, за пределы России). Нельзя отрицать того, что на некоторых территориях сопротивление было достаточно сильным, преодоление его было соответствующим. И все же Г. Померанец прав, когда говорит о том, что, если Россия и была тюрьмой народов, но она не была их могилой. Нам важнее, что мягкость была прямым следствием психомотивационных установок православного сознания и его видения картины мира. Но такое сознание, будучи толерантно к иному этноментальному пространству, формировало и соответствующие «колонизационные» результаты. Их можно свести к тому, что колонизация во многих районах, особенно в условиях кризиса православия, то есть ослабления религиозной энергии населения, становилась тем родом деятельности, который сводится в большей степени к физическим усилиям.

На тех территориях, которые присоединялись к России в XVI–XVII вв., предпринимались активные попытки христианизации населения (татар-крышен было более 100 тыс., мордвы, чуваш, мари, коми, алтайских народов), в разной степени успешные, но свидетельствующие об интеллектуально-религиозной энергии. Что же касается тех территорий, которые присоединялись позже, то таковые попытки если и предпринимались, то носили индивидуальный характер. При разных попытках объяснить это стремлением к мирному уживанию разных религий, они все же больше свидетельствует об ослаблении религиозной энергии как у колонизирующей ту или иную территорию массы населения, так и у самих православных миссионеров. Таким образом, распространение среди народов России православия как составной части официальной идеологии путем миссионерского убеждения, административного принуждения, обещаний умножали слабость социальной функции православной церкви, отражались на результатах обращения в православие. Новообращенные язычники оказывались слабо подготовленными следовать правилами жизнеобеспечения в рамках православной доктрины. Таким образом, проблемы собственно русского этноса транслировались во многие нерусские среды.

Для успешной модернизации России важной предпосылкой успеха являлось не только развитость государства образующего этноса, но и энергичность его навыков к интеллектуально-духовным усилиям. При этом нужно иметь в виду, что культура не только является основным ресурсом общества, не менее важным, чем земля и капитал, но и ресурсом ограниченным. Слабые результаты христианизации колонизируемых территорий замечались многими исследователями, тем же П.Н. Милюковым, и это вполне объяснимо. Всегда платой за успешную колонизацию становится проникновение в культуру победителей экзотической культуры ее жертв. Это отметил А. Тойнби. Проникновение это усиливается, если победитель хотя и силен, но не так энергичен, и зависит от количества колонизируемых народов, за каждым из которых стоит своя уникальная и самобытная культура. В нашем случае играли важную роль оба указанных обстоятельства.

Вот данные за последние перед Октябрьской революцией 50 лет, характеризующие ассимиляционную силу официальной православной церкви. Из 1 172 тыс. присоединившихся к ней половину этой цифры составляют католики, протестанты и греко-унии (580 тыс.). Но только 110 тыс. из них специалисты решались считать «видимым плодом миссионерской проповеди, плодами трудов и усилий пастырей церкви и вообще всех ревнителей православия». Присоединение остальных (470 тыс.) объяснялось не религиозными, а национально-политическими причинами. Вторая половина присоединившихся считалась возвратившимися из раскола, но не приводятся данные о параллельном уходе в раскол. Об ослаблении энергии внутренней духовной жизни свидетельствовало и то, что, по данным духовного ведомства (1859 г.), из 54,4 млн православных причащались и исповедовались лишь 35 млн. По «небрежности» не исповедовались и не причащались 3,4 млн. Более 9,2 млн детей и по «удовлетворительным» причинам 0,8 млн, 0,7 млн – «по склонности к расколу». И к ним, вероятно, следует отнести 2,1 млн исповедовавшихся, но от причастия отказавшихся, то есть около 3 млн скрытых раскольников. Что же касается обращения из нехристианских вероисповеданий, то здесь успехи более чем скромны: ежегодно иудеи

присоединялись в среднем по 936 чел. в год, мусульмане по 1 315 чел., язычники по 3 104 чел. Очевидно, отмечает Милоков, до какой степени «цивилизаторская задача русского миссионерства... отходила на второй план перед его церковно-государственными или, говоря проще, полицейскими задачами». К рубежу веков эти тенденции лишь усилились.

Социальная структура (лат. общественное строение) – совокупность классов и социальных групп (слоев) общества.

В России сохранялось деление населения на *сословия*, которыми определялся статус человека. Понятие статуса является базовым в социологии, ибо определяет отношения равенства и неравенства людей или групп в обществе. Для модернизационной идеологии и практики статус играет важную роль: он существенным образом влияет на механизм формирования интереса. К привилегированным сословиям принадлежали – дворянство и духовенство. Потомственное дворянство распределялось по шести разрядам, определенным еще в XVIII в.: «1. дворянство жалованное, или действительное; 2. дворянство военное; 3. дворянство по чинам, полученным в службе гражданской; 4. иностранные роды; 5. титулами отличные роды; 6. древние благородные дворянские роды». Разделение дворянства на разряды на рубеже веков стало анахронизмом, но заслуживающим внимания, так как давало представление о происхождении высшего сословия, путях его пополнения, правительственной политике регулирования его численности и состава.

Престиж личного дворянства был минимален (его даже не считали настоящим дворянством). Помимо обычной выслуги потомственного дворянства, личные дворяне могли до 1900 г. ходатайствовать о его получении в случае, если их отцы и деды прослужили по 20 лет в обер-офицерских чинах. Личное дворянство распространялось только на жену. Дети же пользовались статусом потомственных почетных граждан.

Личное дворянство приобреталось лицами недворянского происхождения пожалованием, что было крайне редко, достижением чина по службе, либо в случае награждения орденом. По чинам личное дворянство получали: «1. Лица, производимые на действительной службе в чин обер-офицерский, а в гражданской – в чин девятого класса; ... 3. Лица купеческого сословия, жалуемые чином девятого класса не по порядку службы, если при том не дано им будет особых грамот на дворянство потомственное» (Свод законов Российской империи. Т. IX. Ст. 968).

Определить численность личных дворян практически невозможно, поскольку официальная статистика приводит общие данные о личных дворянах и чиновниках. К началу нового века в целом по России они составили 631,2 тыс. человек, включая 304,4 тыс. мужчин и 326,9 тыс. женщин.

На рубеже веков чиновник, если он не родился потомственным дворянином, произведенный в первый чин XIV класса (коллежский регистратор) «Табеля о рангах» получал личное почетное гражданство, распространявшееся на жену. Дослужившись до чина IX класса (титулярный советник), он приобретал личное дворянство. Достигнув чина IV класса (действительный статский советник), государственный служащий становился потомственным дворянином.

Российская бюрократия, как в центре, так и на местах, имела двойственный социальный облик. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюро-

кратия по источнику своего происхождения, по назначению и характеру деятельности тяготела к предпринимательству. Вместе с тем она имела симпатии и связи с дворянами-помещиками. Однако пополнение из разночинцев касалось, в основном, низших слоев чиновничества, высшая бюрократия в массе своей рекрутировалась из старого поместного дворянства.

Дворяне традиционно занимали большинство должностей в государственном аппарате, армии, на дипломатической службе.

Достаточно замкнутым, наследственным сословием являлось духовенство.

Купцы имели исключительные права на торговлю и промышленность. В разряд почетных граждан попадали дети богатых купцов, личных дворян, духовенства, лица с высшим образованием, художники, артисты и т.д. Мещанство в городском разделении труда занимало место мелких торговцев, кустарей, промысловиков.

В свою очередь каждое сословие имело свое внутреннее деление. Дворяне и почетные граждане подразделялись на потомственных и личных. Духовенство – на белое и черное (монашество); купцы на три гильдии. По переписи 1897 г. 77 % жителей страны составляли крестьянское сословие, 2,3 % – казаки; 6,6 % – инородцы. Удельный вес мещан с ремесленниками равнялся 10,7 %, купцов – 0,2 %, почетных граждан – 0,3 %. Потомственных дворян с семьями насчитывалось около 1,2 млн человек или 0,97 %, дворян личных и членов их семей – 0,5 %. На православное духовенство с семьями приходилось всего 0,5 %.

Следует отметить и значение этнического статуса, который играл серьезную роль в политической практике Российской империи, и являлся важным элементом социального статуса. Задержимся на объяснении существовавшего официально понятия «инородцы». В противовес ленинскому определению Российской империи как «тюрьмы народов» сейчас распространяется представление о ней как о национально-индифферентной стране, где все народы (за одним прискорбным, по словам А.И. Солженицына, имеющего ввиду евреев, исключением), пребывали в состоянии добродушного неразличия.

В обиходном смысле инородцами считались все русские (именно русские, а не российские) подданные неславянского происхождения. В более строгом юридическом смысле власть относилась к инородцам 13 категорий населения. Но татары и мордва, равно как латыши, литовцы и эстонцы, к инородцам не относились. Очевидно, чтобы этнос не попадал в категорию инородцев, для власти важен был один из критериев: цивилизационной близости (как с жителями западных окраин), или исторической давности вхождения или присоединения к России (как с татарами и с мордвой).

По переписи 1897 г. этнических инородцев насчитывалось 13,2 млн человек, из которых: 6 млн – народы Средней Азии и Казахстана, 5 млн – евреи, 1 млн – горцы Северного Кавказа, а также коренные жители Прикаспия, Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Однако инородство выделялось законодательством и как сословие и занимало девятый ранг после потомственных граждан, чиновников, лиц духовного звания, почетных граждан, купцов, мещан, крестьян и войсковых казаков. Ниже были только «финляндские уроженцы» и «иностранцы». Это сословие составляло 8,3 млн человек. Остальным «этническим инородцам» удавалось, правда,

быть зачисленными в более высокие сословия. Такая политика имела весьма любопытные последствия.

При властном подходе к «инородству», в реальной жизни формируются престижные места и перспективные профессии, доступ к которым, так или иначе, ограничивается. Как правило, это идеология, сфера управления, землевладение, военное дело. В результате такого положения сфера деятельности ущемленных таким образом народов зачастую ограничена торговлей и ремеслами. А в силу того, что это поле приложения сил не столь обширно, ущемленные народы стремятся полностью его захватить и выжать из него максимум возможного. Этим они нередко приводят господствующий народ в удивление и негодование, потому что богатство и власть, добытые таким путем, оказываются, превосходят то, что можно получить в результате ограничиваемой по мотивам престижа деятельности.

Подтверждение этому находим в данных Всероссийской переписи об этнической дифференциации смертности и продолжительности жизни в империи. В 1916 г. вышла работа С.А. Новосельского «Смертность и продолжительность жизни в России». Автор взял для анализа соответствующие данные об 11 крупных народах, принадлежащих к наиболее распространенным мировым религиям: русских, малороссов (украинцев), белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, молдаван, евреев, татар, башкир, чувашей. Представлены, как видим, православные, лютеране, католики, мусульмане, иудеи.

По расчетам Новосельского, максимальную продолжительность жизни имели латыши. Русские жили в среднем на 16–17 лет меньше, то есть находились внизу избранного перечня народов. Уступали русские в продолжительности жизни и таким близким по истории и культуре, территории и вероисповеданию народам как малороссы (украинцы) и белорусы – более 7 лет. Еще больше должны были насторожить тех, кто принимал политические решения, данные о продолжительности жизни, разнесенные по конфессиям. Разница между продолжительностью жизни у православных и иудеев составляла 15 лет у мужчин и 19 лет у женщин. С католиками и лютеранами эта разница составляла соответственно 10 и 11 лет и даже с мусульманами соответственно 5 и 6 лет. Возникает вопрос, что же это за религиозные особенности, которые при покровительственном отношении к православию, столь существенно отражаются на продолжительности жизни? Понятно, что русским приходилось нести на себе все бремя имперской нагрузки: участвовать в войнах, охранять завоеванные территории, исполнять полицейские функции, то есть заполнять профессиональные ниши, связанные с немалым риском для жизни. Русским приходилось активнее вовлекаться в промышленное производство, его отрасли, связанные с тяжелыми и вредными условиями труда. Это вело к возрастанию смертности в городах, особенно крупных. Социально-гигиенические новшества, естественно, первыми осваивал город. Однако, то, что они медленнее доходили до российской глубинки, перекрывалось спецификой развития промышленности, вредных производств, никак не регламентированных еще ни техникой безопасности, ни социальными гарантиями трудящихся на них.

Важными являются эти данные и с той точки зрения, что показывают гармоничность взаимоотношений между мужчинами и женщинами (семья). Не здесь ли коренятся ответы на вопросы о том, почему русские и евреи оказались наиболее активно революционируемой, маргинализируемой массой?

Социальные изменения сопровождались ростом маргиналов, когда люди по тем или иным причинам теряли свой социальный и профессиональный статус и оказывались на обочине жизни.

Дворянское сословие продолжало оставаться крупнейшим землевладельцем, хотя его земельный фонд и шел на убыль. По способам ведения хозяйства выделялись три типа помещиков. Наиболее предприимчивые вели свое хозяйство при помощи современных сельскохозяйственных машин, грамотных приемов агротехники, с использованием наемной рабочей силы. В европейской России на начало нового века насчитывалось 570 капитализированных поместий, которым принадлежало 6 млн десятин земли. Другие предпочитали просто сдавать землю в аренду. Третьи продолжали сохранять традиционные приемы обработки земли с отработками крестьян, привлекая их рабочий скот и инвентарь.

Крестьянство, как самый многочисленный социальный слой (96,9 млн человек) с наиболее традиционной психологией, тем не менее, то же менялось под воздействием масштабных общественных сдвигов наступившего века.

Влияние общинной организации русской деревни на демографическое развитие страны было достаточно велико.

Кодификация такого опыта в общественном сознании подавляющего большинства населения, охраняемого самодержавием в форме общины, создавала объективные рамки и базу модернизационных мероприятий, предопределяла их идеологию и стиль реализации. Они-то и являлись гарантией сохранения, а при необходимости, и усиления роли властных рычагов, регулирующих механизма социального признания социального поведения. Рычаги эти, конечно, способны на тот или иной промежуток времени обеспечить мир среди общества, но неизбежным следствием его становились консервация и даже регресс объективно необходимой деятельности.

Аграрник П.П. Маслов считал, что общинный строй при чисто сельскохозяйственном хозяйстве побуждал к ранним бракам; общинники даже в условиях земельной тесноты аккуратно исполняли заповедь «плодитесь и размножайтесь»; «премия за рождаемость» уплачивалась из общего земельного фонда общинников, при этом многосемейные поднимались экономически, сокращая земельный фонд малосемейных.

Часть крестьянства порывала со своей средой и уходила в город. Среди оставшихся усиливалось расслоение по материальному и социальному положению. Бедная часть деревни пролетаризировалась, все более интенсивно продавая свою рабочую силу, богатая – капитализировалась, энергично используя этот труд. Среди зажиточных крестьян имелся и слой мироедов, живших на доходы от ростовщичества. Неприязнь к «паразитам» усиливала социальную напряженность в российской деревне.

Мерилом благополучия на селе оставалась земля. Размер надела служил барометром зажиточности. Бедные слои, которые не могли прокормиться малым наделом (менее 15 десятин), к тому же без тягловой силы, занимались отходническими промыслами и работой по найму. В этих семьях роль денег и товаров, которые можно было на них купить, все более возрастала. Питание этой группы, как и крестьян-середняков (надел от 15 до 30 десятин) было достаточно скромным.

«Потребление в русском крестьянском хозяйстве поражает своими незначительными размерами. Статистическое исследование в Воронежской губер-

нии 67 хозяйств среднего достатка дало вывод, что при семье из 8 душ, в числе которых находятся два полных работника, расход на каждую ...душу достигает 53 рублей 5 копеек в год. Из этой суммы 26 рублей 78 копеек представляют стоимость предметов, производимых самим крестьянским хозяйством, а 26 рублей 27 копеек являются денежным расходом. В последнем больше 14 рублей идут на потребности хозяйства (арендная плата за землю, покупной корм для скота) и только 12 рублей затрачиваются на личное потребление. Из этих 12 рублей 2 рубля 21 копейка употребляются на одежду, 1 рубль 65 копеек – на водку, 49 копеек – на чай и сахар, 45 копеек – на рыбу, 40 копеек – на продукты скотоводства, 9 копеек – на мыло...».

(Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу. СПб., 1912).

В зажиточной части деревни оно улучшалось за счет большего потребления мяса, овощей, белого хлеба. Менялся деревенский мир, хотя многие патриархальные устои отечественной деревни сохранялись. В село постепенно входила городская мода. По праздникам вместо традиционной крестьянской одежды мужчины красовались в пиджаках и галошах, женщины – в шерстяных и шелковых платьях.

Средняя продолжительность жизни составляла: в губерниях Центральной России для мужчин – 31 год, для женщин – 33 года; в украинских губерниях – соответственно 35 и 36; в белорусских – 37 и 38; в среднем по стране – 35 и 36 лет. Основной особенностью смертности на рубеже столетий была высокая смертность детей в возрасте до 10 лет.

Известный этнолог Д.К. Зеленин отмечал, что у русского православного этноса кормление ребенка грудью продолжалось больше года, а в большинстве случаев – до следующей беременности. Зачастую это продолжалось и дольше, поскольку бытовало твердое убеждение, что в период кормления не может наступить новая беременность. У мусульман лактационный период четко регламентировался Кораном: женщины кормили своих детей два полных года. Эти различия являлись главной причиной более низкой рождаемости у мусульманских народов.

С учетом приведенных сроков можно определить, что при относительно благоприятных условиях замужняя крестьянка могла родить за свою жизнь примерно 8–10 детей.

Если крестьянская девушка до 25 лет не выходила замуж, то она получала презрительное прозвище «вековуха» и оказывалась вне нормального течения крестьянской жизни. Большинство «вековух» пополняли ряды монастырских послушниц (лица, готовящиеся к вступлению в монашество). Сюда же нужно причислить немалое число бесприданниц, которые не хотели идти замуж в чужие бедные семьи и предпочитали монашеское бытие.

В новом веке уже прослеживается тенденция к сокращению лактационного периода у православных. Причина заключалась в растущей занятости женщин в общественном производстве в городах и в домашнем хозяйстве в деревнях, где был развит отход мужчин на заработки. Согласно существовавшему рабочему законодательству женщине на производстве был положен только четырехне-

дельный послеродовой отпуск. Женщин из высших слоев общества ограничивать период кормления побуждали причины косметического характера.

Несмотря на строгие положения российского законодательства, религиозные запреты, аборт и контрацепция постепенно получали распространение в России, главным образом, в городах.

Модернизационные процессы нового века влияли, прежде всего, на городские слои. Расширялась востребованность людей образованных, профессионально занятых интеллектуальной деятельностью. Внутри интеллигенции существовали свои группы. Те, кто занимал высокие чиновничьи должности («цензовая» интеллигенция) и работал в сфере частного предпринимательства чувствовали себя наиболее уверенно. Традиционными областями приложения знаний и деловых качеств интеллигенции оставались образование, здравоохранение, наука. Ученые, преподаватели, юристы, как правило, выступали наиболее активными пропагандистами либерально-демократических и социалистических идей и ценностей.

В сельской местности огромную работу по изменению облика деревни вели специалисты земств, т.н. «среднепоместный служилый элемент». Усилиями 150 тыс. специалистов к 1912 г. на селе было открыто 40 тысяч начальных школ, около 2 тыс. больниц, фельдшерских пунктов, аптек и т.д. Много внимания уделялось профессиональному образованию, включающему – фельдшерские школы, ремесленные учебные заведения, сельскохозяйственные школы и другие. Создание и содержание этих учебных заведений обходилось органам местного самоуправления в немалые суммы. В компетенцию земств входили мероприятия по улучшению культуры возделывания земли, проведению ирригационных работ и осушению болот, методы борьбы с сельскохозяйственными вредителями и т.д. Весомую роль органы самоуправления играли в деле налаживания общественных работ для крестьянского населения, пострадавшего от неурожая. Государственная казна ассигновала на эти цели денежные средства. В числе приоритетных направлений земской деятельности являлось организация страхования от огня, поскольку пожары были настоящим бедствием деревянной российской деревни. Достаточно много внимания земские учреждения уделяли еще одному бичу русской глубинки – дорожному строительству.

Медицинская сфера деятельности поглощала 25 % земского бюджета в 1913 г. и включала в себя развитие стационарных центров медицинской помощи, возглавляемых земскими участковыми врачами от 3 до 20 на уезд. Земские медики впервые в России начали проводить профилактическую работу: массовые вакцинации, санитарный надзор, борьбу с распространением заразных болезней. За счет этой деятельности заметно снизилась смертность населения: в 1867 г. умирало 37 человек из каждой тысячи, в 1887 г. – 34, в 1907 г. – 28. Несмотря на определенные достижения, медицинскую помощь могли получать только больные с острыми или инфекционными заболеваниями. Хронических больных было в десятки раз больше, чем могли вместить койки в земской больнице.

Появились ростки гражданского общества, что выражалось в возникновении различных форм самоорганизации людей. Так, на рубеже веков зародились в промышленности общества взаимопомощи, где рабочие и служащие на собранные членские взносы демонстрировали примеры социальной самостоятельности. Среди предпринимателей находились такие, кто проявлял неподдельную заботу о рабочих. В качестве примера можно привести деятельность фабриканта И.А. Коновалова:

«Рабочие из ближайших деревень возвращаются домой после каждой смены, но значительное большинство живет при самой фабрике. Близ главного корпуса устроена каменная трехэтажная казарма на 600 сменных рабочих (или всего на 1200 человек). В нижнем этаже казармы помещаются столовая и чайная: во втором и третьем этажах – спальни, отдельные для холостых, девиц и семейных. В спальнях устроены широкие деревянные диваны... Здесь же имеются жестяные рукомойники с проведенною в них водою. На диванах – соломенные тюфяки и подушки, одеяла рабочие имеют свои. Для проветривания служат круглые вентиляторы в окнах и, частью, вытяжные душники. Содержатся спальни весьма чисто. Кроме казармы, существуют еще деревянные здания для 100 сменных (всего для 200) и для 150 денных рабочих. Судя по этому, только 650 человек, или менее 1/3 рабочих не имеют при фабрике г. Коновалова готового помещения и уходят на дома или квартиры.

Каменная баня (с водопроводом) устроена на 40 рабочих – в два отделения, мужское и женское. Здание удобное, просторное и светлое; топится 2 раза в неделю. Больница на 22 кровати (1 кровать на 100 рабочих) помещается в прекрасно отделанном, сухом и светлом здании, отличающемся такими внешними приспособлениями и удобствами, какие не всегда встречаются и в городских больницах».

Годовой расход на содержание больницы стоил фабриканту до 75 тыс. руб. Если в 1899 г. в поселке Бонячки Костромской губернии на деньги Коновалова функционировали две церковно-приходские школы и ремесленное училище, то к 1906 г. количество школ в окрестностях достигло 5. В 1903 г. в г. Кинешме было выстроено реальное училище, затраты на строительство и оборудование которого составили 200 тыс. руб. В 1912 г. был учрежден фонд «Стипендиальный капитал», проценты с которого ежегодно выплачивались служащим как пособие на обучение детей. Товарищество мануфактур «Иван Коновалов с сыном» установило 17 стипендий в различных высших и средних учебных заведениях России.

Список предпринимателей, стремящихся к превращению пролетариев в «разумный двигатель цивилизации», к ослаблению отчуждения рабочих от результатов своего труда, можно дополнить фамилиями В.С. Бахрушина, П.П. Рябушинского, И.А. Морозова, С.И. Четверикова и других. Взгляд на предпринимательство как на общественно-полезную деятельность подпитывался религиозно-нравственными устоями православия, в особенности его старообрядческого течения, к которому принадлежали многие известные семьи российской буржуазии. Бизнес свой они рассматривали как миссию, возложенную на них Богом и судьбой, как промысел Божий, способствующий умножению благосостояния Отечества.

Вряд ли кто будет отрицать, что психоментальный облик народа определяется его историей, традициями и образом жизни. Элементы безалаберности, ухарских разгулов, непредсказуемых переходов от пассивной покорности к разгульному бунту характерны для российской ментальности, причем независимо от социального статуса его носителей. В повести И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» говорится о крайнем дворянском оскудении, «которое опять-таки никогда не понять европейскому человеку, чуждому русской страсти ко всяческому самоистреблению. Эта страсть была присуща не одним дворянам. Почему, в самом деле, влачил нищее существование русский мужик, все-таки владевший на великих просторах своих богатством, которое и не снилось европейскому мужику, а

свое безделье, дрему, мечтательность и всякую неустроенность оправдывавший только тем, что не хотели отнять для него лишнюю пядь земли от соседа помещика, и без того с каждым годом все скудевшего? Почему алчное купеческое стяжание то и дело прерывалось дикими размахами мотовства и проклятиями этому стяжанию, с горькими пьяными слезами о своем окаянстве и горячечными мечтами по своей собственной воле стать Иовом, бродягой, босяком, юродом?».

Часто, рассматривая проблемы ментальности, проводят границу между российскими и западноевропейскими типами людей. Носители протестантской этики, предполагающей рачительность, накопительство, самообладание, корпоративную честность и солидарность противопоставляются носителям этики православной, якобы являющейся антиподом первой. Это и так, и не совсем так. В русском менталитете не было явно отрицательного отношения к собственности, как и не было особенного пиетета к ее обладателям. Уважением в обществе пользовались не самые богатые, а достойные, чье состояние имело «прозрачное» и честное происхождение. Внезапно или неизвестно как разбогатевших людей сторонились. Почитали тех, кто занимался производством, а не ростовщицеством и, главное, сочетал предпринимательскую деятельность с милосердием, благотворительностью, активной общественной деятельностью. Однако это была меньшая часть среди подавляющего большинства фабрикантов и заводчиков, которые заботились в первую очередь о собственной прибыли. Усилия предпринимателей – первопроходцев к формированию в России взвешенной социальной политики, к сожалению, не привлекали внимания широкой общественности, которая не усматривала в этой обозначившейся перспективе альтернативы революционному насилию.

Ведущее место в российском предпринимательстве традиционно занимало купечество. Известный отечественный политик А.И. Гучков, противопоставляя родовой знатности предприимчивость и настойчивость, говорил: «Я не только сын купца, но и внук крестьянина, который из крепостных людей выбился в люди своим трудолюбием и упорством». Эти качества у торгово-промышленной группы сочетались с честолюбием, – добившиеся успеха становились потомственными почетными гражданами, попадая в высший слой городского сословия. Наиболее удачливые даже получали дворянские звания. В свою очередь и дворянство принимало участие в предпринимательской деятельности. Среди владельцев фабрично-заводских заведений Европейской России по промышленной переписи 1900 г. 26,9 % составляли выходцы из купечества; 19,4 % – дворяне; 12,6 % – мещане; 9 % – крестьяне; 4,5 % – почетные граждане; 3,3 % – иностранные подданные; 1,9 % – лица свободных профессий; 1,1 % – чиновники; 21,2 % – прочие. Как видим, в наступившем веке барьеры между дворянской элитой и состоятельными буржуазными элементами перестают быть непреодолимыми. Складывается новый слой «деловых людей» – финансовых и промышленных воротил.

Лекция 3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И БЮРОКРАТИЯ

Российский император в начале XX в. оставался абсолютным монархом: ему принадлежала высшая законодательная и судебная власть, он был главой исполнительной власти, распоряжался государственной казной, являлся верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами.

«1. Император Всероссийский есть Монарх самодержавной и неограниченный. Повиноваться Верховной Его Власти не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает...»

47. Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от Самодержавной власти исходящих...

50. Все предначертания законов рассматриваются в Государственном Совете, потом восходят на Высочайшее усмотрение и не иначе поступают к предначинному совершению, как действием Самодержавной власти...

80. Власть управления во всем ее пространстве принадлежит Государю. В управлении верховном власть Его действует непосредственно, в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от Него местам и лицам, действующим Его именем и по Его повелению».

(Свод законов Российской империи. Т. I. СПб., 1892.)

20 октября 1894 г. телеграф разнес весть о том, что в Крыму, в Ливадийском дворце, умер от острого воспаления почек (нефрита) Александр III. Этот огромный неуклюжий мужчина, Топтыгин Третий, как называл его писатель М.Е. Салтыков-Щедрин, правивший Россией тринадцать с половиной лет, обладал богатырской силой, и для многих, даже близких лиц, его смерть оказалась неожиданной. На престол взошел Николай II в возрасте 26 лет.

Николай II (1868–1918) – последний российский император. Несет в своем облике черты заката империи. Всесторонне образованный, воспитанный, внимательный семьянин, оказался, в общем-то, не готовым исполнять возложенную на него миссию. В ноябре 1894 г. женился на дочери немецкого герцога Алисе Гессенской. В замужестве она приняла православие и стала именоваться Александрой Федоровной. Первая встреча представителей дворянства, земств и городов с новым императором состоялась 17 января 1895 г. В торжественной тишине ярко освещенного зала перед застывшими депутатами Николай II

произнес свою первую публичную речь: «Верю искренности верноподданнейших чувств, искони присущих каждому русскому, но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия, так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». Не обладая сильным характером, государственной волей и интуицией, император окружал себя консервативными и недалекими людьми. К государственным деятелям, реформаторам типа С.Ю. Витте, П.А. Столыпина относился с недоверием. На преобразования шел, как правило, вынуждено. Несет значительную долю ответственности за развал страны, вызванный потерей управления, в конечном счете, обернувшейся революцией 1917 г. Интересы семьи ставил выше государственных. На его поведение наложила отпечаток тяжелая болезнь (гемофилия) наследника престола Алексея. Находился под влиянием супруги. Отрекшись от самодержавной власти 2 марта 1917 г., Николай II совершил этот акт и за сына Алексея, что не имел права делать. Будучи уже гражданином Романовым, вместе с семьей и несколькими приближенными был расстрелян 17 июля 1918 г. большевиками в Екатеринбурге. Останки последнего императора и членов его семьи, которых удалось идентифицировать, в июле 1998 г. были захоронены в Санкт-Петербурге. В 2000 г. канонизирован как принявший мученическую смерть Русской Православной церковью.

До полумиллиона чиновников всех рангов держали в повиновении огромную страну, именуемую Российской империей. Между народом и императором стояло множество учреждений и должностных лиц. Располагая строгой иерархично, они отделяли конкретного россиянина от императора всероссийского. Это крестьянские сословные органы – сельский сход, сельский староста, волостной сход, волостное правление, местный помещик, назначенный Министерством внутренних дел на должность участкового земского начальника. В уезде – это съезд земских начальников, полицейские чины – становой пристав, урядник, исправник; в губернии – губернское присутствие из чиновников под председательством губернатора. Это разные структурные подразделения аппарата столичных министерств. В России действовали порядки управления, именуемые бюрократическими. Слово бюрократия составное: французское «бюро», - контора, канцелярия и греческое «кратос» – власть. Бюрократия означает всесильную власть канцелярий, учреждений и служащих в них чиновников. С развитием чиновничества появилась и бюрократическая иерархия. Окончательно лестница чинов была закреплена при Петре I 24 января 1722 г. знаменитой «Табелью о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных...», которая установила новый порядок взаимоотношений чинов не по степени знатности, а с учетом, прежде всего, служебных заслуг, опыта и способностей.

Служба чиновников оплачивалась весьма щедро. Это были различные виды жалования: по официальной ведомости чиновник ежемесячно (20-го числа) получал обыкновенное жалование. Кроме того, ему полагались квартирные деньги (на наем квартиры), столовые (для питания), разъездные, прогонные, фуражные. Чиновники, служившие на окраинах, получали дополнительные прибавки, пособия на «подъем и обзаведение»; отдельные ведомства выплачивали специальные

ведомственные суммы. В случае выполнения чиновником ответственного поручения он получал усиленное жалование. В целом жалование любого, даже мелкого, чиновника значительно превышало заработок рабочего и доход крестьянина. По официальному обследованию 1910 г. рабочий в среднем получал в год 246 руб. Доходы крестьян – бедняков и середняков были еще ниже.

К группе с низким жалованьем – в среднем 30–40 руб. в месяц – относились народные учителя начальных школ, низшие служащие почты и телеграфа, железной дороги, обслуживающий медперсонал и пр.

К категории среднеобеспеченных относились лица с жалованьем в 50–150 руб. в месяц. Это были учителя казенных гимназий, чиновники средних разрядов, младшие офицеры и другие.

К лицам с высокими доходами – 160–180 руб. в месяц (более 2 тыс. руб. в год) – принадлежали профессора, большинство инженеров, высших чиновников и офицеров, преуспевающие адвокаты, журналисты, писатели.

Правительство рьяно ограждало бюрократический аппарат, изгоняя политически неблагонадежных чиновников. Еще 7 ноября 1850 г. был издан закон, пункт третий которого давал право увольнять чиновников не только неспособных и скомпрометировавших себя, но и политически неблагонадежных. «Чиновник, – поясняла газета «Россия» 26 сентября 1906 г. – печатный орган министерства внутренних дел, – агент той власти, которая его на должность назначила. Кто не отвечает задачам, на него этой властью возложенным, должен иметь мужество уйти».

Все чиновники объединялись для выполнения отдельных задач в *государственные учреждения*. Каждое учреждение имело свои задачи (функции), штат, бюджет и вело делопроизводство. Все учреждения подразделялись на три неравные группы. Наименьшую, но самую важную составляли высшие государственные органы, подчиненные императору: Государственный совет, Комитет министров, Правительствующий сенат, Святейший синод и личная канцелярия царя. Вторую группу составляли центральные учреждения: министерства и главные управления на правах министерств, эти учреждения подчинялись царю и высшим органам государства. В начале нового века в России действовали одиннадцать министерств: внутренних дел, юстиции, финансов, государственного контроля, земледелия и государственных имуществ, путей сообщения, императорского двора, народного просвещения, морское, военное, иностранных дел. Каждое министерство имело обширный местный аппарат.

Важнейшим было Министерство внутренних дел: в его ведении находилась вся местная администрация (генерал-губернаторы, губернаторы, градоначальники), полиция, политический сыск, цензура, почта, телеграф. Министерство вело надзор за органами земского (с 1864 г.) и городского (с 1870 г.) самоуправления, а также выборными крестьянскими сословными органами.

Другим важным органом было Министерство юстиции, которое управляло всеми судами и прокуратурой; с 1895 г. в его ведение отошли и тюрьмы. Главному тюремному управлению министерства подчинялись 895 тюрем различного назначения: для особо важных государственных преступников (Петропавловская и Шлиссельбургская крепости), централы, этапные, пересыльные, каторжные, губернские «замки» и остроги, тюрьмы при полицейских участках и т.п. В 1900 г. в российских тюрьмах пребывало почти 700 тыс. человек.

«Кандалной называется на Сахалине тюрьма для наиболее тяжких преступников, – официально «тюрьма разряда испытуемых», «тогда как тюрьма разряда исправляющихся», – для менее тяжких или окончивших срок «испытваемости», – называется вольной тюрьмой, потому что ее обитатели ходят на работу без конвоя, под присмотром одного надзирателя... Сыро и душно; запах ели, развешенной по стенам, немножко освежает этот спертый воздух. Вентиляции никакой. Пахнет пустотой, бездомовьем. Люди на все махнули рукой, – и на себя. Никаких признаков хоть малейшей, хоть арестантской домовитости. Никакого стремления устроить свое существование поноснее. Даже обычные арестантские сундуки – редко-редко у кого. Голые нары, свернутые комком соломенные грязные матрацы в головах... Тачка, – весом пуда в два, – прикована длинной цепью к ножным кандалам... Куда бы ни шел арестант, он всюду ведет за собой тачку. С ней и спит, на особой койке, в уголке, ставя ее под кровать».

(Дорошевич В.А. Избранные рассказы и очерки. М., 1962, С. 380–381.)

Вся территория России подразделялась на 20 судебных округов. В каждом из них действовала судебная палата – окончательная инстанция для дел, рассматриваемых в окружных судах (окружной суд действовал в 2 - 3 уездах); уголовные дела, разбираемые в окружных судах с присяжными заседателями, решались окончательно. Мелкие уголовные и гражданские дела рассматривались выборными мировыми судьями. Эта система судов была создана судебной реформой 1864 г. Эта же реформа ввела и новые принципы судопроизводства: независимость суда от администрации, несменяемость судей, гласность и публичность заседаний, состязательный процесс и другие. Высшей судебной инстанцией для рассмотрения жалоб и протестов на приговоры местных судов в случае нарушения форм судопроизводства служили кассационные департаменты Сената.

Армия всегда играла в самодержавной России колоссальную роль. Даже в мирные годы она достигала 1 млн человек. На ее содержание власть затрачивала внушительные суммы: в 1903 г. эти расходы составили почти 21 % российского бюджета и достигли более 466 млн руб.

Сложным хозяйством императорской фамилии управляло специальное министерство императорского двора, в котором служило более тысячи чиновников. К началу нового века царская фамилия сильно разрослась и насчитывала до 60 членов. На содержание этого ведомства из государственного бюджета выделялось от 12 до 17 млн руб. в год. Министерство занимало особое положение в государственном аппарате: министр двора был членом Госсовета, Комитета министров и отчитывался только перед императором. По совместительству он являлся и канцлером всех российских орденов, заведовал высшим органом по их выдаче – «Капитулом орденов». Одна из структурных частей министерства, именуемая Кабинетом, ведала личным имуществом императора – кабинетскими землями, лесами, заводами. Николаю II лично принадлежали 713,5 тыс. кв. км земельных и лесных территорий, а также горные предприятия на Алтае, в Забайкалье, фарфоровые и стеклянные заводы в окрестностях Петербурга, гранильная фабрика в Екатеринбурге и другие.

Лекция 4 ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

80–90-е гг. XIX в. были временем повального увлечения *марксизмом* в России. Марксистами были не только революционеры, но и лица, не разделяющие политические учения К. Маркса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Это были так называемые легальные марксисты, к которым принадлежали видные философы С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, впоследствии отошедшие от марксизма, экономисты Н.Ф. Даниельсон, М.Н. Туган-Барановский. Они подчеркивали прогрессивность капитализма и необходимость постепенного эволюционного развития России по пути ее демократизации.

Поскольку марксизм проникал в Россию с запада, то первые социал-демократические партии возникли на национальных окраинах российской империи – в Финляндии, Польше, Литве: Польская социалистическая партия (1892 г.), Литовская социал-демократическая партия (1896 г.), Бунд – Всеобщий еврейский рабочий союз Литвы, Польши и России (1897 г.) и т.д.

На I съезд Российской социал-демократической партии (РСДРП) в Минск в марте 1898 г. прибыло 9 делегатов от разных социал-демократических организаций России, но партии как таковой создано не было. Съезд не принял ни ее программы, ни устава, а по завершению работы 8 из 9 делегатов были арестованы органами политического сыска.

Оформление партии произошло на ее *II съезде, состоявшемся с 17 июля по 10 августа 1903 г.* Съезд открылся в Брюсселе, но затем по соображениям конспирации перенес свои заседания в Лондон. Делегаты приняли программу и устав партии. «Самым значительным из всех пережитков... является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому российская социал-демократическая рабочая партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой...» (Из программы РСДРП). Партийная программа намечала ряд мер по улучшению положения пролетариата (восьмичасовой рабочий день, государственное страхование, запрещение сверхурочных

работ и т.д.) и крестьянства. Последнему предполагалось возратить земли, отобранные у него помещиками по реформе 1861 г. («отрезки») и многомиллионные выкупные платежи. В ней содержались также требования: всеобщего, равного и прямого избирательного права; свободы совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов. Важным являлось и положение о праве наций на самоопределение, введение родного языка наравне с государственным во всех учреждениях.

Особо острые столкновения произошли между делегатами съезда при обсуждении первого параграфа Устава о членстве в партии. Формулировка В.И. Ленина предполагала, что членом РСДРП считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию, как материальными средствами, так и личным участием в деятельности одной из партийных организаций. По мнению же Ю.О. Цедербаума (Л. Мартова) членом партии мог быть всякий, кто принимал ее программу и оказывал ей регулярное личное содействие под руководством одной из партийных организаций.

Модель партии по Ленину предусматривала, что в условиях нелегального положения необходим строгий централизм, беспрекословное выполнение директив сверху вниз. Многим социал-демократам это казалось неприемлемым. Большинство голосов на съезде прошла формулировка Мартова. Остальные пункты Устава были приняты в том виде, как их предлагал Ленин. При выборах руководящих органов партии – Центральный Комитет и редакция газеты «Искра» сложилось разделение российской социал-демократии на большевиков (большинство) и меньшевиков (меньшинство). Со временем в советской историографии утвердилась догматическая оценка, согласно которой РСДРП рассматривалась как партия нового типа, а меньшевикам отдавалась роль фракции в рамках этой партии. Столь односторонняя оценка затрудняла анализ сложных и неоднозначных отношений большевиков и меньшевиков. Среди тех и других находились яркие личности, вошедшие в историю отечественного рабочего движения. Видным лидером меньшевизма был Л. Мартов. Он принадлежал к тому же поколению социал-демократов, что и В.И. Ленин. Почти одновременно оба ушли из жизни. Умер Мартов весной 1923 г. в эмиграции. Последние дни его жизни в Германии проходили в раздумьях о партии, которую он создал вместе с Г.В. Плехановым и Лениным, о судьбах революции и социализма.

В начале нового века в России наряду с социал-демократией на политическую авансцену выступила и другая партия – *Партия социалистов-революционеров (ПСР)* или сокращенно эсеры. Народническое движение, преодолев кризис, сумело перестроиться, восприняв, с одной стороны, новые идеи, шедшие с Запада, а с другой, возрождая революционные народолюбческие традиции. Началось объединение народнических групп и кружков. В 1896 г. в Саратове возник Союз социалистов-революционеров. Его руководство, перебравшись вскоре в Москву, предприняло усилия установить организационные связи с народническими кружками в центральной России и за рубежом. В январе 1902 г. газета «Революционная Россия» опубликовала извещение о создании партии социалистов-революционеров, просуществовала до 1923 г. Спустя два года был опубликован проект программы ПСР. Его ведущим автором был В.М. Чернов, выдвинувшийся в качестве крупного теоретика неонародничества.

Эсеры, в отличие от социал-демократов делали ставку на крестьянство, так как считали, что именно оно должно стать ведущей силой в революции. Боль-

шинство крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство и не применяющих наемный труд, они зачисляли в категорию так называемого «трудового крестьянства». Между ним и фабрично-заводскими рабочими в представлении эсеров не существовало какой-либо разницы, поскольку источником их существования был собственный труд. Главный вопрос революции – земельный. Для его решения предлагалось реализовать программу социализации земли: отмена частной собственности на землю без выкупа, передача земли в общенародную собственность без права купли-продажи. Земля поступала в ведение центральных и местных органов управления. Те в свою очередь должны были организовать ее передачу крестьянам в пользование на уравнильно-трудовых началах, то есть или по количеству едоков (уравнильный принцип), или сколько селянин мог обработать вместе с семьей, не прибегая к использованию наемного труда (трудовая норма). Другие программные требования – ликвидация самодержавия, демократическая республика, демократические права и свободы, восьмичасовой рабочий день.

Членом партии эсеров считался всякий, кто признавал ее программу, подчинялся ее решениям и участвовал в работе одной из ее партийных организаций. Эсеры использовали различные методы борьбы, значительное место отводилось террору. Подготовкой террористических актов занималась *Боевая организация*, созданная в конце 1901 г. Г.А. Гершуни. Она была строго законспирирована и обособлена, члены Боевой организации не принимали участия в деятельности региональных комитетов партии. Ее отношения с ЦК партии строились через особоуполномоченного и отличались большой самостоятельностью. С 1903 г. после ареста Гершуни Боевую организацию возглавил Евно Азеф, являвшийся осведомителем царской охраны. Эсеровские боевики совершили в начале нового века ряд громких террористических актов против влиятельных сановников в Петербурге и Москве: 2 апреля 1902 г. Степан Балмашов смертельно ранил министра внутренних дел Д.С. Сипягина; 15 июля 1904 г. Егор Сазонов бросил бомбу в коляску направляющегося на доклад царю министра внутренних дел В.К. Плеве; 4 февраля 1905 г. Иван Каляев взорвал карету с московским генерал-губернатором, дядей царя, великим князем Сергеем Александровичем.

После убийства Плеве в придворных кругах развернулась острая борьба вокруг вакантной должности министра. За каждым претендентом стояло столкновение не только личных интересов, но и различное понимание содержания политического курса. Безусловно, что наиболее значимой представлялась кандидатура С.Ю. Витте. Сам Николай II желал видеть на этой должности руководителя Департамента общих дел МВД Б.В. Штюрмера и даже подписал указ о его назначении. Но Штюрмер был отвергнут по настоянию матери царя, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, так как имел репутацию твердолобого консерватора. Министерское кресло полтора месяца оставалось вакантным. Только в августе 1904 г. министром был назначен князь Петр Данилович Святополк-Мирский (1857–1914). Князь окончил Пажеский корпус, академию Генерального штаба, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Занимая должности пензенского и екатеринославского губернаторов. В 1900–1902 гг. служил в МВД, но считая излишним проведение некоторых репрессивных мер, добровольно ушел в отставку. В 1902–1904 гг. последовательно был виленским, ковенским и гродненским губернатором. По его мнению, следовало проводить различие между подпольными революционе-

рами и теми людьми, которые возражают не против существующего порядка управления в целом, а лишь против произвола властей, ограничив который можно добиться относительного спокойствия в стране. 16 сентября новый министр, выступая перед чинами своего ведомства, подчеркнул: «Административный опыт привел меня к глубокому убеждению, что плодотворность правительственного труда основана на искренне благожелательном и истинно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще. Лишь при этих условиях работы можно получить взаимное доверие, без которого невозможно ожидать прочного успеха в деле устройства государства». Полугодичное нахождение Святополк-Мирского на посту министра публицисты окрестили «весной» или «эрой доверия», но революция 1905–1907 гг. все расставила по своим местам.

Накануне первой российской революции эсеры не имели еще утвержденной партийной программы, не было и выдержанной тактической линии. У социал-демократов же сразу после II съезда разгорелась острая внутрипартийная борьба по вопросам теории и практики революционного движения, организации партии. Уже осенью 1903 г. меньшевики создали свой центр с участием Л. Мартова, Л.Д. Троцкого, П.Б. Аксельрода, Ф.И. Дана и А.Н. Потресова. На стороне меньшевиков оказалась и газета «Искра». К ним примкнул и Г.В. Плеханов, хотя он зачастую занимал в РСДРП особую позицию.

Помимо возникновения нелегальных радикальных социалистических партий на рубеже веков качественные перемены происходят в лагере *русского либерализма*. В это время он продолжал оставаться аморфным и был представлен несколькими направлениями и течениями. Его правое крыло (славянофильское течение во главе с Д.Н. Шиповым) составляли главным образом представители поместного дворянства, занимавшие довольно видные посты в органах местного самоуправления и дворянских собраниях. Они были тесно связаны с земельной собственностью, а нередко родственными узами с правительственной бюрократией.

Центр был представлен гласными (депутатами) органов местного самоуправления, так называемыми «земцами-конституционалистами». Эти представители среднепоместного дворянства, как правило, владели земельной недвижимостью, но сами редко занимались своим хозяйством, предпочитая сдавать землю в аренду крестьянам. Левый фланг либерализма в рассматриваемый период занимает новое течение – либеральной интеллигенции. Либерализм этого времени нередко называли «профессорским», поскольку в общественно-политическое движение пришла научная интеллигенция. Центрами либеральной мысли стали Московский и Петербургский университеты (П.Н. Милюков, П.И. Новгородцев, С.А. Муромцев, А.А. Мануйлов и другие), редакция газеты «Право» В.Д. Набокова, Вольное экономическое общество, Московское правовое общество, и другие культурно-научные объединения. Она настаивала на замене самодержавия конституционно-парламентским строем, на введении всеобщего избирательного права, демократических свобод, реализации требования культурного самоопределения народов России. В отличие от дворянских либералов конституционные либералы внесли в свою программу ряд социальных требований: принудительное отчуждение части помещичьей земли за выкуп, легализация профессиональных союзов, постепенное введение восьмичасового рабочего дня и т.д. Они

приступили к созданию своих нелегальных организаций и печатных органов, то есть первых политических (вне земств) организаций либерального толка. Тем не менее, дворянский и конституционный либерализм имели много общего и оставались родственными идейно-политическими течениями. Их объединяло, прежде всего, желание любой ценой избежать социальной революции, вера в правительственные реформы, боязнь насильственных действий народных масс, склонность к политическим компромиссам с верховной властью. Первые имели в своем распоряжении материальные средства, технический аппарат и связи с земскими общественными кругами. Вторые – современные теоретические знания либерализма европейского типа, необходимые для разработки программы и создания организационных основ либеральной общероссийской партии.

Первым крупным шагом в этом направлении явилось основание на средства земцев неподцензурного журнала «Освобождение». За организацию свободного издания взялся П.Б. Струве. Журнал издавался с июля 1902 г. по октябрь 1905 г. тиражом до 10 тыс. экземпляров в Штутгарте. Суть тактической позиции нового либерализма была сформулирована в первом номере «Освобождения»: «Культурное и политическое освобождение России не может быть не исключительно, не преимущественно делом одного класса, одной партии, одного учения... мы предполагаем объединить те группы русского общества, которые не имеют возможности найти исход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революционной борьбе. Мы желаем выражать исключительно бессословное общественное мнение и на него опираться». Таким образом, либералы с самого начала ориентировались на создание широкого оппозиционного движения.

Совещание «освобожденцев» в Швейцарии летом 1903 г. постановило создать нелегальную политическую организацию в России. «Союз освобождения» был основан в январе 1904 г. Несмотря на принятые программу и устав нового объединения, это еще не была политическая партия в полном смысле слова. Программа Союза предусматривала – конституционную монархию, всеобщее избирательное право, право народностей на самоопределение, наделение крестьян землей за счет принудительного отчуждения помещичьих земель. Среди руководителей Союза помимо Струве выделялись И.И. Петрункевич, Д.И. Шаховской, С.Н. Прокопович.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944) родился в семье пермского губернатора. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1894 г.). С 1888 г. считал себя социал-демократом. Активно работал в марксистских кружках. Автор Манифеста РСДРП (1898 г.). На рубеже веков перешел в ряды либералов. В 1901 г. выехал за границу и в Германии начал издавать журнал «Освобождение». После амнистии в 1905 г. вернулся в Россию. Член ЦК партии кадетов с момента ее основания и до 1915 г. Сотрудник ряда газет и журналов. Преподавал политэкономии в столичных вузах, в 1916 г. получил степень доктора и звание профессора, в 1917 г. – действительного члена РАН. Активный участник белого движения на юге России. С 1920 г. – в эмиграции.

Петрункевич Иван Ильич (1843–1928) – дворянин, крупный землевладелец. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1866 г.). Активный участник земского движения. Организатор и председатель «Союза освобождения» (1904 г.). Один из основателей партии кадетов,

член ЦК (1905–1917 гг.). Депутат I Государственной думы. В 1908–1917 гг. издатель газеты «Речь». После октября 1917 г. – в эмиграции.

Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939) – князь, внук декабриста Ф.П. Шаховского. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1885 г.). Служил в уездном земстве. Один из основателей и сотрудников журнала «Освобождение», член совета «Союза освобождения». С 1905 г. – в партии кадетов, член ЦК. Депутат I Государственной думы. В 1917 г. министр Временного правительства. В 1918 г. один из учредителей подпольной антисоветской организации «Союз возрождения России». С 1920 г. отошел от политической деятельности.

Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920) – дворянин, землевладелец. Действительный статский советник. Окончил Петербургский университет. С 90-х гг. на руководящих должностях в органах местного самоуправления. Один из основателей партии «Союз 17 октября» (1905 г.). В 1907–1909 гг. – член Государственного совета. После октября 1917 г. активно боролся с большевиками, был одним из организаторов и первым председателем подпольной антисоветской организации «Национальный центр». Арестован и умер в тюрьме.

Своеобразной пробой сил Союза стала так называемая банкетная кампания в ноябре–декабре 1904 г. по случаю 40-летия судебной реформы 1864 г. В 34 городах России состоялось около 120 банкетов с общим числом участников до 50 тыс. человек. На банкетах произносились политические речи и принимались резолюции с требованием конституции. Наиболее впечатляющим стал банкет в честь годовщины восстания декабристов на Сенатской площади. 800 участников застолья приняли резолюцию о необходимости созыва Учредительного собрания для решения вопроса о государственном устройстве России.

В ноябре 1904 г. в Петербурге состоялся общероссийский съезд земских деятелей. Делегаты открыто обсуждали неудачи России в войне с Японией, настоятельную необходимость политических реформ в отечестве. В адрес правительства была направлена петиция с обоснованием необходимости преобразований и программа, включающая более десяти пунктов. Центральное место в проекте реформ занимало требование создания представительного выборного органа, который бы стал чем-то вроде российского парламента и знаменовал бы переход к конституционному правлению.

Таким образом, общественно-политические силы на исходе первого десятилетия правления Николая II сформулировали перечень требований к власти, который предполагал выработку адекватной программы политических и социальных преобразований. Верховная власть и правительство после недолгого колебания выбрали тот язык, которым они были намерены разговаривать с обществом – язык насилия. Соглашение между обществом и властью оказалось невозможным, стороны вошли в состояние революционного конфликта 1905–1907 гг.

Лекция 5

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904 – 1905 гг.

На рубеже веков обострилось соперничество великих держав, в котором наряду с традиционным военным фактором все большую роль играли экономическое могущество, колониальные владения, политическое развитие и уровень культуры. Контуры будущих межгосударственных столкновений уже вырисовывались в форме противостояния Тройственного (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и русско-французского союзов в Европе. Обострились отношения крупнейших мировых держав из-за раздела Китая и Кореи на Дальнем Востоке, ставшем в это время поистине взрывоопасным регионом.

Вставал вопрос, сохранится ли Россия как великая держава, сделав экономический, политический и культурный рывок, или будет слабость и утрачивать свои позиции. А это в свою очередь зависело от того, удастся ли на длительный срок сохранить внешний покой, избежать международных столкновений.

Выбор правильного внешнеполитического курса осложняла отсталость государственного устройства России, где, в конечном счете, все решения принимал император. Таким образом, многое зависело от способностей и личных качеств самодержца. О роли Николая II во внешней политике высказываются различные мнения. Одна точка зрения, что во времена предшественников было по одному министру иностранных дел и проводился стабильный международный курс, а в последнее царствование сменилось восемь руководителей российского внешнеполитического ведомства и политика менялась с приходом нового министра. У других, напротив, Николай II предстает самостоятельным и целеустремленным политиком, который, обходя преграды, порой отклоняясь в сторону, «в конце концов, с неизменным постоянством, близится к своей цели».

Молодой император был неплохо образован, владел тремя основными европейскими языками, но практическим управленческим опытом не обладал. Его отец, Александр III, не привлекал наследника к решению международных вопросов. Николай II не был даже посвящен в суть секретных материалов русско-французского союза. Его знакомство с зарубежьем ограничивалось поездкой в ранней молодости по странам Юго-Восточной Азии. По личным склонностям молодой монарх больше тяготел к военным делам, чем к дипломатическим. Тем

не менее, к руководству внешней политикой обязывало его не только положение, но и сознание тесной связи ее с международным престижем российской империи, высоко поднятым при Александре III.

В первые годы правления императору пришлось вырабатывать внешнеполитический курс, как на Дальнем Востоке, так и в балканско-ближневосточном регионе. Особую активность в первом случае проявляла быстро набиравшая силу Япония, стремившаяся закрепиться на азиатском материке и одержавшая в 1894–1895 гг. военную победу над Китаем. В свою очередь в Петербурге принимали спешные меры к укреплению российских позиций на дальневосточной окраине: ускоряли строительство Великой Сибирской железной дороги, наращивали военное присутствие в регионе, весной 1896 г. был заключен секретный русско-китайский оборонительный союз, направленный против Японии. Годом ранее министр финансов С.Ю. Витте предложил проложить часть Сибирской железнодорожной магистрали через Манчжурию (будущая Китайско-Восточная железная дорога), что позволяло значительно сократить ее протяженность и материально-финансовые расходы, а также сэкономить время. Проект получил высочайшую поддержку и одобрение.

В середине 1890-х гг. дал о себе знать ближневосточный кризис, вызванный обострившейся внутривосточной борьбой в Турции, массовым избиением там армян и вмешательством великих держав, преследовавших своекорыстные территориальные интересы. В ходе кризиса встал вопрос и о черноморских проливах. Русский генералитет предложил перед угрозой появления иностранных военных эскадр в Дарданеллах осуществить десантную операцию по занятию Босфора. Однако, вскоре, пришлось от идеи десанта отказаться. И не только в силу недостаточности военных сил и средств в отличие от Великобритании и Италии. Главная причина коренилась в расхождении с союзной Францией о применимости союзных обязательств в сложившейся ситуации. «Нам только можно наметить цели нашей политики в вопросе о проливах, – констатировал Николай II, – и захват Дарданелл, само собой разумеется, самое желательное. Но когда и как можно достигнуть этой цели – этого теперь сказать нельзя. Это вполне зависит от обстоятельств».

В целом видение внешнеполитических приоритетов России глазами императора впечатляло. Военный министр генерал А.Н. Куропаткин передавал их так: «У нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Манчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы». Столь обширные аннексионистские планы вскоре довели Россию до войны с Японией на Дальнем Востоке.

В ноябре 1897 г. Германия захватила китайскую бухту Цзяочжоу (Циндао) на Шаньдунском полуострове. В свою очередь русская эскадра 15 марта 1898 г. вошла в незамерзающий Порт-Артур на Ляодунском полуострове. При содействии Витте пребывание русских в этой части Китая было оформлено в том же году в виде долгосрочной аренды (на 25 лет) с концессией на прокладку Южно-Маньчжурской железной дороги. В Порт-Артуре планировалось базировать часть российской Тихоокеанской эскадры. Ее ядро должны были составить новые корабли Балтийского флота, которые планировалось по мере достройки перегонять на Тихий океан, с тем, чтобы там постоянно находилось до 15 броненосцев, 12–15 крейсеров и другие

военные суда. В дальнейшем Тихоокеанская эскадра должна была превратиться в самостоятельный флот. Только на военное судостроение министерство финансов дополнительно выделило 90 млн руб.

Но эта, успешная на первый взгляд, акция российской дипломатии обострила отношения с Англией, Японией и Соединенными Штатами. Тяжелый удар был нанесен по союзу с Китаем. Германский император Вильгельм обещал Николаю II гарантировать в случае конфликта на Дальнем Востоке спокойствие на западной границе России и ее морских рубежах на Балтике. Он корыстно советовал царю стать «адмиралом Тихого океана», скромно оставляя себе роль «адмирала Атлантического». В то же время от совместного с Россией и Францией дипломатического выступления на Дальнем Востоке Германия уклонилась. Трезвый расчет подсказывал, что надо остановиться, чтобы укрепиться на достигнутых рубежах. Однако имперскую политику России заносило все дальше. Было решено при посредстве частной, негласно патронируемой компании (Восточно-Азиатская) утвердиться в Корее и создать преграду на пути японской экспансии в Маньчжурии.

Правда, в развитие миротворческой линии императора Александра III Россия в конце 90-х гг. XIX в. выступила инициатором созыва международной конференции для выработки мер по сокращению вооруженных сил, ограничению гонки вооружений, мирном разрешении межгосударственных конфликтов. Первая конференция состоялась в Гааге в мае–июле 1899 г. В ней приняли участие 110 представителей от 26 государств Европы, Азии и Америки. Были приняты конвенции о мирном разрешении международных споров через третейский суд (арбитраж), о законах и обычаях ведения войны на суше и на море, а также серия деклараций, запрещающих использования в ходе боевых действий разрывных пуль и отравляющих газов. Однако по основному вопросу – ограничению гонки вооружений – решения не было принято. Против него выступили Германия и Великобритания.

Весной 1902 г. японское правительство предложило России заключить конвенцию о разграничении сфер интересов на Дальнем Востоке. В ответ были запрошены более конкретные пожелания. Среди российских министров, военных и дипломатов были люди, осознававшие опасность надвигающегося конфликта. Император же был убежден, что островная Япония не посмеет напасть на огромную континентальную Россию, так что решение вопроса, быть или не быть войне, в компетенции Петербурга, а не Токио. Поэтому поиски политического компромисса с Японией велись вяло. Зато в середине 1903 г. был утвержден окончательный вариант плана действий российского флота на случай войны. Морякам ставились три главные задачи: обеспечить господство в Желтом море и Корейском проливе; опираясь на Порт-Артур, не допустить высадки японской армии на западном побережье Кореи; отвлечь часть японских морских сил от главного театра военных действий и предупредить попытку японского десанта в Приамурье путем проведения частных морских операций из Владивостока. Благодаря позиции наместника царя на Дальнем Востоке вице-адмирала Е.И. Алексеева флот, таким образом, попал в жесточайшую зависимость от хода боевых действий на суше и погиб, защищая Порт-Артур, так и не выполнив своих основных задач. Министр финансов С.Ю. Витте, пытавшийся вставлять палки в колеса «новому курсу», получил в августе 1903 г. отставку.

24 января 1904 г. Япония, опираясь на негласную поддержку ведущих держав, разорвала дипломатические отношения с Россией. Поздним вечером 26

января в Петербург поступили известия, что японский флот напал на русские военные корабли в Корее и Маньчжурии, началась русско-японская война. В ходе нее проявились практически все слабые стороны русской военной силы. Как и во время Крымской войны 1853–1856 гг., российский флот, запертый в осажденном Порт-Артуре, потерял свою самостоятельность и стал придатком сухопутной армии, так что отдельные эпизоды героизма военных моряков (крейсер «Варяг») уже не могли спасти положение. Рассредоточенность русских военно-морских сил в портах Владивостока, Чемульпо, Инкоу и Шанхая, разногласия в высшем армейском и флотском руководстве, трагическая гибель нового командующего Тихоокеанской эскадрой *С.О. Макарова* на броненосце «Петропавловск» 31 марта 1904 г., необоснованные амбиции наместника Е.И. Алексеева и нерешительность главнокомандующего сухопутными войсками А.Н. Куропаткина – все это обернулось против российского флота. Поход балтийской эскадры адмирала З.П. Рожественского на Дальний Восток и ход *Цусимского морского сражения 14–15 мая 1905 г.* также показали, что военно-морская машина России вместе со всей социально-экономической и политической системой страны дала серьезный сбой. Финал Цусимского боя, когда остатки российской эскадры сдались японцам, стал черной страницей в истории отечественного военно-морского флота. Характерно, что адмирал Н.И. Небогатов, сменивший раненого Рожественского, был приговорен военным судом к смертной казни за сдачу эскадры японцам без сопротивления. Казнь, однако, была заменена 10-летним заключением в крепости, а в 1909 г. адмирал был помилован.

С потерей флота Россия надолго лишилась возможности вести активную политику на Дальнем Востоке, где военно-политическая гегемония на 40 лет перешла к Японии. В июне 1905 г. Николай II в рескрипте на имя нового морского министра адмирала А.А. Бирилева указал: «... нравственный долг перед Родиной обязывает всех чинов флота и морского ведомства разобраться в наших ошибках и безотлагательно приняться за работу над воссозданием тех морских сил, которые нужны России...».

Русская армия терпела поражения и на суше. В середине апреля 1-я японская армия, высадившаяся в Корее, подошла к реке Ялу (Ялуцзян) и вынудила русских отойти к Лояяну. Последовательно были переброшены еще три армии, нацеленные на продвижение в глубь Маньчжурии. Взять с ходу крепость *Порт-Артур* японскому генералу Ноги не удалось, началась осада. Русский гарнизон с августа по октябрь отбил три штурма японцев. 22 ноября им удалось захватить гору Высокую – господствующую высоту, с которой японцы могли вести прицельный огонь по крепостным сооружениям и кораблям, стоящим на рейде. 2 декабря погиб начальник обороны крепости генерал Р.И. Кондратенко, а 20 декабря начальник Квантунского укрепленного района генерал А.М. Стессель сдал крепость японцам. «Каждый задает себе вопрос, – вспоминает очевидец, – к чему были все жертвы, если все же приходится отступать? Моральные силы войск ослабевали, потому что войска утратили доверие к своим начальникам». Показательно, что генерал А.М. Стессель был приговорен в 1907 г. к 10-летнему заключению в Петропавловской крепости, но весной 1909 г. – помилован. Попытки русского командования помочь осажденному Порт-Артуру окончились неудачей. Так, в июне 1904 г., спешащий на выручку осажденным, 1-й Сибирский корпус был разбит в бою под Вафангоу. С 11 по 24 августа длилось сражение под

Ляояном. После десятидневных боев без решающего успеха для обеих сторон, опасаясь обхода с фланга, командующий Маньчжурской армии генерал А.Н. Куропаткин отдал приказ об отступлении.

Потери японской стороны составили около 24 тыс. человек, русские потеряли около 16 тыс. «В Западной Европе, как и у русских, – записывал в своем дневнике генерал Я. Гамильтон, – положение начальника важнее дарований, и если начальник не завоевал себе уважения и поклонения войск, то они не будут и не могут проявлять всей своей силы. С другой стороны, если бы русский Скобелев мог теперь появиться на театре войны, блестящий, быстрый, смелый, обожаемый своими войсками и обладающий военным инстинктом, – тогда, я думаю, японцы убедились бы, что в Европе есть элемент, с которым им еще не приходилось считаться». С таким неутешительным итогом русские армии подошли к финальному сражению этой войны под Мукденом в феврале 1905 г. Личный состав русских войск вырос количественно с 210 тыс. человек (ноябрь 1904 г.) до 300 тыс. (январь 1905 г.). Увеличились и качественные показатели – в полках находилось 5 600 офицеров, на вооружении состояло более 1200 полевых и осадных орудий, 44 пулемета. В ходе Мукденского сражения японцы нанесли отвлекающий удар по левому флангу русских войск. Куропаткин принял этот маневр за главный удар и начал переброску войск с правого фланга на левый, чем не преминула воспользоваться неприятельская сторона. Опасаясь окружения, Куропаткин отдал приказ отступить.

«При выходе из Мукдена на Мандаринскую дорогу мы сразу наткнулись на такой хаос и такой вопиющий беспорядок, который далеко превосходил самые мрачные представления мои о беспорядочном отступлении. Со всех улиц Мукдена и вообще со всех сторон повозки, пушки, команды, или, вернее, толпы людей – спешили на Мандаринскую дорогу, и у самого выхода из города образовалась какая-то беспорядочная масса, которая сама себе не давала возможности двигаться. Тут были и понтоны, которые, неизвестно для какой надобности, держались до последнего времени в Мукдене, и санитарные транспорты, и повозки артиллерийских парков, и патронные двуколки,... артиллерийские орудия и толпа будто бы искавших свои части людей...». (Баженев П.Н. Сандепу – Мукден: Воспоминания очевидца-участника войны. СПб., 1911).

«Одни части пробивались с боем, сохраняя порядок, другие, расстроенные, дезориентированные – сновали по полю взад и вперед, натываясь на огонь японцев. Отдельные люди, то собираясь в группы, то вновь разбегаясь, беспомощно искали выхода из мертвой петли... А все поле, насколько видно было глазу, усеяно было мчавшимися в разных направлениях повозками обоза, лазаретными фугонами, лошадьми без всадников, брошенными ящиками и грудями развороченного валявшегося багажа, даже из обоза главнокомандующего... Первый раз за время войны я видел панику». (Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990).

«Обширное ровное поле было усеяно шедшими и бежавшими врасыпную солдатами, всюду валялись сломанные повозки с выброшенными из них вещами, некоторые из них горели, видны были бежавшие люди и много лошадиных трупов... Это была картина бегства». (Парский Д.П. Воспоминания и мысли о последней войне 1904-1905 гг. СПб., 1906).

Армия, отступая, бросала огромные склады с обувью и продовольствием – зерно, сухари, мороженая рыба и мясо. Велики были потери военного имуще-

ства, материальной части. В плен попали почти 30 тыс. военнослужащих, свыше 60 тыс. было убито и ранено. После Мукденской катастрофы военные действия на суше практически прекратились.

Русско-японская война ускорила процесс перегруппировки великих держав вокруг Англии и Германии, затронувший также Россию. Ее союзница Франция пошла на сближение с Англией, было подписано совместное военно-политическое соглашение. Николай II принял услуги президента США Т. Рузвельта в организации русско-японских переговоров о мире и с большой неохотой назначил главой русской делегации нелюбимого Витте.

Обе противоборствующие стороны искали выход из войны. Япония в ходе военных действий захватила Ляодунский полуостров, Корею и часть Маньчжурии. Но эти успехи потребовали большего напряжения всех сил страны. Она вынуждена была прибегнуть к иностранным займам сразу после начала войны. Потери японцев на фронте были весьма ощутимыми. Поэтому Токио неоднократно пытался выяснить возможность скорейшего заключения мира. Готовясь к мирным переговорам, Япония заручилась поддержкой со стороны Англии и США. Дело в том, что в 1902 г. Лондон и Токио заключили союз, имевший откровенно анти-русскую направленность. Государственный департамент США выступил с заявлением, в котором солидаризировался с целями союза. В ходе русско-японской войны Вашингтон и Лондон предрешили вопрос о передаче Японии Ляодунского полуострова и признании ее «прав» на Корею.

Николай II согласился на переговоры, ибо считал, что «внутреннее благосостояние важнее, чем победа». В России шла революция 1905–1907 гг.

9 августа 1905 г. в *Портсмуте (США)* открылась мирная конференция. Японская сторона выдвинула обширный перечень требований: свобода действий в Корее; отвод русских войск из Маньчжурии; передача ей Ляодуна и Южно-Маньчжурской железной дороги; уплата военных издержек; выдача интернированных русских военных кораблей; присоединение Сахалина, оккупированного японцами накануне открытия мирной конференции; ограничение русских морских сил на Дальнем Востоке; предоставление права рыбной ловли вдоль русского побережья.

Большие споры вызвал вопрос о суверенитете Кореи. Витте настоял, чтобы в протоколе было записано обязательство Японии не производить действий, затрагивающих корейский суверенитет, без согласия на то ее правительства.

Русская делегация, еще на первом заседании заявившая, что на конференции «нет ни победителей, ни побежденных» и потребовала проведения эвакуации из Маньчжурии обеими державами параллельно и одновременно. После продолжительных дискуссий это было принято.

По вопросу о Южно-Маньчжурской дороге русские дипломаты согласились уступить Японии, но лишь с одобрения Китая, только ту часть дороги, которая находилась в зоне ее оккупации. Российские оговорки были приняты. Угроза излишнего усиления Японии была использована Витте для перетягивания общественного мнения американцев на сторону русской делегации.

Одним из самых острых был вопрос о Сахалине. Витте не соглашался на отчуждение острова, указывая, что присоединение Японией Сахалина приведет к длительной вражде между государствами. Японцы, однако, твердо стояли на своем. Не дала Россия согласия и на другие японские требования, включая контрибуцию. Конференции грозил срыв, но Токио, напуганный перспективой про-

должения войны, 18 августа заявил о готовности пойти на уступки, но с условием передачи ему Южного Сахалина и уплаты 1 200 млн иен за возвращение Северного Сахалина России. Витте считал возможным уступить в сахалинском вопросе, но был против уплаты вознаграждения.

Президент США решил оказать давление на Россию. Не добившись успеха, Т. Рузвельт посоветовал, однако, японцам не продолжать войну из-за контрибуции. После долгого обсуждения японское правительство приняло решение пойти на мир без контрибуции, с оставлением за Японией Южного Сахалина. Токио соглашается также гарантировать свободу мореплавания в Лаперузовом проливе и не укреплять свою половину острова.

5 сентября 1905 г. состоялось подписание *Портсмутского мирного договора*. По нему Россия признавала Корею сферой японского влияния, уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров, южную часть острова Сахалин. Таким образом, Япония получила в собственность Южный Сахалин и приобрела фактически господство в Корее и Южной Маньчжурии.

Мировые державы приветствовали заключение мира. Франция перед лицом немецкой угрозы стремилась привлечь Россию к стабилизации положения в Европе. Великобритания после ослабления России на Дальнем Востоке рассматривала ее в качестве возможного союзника против Германии. Та же также надеялась использовать Россию в своих целях. США считали свою задачу выполненной, ибо русское продвижение на Дальнем Востоке было остановлено и в то же время Россия была сохранена в качестве противовеса Японии.

Глава русской делегации С.Ю. Витте был возведен царем в графское достоинство. Придворные круги, недовольные условиями мира, язвительно окрестили его «графом Полусахалинским». Поражение на Дальнем Востоке и революция поколебали международный престиж России и побудили ее внести существенные коррективы во внешнюю политику. Новый курс – политика соглашений и балансирования – должен был обеспечить мирную передышку, необходимую для реформ внутри страны и воссоздания ее военной мощи.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

К РАЗДЕЛУ I

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сборник документов. М., 2001.
- Вениамин (Федченков)*. На рубеже двух эпох. М., 1994.
- Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1994; Т. 3. М., 1996.
- Врангель Н.Е.* Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М., 2003.
- Коковцов В.Н.* Из моего прошлого: Воспоминания, 1903–1919. В 2 кн. М., 1992.
- Милоков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 2. М., 1990.

Литература

- Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995.
- Бовыкин В.И., Петров Ю.А.* Коммерческие банки Российской империи. М., 1994.
- Боханов А.Н.* Николай II. М., 2008.
- Ерошкин Н.П.* Российское самодержавие. М., 2006.
- Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008.
- Мартынов С.Д.* Государственный человек Витте. СПб., 2006.
- Пейн Р.* Ленин: Жизнь и смерть. М., 2008.
- Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2000.
- Радзинский Э.* Николай II: жизнь и смерть. М., 2007.
- Семанов С.Н.* Тайна гибели адмирала Макарова: Новые страницы Русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 2007.
- Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008.
- Ходанов Е.Е.* Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России. М., 1997.
- Шелохаев В.В., Думова Н.Г.* История политических партий России. М., 1994.

Электронные ресурсы

www.nivestnik.ru – «Новый исторический вестник»

«Владычество русских лишь временное»: китайская экономическая экспансия на востоке России в начале XX в. // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10).

Березовая Л.Г. Серебряный век в России: от мифологии к научности (к вопросу о содержании понятия) // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5).

Дунаева А.Ю. Полиция Московской губернии в начале XX в.: условия службы и материальное положение // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19).

Иоффе Г. Революционер: Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19) – 4 (22).

Новиков А.В. К вопросу о причинах активизации рабочего движения в России в начале XX в. // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13).

Овченко Ю.Ф. Провокация на службе охранки // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9).

Ревин И.А. Крестьяне Могилевские: родословная семьи и история Тихого Дона // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20).

Скутнев А.В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16).

Юдин Е.Е. Российская модернизация и аристократия: состояние семьи Юсуповых в начале XX в. // Новый исторический вестник. 2006. № 1 (14).

Березовая Л.Г. Серебряный век русской культуры // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5).

Березовая Л.Г. Творческие объединения Серебряного века // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5).

Березовая Л.Г. Практикум по теме «Серебряный век русской культуры» // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Как вы понимаете выражение, введенное в обиход кинорежиссером С. Говорухиным: «Россия, которую мы потеряли»? Опишите, какую Россию и почему мы потеряли.

2. В чем заключалось своеобразие социальной структуры российского общества начала XX в.?

3. Дайте характеристику политической системы Российской империи начала XX в. Вокруг какого вопроса развернулась наиболее острая борьба между властью и обществом?

4. Каковы особенности развития российской экономики начала XX в.?

5. Какую эволюцию претерпела русская внешняя политика на рубеже веков?

6. Определите основные противоречия в экономической, политической и социальной сферах, присущие Российской империи начала XX в.?

7. Определите тенденции, характерные для художественной культуры начала XX в., и их принципиальное отличие от художественных традиций XIX в.?

8. О каких проблемах общества и государства говорят материалы Всероссийской переписи 1897 г.?

9. Какое место в российском обществе занимала интеллигенция? Правоммерно ли говорить о ее особой роли и положении в стране? Аргументируйте свой ответ.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО НАПИСАНИЮ РЕФЕРАТОВ

В ходе освоения курса истории России XX в. студенты посещают лекции и семинарские занятия, прорабатывают каждую тему с помощью контрольных заданий (вопросы, тесты), читают рекомендованную учебную и научную литературу, пишут контрольные работы и рефераты. Студенты самостоятельно выбирают тему реферата из списка, предложенного преподавателем. Источники и литературу студенты также отбирают самостоятельно из предложенного списка. В случае необходимости студенты могут сами подобрать необходимую литературу, воспользовавшись услугами библиотеки. При необходимости можно прилекать электронные ресурсы Интернета, но выдавать их за результат собственного творчества категорически запрещается.

Подготовка к написанию реферата складывается из нескольких этапов: 1) подбор литературы и источников по избранной теме; 2) изучение, конспектирование (выписки) и анализ предложенных и отобранных источников и научной литературы; 3) составление плана.

Реферат должен содержать аргументированное освещение поставленных вопросов с ясными выводами и ссылками на использованные исследования и публикации источников.

Реферат структурно включает ряд обязательных элементов.

1. Титульный лист со следующими реквизитами: наименование министерства; полное наименование учебного заведения; полное название факультета; полное название кафедры; название темы; фамилия, имя, отчество студента; форма обучения (дневная, вечерняя, заочная); место написания, год написания.

2. Оглавление (с обозначением номеров страниц).

3. Введение, в котором ставится научная проблема, формулируются цель и задачи, которые автор ставит и решает в ходе написания реферата.

4. Основная текстовая часть, которая может иметь 2–3 главы в соответствии с поставленными во введении задачами. Изложение материала должно быть последовательным, с использованием источников и литературы и постраничными ссылками на них.

5. Заключение, в котором кратко подводятся итоги изучения темы, делаются выводы. Заключение, как и введение пишется в последнюю очередь, когда готовы тексты глав.

6. Список использованных источников и литературы включает издания, использованные при написании реферата. Список источников формируется по отдельным группам изданий: законодательные акты, нормативно-правовые документы, сборники документов, воспоминания. Внутри групп источники располагаются по хронологическому принципу. Список исследовательской литературы составляется в алфавитном порядке фамилий авторов.

Объем реферата – от 10 до 15 страниц (по 1 800 знаков с пробелами). Реферат должен быть напечатан на писчей бумаге формата А 4 с одной стороны листа шрифтом Times New Roman, размером 14, через 1,5 интервала.

Реферат должен быть сдан преподавателю строго в установленный срок.

РАЗДЕЛ II

РОССИЯ В 1905 – 1914 гг.

Лекция 6 ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Острота социальных и политических противоречий подталкивали Россию к буржуазно-демократической революции. Она должна была разрешить типичные противоречия между трудом и капиталом, между капитализмом и феодально-крепостническими пережитками, между более развитым в социально-экономическом и культурном отношении центром и остальными национальными окраинами.

Причины революции коренились в незавершенности политической и социально-экономической модернизации России. Сохранение помещичьего землевладения и крестьянского малоземелья, полное политическое бесправие и отсутствие демократических свобод, острота национального и рабочего вопросов создавали кризисную ситуацию в стране, разрешение которой требовало кардинальных перемен в самой политической системе самодержавного правления. Кризис политической системы коррелировался с экономическими и социальными противоречиями и находил свое проявление в глубоком социокультурном расколе, порождавшем народную стихию. На ее волне политическая оппозиция царизму надеялась реформировать российскую государственность в русле западных демократических традиций.

Поэтому в *задачи революции* входило свержение самодержавия и установление демократической республики, ликвидация сословного неравноправия, введение свободы слова, собраний, партий и объединений, ликвидация помещичьего землевладения и наделение крестьян землей, установление 8-часового рабочего дня, признание права рабочих на стачки и создание профессиональных союзов, снятие национальных организаций.

Революция 1905–1907 гг. была буржуазно-демократической по своему характеру и призвана была в первую очередь покончить с пережитками феодализма в России. В решении этих проблем были заинтересованы широкие слои населения. Поэтому революция была в полном смысле этого слова была народная. Од-

нако движущие силы расходились по средствам и методам достижения конечных целей, образуя два больших лагеря: революционный с его радикализмом и в теории, и в практике (рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия города и деревни) и либеральный (средняя буржуазия и буржуазная интеллигенция), выступавший за парламентские методы борьбы.

Поводом для драматических событий, потрясших столицу и всю страну, явился, в общем-то, почти рядовой случай. В конце декабря 1904 г. администрация Путиловского завода уволила четырех рабочих вагонных мастерских из-за конфликта с мастером. Уволенные были чинами организации зубатовского толка, возглавляемой Гапоном, популярность которого в этот период была особенно велика. «До царя далеко, до бога высоко, – любил повторять Гапон народную поговорку. – О многом высшие власти не знают, а мы обратим внимание на положение рабочего класса не только фабрикантов, но и высших властей». И ему верили.

Рабочие Путиловского завода потребовали отмены решения администрации об увольнении их товарищей. Получив отказ, 2 января 1905 г., они высказались за начало забастовки протеста. К своему первоначальному требованию были добавлены новые: 8-часовой рабочий день, отмена сверхурочных работ, повышение заработной платы и т.п. Администрация завода отвергла эти требования. В ответ 3 января 1905 г. 13 тыс. путиловцев остановили станки. В течение нескольких дней стачка охватила почти все крупные предприятия столицы. К 8 января 1905 г. бастовало почти девять десятых петербургских рабочих. Стачка переросла в общегородскую.

В этот момент Гапон и предложил обратиться к самому царю, подав ему «рабочую петицию». Возмущение рабочих искало выхода, и предложение Гапона было встречено одобрением широкой массой. Правительство было прекрасно осведомлено о том, что происходило в рабочих районах. Сформированный штаб во главе с великим князем Владимиром Александровичем разработал план действий войск против стачечников: город был разбит на 8 секторов, в боевую готовность приведено 8 тыс. солдат и 3 тыс. кавалеристов.

Воскресным утром 9 января 1905 г. около 140 тыс. рабочих Петербурга со своими семьями двинулись к Дворцовой площади. Самую большую колонну Нарвского района возглавлял Гапон с рабочей петицией в руках. «И вдруг в воздухе что-то неровно и сухо просыпалось, дрогнуло, ударило в толпу десятками невидимых бичей, – вспоминал очевидец произошедшего М. Горький. – Тут и там раздавались стоны, у ног толпы легло несколько тел...».

По официальным, сильно преуменьшенным данным, 9 января было убито 96 человек и ранено 330. Но по подсчетам журналистов – очевидцев событий, убитых и раненых в различных районах города насчитывалось около 4,6 тыс. человек.

Из листовки социал-демократической организации Василеостровского района с призывом к вооруженному восстанию 10 января 1905 г.:

«Граждане! Вчера вы видели зверства самодержавного правительства! Видели кровь, залившую улицы!... Кто же направил войско, ружья и пули в рабочую грудь? Царь, великие князья, министры, генералы и придворная сволочь. Они – убийцы! Смерть им! К оружию, товарищи, захватывайте арсеналы, оружейные склады... Свергнем царское правительство и все поставим свое. Да здравствует революция! Да здравствует учредительное собрание народных представителей!» (Листовки большевистских организаций в первой русской революции. Ч. I. М., 1956. С. 217).

Много кто тогда предполагал, что 9 января 1905 г. станет поворотным моментом в истории императорской России. Теперь между царем и народом пролегла глубокая пропасть. «Кровавое воскресенье» уничтожило монархическую веру, и Россия оказалась в объятиях революционной стихии. Ее размах был настолько силен, что современники констатировали начало в России гражданской войны.

Из работы П.Б. Струве «Накануне нового (1906) года»

«В новый год... Россия вступает нерадостно... Все настроены если не горестно, то во всяком случае торжественно серьезно. Перелом народной жизни ломает и ранит каждого из нас. Но как ни ужасны картины гражданской войны, оглядываясь на истекающий 1905 г., мы можем и должны с гордостью сказать: страна свершила великое дело; родилась русская свобода, создан русский гражданин. Никакие безумства ослепленных людей, никакие преступления слуг старого порядка, никакие подлоги не вычеркнут этого дня из русской истории, не упразднят всенародного подвига обновления, родившегося от «великой любви» и «святого гнева» целых поколений борцов за русское освобождение». (Струве П.Б. Patriotika: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 15 - 16).

Из работы В.И. Ленина «Начало революции в России»

«Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забытой жизни». (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 77).

Кровавая расправа над рабочими столицы потрясла всю страну, повсюду вспыхнули стачки солидарности. Революция разрасталась.

Из листовки Московского Комитета РСДРП к рабочим с призывом к всеобщей забастовке протеста против злодейского расстрела рабочих Петербурга 9 января:

«К Петербургу идут вооруженные рабочие с сестропецких заводов. Их требования те же, что и петербургских рабочих. Вот чего они требуют:

- 1. Созыва выборных всей русской земли, свободы стачек, собраний, союзов и печати, 8-часового рабочего дня;*
- 2. свободы личности и гражданского равенства;*
- 3. контроля за администрацией;*
- 4. непосредственного общения рабочих с верховной властью;*
- 5. отделения церкви от государства;*
- 6. прекращения войны».*

(Листовки большевистских организаций в первой русской революции. Ч. I. М., 1956. С. 368-269).

Начавшись 9 января 1905 г., в своем развитии вплоть до 3 июня 1907 г., первая революция в России прошла три этапа.

Первый этап – с 9 января до конца сентября 1905 г. – характеризовался поступательным развитием революционного движения по восходящей линии; небывалым ростом стачечного движения рабочих с преобладанием политических требований и совершенствованием своих организационных форм; расширением социальной базы революции, включением в нее широких крестьянских масс, а также армии и флота.

Наиболее важные события первого этапа:

- 10–20 января 1905 г., Москва. Забастовка 60 тыс. человек. Более 40 % всех фабрично-заводских рабочих города;

- 12–13 января 1905 г., Рига. Всеобщая стачка протеста против расправы царя над рабочими Петербурга. Продолжалась на протяжении всего января и февраля. Выступление готовилось польскими социал-демократами к годовщине казни членов польской революционной организации «Пролетариат» и соединилось с протестом расправы над петербургскими рабочими. Стачки продолжались в январе–феврале 1905 г.;
- январь 1905 г. Стачки солидарности с петербургскими рабочими в Харькове, Киеве, Лодзи, Екатеринославе, Сормове, Самаре, Саратове, Риге, Тифлисе, Орехово-Зуево, Иваново-Вознесенске;
- январь – март 1905 г. Стачное движение охватило 30 из 33 железных дорог России;
- конец января – 1 сентября 1905 г. Общероссийская стачка студенческая политическая забастовка. В ряде высших учебных заведений принимались резолюции о подготовке к вооруженному восстанию и создавались вооруженные студенческие дружины;
- февраль 1905 г. Политические забастовки в Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Перми, Луганске;
- 22 февраля – 8 марта 1905 г., Юзовка (Донбасс). Всеобщая забастовка 20 тыс. рабочих;
- вторая половина февраля 1905 г. Волнения крестьян в Курской, Орловской и Саратовской губерниях;
- 12 марта 1905 г., Урал. На Алапатыевском заводе общим собранием депутатов завода и Алапатыевского рудника принято решение о создании Совета уполномоченных от рабочих;
- вторая половина марта 1905 г., Нижний Новгород. 10-дневная забастовка 5 тыс. приказчиков и торговых служащих;
- 20–21 апреля 1905 г., Москва. Первый Всероссийский съезд железнодорожников, на котором оформился Всероссийский железнодорожный союз;
- конец апреля 1905 г., Урал. Создан Совет уполномоченных Надеждинского завода;
- 1–2 мая 1905 г. Первомайские демонстрации, стачки. Митинги в 177 городах, в которых приняли участие более 200 тыс. человек;
- 12 мая–22 июля 1905 г. Общегородская забастовка 70 тыс. рабочих в Иваново-Вознесенске во главе с членами РСДРП М.В. Фрунзе, Ф.А. Афанасьевым, Н.А. Жиделевым, Ф.Н. Самойловым, С.И. Балашовым. В ходе стачки был создан первый в России Совет рабочих депутатов (Совет уполномоченных), включавший в себя 151 человек, в том числе 70 большевиков.

Из листовки Московского комитета РСДРП «Ивано-Вознесенская стачка (описание участника) (май 1905 г.)

«По вечерам собрания на Талке (река в черте города) на зеленом лугу развешаются десятки флагов-значков. Это рабочие разделились по своим фабрикам и заводам, каждая фабрика у своего значка. Рабочие вырабатывают свои требования, каждая фабрика отдельно выбирает своих депутатов... Ежедневно собираются рабочие на Талке поговорить о деле и послушать речи своих опытных товарищей социал-демократов... Собрания стали заканчиваться пением революционных песен... Рабочие сами охраняли порядок, и по их же требованию с первого дня были закрыты казенки: не пьянствовать мы вышли,

а бороться за рабочее дело». (Листовки московских большевиков в период первой русской революции. М., 1955. С. 169 - 173).

- Май–июнь 1905 г. Крестьянские волнения на Украине, Кавказе, в Белоруссии, Поволжье, Прибалтике, в Тульской, Курской, Тамбовской и других губерниях.

Из статьи В. Калинина (В. Карпинского) «О размерах и характере крестьянского движения за первую половину 1905 г.»:

«За первую половину 1905 г. мы имеем сведения о крестьянском движении в 44 губерниях (в том числе в одной области) и по меньшей мере 132 уездах... Со стороны социального содержания мы различаем в крестьянском движении три ясно выделяющихся оттенка, характерные для классового деления современной деревни на сельскую буржуазию, среднее крестьянство и сельский пролетариат... Сельская буржуазия высказывается за уничтожение общинного землевладения и введение частной собственности на землю, устранение аграрных неурядиц путем различных реформ, гражданское равноправие, некоторую политическую свободу, общие культурные мероприятия и т.д. Сельский пролетариат выступает со своими характерными требованиями – повышение заработной платы и сокращение рабочего дня. Среднее крестьянство – с требованиями облегчения условий аренды, прирезки земли, наделения землей всех желающих ее обрабатывать из частных, казенных и других земель и т.п.» (Пролетарий. 1905. № 11. 9 авг.).

- 9–11 июня 1905 г., Лодзь. Вооруженное восстание рабочих. Подавлено прибывшими в город регулярными войсками;
- 11–27 июня 1905 г. Всеобщие политические стачки солидарности с лодзинскими рабочими в Варшаве, Минске. Орше, Могилеве, Бобруйске, Петербурге, Москве, Харькове, Риге, Саратове, Екатеринославе, Луганске, Воронеже;
- 13–21 июня 1905 г., Одесса. Всеобщая политическая стачка, сопровождавшаяся столкновениями рабочих с полицией и казаками;
- 14–25 июня 1905 г. Восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический» и некоторых других кораблях Черноморского флота, в котором участвовало до 2 тыс. матросов во главе с большевиками Г.Н. Вакуленчуком., А. Матюшенко.

Из листовки Московского комитета РСДРП с воззванием команды эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» и миноносца № 267 ко всему цивилизованному миру (начало июля 1905 г.):

«Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль и штыков на улицах и полях нашей родины, снимут с нас свое проклятие, как их убийц...

Мы требуем немедленной приостановки бессмысленного кровопролития на полях далекой и чуждой нам Манчжурии.

Мы требуем немедленного созыва всенародного учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права». (Листовки большевистских организаций в первой русской революции. Ч. I. М., 1956. С. 341–342).

- 15–18 июня 1905 г., Либава. Вооруженное восстание флотских экипажей. Восставшие захватили военный порт и предприняли попытку объединиться с бастовавшими рабочими;

- 20–29 июня 1905 г. Политические стачки солидарности с рабочими Одессы и матросами «Потемкина» в Екатеринославе, Харькове, Луганске и других городах Украины;
- 4–26 июля 1905 г., Кострома. Всеобщая стачка рабочих, в ходе которой было избрано Депутатское собрание;
- 9 июля 1905 г. В Петербурге, Риге, Нижнем Новгороде, Сормове, Луганске, Харькове, Туле, Перми, Витебске, Гомеле одновременные стачки, митинги, демонстрации в связи с полугодовщиной расстрела петербургских рабочих;
- 31 июля–1 августа 1905 г., Москва. Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза – массовой беспартийной революционно-демократической организации крестьянства (оргбюро: С.В. Курнин, В.Ф. Краснов, А.Ф. Сталь, А.В. Тесленко);
- 19 сентября – начало октября 1905 г., Москва. Забастовка типографских рабочих, охватившая 110 типографий и почти 10 тыс. рабочих. К печатникам присоединились рабочие мастерских Миусского трамвайного парка и булочники;
- 24 сентября – 7 октября 1905 г., Москва. Первая Всероссийская конференция профессиональных союзов;
- 25 сентября 1905 г. Московский комитет РСДРП обратился к рабочим Москвы с призывом к всеобщей стачке. Произошло столкновение рабочих булочной Филиппова с казаками. Несколько рабочих было убито и ранено, около 200 человек арестовано;
- 3 октября 1905 г. Петербург. Забастовка типографских рабочих в знак солидарности с московским пролетариатом.

Второй этап – с октября по декабрь 1905 г. – стал высшим подъемом революции. Он характеризовался колоссальным размахом стачечной и забастовочной борьбы, заставившей царизм принять экстренные меры не только к ее подавлению, но и к реформированию существовавшей политической системы.

Наиболее важные события второго этапа:

- 6 октября 1905 г., Москва. Забастовали машинисты товарных поездов и телеграфисты подмосковных станций Николаевка, Сортировочная, Перово. Московский комитет РСДРП призвал начать всеобщую стачку на всех дорогах Московского железнодорожного узла 7 октября в 12 часов;
- 7 октября 1905 г., Москва. Началась политическая стачка на Московско-Казанской железной дороге, забастовали рабочие мастерских Московско-Казанской, Московско-Курской и Московско-Ярославской железных дорог. Тем самым было положено начало Всероссийской октябрьской политической стачке.

Из «Обращения Московского комитета РСДРП ко всем рабочим с призывом к вооруженной борьбе против самодержавия» (октябрь 1905 г.):

«Против темных сил, против грязных помощников полиции у нас, товарищи, одно средство: вооружиться нам всем, вооружиться всему народу, выступить всем с оружием в руках для защиты и нападения в рядах Российской социал-демократической партии...

– Вооружайтесь, товарищи! Вооружайтесь всякого рода оружием! Заводские боевые дружины сольются в одну всенародную милицию.

– Да здравствует всеобщее народное вооружение! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!» (Листовки

большевистских организаций в первой русской революции. Ч. II. М., 1956. С. 104–106).

Со скоростью курьерских поездов забастовка распространялась во всех направлениях, охватывая всю территорию страны. Всего в октябре 1905 г. забастовкой было охвачено 120 городов Российской империи. В стачке приняло участие 2 млн человек, среди них 700 - 800 тыс. фабрично-заводских рабочих, около 700 тыс. железнодорожников, десятки тысяч рабочих горной и горнозаводской промышленности, 500 тыс. представителей городских демократических слоев.

Из дневника Николая II:

«12 октября 1905 г. Среда. Забастовки на железных дорогах, начавшиеся вокруг Москвы, дошли до Петербурга, и сегодня забастовала Балтийская. Манухин и представляющиеся еле доехали до Петергофа. Для сообщения с Петербургом два раза в день начали ходить «Дозорный» и «Разведчик». Милые времена!!!». (Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 284).

Из воспоминаний А.Ф. Керенского:

«За две или три недели до 17 октября разразилась забастовка, которая, по-видимому, с исторической точки зрения носила уникальный характер... Я хорошо помню последние дни: с улиц исчезли извозчики, потухли фонари и повсюду воцарилась жуткая тишина. Эта тишина нависла и над Петергофским дворцом, где в те дни жил царь со своим семейством». (Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М. 1993. С. 36.)

- 24 октября – 10 ноября 1905 г., Петербург. Рабочие многих предприятий революционным путем ввели 8-часовой рабочий день;
- 26–27 октября 1905 г., Кронштадт. Восстание матросов и солдат. Выступили 12 флотских экипажей из 22, а также артиллеристы и минеры;
- Октябрь 1905 г. Советы рабочих депутатов созданы в Воронеже, Екатеринославе, Киеве, Луганске, Перми, Нижнем Тагиле;
- Октябрь – ноябрь 1905 г. Массовая волна крестьянских волнений по всей территории Российской империи;
- 31 октября 1905 г. – 18 июля 1906 г. В селе Маркове Волоколамского уезда Московской губернии существовала «Марковская крестьянская республика» во главе с волостным агрономом А.А. Зубрилиным;
- 2–7 ноября 1905 г., Петербург. Всеобщая политическая стачка, в которой приняли участие 140 тыс. рабочих столицы в ответ на предание военно-полевому суду участников Кронштадского восстания и введения военного положения в Польше;
- 11–16 ноября 1905 г., Севастополь. Восстание матросов Черноморского флота во главе с лейтенантом П.П. Шмидтом (1867–1906).

15 ноября, в день решающего сражения с царскими войсками, на стороне восставших было 12 кораблей и 1500 человек команды. На берегу находилось около 2,5 тыс. революционных матросов и солдат. Против них было 22 корабля с 6 тыс. человек личного состава, а также 10 тыс. солдат, более 60 крепостных и полевых орудий на берегу. Севастопольское восстание показало, что в армии происходят серьезные перемены. По оценкам В.И. Ленина, оно знаменовало «полный крах старого, рабского порядка в войсках, того порядка, который превращал солдат в вооруженные машины, делая их орудиями подавления малейших стремлений к свободе» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 111).

- 13–26 ноября 1905 г. 14 дней существовала «Старо-Буянская республика», созданная восставшими крестьянами сел Царевщина и Старый Буян Самарского уезда Самарской губернии;
- 26 ноября 1905 г. Крестьяне Новинской волости Тверской губернии организовали Совет крестьянских депутатов, действовавший под руководством Тверского комитета РСДРП;
- 21 ноября 1905 г., Москва. Первое заседание Совета рабочих депутатов;
- 22 ноября 1905 г. – 22 января 1906 г., Чита. Вооруженные рабочие и солдаты образовали «Читинскую республику», Совет солдатских и казачьих депутатов, которые явочным порядком ввели 8-часовой рабочий день,
- 2–4 декабря 1905 г., Москва. Восстание солдат 2-го Ростовского гренадерского полка;
- 5 декабря 1905 г., Москва. Общегородская конференция РСДРП постановила объявить 7 декабря всеобщую политическую забастовку и перевести ее в вооруженное восстание;
- 8–24 декабря 1905 г. Петербург, Екатеринослав, Пермь. Политические стачки переросли в вооруженные восстания;
- 9–18 декабря 1905 г., Москва. Всеобщая стачка переросла в вооруженное восстание. В городе шли упорные бои, в которых участвовало около 8 тыс. человек.

Из дневника Николая II:

«11 декабря. Воскресенье. Вчера в Москве произошло настоящее побоище между войсками и революционерами. Потери последних больше, но не могли быть точно выяснены.

13 декабря. Вторник. В Москве после крупных столкновений начались мелкие стычки и внезапные нападения на войска. Потери все еще не выяснены.

19 декабря. Понедельник. В Москве, слава Богу, мятеж подавлен силою оружия. Гласное участие в этом приняли: Семеновский и 16-й пех. Ладожский полки».

(Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 292–293)

Декабрьское вооруженное восстание в Москве было кульминацией борьбы против самодержавия в 1905–1907 гг. под лозунгами «Да здравствует учредительное собрание!». «Долой преступное царское правительство!», «Да здравствует демократическая республика!».

Из «Инструкции боевой организации Московского комитета РСДРП» (11 декабря 1905 г.):

«1. Главное правило – не действуйте толпой.

2. ...Не занимайте укрепленных мест.

6. Пехоты по возможности не трогайте.

7. Казаков не жалейте.

8. На драгун и патрули делайте нападение и уничтожайте.

10. Дворникам запрещайте запираť ворота». (Московское декабрьское вооруженное восстание 1905 г. М., 1940. С. 151–153).

Несмотря на поражение, героическая борьба московского пролетариата особенно на Пресне, свидетельствовала о глубоком кризисе самодержавной политической системы.

Из «Воззвания штаба пресненских боевых дружин к дружинникам Пресни с призывом стойко и организованно встретить врага, идущего на штурм революционной Пресни». 16 декабря:

«Война объявлена 17 октября, но последняя схватка, которая войдет в историю под названием «Декабрьское вооруженное восстание», началась 9 декабря. Ныне мы, по воле партии и революции, решаем в нашей цитадели, что делать. Продолжать или кончать смертную схватку между трудом и капиталом?...

Петербургские рабочие, давшие лозунг 9 января начать, устали, разбиты, не поддержали начавшую Москву.

Мы были слабы расшевелить многомиллионное крестьянство. Московский гарнизон остался только нейтральным... Мы одни на весь мир...

Нам смерть не страшна, и если враг помешает нашему плану, нашей воле, то дорого обойдется ему наше отступление. Мы – непобедимы!» (Московское декабрьское вооруженное восстание 1905 г. М., 1940. С. 87 – 88).

- Декабрь 1905 г. – январь 1906 г. Всероссийские стачки и вооруженные восстания в Новороссийске, Красноярске, Ревеле, Вильно, Одессе, Сормово, Нижнем Новгороде, Харькове, Тифлисе, Риге, Ростове-на-Дону, Сочи;
- Декабрь 1905 г. Забастовки на 29 железных дорогах страны.

Третий этап – с января 1906 г. по 3 июня 1907 г. характеризуется плавным спадом стачечного движения. Если в течение 1905 г. было зарегистрировано 2,8 млн участников, то в 1906 г. – 1,1 млн, а в 1907 г. – 740 тыс. Он отличался подъемом национального освободительного движения в Финляндии, Прибалтике, Польше, на Украине, в Закавказье под руководством местных националистических партий; всплеском новой волны крестьянского движения летом 1906 г.; ростом забастовочной борьбы текстильщиков и сельскохозяйственных рабочих; сокращением количества организованных массовых выступлений и увеличение числа разрозненных акций.

Наиболее значимые события третьего этапа:

- 9 января 1906 г. В Петербурге, Москве, на Урале, на Украине, в Белоруссии, Польше, Прибалтике, Закавказье, Сибири и других районах страны происходили митинги и политические стачки в связи с годовщиной «Кровавого воскресенья».

Из секретной телеграммы русского посла в Риме. 10(23) января 1906 г.:

«8 и 9 января в Риме и многих других городах Италии социалистами были устроены шумные собрания для ознаменования годовщины прошлогодних петербургских беспорядков и выражения сочувствия русским революционерам. Властями были приняты строгие меры, главным образом против уличных шествий... В Неаполе при большом собрании молодежи были свалка и аресты. В Риме вчера состоялся близ Коллея многотысячный митинг... последовало столкновение с полицией при попытке помешать движению трамваев. До 50 чинов полиции и войск ранены и ушиблены палками и камнями. 40 демонстрантов задержаны». (Революция 1905–1907 гг.: Документы и материалы. М., 1975. С. 332).

- 25 января 1906 г. В Шуйском уезде Владимирской области бастовало до 40 тыс. рабочих-текстильщиков;
- 18 апреля 1906 г. В Ярославле на Гаврило-Ямской мануфактуре началась 3-тыс. забастовка рабочих, направленная против произвола администрации;
- апрель–июнь 1906 г. В центральных губерниях страны, на Украине, в Прибалтике, Закавказье происходили крестьянские волнения.

Из Всеподданнейшего доклада председателя Совета министров С.Ю. Витте по аграрному вопросу. 10 января 1906 г.:

«Что же касается аграрных беспорядков, то дело с ними обстоит совершенно иначе. Аграрные беспорядки не только не кончены, но едва ли не следует признать их лишь вступившими в первый их период. Можно ожидать весной нового, более вильного их проявления, если только не удастся предупредить соответствующими мерами». (Второй период революции 1905–1907 гг.: Январь–апрель 1906 г. Ч. I. М., 1957. С. 78).

- 1 мая 1906 г. Митинги и однодневные стачки в Петербурге, Москве, Риге, Баку, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Саратове, Нижнем Новгороде Полтаве, Царицыне;
- 25–30 мая 1906 г. В Петербурге на заводах и фабриках происходили многочисленные митинги, на которых рабочие обсуждали вопросы бойкота Государственной думы и безработицы;
- 3–15 июня 1906 г. В Петербурге всеобщая забастовка булочников закончилась победой рабочих – заключением коллективного трудового договора с предпринимателями;
- 19 июля 1906 г. Восстание матросов и моряков в Кронштадте;
- 11 октября 1906 г. В Екатеринославе происходила всеобщая политическая стачка, посвященная памяти жертв расстрела 11 октября 1905 г.;
- 22 февраля 1907 г. В Москве началась массовая стачка рабочих и служащих городского транспорта, потребовавших признания профсоюза, установления двухнедельного оплачиваемого отпуска и оплаты труда за время забастовки;
- март–апрель 1907 г. Крестьянские волнения в Нижегородской, Тульской, Курской, Самарской, Казанской, Симбирской губерниях.

Число крестьянских движений в 1905 г., 1906 г. 1907 г. соответственно составляло 3 228, 2 600, 1 337. Наивысший «тик» приходился на июнь месяц: в 1905 г. – 492, в 1906 г. – 739, в 1907 г. – 72. (Дубровский С.М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг.». М., 1956. С. 42.)

- 1–2 мая 1907 г. в Москве, Петербурге, Киеве, Харькове, Баку, Одессе, Полтаве, Нижнем Новгороде, Риге происходили митинги и политические стачки.

Революционное движение рабочих, солдат и крестьян в 1905–1907 гг. являло собой действенное отражение освободительного движения на практике со всеми его своеобразными чертами. Ситуация складывалась так, что передовая часть дворянства выполняла историческую миссию буржуазии, рабочий класс представлял интересы крестьянства и других трудящихся слоев. Во главе этого движения стояла российская интеллигенция с ее благородным подвижничеством, «комплексом вины» перед народом, внутренней разобщенностью и постоянные идейными поисками и шатаниями. Бессильная сама по себе, эта интеллигенция могла обрести точку опоры только в передовом классе – пролетариате.

Для освободительного движения в России были характерны идеологическая и организационная многоликость, перевес революционных тенденций над либеральными, ранняя социалистическая окраска, а на более поздних этапах комбинирование его потоков (пролетарского, крестьянского, национально-освободительного). Освободительному движению в России было неизмеримо труднее удержаться в рамках теории мирного обновления и классического буржуазного конституционализма. «Русский бунт» неизбежно выходил на авансцену истории в ее наиболее критические и переломные моменты.

Лекция 7

СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Уже в первые дни после «кровавого воскресенья» при всей отчаянной решимости Николая II не допустить перемен в политической жизни страны потребность в преобразованиях стала непреодолимой. Изменения были необходимы и для того, чтобы прекратить нараставший подъем стачечной борьбы, принимавшей общероссийский характер, и для того, чтобы успокоить либеральную оппозицию, видевшую причины революции в отклонении ее требований. О необходимости реформирования верховной власти для сохранения режима говорили даже в министерской среде.

Отвергнув предложенную 18 января 1905 г. совещанием под председательством Витте идею о манифесте-соболезновании, император поручил назначенному петербургским генерал-губернатором Д.Ф. Трепову собрать делегацию из рабочих столичных заводов. 19 января он их принял в Царском Селе, выразив свое сочувствие и при этом подчеркнув, что «мятежной толпой заявлять о своих нуждах – преступно».

В то же время он распорядился отпустить 50 000 руб. на пособия семьям пострадавших 9 января и поручил сенатору С.И. Шидловскому возглавить комиссию для выяснения нужд рабочих при участии выборных из их среды. 21 января царь утвердил программу министра финансов В.Н. Коковцова по рабочему вопросу, предусматривавшую учреждение больничных касс, примирительных камер, сокращение рабочего дня и пересмотр закона о стачках.

Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943) – *граф, статс-секретарь, член Государственного совета, товарищ министра финансов (1896 г.), министр финансов (1904, 1906–1914 гг.), председатель Совета министров (1911–1914 гг.), крупный банковский деятель. С декабря 1915 г. председатель Второго департамента Государственного совета. В конце июня 1918 г. был арестован и несколько дней находился под арестом в Петроградской ЧК. В ноябре 1918 г. нелегально переехал через финскую границу, а затем эмигрировал во Францию.*

3 февраля 1905 г. Николай II созвал Совет министров для обсуждения вопроса о введении представительства, предварительной проработкой которого должен был заниматься новый министр внутренних дел А.Г. Булыгин.

Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919) – *статс-секретарь, член Государственного совета, тамбовский, затем калужский вице-губернатор. С 1893 г. московский губернатор, с 1902 г. помощник московского генерал-губернатора. В январе–октябре 1905 г. – министр внутренних дел. С 17 октября 1905 г. в отставке. С 1913 по 1 марта 1917 гг. главноуправляющий Собственной е.и.в. канцелярии по учреждениям имп. Марии Федоровны. Расстрелян по приговору рязанской ЧК.*

Из воспоминаний С.Ю. Витте

«Булыгин представлял собой человека в высшей степени порядочного, честного, благородного, очень неглупого, человека с довольно обширными государственными познаниями, но по характеру и натуре человека благодушного, не любящего ни особенно трудного положения, ни борьбы, ни политической суеты... Будучи министром внутренних дел, он, в сущности говоря, вел лишь только вопросы спокойные, а все вопросы беспокойные, которые и составляли в то время всю суть положения дела, велись или самим Треповым, или под его влиянием на самого Булыгина и, в особенности на его величество». (Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 450–451)

Однако совещание оказалось безрезультатным, так же как и созванное в очередной раз 11 февраля для рассмотрения составленных управляющим делами Комитета министров Э.Ю. Нольде проектов рескрипта.

Одновременно шла дискуссия вокруг преобразования Совета министров путем слияния с Комитетом министров в орган управления. Инициатору этой идеи Витте приходилось выдерживать довольно мощный натиск со стороны своих оппонентов в лице Нольде и Коковцова, ставивших под сомнение целесообразность подобного соединения. Главным контраргументом было утверждение о том, что разъединенность министров удобнее для самодержца, чем их объединение. Кроме того, оспаривался тезис Витте о том, что председательствовать в новом органе должен не царь, а один из постоянных членов Совета.

Николай II сомнительно относился к этим проектам, считая, что они ставят самодержавный принцип под угрозу еще до решения вопроса о представительстве. Его связывали с 19 февраля, годовщиной отмены крепостного права. Однако Николай II придерживался тактики сочетания карательных действий с применением политических мер для умиротворения общества.

17 февраля царь издал манифест против «злоумышленных вождей мятежного движения», пытающихся «разрушить существующий государственный строй», с требованием к властям усилить карательные меры и с призывом «к благомыслящим людям» о поддержке. Между тем одновременно изданный указ Сенату разрешал петиции на высочайшее имя, посвященные «общей пользе и нуждам государственным» и возлагал их рассмотрение на Совет министров.

18 февраля подписанный Николаем II рескрипт на имя Булыгина, самим же министром и составленный, провозглашал намерение привлечь «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке законодательных предположений». Булыгину поручалось председательствовать в Особом совещании для разработки концепции преобразований при условии неперменного сохранения незыблемости Основных законов империи.

Отмечая необходимость проведения данного преобразования «лишь в порядке известной последовательности и с осмотрительностью», «при непре-

менном сохранении незыблемости Основных законов империи», Николай II «предвидел всю его сложность и трудность». Эти трудности он связывал с «особыми условиями обширного Отечества нашего, разноплеменностью состава его населения и слабым в некоторых его частях развитием гражданственности». Эти особенности затрудняли прямое заимствование западноевропейского правового опыта. Так, обширность территории империи осложняла в то время проведение прямых выборов, особенно среди крестьян. При прямых выборах страна должна быть поделена на огромные избирательные округа. По правительственным прогнозам, они достигали в среднем по империи 38 000 кв. км, по Европейской России – 12 000 кв. км. При слабом развитии коммуникаций, информационных средств, малограмотности населения это привело бы к формализации выборов. Другой отличительной особенностью России был ее многонациональный характер. Недавно приобретенные территории резко отличались по социокультурному развитию от ядра российской государственности, что предопределяло придание ряду регионов и национальных групп особого избирательного статуса.

Наконец, император обратил внимание министра на слабое в России развитие гражданственности. В первую очередь это замечание касалось не только национальных окраин, но и русского крестьянства. Одной из помех на пути политической модернизации России по западноевропейским образцам был социокультурный раскол общества, сказывающийся на политической ориентации различных социальных групп. Большинство интеллигенции стремилось к конституционным формам правления, полагая себя подготовленными к их восприятию. Крестьянство же было равнодушно к подобным проблемам. Власти приходилось учитывать различную степень готовности восприятия представительных учреждений образованными людьми и простолюдинами.

Помимо перечисленных проблем, с которыми с самого начала столкнулись разработчики реформы, существовали и другие, о которых не говорили открыто в официальных документах. К ним прежде всего следует отнести обострившийся конфликт между основными задачами реформы. С одной стороны, власть стремилась придать ей консервативный характер, увязать с действующим законодательством, т. е. с принципом неограниченной самодержавной власти; с другой – пойти навстречу требованиям умеренной оппозиции. Нетрудно заметить, что между этими целями изначально существовал узел противоречий. «Необходимо проскользнуть по узкой тропинке между недоверием сверху и преувеличенными ожиданиями снизу и найти то среднее, которое отвечало бы назревшим и достаточно очевидным потребностям страны», – так понимал свою сложную задачу С.Е. Крыжановский, которому министр Булыгин поручил разработку реформы.

16 марта Николай II одобрил доклад Булыгина, направленный на ликвидацию идеи разработки проекта представительства путем созыва совещания, участия в котором добивались земские и городские органы самоуправления. Все общество, выражавшее свое мнение через прессу самых различных направлений, было единодушно в скорейшем открытии булыгинского совещания. Яблоком раздора был характер представительства – законодательный или законосовещательный, а также способы его выборов. В этих условиях царизм намеревался свести к минимуму его права и принять такую избирательную систему, которая придавала бы ему благонадежный характер.

В основу подготовленным министром внутренних дел проекта создания Государственной думы была положена идея участия в ее работе лиц, избранных населением на более или менее продолжительный срок для обсуждения всех законодательных предложений. Сама по себе эта неприятная для Николая II идея была приукрашена экскурсом в прошлое России.

Проект Булыгина состоял в том, чтобы дать правительству возможность лавировать между двумя законосовещательными учреждениями – Государственным советом, члены которого назначались царем, и Государственной думой. Главным при этом было закрепление ограничения компетенции Думы чисто совещательными функциями. Подобное достигалось не только тем, что Дума должна была стать низшей палатой по отношению к Государственному совету, но прежде всего сохранением законодательного права только за царем. В связи с этим вновь поднимался вопрос об объединенной деятельности министров. Опасаясь, что межведомственная борьба перенесется в Думу, Булыгин не исключал возможным рассмотрение законодательных предположений до внесения их в Думу в Совете министров.

Такое решение вопроса о представительстве не могло удовлетворить разгоряченного борьбою населения, на различных формах протеста которого зазвучали все более радикальные требования. Они стали более настойчивыми после разразившейся 14–15 мая цусимской катастрофы.

Из воспоминаний генерала от инфантерии Ю.Н. Данилова

«В конце мая в Москве был созван съезд из земских и городских деятелей, который постановил представить государю через особую депутацию адрес о скорейшем созыве народных представителей и о даровании стране конституции. Депутация была принята императором Николаем, к которому князь С.Н. Трубецкой, профессор Московского университета и известный общественный деятель, обратился с изложением существа постановления съезда, Наконец, в июле 1905 г. собрался вторично того же характера съезд, еще определеннее высказавший, что осуществление проекта созыва народных представителей на возвышенных началах не может внести успокоение в страну и предотвратить опасности, ей угрожающие». (Данилов Ю.Н. *На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии.* М., 1992. С. 45)

С мая по июнь булыгинский проект находился на рассмотрении Совета министров, который не только его одобрил, но и рекомендовал незамедлительно приступить к его осуществлению. В июле в Петербурге под председательством царя прошла серия совещаний по данному проекту.

6 августа были обнародованы утвержденные царем *Манифест об учреждении Государственной думы и положение о выборах в Государственную думу*. В них содержалось обещание созвать не позднее середины января 1906 г. законосовещательную Государственную думу, «сохраняя неприкосновенным Основной закон Российской империи о существе самодержавной власти». Избирательный закон предусматривал куриальную систему выборов (землевладельческая, городская, сельская) и обеспечивал приток в Думу прежде всего помещиков и крестьян, считавшихся опорой самодержавия.

Из «Учреждения Государственной думы» от 6 августа 1905 г.:

«Ныне настало время, следуя благим начинаниям их, призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в состав-

лении законов, включив для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, к которому представляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предложений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов...

Мы сохраняем за собой заботу о дальнейшем усовершенствовании учреждения Государственной думы, и когда жизнь сама укажет необходимость тех изменений в ее учреждении, кои удовлетворяли бы вполне потребностям времени и благу государственному, не преминем дать по сему предмету собственные в свое время указания...

1. Государственная дума учреждается для предварительной разработки и обсуждения законодательных предположений, восходящих, по силе основных законов, через Государственный совет, к верховной самодержавной власти». (Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 30–31)

Из «Положения о выборах в Государственную думу»:

«6. В выборах не участвуют:

а) лица женского пола; б) лица моложе двадцати пяти лет; в) обучающиеся в учебных заведениях; г) воинские члены армии и флота, состоящие на действительной военной службе; д) бродячие инородцы и е) иностранные подданные». (Государственная дума в России в документах и материалах. С. 40)

Однако радикализированное общество не удовлетворилось подобными уступками власти. Неприятие вызывали не только законосовещательные функции Думы, отстранение от участия в выборах значительной части населения, но и непрямой, неравный характер выборов, предложенный Булыгиным и одобренный Советом министров.

После издания манифеста 6 августа 1905 г. о созыве законосовещательной Думы все партии встали перед выбором: либо принять «булыгинскую конституцию» и тем самым ввести революцию в «законные» рамки, либо ее бойкотировать и стремиться созвать Учредительное собрание на основе всеобщего избирательного права.

В оппозиционном лагере по отношению к манифесту 6 августа выявилось несколько точек зрения. Крупная буржуазия с энтузиазмом ухватилась за него, рассчитывая на постепенное расширение прав законосовещательной Думы и на превращение ее в дальнейшем в законодательную. Наметился раскол и в земской среде. Одни продолжали выступать за созыв Учредительного собрания. Другие считали, что после 6 августа вопрос об Учредительном собрании перестал быть актуальным и следует принять участие в выборах в Думу.

Дискуссия о выгоде или же вреде «булыгинской думы» была решена в ходе столкновений сил осени 1905 г. Желанное «успокоение» страны обернулось массовым бойкотом «булыгинской думы» и дальнейшим подъемом революционной борьбы. Перед Николаем II встала альтернатива: установление военной диктатуры либо провозглашение широких либерально-конституционных реформ, способных внести раскол в оппозиционно-революционный лагерь. Однако первый вариант царю пришлось отвергнуть. Великий князь Николай Николаевич отказался от предложения стать диктатором, пригрозив самоубийством в случае установления диктатуры. Состоявшийся 12–15 сентября 1905 г. земско-городской съезд хотя и высказался за участие в работе «булыгинской думы», но

остался на позициях борьбы за «истинный парламентаризм и полную свободу гражданина и личности».

Как только началась Октябрьская политическая стачка, Витте начал работать над всеподданнейшим докладом о том, чтобы предоставить ему, как председателю Комитета министров, полномочия по объединению министров. 9 октября специально для предстоящей встречи с царем была подготовлена программная записка, с помощью которой Витте хотел окончательно склонить Николая II к уступкам. Со ссылкой на историю освободительного движения в России в ней доказывалась победа революции, в случае если лозунг «свобода» не станет лозунгом самого правительства. «Выбора нет: или стать во главе движения, – утверждал Витте, – или отдать ее на растерзание стихийных сил. Казни и потоки крови только ускорят взрыв». Исходя из этих положений, Витте предлагал отмену всех исключительных мер; введение свобод и равноправия граждан; «конституцию в смысле общения царя с народом на почве разделения законодательной власти, бюджетного права и контроля за действиями администрации»; расширение избирательного права, автономию Польши и Грузии и ряд других реформ, вплоть до «экспроприации частной земельной собственности».

Словесный радикализм записки, полученной царем 9 октября, явно не совпадал с собственными политическими взглядами Витте. Он, без сомнения, был вызван тактическими соображениями, желанием Витте стать премьером с предоставлением ему права подбора министров даже из числа общественных деятелей. Расчет был беспроигрышным. Рейтинг Витте после заключения Портсмутского мира без контрибуций был очень высок. Кроме того, Витте был убежден в том, что в альтернативной идее военной диктатуры царь увидит прежде всего угрозу своей власти. 10 октября Николай II высказался за опубликование записки в виде манифеста.

13 октября царь поручил Витте объединить деятельность министров для всеобщего порядка. Генерал-губернатору Д.Ф. Трепову были подчинены войска Петербургского военного округа. В то же время указом 14 октября, чтобы прекратить митинги в университетах, были разрешены собрания в нескольких городских залах. Однако Витте медлил с принятием назначения, настаивая на согласии царя обнародовать предложенную программу выхода из кризиса, которая утвердилась бы в сознании россиян именно как либеральная реформа Витте. Николай II, напротив, полагал, что такие судьбоносные преобразования должны быть провозглашены только в форме манифеста.

Судьба России была решена в ночь с 16 на 17 октября, когда Витте все-таки согласился на премьерство, поняв окончательно, что его программа появится только как царский манифест. 16 октября в своем ответе на «треповский» отзыв о «виттевском» варианте манифеста царь писал: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее, но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей и в конце концов случилось неизбежное. Тем не менее, по совести я предпочитаю давать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки придти к тому же».

Проект манифеста разрабатывался в ходе консультативных встреч Николая II с рядом видных российских сановников и по существу являл собой некую комбинацию из вариантов Витте, князя А.Д. Оболенского и И.Л. Горемыкина.

Манифест был подписан в 5 ч вечера 17 октября. Одновременно был утвержден и виттевский доклад. Так появились два связанных друг с другом официальных документа, разница между которыми заключалась в мерах уступок царизма, определяемых ходом революционной борьбы между 8 (начало составления документа) и 15 октября (был написан проект манифеста).

Но если в манифесте было больше уступок, то в докладной записке Витте содержались критические замечания в адрес предшествовавшего внутривиттевского курса царизма.

Манифест даровал населению «незыблемые основы гражданской свободы» на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов, о расширении состава думских избирателей за счет «тех классов населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав», о предоставлении Государственной думе законодательных прав, о создании объединенного Совета министров. В то же время в документе ничего не было сказано о сословном равноправии, о равенстве избирательных прав, об учреждении ответственного перед Думой правительства.

«Об усовершенствовании государственного порядка». Высочайший манифест от 17 октября 1905 г.:

«Божьей милостью мы, Николай Второй, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая, и прочая.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой и тяжелой скорбью преисполняют сердце наше. Благо Российского государя неразрывно с благом народным, и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целостности и единству державы нашей...

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая назначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на земле».

(Государственная дума в России в документах и материалах. С. 90)

Смысл издания Манифеста 17 октября 1905 г. заключался в том, чтобы внести успокоение и «умиротворяющим образом ответить на жажду населения ви-

деть Россию конституционным государством». Между тем, хотя весь документ и казался построенным на конституционных началах, самое слово «конституция» нигде употреблено не было. Как выразился в своих воспоминаниях генерал Ю.Н. Данилов, образ правления в России можно было бы назвать «конституционной империей при самодержавном царе» (Данилов Ю.Н. На пути к крушению. М., 1992. С. 48).

Поэтому манифест вызвал двоякую реакцию в обществе: у революционных партий – решимость продолжить борьбу с еще большим ожесточением, у широких масс – чувство радости, что пришел конец забастовкам и всякого рода беспорядкам. Правое крыло либерализма было полностью удовлетворено обещанием царя созвать законодательную Думу и расширить избирательные права. Сложнее была позиция кадетов, которые считали, что Манифест 17 октября заложил основы для перехода России от самодержавного режима к конституционно-монархическому строю. Вместе с тем они осознали, что манифест все же «не предоставляет даже минимума уступок, так необходимых на сегодняшний день».

Из воспоминаний П.Н. Милокова

«Упорное нежелание произнести «слово» [Конституция. – В.З.] показало, что за мнимой уступкой кроется надежда – и даже не надежда, а уверенность, что когда пройдет революционный шквал, можно будет убрать, вместе с уступками, и их автора, и произнести уже громко другое «слово», – которое даже было, под тем или другим предлогом, сохранено...: слово «самодержец».

(Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 332)

Манифест 17 октября раздробил и единый революционный поток. Рассматривая царский документ как победу революции, большевики разоблачали лицемерный, с их точки зрения, характер обещаний, подчеркивая, что «самодержавие вовсе еще не перестало существовать».

Меньшевики же, разделяя конституционные иллюзии, исходили из того, что страна будет развиваться по мирному, конституционному пути, и возлагали на это свои надежды. Центральный комитет партии социалистов-революционеров вынес решение о прекращении индивидуального террора и о переходе к иным массовым методам борьбы.

Реализация нового политического курса была возложена на Витте, получившего помимо премьерства широкие полномочия. Сохранив за собой право последнего решения, царь оставил в своем непосредственном ведении министерства военное, морское и иностранных дел, назначив управляющим Министерством внутренних дел П.Н. Дурново (1844–1915), в прошлом директором департамента полиции, а командование войсками гвардии и Петербургского военного округа возложив на великого князя Николая Николаевича.

Из воспоминаний С.Ю. Витте:

«Я был лишен возможности составить новое министерство, сочувствующее 17 октября или, по крайней мере, понимающее его неизбежность, в течение ближайших недель, что, конечно, содействовало общей неопределенности, растерянности власти в ближайшие 10–12 дней после 17 октября...

В сущности, я должен был в это время один управлять Россией – Россией поднявшейся, революционировавшейся, не имея в своих руках ни каких орудий управления сложным механизмом империи, составлявшей чуть ли не 1/6 всей земной суши, с 150-миллионным населением. Если к этому прибавить, что за-

бастовка железных дорог, а потом почты и телеграфа мешала сообщениям, передаче распоряжений, что 17 октября для провинциальных властей упало, как гром на голову, что большинство провинциальных властей не понимало, что случилось, что многие не сочувствовали новому положению..., что многие не знали в какую им дудку играть, чтобы, в конце концов, не проиграть, что одновременно действовала провокация, преимущественно имевшая целью создать погромы..., то будет совершенно ясно, что в первые недели после 17 октября проявилась полная дезорганизация власти, как говорится, «кто шел в лес, а кто по дрова», одним словом, можно сказать, действовала сломанная, неорганизованная власть, которую потом окрестили растерянной властью».

(Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 553)

С первых дней премьерства Витте стало ясно, что «скорое успокоение» вряд ли возможно. Правительственным сообщением 20 октября Витте объявил, что осуществление провозглашенных манифестом реформ требует времени для законодательной разработки, а пока должны действовать прежние законы. Тем самым Витте по существу дал понять, что он намерен сохранить самодержавную власть без всяких перемен и отложить реализацию задач и принципов преобразования России в духе конституционного обновления, о чем много писал и говорил до 17 октября 1905 г.

Из доклада С.Ю. Витте царю о характере существующего государственного строя в России и необходимости его сохранения:

«Я полагаю, что деятельность власти на всех ступенях должна быть охвачена следующими руководящими принципами:

1. Прямота и искренность в утверждении на всех поприщах даруемых населению благ гражданской свободы и установление гарантий сей свободы.

2. Стремление к устранению исключительных законоположений.

3. Согласование действий всех органов правительства.

4. Устранение репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству, опираясь на закон и в духовном единении с благоразумным большинством общества».

(Государственная дума в России в документах и материалах. С. 93)

Но обойтись без нововведений все-таки не удалось. Вслед за изданием Манифеста 17 октября правительство приняло ряд мер политического и социального характера. 21 октября была объявлена политическая амнистия. 3 ноября был обнародован царский манифест, который предусматривал уменьшение выкупных платежей наполовину в 1906 г. и полную их отмену с 1 января 1907 г. 24 ноября была значительно расширена черта еврейской оседлости.

Однако от Витте ожидали гораздо большего. 18 октября в беседе с представителями петербургских газет премьер-министру был выражены первые недовольства. 22 октября земцы потребовали от Витте Учредительного собрания. В ответ тот в отчаянии воскликнул: «Если бы при теперешних обстоятельствах во главе правительства стоял Христос, то и ему не поверили бы!» (Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. Т. 1. С. 319)

Все острее стало чувствоваться политическое соперничество между императором и Витте, характерное для всего периода политической деятельности последнего, вне зависимости от занимаемых им правительственных постов. Витте был государственным деятелем, который понимал значение необходи-

мых реформ и одновременно твердой власти. Николай II обратился к Витте после увольнения с поста министра финансов, потому что нуждался в нем. Но царь не терпел снисходительно-поучительного тона, который позволял себе в разговорах с ним премьер-министр.

Из письма Николая II матери от 10 ноября 1905 г.:

«...Ты мне пишешь, милая мама, чтобы я оказывал доверие Витте. Могу тебя уверить, что с моей стороны делается все, чтобы облегчить его трудное положение... Но не могу скрыть от тебя некоторого разочарования в Витте. Все думали, что он страшно энергичный и деспотический человек и что он примет сразу за водворение порядка прежде всего... Между тем, действия кабинета Витте создают странное впечатление какой-то боязни и нерешительности».

(Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. СПб., 1998. С. 47)

31 октября, через две недели после Манифеста, последовал первый «акт твердой власти». Было объявлено военное положение в царстве Польском. Правительство обещало отменить его только в том случае, если в стране наступит успокоение после начавшейся 2 ноября всеобщей забастовки в знак протеста.

Открывшийся 6 ноября в Москве очередной земский съезд, на который премьер возлагал большие надежды, отказался от поддержки новых политических начинаний. 23 ноября появилось правительственное сообщение о том, что введение правового порядка требует времени, и окончательное проведение в жизнь основ гражданской свободы может быть осуществлено лишь с законодательной санкции Думы.

29 ноября был издан указ, предоставлявший местным гражданским и военным властям право в случае забастовок на железных дорогах, почте или телеграфе объявлять исключительное или военное положение без ведома центральных властей. 2 декабря было установлено тюремное заключение для участников забастовок на предприятиях государственного значения.

Из письма Николая II матери

«Теперь он [Витте. – В.З.] хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона... Благодаря этому свойству своего характера, почти никто ему больше не верит, он окончательно потопил себя в глазах всех...»

12 декабря 1905 г. был опубликован царский указ с изменениями положений о выборах в Думу. В дополнение к закону 6 августа в число избирателей, кроме рабочих, включались средние и низшие разряды городской и сельской интеллигенции, а также некоторые разряды мелких землевладельцев и лиц, хотя и обрабатывающих землю, но не связанных с нею правом собственности. Соотношение числа выборщиков по новой системе составляло 41,9% крестьянских, 32,4% землевладельческих, 22,1% городских и 3,4% рабочих.

К началу Декабрьского вооруженного восстания в Москве Витте как глава правительства претендовал на роль одного из главных руководителей карательной политики и требовал от царя, чтобы порядок определения дислокации войск в стране был изменен и подотчетен лично ему. 13 декабря Совет министров по настоянию Витте рассмотрел вопрос о применении военно-полевого суда против участников революционного движения. 24 декабря царь предложил Витте разработать проект мероприятий, способных устранить как аграрные беспорядки, так

и крестьянские бунты. Однако проект закона главноуправляющего землеустройством и земледелия Н.Н. Кутлера об отчуждении за довольно высокую плату казенных, удельных и частновладельческих земель, которые, по мнению, самих реформаторов, не могли удовлетворить крестьянскую нужду в земле. Предложение же о создании черносотенного ополчения царь отклонил, однако, Витте проигнорировал эту рекомендацию. Но решение Николая II вовсе не означало отход от усиления карательных мер против продолжавшейся революции. Он тут же предложил учредить «конно-полицейскую стражу, хорошо вооруженную, которую расквартировать по городам и железнодорожным узлам».

По большому счету, это было очередным проявлением слабости правительства. «Если восстановить порядок можно, только приставив к каждому обывателю солдата с ружьем и поставив у каждого дома пушку, то, значит, солдаты и пушки охраняют не тех, кого следует, – анализировал происходившее Милюков. – Если все против власти, это значит, что власть против всех...» (Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 351)

Наступление реакции приводило к единению антиправительственных сил, а главное – к серьезной трансформации общественного сознания. Карательные действия вкупе с подготовкой к открытию Государственной думы приводили, по точному выражению Милюкова, к тому, что «страх перед революцией проходил у обывателя».

Основное внимание власти в период после образования либеральных и консервативных партий и подавления Декабрьского вооруженного восстания было сконцентрировано на аграрной политике и государственных преобразованиях. Процесс разработки правительственных мероприятий в аграрной сфере отражал подъемы и спады в крестьянском революционном движении. В области государственных преобразований все усилия были направлены к тому, чтобы временно ограничить полномочия Думы, сведя к минимуму ее законодательный характер. Рабочий вопрос в его экономическом разрешении отодвигался на второй план. Изданный 20 февраля 1906 г. Манифест об изменении учреждения Государственного совета и пересмотре думского учреждения означал некоторый шаг назад от Манифеста 17 октября и устранял известное двухпалатное равенство, поскольку превращал Государственный совет в верхнюю палату.

4 марта 1906 г. были обнародованы временные правила о союзах и собраниях, которые предоставляли министру внутренних дел право закрывать общества и союзы, если их деятельность признавалась им «угрожающей общественному спокойствию и порядку». Существенным ограничением прав Думы были бюджетные правила 8 марта, «бронировавшие» целый ряд частей бюджета (платежи по бюджетному долгу, военный и морской бюджеты, бюджет министерства Двора). Все эти изменения вошли в новую редакцию Основных государственных законов Российской империи, утвержденную царем 23 апреля и опубликованную 26 апреля 1906 г. Это было закрепление законодательной власти за Государственным советом и Государственной думой. В них повторялись положения манифеста 20 февраля. Существенным отличием было то, что пересмотр Основных законов допускался только по инициативе государя. Однако определение императорской власти как неограниченной было устранено.

Из «Свода Основных государственных законов (в новой редакции) от 23 апреля 1906 г.:

Раздел первый. Основные государственные законы.

Глава первая.

«О существе верховной самодержавной власти

...4. Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его, не только за страх, но и за совесть, сам бог повелевает.

5. Особа государя императора священна и неприкосновенна.

7. Государь император осуществляет законодательную власть с Государственным советом и Государственной думой.

8. Государю императору принадлежит почин по всем предметам законодательства. Единственно по его почину основные государственные законы могут подлежать пересмотру в Государственном совете и Государственной думе.

9. Государь император утверждает законы, и без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения.

10. Власть управления во всем ее объеме принадлежит государю императору в пределах всего государства Российского. В управлении верховная власть его действует непосредственно; в делах же управления подчиненного определенной степени власти вверяется от него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим его именем и по его повелениям.

11. Государь император в порядке верховного управления издает в соответствии с законами указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов.

12. Государь император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского государства с иностранными державами. Им же определяется направление международной политики Российского государства».

(Государственная дума в России в документах и материалах. С. 142)

Основные законы разрабатывались и утверждались в атмосфере стремления опередить созыв Думы, чтобы лишить ее возможности их рассмотрения. В состав Основных законов спешно включались некоторые положения из учреждения Думы и Государственного совета с тем, чтобы возможность их пересмотра зависела от инициативы царя.

23 апреля 1906 г. было опубликовано сообщение об отставке Витте и всего его Кабинета. Как писал Милюков в своих воспоминаниях, «он был больше не нужен. — после того как, благодаря ему, правительство успело получить заем в Париже, а войска вернулись из Манчжурии. Военные и материальные силы правительства были теперь достаточны для того, чтобы не бояться Государственной думы». Тем самым Николай II подвел черту под своим политическим сотрудничеством с Витте. Одновременно он отомстил ему и за своеобразную «забастовку министров» 12 февраля 1906 г., когда те, по инициативе Витте, заявили государю, что царские кандидаты на министерские должности не отвечают требованиям однородности состава правительства. В письме матери от 2 ноября 1906 г. Николай II писал: «Нет, никогда, пока я жив, не поручу я этому человеку самого маленького дела! Довольно с меня прошлогоднего опыта» (Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. Т. 1. С. 341–342)

Царь вынес Витте вердикт в малодушии в деле защиты самодержавных устоев Российской империи. Либеральная пресса, напротив, характеризовала Витте

сторонником неограниченной монархии, но при этом вовсе «не реакционером, а просто человеком без всяких убеждений».

Место премьер-министра занял *И.Л. Горемыкин*, почти всегда возражавший против предложений своего предшественника.

Горемыкин Иван Логинович (1839–1917) – сенатор, член Государственного совета, в 1895 – 1899 гг. – министр внутренних дел, в 1905 г. председатель Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения. С 21 апреля по 8 июля 1906 г. председатель Совета министров.

Главной миссией Горемыкина, по выражению Милюкова, было «распустить Думу, если она захочет проводить свой аграрный законопроект». Министром внутренних дел был назначен *П.А. Столыпин*.

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) окончил Петербургский университет. Начал свою служебную карьеру в Министерстве внутренних дел. В 1899 г. был назначен ковским губернатором, в 1903 г. был переведен на должность губернатора Саратовской губернии. Председатель Совета министров с июня 1906 г. до убийства в сентябре 1911 г.

Из воспоминаний С.Ю. Витте:

«Самое назначение министерства Горемыкина перед самым созывом Государственной думы, министерства, которое заключало членов, известных всей России как крайние реакционеры и поклонники полицейского режима, конечно, не могло служить к успокоению первой Государственной думы, Думы левого направления, да еще такого тревожного направления, какое было в то время, когда можно сказать, громадное большинство россиян как бы сошло с ума».

(Витте С.Ю. Избранные воспоминания. С. 619)

11 декабря 1905 г. был обнародован новый избирательный закон. Кроме трех курий при выборах в Думу – землевладельческой, городской и земледельческой (крестьянской) – объявлялось о создании рабочей курии. Для участия в выборах по первой курии требовался довольно высокий земельный (от 100 до 650 десятин земли, в зависимости от местности) или имущественный (недвижимая собственность не менее 15 тыс. руб.) ценз. Уездный избирательный съезд землевладельцев выбирал выборщиков. В городском избирательном съезде принимали участие представители буржуазии, для которых устанавливался также довольно значительный имущественный ценз. Для крестьян (кроме Сибири и Польши) ценз не устанавливался, но сохранялась сложная четырехстепенная система выборов: сельские сходы выбирали десятидворников, те на волостных сходах – уполномоченных, те в свою очередь на уездных съездах – выборщиков. Для рабочих были установлены трехстепенные выборы. Право голосовать получили рабочие предприятий с числом рабочих-мужчин от 50 до 1000 человек; они выбирали одного уполномоченного. Крупные предприятия избирали по одному уполномоченному на каждую тысячу рабочих-мужчин. Уполномоченные от рабочих всей губернии собирались на губернское собрание, на котором выбирали выборщиков.

Выборщики, избранные всеми четырьмя куриями, собирались на губернское избирательное собрание, где каждая курия выбирала установленное законом число депутатов Государственной думы. Впрочем, крупные города имели право выбора депутатов непосредственно на городских избирательных собраниях.

Таким образом, оценивая избирательный закон 11 декабря, можно констатировать, что, во-первых, выборы были не всеобщими: избирательное право

не получили мужчины-рабочие, занятые на мелких предприятиях, с числом рабочих менее 50 человек; женщины; молодежь до 25 лет; военнослужащие действительной службы; ряд национальных меньшинств. Во-вторых, выборы были неравными: один выборщик от 2 тыс. населения по землевладельческой курии; от 4 тыс. – городской; от 30 тыс. – земледельческий (крестьянский); от 90 тыс. – рабочей. В-третьих, выборы были непрямыми: двух, а для рабочих и крестьян трех и четырехстепенными.

Революция инициировала преобразования, но одновременно она же затрудняла ход реформ. Стратегическая задача предпринятых преобразований состояла в модернизации государственного строя империи. Власть осознала, что Россия переросла существующую форму правления и стремится к правлению гражданскому. Но в то же время революционная стихия подталкивала власть к централизации управления, переходу к его чрезвычайным формам. Этим объяснялись постоянные колебания правительственного курса в рассматриваемый период.

Организационное устройство Государственных дум всех созывов определялось «Учреждением Государственной думы» от 20 февраля 1906 г. Закон устанавливал пятилетний срок ее деятельности. Специальным указом монарх мог досрочно распустить Думу и назначить выборы и сроки созыва Думы нового состава. Продолжительность ежегодных сессий и сроки перерыва в думской работе определялись также царскими указами.

Аппарат Государственной думы состоял из общего собрания и канцелярии, а также отделов и комиссий. Общее собрание ежегодно выбирало из своей среды председателя и его двух товарищей, по истечении года они могли быть переизбраны. Для управления канцелярией Думы из депутатов избирался секретарь и его товарищи. В обязанности председателя Думы входили руководство прениями в общем собрании, наблюдение за порядком, назначение пристава и его помощников, доклады императору о действиях Думы.

На заседаниях Думы могли присутствовать и выступать министры и главноуправляющие. На открытые заседания допускалась публика. Прения на заседаниях стенографировались и после одобрения председателем допускались в печать.

Статья 33 «Учреждения» давала право группе депутатов в количестве не менее 50 человек обращаться с запросом к председателю Совета министров, министрам, главноуправляющим. Такое большое количество подписей, необходимое для запроса, нередко лишало левые фракции возможности воспользоваться этим правом.

В процессе деятельности Думы каждого созыва создавались постоянные и временные комиссии: по личному составу, о неприкосновенности личности; по исполнению государственной росписи доходов, по государственной обороне, аграрная и т. п. Чаще всего они играли роль предварительных инстанций для разработки и обсуждения какого-либо законопроекта. Их заседания были закрытыми.

В условиях революции был реформирован и Государственный совет – высший законосовещательный орган Российской империи с 1801 по 1906 г. Его новый состав, структуру и компетенцию определили два законодательных акта: от 20 февраля 1906 г. «О переустройстве учреждений Государственного совета» и от

24 апреля «Учреждение Государственного совета». Согласно этим законам Совет становился верхней палатой российского парламента, иными словами, высшим представительным (законодательным) органом.

Наряду с членами Госсовета по назначению монарха в нем половина членов стала выборной. Каждое губернское земское собрание выбирало по одному члену Госсовета. Для дворянских обществ была установлена двухступенная система выборов: каждое дворянское собрание губернии выбирало двух выборщиков, последние на своем съезде в Петербурге выбирали 18 членов Госсовета. Российская академия наук и совет каждого университета выбирали по три выборщика, последние на особом съезде в Петербурге выбирали 6 членов Госсовета. Получила право выбора депутатов верхней палаты и буржуазия. Совет торговли и мануфактур, биржевые комитеты, купеческие управы, комитеты торговли и мануфактур выбирали по 4 выборщиков, те в свою очередь на избирательном съезде выдвигали 12 членов Госсовета – 6 от торговой и 6 от промышленной буржуазии. Для духовенства выборы подменялись назначением 6 членов Совета – 3 от монашеского и 3 от белого духовенства.

Состав Госсовета обновлялся в течение 9 лет по третям каждые три года. Среди назначаемых царем лиц преобладали крупные чиновники, занимавшие в прошлом высшие посты в государстве. Из их числа монархом ежегодно назначались председатель и вице-председатель Госсовета. Структурно Совет состоял из общего собрания, двух департаментов, двух присутствий и канцелярии. В процессе деятельности могли учреждаться комиссии и особые совещания.

Совет и Дума имели равные законодательные права. Механизм движения законопроектов был следующий. Дума рассматривала законопроекты и после их одобрения передавала через канцелярию на рассмотрение общего собрания членов Госсовета, где дело решалось простым большинством голосов. Верхняя палата могла одобрить законопроект, отклонить его или возвратить в Думу с внесенными поправками. Довольно часто практиковалась передача законопроекта в согласительную комиссию, образуемую обеими палатами на паритетных началах, после прохождения которой законопроект возвращался в Думу. При согласии Думы с поправками комиссии законопроект представлялся императору, минуя Госсовет. Если Дума вносила поправки в проект, то он вновь передавался в верхнюю палату. Последняя, как правило, либо соглашалась с проектом в думской редакции, либо его отклоняла. В свою очередь законопроекты, рекомендованные Советом, поступали на обсуждение в Думу, которая пользовалась теми же правами, что и Госсовет в отношении проектов, одобренных Думой.

Одобренные обеими палатами законопроекты представлялись императору на утверждение председателем Госсовета. Не подписанные монархом проекты не могли вноситься в ту же сессию. Законопроекты, выработанные по инициативе палат и отклоненные одной из них, могли вноситься в ту же сессию лишь по повелению императора.

Ограничение прав Думы сводилось к тому, что она не могла назначать и смещать министров, заниматься вопросами международных отношений. В период между сессиями Думы царь мог без согласования с депутатами издавать манифесты, имевшие силу закона. И наконец, хотя Думе и было разрешено обсуждать бюджет, но контролировать она могла не более половины его. Все это дает основа-

ние говорить об эволюции формы правления в России от абсолютной монархии к конституционной.

Из воспоминаний А.Ф. Керенского

«Политические приготовления к выборам в I Думу начались ранней весной 1906 г. Граф Витте весьма успешно противодействовал попыткам властей вмешаться в ход предвыборной кампании или оказать тайное давление на избирателей. В то время как правые организации и реакционные круги бюрократического аппарата в бессильной ярости боролись против созыва Думы, партии социал-демократов и социалистов-революционеров призывали к бойкоту выборов в Думу и подвергали резким нападкам Витте и либералов... К счастью, народ в целом был непоколебим в своей решимости принять участие в выборах. Особенно твердой была вера крестьян в то, что выборы дадут им возможность рассказать о своих бедах непосредственно царю. И столь же неизбежно верили в то, что царь поможет им».

(Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 47)

Выборы в I Государственную думу проходили в марте-апреле 1906 г. В итоге выборов подавляющее большинство получили партии, находившиеся в оппозиции к власти. Большевики выборы бойкотировали.

Из воспоминаний П.Н. Милюкова

«Самый процесс выборной кампании должен был послужить могущественным средством для политического воздействия на массы. И, тем не менее, левые партии вновь проявили тут свое доктринерство, объявив бойкот выборам».

(Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 353)

I Государственная дума открылась 27 апреля 1906 г. в Зимнем дворце. Постоянным местом ее заседаний стал Таврический дворец. В работе Думы приняли участие 499 депутатов при номинальном численном составе 524 члена палаты. Вначале в Думе было 153 кадет, 107 трудовиков, 63 депутата от национальных фракций и групп (автономисты), 13 октябристов, 4 члена партии демократических реформ, 2 представителя умеренно-прогрессивной партии, 1 от торгово-промышленной партии. К моменту роспуска Думы число кадетов в ней возросло до 161, появились фракции социал-демократов (численностью 17 депутатов), «мирного обновления» (25 депутатов), группа прогрессистов (12 депутатов). Председателем Думы был избран кадет профессор С.А. Муромцев, секретарем — князь Д.И. Шаховской.

Из дневника Я.В. Глинки (11 лет возглавлял канцелярию Государственной думы):

«Сергей Андреевич Муромцев был профессор Московского университета по кафедре гражданского права, он же преподаватель в Императорском Александровском лицее... Все официальные приемы он проводил в Таврическом дворце... Говорили, что его не покидала идея о парламентском строе в России еще с университетской скамьи и что он мнил себя уже тогда председателем. Это свершилось, и надо сказать, что для этого Муромцев обладал всеми данными».

(Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. М., 2001. С. 43)

Уже с первых дней работы стал очевидным конфликт между Думой и правительством Горемыкина, который даже не считал нужным обнародовать свою

законодательную программу в Думе. Составленный кадетами думский адрес, включавший требования создания ответственного перед нижней палатой министерства, амнистии всех политзаключенных, удовлетворение требований национальных меньшинств, установление всеобщего образования, был отклонен.

Из дневника Я.В. Глинки

«Манифест 17 октября своей неясностью привел к разным толкованиям. Одни видели в нем дарование конституции и в соответствии с этим считали нужным направить свою политическую деятельность – это были оптимисты. Другие считали, что этим манифестом определяется лишь двухпалатная система в ходе законодательства, а остальное – это красивые слова, не имеющие значения. Если так думали обыватели, то правительство в лице министров встретило нововведение в штыки. Разве не насмешка была встретить I Думу двумя законопроектными об оранжерее и прачечной при Юрьевском университете?»

(Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 41)

Центральное место в заседаниях Думы заняло обсуждение аграрного вопроса. В течение мая в ней столкнулись три аграрные программы – кадетская, крестьянская и правительственная. Кадетский вариант («проект 42-х») предусматривал наделение безземельных и малоземельных крестьян за выкуп земель, отводимой не в собственность, а в пользование в пределах трудовой нормы, за счет отчуждения государственных, церковных, монастырских и частновладельческих земель по «справедливой» цене. Проект предусматривал поступление отчуждаемых земель в государственный фонд, т. е. частичную национализацию земли.

Предложения фракции кадетов по аграрному вопросу (проект 42-х) от 8 мая 1906 г.:

«1. Увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: безземельных и малоземельных крестьян и других разрядов земледельцев, государственными, удельными, кабинетскими, монастырскими, церковными землями и путем обязательного отчуждения для той же цели, за счет государства, в потребных размерах, частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке, то есть сообразно с нормальной для данной местности доходности, при условии самостоятельного ведения хозяйства, не принимая во внимание арендных цен, созданных земельной нуждой.

2. Отчуждаемые земли поступают в государственный запас. Начала на которых земли этого запаса подлежат передаче нуждающемуся в них населению, должны быть установлены с особенностями землевладения и землепользования в различных областях России».

(Государственная дума. Стенографические отчеты. Сессия первая. 1906. Ч. I. СПб., 1908. С. 248)

Крестьянская аграрная программа за подписью 104 депутатов-трудовиков, исходила из принципа национализации всех земель, превышающих трудовую норму.

Из «Проекта основных положений» по аграрному вопросу (проект 104-х) от 23 мая 1906 г.:

«1 – Земельное законодательство должно стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы всему народу, причем нужная земля для сельского хозяйства

могла бы отдаваться в пользование тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом. Все граждане должны иметь равное право на такое пользование ею.

2 – С этой целью должен быть образован общенародный земельный фонд, в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны быть принудительно отчуждены помещичьи и прочие частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышают установленную для данной местности трудовую норму.

3 – Надельные земли и те из частновладельческих, которые не превышают трудовой нормы, остаются за теперешними их владельцами, но должны быть приняты законодательные меры, чтобы предотвратить скопление земель выше трудовой нормы в одних руках и обеспечить постепенный переход их в общенародную собственность.

4 – Вознаграждение за принудительно отчуждаемые и добровольно уступаемые в общенародный фонд земли частного владения должно производиться за счет государства. Размер этого вознаграждения и условия его уплаты, а также те случаи, когда земля отчуждается безвозмездно, могут быть определены не прежде, чем этот вопрос и вся аграрная реформа будут обсуждены народом на местах».

(Государственная дума. Стенографические отчеты. Сессия первая. 1906. Ч. I. С. 560)

Обсуждение аграрного вопроса в Думе вызвало рост революционного крестьянского движения, размеры которого принимали угрожающий характер для существования всей политической системы. В свои требования крестьяне включали не только так называемые земельные лозунги, но и доходили чуть ли не до необходимости свержения монархической власти.

9 июля 1906 г. Николай II распустил I Думу.

Из воспоминаний С.Ю. Витте

«Первая Государственная дума была распущена по инициативе и настоянию Горемыкина. Как я слышал от самого Горемыкина, вот как это случилось. Горемыкин был у государя и настаивал на необходимости роспуска Государственной думы, так как Горемыкин уверял, что с этой Думой правительство ничего сделать не в состоянии, что Дума эта только будет революционировать страну. После доклада Горемыкина его величеству на это угодно было соизволить и подписать указ о роспуске Государственной думы. Это было 7 июля.

Горемыкин вернулся в Петербург, послал указ в Сенат для опубликования, а сам лег спать и приказал себя не будить. Ночью он уже получил распоряжение указ не публиковать, но так как он спал и приказал себя не будить, то распоряжение это ему и не было передано, а потому на другое утро указ этот появился. Таким образом, злые языки говорили, что Дума была распущена вследствие извещения, составляющего характерную черту Горемыкина постоянного стремления к полному спокойствию».

(Витте С.Ю. Избранные воспоминания. С. 620)

В знак протеста против роспуска Думы 10 июля 1906 г. 200 депутатов (кадеты, трудовики и меньшевики) подписали воззвание «Народу от народных депутатов» (так называемое Выборгское воззвание), в котором призывали на-

селение прекратить выплату налогов и исполнение других повинностей, в том числе воинских.

Однако ответной реакции народа не последовало, а подписавшие Выборгское воззвание были привлечены к суду. Когда же правительство обнародовало дату выборов во II Государственную думу, кадетская фракция отказалась от пассивного сопротивления.

Из дневника Я.В. Глинки:

«Государственная дума была распущена, когда она готовилась обсуждать законопроект о земле и хотела обратиться от лица Думы к населению. В грозном Манифесте 9 июля 1906 г. говорилось: «...Да будет же ведомо, что Мы не допустим никакого своеволия и всю силу государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению Нашей Царской воле».

(Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 46)

Выборы во II Государственную думу проводились по тому же избирательному закону. Правительство предприняло ряд предупредительных мер против рабочего и крестьянского представительства. Административными усилиями на местах устранялись выборщики – члены левых партий, особенно большевики, которые отказались от тактики думского бойкота и приняли активное участие в выборах.

Открывшаяся 20 февраля 1907 г. II Государственная дума оказалась гораздо оппозиционнее и революционнее, чем первая. Хотя, тем не менее, из 518 депутатов II Думы 222 принадлежали к левым партиям и группам, в том числе 65 социал-демократам и 37 эсерам. Кадетское представительство уменьшилось (99 мест). Усилилось правое думское крыло. К 44 октябристам прибавились 10 крайне правых. Председателем II Думы был избран правый кадет Ф.А. Головин, секретарем – кадет М.В. Челноков.

К созыву II Государственной думы правительство подготовилось значительно лучше и сразу же внесло в нее много законопроектов, в том числе весьма важных и неотложных. В самой Думе происходила борьба двух политических направлений. Одно продолжало традицию I Думы, считая свою волю выше закона и пытаясь если не осуществить, то по крайней мере заявлять ее полностью. Другое, поняв, что этот революционный путь безнадежен, стремилось держаться исключительно законного пути и в рамках его достигать всего, что было возможно.

Почти по всякому конкретному поводу в Думе происходила борьба. С каждым лишним днем существования Думы победа сторонников конституционного пути определялась все более очевидной.

Кадетская тактика «бережения Думы» за счет заигрывания и с правительством, и с трудовиками не могла разрядить обстановку. Новый кадетский проект земельной реформы о частичном признании принудительного отчуждения, но зато с отнесением половины расходов по возмещению на счет крестьян, встретил стойкое сопротивление трудовиков, продолжавших стоять на позициях перводумского проекта «104-х». Правительство, возглавляемое назначенным в день роспуска I Думы премьер-министром Столыпиным, стремилось направить работу II Думы в русло обсуждения правительственных указов и законопроектов, вовсе не пытаясь при этом «беречь» Думу.

Из первого выступления П.А. Столыпина во II Государственной думе в качестве председателя Совета министров 6 марта 1907 г.:

«В основу всех тех правительственных законопроектов, которые министерство вносит ныне в Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта – создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразования по воле Монарха отечество наше должно превратить в государство правовое, так как пока написанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены».

(Столыпин А.П. Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906 – 1911 гг. М., 1991. С. 51)

Столыпин требовал от Думы осуждения террористических актов. Поместное дворянство было недовольно тем, что Дума не хотела отказаться от планов частичного отчуждения помещичьей земли. В конце концов Столыпину удалось добиться от Думы осуждения террористических актов, но остались глубокие разногласия по аграрному вопросу. Выступая в Думе 10 мая 1907 г., Столыпин выразил готовность признать принцип принудительного отчуждения, но лишь в виде исключения из правил. Он решительно отверг радикальный проект трудовиков и компромиссный план кадетов, считая, что они не совместимы с правительственной идеей укрепления государственности. Законодательные меры в аграрной области, отрицавшие национализацию земли, естественно, не могли получить одобрения.

Несмотря на корректные отношения императорского правительства и Государственной думы второго созыва, их длительное существование было проблематичным. Между ними имелись непримиримые разногласия по проблемам аграрной реформы и борьбы с революционным движением. Летом 1907 г. правительство подготовило проект изменения Основных законов и учреждений законодательных палат. Эти изменения сводились к праву правительства определять порядок и сроки рассмотрения палатами дел, при несоблюдении которых Совет министров мог действовать своей властью. Не получив царского одобрения, проект, однако, положил начало правительственному законотворчеству в области возможного устранения Государственной думы при осознании невозможности возвращения к дореволюционным порядкам.

Судьба II Думы была предreshена. 1 июня 1907 г. под предлогом готовящегося военного переворота Столыпин потребовал исключения из Думы 55 социал-демократов и лишения 16 из них депутатской неприкосновенности. Хотя юридическая несостоятельность этих обвинений была установлена выделенной Думой специальной комиссией, кадеты, которых Столыпин активно привлекал на свою сторону, закрыли глаза на происходящее. Члены социал-демократической фракции были отданы под суд.

3 июня 1907 г. были обнародованы царский манифест о роспуске Думы и новый избирательный закон, изменивший порядок выборов в Думу. Издание нового избирательного закона одной волей императора явилось нарушением Манифеста 17 октября и Основных государственных законов, согласно которым «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы». Это означало по сути осуществление в России государственного переворота и окончание первой российской революции.

Главный результат революционной борьбы 1905–1907 гг. заключался в том, что верховная власть вынуждена была пойти на изменение политической системы в России. В ней сложились новые государственные структуры, свидетельствовавшие о начале развития парламентаризма. Были введены умеренные гражданские и политические свободы, появились партии и профсоюзы. Рабочие добились сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. Правительство вынуждено было вплотную заняться аграрным вопросом.

В общественном движении четко обозначались традиционалистское, либеральное и революционное направления, борьба которых определяла дальнейшие перспективы развития российской государственности.

Лекция 8

РЕФОРМЫ П.А. СТОЛЫПИНА: ЗАМЫСЕЛ И ИТОГИ

Государственный переворот 3 июня 1907 г. означал еще одну фазу эволюционного развития российского самодержавия – в сторону перехода от традиционного общества к либеральному. Первая революция со всей очевидностью продемонстрировала, что прежняя форма самодержавия изжила себя и переход к представительным учреждениям в общенациональном масштабе стал необходимостью под влиянием развития капитализма и в результате роста революционного движения. Установившийся в России после произошедшего 3 июня 1907 г. государственного переворота политический режим получил название «третьеиюньская монархия». Ее государственно-правовая конструкция была очерчена Основными государственными законами 1906 г., в соответствии с которыми за царем сохранялась вся исполнительная и значительная доля законодательной власти. Государственный совет и Государственная дума были ограничены в осуществлении верховного управления до такой степени, чтобы создать самодержавию возможность самосохраниться путем лавирования между поместным дворянством и буржуазией. Между тем избирательный закон 11 декабря 1905 г. непредвиденно превратил I и II Государственные думы из-за чрезмерного представительства в них буржуазии в чуть ли не оппозиционно настроенный самодержавию законодательный орган. Новый избирательный закон 3 июня 1907 г. был призван исправить ситуацию, обеспечив и буржуазии, и помещикам подавляющее большинство в Думе, которое в свою очередь гарантировало бы «послушное» думское законодательство. Целевые установки третьеиюньской монархии были направлены на преодоление системного кризиса в России, проявившегося в противоречиях между царизмом и буржуазией, в разногласиях в либеральном лагере, в расхождениях между царизмом и поместным дворянством, в столкновениях в правящих сферах, в целом. Главным же было устранение перспективы нового революционного взрыва. Отсюда тактика лавирования между этими противоречиями считалась единственно возможной для сохранения монархической системы в России.

По новому положению о выборах подавляющее большинство мест в III Думе должны были получить землевладельцы. Если по закону от 11 декабря 1905 г. они составляли 32% всех выборщиков в губерниях Европейской России, то по

закону 3 июня 1907 г. их доля достигла 50%. Один голос помещика приравнивался к 4 голосам крупной буржуазии, 260 крестьян и 534 рабочих. Коренным образом изменилось соотношение сил в среде городских избирателей, разделенных на две курии, из которых первой (владельцам крупных торговых и промышленных предприятий и домовладельцам) предоставлялась половина депутатских мандатов в городах с прямым представительством. Количество крестьянских выборщиков сократилось вдвое. Среди рабочих право голоса получили лишь квартиросъемщики. Самостоятельные рабочие курии, обладавшие правом избрания одного депутата, сохранились только в 6 губерниях. Резко сократилось представительство национальных окраин. Право участвовать в выборах получило не более 15% населения.

Из резолюции IV конференции РСДРП (Гельсингфорс. 5–12 ноября 1907 г.) о тактике социал-демократической фракции в Государственной думе:

... «4) к числу основных задач социал-демократии в III Думе принадлежит разоблачение классовой подкладки правительственных и либеральных предложений и систематическое противопоставление им требований социал-демократической программы-минимум без всяких урезок...;

5) с.-д. фракция должна особенно заботиться о том, чтобы те или иные внешние совпадения голосования с.-д. с голосованиями черносотенно-октябристского или октябристско-кадетского блока не могли быть использованы в смысле поддержки того или другого блока;

... 7) из числа первых конкретных шагов с.-д. фракции в Думе конференция считает нужным особенно подчеркнуть необходимость:

1) выступить с особой декларацией,

2) внести запрос по поводу государственного переворота 3 июня,

3) поднять в Думе в наиболее целесообразной форме вопрос о суде над с.-д. фракцией II Государственной думы».

(Партия большевиков в период реакции (1907 – 1910 гг.): Документы и материалы. М., 1961. С. 198)

III Государственная дума открыла свои заседания 1 ноября 1907 г. Ее председателем был избран октябрист Н.А. Хомяков, а секретарем – И.П. Созонович, придерживавшийся крайне правых взглядов.

Из дневника Я.В. Глинки

«Больших усилий стоило уговорить Хомякова баллотироваться. Он, очевидно, предвидел трудности. Сохраняя беспристрастие на кафедре, он не верил в поддержку в нужные моменты председателя своей фракции во главе с ее лидером Гучковым... Остроумный, он чужд был всяких интриг, прямотушен и совершенно неспособен к борьбе... Несмотря на то, что Государственная дума 3-го созыва была совершенно послушным орудием в руках правительства, это правительство все же не могло мириться с существованием учреждения, контролирующего его действия, и, обнаглев, ставило всяческие препоны на пути ее деятельности, стремясь где только можно ограничить ее права».

(Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 49)

В III Государственной думе имелось устойчивое большинство, готовое сотрудничать с правительством в деле эволюционной модернизации России. По инициативе Столыпина в Думе было инициировано формирование двух думско-партийных блоков – правооктябристского и октябристско-кадетского. С их

помощью премьер намеревался достичь действенного баланса политических сил в стране, ставшего бы основой дуалистической монархии с характерной для нее размытостью законодательной и исполнительной ветвей власти. Главная ставка «правлящего союза буржуазии и помещиков» делалась на «Союз 17 октября», представители которого с правыми заняли все руководящие посты в Думе и в ее комиссиях.

Но вместе с тем оппозиционные правительству силы не составляли в Думе абсолютного большинства. Наблюдалось неустойчивое равновесие между правыми-черносотенцами (144 депутата), октябристами (148 депутатов) и левыми, включая 54 кадета. Ни одна из группировок не могла при голосовании ни провалить, ни утвердить тот или иной законопроект. В подобной ситуации все зависело от октябристов, получивших название «правительственная партия» (или «стольпинская партия», «думский центр»). Таким образом, Столыпин получил возможность проводить ту политику, которую считал возможной.

При этом Дума вполне успешно выполняла функции, отвлекавшие внимание депутатов от правительственной политики и сосредоточивавшие его на дебатах вокруг собственных партийных установок. Уже в ходе первых заседаний Думы определились позиции каждой из трех групп – правых, левых и центра. Ведя активное наступление на Основные государственные законы, правые требовали, например, включить в благодарственный адрес III Думы Николаю II титул «самодержца всероссийского». Когда же Дума голосами октябристов и кадетов отклонила это предложение, местные отделы «Союза русского народа» засылали царя телеграммами протеста против приветствия Думы. Опасения черносотенных кругов относительно «врастания» законодательной Думы в политическую систему России основывались на стремлении либералов использовать представительный орган для своего активного участия в управленческих процессах. Октябристы и кадеты настаивали на расширении бюджетных прав Думы, а также на ее привлечении к обсуждению вопросов внешней политики, назначения и смещения министров.

Стремление либералов расширить компетенцию Думы, оставалось, однако, на уровне парламентских дебатов. Совет министров систематически принимал, а Государственная канцелярия включала в очередные тома свода Основных законов постановления, проведенные в указанном порядке и изменявшие законы без согласия Думы. Царизм не только тщательно оберегал свои prerogatives в военной сфере, но стремился значительно урезать и без того скромные возможности участия Думы в контроле за расходованием средств, отпускаемых военным ведомствам, и в законодательстве военной сфере.

Между тем для воздействия на правительство III Дума активно использовала не только (и даже не столько) право запросов, сколько право утверждать бюджет империи. При этом Дума касалась даже внешней политики, которая не входила в ее компетенцию, поскольку правительство нуждалось в одобрении Думой своей внешнеполитической деятельности. При обсуждении смет ведомств, а также законопроектов Дума принимала большое количество пожеланий по различным вопросам деятельности администрации. После длительной борьбы III Государственной думе удалось даже добиться реорганизации морского ведомства и управления казенными железными дорогами, а в 1908 г. из-за ветоума Думы (отказа в ассигнованиях на морскую программу из-за плохой организации морского

ведомства) ушел в отставку морской министр адмирал Иван Диков. Возникла практика привлечения депутатов в правительственные комиссии (например, для исследования положения на железных дорогах).

На судьбе законопроектов, принятых Думой, сказывалось мнение Государственного совета, в котором в силу самого принципа его формирования имелось только одно правое большинство, что соответствовало задаче Государственного совета выступать в роли буфера противовеса Думе. Поэтому в функционировании «механизма двух большинств» проявлялся сильный перевес в сторону традиционалистских сил в управлении Россией, неизбежно приводивших третьеиюньскую систему к кризису.

В то же время III Государственной думе все же удалось интегрироваться в политическую систему Российской империи, которая уже не мыслилась без народного представительства. Проекты ограничения прав или упразднения Государственной думы были сняты с повестки дня. Когда впоследствии (в 1913–1914 гг.) Николай II, крайне болезненно относившийся к возможным попыткам ограничения своей власти, высказался в пользу превращения законодательных палат в законосовещательные, почти все министры, среди которых было много консерваторов, не поддержали монарха.

Третьеиюньский политический режим реализовался через избранную премьер-министром политику сочетания репрессий и реформ для «успокоения» страны и превращения ее в «Великую Россию». Программа Столыпина была альтернативой новой революции, ответом (хотя и запоздалым), на реальные потребности России. Соотношение политических сил в России было, однако, таковым, что объем реформ и размер уступок со стороны самодержавной власти определялись не реалиями и степенью настойчивости требований либеральной оппозиции, а успехами революционного движения. Нельзя было сбрасывать со счетов и охранительно-самодержавные настроения правых сил. Поэтому действия Столыпина были выдержаны в русле консервативно-либерального реформаторства, осуществляемого совместными усилиями правительства и октябристско-кадетского большинства в III Думе. Премьер был убежден, что без укрепления социальной базы монархии и усовершенствования системы управления избежать нового революционного взрыва не удастся.

Первые же годы после 3 июня 1907 г. представляли собой мощное наступление правительства против всех политических оппонентов. Лишь за 1907–1909 гг. по политическим мотивам были приговорены к смертной казни, каторжным работам и тюремному заключению почти 30 тыс. человек, по приговорам военно-окружных судов было казнено около 3 тыс. человек. К началу 1912 г. только 5 тыс. человек проживали в местностях, на которые не распространялось действие ни военного положения, ни чрезвычайной или усиленной охраны. Под различными предлогами, но при первой же возможности закрывались оппозиционные печатные органы. Строжайший контроль был установлен за различными обществами и организациями. За 1907–1909 гг. правительством было закрыто более 350 профсоюзов рабочих различных отраслей промышленности.

Из отчета социал-демократической фракции III Государственной думы:

«Расходы на тюрьму за первые три года третьеиюньского бюджета возросли на 63,2%, а 1911 год принес их увеличение еще на 7% равно как новое увеличение содержаний и роспись на 1912 год.

Итак, бюджетный бюджет за пять лет в полтора раза увеличил расходы на милитаризм, больше чем вдвое увеличил расходы на полицию, почти в два раза увеличил расходы на тюрьмы».

(Государственная дума в России в документах и материалах. С. 482)

Самые существенные потери от репрессий понесли все революционные партии. Разоблачение руководителя боевой организации партии эсеров Е.Ф. Азефа, являвшегося платным агентом полиции, ускорило распад социалистов-революционеров на правых (Н.Д. Авксентьев, И.И. Фундаминский), левых и центр (В.В. Лункевич, М.А. Натансон).

В рядах социал-демократов оформилось ликвидаторское течение (П.Б. Аксельрод, Ф.И. Дан, А.И. Потресов), выступавшее против нелегальной деятельности и стремившееся к сотрудничеству в Думе. Отзовисты (А.А. Богданов, А.В. Луначарский), напротив, призывали уйти в глубокое подполье, отозвав рабочих депутатов из Думы, и отказаться от любых легальных форм деятельности. Этим крайним течениям противостояли большевики-ленинцы, сблизившиеся в это время с меньшевиками-партийцами во главе с Плехановым. Они призывали к разумному сочетанию легальной и нелегальной борьбы. Одновременно в сугубо атеистической социал-демократической среде произошло оформление богоискательного течения. Его представители во главе с А.В. Луначарским намеревались с помощью новой «религии труда» сделать марксизм более доступным для понимания трудящимися. Сходны процессы происходили и среди оппозиционно настроенных либералов. Считая акт 3 июня 1907 г. незаконным действием правящих кругов, кадеты, однако, надеялись вписаться в третьеиюньскую политическую систему. Требуя коренной реформы Государственного совета и введения в России института ответственного перед Государственной думой правительства, они продолжали поддерживать контакты с умеренно-социалистическими группами, чем осложняли свое взаимодействие с октябристами. Внутри партии также происходило дифференцированное размежевание рядов под влиянием итогов революции 1905–1907 гг. Лидеры правого крыла кадетов (А.С. Изгоев, В.А. Маклаков, П.Б. Струве и другие) призывали интеллигенцию к решительному отмежеванию от революции ради преодоления разрыва между интеллигентским политизированным мышлением и глубиной духовной жизни русского народа. Эти идеи нашли отражение в вышедшем в 1909 г. сборнике статей «Вехи», авторы которого (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон) возлагали на интеллигенцию ответственность за «трагедию русской революции».

Для всех партий парламентского типа в третьеиюньский период были характерны организационная аморфность, финансовая зависимость от пожертвований, малочисленность местных организаций и активно действующих партийных членов, сосредоточение практически всей партийной активности в Думе. Это неизбежно отражалось на процессе партийного строительства в целом. В 1908–1910 гг. организационно оформилась умеренно либеральная партия русских националистов – Всероссийский национальный союз во главе с В.В. Шульгиным, П.Н. Крупенским, В.А. Балашевым. Отражая интересы русской землевладельческой и городской элиты, она сочетала идеи реформизма с непримиримостью по национально-религиозным проблемам.

В целом же идейные искания и организационный разброд в политических партиях был благоприятным фоном для проведения третьей юнкерской реформы, направленной на обновление «фасада» российского самодержавия.

Реформаторская программа Столыпина представляла собой известную компиляцию тех ведомственных проектов, которые давно были разработаны, но лежали без движения вследствие бюрократической привычки откладывать любое крупное дело на потом.

Из работы П.Б. Струве «Размышления о русской революции» (январь 1907 г.):

«...Режим Столыпина хуже режима Плеве, хотя г. Столыпин вовсе не обладает свойствами Плеве, его цельной и жестокой в своей цельности волей: он человек слабый, он достойная всяческого сожаления, малосознательная жертва того органического государственного молчалинства, которым, точно наследственным сифилисом, глубоко разъедена вся наша дворянско-сановная среда».

(Струве П.Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. С. 27)

Ядром намеченных преобразований стала аграрная реформа, которая представляла собой определенный набор правительственных мероприятий в области аграрных отношений, которые не всегда хорошо друг с другом стыковались. Сам Столыпин не был ни автором основных ее концепций, ни разработчиком. Он просто реализовывал уже наработанные варианты, проталкивая их в высшей администрации и через законодательные палаты. При этом у него, без сомнения, были свои собственные представления о путях и формах реформирования земельных отношений в России.

Из речи о праве крестьян выходить из общины, произнесенной в Государственном совете 15 марта 1910 г.:

«Социальная смута вскормила и вспоила нашу революцию, и одни только политические мероприятия бессильны были, как показали тогдашние обстоятельства, уничтожить эту смуту, и порожденную ею смуту революционную... Поэтому, господа, на закон 9 ноября надо смотреть с угла зрения социального, а не политического, и тогда станет понятно, что он явился плодом не растерянного решения, а что именно этим законом заложен фундамент, основание нового социально-экономического крестьянского строя».

(Столыпин П.А. *Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906–1911 гг.* С. 246)

В совокупности своей реформы Столыпина означали крутой поворот прежней политики консервации общины и поземельных отношений в сторону насаждения крестьянской частной собственности на землю. Создаваемая путем разрушения общины, она не только ускоряла капитализацию сельского хозяйства, но и превращала крестьянина-собственника в главную социальную опору российской монархии.

27 августа 1906 г. был принят указ о передаче Крестьянскому банку для продажи крестьянам части казенных земель. Столыпин придавал большое значение этому указу, считая, что тем самым он перехватывает у кадетов идею «общегосударственного земельного фонда» для наделения малоземельных крестьян.

5 октября 1906 г. последовал указ об отмене некоторых ограничений в правах крестьян. Были окончательно отменены подушная подать и круговая порука, сняты некоторые ограничения свободы передвижения крестьян, избрания ими места жительства, сделана попытка уменьшить произвол земских начальников и уездных властей, расширены права крестьян на земских выборах.

Обеспечение принудительного для общины права выхода из нее всех желающих и было главной целью *указа 9 ноября 1906 г.* «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», ставшего законом 14 июня 1910 г. Он предоставлял крестьянам право свободного выхода из общины с закреплением за ними земли, находившейся в их пользовании со времени последнего передела. Кроме того, они могли потребовать сведения всех своих земельных участков в одно место без переноса (отруб) либо с переносом усадьбы (хутор).

29 мая 1911 г. был принят закон «О землеустройстве», ликвидировавший чересполосицу и объявлявший собственниками крестьян тех общин, в которых был проведен комплекс землеустроительных мероприятий. Сразу же после принятия этого закона началась разработка законопроекта о мерах, предупреждающих дробление мелкой земельной собственности, образованной при содействии правительства.

Однако проведение аграрной реформы у большинства крестьян не вызвало ни понимания, ни сочувствия. Общину покидали главным образом крепкие крестьяне и беднейшие, стремившиеся уйти в город. Нежелание менять традиционную схему землепользования определялось почвенно-климатическими условиями ведения хозяйств, а также складывавшимися многопольным севооборотом. По приблизительным подсчетам из общины вышло 26% крестьян. Из общинного оборота было изъято 22% земель.

Решительно отказываясь от насильственного отчуждения помещичьих земель, правительство решало проблему увеличения крестьянского земельного обеспечения с помощью Крестьянского поземельного банка. Основная масса его земельного фонда формировалась из имений, проданных ему помещиками в годы и сразу же после революции 1905–1907 гг. Всего за 1907–1915 гг. из его фондов было продано около 4 тыс. десятин, разделенных на 280 тыс. хуторских и отрубных участков. Крестьяне, их получившие, оказывались в долговых обязательствах перед банком.

Не дало желаемых результатов и поощряемое правительством *переселение крестьян в Сибирь* в качестве составной части аграрной реформы. С его помощью правительство надеялось снять остроту земельного вопроса прежде всего в Центрально-черноземных губерниях, где крестьяне страдали от малоземелья, а также создать крепкие хозяйства – на востоке страны. Но чиновничий аппарат оказался не в состоянии справиться с расселением крестьян, прибывших за Урал. В 1905–1914 гг. обратно из азиатской в европейскую часть страны вернулось 17% переселенцев, усилив тем самым социальную напряженность в деревне. Она проявлялась в возрастающей дифференциации крестьянства на зажиточных и безземельных.

Малоэффективным оказалось и регулярное казенное субсидирование крестьянского землеустройства. За период 1906–1913 гг. на эти цели было выделено около 1,5 млрд руб. Однако сохранение помещичьего землевладения и поощрение частного крестьянского землевладения были труднсовместимы в рамках аграрной политики, нацеленной на сохранение монархии России. Создать таким путем социальную опору режиму в деревне было невозможно.

Предложенная Столыпиным программа реформ вызвала сопротивление помещного дворянства. Осуществление бонапартистского курса, проводником которого был кабинет Столыпина, отвечало широко понятным интересам дворянства,

а задуманные им реформы были призваны укрепить и приспособить его к новой обстановке. Однако эти реформы вступили в противоречие с сиюминутными интересами той части помещиков, которые не могли приспособиться к капиталистическому развитию. Соглашаясь на аграрную реформу, помещное дворянство имело целью сравнить крестьян между собой и отвести угрозу от собственных усадеб. Но за весь период осуществления реформы вышедшие из общины продали по преимуществу богатым крестьянам 3439 тыс. десятин земли, причем большая часть этих продаж пришлось на последние предвоенные годы. Экономическая угроза помещикам со стороны деревенской буржуазии была реальностью, и жалобы на обезземеливание дворянства имели серьезные основания.

И все-таки аграрные преобразования способствовали экономическому подъему страны. К 1915 г. валовой сбор по сравнению с началом века увеличился почти в 2 раза. Возросли покупательная способность населения и валютные поступления от экспорта зерна.

Одновременно с аграрным законодательством правительство занималось рабочим вопросом. Его предполагалось смягчить как посредством легализации экономических стачек и профсоюзов, так и при помощи законодательного упорядочения условий труда и государственного страхования. Однако реальными стали лишь страховые законы 1912 г., носившие крайне ограниченный характер, так как охватывали примерно 15% всех рабочих России, слабо обеспечивали рабочих и членов их семей материально и ставили страховое дело под жесткий контроль административных органов и предпринимателей.

Намечалось введение подоходного налога и усиление налогообложения состоятельных классов, в первую очередь крупных землевладельцев, на чем особенно рьяно настаивали представители торгово-промышленных кругов.

Наиболее разработанными проектами, которые раньше других были внесены в Думу и стали объектом политической борьбы, явились проекты перестройки местного управления и самоуправления, а также местного суда. Согласованные с аграрным законодательством они, по мысли Столыпина, призваны были обеспечить частнособственническому крестьянству больший политический вес в деревне. Бессословное же волостное земство должно было стать основой всего государственного построения в России.

Из речи П.А. Столыпина в Государственной думе о введении земств в губерниях Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской. 27 апреля 1911 г.:

«Всей России в вопросе западного земства касается нечто другое и более важное, чем географическое его распространение. Впервые в русской истории на суд народного представительства вынесен вопрос такого глубокого национального значения. До настоящего времени к решению таких вопросов народ не приобщался. Может быть, поэтому он становился к ним более и более равнодушен... С политической точки зрения не было еще на обсуждении Государственной думы законопроекта более серьезного, чем вопрос о западном земстве. В этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охранения прав коренного русского населения, которому государство изменить не может, потому что оно никогда не изменяло государству и в тяжелые исторические времена всегда стояло на страже русских государственных начал».

(Зырянов П.Н. *Петр Столыпин: политический портрет*. М., 1992. С. 148–149)

С аграрной реформой были связаны и проекты вероисповедных реформ, введения всеобщего образования. Столыпинский лозунг «Великой России» выражал стремление укрепить Российскую империю как исторически сложившееся многонациональное государство. В противовес революционному движению, угрожавшему разрушить «единую и неделимую Россию», была противопоставлена политика великорусского национализма. Это означало, что преобладающее влияние во всех сферах деятельности должно принадлежать русским, а среди церквей в привилегированном положении должна по-прежнему оставаться православная церковь. Это привело к активизации деятельности черносотенных союзов, по требованию которых правительство пошло на дальнейшее ограничение приема евреев в учебные заведения и насильственное выселение их из городов за пределы так называемой черты оседлости, включавшей только 25 губерний.

Еще одним проявлением политики антисемитизма стало сфабрикованное в 1911 г. киевскими черносотенцами так называемое «дело Бейлиса». В его основе лежало обвинение приказчика кирпичного завода еврея М. Бейлиса в убийстве в марте православного мальчика Андрея Ющинского якобы в ритуальных целях. Суд присяжных, однако, оправдал обвиняемого осенью 1913 г. за недостатком улик, и решение суда получило название «Цусима русской полиции».

Противоречия третьеиюньской политической системы сказывались на характере экономической политики, лишенной известной последовательности. Свидетельством тому были затяжной спор между буржуазией и помещным дворянством о направлении казенных капиталовложений, нерешенность проблемы упорядочения хлебной торговли, колебания царизма между искусственным поощрением частного предпринимательства и стремлением к государственно-капиталистической политике.

Подавляющее большинство намеченных Столыпиным реформ (за исключением аграрной и отчасти военной) осталось нереализованным. Некоторые из них были осуществлены в урезанном варианте и нередко при полном одобрении самого Столыпина, стремившегося хоть таким путем обойти парламентскую оппозицию крайне правых сил, видевших в проводимых реформах подрыв своего политического и экономического могущества.

Период конца 1908 – начало 1909 гг. был ознаменован новым натиском крайне правых, оказавшим очень большое влияние на дальнейшую политику Столыпина. В Государственном совете сформировалась мощная антистольпинская группировка во главе с бывшим оппонентом Витте статс-секретарем П.Н. Дурново, координировавшая свои действия с крайне правыми в Думе.

Однако сам премьер еще не считал провальным свое социально-экономическое реформаторство. В декабре 1908 г. он внес в Думу проекты поселкового и волостного управления, сохранявшие все сословность волости как основу реформы местного управления в целом. Союзником правительственной оппозиции стал открыто выступать Николай II, который начал усматривать в деятельности премьера прямую угрозу престолу. Царь больше не нуждался в слишком самостоятельном и популярном премьер-министре. Это позволило крайне правым осенью 1909 г. выдвинуть требование ограничения прав Думы и низведения ее до уровня совещательного органа. Столыпин вынужден был начать

свертывание своей реформаторской программы и забрать из Думы почти все раздражавшие оппозицию проекты. Дважды он просил об отставке, и оба раза царь отклонял эти просьбы. Отношения между ними продолжали ухудшаться.

1 сентября 1911 г. во время торжеств, проходивших в Киеве по случаю открытия земских учреждений, Столыпин был смертельно ранен в оперном театре.

Из речи председателя Государственной думы, посвященной памяти Столыпина, произнесенной 15 октября 1911 г.:

«Мы все хорошо знаем, что лично для себя усопший министр никогда ничего не искал. Что стремление к личной выгоде было совершенно чуждо его честной неподкупной душе... Всей своей сильной, крепкой душой и могучим разумом он верил в мощь России, всем существом своим верил в ее великое, светлое будущее. Вне этой веры он не понимал государственной работы и не мог признать ее значения. Он разбудил дремавшее национальное чувство, осмыслил его и одухотворил».

(Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... С. 368)

Из воспоминаний В.И. Шидловского (1861–1922):

«Столыпин был на редкость выдающийся человек, если не по своим государственным способностям, то по благородству характера, чистоте убеждений и способности всецело забывать все, кроме интересов государства, как он их понимал... Столыпин был в полном смысле слова лучшим представителем того отжившего дворянского сословного строя, против которого так энергично боролись все остальные политические партии».

(Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. Т. 1. С. 185)

В конце 1911 – начале 1912 г. кризис третьеиюньской политической системы стал очевидным. Примирить абсолютистский режим с представительным правлением оказалось невозможным. Критика правительства в стенах Думы отражала рост недовольства в стране, особенно заметного с конца 1911 г., когда произошли демонстрации в связи с похоронами бывшего председателя I Думы Муромцева и Л.Н. Толстого. Затяжная забастовочная борьба студентов с ноября 1910 г. по 1911 г. показывала, что Столыпину не удалось и «успокоить» страну. Параллельно нарастало рабочее движение. В 1911 г. число стачек и их участников выросло по сравнению с 1910 г. более чем в 2 раза. Мощным толчком, усилившим революционные настроения в России, стал расстрел забастовавших горняков на Ленских золотых приисках в начале 1912 г. (202 убитых). Забастовочная борьба рабочих оказывала революционизирующее воздействие на крестьянство и на армию. Снова начинались политические стачки, демонстрации и митинги. Правительству пришлось послать на прииски специальную комиссию для расследования причин трагедии. Но общественность ей не доверяла, и одновременно туда же направилась независимая комиссия юристов во главе с А.Ф. Керенским.

С 1912 г. снова начало расти влияние революционных партий – эсеров и социал-демократов. Состоявшаяся в январе 1912 г. Пражская конференция РСДРП покончила с формальным объединением с меньшевизмом и обозначала курс большевиков на демократическую революцию и свержение самодержавия в России.

После смерти Столыпина противоречия, раздиравшие созданную им политическую систему, еще больше обострились. В поисках нового политического курса правящие круги видели выход в дальнейшем сдвиге вправо и полном отказе даже от самых ограниченных реформ. Накануне выборов в IV Государственную

думу крайне правые открыто потребовали от Николая II воспользоваться истечением полномочий III Думы для государственного переворота. На подчеркивание отличия своей политики от столыпинской была направлена деятельность нового премьер В.Н. Коковцова, бывшего при своем предшественнике министром финансов.

IV Дума, созванная в ноябре 1912 г., хотя и конструировалась на основе все того же третьеиюньского избирательного закона, но по своему партийному составу заметно отличалась от предыдущей. В ней заметно усилились фланги: 185 правых депутатов и до 107 левых (кадетов и прогрессистов). Численность же октябристов уменьшилось до 98. В Думу вошли 15 социал-демократов.

IV Государственная дума была настроена более оппозиционно в связи с тем, что правительство под давлением помещичьего лобби, весьма влиятельного в окружении императора, Государственном совете и среди высших чиновников, отказалась от большей части своих реформаторских поисков. Влияние Государственной думы на правительство оставалось незначительным.

Лекция 9 ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Поражение России в Русско-японской войне и революционные события 1905–1907 гг. ограничили внешнеполитическую деятельность царизма при сохранении ее традиционных направлений. Она была нацелена на восстановление международного престижа страны путем удержания ее позиций на Балканах, Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке.

С учетом доминирования тех или иных направлений в ней отчетливо прослеживаются три периода: осень 1905 – весна 1906 г., весна 1906–1909 г., 1909–1914 г.

Для первого периода были характерны усилия отечественной дипломатии, связанные с определением места России в сложном клубке противоречий между великими державами. На Дальнем Востоке сохранялась напряженность в отношениях с Японией. На Балканах сталкивались интересы России, Германии и Австро-Венгрии. Не менее сложно складывались русско-французские отношения, особенно после заключенного в апреле 1904 г. англо-французского соглашения по колониальному вопросу. Оно угрожало русско-французскому союзу и толкало Россию на взаимодействие с главным противником Англии – Германией. Последняя активно использовала антибританские настроения правящей верхушки России, обусловленные прояпонской политикой Лондона в период Русско-японской войны.

Подписанный в *июле 1905 г.* во время встречи Николая II с Вильгельмом II в Бьерке (остров недалеко от Выборга) союзный договор наносил серьезный удар по русско-французским отношениям. Германский император использовал отчуждение России от Англии. Поскольку уже существовал франко-русский союз, то речь могла идти о формировании тройственного союза в Европе на базе германо-русского договора 1905 г. с участием и Франции, если бы та захотела к нему присоединиться. Тогда направленность этого союза была бы однозначно антианглийской. Германия рассчитывала также на разрыв складывавшейся антигерманской коалиции в Европе.

Договор предусматривал взаимную военную помощь в Европе в случае нападения на Россию или Германию какой-либо европейской державы. России он был не выгоден, так как в случае нападения на нее Англии боевые действия велись бы лишь в Азии, а Германия не обязана была ей в этом случае помогать. Од-

нако и для Германии он не был в полной мере выгоден, так как в случае ведения боевых действий за пределами Европы Россия также оставалась бы безучастной к проблемам Германии, которая рассчитывала на удар России по британской Индии. Договор был заключен без участия и проработки МИДом и без ведома главы правительства и министра иностранных дел. В результате под мощным давлением со стороны великого князя Николая Николаевича, опасаясь лишиться обещанных Францией солидных займов для покрытия колоссального бюджетного дефицита из-за расходов на Русско-японскую войну, Николай II направил Вильгельму письмо, которое было равносильно расторжению их соглашения. Тем самым Россия поддержала Париж в урегулировании франко-германских противоречий в Марокко.

Подобные зигзаги русского дипломатического курса отражали острый характер внешнеполитических разногласий между различными буржуазными и помещичьими группировками. Экономические интересы большинства из них вели к неизбежной конфронтации с Германией, которая была основным внешнеторговым партнером России. Однако отечественных промышленников и землевладельцев не устраивала успешная конкуренция германских товаров на внутрироссийском рынке, а также высокие пошлины на ввозимый в Германию русский хлеб. В то же время не менее острыми были и русско-английские экономические противоречия. Желаемое балансирование между этими группами противоречий, утопичное по своей природе, подрывалось и тем, что если либеральные партии симпатизировали парламентским странам, то крайне правые тяготели к германскому юнкерству. Свое сближение с Германией германофильское окружение Николая II (часть высшего генералитета, консервативное крыло парламента) оправдывало необходимостью обезопасить западные российские границы.

Второй период внешнеполитической деятельности России предвоенного периода был связан с именем А.П. Извольского, сменившего в апреле 1906 г. Ламздорфа на посту министра иностранных дел.

Извольский Александр Петрович (1856–1919) – дворянин, действительный статский советник. В 1894 г. был резидентом в Ватикане, затем посланником в Белграде, Берлине, Токио, Копенгагене. В 1906–1910 гг. министр иностранных дел; в 1910–1917 гг. посол в Париже.

В отличие от своих предшественников, он являлся горячим приверженцем сближения с Англией. Главное свое внимание он сосредоточил на защите интересов России в Европе и на Балканах при сохранении статус-кво на Дальнем Востоке, в Средней и Центральной Азии. В июле 1907 г. между Россией и Японией были подписаны торговая и рыболовная конвенции, а два года спустя – договор о разграничении сфер влияния в Манчжурии.

Заслугой Извольского стало подписание в августе 1907 г. русско-английской конвенции о разграничении зон действия в Иране, о неприкосновенности территории Тибета и о признании Афганистана областью исключительно интересов Великобритании. В Иране англичанам пришлось пойти на предоставление России большей сферы влияния, чем они это предполагали сделать. Англо-русский союз фактически включил Россию в состав Антанты и носил не только откровенно колониальный характер, направленный на раздел сфер влияния в Азии, но и антигерманскую направленность.

Из воспоминаний министра иностранных дел С.Д. Сазонова:

«Для меня представляется несомненным, что соглашение 1907 года устранило многие препятствия к участию Англии в борьбе против Германии на стороне России. Я не хочу, очевидно, сказать этим, что Россия в войне против Австро-Германского союза, которую она вела совместно со своей союзницей Францией, не получила бы, при иных условиях, от Англии никакой помощи».

(Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 25)

Налаживая отношения с Францией и Англией, Извольский активно вел переговоры с Берлином и Веной, тем самым примеряя различные точки зрения по поводу внешнеполитической ориентации, существовавшие в правящих кругах и общественном мнении России.

Поскольку первая конференция в Гааге в мае 1899 г. не привела к ожидаемым результатам, президент США Т. Рузвельт предложил провести вторую «мирную конференцию». Она открылась в Гааге 15 июня 1907 г. при участии 44 государств (всех предыдущих участников и 17 государств Центральной и Южной Америки). Было подписано 13 конвенций, действующих до сих пор: о мирном разрешении международных споров, об открытии военных действий, о законах и обычаях сухопутной войны, о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в сухопутной войне, о положении вражеских торговых судов при открытии военных действий, обращении торговых судов в военные, о бомбардировке морскими силами во время войны, о правах и обязанностях нейтральных держав в морской войне.

Кроме того, конференция приняла декларацию о воспрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных судов, а также ряд пожеланий, включая подготовку третьей мирной конференции. Первая мировая война помешала этим планам.

Переломным моментом стал очередной, разразившийся в 1908 г. кризис на Балканах в связи с революцией в Турции. Ситуацией с согласия Германии попыталась воспользоваться Австро-Венгрия, аннексировавшая Боснию и Герцеговину с многочисленным сербским и хорватским населением. Во время состоявшихся в сентябре 1908 г. в замке Бухлау русско-австрийских переговоров Россия вынуждена была одобрить эти действия. На этом же настаивала и Германия, в ультимативной форме в марте 1909 г. пригрозив австро-венгерской оккупацией Сербии. Положительная реакция России означала серьезное поражение внешнеполитического курса Извольского, получившие у современников название «дипломатическая Цусима».

Последовавшая за этим отставка Извольского обострила внешнеполитическую полемику в российских верхах между антантофилами и германофилами, особенно активизировавшуюся в связи с Боснийским кризисом. Однако Столыпин при поддержке значительной части министров и октябристско-кадетского большинства Думы убедил Николая II не передавать бразды правления сторонникам австро-русско-германского сближения и назначить в 1910 г. министром иностранных дел С.Д. Сазонова.

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – дворянин, начал службу в МИДе в 1883 г., затем был секретарем и советником посольства в Лондоне, Ватикане, Вашингтоне. С 1909 г. товарищ министра иностранных дел, с 1910 г. министр иностранных дел. Летом 1916 г., когда достоянием общественности стали попытки царского двора заключить секретный мир с Германией, он подал в отставку, что вызвало протесты союзников. Назна-

ченный послом в Лондон, Сазонов так и не прибыл туда из-за начавшихся революционных событий в России. После октября 1917 г. он входил в состав правительства А.И. Деникина и как член Особого совещания А.В. Колчака в качестве министра иностранных дел. С 1920 г. в эмиграции.

Главным направлением своей деятельности он считал ослабление военной угрозы для России со стороны Германии. Тем не менее он показал себя горячим сторонником англо-франко-русского союза. Он всячески препятствовал попыткам Германии блокировать и сорвать военный союз этих трех держав, пытался в разное время расширить Антанту за счет Румынии и Болгарии.

Новый период внешней политики России первоначально мало чем отличался от предыдущего. Сазонов старался сохранить приоритет ближневосточного направления, опираясь на Антанту и избегая конфликтных ситуаций с Германией. В начале 1910 г. Россия и Австро-Венгрия выступили с совместной декларацией о сохранении в дальнейшем статус-кво на Балканах. Летом 1911 г. Россия приложила немалые усилия в урегулировании франко-германского конфликта вокруг Марокко. В августе 1911 г. Россия заключила с Германией Потсдамское соглашение, позволившее России организовать интервенцию в Северном Иране для подавления иранской революции, привести к власти послушное правительство и получить концессию на строительство Багдадской железной дороги с ее ответвлением на Тегеран. Особым пунктом немцы предложили включить обязательство обеих сторон не входить во вражеские блоки. Сазонов не решился в таком виде подписать договор в Берлине и взял его проект в Петербург. Однако германская сторона тогда же обнародовала факт заключения такого соглашения, сделав упор на обязательство обеих сторон не входить во вражеские блоки. Это вызвало бурную реакцию у союзников России по Антанте. В итоговом варианте соглашения этот пункт был исключен.

Одновременно российские дипломаты обратились к великим державам за получением необходимой санкции на изменение режима средиземноморских проливов, но, как и три года назад, во время Боснийского кризиса, успеха не добились.

Параллельно с попытками улучшить русско-турецкие отношения российская дипломатия не оставляла надежд сплочения балканских народов под эгидой России. В марте 1912 г. при ее содействии была подписана военная конвенция между Сербией и Болгарией, носившая как антиавстро-венгерское, так и анти-турецкое содержание. В сентябре 1912 г. сначала Черногория, а затем Сербия, Болгария и Греция начали национально-освободительную войну против Турции. Они быстро добились успеха. По заключенному в мае 1913 г. при посредничестве великих держав мирному договору с Турцией последняя теряла фактически всю европейскую часть своей территории, сохранив лишь незначительную, прилегающую к Стамбулу. Однако в июне 1913 г. между Болгарией, Сербией и Грецией разгорелся конфликт из-за территориальных споров. Его подогревали интриги австрийских и германских дипломатов. Получив от Болгарии в июле 1913 г. предложение о посредничестве, Россия, однако, не смогла предотвратить распад балканского союза и войну между бывшими союзниками. *Мирная конференция в Бухаресте в июле 1913 г.*, подведя итоги войны, не только не сняла противоречия, но усилила их. Особенно острыми они были между Болгарией, которую начала поддерживать Германия, и Сербией, на стороне которой выступала Россия.

Отношения же между Германией и Россией продолжали обостряться, особенно после подписанного в ноябре 1913 г. германо-турецкого соглашения о

направлении в Турцию новой германской военной миссии с целью подчинения ей турецкой армии. Глава миссии генерал О. Лиман фон Сандерс стал командиром турецкого корпуса, расположенного в районе Константинополя и проливов. Бурные протесты со стороны российского правительства заставили Германию и Турцию переместить Лимана фон Сандерса на другую должность, не устранив, однако, подконтрольности османской армии германскому командованию.

В этих условиях российская дипломатия пошла на расширение русско-французского сотрудничества в военной области. В 1912–1913 гг. была подготовлена конвенция о совместных действиях Военно-морских сил.

Сложнее развивались русско-английские отношения. Соглашаясь разрабатывать планы совместных военных действий против Германии, Англия избегала формальных союзных отношений перед Францией и Россией. При этом Англия стремилась к пересмотру русско-английского соглашения от августа 1907 г. с тем, чтобы расширить сферу своего влияния в Иране за счет нейтральной зоны. В свою очередь Россия намеревалась заключить русско-английское военно-морское соглашение по типу подписанного в 1912 г. франко-английского, предусматривавшего координацию антигерманских стратегических планов. К августу 1914 г. проводимая под руководством Сазонова работа над русско-английским проектом близилась к концу.

Русско-монгольское соглашение 1912 г.: предусматривало оказание Россией помощи Монголии в отстаивании ее автономии, недопущении на территорию китайских войск и колонизации китайцами ее территории. Русские получали право беспошлинной торговли в Монголии и возможность назначения консулов в любой район страны. Привело к пересмотру прежней позиции Китая в отношении автономии Монголии.

Русско-турецкое соглашение 1914 г.: подписано в Константинополе 8 февраля. Центральное место на переговорах занимал армянский вопрос. Русская сторона предлагала проект широких реформ в армянских районах Турции в первую очередь предоставление армянам в Турции равных с мусульманами прав. Однако введение в действие этого соглашения было затянато по причине разногласий великих держав в этом вопросе, а затем в результате начавшейся войны, в ходе которой геноцид против армянского населения продолжался в иных формах.

В российских правящих кругах в это время царило смятение и разброд позиций перед угрозой надвигавшейся мировой войны. Большинство осознавало бесперспективность участия государства в войне для разрешения внутриполитических проблем, а также для упрочения отношений с Англией и Францией. Дума с трудом решила вопросы о выделении правительству военных кредитов, об увеличении призыва в армию на 1917 г.

Разрабатывались и в спешном порядке реализовывались разного рода проекты укрепления международного положения российской империи. В июле 1914 г. было принято новое Положение о МИДе согласно которому департаменты внутренних и внешних сношений были реорганизованы и вместо них созданы политические отделы МИД по региональному принципу.

Между тем идея «молниеносной победы» над австро-германским блоком как панацеи от всех проблем российского самодержавия активно обсуждалась и имела немало сторонников, в том числе из окружения Николая II, опасавшегося вступления России в военный конфликт с государствами Тройственного союза.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

К РАЗДЕЛУ II

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Вениамин (Федченков)*. На рубеже двух эпох. М., 1994.
- Коковцов В.И.* Из моего прошлого. Воспоминания, 1903–1919.: в 2 кн. М., 1992.
- Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992.
- Николай II*. Воспоминания, дневники. СПб., 1994.
- П.А. Столыпин глазами современников*. М., 2008.
- Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991.
- Родзянко М.В.* Крушение империи. М., 2002.
- Савинков Б.В.* Воспоминания террориста. М., 2006.
- Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993.
- Степун Ф.Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000.
- Суворин А.С.* Дневник. М., 1992.
- Шульгин В.В.* Годы. Дни. 1920 год. М., 1990.

Литература

- Алексеева Г.Д.* Народничество в России в XX в. М., 1990.
- Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995.
- Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: реформа и революция. СПб., 1991.
- Гоголевский А.В.* Русский либерализм в последнее десятилетие империи. Очерки истории, 1906–1912 гг. СПб., 2002.
- Демин В.А.* Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996.
- Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.
- Боханов А.Н.* Николай II. М., 2008.
- Ерошкин Н.П.* Российское самодержавие. М., 2006.
- Ксенофонтов И.Н.* Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996.
- Мартынов С.Д.* Государственный человек Витте. СПб., 2006.
- Пейн Р.* Ленин: жизнь и смерть. М., 2008.
- Пережудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2000.

Радзинский Э. Николай II: жизнь и смерть. М., 2007.

Рыбас С.Ю. Столыпин. М., 2009.

Сидорович Г.П. П.А. Столыпин: жизнь за Отечество. Жизнеописание (1862–1911). М., 2007.

Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992.

Федоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П.А. Столыпина: в 2 т. СПб., 2002.

Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг., 1917–1922 гг. М., 1997.

Шацлло В., Шацлло Л. Русско-японская война, 1904–1905: факты, документы. М., 2004.

Электронные ресурсы

www.nivestnik.ru – журнал «Новый исторический вестник»

Иоффе Г. Революционер: Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19) – 4 (22).

Найдис С.М. И.И. Петрункевич: в России и в эмиграции // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Чем было вызвано появление в России на рубеже XIX–XX вв. либеральной оппозиции? Какова роль либералов в борьбе за демократизацию политического строя в России?

2. Почему революция 1905–1907 гг. была не только буржуазной, но и демократической?

3. В чем ее отличие от буржуазных революций в Европе XII–XIX вв.?

4. Что привело к событиям 9 января 1905 г. и в чем их значение для трансформации политической системы в России в начале XX в.?

5. Что общего между гапоновщиной и зубатовщиной и в чем их отличие?

6. Дайте общую характеристику революционного движения весной и летом 1905 г. Чем оно отличалось от борьбы зимой 1905 г.?

7. В чем специфика складывания многопартийности в России на рубеже XIX–XX вв.?

8. В чем заключалось отличие стратегических и тактических установок октябристов от кадетов?

9. Каковы роль и значение массовых организаций трудящихся?

10. Почему в 1906 г. борьба рабочих переместилась на окраины государства и ее вели преимущественно текстильщики, а в 1907 г. вновь включились в борьбу рабочие центральных районов и металлисты?

11. Покажите, в чем отличие аграрного законопроекта трудовиков от законопроекта кадетов? Какой из них больше отвечал интересам экономического развития страны?

12. Что было общего в деятельности I и II Государственных дум?
13. Какими были состав и права I и II Государственных дум? Составьте сравнительную таблицу.
14. Почему царский манифест о роспуске II Думы и издание нового избирательного закона 3 июня 1907 г. свидетельствовали о государственном перевороте?
15. В чьих интересах был принят новый избирательный закон 3 июня 1907 г.?
16. В чем особенность партийного состава III Государственной думы?
17. Сравните политические взгляды Витте и Столыпина. Что у них было общего? И чем их политические действия отличались друг от друга?
18. Почему сложно складывались взаимоотношения между Николаем II и Столыпиным?
19. Почему аграрная реформа Столыпина оказалась мало результативной?
20. В чем специфика деятельности IV Государственной думы?
21. В чем особенность политического кризиса в России 1913–1914 гг.?
22. В чем суть политической концепции «Великая Россия»?
23. Соответствовала ли роль буржуазии в общественно-политической жизни ее экономическому весу? Аргументируйте свой ответ.
24. Каковы роль и место Государственной думы в политической системе Российской империи начала XX в.?
25. Какие действия предпринимала российская дипломатия для улучшения внешнеполитического положения России после поражения в войне с Японией?
26. Дайте характеристику основных этапов внешней политики России в 1905–1914 гг. Какими факторами определялась их специфика?
27. Как складывались отношения России с ведущими странами мира в 1905–1914 гг.?

Раздел III

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Лекция 10

ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

Война 1914–1918 гг. стала последней для императорской России и первой мировой в истории человечества. В России в 1914–1917 гг. ее называли «Великая война» или «Вторая Отечественная» – по аналогии с Отечественной войной 1812 г.

...Летнее утро 17 июля 1914 г. В кабинете начальника российского Генерального штаба трое: военный министр В.А. Сухомлинов, начальник Генштаба Н.Н. Янушкевич и министр иностранных дел С.Д. Сазонов. Генерал Янушкевич нервно крутил ручку телефона, Сухомлинов сидел в кресле, Сазонов вышагивал по кабинету. Настроение у всех было тревожное.

Месяц назад, 15 июня, в г. Сараеве (на территории Боснии, входившей в состав Австро-Венгрии) серб Гаврило Принцип убил наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену. Подстрекаемое Берлином австрийское правительство предъявило Сербии ультиматум с неприемлемыми условиями. 15 июля Вена объявила Сербии войну. Оставалась надежда на Германию. В ночь на 16-е царь вступил в обмен телеграммами с кайзером Вильгельмом. Возникшая у Николая II в ходе телеграфной переписки надежда на компромисс побудила его отменить собственное решение о всеобщей мобилизации. Колебания русского самодержца объяснялись не столько верой своему кузену (двоюродному брату) Вильгельму, сколько осознанием тяжелой ответственности за принимаемое решение.

На следующий день, 17 июля, министры пытались по телефону убедить царя в необходимости всеобщей мобилизации. Николай II отвечал сухо и односложно. Очень неохотно он согласился принять министра иностранных дел. Сазонову все-таки удалось убедить царя, что нежелание вести подготовительные мероприятия приведет к тому, что Россия будет застигнута войной врасплох. Обрадованный министр поспешил удалиться и, спустившись на нижний этаж Петергофского дворца, связался по телефону с Янушкевичем. Он передал высочайшее повеление о всеобщей мобилизации и, подстраховывая

ясь, сказал: «Теперь вы можете сломать телефон». Генерал бодро ответил: «Мой телефон испорчен».

Вечером на Центральном телеграфе одновременно заработали все аппараты, оповещающие военные и гражданские власти России о всеобщей мобилизации...

1 августа (старого стиля, т. е. по юлианскому календарю, принятому в России; 19 июля нового стиля, т. е. по григорианскому календарю) Германия объявила войну России, через день она вступила в войну с Францией, на следующий день Англия объявила войну Германии. 24 июля войну России объявила Австро-Венгрия. Вскоре мировая война поглотила 33 государства с населением 1,5 млрд человек.

Утром 20 июля Николай II назначил верховным главнокомандующим своего дядю великого князя Николая Николаевича, начальником штаба – генерала Янушкевича. Начал формироваться аппарат Ставки Верховного главнокомандующего (с местопребыванием первоначально в г. Барановичи) и фронтов (вначале Северо-западного и Юго-западного).

Николай Николаевич Романов (1856–1929) – великий князь. Окончил Николаевское инженерное училище и Академию генштаба. Участник русско-турецкой войны. В 1895–1905 гг. генерал-инспектор кавалерии. В 1905–1914 гг. – командующий войсками гвардии и Петербургским военным округом. С началом Первой мировой войны назначен Верховным главнокомандующим. Высокого роста, стройный, с тонкими чертами открытого энергичного лица, великий князь производил весьма внушительное впечатление. Но как военачальник был не вполне подготовлен. Решительный по характеру, он в то же время легко поддавался влиянию близких к нему лиц.

Заседание Государственной думы 26 июля прошло под знаком одобрения вступления в войну. С заявлениями о поддержке правительства выступили все фракции, кроме социал-демократической. Большевики и меньшевики огласили общую декларацию, осуждавшую войну. Не желая голосовать за военный бюджет, социал-демократы покинули зал заседаний. Оставшиеся депутаты поддерживали расходы на войну. Заседание окончилось исполнением гимна. В Петербурге и Москве состоялись манифестации в поддержку войны. «Я думаю, – писал Николай II, – что мы увидим теперь в России нечто подобное тому, что произошло во время войны 1812 года». Этот оптимизм оказался преждевременным, что, правда, выяснилось не сразу.

А пока в стране шла мобилизация, по повесткам в уездные и городские воинские присутствия прибывали в сопровождении родственников призывники. Они проходили несложную медицинскую комиссию, и здесь же их формировали в маршевые роты. Последние направлялись к пунктам формирования воинских частей, а оттуда шли эшелоны – (40 человек, 8 лошадей в вагоне) на фронт, где у западных границ уже шли ожесточенные бои. Все это сопровождалось слезами, криками, игрой гармошек, но уклонистов (дезертиров) не было. Полностью русская армия могла быть отмобилизована на 40-й день, но под нажимом союзников по Антанте она была вынуждена перейти в наступление уже на 15-й день.

Одним из важнейших вопросов, возникших в начале войны, стал польский. Потребность привлечь симпатии поляков определялась их положением на границах трех империй – России, Германии и Австро-Венгрии. МИД России подго-

товил проект манифеста, в котором ставилась задача объединения всех польских земель «под скипетром русского царя» с предоставлением «целокупной Польше» свободы «в своей вере, в языке, в самоуправлении», т. е. автономии в пределах России. Документ подписал Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Будущее поляков являлось лишь частью вопроса о целях войны, о послевоенном переделе мира.

В ноябре 1914 г. Николай II высказал свои взгляды на условия предстоящего мира французскому послу М. Палеологу. Царь считал главной задачей Антанты уничтожение германского милитаризма, устранение немецкой гегемонии в Европе и исключение любой возможности реванша со стороны побежденного соперника. В отношении политической карты мира предполагалось «исправление границы» с Восточной Пруссией, присоединение Познани и части Силезии к русской Польше, переход к России Галиции и Буковины, что позволило бы Российской империи достигнуть «естественных пределов». Предстояло решить судьбу армян в Малой Азии, освободив их от турецкого ига, изгнать турок из Европы и решить в пользу России проблему черноморских проливов (Босфора и Дарданеллы). Царь предлагал также сократить немецкую территорию на Западе путем возвращения Франции Эльзас-Лотарингии и, быть может, передачи ей рейнских областей. Бельгия получила бы в виде компенсации область Аахена, Дания – Шлезвиг с Кильским каналом, а на границе Голландии возник бы свободный Ганновер. Сама Германия должна была получить иное устройство, во всяком случае, с исключением доминирования Пруссии и правления Гогенцоллернов. Большие перемены планировались на Балканах. Сербия получила бы Боснию, Герцоговину, Далмацию и северную часть Албании, Греция – южную Албанию, а Италия – Валлону. Болгария могла бы получить от Сербии компенсации в Македонии. Царь предусматривал положить конец австро-венгерскому союзу, отделив от империи Чехию, так что Австрия свелась бы к Тиролю и Зальцбургской области. Таково было видение послевоенного мира с берегов Невы.

Уже в первые месяцы русская армия стала испытывать недостаток в артиллерии, винтовках и боеприпасах. Победы чередовались с поражениями.

В ходе *Восточно-Прусской операции* (4 августа – 2 сентября) планировалось охватными ударами с флангов разгромить 8-ю немецкую армию, овладеть Восточной Пруссией (ныне Калининградская область России) для развития наступления в глубь Германии. В составе 1-й и 2-й армий русского Северо-Западного фронта действовало 17 пехотных и 8 кавалерийских дивизий. Им противостояли 15 пехотных и одна кавалерийская дивизии немцев. К концу первого дня наступления 1-я русская армия под командованием П.К. Ренненкампа продвинулась в глубь немецкой территории на 30 км. 20 августа в сражении под Гумбиненом русским удалось разгромить германский корпус. Одновременно войска 2-й армии под командованием А.В. Самсонова, наступавшие с юго-востока, атаковали находившиеся там немецкие войска и заставили их отступить.

Ренненкампф Павел Карлович (1854–1918) – генерал. Во время революции 1905–1907 гг. командовал карательным отрядом в Восточной Сибири. В годы Первой мировой войны на командных должностях. Убит солдатами.

Самсонов Александр Васильевич (1859–1914) – генерал. В 1909–1914 гг. – туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Тур-

кестанского военного округа, атаман Семиреченского казачьего войска. Погиб при разгроме 1-й армии Северо-Западного фронта под Сольдау.

Опасаясь окружения, немецкое командование отдало приказ об отступлении. В спешном порядке с Западного на Восточный фронт перебрасывались германские подкрепления. Несогласованность действий двух армий (сказалась личная неприязнь генералов) привела к окружению войск Самсонова: погибли 20 тыс. солдат и офицеров, 30 тыс. попали в плен. После этого армия Ренненкампа была выбита из Восточной Пруссии.

В первых числах августа Юго-западный фронт начал *Галицийскую операцию*. Боевые действия развернулись на территории протяженностью 400 км. Со стороны России в ней участвовало пять армий, со стороны противника – 4 армии. Цель наступления русских войск – разбить противника на львовском направлении, отрезав ему пути отхода. 3-я и 8-я русские армии наносили удар с востока, а 4-я и 5-я – вспомогательный удар с севера, со стороны Польши. Австро-венгерские войска в свою очередь планировали вторгнуться в Польшу и разгромить русских между реками Вислой и Бугом. Успешное наступление австрийских войск против 4-й русской армии на люблинском направлении было остановлено. 19 августа 3-я и 8-я русские армии повели наступление на Львов. Потери Австро-Венгрии составили до 400 тыс. человек, России – 230 тыс. Русским войскам удалось не только отразить наступление неприятеля, но и создавать угрозу вторжения в Венгрию и Силезию, т. е. приблизиться к германской границе. Немцы немедленно приступили к концентрации там своих войск и попытались осуществить прорыв, чтобы зайти в тыл наступающим в Австро-Венгрии русским армиям. Но русское командование успело перебросить сюда часть войск с австрийского фронта. Превозмогая усталость после длительного пешего марша, русские части под Ивангородом и Варшавой в тяжелых боях крепко держали оборону, а в первых числах октября сами перешли в наступление. Новую угрозу появления русских в пределах своей империи немцы опять решили предотвратить прорывом в русский тыл. Этот прорыв был проведен ими из района Торна в направлении на Лодзь. Но немецкая группировка, вошедшая в прорыв, сама попала в окружение русских войск и была вынуждена совершить новый прорыв, теперь уже для того, чтобы пробиться из окружения и вернуться к своим основным силам. И русские, и германские войска были в значительной степени обескровлены в ходе октябрьско-ноябрьских боев. Противоборствующие стороны были вынуждены перейти к позиционной войне.

Аналогичный переход совершился и на Западном фронте. Германский план молниеносного разгрома сначала Франции, а затем России провалился благодаря героизму и неимоверным усилиям русских солдат и офицеров.

И без того тяжелое положение русских вооруженных сил усугублялось тем, что *в середине октября появился новый фронт на Кавказе*: в войну против России вступила Турция. К концу 1914 г. русские войска вступили на этом фронте в пределы Турции. Попытки же Англии и Франции занять черноморские проливы успехом не увенчались.

В условиях войны по инициативе органов местного самоуправления были созданы общероссийские организации – Всероссийский земский и Всероссийский городской союзы помощи больным и раненым воинам. Созданный на

московском съезде представителей земств 30 июля *Всероссийский земский союз* (ВЗС) объединил земские учреждения 41 губернии. Его высшим органом стал съезд уполномоченных земств. Между съездами делами союза ведал Главный комитет во главе с главноуполномоченным князем Г.Е. Львовым.

Всероссийский союз городов (ВСГ) был организован на совещании представителей городов в Москве 8 – 9 августа 1914 г. Он состоял из съезда уполномоченных от органов городского самоуправления (думы и управы), Главного, областных, городских и фронтовых комитетов. Главноуполномоченным ВСГ стал московский городской голова, крупный предприниматель М.В. Челноков.

В земском союзе преобладали октябристы, в городском – кадеты, но они вместе занимались эвакуацией раненых с театра военных действий, организацией госпиталей, устройством складов медикаментов, подготовкой медицинского персонала и т. п. В дальнейшем компетенция Союзов расширилась: помимо военно-санитарного дела им разрешили заниматься вопросами снабжения армии боеприпасами, амуницией, снаряжением (конская упряжь, подковы, телеги и т. п.).

Поскольку функции этих организаций фактически совпадали, то в *июле 1915 г.* был учрежден объединенный орган – *Главный комитет по снабжению армий* (Земгор), призванный координировать деятельность союзов. Земгор имел собственные предприятия, мастерские, магазины. Законом 16 ноября 1915 г. правительство узаконило деятельность и этой общественной организации. Фактически ВЗС, ВСГ и Земгор взяли на себя выполнение военно-хозяйственных функций, с которыми государство не справлялось.

С одной стороны, появление этих организаций объяснялось инициативой общественности, а с другой – вынужденной уступкой со стороны властей. Хозяйственный и военный бюрократический аппарат оказался не в состоянии обеспечить нужды действующей армии. Как едко подметил генерал М.Д. Бонч-Бруевич, во время войны «неожиданно выяснилось, что в войсках нет ни снарядов, ни сапог». Ему вторил военный министр Сухомлинов: «Русская армия была обеспечена всего лишь едва на 6 месяцев». Из-за отсутствия боеприпасов потери во многих частях достигали 30–60% личного состава, в отдельных полках оставалось в строю всего 7–10 офицеров, солдаты испытывали нужду в теплом веществе довольствии в условиях надвигающейся зимы.

Сложность положения, в котором оказались русские вооруженные силы, объяснялась прежде всего стратегическим просчетом командования в определении продолжительности и интенсивности боевых действий. Генералы (и не только русские) опрометчиво рассчитывали на быстрое окончание войны. Но война затягивалась, и пришлось привлекать к выполнению военных заказов отечественных предпринимателей. Кроме того, Россия была вынуждена размещать в странах Антанты огромные заказы на поставки военного имущества: полевых орудий, ручных гранат, винтовок и патронов к ним, стереотруб, взрывателей, средств связи, проводов, кабелей, прожекторов, судовых двигателей, колючей проволоки, грузовых автомобилей, листовой стали, хлопка и многого другого. Не располагая валютой (русский экспорт почти прекратился), правительство стало просить кредиты и все дальше залезало в долги. Всего за военные месяцы Россия заключила иностранных займов на сумму 8 млрд руб. К тому же нужно было выплачивать проценты и погашение по прежним, довоенным займам. Основную массу военных кредитов предоставила Англия. Иностранные фирмы

запаздывали с исполнением заказов, союзные власти выделяли для морских перевозок недостаточный тоннаж. В американских, английских и французских портах скапливались залежи грузов, предназначенных для России. Не лучше дело обстояло и в отечественных портах (Архангельске, Владивостоке и т. д.), куда доставлялись эти грузы. Железнодорожный транспорт не справлялся с этим потоком.

Первые месяцы войны прошли под лозунгом «защита Отечества» и единения общества с властью. Из политических партий только большевики заняли непримиримую позицию по отношению к войне. 1 ноября появился манифест ЦК РСДРП(б) «Война и российская социал-демократия». Документ призывал к борьбе за превращение империалистической войны в гражданскую, поражению царского правительства, к использованию кризиса, создаваемого войной, для свержения царизма.

Лекция 11

ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ 1915 г.: ФРОНТ И ТЫЛ

К весне 1915 г., сосредоточив на Восточном фронте до половины своих вооруженных сил, Германия и Австро-Венгрия подготовили к началу мая прорыв русского фронта у местечка Горлица (восточнее Перемышля). Здесь они имели не только численный перевес в людской силе, но и преимущество в вооружении.

Под ураганным огнем противника плохо вооруженные русские войска, нередко не отвечая на этот огонь из-за отсутствия боеприпасов, отходили на восток, теряя военное имущество, тысячи пленных. Вместе с армией по пыльным дорогам, под палящим солнцем днем и при свете зарева пожаров ночью в центральные губернии России уходили вереницы беженцев. Галиция была оставлена. Немецкое наступление началось и на других участках фронта – в Польше и в Восточной Пруссии. В июле и в августе после тяжелых боев русская армия оставила территорию Польши и часть Литвы. Позже противнику удалось захватить всю Литву, часть Латвии и некоторые районы Белоруссии. Лишь к зиме фронт стабилизировался на линии Рига – Двинск – Барановичи – Пинск – Дубно. Итоги кампании 1915 г. были в высшей степени плачевными. Велики были людские потери. Общее число убитых, раненых и пленных с начала войны составило 3,5 млн человек. Страна лишилась больших и важных в экономическом и стратегическом отношении территорий. Военные поражения, хозяйственные трудности еще более обострили социально-политическую обстановку в стране. Все чаще в разговорах зазвучало слово «измена».

После длительного перерыва в годовщину начала войны, 19 июля 1915 г., была созвана Государственная дума. Пустующий Таврический дворец вновь ожил. Заполнялись зал заседаний, логи правительства и прессы, галерея для публики. Среди членов российского парламента с каждым днем росли оппозиционные настроения. «Патриотический подъем, – говорил лидер фракции кадетов П.Н. Милюков, – сменился патриотической тревогой». Думцы верноподданнически, но высказывают свое недовольство: тут и поражения армии, и плохое снабжение войск, и безответственные действия министров, «которым место на скамье подсудимых», и «расхождение между обществом и правительством». С каждым заседанием Думы атмосфера накалялась.

В августе 1915 г. сложился «Прогрессивный блок», объединивший более 300 деятелей Государственной думы и Государственного совета. Программа блока включала требование полного обновления состава Совета министров, формирование правительства «сильного доверием общества»; кроме того, предлагалось осуществить некоторые мероприятия в области национальной политики, предоставить свободу вероисповедания, восстановить в правах профсоюзы и рабочую печать и т. п. Газета «Утро России» 13 августа опубликовала список членов правительства («комитета обороны») во главе с М.В. Родзянко. Большинство портфелей (9 из 12) получили лидеры думских фракций А.И. Гучков (министр внутренних дел), П.Н. Милоков (министр иностранных дел), А.И. Шингарев (министр финансов), Н.В. Некрасов (министр путей сообщения). Три министерских портфеля блок предоставлял действующим министрам А.А. Поливанову (военный министр), А.В. Кривошеину (земледелия и землеустройства), графу П.Н. Игнатьеву (народного просвещения). Лозунг «правительства доверия» поддержали Московская и Петроградская городские думы. Для руководства блоком было избрано бюро под председательством октябриста барона А.Н. Меллер-Закомельского.

Неспособность государственной бюрократии успешно вести войну подтолкнула предпринимательские круги к более активному участию в укреплении военного потенциала России. Под лозунгом мобилизации промышленности для нужд фронта в мае 1915 г. в северной столице прошел IX съезд представителей торговли и промышленности, принявший решение о создании общероссийской общественной организации – *Центрального военно-промышленного комитета* (ЦВПК). Одновременно по всей стране создавались местные военно-промышленные комитеты, объединившие широкие слои средней буржуазии. Цель комитетов: координация работ всей промышленности, снабжение ее металлами, топливом и сырьем, забота о пополнении рабочих кадров на предприятиях, распределение правительственных заказов. Еще одной важной функцией ВПК стало сглаживание социальной напряженности в рабочей среде за счет привлечения к сотрудничеству рабочих. В конце ноября в ЦВПК было избрано 10 их представителей. Однако эту акцию нельзя назвать успешной, поскольку избранные выражали взгляды меньшинства пролетариев.

Председателем ЦВПК стал лидер октябристов А.И. Гучков. Наиболее крупным из местных ВПК являлся Московский, объединивший деятельность 64 комитетов 15 центральных губерний России. В его состав входили многие известные политические деятели и промышленники: П.П. Рябушинский (председатель), Ю.П. Гужон, Г.Е. Львов, Ю.П. Поплавский, М.В. Челноков и другие. Правительство узаконило существование военно-промышленных комитетов правовым актом от 27 августа 1915 г.

В противовес военно-промышленным комитетам правительство законом 17 августа учредило несколько *особых совещаний* – высших правительственных учреждений под председательством министров и подотчетных только императору. Всего первоначально их было 4 – по обороне государства, по топливу, по продовольствию и по перевозкам. Ведущая роль среди них отводилась *Особому совещанию по обороне государства*. В его обязанности входили надзор за деятельностью всех государственных и частных предприятий, изготовлявших предметы боевого и материального снабжения армии и флота, содействие созданию новых предприятий, реконструкция старых, распределение военных заказов и контроль

за их исполнением. Работа совещания проходила под председательством военного министра А.А. Поливанова. Дело в том, что под давлением общественного мнения Николай II отстранил от должностей министров В.А. Сухомлинова, Н.А. Маклакова, (министра внутренних дел), И.Г. Щегловитова (министра юстиции), В.К. Саблера (обер-прокурора Синода). Перечисленные отставки явились прелюдией «министерской чехарды», разыгравшейся в полной мере в 1916 г. и не способствующей стабильной работе правительства. С начала войны до февраля 1917 г. (за 32 месяца) в России сменилось четыре председателя Совета министров, 6 министров внутренних дел, 4 военных министра, 3 министра иностранных дел, 3 министра юстиции и т. д. Из всего состава правительства сохранили свои посты в течение всей войны двое человек – П.Л. Барк (министр финансов) и И.К. Григорович (морской министр).

Барк Петр Львович (1869–1937) – дворянин, родился в Екатеринославской губернии. Окончил юридический факультет Петербургского университета в 1891 г. Стажировался в Германии по вопросу банковского дела. По возвращении в Россию в возрасте 28 лет был назначен управляющим иностранным отделом Госбанка страны. В 1900 г. женился на баронессе С.Л. Бер. В 1906 – 1911 г. директор Волжско-Камского банка. В 1911 – январе 1914 г. товарищ (заместитель) министра торговли и промышленности. В январе 1914 – феврале 1917 г. министр финансов России. После Февральской революции вместе с семьей переехал в Крым. В годы Гражданской войны представлял интересы Вооруженных сил Юга России в Париже и Лондоне. С падением Крыма обосновался в Англии. Весной 1935 г. получил английское подданство и звание сэра (баронета) из рук короля Георга V. Умер в Англии.

Предпринимательские круги стремились извлечь как можно больше прибыли из выполнения оборонных заказов, используя обстановку военного времени. Взятничество и произвол, царившие при распределении заказов, делали их «золотым дном» для промышленников и финансистов. Например, переплата за 3-дюймовый артиллерийский снаряд частному предпринимателю по сравнению с казенным производством равнялась 5 руб. 49 коп., за 6-дюймовые – от 23 до 28 руб. Начальник Главного артиллерийского управления военного министерства А.А. Маниковский сетовал на свое бессилие против этого «явного грабежа казны» и отмечал, что русские промышленники, проявив непомерные аппетиты к наживе, бесмерно обогатились «в самую черную годину России». Так, председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко взял подряд на изготовление большого количества безрезовых лож для винтовок, а помощник военного министра М.А. Беляев распорядился «накинуть» на каждую штуку по одному рублю сверх существовавшей цены на том основании, что Родзянко «нужно задобрить».

Проблема борьбы с алчностью заводчиков занимала правительство с самого начала войны. К примеру, на заседании Совета министров 30 сентября 1914 г. глава МВД Маклаков обратил внимание коллег на «неспокойное настроение среди рабочих ввиду стремления предпринимателей понижать расценки», используя условия войны. После дискуссии о политике заработной платы на петроградских предприятиях зафиксировано: рабочий вопрос – «дело не только фабрик, но и казны»; «ежели что произойдет, возьмем в казенное управление». Кстати, идея использовать против предпринимателей, нарушающих государственные интересы, в виде крайней меры принудительный выкуп предприятий в казну вына-

шивалась правительством еще до войны. Но только в 1916 г. отечественное законодательство пополнилось понятием «секвестр». 12 января Николай II утвердил Положение об управлении секвестрованными имуществами. Оно защищало казенного управляющего против исков со стороны акционеров. По российскому законодательству секвестр сводился к временному отстранению владельцев от управления, причем предприятие оставалось в их собственности, так что оснований для требований о возмещении стоимости не возникало. Зато и убытки, которые они могли обнаружить в своем хозяйстве, возвратившись к управлению, им надлежало принимать как кару за алчность и непослушание властям. Отечественные юристы оценивали Закон 12 января как торжество государственного интереса над зарвавшимся купечеством. Путиловский завод, это воплощение русского крупного бизнеса, самый крупный поставщик артиллерийского вооружения с численностью рабочих к 1917 г. более 30 тыс. человек, был секвестрован осенью 1916 г. Принудительному выкупу подверглись создаваемые предприятия: Царицынский оружейный и Владимирский пороховой заводы, принадлежащие финансово-промышленной группе Международного банка. У этой же группы был отнят Выксунский металлургический завод. Не допущено создание Кузнецкого металлургического комбината. Как видим, развитие организационных форм монополистического капитала, превращающегося в государственно-монополистический, шло быстрым и решительным темпом.

Тем не менее хозяйственная разруха в стране все усиливалась. Добыча и подвоз угля были явно недостаточны. Дефицит топлива в свою очередь сковывал работу железных дорог. Срывались перевозки военного снабжения и войск, важнейших народно-хозяйственных грузов. Нарастал «металлический» голод. Как и прочие проблемы русской военной экономики, он был обусловлен сокращением количества рабочих рук и падением производительности труда. В результате государству приходилось платить за металл все дороже.

На сельскохозяйственном производстве, положении крестьянства и продовольственном снабжении городов война также сказывалась губительным образом. Даже прекращение хлебного экспорта и хороший урожай зерновых 1915 г. не могли компенсировать в продовольственном балансе страны того обстоятельства, что среди 15 млн призванных на войну мужчин подавляющее большинство составляли крестьяне. Земледелие постепенно деградировало: сократились посевные площади, уменьшилось применение удобрений, сельскохозяйственных машин и орудий, плохо было с тягловой силой, так как лошади реквизировались на войну. Сократилось поголовье скота. Помещичье хозяйство страдало от нехватки рабочей силы. И все же причины ухудшения продовольственной безопасности страны лежали не только в сфере сельскохозяйственного производства (хлеб в деревне все же был), но в условиях постоянного роста цен (те, в чьих руках он находился, его придерживали). «Крестьянину на хлеб нужно одеться, обути и купить предметы первой необходимости: чай, сахар, мыло, и за каждый фунт этих товаров ему приходится сбывать пуд хлеба... “Дайте, – говорят они городу, – нам товары по божеским ценам, тогда мы отвезем вам хлеба, сколько хотите, по твердой цене”».

Фунт – русская мера веса, равная 409,5 г; пуд – 16 кг.

Продовольственные трудности имели далеко идущие социально-политические последствия. Они способствовали росту напряженности в крупных про-

мысленных городах. Галопирующая инфляция увеличивала жизненные тяготы горожан, поскольку цены на продукты и товары первой необходимости росли значительно быстрее, чем заработная плата. Зато дух наживы, возможности «деланья денег», спекуляция ценными бумагами процветали среди финансистов и промышленников, даже с поправкой на падение ценности рубля.

Борьба за физическое выживание, которая шла не только на фронте, но и в тылу, сопровождалась крайним озлоблением народа, на плечи которого легли все тяготы военного лихолетья. В 1915 г. в России бастовали более 1 млн рабочих, а через год – более 2 млн человек. Масштабы крестьянских волнений по причине обезлюдения деревни были относительно невелики – около 800 выступлений за годы войны, но примечательно, что в 150 случаях власти прибегали к помощи военной силы для их усмирения.

Поражения русской армии летом 1915 г. повлекли перестановки в верховном командовании.

Успехи русских войск в Германии и Польше в 1914 г. сделали великого князя Николая Николаевича весьма популярным в армии и широких общественных кругах. Даже поражения 1915 г. не смогли поколебать его авторитет. Это раздражало Николая II. 23 августа 1915 г. он сместил великого князя с поста Верховного главнокомандующего и назначил на этот пост самого себя, а начальником штаба главковерха назначил генерала М.В. Алексеева.

Организационные изменения были проведены в аппарате Ставки и военного министерства, были созданы еще два фронта (Северный и Западный). Смена верховного командования вызвала негативную реакцию. Восемь министров обратились к царю с письмом, умоляя его изменить свое решение. Много недовольных было в Государственной думе, пришлось указом объявить перерыв в работе парламента. Даже в придворных кругах существовало мнение, что этим шагом Николай II поставил в прямую зависимость прочность своего трона от ситуации на полях сражений мировой войны, поскольку в глазах всей страны ответственность за поражения теперь ложилась лично на императора. Но Николай II был непреклонен.

Взяв в свои руки Верховное командование и распустив Думу, Николай II зачастил из Ставки (г. Могилев) в Царское Село, где проживала императрица с детьми. За 21 неделю пребывания на посту Верховного главнокомандующего в 1915 г. самодержец находился в ставке лишь 9 недель, а в Царском Селе около 7 недель, остальное время он провел в разъездах, смотрах и инспекциях формирующихся частей. Так возник дуализм власти – военной (г. Могилев) и гражданской (правительство в Петрограде). Принимая во внимание повседневные трения между военной и гражданской администрациями, удлинение пути информационных потоков Петроград – Могилев и обратно, а следовательно, и увеличение времени принятия решений и нормативно-правовых актов, можно констатировать, что самодержавное могущество было уж не столь непоколебимо.

Тем более что по стране распространялись слухи подчас чудовищного содержания о личной жизни императорской семьи. Двор представлялся чуть ли не гнездом ужасного разврата: царица живет с Григорием Распутиным, фрейлина Анна Вырубова является любовницей одновременно Распутина и царя. Григорий и Анна поят монарха каким-то зельем, приготовленным их другом тибетским знахарем П. Бадмаевым, отчего царь теряет последние остатки воли, становится равнодушным и даже не понимает, что происходит вокруг него. Ши-

роко циркулировали слухи и «свидетельства», согласно которым вмешательство Распутина в дела государственного управления стало настолько серьезным, что по его воле назначаются и смещаются министры, притом действует он по наущению неких темных сил, персонифицировать которые никто не мог. Причем эти небыллицы использовали в своих интересах монархисты, либералы и социалисты.

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864 или 1865–1916) – *крестьянин села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии. При дворе старался вести себя «просто», по-мужичьи. Ходил в русской подпоясанной рубахе навывпуск, в высоких сапогах, длинные прямые волосы обрамляли его лицо с мощными надбровными дугами, из-под которых смотрели глубоко посаженные, живые, пронзительные глаза. Войдя в роль народного представителя, Григорий мог смачно высморкаться двумя пальцами, отрыгнуть после хорошей выпивки и закуски. Эта псевдонародность не только не отталкивала от него, а наоборот, привлекала аристократов. Распутин никогда бы не приобрел такого влияния на царскую семью, и прежде всего на Александру Федоровну, если бы не обладал природной способностью успокаивать ее, помогая сыну, наследнику, бороться с болезнью (гемофилия – плохая свертываемость крови), перед которой оказалась бессильной медицина. Для убитой горем женщины Распутин был спасителем Алексея. Распутин довольно быстро вошел во вкус своего положения: пьяные оргии, кутежи с цыганами, связи с темными дельцами и т. п., то есть то, что вместило в себя понятие «распутинщина». «В квартире (на Гороховой, 64) с утра до вечера толкуются представители всех слоев населения. Крестьяне, ходяки в валенках... просят помочь миру в какой-то вражде с помещиком. Дама в глубоком трауре, с заплаканными глазами, хватая за руки “отца” и, всхлиывая, просит о чем-то. Военный в блестящем мундире одного из гвардейских полков скромно ждет своей очереди. Вот какой-то человек с обрюзгим лицом входит в переднюю в сопровождении лакея... Это какой-то банкир по спешному делу. Его принимают без очереди. Какие-то польские беженцы, студенты, монашки с котомками и фрейлины императрицы».*

Все искали поддержки и содействия своему делу у «самого Распутина». Но одно дело те, кого к Распутину привела беда, другое – высокопоставленные лица. «Божий человек», «старец» стал настоящим подарком судьбы для всех политических сил, находящихся в конфронтации с верховной властью. Даже убийство Распутина в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. депутатом Государственной думы В.М. Пуришкевичем, князем Ф.Ф. Юсуповым, великим князем Дмитрием Павловичем было представлено как спасение чести семьи самодержца, помазанника Божия на земле. Нельзя не согласиться с мнением историка Г.З. Иоффе: «...Волею исторической судьбы Распутин оказался в центре борьбы двух сил: самодержавия, еще с далеких допетровских времен выражавшего идею господства государства над человеком, и либерализма, стремившегося установить правовой порядок, ограничив законом власть государства над личностью... В этом противостоянии и власть, и либералы обессилили себя, открыв путь революционной, “пугачевской” анархии».

Поражения русской армии в 1915 г. усилили германофильские настроения при дворе. По некоторым сведениям, сам монарх пытался установить источник

слухов об «измене» императрицы, ее связях с Германией. Соответствующее поручение получил военный агент во Франции граф Игнатъев. Якобы удалось установить, что «клевета злонамеренно распространяется германским генштабом». Все документы собирались в особое дело, но после революции 1917 г. оно пропало. Насколько все это соответствует действительности, ответить сложно.

Неудачи русской армии на полях сражений, тяготы тыловой жизни создавали благоприятную среду для радикализации общественного сознания. В социокультурной толще происходили перемены. Все чаще звучащее слово «измена» предполагало наступление времени перехода от слов к действиям.

Лекция 12

ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ 1916 г.: ФРОНТ И ТЫЛ

Главная задача летней наступательной кампании русских войск в 1916 г. была сформулирована генералом Алексеевым в письме к Николаю II: «Нанести противнику потери и разбить основательно часть его войск». Ставка планировала нанести решающее поражение войскам Германии и Австро-Венгрии ударом Западного фронта (генерал А.Е. Эверт) на Ошмяны и Вильно с одновременным проведением вспомогательных операций войсками Северного фронта (генерал А.Н. Куропаткин) против Видзы, а Юго-Западного (генерал А.А. Брусилов) – против Луцка. План был закреплен в директиве Ставки войскам от 11 апреля 1916 г.

Юго-Западный фронт генерала Брусилова прикрывал Киев и пути к Черному морю на протяжении 420 верст, имея главное операционное направление на Львов. Фронт включал четыре армии, которые в первой половине мая занимали следующие позиции: 8-я армия (генерал А.М. Каледин) своим правым флангом занимала Полесье от стыка с Западным фронтом до железной дороги Ковель – Ровно; 11-я армия (генерал В.В. Сахаров) – от Дубно до Тарнополя включительно, непосредственно стояла на Львовском направлении; 7-я армия (генерал Д.Г. Щербачев) на фронте Микулинце – Патач, на реке Стрыпе, перехватывая пути на Галич – Stanisлавов; 9-я армия (генерал П.А. Лечицкий) обеспечивала левый фланг фронта и перехватывала пути с Карпат.

Всего в армиях фронта насчитывалось 603 184 штыка, 62 836 сабель, 223 тыс. бойцов обученного запаса и 115 тыс. безоружных солдат, которым не хватало винтовок. Личный состав был сведен в 19 пехотных и кавалерийских корпусов. На вооружении имелось более 2 тыс. орудий, 2 бронепоезда, один дивизион и 13 взводов бронемашин, 20 авиационных отрядов и 2 тяжелых бомбардировщика «Илья Муромец».

Противостоящие им германские и австрийские войска генералов Х. Фата, Л. фон Хауэра, А. фон Линзингена и других располагали 592 330 пехотинцами, 29 764 кавалеристами, более 2700 артиллерийскими орудиями и т. д.

Главными козырями армий Юго-Западного фронта являлись внезапность атаки, ее масштабы, превосходство в живой силе, особенно ярко выраженное на

фронте 8-й армии. Несмотря на то, что австро-венгерское командование перехватило приказ Брусилова о переходе в наступление, принять какие-либо контрмеры оно уже не успело.

19 мая войска Юго-Западного фронта начали артиллерийскую подготовку прорывов, а 22–23 мая в бой пошла пехота. Позиции австро-венгерских армий были прорваны. Важное значение для успеха имел артиллерийский огонь, заставлявший противника часами не покидать убежища. К исходу четвертого дня наступления был освобожден Луцк.

Огромные потери атакующих (8-я армия за первые три дня потеряла 33,5 тыс. человек, 9-я армия за первый день прорыва – более 10 тыс., 7-я за первую неделю – более 20 тыс., 11-я за семь дней – более 22 тыс. человек), отсутствие резервов, перенесение срока наступления Западного фронта заставляло Брусилова опасаться за фланги наступающих армий. Тем временем противник получил первые подкрепления и начал контратаковать на реке Стоходе. К началу июля только 9-ая армия Лечицкого продолжала наступать, отбросив противника за реку Серет, достигнув Яблоницкого перевала на венгерской границе.

Одновременно перешли в наступление войска Северного и Западного фронтов. Однако они не смогли прорвать позиции германских войск, несмотря на значительное превосходство в живой силе. Под влиянием такого развития событий Алексеев принял решение перенести главный удар в полосу Юго-Западного фронта, усилив его гвардией и резервами. Гвардейские корпуса вошли в организуемую с 4 июля армию генерала В.М. Безобразова.

Из журнала боевых действий 405-го пехотного Львовского полка 102-й пехотной дивизии:

«28 мая. В 2 часа ночи 2 и 4 батальонам при поддержке бронемашин приказано было наступать на колонии Новая Ракиня, Бейнаровка, Копачевку, Александровку, а потом вдоль проселочной дороги на колонии Ново-Александровку, Жабово и местечко Рожжище. Перейдя в наступление, батальоны к утру выбили противника из колонии Новая Ракиня, куда во фланг зашли 1 и 3 батальоны полка, благодаря чему они присоединились ко 2 и 4 батальонам. Развивая начатый успех, 405 полк, состоя в авангарде главных сил, состоящих из 407 пехотного Саранского полка, под командой полковника Кованько, весь день с боем продвигался вперед, в этом бою были заняты колонии Копачевка, Новая Ракиня, Бейнаровка, Ново-Александровка и местечко Рожжище. Упорный и кровопролитный бой был у деревни Копачевка и колонии Александровка, где львовцам пришлось выбивать немецкую гвардию из укрепленной и великоленной естественной позиции. Особенно последнее серьезное сопротивление оказали германцы у колонии Ново-Александровка, где полк обстреливался ураганным огнем тяжелых и легких батарей, но, несмотря на все это, крайне утомленные львовцы выдержали упорное сопротивление железной немецкой гвардии, атаковали колонию Ново-Александровку с флангов и захватили около 1500 пленных нижних чинов, 4 штаб и 5 обер-офицеров. К 17 часам полк подошел к местечку Рожжище, где ждет приказаний от полковника Кованько. В 18 часов полку было приказано двигаться через колонии Старый и Новый Крем вдоль шоссе к колонии Михалин, где и расположиться бивуаком. За этот день 405 полк взял около 2000 пленных германцев, 16 пулеметов, немецкую кухню, повозку с упряжью и ружьями. В этом славном бою геройской смертью пали: командир 10 роты прапорщик Попов, 15 роты прапорщик Тиунов и младший офицер 15 роты

прапорщик Миляновский; умерли от ран: прапорщик Бей и Смирнов; ранены: прапорщики Бондаренко, Краевский, Пирогов, Фомичев, Панкратов, Лемехов, Тамарлаков и командир 1 батальона подпоручик Дилученко. Убито нижних чинов 156, ранено 856 и без вести пропало 153 нижних чинов...

28 июня. По приказанию начальника дивизии полку приказано было в составе 5 рот под командой подполковника Кучинеревского и 1 батальона 407 пехотного Саранского полка атаковать деревню Свильники по двум направлениям, вдоль железной дороги и шоссе. С 1 часу ночи до 2 часов была артиллерийская подготовка, а в 2 часа ночи атака на окопы противника. Одна из колонн в составе трех рот под командой подполковника Кучинеревского направилась вдоль полотна железной дороги, другая, в составе 1 батальона 407 пехотного Саранского полка, вдоль шоссе. Со стороны противника был открыт ураганный огонь по наступающим колоннам, но, несмотря на это, движение рот вперед продолжалось. 9 и 10 роты, достигши проволочных заграждений противника, бросились на него в атаку, но были встречены контратакой противника, которая поддерживалась ураганным огнем. В этом наступлении, хотя противник и понес большие потери, но благодаря его ураганному огню роты отошли в свои окопы. В этом славном и доблестном наступлении геройской смертью пали командир 2 батальона прапорщик Ромм и 12-й роты прапорщик Морозов; пропал без вести командир 10 роты прапорщик Бернашевский; ранены: прапорщики Тер-Сааков, Зозуля, Завражнов, Толмачев; контужены: прапорщики Савчук-Савмчук, Хорошков. Убито около 70 человек нижних чинов и ранено 365 человек. Взято два прожектора. На рассвете полк был сменен 407 пехотным Саранским полком и отведен в дивизионный резерв в деревне Невольное, где расположился бивуаком».

(Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2954. Оп. 1. Д. 55. Л. 11об. – 13, 18 – 19)

В августе в Карпатских горах велись упорные затяжные бои за перевалы и отдельные вершины. Остальные армии фронта так и не смогли добиться решительного успеха. Сказывались усталость войск и нехватка сил. Ставка решила направлять маршевые пополнения только Брусилову. Румынское правительство, окрыленное успехами русского оружия, объявило войну центральным державам. Полумиллионная румынская армия начала военные действия. Однако не продуманный шаг Бухареста только усугубил положение армии Юго-Западного фронта. В октябре румынская армия была полностью разгромлена, и до наступления зимы войска Центральных держав захватили всю Валахию, Добруджу, оккупировали Бухарест. Русскому командованию для прикрытия Молдавии и устья Дуная пришлось спешно организовывать Румынский фронт протяженностью 150 верст. В него вошли остатки румынских частей, а также русские армии, включая 9-ю армию Юго-Западного фронта.

В сентябре войска Брусилова трижды пытались наступать с целью прорыва на Владимир-Воынский, Львов и Галич, но все попытки были отбиты. 22 сентября после очередной неудачи Николай II заявил: «Я решительно против дальнейшего развития операции 8-й и Особой армий, операции, обещающей нам минимальный успех при громадных потерях». Брусилов спустя несколько часов убедил его в целесообразности очередного наступления на Воыни. Но и четвертое наступление было отражено противником.

А.А. Брусилов:

«Что же тут удивительного? Ведь люди дрались с мая 1916 г. по сентябрь. Они утомились и физически и нравственно, а с выдохшимся сердцем драться нельзя... Я русского солдата всегда любил и люблю, и эта любовь вынуждала меня кончать во что бы то ни стало начатое дело, чтобы кровь не была пролита даром... Я действовал по-своему, широким фронтом. Это моя метода, при которой наступление развивается от всего сердца, и никто не знает, где настоящее наступление и где демонстрация».

С.В. Трубецкой:

«Качества нашего солдата были и остались прекрасные... Однако в смысле общей подготовки войны наши военные верхи оказались, к несчастью, не на высоте положения... Приходилось считаться с очень тонким мало-мальски образованным слоем русского народа. Благодаря этому либо число наших офицеров запаса было недостаточным, либо культурный уровень их был недостаточно высок... При нашей бедности в кадрах – офицерских и унтер-офицерских – надо было быть особенно бережливыми с ними. Поступали же наоборот. Как безумно расточительно было наше командование в начале войны, когда зачастую запасные унтер-офицеры шли простыми рядовыми!... В отношении совершенно недостаточной подготовленности в материальной части и всяческого снабжения армии и говорить нечего... Поражала пестрота нашего командного состава... То встречаешь действительно современного военачальника, то часто очень милых, но совершенно устарелых генералов, годных скорее для помещения в какой-нибудь “ретроспективный музей”, чем на командный пост... Крови наше командование не жалело. Причиной этого была, насколько я понимаю, не какая-то “жестокость”, а скорее примитивизм стратегических и тактических концепций».

Наступление Юго-Западного фронта русской армии вошло в историю как наиболее яркая и значительная операция на восточно-европейском театре военных действий 1916 г. Оно получило название *«Брусиловский прорыв»*, поскольку именно главнокомандующий армиями фронта генерал А.А. Брусилов планировал и командовал войсками фронта в ходе наступления на Волыни, в Восточной Галиции и Буковине.

В российской исторической науке сложилось мнение о Брусиловском прорыве как о крупнейшей операции Первой мировой войны, имевшей переломное значение для хода всей войны. Однако признание безоговорочного успеха операции – «противник был на грани поражения» – оставляет открытым вопрос: почему же Германия и Австро-Венгрия капитулировали только осенью 1918 г., а Россия вышла из войны в марте 1918 г.? Между тем участники боев и современники давали иную оценку этой наступательной операции.

«...Тяжелые бои, веденные 7-й армией с 22 мая по 6 сентября, сильно ослабили состав частей, лучшие офицеры были выбиты, нижние чины поступали на укомплектование не в достаточном количестве и слабо обученными, обучать же их не было времени – приходилось почти сразу ставить в строй и пускать в бой. Кадры полков постепенно расшатывались, возникла опасность, что они будут вовсе уничтожены. Между тем общая обстановка требовала продолжения активных действий на фронте 7 армии. При таких условиях задаваться широкими операциями нельзя было, тем более что силы

противника на фронте армии не ослабевали, приходилось ограничиваться частными ударами».

(РГВИА. Ф. 2129. Оп. 1. Д. 99. Л. 297)

Командир 30-го армейского корпуса генерал А.М. Зайончковский:

«Брусиловский прорыв, действительно, удался отлично, но, когда мы вышли в поле, когда мы сбили с себя оковы неприятельских укрепленных полос, когда нам надо было маневрировать и мы встретились со злой волей противника в более разнообразных ее проявлениях, чем при прорыве, то стратегия отплатила за пренебрежение к ней и привела нас к ковельскому тупику... Традиционная судьба русского народа вытаскивать каштаны из огня для других не оставила его и в летнюю кампанию 1916 года. Она принесла больше пользы нашим союзникам, чем нам».

Командир 8-го Финляндского стрелкового полка полковник А.А. Свечин:

«...Летняя операция 1916 г. является первым фактом, обусловившим разложение русской армии, проявившееся осенью и зимой этого года. Это разложение представляется крупным звеном цепи событий падения прежней государственности».

Председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко:

«Русское высшее командование либо не имеет заранее подготовленных планов операций, либо, если их имеет, то их не выполняет... Высшее командование не имеет единообразных методов обороны и нападения и не умеет готовить наступление... Высшее командование не считает с потерями живой силы и не проявляет достаточной заботливости о солдатах... Армия отчетливо сознает, что если эти причины не будут устранены, то победы мы, несмотря ни на какие жертвы, не добьемся».

На совещании в Ставке 16 декабря были подведены итоги кампании 1916 г. Брусилов считал свой опыт успешным и рекомендовал в новом году повторить наступление по всему фронту. Каковы же были результаты наступления? Прежде всего нас интересуют людские потери русских войск и противника в мае – ноябре 1916 г. В отечественной исторической литературе продолжает «кочевать» оценка потерь Германии и Австро-Венгрии, принадлежащая Брусилову, – 1,5 млн убитых и раненых, свыше 400 тыс. пленных. Потери же русской стороны – 497 887 убитых и раненых, понесенные с 22 мая по 30 июня, интерполируются на всю наступательную операцию. Фактически же до конца года, по данным штаба Юго-Западного фронта, направляемым в Ставку, потери в ходе наступления Брусилова составили более 18 тыс. офицеров и 1 436 134 солдата погибших, раненых, пропавших без вести на поле боя. Германские войска вследствие «Брусиловского прорыва» потеряли 140 тыс. человек, австро-венгры – чуть более 639 тыс. человек. Таким образом, людские потери России были в 5 раз выше, чем у противника. Если принять во внимание, что из миллиона раненых в мае – октябре в строй вернулось только 204 тыс. человек, то можно констатировать, что русская армия была обескровлена. Осенью 1916 г. начали призывать на службу 16–17-летних молодых людей, составивших основное ядро запасных полков в новом 1917 г. Правда, русские войска захватили большое число пленных и трофеев – 417 тыс. пленных, 1745 пулеметов, 581 орудие и другое военное имущество. Эйфория в русском обществе после побед под Луцком и на Буковине сменялась горьким разочарованием. Противник не был сокрушен. Стратегия истощения врага на деле обернулась самоистощением.

Определенные успехи были достигнуты на Кавказском фронте. В ходе наступательных боев русские войска взяли крепость Эрзерум и город Трапезунд. Однако довести Турцию до полного военного разгрома русская армия все же не смогла. На 1917 г. военное командование России планировало высадку десантов в черноморских проливах и окончательное выведение Турции из войны.

В армиях воюющих держав к началу 1917 г. на 1000 штыков приходилось тяжелых орудий: в России – 1,1; в Германии – 3,9; в Англии – 2,7; во Франции – 3,5. Несмотря на все усилия, России не удалось преодолеть нехватку винтовок. Русская армия располагала к концу 1916 г. 12100 автомобилями, французская – около 90 000. За 1916 г. было ликвидировано имевшееся в начале войны превосходство России в аэропланах: в ее арсенале насчитывалось только 700 летательных аппаратов.

Итоги военной кампании 1916 г. повлияли на обострение внутривнутриполитического кризиса в России. На фронте и в тылу все отчетливей проявлялись антивоенные и революционные настроения. Отдавали ли себе отчет в происходящем члены правительства, политики, генералитет? Да, бесспорно. 15 июня 1916 г. генерал М.В. Алексеев обратился с докладом к царю, в котором предложил сосредоточить всю власть «во всех внутренних областях империи в руках одного полномочного лица, которое именовалось бы верховным министром государственной обороны». Ему «необходимо предоставить объединять, руководить и направлять единой волей деятельность всех министров, государственных и общественных учреждений, находящихся вне пределов театра военных действий». В проекте предлагалось: «Повеления избранного вашим величеством верховного министра государственной обороны должны исполняться внутри империи всеми без изъятия правительственными местами и общественными учреждениями, а равно должностными лицами всех ведомств и всем населением, как Высочайшие Вашего Императорского Величества повеления». 28 июня в ставке состоялось заседание Совета министров с участием Николая II, на котором среди прочих обсуждался вопрос о целесообразности учреждения поста верховного министра государственной обороны. Большинство министров высказались против предложенного проекта. Они понимали, что в случае его осуществления их роль в управлении империей заметно снизится. Но, осознавая необходимость установления в тылу единовластия, министры решили подчинить премьеру все Особые совещания. Реализуя предоставленные ему полномочия, глава правительства Б.В. Штюрмер организовал Особое совещание для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла. Таким образом, начинание свелось к обычной бюрократической реорганизации, итоги которой оказались неутешительными.

В среде думской оппозиции усиливались настроения перехода от слов к делу. Лидер октябристов Гучков писал летом 1916 г. начальнику штаба Ставки Алексею: «Нас не осведомляют, нас обманывают, с нами не считаются и нас не слушают. “Гниющий” тыл неминуемо развалит фронт да и всю страну втянет в “невывлазное болото”». Только дворцовый переворот, по словам Гучкова, «является единственным выходом для спасения России от всех бед, связанных с грозящей ей стихийной революцией». Правда, эти слова были сказаны Гучковым в 1936 г., перед смертью, почти 20 лет спустя после катастрофы. Понятно, что Гучков, вспоминая, хотел по меньшей мере смягчить прошлое. Но варианты переворота обсуждались с единомышленниками неоднократно осенью 1916 г. Убийство Николая II было отвергну-

то по соображениям, что нельзя «заставить сына и брата перешагнуть через кровь убитого царя». Предполагалось передать власть после ареста царя малолетнему наследнику Алексею при регентстве великого князя Михаила Александровича. Но разработанный план не был осуществлен в 1916 г. по причине неудачи привлечь на сторону заговорщиков высший генералитет. Верховная власть платила оппозиции той же монетой. Императрица в письме Николаю II от 14 декабря вновь напоминала о своем желании покарать ненавистных ей лидеров буржуазии и близких к ним государственных чиновников: «Милюкова, Гучкова и Поливанова – тоже в Сибирь. Теперь война, и в такое время внутренняя война есть высшая измена».

Из перлюстрированных писем октября 1916 г.:

Профессор-экономист П.П. Мизгулин из Петрограда в Казань М.М. Лоликовскому 10 октября:

«Продовольственный вопрос очень хромает. Твердые цены явно убыточны для сельского хозяйства: хлеб по этим ценам продавать, конечно, никто не хочет. Да и странно продавать: в Америке хлеб в полтора раза дороже нашего, а у нас кричат, и то идиоты, о дороговизне хлеба».

Г.Г. Ге из Петрограда во Владивосток Ю.М. Янковскому 18 октября:

«Живем мы в Петрограде, как на вулкане, со дня на день ожидая того, что принято называть беспорядками. И, по правде сказать, общество, как статское, так и военное, имеет полное основание озлобляться и негодовать».

Священник М. Сендерко из Жмеринки в Петроград лидеру думской фракции «Прогрессистов» И.Н. Ефремову 19 октября:

«Народ замечательно тих и покорен, но власти ведут себя так, как будто их наши испытания не трогают. Мы живем в густой сети сахарных заводов, но сахара не имеют даже наши кооперативы; керосина нет, соли нет, нет железа и кожи. Дошло до того, что у нас при церквях нет красного вина для таинства... На предложение сдавать хлеб по твердым ценам в казну или общественным учреждениям приходится слышать такой ответ: “какой смысл сдавать хлеб и брать деньги, когда за эти деньги ничего нельзя найти и купить”».

А. Бобров из Петрограда в Москву П.А. Козловскому 19 октября:

«Рабочие готовят забастовку не ради бунта, а из-за голода. День-деньской – хвосты, студятся и бабы, и дети, хворают, голодают. Вот народ и готовит расправу. Ничего не добыть. У нас все холодно и голодно. Ужас берет при мысли, что будет дальше. Ведь всего много, но все гниет, и нет доставки. Одни заседания и публикация своей глупости в газетах, а народ все же голодает, и ему от этого не лучше».

Отсутствие коренного перелома в боевых действиях на Восточном фронте, нарастание напряженности в отношениях власти и оппозиции, падение престижа верховной власти, нерешенность большинства социально-экономических проблем, расширение масштабов забастовочного движения и радикализации населения – вот далеко не полный перечень итогов уходящего 1916 г. В феврале 1917 г. самодержавие рухнуло практически за несколько дней. Это было столь неожиданно и поразительно, что до сих пор историки останавливаются перед этим фактом, как перед загадкой. Зарубежная историография склоняется к стихийному характеру Февральской революции. В советской исторической науке господствовала концепция «организующей роли большевистской партии», хотя

факты свидетельствовали, что большевики были тогда не в состоянии возглавить борьбу. По всей стране партия насчитывала чуть более 20 тыс. членов. Руководство ими было рассредоточено, ослаблено арестами и потому затруднено. В эмиграции, в Швейцарии, действовала Заграничная коллегия ЦК (В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев). Она фактически заменяла собой Центральный комитет. В Петрограде функции общероссийского руководства осуществляло Русское бюро ЦК (А.Г. Шляпников, П.А. Залуцкий, В.М. Молотов). Руководитель бюро Шляпников вспоминал позже: «Ни по своему характеру, ни по классовым силам Февральская революция не была и не могла быть организованной и “вызванной” нашей партией...». Примерно такая же ситуация была в других социалистических партиях – меньшевиков и эсеров.

Мировая война, политическая близорукость верховной власти во взаимоотношениях с оппозицией, импульсивность и бессистемность действий правительства при разрешении внешних и внутренних проблем во многом обусловили Февральскую революцию 1917 г.

Лекция 13

МИРОВАЯ ВОЙНА И НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ

Первая мировая война характеризуется следующими особенностями, отличающими ее от предшествующих войн: 1) размах и длительность военных действий, 2) обширность территорий, на которых разворачивались боевые действия, 3) применение на военных театрах многомиллионных армий, 4) использование усовершенствованных средств ведения военных действий (скорострельное оружие, бронетехника, авиация и т. д.), 5) расходование гигантских материальных средств и мобилизация всех отраслей экономики на обеспечение потребностей фронта.

Все эти обстоятельства оказали большое влияние на демографическую ситуацию в России, на состав ее вооруженных сил, обусловили большие демографические потери страны.

В вооруженные силы России за годы войны было мобилизовано около 20 млн мужчин (более 10,8% населения империи), из них 17,6 млн в армию и на флот, остальные 2,4 млн на оборонные работы. Никогда прежде в своей истории Россия не имела такой многочисленной армии.

Только 1,4 млн составляли предвоенную кадровую армию, еще 5,6 млн прошли действительную военную службу и являлись запасниками 1 и 2 разрядов. Остальные 10,6 млн человек, мобилизованных преимущественно в сельской местности, наспех обученных военному делу и плохо вооруженных, радикально изменили состав действующей армии в 1916–1917 гг. В основном в армию призывались крестьяне и средние слои городского населения (мелкие предприниматели, учителя, врачи и т. д.).

В целом вооруженные силы аграрно-индустриальной России были по преимуществу крестьянскими. Из-за огромных потерь на фронте и ухудшения жизни в тылу в армии росли настроения против императора, правительства и войны.

Россия за годы мировой войны понесла на фронте самые большие потери по сравнению как со своими союзниками, так и противниками.

	Россия	Германия	Австро-Венгрия	Франция	Англия	Италия
Потери в целом (млн человек)	8,4	7,5	5,2	4,7	3,1	1,8
В том числе убитыми	2,3	2	1,4	1,4	0,7	0,5

Особенно большие потери понес офицерский корпус русской армии. Эти потери восполнялись за счет грамотных крестьян, выходцев из средних городских слоев и демократической интеллигенции. Их направляли в школы прапорщиков, по окончании которых им присваивали первый офицерский чин «прапорщик». В результате офицерский корпус утратил замкнутый дворянский характер, в нем все больше росла доля социальных слоев, которые были настроены против Николая II и его правительства.

В итоге к концу 1916 г. из опоры российской монархии армия, пройдя через сидение в окопах и кровопролитные бои, испытав на себе немецкие газы и плохое снабжение, превратилась в «пороховую бочку» императорской власти, в серьезную угрозу для самодержавия.

Острое недовольство войной в армии быстро нарастало. Оно закономерно привело к росту дезертирства. Всего из армии дезертировали 1,5 млн человек.

От войны пострадало и гражданское население. 67 млн человек (36% населения империи) оказались на оккупированной врагом территории. Более 5 млн мирных жителей (3%) вынуждены были покинуть свои населенные пункты, оказавшись в прифронтовой полосе, и эвакуироваться в глубь страны. Среди них были, во-первых, жители, принудительно выселенные по приказу военных властей «в целях обезлюднения местностей, отдаваемых неприятелю». Во-вторых, выселению в глубь страны были подвергнуты немцы балтийских губерний, дабы обезопасить армию от их содействия германским войскам. В-третьих, из пограничных районов было выселено 0,5 млн евреев. Распоряжение на этот счет, изданное 15 марта 1915 г., обвиняло еврейское население в «предательстве и шпионстве» (в числе карательных санкций упоминалось и взятие заложников, ответственных за действия единоверцев).

Барон Н.Е. Врангель:

«Под предлогом обезвреженья границ от враждебного элемента десятки, а может быть, и сотни тысяч мирных жителей были насильственно удалены в глубь России. Людям даже не давали возможности собраться, соединиться со своими семьями. Их насильно сажали в теплушки и отправляли куда попало: часть семьи – в одно место, часть – в другое».

Таким образом, военнослужащие, принудительно выселенные, беженцы и жители, оставшиеся на оккупированной территории, – по сути половина населения Российской империи – стали жертвами последней войны императорской России.

Самые большие потери понесло крестьянское население. Именно на российскую деревню война оказала самое пагубное влияние, нанесла тяжелый удар по

устоям крестьянской жизни. Тяжесть этого удара усугубили особенности российского крестьянского хозяйства, унаследованные от феодальной эпохи.

Специфика крестьянского хозяйства предполагала разделение труда – на «мужскую» и «женскую» работу. Сугубо мужскими видами были заготовка топлива и кормов для скота, уборка хлеба, уход за лошадьми, все полевые работы – пахота, сев, жатва и т. п. Помимо помощи при полевых работах женскими обязанностями были уход за скотиной, работа по дому – приготовление пищи, уборка, носка воды, стирка, ремонт одежды, уход за детьми и т. д. В осенние и зимние месяцы женщины в свободное от другой работы время пряли и ткали. Основные заботы по дому ложились на плечи замужних женщин, но много трудились и девушки.

Крестьянская семья вела по сути натуральное хозяйство: крестьяне могли сами шить одежду и обувь, изготавливать сельскохозяйственный инвентарь, строить дома. И усилия семьи были направлены на поддержание баланса между числом работников и едоков, который достигался как за счет кооперации труда, в которой ведущую роль играл мужской труд, так и высокой рождаемостью. Отсюда происходила заинтересованность семей в детях как в дополнительной рабочей силе. Без сыновей крестьянское хозяйство не могло рассчитывать на материальное благополучие и стабильность: крестьянские мальчики рано начинали помогать родителям. 15-летний подросток уже считался полноценным работником и выполнял работы по дому и в поле.

Женитьба, с точки зрения крестьянского парня и его родителей, была выгодным делом: в лице невестки они получали дополнительную и бесплатную работницу, а также ее приданое. В состав невестинного приданого входили предметы гардероба: одежда, обувь, белье (носильное и постельное), различные платки, скатерти, полотенца и т. д., а также земля, скот, инвентарь и т. п. Полный комплект приданого невесты в ценах кануна Первой мировой войны обходился ее родителям в 1–1,5 тыс. руб. Это была огромная непроизводительная трата. Редкий отец мог готовить приданое дочери-невесты без ущерба для собственного хозяйства.

Начавшаяся война сразу принесла изменения к худшему.

Уже далеко не каждая семья могла выделить приданое своей дочери в полной мере. Бесприданницам приходилось самостоятельно добывать себе приданое либо усиленной работой в хозяйстве, либо рукоделием на продажу. Мужская половина деревни сильно поредела как из-за мобилизаций, так и из-за того, что многие парни перебрались в город на заводы или на шахты. В результате на селе образовался большой избыток невест. В этих условиях девушкам оставалось освоить какое-то полезное в деревне ремесло или уехать в город и устроиться там на работу.

Счет мобилизованным в армию из деревни шел на миллионы, а потому быстро росла доля семей, лишившаяся работников. Наибольшие потери понесли мелкие и средние хозяйства, из которых нередко призывали на фронт единственных трудоспособных работников. Зажиточные семьи нередко откупались от призыва или посылали своих молодых мужчин, подлежавших призыву, работать на военные предприятия, где действовала бронь. В частности, мобилизации не подлежали шахтеры, поскольку стране нужен был уголь (кстати, именно таким образом избежал фронта будущий первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, родившийся в 1894 г.). В итоге все заботы по ведению хозяйства в мало и средне обеспеченных крестьянских семьях легли на плечи женщин, подростков и стариков. Их труд, конечно, был менее производительным, чем труд взрослых и сильных работников-мужчин.

Таким образом, война привела к сокращению сельского населения. Она ускорила процесс разорения бедняцких хозяйств и обнищания малоимущих крестьянских семей по всей стране. Это подтверждают материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 г., которые содержат сведения о численности семей и их хозяйственной обеспеченности. Согласно переписи 1916 г. средняя численность семьи (на территории, которая после прихода к власти большевиков вошла в РСФСР) составила 5,74 человека против 6,6 человека по Всероссийской всеобщей переписи населения 1897 г.

Война породила дегуманизацию межличностных, сословно-классовых и социально-политических отношений в российском обществе. На первый план выступила массовая психология «человека с ружьем» с ее культом грубой, вооруженной силы в качестве универсального средства, пригодного для решения любых вопросов. Милитаризация и поляризация российского населения стали в дальнейшем катализаторами процессов перерастания войны внешней, мировой в войну внутреннюю, гражданскую (1917–1922 гг.).

Общие демографические потери России в Первой мировой войне подсчитать крайне трудно. До сих пор среди отечественных историков и демографов нет единства мнений относительно цифровых показателей демографического кризиса, порожденного войной. Исследователи так и не пришли к единому мнению относительно боевых потерь русской армии: данные о них не отличаются высокой точностью и во многом противоречивы, а кроме того, они применяли различные методики подсчетов.

Академик Ю.А. Поляков, известный историк и демограф:

«Империалистическая война, оторвав почти два десятка миллионов мужчин от своих семей, вычеркнув от полутора до двух миллионов человек из списка живых, искалечив примерно полмиллиона, послав за колючую проволоку лагерей для пленных свыше 5 млн человек, выплеснув из родимых мест около 7,5 млн беженцев, немалая часть которых погибла от голода и болезней, оказала огромное негативное воздействие на демографическую ситуацию в России».

(Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 100–101)

Главное управление Генерального штаба оценивало потери русской армии к 1 ноября 1916 г. в следующих цифрах:

Виды потерь	Количество человек
Убитые	443 284
Раненые	2 212 576
Умершие от ран	11 864
Отравленные газами	28 402
Контуженные	86 196
Пропавшие без вести	147 565
Попавшие в плен	2 337 349
Всего	5 307 236

(Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 51–52)

Таким образом, если к убитым и умершим от ран прибавить отравленных газами и большую часть пропавших без вести, безвозвратные потери русской армии к 1 ноября 1916 г. составили почти 600 тыс. человек.

Погибло и немало тех, кто попали в плен к противнику. Несмотря на то, что Россия поставила свою подпись под несколькими международными нормативными актами о военнопленных (Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., Положение о военнопленных от 7 октября 1914 г. и др.), жизнь двух с лишним миллионов русских солдат и офицеров в неприятельском плену была полна лишений и унижений. Для многих лагерные кладбища стали местом последнего приюта.

Из воспоминаний русского военнопленного о жизни в немецком лагере:

«Рано утром начиналась лагерная жизнь. Разносили хлеб по четверти кило на человека в день и чай – зеленоватый настой крапивы, совершенно несладкий (считалось, что сахар кладется в чай). Хлеб съедался тут же, при получке, и весь день люди ходили голодные. В восемь часов выгоняли на работу. Шли невыносимо медленно, как идут на похоронах. Ослабевшие руки с трудом поднимали лопаты и кирки... Обед не утолял голода. Многие доливали котелки водой, чтобы было больше жижи. У кухни всегда дежурили кучки людей. Они стерегли кухарей, выносивших в помойку очистки овощей. Яму брали штурмом. Всякая брезгливость давно исчезла. Счастливицы, получавшие кое-какие гроши, шли в кантину – жалкую лагерную лавочку. Покупали селедку и съедали ее целиком – с головой и хвостом, слизывая с бумаги приставшие к ней чешуйки.

...Было безразлично, кто победит – русские или немцы – хотелось только мира, и они радостно встретили бы и победу германцев, если бы она принесла им мир».

Демографические потери усугубили кризис, вызванный Первой мировой войной.

Лекция 14

МИРОВАЯ ВОЙНА И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ РОССИИ

Война повлияла на все сферы экономики России, но особенно быстро на начало войны отреагировали финансовая система и денежное обращение. Именно в финансовой сфере возникли трудности, которые привели к общему экономическому кризису в стране.

Прервались финансовые связи русских банков с границей. Курс ценных бумаг стремительно полетел вниз. Коммерческий банковский кредит был нарушен. Спрос на наличные деньги вырос, поскольку среди населения началась паника. В Риге, Варшаве, Лодзи и во всем Привисленском крае возник недостаток в мелких кредитных билетах (бумажных денежных знаках) и разменной металлической монете. Эвакуация контор Государственного банка и казначейств из ряда пограничных городов усугубила трудности с деньгами, хотя только за первую неделю боевых действий в обращение поступило кредитных билетов на 600 млн руб. Вкладчики потянулись в банки и сберегательные кассы, чтобы снять свои вклады. Золото и серебро стали исчезать из обращения. У кого они были, стали припрятывать их как средство накопления. Кредитные билеты в больших количествах население стало предъявлять к обмену на золото.

На 1 января 1914 г. на территории Российской империи в обращении находилось золотой монеты на 494 млн руб., высокопробного серебра на 123 млн руб., низкопробного серебра на 103 млн руб. и медной монеты на 18 млн руб. За 1914 г. в стране было добыто 51,8 т золота (в довоенном 1911 г. – 52 т).

Со стороны властей потребовались решительные действия по стабилизации денежного обращения и кредита в условиях военного времени. Закон, принятый 27 июля 1914 г., запретил обмен кредитных билетов на золото и расширил эмиссионное право Госбанка, который получил разрешение выпустить кредитные билеты без золотого покрытия на 1,5 млрд руб. Таким образом, власть сделала ставку на финансирование войны через выпуск бумажных денег (эмиссию). Курс кредитного рубля стал принудительным. Со временем, по мере роста расходов, правительство все чаще прибегало к услугам печатного станка.

Уже первые два месяца войны показали, что расходы будут колоссальные: в распоряжении государственного казначейства осталось только около 200

млн руб. И в октябре 1914 г. пришлось прибегнуть к новому выпуску бумажных рублей.

Покрывая срочные текущие расходы, эмиссия разгоняла инфляцию, что в свою очередь требовало дальнейшего увеличения эмиссии. В итоге ассигнования на военные расходы росли с каждым новым годом войны:

Год	Министерства				Остальные ведомства	Итого (млн руб.)
	военное	морское	внутр. дел	путей сообщ.		
Август – декабрь 1914	2 208,3	83,3	200,5	36,7	17,2	2546,0
1915	7486,7	406,0	832,9	388,0	261,3	9374,9
1916	11395,5	804,6	1526,3	1050,3	489,7	15 267,0
Итого за 29 военных месяцев	21 090,5	1293,9	2559,7	1475,0	768,2	27 187,9

(Дементьев Г. Государственные доходы и расходы России. Пг., 1917. С. 31)

Доходная часть бюджета 1914 г. резко снизилась за военное полугодие. Основной недобор произошел по трем статьям: от винной монополии (императорское правительство на все время войны прекратило торговлю водкой, и тем самым выпала одна из крупных и обеспеченных статей доходов), от уменьшения коммерческих перевозок по железным дорогам (в связи с небывалым масштабом перевозок войск и предметов снабжения для армии) и от сокращения таможенных доходов (в связи с почти полным прекращением внешней торговли).

К военным расходам гражданских ведомств относились затраты на приобретение подвижного состава, на строительство новых линий железных дорог и увеличение пропускной способности уже действующих, заготовку топлива для населения, помощь беженцам, пайки солдатским семьям, выдачу ссуд предприятиям, работавшим на оборону, и т. д. Помимо расходов, вызванных войной, казна совершала и «мирные» траты по обыкновенным сметам, которые по-прежнему поступали на рассмотрение Государственной думы.

Для латания прорех в бюджете императорское правительство усилило налоговый пресс на население. Были повышены налоги (в том числе на сахар, табак, спички), введены новые налоги (в том числе специальный налог на хлопок), а также введены пошлины с пассажиров и грузов. Эти меры принесли государству в 1915 г. более 500 млн руб., в 1916 г. – 725 млн руб.

Наконец, весной 1916 г. в стране был введен подоходный налог, законопроект которого лежал в архиве Государственной думы с 1907 г.

Вопрос о введении подоходного налога в России поднимался неоднократно. Еще в 1869 г. Министерство финансов командировало за границу М.И. Веселовского для сбора материала о подоходном налоге за рубежом. Его заключение было отрицательным. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. министр Рейтерн поставил вопрос о коренной реформе налогообложения. В 1880 г. был подготовлен проект подоходного налога, но министр Бунге высказался против его введения. В 1892 г. был выработан новый проект, но и тот был отвергнут С.Ю. Витте якобы из-за трудности его введения в России.

Государственный подоходный налог был введен по всей империи, кроме Финляндии. Главную часть нового налога должны были платить лица с небольшой доходностью – 1200 руб. в год. Налоговый минимум был установлен в 850 руб. Максимум обложения – с доходов от 390 тыс. – не превышал 12%. Налог не применялся к доходам императора и императорского дома, к дворцовому имуществу, а также к недвижимым имуществам за границей. Что касается прибылей с предприятий, то ставка налога начиналась с 5% и не поднималась выше 11,5% с предприятий, которые давали 20% дивидендов на основной капитал. Юридические лица, получающие прибыль свыше 20%, облагались на 0,5% выше, т. е. размер налога не превышал 12%. Предполагалось, что новый налог принесет казне около 75 млн руб. в год.

Но прямые и косвенные налоги не могли покрыть расходов на войну, поэтому с каждым ее новым месяцем казна вынуждена была все больше выпускать бумажных денег.

По данным председателя правления Госбанка России И.П. Шипова, кредитные билеты выпускались с момента объявления войны до 1 января 1915 г. в количестве 238 млн руб. в месяц, в 1915 г. – 223 млн, в 1916 г. – 290 млн.

«Этот “танец миллиардов” поистине является пиром во время чумы, – образно писал в 1917 г. специалист по финансам А.Н. Гурьев в официальном органе Министерства финансов “Вестник финансов, промышленности и торговли”. – Мы утоляем жажду соляным раствором: захлебываемся бумажными деньгами, разбухаем от бумажной водянки, а между тем ощущаем все более и более сильную жажду. Наши выпуски бумажных денег самые большие во всем мире».

Естественно, такая финансовая политика в условиях, когда из-за начавшегося кризиса в промышленности и сельском хозяйстве стало падать насыщение внутреннего рынка товарами, неизбежно провоцировала инфляцию: падала покупательная способность рубля, соответственно, росли цены.

Покупательная сила рубля на внутреннем рынке накануне Февральской революции 1917 г. составила около одной четвертой части (27 коп.) довоенной. На падение курса рубля влияли не только объективные хозяйственные факторы, но и колебания настроений населения, прежде всего предпринимателей, в зависимости от колебаний линии фронта: если русские армии побеждали и наступали, курс повышался, если терпели поражение и отступали, отдавая врагу территорию, курс понижался.

Правительство не бездействовало и, как могло, пыталось стабилизировать рубль. Особенно активные меры были приняты в этом направлении в 1916 г.

Были установлены контроль над экспортом важнейших товаров (зерно, лес, спирт) и сдача валюты государству, получены заграничные займы, установлен контроль над счетами иностранцев в банках, а затем – контроль над банковскими валютными операциями. Наконец, в целях поддержания курса рубля и получения заграничных кредитов до конца года за границу вывезли золото на сумму 451,8 млн руб.

В условиях военного времени выросло значение банковской системы; деятельность банков стала оказывать большее влияние как на тыл, так и на армию.

Перед Первой мировой войной в России насчитывалось 47 акционерных банков, имевших 744 региональных отделения. 7 крупнейших банков с уставным капиталом свыше 30 млн руб. располагали 52% основных капиталов. В их число входили Русско-Азиатский, Петербургский, Международный, Азовско-Донской, Русский торгово-промышленный. Самым крупным банком России являлся Государственный банк. В стране действовала разветвленная сеть обществ взаимного кредита, число которых выросло до 1108. Множились городские банки. По мере расширения системы кредитных учреждений нарастал приток вкладов во все ее звенья. На 1 января 1914 г. они достигли 3646,2 млн руб., из которых свыше 2500 млн приходилось на долю акционерных банков.

По признанию самих банкиров, средства банков увеличились до февраля 1917 г. на 5800 млн руб. Это дало возможность банкам развить бурную деятельность во всех областях экономики: скупали контрольные пакеты акций промышленных предприятий, с 1915 г. широко занялись новым промышленным учредительством, приняли самое активное участие в размещении промышленных ценных бумаг, в предоставлении предприятия кредита, в долгосрочных ссудах производству и т. д. Банки повсеместно применяли практику гарантий казне выдававшихся ею залоговых сумм предприятиям, причем на этом получали хорошие барыши. Схема была следующей: предприятие вносило полученные авансы на текущий банковский счет, по которому начислялся низкий процент, а за выданные в кредит суммы брался высокий процент. В условиях войны излюбленной сферой интересов банков стали предприятия, загруженные заказами военного ведомства.

Инфляция способствовала перемещению капиталов из производства в сферу спекулятивной торговли товарами. В нее быстро втянулись и банки: скупали сахар, продовольствие, кожи и другие товары повышенного спроса, а затем перепродавали их по завышенным ценам. Только в первый год войны таким путем было продано 21,4 млн пудов сахара, или свыше одной четверти его производства в стране.

Банки принимали участие в валютных операциях. Поскольку далеко не вся экспортная валюта сдавалась Министерству финансов, часть ее продавалась на сторону. В круг банковских операций входил перевод рублей за границу и продажа их там.

Министерство финансов считало (и вполне справедливо), что среди многообразных видов деятельности акционерных банков есть такие, которые не соответствуют интересам не только частных вкладчиков и акционеров, но и государственного казначейства. Но обычные министерские ревизии деятельности акционерных банков как в целом, так и по отдельным видам, не могли обуздать аппетиты банкиров. Поэтому 25 апреля 1916 г. министерство внесло в Совет ми-

нистов представление «О расширении правительственного надзора над акционерными коммерческими банками». И только спустя почти полгода, 10 октября 1916 г., последовало решение правительства, согласно которому министр финансов получил право в случае нарушения банками законодательства по гарантийным, товарным и валютным операциям применять к провинившимся административные санкции. Это решение вызвало острое недовольство в банковской среде, было расценено как проявление недоверия со стороны правительства.

Тем не менее, даже преследуя свои корыстные интересы, коммерческие банки объективно сыграли положительную роль в налаживании военного хозяйства России. Именно с их помощью властям удалось мобилизовать промышленность на удовлетворение нужд войны, именно они размещали государственные займы, кредитовали местные органы городского и земского самоуправления, финансировали заграничные заказы и закупки. Один из видных представителей финансовых кругов – руководитель Совета съездов банков А.И. Вышнеградский – полагал, что не государственные авансы, а банковский кредит помог промышленности развить свою работу на оборону, истратить около 1 млрд руб. на новые, современные станки и оборудование, на закупку материалов и т. д. Всего же акционерные банки выдали правительству 9 млрд руб., что составило почти 45% финансовых средств, истраченных на войну (не считая зарубежных заказов).

Таким образом, финансирование военных расходов государства стало основной сферой банковской деятельности. Значение банков в экономической жизни России за годы войны еще более выросло.

Другим важнейшим источником пополнения бюджета в условиях войны стало размещение внутренних займов.

Государственный заем (займы) – форма привлечения средств в государственный бюджет на основе кредита. Внутренние размещаются в форме продажи облигаций внутри страны, внешние – за рубежом.

Императорское правительство прибегало к этой неизбежной мере шесть раз, общая сумма внутренних займов составила 8 млрд руб., с помощью которых было покрыто около 30% военных расходов России в 1914–1916 гг.

Первый заем в 500 млн руб. был выпущен в начале октября 1914 г. Хотя в его названии отсутствовало слово «военный», все средства от его реализации предназначались для финансирования войны. Облигации займа предполагалось погасить тиражами в течение 49 лет, начиная с 1916 г. Они имели фиксированный доход 5% годовых и выпускались по курсу 94 руб. за 100 номинальных. В итоге казна получила 466 млн руб. Но из-за продолжительной расщочки при внесении платежей, крупных ссуд, которые предоставлялись Госбанком под реализацию займа, не удалось решить главную задачу – снизить количество находящихся в обращении кредитных билетов.

Сделав с началом военных действий главную ставку на эмиссионное покрытие военных затрат (проще говоря, запустив печатный станок), императорское правительство с каждым днем увеличивало число обращающихся в стране денег. Если накануне войны денежный оборот составлял 1633 млн руб., то уже к середине сентября он вырос до 2613 млн. Между тем, поскольку покупательная способность рубля падала и росли цены, непрерывно росли и расходы на войну: к концу 1914 г. фронты расходовали более 18 млн руб. ежедневно, в 1915 г. – уже 25,7 млн, а в 1916 г. – 41,7 млн.

Столь стремительный рост военных расходов побудил императорское правительство вновь прибегнуть к облигационному займу на сумму в 500 млн руб. В начале февраля 1915 г. последовал на этот счет указ императора Николая II, а 2 марта облигации второго внутреннего займа поступили в обращение. Новый заем по своим условиям (номинал облигаций, сроки погашения и т.д.) был аналогичен предшествующему. Однако в ходе его реализации денежных средств было собрано меньше. Причина заключалась в том, что коммерческие банки, приобретая крупные пакеты облигаций займа, делали это за счет роста вкладов и текущих счетов своих клиентов, а не стремились искать дополнительные возможности для размещения кредитных обязательств казны среди широких слоев подданных. Помимо этого свои основные средства они старались использовать в более доходных операциях: игре на курсе рубля, продовольственных спекуляциях, промышленном и банковском кредитовании и т. д.

Прожорливый молох войны требовал все новых денежных подношений, и уже весной 1915 г. последовало решение о выпуске третьего займа – в 1 млрд руб. Размер очередного займа был увязан с расширением эмиссионного права Государственного банка России. Понимая, что реализация третьего военного займа из-за его размера будет сопряжена с немалыми трудностями, Министерство финансов попыталось усилить его привлекательность для потенциальных подписчиков. Погашение облигаций займа путем проведения ежегодных тиражей планировалось начать в 1921 г. и продолжать до 1996 г. В то же время держателям облигаций было обещано, что уже в 1921 г. все желающие смогут их сдать по номинальной стоимости. Тем не менее в ходе подписки реализовать заем полностью не удалось. «В подписке участвовали главным образом крупные капиталисты, а также разного рода учреждения, которые по своим уставам должны были хранить принадлежащие им суммы в государственных ценных бумагах», – констатировали эксперты журнала «Банки и биржа» 23 мая 1915 г.

В октябре 1915 г. был выпущен четвертый заем. В отличие от трех предыдущих, он был ориентирован на массовую подписку населения. По мнению министра финансов России П.Л. Барка, четвертый заем стал шагом вперед в деле переноса финансовой тяжести войны с денежной эмиссии на кредитные источники. На деле же, несмотря на рост объема подписки среди населения, достигшей 340 млн руб., властям не удалось привлечь к ней широкие слои крестьянства – главного налогоплательщика империи.

Облигации покупали только верхние слои крестьянства. Среди них преобладали те, кто в условиях повсеместного роста цен и спроса на продукцию сельского хозяйства сумели за счет их продажи скопить значительные денежные средства, достаточные не только для удовлетворения насущных нужд, но и для приобретения облигаций военных займов. Были и такие, зажиточные еще с довоенных времен, которые стремились уберечь свои сбережения от инфляции и верили в послевоенное укрепление рубля. Беднота же оставалась безучастной к призывам подписываться на военные займы.

1916 г. ознаменовался выпуском в феврале и октябре очередных (пятого и шестого) военных займов: соответственно на 2 и 3 млрд руб. Непомерная величина реализуемых сумм и вялая подписная активность населения, естественная в условиях инфляции, затянули сроки подписки. Так, открытая 1 ноября продолжительностью в два месяца подписка на облигации шестого займа растяну-

лась вплоть до Февральской революции. По данным Министерства финансов, общая сумма поступлений по этим займам достигла 4173 млн руб. Из них на публичные подписки пришлось: по пятому займу – 1,5 млрд руб., по шестому – 1,4 млрд руб. И это при том, что власти задействовали в массовой пропагандистской кампании весь имеющийся ресурс центральной и провинциальной печати, кинематограф, типографии (выпускались плакаты, брошюры, почтовые открытки и марки) и т. п. В ней участвовали видные политики, общественные деятели, генералы, руководители различных ведомств, губернаторы, учителя, духовенство и т. д.

На третьем году войны произошло заметное охлаждение интереса к займам со стороны и буржуазии, включая крупную. Как следствие, стал падать удельный вес приобретения больших пакетов облигаций.

Растущий бюджетный дефицит и нехватка мощностей русской военной промышленности теоретически могли быть компенсированы за счет валютных поступлений и закупок военной продукции на внешнем рынке за валюту, однако на практике такая возможность была минимальной.

По данным Министерства финансов, накануне войны Россия располагала за границей свободной наличностью в сумме 666,3 млн руб. По странам эта сумма распределялась следующим образом: Франция – 463, Великобритания – 80,9, Германия – 110,9, Австро-Венгрия – 3,2, прочие государства – 8,3 млн руб. После предъявления Австро-Венгрией ультиматума Сербии российское Министерство финансов изъяло всю наличность из Германии, а также из отделений немецких банков в других странах и перевело подавляющую часть этих сумм в Россию.

В ходе первых военных месяцев потребности русской армии непрерывно росли (вопреки бытовавшему накануне войны мнению о том, что можно воевать за счет запасов мирного времени). Под напором посылавшихся запросов Ставки на винтовки и снаряды военное министерство попыталось что-то предпринять для их удовлетворения путем закупок на внешнем рынке, но столкнулось с отсутствием свободной валюты за границей.

Потребность в валюте испытывали и частные предприниматели. После объявления войны французское правительство ввело мораторий, и банки прекратили выплаты по вкладам. Под его действие попали и русские вклады во Франции. В результате российское правительство не могло оплатить первые заграничные военные заказы. Не лучше обстояло дело и с Великобританией: Россия имела задолженность в размере 140 – 150 млн руб. перед английскими банками и промышленниками. Свободная наличность в банках Великобритании была потрачена, а количество заказов увеличивалось беспрестанно.

Расходы росли, а новых поступлений валюты не было. Первые пять военных месяцев императорское правительство не только не получило ни копейки кредитов от союзной Франции, но вынуждено было вести изнурительную, даже отчасти унижительную дипломатическую борьбу за право использовать свои собственные капиталы, замороженные во французских банках. В этой ситуации пришлось искать кредиты у англичан и платить за это высокую цену – вывозить часть отечественного золотого запаса.

Первая партия драгоценного металла на сумму 75,3 млн руб. (8 млн ф. ст.) была переправлена морем из Архангельска на английских военных судах в октябре 1914 г. После этой операции по требованию англичан золото в целях безопас-

ности от нападений немецких подводных лодок стали переправлять по железной дороге до Владивостока, а далее на японских крейсерах до канадского Ванкувера. Таким образом, в связи с острой необходимостью массовых закупок военного снаряжения в США и Великобритании роль банкира России постепенно стала переходить от французов к англичанам.

До Февральской революции и вступления США в войну весной 1917 г. американцы не выказывали большого желания открыть полномасштабный кредит русскому императорскому правительству. Финансовая помощь России составила около 250 млн руб. Американские банки также не стремились кредитовать промышленные фирмы России. Величина же военных заказов, размещенных на североамериканском континенте, к весне 1917 г. достигла 1967,3 млн руб., из которых было оплачено около 700 млн.

Япония, захватившая немецкие колонии в Китае, примкнула к Антанте, что дало России возможность сосредоточить свое внимание на Германо-австрийском фронте, перебросить туда свои силы и использовать Японию в качестве поставщика оружия и снаряжения. Причем в условиях «винтовочного голода» 1915 г. Россия закупала у Японии не только излишки винтовок и патронов, но и просила оружие из мобилизационных запасов. Наряду с этим русское военное министерство планировало разместить в Японии крупные военные заказы на сотни миллионов иен, исполнение которых предполагало участие как казенных военных заводов, так и японских предпринимателей. Но японцы, сославшись на необходимость пополнения собственных оружейных запасов, отказались.

В результате русскому правительству для получения иностранных кредитов приходилось вести долгие переговоры с союзниками по Антанте, в первую очередь с Великобританией и Францией.

В начале февраля 1915 г. в Париже состоялась конференция министров финансов А. Рибо (Франция), Д. Ллойд-Джорджа (Великобритания), П.Л. Барка (Россия). Для нашей страны жизненно важным было добиться получения нового кредита на 1915 г., изменения условий кредита в Англии, в основу которого был положен принцип высылки золота, заключения соглашений с союзниками о поставке им зерна с целью оживления экспорта через Швецию и Дальний Восток и укрепления курса рубля.

Потребности России в иностранных кредитах на 1915 г., озвученные Барком на конференции, составили 100 млн ф. ст., из коих 70 млн предназначались на оплату военных заказов, а 30 млн – на платежи по займам. Испрашиваемые кредиты составляли всего 1 млрд руб., тогда как императорское правительство нуждалось в 6 млрд, которые было запланировано израсходовать в 1915 г. на военные нужды. Поэтому русская делегация была вынуждена балансировать между мнениями французов и англичан, склоняясь на сторону последних, поскольку ясно отдавала себе отчет, что только они могут предоставить России необходимые суммы.

Союзники выделили кредит, ибо большей своей частью эти деньги расходовались внутри Англии и Франции, соответственно, им не нужно было переводить валюту за границу. Весьма образно о позиции Антанты высказался член правительства А.В. Кривошеин: «Они восхищаются нашими подвигами для спасения союзных фронтов ценою наших собственных поражений, а в деньгах прижимают не хуже любого ростовщика». Именно глагол «прижать» лучше

всего подходит для характеристики намерений кредиторов России в тяжелейший для нее период войны.

В итоге бюджет воюющей России находился в состоянии хронического дефицита.

Год	Расходы (включая и обыкновенные)	Доходы (без займов)	Дефицит (млн руб.)
1914	4 859	2 961	1 898
1915	11 562	3 001	8 561
1916	18 101	4 345	13 756
Итого	34 522	10 307	24 215

(Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914 – 1917). М., 1960. С. 117)

Таким образом, для финансовой системы страны и финансовой политики русского императорского правительства в 1914–1916 гг. были характерны следующие ключевые моменты: переход к бумажно-денежному обращению, отказ от размена кредитных билетов на золото, введение новых налогов, в том числе подоходного. Военные издержки внутри страны покрывались за счет кредитных операций – выпуска краткосрочных обязательств, эмиссии бумажных денег, внутренних займов, которые реализовывались при поддержке финансово-промышленного капитала. Эти операции привели к обесценению рубля и падению его покупательной способности на внутреннем рынке, к росту дороговизны. Война разрушила основы довоенного отечественного золотого обращения. С другой стороны, она породила невиданные ранее возможности для обогащения: прибыли банков и коммерсантов баснословно выросли. Одновременно с уменьшением материальных ценностей и товарной массы выросла пирамида фиктивных бумажных ценностей, высота которой отражала лишь рост военных расходов. Правительство искало выход из создавшегося положения в использовании иностранных рынков на основе кредитов союзников. Однако добиться равноправных отношений внутри Антанты русскому правительству не удалось. Иностранные кредиты повлекли уменьшение золотого запаса страны, серьезные ограничения в праве расходования отпущенных средств и в размещении заказов.

В итоге государственные финансы России оказались в состоянии острого кризиса, вся финансовая система потеряла устойчивость. С одной стороны, платежный баланс страны был отрицательным, с другой – финансовые возможности казны были весьма скромными. Все это значительно ограничивало возможности правительства по мобилизации экономики России на удовлетворение нужд воюющей армии.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

К РАЗДЕЛУ III

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Врангель Н.Н.* Дни скорби. Дневник. 1914–1915 гг. СПб., 2001.
- Деникин А.* Путь русского офицера. М., 2002.
- Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг.: в 2 кн. М., 1992.
- Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера; Спроге В.Э. Записки инженера. М., 1999.
- Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). М., 1990.
- Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920 гг. М., 1993.
- Николай II.* Дневник (1913–1918). М., 2007.
- Родзянко М.В.* Крушение империи. Воспоминания. М., 1990.
- Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Диссельдорф, 1993.
- Шульгин В.В.* Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002.

Литература основная

- Алексеева И.В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте, 1914–1918. М., 1990.
- Беляев С.Г.* П.Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. СПб., 2002.
- Боханов А.Н.* Николай II. М., 1997.
- Варламов А.* Григорий Распутин. М., 2008.
- Думова Н.Г.* Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993.
- Ерошкин Н.П.* Российское самодержавие. М., 2006.
- Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.
- Лиддел Гарт Г.Б.* Правда о Первой мировой войне. М., 2009.
- Уткин А.И.* Первая мировая война. М., 2002.
- Чертисев А.В.* Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны. М., 2007.
- Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М., 2003.

Электронные ресурсы

www.nivestnik.ru – журнал «Новый исторический вестник»

Казаковцев С.В. Вятская губерния в 1914—1917 гг.: война, власть и население // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20).

Ревин И.А. Крестьяне Могилевские: родословная семьи и история Тихого Дона // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Каковы были цели и интересы России в Первой мировой войне?
2. Какие изменения в государственном аппарате России произошли в годы Первой мировой войны?
3. Почему Первая мировая война не стала для России, по аналогии с 1812 г., «второй Отечественной»? Аргументируйте ваш ответ.
4. Как повлияла начавшаяся война на партии правого, центристского и левого направлений?
5. Какие причины привели к созданию Всероссийских земского и городского союзов и Земгора?
6. Каковы были планы немецкого и русского верховного командования на 1915 г.?
7. В чем состояли причины поражений русской армии в 1915 г.? Найдите на карте, где установилась линия Восточного фронта в конце 1915 г.
8. Почему председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко назвал величайшей ошибкой принятие императором Николаем II на себя обязанностей Верховного главнокомандующего? Прав ли он был? Аргументируйте ваш ответ.
9. С какими целями были созданы военно-промышленные комитеты и Особые совещания? В чем их сходства и различия?
10. Какие причины привели к созданию Прогрессивного блока? Каковы были его цели и последствия его деятельности?
11. Прочитайте оперативные документы, приведенные в лекции 12, и оцените сведения, которые в них содержатся. Обоснуйте свою оценку. Как и под влиянием каких факторов менялось настроение русских солдат в ходе Брусиловского прорыва?
12. Почему Брусиловский прорыв не стал коренным переломом в ходе Первой мировой войны, не привел к поражению Германии и ее союзников?
13. Как повлияла Первая мировая война на демографическую ситуацию в России?
14. Каковы были причины кризиса государственных финансов России во время войны?
15. К каким мерам регулирования денежного обращения прибегло правительство в условиях войны?

Раздел IV

1917 ГОД

Лекция 15

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Уже в конце 1916 – начале 1917 г. многим в России было ясно, что без больших перемен из тяжелейшего структурного кризиса, в котором оказалась страна, ей не выбраться.

Последний царский министр внутренних дел А.Д. Протопопов нарисовал грустную картину: «Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность труда – на громадную убыль; необходимость полного напряжения сил страны сначала не осознана властью, а когда не замечать этого стало нельзя – не было умения сойти с приказа старого казенного трафарета. Пути сообщения в полном расстройстве, что чрезвычайно осложнило экономическое и военное положение. Двоевластие (Ставка и министерство) на железных дорогах привело к ужасающим беспорядкам... Зимой 1916 г. вследствие заносов под снегом было 60 тысяч вагонов с топливом, продовольствием и фуражом. Наборы обезлюднили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность; ощутился громадный недостаток рабочей силы... Деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков тоже была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций... Единственного пути к установлению цен – конкуренции – не существовало; товара было мало, цены росли, таксы развили продажу из-под полы – появилось мародерство... Искусство, литература, ученый труд были под гнетом; рабочих превратили в солдат, солдат в рабочих. Армия устала, недостатки понизили ее дух...».

Когда бывшего премьер-министра Б.В. Штюрмера спросили, какова была его программа, он с удивлением переспросил: «Программа? Как вам сказать? Я полагал, что нужно сохранить то положение, которое было; стараться без столкновений, без ссор поддерживать то, что есть... А завтра будет видно, что будет дальше».

Таким образом, социально-экономический кризис дополнялся политическим. Власть испытывала сильное давление с двух противоположных сторон.

Слева нападала буржуазно-либеральная оппозиция, представленная в Думе и общественных организациях (земствах, городских думах, военно-промышленных комитетах и т. д.). Она настаивала на либерализации режима, ответственном министерстве, конституционной монархии.

Ответственное министерство – правительство, ответственное не перед императором, а перед Государственной думой.

К осени 1916 г. противостояние думской оппозиции и власти достигло пика. Член ЦК кадетской партии В.А. Оболенский писал: «Ощущение, что Россия управляется в лучшем случае сумасшедшими, а в худшем – предателями, было всеобщим». Какая власть стала бы терпеть, например, речь лидера кадетов Милюкова, произнесенную 1 ноября 1916 г. в Государственной думе? Милюков буквально изничтожал правительство, которое, по его словам, контролировалось «темными силами», собравшимися вокруг императрицы, и курс которого был либо глупостью, либо хуже того – изменой. Одной этой речи (а были и другие) было бы достаточно, чтобы власть приняла решительные меры по пресечению подобных выступлений, особенно недопустимых во время войны. Однако ничего не произошло. Речь Милюкова вызвала шок в обществе. Некоторым лидерам левой оппозиции теперь казалось, что еще один нажим на власть – и она капитулирует: ответственное министерство станет, наконец, реальностью.

Справа заседали монархисты, которые видели в конституционных уступках царя путь к дальнейшему развалу «традиционной власти», и потому требовали возврата к «самодержавному принципу». Наиболее твердую позицию занимала властная императрица. В письмах к мужу Александра Федоровна призывала его: «Сокруши их всех. Как давно, уже много лет, люди говорили мне все то же – Россия любит кнут».

Сам Николай II маневрировал, не уступая напору оппозиции слева и не слишком поддаваясь давлению справа. По всей вероятности, осознавая противостояние и напряженность в обществе, он стремился сохранить status quo до окончания войны. Если бы революции не произошло и война окончилась для России победой, перед ней открывались два пути развития: либо патриотический подъем привел бы к укреплению самодержавия, либо союз с демократическими странами Запада содействовал бы дальнейшей модернизации России и постепенному преобразованию режима в конституционном направлении. Николай II надеялся на смягчение противоборствующих политических сил, рассчитывая на компромисс. В этом была его главная и роковая ошибка. Политика не терпит неопределенности.

Социально-экономический и политический кризисы порождали разлад духовный. Одни газеты писали, что страна зашла «в такой тупик, выход из которого теперь трудно будет найти даже в случае полной перемены политического барометра», что Россия, кажется, стоит на краю пропасти, «современное положение бессмысленно», «пружина до того натянулась, что вот-вот лопнет». Другие, напротив, источали елейный оптимизм: Россия вступила «в новый год при многих благоприятных предзнаменованиях». Третьим казалось, что ничего вообще не происходит, что российская жизнь плетется своим чередом.

Главным катализатором этих кризисов была война, длившаяся третий год. В феврале в столице возникли беспорядки на почве продовольственных трудностей. Петроградские военные и гражданские власти растерялись. Николай II

находился в ставке (г. Могилеве), без него никто не решился приступить к активным действиям. В этот момент в события вмешались лидеры думской оппозиции. Сознательно они использовали возникшую анархию для достижения своих политических целей или, движимые страхом, пытались как-то справиться с ней, – ответить трудно. Скорее всего было и то и другое. Но, так или иначе, руки у оппозиции оказались развязанными: монархия была уже так скомпрометирована, что практически никто в эти критические минуты не оказал ей поддержки.

23 февраля (8 марта н. ст.) на ряде предприятий столицы проходили митинги и собрания, посвященные Международному женскому дню. И хотя на этот день демонстрации не планировались, они возникли стихийно. Активность проявили женщины, с особой остротой переживавшие тяготы военного времени: чем кормить домохозяев, где достать одежду и обувь. Демонстранты устремились в центр города, на Невский проспект. Замелькали лозунги: «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Верните наших мужей!». События нарастали подобно цепной реакции. Только к вечеру конным городовым удалось восстановить порядок, но ненадолго.

24 февраля демонстрации приняли еще больший масштаб, стали более многочисленными, начались столкновения с полицией и войсками. Вечером командующий войсками Петроградского военного округа генерал С.С. Хабалов собрал совещание должностных лиц города (градоначальника, городского головы, начальника охранки и т. д.). Обсуждались меры по борьбе с беспорядками, решили вызвать дополнительные войска, провести аресты и обыски.

25 февраля на улицах расклеили листки с объявлением: рабочим не позднее вторника, 28 февраля, приступить к работе, в противном случае все военнообязанные мужчины призыва 1917–1919 гг. будут отправлены в действующую армию. Хабалов проинформировал Николая II о событиях минувших дней. Одновременно в ставку поступило очередное письмо от жены. «Это – хулиганское движение, – писала Александра Федоровна, – мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, – просто для того, чтобы создать возбуждение, – и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам». В этот день всеобщая политическая стачка парализовала жизнь столицы. Вечером Хабалов получил телеграмму царя: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Генерал предложил своим подчиненным предпринять решительные действия, т. е. стрелять.

26 февраля (воскресенье) в некоторых районах города полиция и войска пришили оружие. Демонстранты начали громить полицейские участки, разоружать городовых. Стачка стала перетекать в восстание. В солдатских рядах произошел перелом. Солдаты запасного гвардейского Павловского полка разбили цейхгауз, разобрали винтовки с патронами и двинулись на Невский проспект. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко телеграфировал царю в Могилев: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт... пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя». В ночь на 27 февраля царь подписал указ о перерыве заседаний парламента – Государственной думы и Государственного совета.

27 февраля (понедельник) в кабинете председателя Думы Родзянко собрались главы фракций (старейшины) и после длительных споров решили: «Императорскому указу о роспуске подчиниться – считать Государственную думу нефункционирующей, но членам думы не разъезжаться и немедленно собираться на частное совещание». Совещание было назначено на 14.30. Родзянко известил императора о выполнении указа и обрисовал ситуацию в городе: «Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров». Тем временем на улицах города шло братание солдат и рабочих. Захвачен арсенал с 40 тыс. винтовок, открыты ворота тюрем, разгромлены и подожжены здания окружного суда, охранного отделения. Попытки военного министра А.М. Беляева и генерала Хабалова взять ситуацию под контроль не увенчались успехом. Защищать самодержавную власть в Петрограде стало некому.

В половине третьего собралось частное совещание депутатов Государственной думы. Атмосферу этого заседания образно описал В.В. Шульгин: «...Вся дума была налицо. За столом сидели Родзянко и старейшины. Кругом сидели и стояли, столпившись, стеснившись, остальные... Встревоженные, взволнованные, как-то душевно припавшиеся друг к другу... Даже люди, много лет враждовавшие, почувствовали вдруг, что есть нечто, что всем одинаково опасно, грозно, отвратительно. Это нечто была улица... уличная толпа... Ее приближавшееся дыхание уже чувствовалось... С улицы шествовала та, о которой очень многие, наверное, подумали, ощутили ее бессознательно... По улице, окруженная многотысячной толпой, шла смерть». На заседании закипели дебаты: одни предлагали ввести военную диктатуру, другие рекомендовали передать власть совету старейшин Думы, третьи требовали создать особый комитет Государственной думы. Сошлись на последней точке зрения: избрали *Временный комитет Государственной думы* из 12 человек во главе с Родзянко. Думские политики полагали, что с помощью такого маневра им удастся сбить ярость улицы и осуществить свой план – преобразовать самодержавную монархию в конституционную.

В середине того же дня инициативная группа социалистов (из меньшевиков и эсеров) объявила о создании Временного исполнительного комитета Совета рабочих депутатов. Комитет обратился к «войскам и заводам» с воззванием избирать депутатов в Совет по одному от каждой тысячи рабочих и по одному от роты или казачьей сотни. Поскольку гарнизон Петрограда и окрестностей насчитывал свыше 400 тыс. военнотружеников, а рабочих было 380 тыс., то в Совете, естественно, большинство получили солдаты. Из 250 депутатов, собравшихся на первое заседание Совета вечером 27 февраля в Таврическом дворце, рабочих насчитывалось чуть более 40. Большевики были представлены 38 депутатами. На этом заседании был избран исполком *Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов* во главе с меньшевиком Н.С. Чхеидзе.

Хабалов Сергей Семенович (1858–1924) – генерал, в 1914–1916 гг. губернатор Уральской области и атаман Уральского казачьего войска, с 1916 по февраль 1917 г. командующий войсками Петроградского военного округа. С 1919 г. в эмиграции.

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – член ЦК партии октябристов. Депутат и председатель III и IV Государственной думы. Один из создателей и лидеров «Прогрессивного блока». С 1920 г. в эмиграции.

Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926) – один из лидеров меньшевиков. Депутат III и IV Государственной думы. В 1917 г. председатель Петросовета и Президиума ВЦИК. С 1921 г. в эмиграции, покончил жизнь самоубийством.

Поздней ночью в ставке Николай II приказал генералу Н.И. Иванову возглавить карательную экспедицию на Петроград. Ранним утром 28 февраля (вторник) от платформы станции Могилев отошли два литерных поезда (царский и свитский) и, набирая скорость, устремились на восток. Император выехал в Царское Село, где находилась его семья. Однако добраться туда он не смог. В дневнике он сделал запись: «Ночью повернули с М. Вишеры назад, т.к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановились на ночь... Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор!» Поезда прибыли в Псков 1 марта вечером. Здесь располагался штаб Северного фронта генерала Н.В. Рузского. Еще по пути в Псков царь послал телеграмму Родзянко, приглашая его прибыть для переговоров о формировании нового правительства. Но ситуация изменилась. Родзянко ответил, что встал вопрос об отречении Николая II в пользу сына – цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Михаил Александрович Романов (1878–1918) – великий князь, брат Николая II. В 1899–1904 гг. наследник-цесаревич до рождения у брата сына Алексея. Затем попал в немилость, поскольку женился на дважды разведенной Н. Вульф-ферт. В России ему разрешено было жить только после начала Первой мировой войны. Командовал Туземной дивизией, убыл с фронта по болезни и был назначен генерал-инспектором кавалерии. Убит в Мотовилихе (Пермь) 13 июня 1918 г.

Два депутата Думы, А.И. Гучков и В.В. Шульгин, выехали с этим требованием в Псков, где появились 2 марта. До их прибытия начальник штаба главковерха генерал М.В. Алексеев, находившийся в постоянном контакте с Родзянко, запросил по телеграфу мнение всех командующих фронтами и флотами относительно возможного отречения царя в пользу сына Алексея. Ответы, за исключением двух, были положительными. Ознакомившись с телеграммами, Николай согласился на отречение от престола. Но когда по приезде Гучков и Шульгин доложили царю обстановку в столице, он неожиданно для присутствующих заявил, что отречается за себя и за наследника в пользу брата Михаила. Помимо манифеста об отречении Николай подписал указы Сенату: один – о назначении Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича, другой – о назначении председателем Совета министров князя Г.Е. Львова. Все три документа царь утвердил около полуночи 2 марта, но датированы они были различно. В ту же ночь делегаты выехали обратно в Петроград, а бывший император – в ставку. Он рассчитывал вместе с женой и детьми уехать в Англию, но под давлением улицы и Петросовета Временное правительство отказало ему. Бывший самодержец был доставлен в Царское Село, где уже арестованной находилась его семья. Они пробудут здесь до конца июля, когда по приказу Керенского их отправят в сибирский Тобольск.

Неожиданное решение Николая об отречении, нарушившее права наследника, явилось темой для многочисленных суждений отечественных и зарубежных

обществоведов о незаконности подписанного манифеста, особенно в последнее десятилетие прошлого века.

Между тем 2 марта, т. е. к моменту отречения Николая II, в Петрограде между исполкомом Петросовета и Временным комитетом Государственной думы было заключено соглашение о создании *Временного правительства*. Название «временное» означало: правительство существует до созыва Всероссийского учредительного собрания).

Состав и программа Временного правительства стали результатом переговоров и соглашения между исполкомом Петросовета и Временным комитетом Государственной думы. Социалисты предложили обсудить условия, при соблюдении которых гарантировали поддержку правительству – политическая амнистия, дарование политических свобод, отмена сословных, вероисповедных и национальных ограничений; подготовка к Учредительному собранию, замена полиции народной милицией, подчиненной органам самоуправления (земству, городским думам), демократизация выборов в органы самоуправления; невывод революционных войск из Петрограда, демократизация армии. После обоюдных прений вопрос об образовании Временного правительства был решен, и список его членов вместе с декларацией появился в печати 2 марта. Так социалисты – руководители Петросовета передали властные полномочия лидерам либеральных партий (кадетов и октябристов) из числа депутатов Государственной думы.

Однако под давлением солдат Петроградского гарнизона 1 марта Совет издал знаменитый *приказ № 1* о создании солдатских комитетов.

«1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

...3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

...5. Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованиям.

6. ...вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется».

Приказ № 1 лишил Временное правительство опоры в войсках, ускорил разложение русской армии: падала дисциплина, солдаты отказывались выполнять приказы «контрреволюционных» офицеров, росло дезертирство. По сравнению с пехотными полками из крестьян дисциплину и боеспособность еще сохраняли казачьи части (донские, кубанские и др.).

Известие, что Николай отрекся от престола в пользу своего брата, оказалось запоздалым для Петрограда. На вокзале при возвращении в столицу железнодорожники чуть не намяли бока Гучкову и Шульгину, попытавшимся провозгласить здравицу в честь «его императорского величества Михаила II». Когда лидер кадетов Миллюков на массовом митинге в Таврическом дворце заявил о предстоящем переходе власти к новому царю, в ответ раздались яростные кри-

ки: «Долой монархию! Долой Романовых!». Орган Петроградского совета газета «Известия» писала: «Возврата к монархии быть не может!».

Утром 3 марта (пятница) несколько членов думского Временного комитета и Временного правительства направились на Миллионную, 12, где под охраной проживал Михаил. После короткого раздумья, оценив обстановку, он отказался от верховной власти. «Оказывается, Миша отрекся, – записал в дневнике Николай Романов. – Его манифест кончается четыреххвосткой [Так в России прозвали всеобщие, равные, прямые выборы при тайном голосовании.] для выбора через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надомнил его подписать такую гадость».

Впервые в российской истории революционное выступление привело к коренной перемене государственного порядка, управление государством перестало быть прерогативой монарха. Самодержавие было свергнуто, но была ли это перемена необратимой, никто еще не мог ясно ответить. Праздновали победу, предавались эйфории и политическим иллюзиям.

Февральская революция похоронила старую политическую систему России, включая сложившуюся в стране систему политических партий. Падение монархии, служившей важнейшим структурообразующим фактором этой системы, и мощная волна революционных настроений повлекли кардинальные изменения. Был сметен почти весь правый монархический партийный фланг. Бывший либеральный центр был значительно ослаблен. Октябристы и прогрессисты практически сошли с политической сцены. В России осталась только одна крупная либеральная партия – кадеты. Но несмотря на быстрый ее рост после Февраля, партия «народной свободы» по числу членов и партийных организаций – 100 тыс. человек и 380 партийных комитетов – существенно не превзошла уровень первой российской революции 1905–1907 гг. Даже учитывая отсутствие у кадетов стремления к форсированию численности партии, это говорило об ограниченности ее массовой базы (особенно за пределами крупных городов), что было заметно на фоне значительного усиления социалистических партий. Уже летом 1917 г. численность эсеров составляла 1 млн человек, объединенных в 436 организациях, а большевики и меньшевики насчитывали примерно по 200 тыс. членов. Сразу после Февраля быстро усиливалось влияние анархистов. Если весной 1917 г. их группы действовали в 7 городах, то осенью того же года – почти в 40. Однако несмотря на стремительный рост партийных рядов, совокупная численность членов всех партий после Февраля была в целом невелика и составляла 1,2 – 1,5% населения.

Таким образом, Февраль 1917 г. воспроизвел диспропорциональность партийной системы царской России, связанную со слабым либеральным центром и мощным левым социалистическим флангом. Учитывая отсутствие твердой государственной власти, продолжавшуюся мировую войну, относительную слабость буржуазии, а также неуклонную радикализацию масс, можно констатировать, что шансов на создание стабильного демократического режима после Февраля практически не было.

Лекция 16

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ

В результате Февральской революции в Петрограде сложились и начали действовать два политических центра: Временное правительство и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Временное правительство выражало интересы буржуазии, части обуржуазившихся помещиков, интеллигенции и средних слоев городского населения, а Петросовет – интересы пролетариата и крестьянства. В других городах страны и в провинции были образованы также два органа местной власти: Комитет Временного правительства во главе с комиссаром и Совет рабочих (или рабочих и солдатских, или крестьянских) депутатов. Петросовет по сути стал центральным руководящим органом для всех местных Советов.

Эта политическая ситуация являлась *двоевластием*.

Лидер большевиков Ленин так охарактеризовал Петросовет: «главное, неофициальное, не развитое еще, сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения». Временное правительство и Петросовет одновременно выступали центрами притяжения и отталкивания различных слоев населения, поскольку выражали интересы противоположных частей общества. Между ними и развернулась борьба за власть.

Состав Временного правительства (март – май):

Министр-председатель и министр внутренних дел – князь Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), близкий кадетам

Министр иностранных дел Миллюков Павел Николаевич (1859–1943), лидер Партии народной свободы (конституционно-демократической)

Военный и морской министр Гучков Александр Иванович (1862–1936), лидер Союза 17 октября

Министр юстиции Керенский Александр Федорович (1881–1970), эсер

Министр торговли и промышленности Коновалов Александр Иванович (1875–1948), прогрессист

Министр путей сообщения Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940), кадет

Министр земледелия Шингарев Андрей Иванович (1869–1918), кадет

Министр финансов Терещенко Михаил Иванович (1886–1956), беспартийный

Министр просвещения Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929), кадет

Обер-прокурор Синода князь Львов Владимир Николаевич (1872–1934), близкий кадетам

В соглашении между исполкомом Петросвета и Временным комитетом Государственной думы, заключенном 2 марта, однозначно проводилась мысль о том, что новая власть создана «из умеренных слоев общества». Исходя из этого тезиса, Петросовет объявил, что демократия поддержит лишь те пункты правительственной программы, которые отвечают ее интересам и «в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществлении этих обязательств». Здесь впервые была высказана знаменитая формула «поскольку постольку».

В заявлении, опубликованном 3 марта, Временное правительство обещало свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек, отменить сословные и национальные ограничения, провести амнистию, заменить полицию народной милицией, реорганизовать систему местного самоуправления и развернуть подготовку к созыву Учредительного собрания. Но сразу же зазвучали протестующие голоса, поскольку народ впервые почувствовал реальную возможность влиять на ход событий. Поняли это и политические партии. Они стали задабривать и угождать народу, даже заискивать перед ним. Так, конституционные демократы (кадеты) на своем партийном съезде в марте 1917 г. поменяли название партии на «Народная свобода» и заявили, что Россия должна стать демократической и парламентской республикой.

Едва возникнув, Временное правительство и Петросовет немедленно приступили к созданию необходимых основ власти, но Временное правительство преуспело в этом деле больше. Оно сумело прибрать к рукам все властные структуры, оставшиеся от прежнего режима. Государственная дума занялась этим еще до создания правительства. По свидетельству участника событий С.П. Мансырева, в распоряжении Думы были тогда еще сотни депутатов. Самые активные из них вошли в различные комиссии, остальные «слонялись без дела и никуда не могли приткнуться». Вот их-то и направили на «комиссарские места в столичные учреждения». Главный критерий, который при этом принимался в расчет, были их партийность. Институт комиссаров Временного правительства комплектовался из тех, кто «входили в Прогрессивный блок или склонны были ему сочувствовать, прочие оставались под подозрением». Благодаря такому шагу, прежний управленческий аппарат попал в ведение Думы. Бесспорно, многое из того, что комиссары нашли, пришлось менять, кое-что дополнять, но в целом верховное звено государственной власти, его рычаги управления достались Временному правительству.

Параллельно формировал свои структуры Петросовет, но делал это по-иному: он занимался созданием преимущественно низовых систем управления, организацией рабочих и солдат, обеспечением безопасности и порядка в столице и т. д. Такая разная социальная направленность и разнородность занятий сразу же породили трения между этими властными структурами. Однако до открытого противостояния дело не дошло. В эти месяцы антагонизм между Временным

правительством и Петросоветом сглаживался важнейшей проблемой, стоявшей перед обществом в целом, – борьба за ликвидацию монархии.

Эта задача и повлекла создание антимонархического фронта, объединившего едва ли не все слои общества, различные организации и учреждения. Конечно, внутри этого фронта существовали разнородные силы, но первое время они действовали как единое целое. Ситуация стала меняться по мере того, как отступала угроза реставрации власти Романовых и обострялись социальные противоречия в обществе. С самого начала Временное правительство стало стержнем буржуазного лагеря. Лишь по мере нарастания народных волнений оно пополнялось представителями социалистических партий, но радикально свою социальную природу не меняло.

Современники по-разному, в зависимости от своих политических взглядов, оценивали происходящее и пути дальнейшего развития страны.

Меньшевик Н.Н. Суханов:

«Власть, идущая на смену царизма, должна быть только буржуазной. Трепова и Распутина должны и могут сменить только заправилы думского Прогрессивного блока. На такое решение необходимо держать курс. Иначе переворот не удастся и революция погибнет...»

Я исходил из полной распыленности демократической России во время самодержавия. В руках демократии тогда не было никаких сколько-нибудь прочных и влиятельных организаций – ни партийных, ни профессиональных, ни муниципальных. А, будучи распыленным, пролетариат, изолированный от прочих классов, в процессе революции мог создать лишь такие боевые организации, которые могли представлять реальную силу классовой борьбы, но не реальную силу государственной власти.

Между тем распыленной демократии, если бы она попыталась стать властью, пришлось бы преодолевать непреодолимое: техника государственной работы в данных условиях войны и разрухи была совершенно непосильна для изолированной демократии. Разруха государственного и хозяйственного организма была уже тогда огромной. Промышленность, транспорт, продовольствие были приведены в негодность уже самодержавием. Столица голодала. Государственная машина не только не могла стоять без дела ни минуты, но должна была с новой энергией, с обновленными силами, с усиленными ресурсами, не медля ни минуты, совершить колоссальную техническую работу. И если власть будет такова, что не сможет привести в движение все винтики государственного механизма и пуштить его полным оборотом, революция не выдержит.

Вся наличная государственная машина, армия, чиновничество, цензовые земства, работавшие при содействии всех сил демократии, могли быть послушны Милюкову, но не Чхеидзе [председатель исполкома Петросовета]. Иного же аппарата не было и быть не могло...»

Большевик В.И. Ленин:

«...2. Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с

другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво бес- сознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к особым услови- ям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение вместо недопустимого, сеющего иллюзии требования, чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть импери- алистским...

5. Не парламентская республика – возвращение к ней от Совета Рабочих Депутатов было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху...

(Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 113-116)

С появлением ленинского лозунга «Вся власть Советам!» положение на ме- стах осложнилось. Всего в стране весной 1917 г. действовало более 700 Сове- тов рабочих и солдатских депутатов. Они представляли интересы самой ради- кальной части общества. Эти органы власти легко принимали постановления, но с трудом проводили их в жизнь, поскольку не имели отлаженного исполни- тельного аппарата и оказались в затруднительном финансовом положении, так как Временное правительство отказалось их финансировать. Таким образом, в стране не оказалось более или менее определенной властной структуры. Сложившаяся ситуация благоприятствовала установлению диктаторского режима. Комиссар Саратовской губернии Н.И. Семенов метко подметил: «По всей Рос- сии существует не двоевластие, а многовластие и в то же время отсутствие дей- ствительной законной власти».

Во второй половине апреля резко обострилась политическая обстановка в стране. Поводом послужила нота министра иностранных дел Милюкова прав- ительствам стран Антанты от 18 апреля. Вопреки декларации, заявленной 27 марта, по которой правительство намеревалось как можно скорее заключить мир на основе отказа от аннексий и контрибуций, в ноте говорилось, что позиция правительства не дает оснований думать об ослаблении роли России в мировой войне, заявлялось о стремлении довести войну до победы. Нота задела интересы всех слоев общества, но наиболее всего ударила по солдатам.

20 апреля в столице начались многотысячные митинги и демонстрации – раз- разился *апрельский кризис*. Причем они проходили под лозунгами как в пользу Временного правительства, так и против. Имели место вооруженные столкно- вения, были жертвы. Командующий войсками Петроградского военного округа генерал Л.Г. Корнилов приказал очистить Дворцовую площадь от митингующих рабочих и солдат, тем самым изменить ситуацию в пользу Временного прави- тельства. Члены исполкома Петросовета приложили немало усилий, чтобы отго- ворить генерала от этого шага, и Корнилов уступил. Верные ему воинские части вернулись в казармы. Малоизвестный вольноопределяющийся Ф.Ф. Линде при- вел к Маринскому дворцу финляндский полк с целью привлечь правительство к ответу. Действия полка готовы были поддержать солдаты других запасных

полков, моряки Балтийского флота, оказавшиеся в этот момент у дворца. Ленин охарактеризовал это выступление «как несколько большее, чем вооруженная демонстрация, и несколько меньшее, чем вооруженное восстание». В ходе переговоров удалось удержать и Линде от последнего шага. В итоге столица и страна оказались избавленными от крупномасштабных насильственных действий, которые могли стать поворотными в судьбе революции.

Попытки установления военной или пролетарской диктатуры окончились ничем, но они не прошли бесследно. Временное правительство было реорганизовано. Для укрепления его авторитета среди населения из его состава были выведены Милюков и Гучков, а введены представители Петросовета, лидеры социалистов. 5 мая в печати появился список членов нового кабинета министров.

Состав первого коалиционного Временного правительства (май–июнь):

Министр-председатель и министр внутренних дел князь Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), близкий кадетам;

Министр иностранных дел Терещенко Михаил Иванович (1886–1956), беспартийный

Военный и морской министр Керенский Александр Федорович (1881–1970), эсер

Министр юстиции Переверзев Павел Николаевич (1872–?), трудовик

Министр торговли и промышленности Коновалов Александр Иванович (1875–1948), прогрессист

Министр путей сообщения Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940), кадет

Министр земледелия Чернов Виктор Михайлович (1873–1952), лидер Партии социалистов-революционеров (эсеров)

Министр финансов Шингарев Андрей Иванович (1869–1918), кадет

Министр просвещения Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929), кадет

Министр труда Скобелев Матвей Иванович (1885–1938), меньшевик

Министр продовольствия Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933), народный социалист

Министр государственного призрения князь Шаховской Дмитрий Иванович (1862–1939), кадет

Министр почт и телеграфов Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959), лидер Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевики)

Государственный контролер Годнев Иван Васильевич (1856–?), октябрист

Обер-прокурор Синода князь Львов Владимир Николаевич (1872–1934), близкий кадетам

Керенскому достался самый весомый портфель военного министра.

Керенский Александр Федорович (1881–1970) – политический деятель. Родился в семье директора гимназии в Симбирске (ныне Ульяновск), где обучался В.И. Ленин. Окончил юридический факультет Петербургского университета, по профессии адвокат. Исповедовал социалистические взгляды, был членом эсеровской партии и от нее вошел в качестве депутата IV Государственной думы во фракцию трудовиков. Свой «звездный билет» он приобрел в событиях 1917 г., когда стал публичным политиком. Его современник В.В.

Шульгин ехидно замечал, что Керенский «рос на качавшемся революционном болоте, по которому он привык бегать и прыгать, в то время как мы не умели даже ходить». Его политическое лицедейство, голос, позы, жесты на время имели большой эффект. Но ни сплотить общество, ни вывести его из структурного кризиса Керенский не смог. Слова и жесты премьера начали раздражать всех. Лидер кадетов Милюков отмечал, что «скоро научился считать его показное величие, его диктаторскую позу величайшим несчастьем для русской революции». Его противостояние с генералом Корниловым обратили в свою пользу большевики. После октября 1917 г. эмигрировал на Запад. Всю оставшуюся жизнь пытался оправдаться в содеянном, доказать свою правоту. В преклонном возрасте скончался в Нью-Йорке.

Керенский одолел важную ступень лестницы, ведущей к высшей государственной власти, а оттуда рукой подать до единоличной диктатуры. Получив министерский портфель, Керенский сразу приступил к разработке широкомасштабной наступательной операции на Юго-Западном фронте. Напряженно трудились штабисты, на позиции подвозили боеприпасы, подтягивали артиллерию. Союзники внимательно следили за ходом подготовки.

Из доклада штабс-капитана Кузнецова в штаб 7-й армии Юго-Западного фронта от 8 июня:

«При объезде 7-го июня позиций и наблюдательных пунктов 41 и 22 корпусов генералом английской службы Ноксом и полковником французской службы Ланглуа, были на наблюдательном пункте у Петли на шоссе Литятин – Бжезаны и на высоте 419. Войсковые штабы выразили желание быть ориентированными в плане работ армейской и корпусной авиации в периоды подготовительный и боевой. Низшие штабы очень обеспокоены решением Штаба фронта перейти в Козова, а штаба армии в Литятин, называя такое перемещение безграмотностью. Операция, имеющая такое исключительное значение, не позволяет думать о какой-либо недобросовестности, а при полной загруженности ближайшего тыла (как пример д. Божукив 18 отдельных частей, д. Волощизна 14 отдельных частей) нагромождать еще, без достаточного к тому основания, является крупной ошибкой. Кроме того, близость к фронту высшего начальства невольно скажется на более нервной работе низших штабов. Выбываясь из сил в текущий подготовительный период, они просят дать им возможность в решительный момент проявить полную выдержку и спокойствие духа, что непосредственно скажется на войсковых частях. Солдаты пехоты и артиллерии спрашивали о дне наступления, выражая желание наступать скорее, пока немец не успел собрать урожай, а следовательно, покончить одним махом в один-полтора месяца. Дороги в районе удара разбиты, и ремонта не производят. Генерал Нокс высказал опасение, что 90 штыков в роте не дадут возможности при успехе развить удар».

Коалиционное Временное правительство объявило, что будет «с полной решительностью проводить в жизнь идеал свободы, равенства и братства, под знаменем которых создавалась великая российская революция». Сила слова или демагогия становилась излюбленным приемом членов правительства. Министры-социалисты, чувствуя шаткость своего положения, попытались упрочить его при помощи I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, который открылся 3 июня. Меншевики и эсеры располагали на нем решающим большин-

ством. Съезд принял резолюцию о доверии Временному правительству. Более того, меньшевик Церетели заявил, что в России нет такой партии, которая согласилась бы взять власть целиком в свои руки. В ответ на эти слова Ленин заявил, что такая партия есть – большевики готовы сделать это каждую минуту. «Разговоры о железной дисциплине, – писала 4 июня газета «Пролетарий», – сменились ныне грубым окриком и прямой угрозой по адресу революционного Кронштадта, расформированием нескольких полков за неподчинение с отдачей под суд подстрекателей и, наконец, арестами на фронте тех, кто смеет высказывать взгляды, не сходящиеся с политической линией Временного правительства».

По решению президиума съезда и исполкома Петросвета на 18 июня была назначена массовая демонстрация в поддержку решений съезда. Большевики призвали своих сторонников принять участие в демонстрации, но под своими лозунгами, главным из которых был «Вся власть Советам!». В назначенный день в Петрограде прошла грандиозная манифестация, в которой приняли участие 500 тыс. человек. Вопреки ожиданиям демонстранты несли в основном плакаты с большевистскими требованиями. Массовые антиправительственные демонстрации состоялись в Москве, Харькове, Твери, Нижнем Новгороде, Минске и других городах. Фактически это был вотум недоверия коалиционному правительству. Эти события были названы *июньским кризисом*. Волну антиправительственных выступлений сбили торжествующие сообщения о переходе войск Юго-западного фронта в наступление.

Наступление началось 16 июня с мощной артиллерийской подготовки. Плотность артиллерии на участке прорыва только 7-й армии достигла 40 орудий на один километр. В боевых порядках 4 корпусов и одной казачьей дивизии армии насчитывалось 74,8 тыс. штыков и сабель, 168 тяжелых и 350 легких орудий. К 10 ч утрам 18 июня огонь достиг максимальной силы, и корпуса ударной группы начали атаку позиций войск Австро-Венгрии. Перед атакой зачитывали приказ новоиспеченного военного министра Керенского: «...Я от имени свободного народа и его Временного правительства призываю армию, укрепленную силой и духом революции, перейти в наступление...». К 12 ч была занята уже 1-я линия окопов противника, а местами 2-я и 3-я. Но встретив упорное сопротивление, пришлось снизить темп продвижения.

Германское командование начало спешно перебрасывать войска с Западного фронта и готовить прорыв русского фронта под Тарнополем. Рано утром 6 июля ударная группировка германских войск после артиллерийской подготовки перешла в контрнаступление в полосе 11-й русской армии. Немцы прорвали фронт на ширину около 20 км и продвинулись вглубь на 15 км. Части 11-й армии начали отход. В тяжелом положении оказалась и 7-я армия. Ей приходилось отбивать атаки как с фронта, так и с правого фланга, обнажившегося после отступления соседей. В этих условиях командующий армией генерал Селивачев начал отвод своих войск.

Тарнопольский прорыв немцев стал еще одной трагической страницей Первой мировой войны. Только с 16 июня по 6 июля, когда немцами был прорван фронт, русские войска потеряли 58 тыс. человек, из них 7 тыс. убитыми и более 36 тыс. ранеными. К середине июля противник отбросил войска Юго-Западного фронта далеко за исходные позиции и захватил всю Галицию и Добруджу. Само Временное правительство охарактеризовало случившееся как трагедию, стоившую стране «больших человеческих жертв и территориальных потерь».

Затеянная авантюра закончилась катастрофой, подорвавшей авторитет коалиционного Временного правительства и резко повысившей шансы его противников слева – большевиков.

Разразился *июльский кризис*. События развивались стремительно.

3 июля подали в отставку министры-кадеты. Согласно официальному заявлению они сделали это в знак протеста против уступок Петрограда Украинской раде. По мнению меньшевика Церетели, кадетская партия лишь использовала украинский вопрос в качестве предлога для политического демарша. Главная причина коренилась во взрывоопасной обстановке в стране. Столица вновь оказалась на грани вооруженного восстания. К зданию Петроградского комитета большевиков явились солдаты пулеметного полка с требованием отстранения Временного правительства и передачи государственной власти Советам. Тут же было созвано совместное совещание, которое пришло к единому мнению: в сложившейся обстановке требовать смены власти преждевременно. Однако рабочие и солдаты вышли на улицы. Вдогонку большевики изменили свое прежнее решение и постановили возглавить движение.

4 июля кризис достиг кульминации. Правительство с согласия ВЦИК Советов вызвало в город надежные части и силой оружия подавило полустихийное восстание. Рубикон между демократией и диктатурой был перейден. «Я переживал глубокое душевное волнение, – вспоминал Церетели, – когда мне пришлось в качестве министра внутренних дел перейти от слов к делу и применить репрессивные меры к тем, кто в прошлом были нашими товарищами в борьбе за свободу». Керенский, находящийся в действующей армии, телеграфировал главе правительства князю Львову: «Петроградские беспорядки произвели на фронте губительное, разлагающее действие. При таких условиях подготавливать наступление и нести за него ответственность невозможно. Категорически настаиваю на решительном прекращении предательских выступлений, разоружении бунтующих частей и предании суду всех зачинщиков и мятежников».

6 июля князь Львов подписал грозное постановление и подал в отставку. Документ гласил, что лица, уличенные в призывах к убийствам, разбоям, грабежам и погромам, наказываются тюремным заключением сроком на три года; в неисполнении распоряжений властей – сроком на три года; призывы к военным служащим не исполнять приказы приравнивались к государственной измене.

Режим, установившийся в ходе июльского кризиса, по сути был своего рода демократической диктатурой.

Было сформировано второе коалиционное правительство, большинство в котором составили представители социалистических партий – эсеров и меньшевиков. Церетели, выступая на заседании ВЦИК, подчеркнул, что народ пока ничего от революции не получил и потому может легко попасть в руки тех, кто пообещают реально улучшить его жизнь, а это неизбежно приведет к экстремальной ситуации. Поэтому новое правительство должно обладать неограниченными полномочиями. Более того, он просил признать новый кабинет «правительством спасения революции». Собрание поддержало эти предложения.

Состав второго коалиционного Временного правительства (июль – август):

Министр-председатель, военный и морской министр Керенский Александр Федорович (1881–1970), эсер

Министр внутренних дел Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943), эсер

Министр иностранных дел Терещенко Михаил Иванович (1886–1956), беспартийный

Министр юстиции Зарудный Александр Сергеевич (1863–1934), народный социалист

Министр торговли и промышленности Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955), беспартийный

Министр путей сообщения Юренев Петр Петрович (1874–1943), кадет

Министр земледелия Чернов Виктор Михайлович (1873–1952), лидер Партии социалистов-революционеров (эсеров)

Министр финансов Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940), кадет

Министр просвещения Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), кадет

Министр труда Скобелев Матвей Иванович (1885–1938), меньшевик

Министр продовольствия Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933), народный социалист

Министр государственного призрения Ефремов Иван Николаевич (1866–1932), лидер Новой радикально-демократической партии

Министр почт и телеграфов Никитин Алексей Максимович (1876–?), меньшевик

Государственный контролер Кокошкин Федор Федорович (1871–1918), кадет

Обер-прокурор Синода, с 5 августа министр исповеданий Карташев Антон Владимирович (1875, по другим данным 1870–1960), кадет

Правительство предприняло жесткие меры против левых радикалов. Последовал приказ об аресте Ленина и других лидеров большевиков. Одновременно началась кампания по усмирению армии. Командующий 8-й армией генерал Корнилов был назначен командовать Юго-западным фронтом, а вскоре – Верховным главнокомандующим.

Именно в Корнилове, стороннике твердой дисциплины, Керенский увидел человека, способного вытравить дух вольности из армии. Генерал сразу предложил Кабинету министров ввести смертную казнь на фронте и получил согласие. Репрессивные меры стали шире применяться в тылу. Так, 11 августа в село Тойкине Сарапульского уезда по вызову уездного комиссара прибыла воинская команда во главе с прапорщиком Борисовым и подвергла крестьян телесной экзекуции. По сообщению газеты «Вятская речь», каратели «избили нагайками около 20 человек, причем некоторые были биты до потери сознания. А шестерых женщин, наказывая, позорно оголяли и секли до испражнений».

Согласно оценке министров-социалистов правительство к концу лета 1917 г. якобы сумело погасить угрозу со стороны левых радикалов (большевиков) и стабилизировать обстановку в стране. По словам Церетели, под твердой рукой правительства большевики притихли. Двоевластие сменилось военной диктатурой, по мнению лидеров левых радикалов, или революционной диктатурой, по мнению деятелей умеренного социалистического толка.

Стремясь консолидировать поддерживающие его силы и предотвратить поползание страны в гражданскую войну, Временное правительство выступило инициатором созыва в Москве 12 августа Государственного совещания. Пред-

ставители умеренных социалистических партий пытались склонить участников к компромиссу. Однако большинство делегатов вели речь о необходимости решительных мер по наведению порядка в стране. Донской атаман А.М. Каледин открыто призвал ликвидировать все революционно-демократические организации, в том числе Советы.

Из выступления донского атамана А.М. Каледина на Государственном совещании 14 августа 1917 г.:

«В грозный час тяжких испытаний на фронте и полного развала от внутренней политической и экономической разрухи страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных и умелых руках лиц, не связанных узкопартийными групповыми программами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и Советы, отдающих себе ясный отчет в том, что источником суверенной государственной власти является воля народа, а не отдельных партий и групп...»

Генерал Каледин покидает трибуну при неслыханном волнении в зале. Правая и часть центра бурно рукоплещут. На левой возгласы протеста и возмущения. Волнение долго не утихает...»

(Государственное совещание: Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 73 – 76)

После Государственного совещания правые воспрянули духом, хотя поиск диктатора они начали еще весной. В конце концов военные и представители финансово-промышленных кругов остановили свой выбор на генерале Корнилове. Именно в нем они видели человека, способного «твердой рукой навести порядок» в России, спасти ее от захвата власти большевиками.

Принципиальной разницы между его взглядами и программой Керенского не было. Речь в основном шла о личных амбициях и о неприятии генералом в Керенском того социалистического флера, который тогда называли «советскостью». «Я им революцию не отдам», – заявил премьер, стремившийся ни в коем случае не потерять власть. «Я им не отдам Россию», – парировал генерал. Тем не менее оба деятеля поладили бы, но вмешался случай – неожиданная «инициатива» бывшего обер-прокурора Синода Львова, объявившего без всяких на то полномочий Керенскому ультиматум.

25 августа конный корпус генерала А.М. Крымова двинулся на Петроград. Одновременно подтягивались войска к Москве, Киеву, Воронежу и другим крупным городам Центральной России.

Из обращения генерала Л.Г. Корнилова к населению 27 августа 1917 г.:

«...Русские люди! Великая Родина наша умирает. Близится час кончины... Я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планом германского генерального штаба, одновременно с предстоящей высадкой вражеских войск на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины...»

Почувствовав реальную угрозу своей власти, Керенский отстранил Корнилова от должности Верховного главнокомандующего. Корнилов отказался выполнить распоряжение главы правительства. Керенский назвал его мятежником

и обратился к народу с призывом подняться на борьбу с военщиной. С аналогичными воззваниями выступили лидеры леворадикального лагеря. Подавляющий перевес сил оказался на стороне социалистов, и *Корниловский мятеж* провалился. 30 августа корпус Крымова остановился на подступах к столице, казаки без единого выстрела стали переходить на сторону народа, сам Крымов застрелился. 1 сентября солдаты могилевского гарнизона арестовали Корнилова и его ближайших помощников.

Эти события еще больше сдвинули политически активную часть народа влево, что обеспечило подавляющий перевес леворадикального лагеря над остальными общественно-политическими течениями. «Козырь, который Корнилов дал в руки Ленину, тот уже не выпустил», – метко подметил современник событий эсер М.В. Вишняк. Керенский, стремясь преодолеть возникший в результате выступления военных правительственный кризис, после переговоров с ВЦИК создал 1 сентября новый орган власти – *Директорию (Совет пяти)* без участия кадетов, которые под воздействием леворадикальной пропаганды воспринимались населением как пособники корниловщины.

Состав третьего коалиционного Временного правительства (Директории, 1–25 сентября):

Министр-председатель Керенский Александр Федорович (1881–1970), эсер

Министр почт и телеграфа Никитин Алексей Максимович (1876–?), меньшевик

Министр иностранных дел Терещенко Михаил Иванович (1886–1956), беспартийный

Военный министр генерал Верховский Александр Иванович (1886–1938), беспартийный

Морской министр адмирал Вердеревский Дмитрий Николаевич (1873–1946), беспартийный

В этот же день, идя навстречу требованиям левых сил, Керенский объявил Россию республикой. Тем не менее положение власти оставалось шатким. Перед лидерами меньшевиков и эсеров после совместного с большевиками устранения Корнилова встала конкретная проблема: с кем идти на сотрудничество? По-прежнему с кадетами или с большевиками, образуя коалицию всех социалистических партий? Было решено обсудить этот вопрос на Демократическом совещании.

Демократическое совещание проходило с 14 по 22 сентября. На нем присутствовали 1582 представителя от Советов, профсоюзов, кооперативов, армии и т. д. Среди делегатов, заявивших о своей партийной принадлежности, было 532 эсера, 172 меньшевика и 134 большевика. Главная проблема, которую решало совещание, свелась к вопросу: за коалицию или против нее? Первое голосование дало следующие результаты: 766 человек высказались «за», 688 – «против» и 38 воздержались. Затем началось уточнение пунктов резолюции. Была внесена поправка, исключившая из коалиции кадетов. Поставили на голосование резолюцию в целом, и она провалилась: «против» проголосовало 813 человек, «за» – 180 и 80 воздержались. Тогда лидеры эсеров и меньшевиков А.Р. Гоц, Ф.И. Дан и И.Г. Церетели предложили вопрос о коалиции передать на усмотрение органа, который будет избран Демократическим совещанием, – *Совета республики*

(предпарламента). Одновременно они попытались с помощью совещания скорректировать политику правительства: прекращение войны, передачу помещичьей земли в ведение земельных комитетов и скорейший созыв Учредительного собрания. Керенский отверг все это, считая, что он представляет «общенациональную власть».

Главным для Керенского по-прежнему оставалось сохранение сильной личной власти, опирающейся, по словам Дана, «неизвестно на что и на кого». Совет республики (предпарламент) оказался на обочине реальной государственной власти, сосредоточенной в руках Керенского. Он получил лишь право совещательного голоса. Кадет В.Д. Набоков ставил его в один ряд с булыгинской Государственной думой, а меньшевик Дан оценил как «ублюдочное, компромиссное учреждение, возникшее из неудачного Демократического совещания». Создание нового правительства со старым партийным составом не смогло стабилизировать политическую ситуацию.

Состав четвертого коалиционного Временного правительства (25 сентября – 25 октября):

Министр-председатель Керенский Александр Федорович (1881–1970), эсер

Министр иностранных дел Терещенко Михаил Иванович (1886–1956), беспартийный

Военный министр – генерал Верховский Александр Иванович (1886–1938), беспартийный

Морской министр адмирал Вердеревский Дмитрий Николаевич (1873–1946), беспартийный

Министр юстиции Малянтович Павел Николаевич, меньшевик

Министр торговли и промышленности Коновалов Александр Иванович (1875–1948), прогрессист

Министр путей сообщения Ливеровский Александр Васильевич (1867–1951), беспартийный

Министр земледелия Маслов Семен Леонтьевич (1873–1938), эсер

Министр финансов Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1945), беспартийный

Министр просвещения Салазкин Сергей Сергеевич (1862–1932), кадет

Министр труда Гвоздев Кузьма Антонович (1882– после 1956), меньшевик

Министр продовольствия Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955), беспартийный

Министр государственного призрения Кишкин Николай Михайлович (1864–1930), кадет

Министр почт и телеграфов Никитин Алексей Максимович (1876–?), меньшевик

Министр исповеданий Карташев Антон Владимирович (1875, по другим данным 1870–1960), кадет

Государственный контролер Третьяков Сергей Николаевич (1882–1943), прогрессист

На положении правительства отражались и особенности характера Керенского. Как подмечал Церетели, в условиях осени 1917 г. для спасения страны необходимы были «воля, организаторские способности, умение провести в жизнь

мероприятия, способные удовлетворить стремления большинства населения», но все это как раз и «отсутствовало у главы правительства и созданного им государственного аппарата». Получив единоличную власть, Керенский, по словам Церетели, не имел возможности своими силами укреплять ее. Он лишь мог сохранивать то, чем располагал на деле, и то в течение короткого периода времени.

После провала корниловщины социально-экономическая обстановка в стране осложнилась еще больше. Россия вступила в полосу всестороннего, общенационального кризиса.

Одной из главных его причин оставалась война, «сждавшая» более 80% бюджетных средств. Из-за инфляции, дороговизны и нехватки топлива и сырья закрывались предприятия, шел спад промышленного производства. Быстро росла инфляция, а реальная заработная плата снижалась. В плачевном состоянии находились финансы страны. Непомерно разбухшие расходы Временное правительство покрывало за счет печатного станка. За 8 месяцев своего правления оно выпустило кредитных билетов почти на 9 млрд руб. Для сравнения: царское правительство за почти 3 года войны выпустило 8,3 млрд руб. Страна была наводнена бумажными деньгами, а покупательная способность рубля снизилась к концу октября до 6–7 коп. Правительство все глубже влезало в долги у Антанты. Внешний долг России в октябре составил 11,2 млрд руб. В расстройство пришел железнодорожный транспорт, что негативно отражалось на экономике. Острое недовольство жителей крупных городов (в первую очередь Петрограда) вызывали продовольственные трудности.

Отчаявшись восстановить разбалансированный товарооборот между городом и деревней при помощи ценовой политики на хлеб, Временное правительство все чаще прибегало к внеэкономическим, административным мерам: введением хлебной монополии, карточек и даже попыткой вооруженных реквизиций хлеба. Однако это не приносило желаемых результатов. На исходе августа хлебный паек в различных городах сократился до 200 г в день. Запасы муки на фронтах в первой декаде октября колебались в объемах от 6 до 15 дней, в Петрограде – от 7 до 8 дней.

Резко усилилось недовольство населения. Общее число бастующих в первые осенние месяцы по сравнению с весной увеличилось почти в 8 раз, бастовали 2, 5 млн человек. Упала дисциплина, производительность труда. По стране катилась волна крестьянских выступлений, сопровождавшаяся захватом помещичьих земель, разгромом усадеб, неповиновением властям.

Усилился национальный сепаратизм, раскалывавший страну. Центральная рада добивалась провозглашения национально-территориальной автономии Украины, намереваясь включить в ее состав 8 украинских губерний. Более того, в Киеве раздавались голоса о включении в Украину южного берега Крыма, отдельных уездов Курской, Воронежской, Бессарабской губерний, а также Кубанской области с преимущественно украинским населением. Крымско-мусульманский комитет требовал автономии Крыма. Кубанская войсковая рада провозгласила Кубань федеративной областью России. Обсуждались планы образования Сибирской республики. Серьезной остроты достигло противостояние Временного правительства с населением Финляндии после решения о роспуске местного парламента (сейма). Все это говорило о том, что правительство Керенского не имеет четкой программы государственного устройства страны и постоянно опаздывает реагировать на национальные процессы.

Обращения и просьбы комиссаров Временного правительства из провинции в столицу сводились к одному – выделить как можно больше солдат, и побыстрее. Начиная с середины октября этот лейтмотив проходит через все телеграммы и письма, адресованные в военное министерство. Однако и оно оказалось не-веселым. В сложившихся условиях многие комиссары думали прежде всего о сохранении собственной жизни и старались держать воинские команды под рукой, не отпуская их даже на места волнений. Другие представители верховной власти на местах, тем не менее, пытались что-то предпринять, но делали это сумбурно и бестолково. Третьи вообще утратили рычаги управления и буквально за-сыпали вышестоящих начальников истеричными телеграммами. «В связи с разыгравшимися событиями, – сообщал комиссар Подольской губернии на Украине Н.А. Стаховский, – еще больше обозначилось падение и бессилие власти. Не на что надеяться. Идет смерч, и, очевидно, не будет удержу ему». Деморализованные страхом комиссары начинают оставлять должности и разбегаться. Вместо правительственных комиссаров на политической сцене начинают обустраиваться главные их соперники – Советы рабочих и солдатских депутатов, причем делают это без какого бы то ни было сопротивления со стороны властей.

Ухудшалось, становясь критическим, положение на фронте. Немцы захватили Моонзундские острова, фактически заперев Балтийский флот в Финском заливе. Армия разлагалась, и угроза захвата Петрограда становилась все более очевидной. Ненависть и озлобление переполняли страну. Правительство оказалось парализованным. Керенский метался в истерике. Он то публично заверял всех, что сил у него предостаточно, чтобы раздавить большевиков, то неожиданно являлся на заседание Совета республики (предпарламента) и требовал чрезвычайных полномочий. По мнению социалиста Ф.И. Дана, Керенский оказался в плену иллюзий, рассчитывая найти какие-то части, готовые по мановению руки главы правительства ринуться в бой с большевиками. «За что они должны были сражаться и умирать? – задается вопросом один из лидеров меньшевиков. – За мир, в достижении которого через правительство Керенского они отчаялись? Или за землю, судьба которой оставалась все нерешенной до далекого и смутно представляемого себе Учредительного собрания?»

Временное правительство могло рассчитывать на верные части в июле, но осенью таких подразделений в распоряжении властей уже не было. Более того, в данное время было вообще небезопасно направлять солдат в столицу, поскольку они легко могли поддаться пропагандистским лозунгам левых радикалов. Единственной боеспособной военной силой в Петрограде были юнкера и казаки. Последние, не простившие Керенскому генерала Корнилова, всячески уклонялись от активных действий. Таким образом, правительство Керенского еще до вооруженного выступления большевиков утратило власть, опору в войсках.

В течение 8 месяцев Временное правительство, используя все доступные средства и методы, включая насильственные, желаемых результатов не достигло. Режим, правивший под лозунгами демократии, исчерпал себя и оказался в состоянии войны с собственным народом.

Из письма В.И. Ленина в ЦК, Московский и Петербургский комитеты РСДРП(б) 1 октября 1917 г.:

«...События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением...»

Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас. Этим они спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии будут покладисты друг к другу и против нас объединятся), и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы), и жизни сотням тысяч людей на войне...

Если не взять власть без восстания, надо идти на восстание тотчас...»

(Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 340)

Историк и лидер кадетов П.Н. Милюков:

«Господство большевиков начиналось при уверенных предсказаниях партий, что большевистская власть не сможет осуществить ни одного из данных ею обещаний, – не даст обманутому ею народу ни мира, ни земли, ни хлеба, ни “социализации” промышленности и что разочарованное население не потерпит над собой господства насильников. Партия народной свободы предсказывала при этом, что победа большевиков влечет за собой проигрыш войны и разделение России на части. Но никто, включая и эту партию, не предвидел, что здесь возникнет режим, который будет длиться долгие годы...»

(Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001)

Лекция 17

ОКТЯБРЬ В ПЕТРОГРАДЕ:

РОЖДЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

События 1917 г. несли в себе объективное и субъективное, закономерное и случайное, рациональное и иррациональное начала. В эти месяцы переплелись и роковые обстоятельства, и конкретные ошибки, и политическая пассивность творящих власть, и инициативность рвущихся к ней. А российский народ одновременно выступал свидетелем, статистом и активным участником этих событий.

В советской исторической науке действовала довольно простая трактовка политики Временного правительства. Программа Февраля (мир, земля, работа) совпадала с социалистическими устремлениями масс, и историческая вина социалистических партий состояла в том, что эти идеи не были проведены в жизнь. Министры-социалисты шли на сотрудничество с буржуазией, чем дискредитировали себя в глазах трудового народа. И тот, в конечном счете, поддержал большевиков, программа которых (мир, земля, 8-часовой рабочий день) полностью соответствовала интересам рабочих и крестьян, обеспечивала прекращение войны, выход из кризиса, спасение и сохранение России как могущественной державы.

Дело, однако, обстояло куда сложнее.

Вопросом, не терпящим отлагательства, было прекращение войны. Какой ценой Временное правительство могло добиться мира для России? Возможны были два варианта: победа в коалиции с державами Антанты и заключение сепаратного мира со странами Германского. Если бы правительство пошло на заключение сепаратного мира, то после завершения войны Россия утратила бы авторитет на международной арене, по сути оказалась бы в числе государств, потерпевших поражение. Следовательно, не получила бы репарации, оплаченные жизнями российских солдат, разрухой и нищетой, но при этом перешла бы в разряд должников стран-победительниц. Для продолжения войны нужна была боеспособная армия. Следовало убрать наиболее «горючий материал», уставших и озлобленных ветеранов-фронтовиков. Военный министр Верховский неоднократно предлагал распустить «худшие, наиболее усталые элементы». Когда его предложения были отклонены, он заявил прямо: «Воевать мы не можем». Тем не менее генерал считал, что, иницируя во-

прос о заключении мира, следует учитывать, что сам этот процесс потребует длительного времени, в ходе которого можно будет, «опираясь на наиболее целые части, силой подавить анархию на фронте и в тылу», восстановить боевую мощь армии.

Аграрный вопрос оставался одним из самых взрывоопасных из наследия царского режима. Нарастало противостояние между крестьянским хозяйством и помещичьим землевладением. Участились случаи самочинных захватов помещичьих земель. В свою очередь, чувствуя, что их можно потерять вообще, многие владельцы стремились освободиться от земельной собственности, продав ее. И в этом вопросе ситуация складывалась безвыходная. Отобрать землю у помещиков – значит оставить страну и армию без продовольствия. Начать раздавать необрабатываемые участки земли демобилизуемым фронтовикам – вызвать повальное дезертирство из армии «за землицей». Не предпринимать никаких действий в аграрной области, откладывать до Учредительного собрания – тоже не выход. Может быть, следовало бы начать раздачу той части помещичьих земель, которая все равно по тем или иным причинам не обрабатывалась?

Однако у Временного правительства механизмов и рычагов реальной власти не хватало. Оно было стреножено властью Советов, и в первую очередь Петроградского. Получив в конце 1920-х гг. письмо от Е.Д. Кусковой, где та, анализируя экономические программы социалистических партий (в частности, эсеровской) доказывала, что они, являясь «экономически вредной белибердой», ничем не отличались от большевистской, никогда не терявший уверенности М.В. Вишняк не нашелся что ответить. Кускова же утверждала, что Октябрь 1917 г. был лишь доведенным до абсурда слепком с того, что говорили и делали все левые. «Эти идеи несчастная Россия прокричала в массы не устами коммунистов, а устами социалистов».

Историк П.В. Волобуев:

«Мы любим цитировать полные глубокого смысла слова о том, что революция – праздник угнетенных и эксплуатируемых. Но чем больше думаешь над историей революций (а их достаточно много в мировой истории), тем более замечаешь, что народные массы на этот праздник без крайней необходимости не идут. Это было и в прошлом, это мы видим и сейчас. Ввиду этого надо яснее сказать, как подходят к участию в революции широкие народные массы: к революции толкают их не отвлеченные идеалы, а непосредственные материальные интересы, элементарные жизненные нужды, борьба за их удовлетворение».

(Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 260).

Историк Г.З. Иоффе:

«...Истории известны долгие периоды удивительного терпения “низов”, измученных гнетом и лишениями. Пока власть еще внушает доверие, уважение, трепет, страх – все равно, – она, так или иначе, «держит» устойчивость, даже несмотря на свои очевидные промахи и грехи. Но вот в ходе кризиса власть начинает искать выход из него, и наступает время перемен и некоторых уступок “низам” – самый уязвимый момент для старого порядка. Именно тогда начинается сравнение того, что дают народу, с тем, что он требует, и с тем, что ему так легко обещают некоторые политики. Именно тогда народ “бьет посуду и зажигает дом”. Наступает революционная анархия.

...В России революция всегда «вытекала» из реформ. Когда оппозиция нащупывала уязвимое место власти, а затем выставляла его на всеобщее обозрение, – тогда крушение власти становилось реальным. Престиж власти начинал шататься, с нее спадали позолоченные одежды (вернее – их сдирали), и перед всеми обнаруживалось, что “король-то голый”».

(Отечественная история. 1998. № 3. С. 103)

Историк А.А. Искендеров:

«...Россия – страна парадоксов, и один из них заключается в том, что чем настойчивее и упорнее были усилия, предпринимаемые ради достижения этой цели [реформирования], тем глубже и опаснее становилась пропасть, отделявшая Россию от остального мира, как бы отбрасывая ее от естественного хода мировой истории. Не разрешил этой проблемы и XX век, так и не допустивший, чтобы наша страна освободилась от тисков, безжалостно сковававших ее попытки выйти на широкую магистраль свободы и демократии, вырваться из замкнутого круга острейших политических противоречий, “бессмысленных и беспощадных” бунтов, социальных катаклизмов и кровавых войн. Не без основания некоторые историки и философы считают прошедший XX век потерянным для России.

Во всем этом была, вероятно, своя весьма жесткая и суровая внутренняя логика развития России, обусловленная в числе прочего и специфичностью ее географического и геополитического положения, а также особым местом, принадлежащим ей в истории мировой цивилизации».

(Вопросы истории. 2002. № 5. С. 69)

Леворадикальное крыло РСДРП (большевики) в отличие от меньшевиков, усвоивших образ действий европейских социал-демократов, взяло курс на ускорение в России революционного процесса. Партия действовала в подполье как организация профессиональных революционеров, ее программу готовили не рабочие, а интеллигенты-интеллектуалы. Она и создавалась как партия для захвата власти, а не для реформизма. В советской историографии принято было считать, что в 1917 г. рабочие составляли 11% населения, т. е. около 18 млн человек. Но если исходить из ленинского определения, рабочих – это тот, кто проработал у станка не менее 10 лет, то перед началом Первой мировой войны в России было, по одним данным, 2,5 млн, по другим – 3,5 млн рабочих. Таким образом, партия, рассчитывающая взять власть в свои руки, представляла меньшинство российского общества. Перспектива стать правящей партией в аграрно-индустриальной стране с преобладанием крестьянского населения пугала не только социалистов, но и многих руководителей большевиков.

Г.В. Плеханов о событиях октября 1917 г.:

«...Их последствия и теперь уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или, еще того же хуже, - одной партией. Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка. Я давно уже говорю это. И считаю своим долгом повторить это теперь, когда политика рабочего класса рискует принять совсем другое направление. Сознательные элементы

нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья, какое только может с ним случиться».

(Открытое письмо к петроградским рабочим // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 105–106)

Моделью пролетарского государства должно было стать государство-коммуна, совмещающее в одном органе (совете) функции законодательной и исполнительной властей. Депутаты принимают законы, сами контролируют их исполнение, отвечают за них перед избирателями. Принцип полновластия Советов провозглашался основой подчинения исполнительного аппарата представительным органам. На первый план выходило и такое преимущество этой системы, как возможность раз и навсегда покончить с чиновничеством, бывшим в России виновником многих бед и разорений.

Позиция большинства руководящего состава ЦК РСДРП(б), весьма настороженно относившегося к ленинскому плану подготовки пролетарской революции, была продиктована тем, что слишком большой крен делался на внешние факторы и слабо учитывались внутренние условия. Отсюда проистекало желание видеть русскую революцию не как продукт внутреннего развития, а как своеобразную пороховую бочку, способную взорвать мир капитализма и разжечь планетарный революционный пожар. До апреля 1917 г. никто из русских марксистов, по словам Л.Д. Троцкого, вообще не верил в возможность построения социализма в одной отдельно взятой стране, а тем более в России. «Русская революция может развязать и, по всей вероятности, развяжет пролетарскую революцию на Западе, что, в свою очередь, обеспечит социалистическое развитие России». Без прямой поддержки европейского пролетариата «рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру».

По поводу того, что враждебные России государства щедро субсидировали революционные силы и движения, подрывавшие российскую государственность, было много слухов, но были и очевидные факты. Бывший министр иностранных дел России С.Д. Сазонов утверждал, что Германия выделила на нужды русской революции 70 млн марок. Лидер кадетов П.Н. Милюков приводит более скромные суммы: 207 тыс. марок и 400 тыс. шведских крон, подчеркивая, что большевики перешагнули через определенную черту совести и морали. Однако нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что министр иностранных дел Временного правительства Милюков направлял телеграммы государствам Антанты с настоятельной просьбой принять меры, не позволяющие большевикам-эмигрантам во главе с Лениным вернуться на родину. В отношении запломбированного вагона, пропущенного немецкими властями через свою территорию, емко написал очевидец событий, социалист Н.Н. Суханов: «Каждому понятно, что германские власти, идя в данном случае навстречу интересам русских граждан, преследовали при этом исключительно свои собственные интересы: они, конечно, спекулировали на том, что русские интернационалисты в условиях революции расшатывают устои русского империализма, а затем оторвут Россию от грабителей-союзников и толкнут ее на сепаратный мир... Русские интернационалисты-эмигранты отдавали себе полный отчет в настроении германских властей и по достоинству оценили источник их милости».

Победе большевиков способствовали объективный и субъективный факторы. Первый фактор: революции, происходившие в XX в., в определенной мере испытали на себе влияние войн, отражая не столько особенности и закономерности внутреннего развития той или иной страны, сколько мощное воздействие внешних обстоятельств, выступавших как решающее условие. Второй фактор касается руководителей большевиков. Речь идет о роли таких личностей, как Ленин и Троцкий. Это были люди с большой силой воли, стойкие, обладавшие личным мужеством, умением оперативно реагировать на стремительно менявшуюся ситуацию, принимать неординарные решения, уверенные в себе, способные ораторским искусством убеждать людей в правоте своих взглядов, отстаивать свою позицию, не считаясь ни с чем. Благодаря этим качествам они сумели накануне Октября переломить политическую ситуацию и в стране, и в собственной партии, добиться победы, в которую мало кто верил из тогдашних российских политиков. Это ни в коей мере не означает, что они были «сиамскими близнецами» и придерживались одинаковых взглядов по всем принципиальным вопросам. Но осенью 1917 г. они действовали вместе и слаженно.

В середине сентября Ленин пришел к выводу, что стране грозит катастрофа и для ее избежания большевики должны начать подготовку вооруженного восстания.

«Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо... Неимоверное количество резолюций принято и партиями, и Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, - резолюций, в которых признается, что катастрофа неминуема, что она надвигается совсем близко, что необходима отчаянная борьба с ней, необходимы "героические усилия" народа для предотвращения гибели и так далее.

Все это говорят. Все это признают. Все это решили. И ничего не делается...»
(Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 155)

«Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять власть в свои руки... Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание... завоевание государственной власти, свержение правительства».

(Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 239, 240)

Такой тактический ход Ленина не сразу нашел понимание и поддержку в руководстве партии. Ленин объявил о возможности своего выхода из ЦК при сохранении за собой права агитировать за свою точку зрения в низах партии и на съезде РСДРП(б).

10 октября нелегально собравшийся ЦК впервые после июля с участием Ленина обсудил вопрос о вооруженном восстании. Десять человек проголосовали «за», двое – «против» (Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев). Они направили в партийные организации обращение «К текущему моменту». В нем утверждалось, что «объявлять сейчас вооруженное восстание – значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции. Учредительное собрание плюс Советы – вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем». Это были серьезные возражения, и их нельзя было игнорировать.

16 октября состоялось новое заседание ЦК. Оно было расширенным: по настоянию Ленина на него были приглашены представители петроградской орга-

низации партии большевиков. Дискуссия развернулась вокруг альтернативы: восстание для перехода власти к Советам или ожидание Учредительного собрания и II Всероссийского съезда Советов, намеченного на конец октября, чтобы прийти к власти мирным путем, через большинство на съезде. Большевики-петроградцы, решительно настроенные на вооруженное свержение Временного правительства, поддержали Ленина. Каменев, Зиновьев и их сторонники оказались в меньшинстве, и ЦК принял ленинскую резолюцию.

Но противники вооруженного восстания не собирались сдаваться. В газете М. Горького «Новая жизнь» Каменев выступил с заявлением. В нем содержалось предупреждение «против всякой попытки брать на себя инициативу вооруженного восстания». Ленин охарактеризовал этот поступок как предательство и потребовал исключения Каменева и Зиновьева из партии. Но редакция «Правды», где важную роль играл Сталин, взяла их под защиту. Кончилось тем, что ЦК запретил Каменеву и Зиновьеву выступать с какими-либо заявлениями.

К этому времени было завершено формирование *Военно-революционного комитета* при Петросовете (ВРК). В этот чрезвычайный орган вооруженного восстания, легально созданный Троцким для защиты города от немцев, вошли 53 большевика, 21 левый эсер, 4 анархиста, представляющие леворадикальные организации Петрограда. Меньшевики и правые эсеры отказались войти в ВРК.

В полдень 25 октября у Марининского дворца, где заседал Предпарламент, появился отряд ВРК. Членам Совета республики было предложено освободить здание, и те послушно разошлись. Ранним утром того же дня Керенский в сопровождении адъютантов на двух автомобилях, один из которых принадлежал посольству США, спешно покинул столицу. Машины мчались по направлению к Пскову. В третий раз за 8 месяцев на сцену выходил «армейский кулак». Еще в начале марта Николай II посылал на Петроград карательные части генерала Иванова. В конце августа главком Корнилов повторил эту попытку. Теперь Керенский спешил за войсками, чтобы с ними вернуться в столицу.

Около 23 ч 25 октября в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов. После I съезда прошло всего 4 месяца, но политическая ситуация радикально изменилась: если на I съезде (в июне) из 800 делегатов 600 были меньшевиками и эсерами, то на II съезде (в октябре) из 650 390 были большевиками. Руководители ВЦИК первого созыва были в отъезде, Чхеидзе и Церетели в Грузии, Чернов на фронте. Был сформирован президиум съезда, председателем избрали большевика Каменева. Во время перерыва пришло сообщение: Зимний дворец занят восставшими, Временное правительство, за исключением Керенского, арестовано и препровождено в Петропавловскую крепость. Боевые действия в столице оказались относительно бескровными – 46 убитых и 50 раненых. Для сравнения: в февральские дни на улицах Петрограда насчитали более 1000 убитых и раненых. Таким образом, в сложившейся обстановке съезд стал единственным властным органом в стране.

В знак протеста против «военного заговора, организованного за спиной съезда», меньшевики и эсеры покинули съезд. Вслед уходящим летели слова Троцкого: «Тем, кто отсюда ушел, как и тем, кто выступает с подобными предложениями [о переговорах с Временным правительством], мы должны сказать: вы – жалкие единицы, вы – банкроты, ваша роль сыграна, отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории!»

Вечером 26 октября состоялось второе заседание съезда. Был избран новый ВЦИК. В него вошли 62 большевика и 29 левых эсеров, председатель – Каменев.

Главные вопросы повестки дня: о мире, о земле, о новом правительстве. По первым двум вопросам выступил Ленин. Декрет о мире предусматривал достижение мира без аннексий и контрибуций. Этим законодательным актом, как метко подметил лидер эсеров Чернов, «большевизм обезопасил себя от всяких усмирительных экспедиций с фронта». Декрет о земле ликвидировал помещичье землевладение, объявлял национализацию земли, вводил уравнительное землепользование по количеству едоков в семье. По третьему вопросу, учитывая уход социалистов, ЦК большевиков предложил создать правительство – Совет народных комиссаров – из одних большевиков во главе с Лениным. Съезд утвердил временное рабоче-крестьянское правительство из народных комиссаров (руководителей Народных комиссариатов, новых центральных органов управления) до созыва Учредительного собрания.

Состав Совета народных комиссаров (Совнаркома):

Председатель – Ульянов (Ленин) Владимир Ильич (1870–1924)

Наркомат внутренних дел – Рыков Алексей Иванович (1881 – 1938), репрессирован

Наркомат земледелия – Милютин Владимир Павлович (1884–1937), репрессирован

Наркомат труда – Шляпников Александр Гаврилович (1885–1937), репрессирован

Комитет по делам военным и морским – Антонов (Овсеев) Владимир Александрович (1883–1938), Крыленко Николай Васильевич (1885–1938), Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938), репрессированы

Наркомат торговли и промышленности – Ногин Виктор Павлович (1878–1924)

Наркомат просвещения – Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933)

Наркомат финансов – Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870–1928)

Наркомат иностранных дел – Бронштейн (Троцкий) Лев Давидович (1879–1940), убит агентом советской госбезопасности в Мексике

Наркомат продовольствия – Теодорович Иван Адольфович (1875–1937), репрессирован

Наркомат почт и телеграфа – Авилов (Глебов) Николай Павлович (1887–1942)

Наркомат юстиции – Оттоков (Ломов) Георгий Ипполитович (1888–1937), репрессирован

Наркомат по делам национальностей – Джугашвили (Сталин) Иосиф Виссарионович (1879–1953)

Наркомат железнодорожного транспорта – Елизаров Марк Тимофеевич (1863–1919)

Всего вместо прежних министерств было образовано 13 новых центральных органов управления – Народных комиссариатов. До конца 1917 г. дополнительно были созданы:

Наркомат государственного призрения (29 октября) – Коллонтай Александра Михайловна (1872–1952),

Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) (1 декабря) – председатель Оболенский (Осинский Н.) Валериан Валерианович (1887–1938), репрессирован,

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) (7 декабря) – председатель Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926).

По своему составу первое советское правительство радикально отличалось от последнего императорского и Временного правительств. Рабочие, матросы и солдаты, участвовавшие в вооруженном восстании, считали его своим, рабоче-крестьянским.

Из 92 человек, работавших в первом советском правительстве в 1917–1918 гг., 51 человек вступил в партию большевиков до 1904 г., 20 – с 1904 до 1908 г., 19 – с 1908 до октября 1917 г. Правительство было молодым по возрасту: 15 человек имели возраст от 47 до 55 лет (старейшим являлся Елизаров – 55 лет, 47 лет было Ленину и Скворцову-Степанову), 38 человек – от 37 до 47 лет (Сталин и Троцкий), 33 человека – от 27 до 36 лет и 4 человека были моложе 27 лет. 51 человек из этого состава правительства имел высшее или незаконченное высшее образование, 18 человек – среднее или специальное образование.

Между тем Керенский направил на Петроград казачьи сотни 3-го конного корпуса генерала П.Н. Краснова. К они вечеру достигли Луги, 27-го вошли в Гатчину, а 28-го захватили Царское Село. Над большевиками нависла серьезная угроза.

Меньшевики и эсеры, уйдя со съезда, продолжили свою борьбу.

29 октября на заседании ВЦИК делегат от Всероссийского исполнительного комитета профсоюза железнодорожных рабочих и служащих (Викжель) огласил резолюцию о власти. Заявляя, что большевистский Совнарком представляет интересы не всей страны, а только одной политической партии, Викжель требовал создать новое правительство, включающее все без исключения социалистические партии, так называемое однородное социалистическое правительство. В противном случае исполком грозил большевикам всеобщей железнодорожной стачкой. Перед этим Викжель установил контакты с Комитетом спасения родины и революции, возникшим сразу после свержения Временного правительства.

В обстановке политической нестабильности – казаки Краснова в предместьях Петрограда, в самой столице восстали юнкера, затяжные бои за власть в Москве – большевики решили пойти на переговоры с Викжелем. Однако их лидеры (Ленин и Троцкий) не видели особого смысла в этих переговорах, считали их бесперспективными. Направленные же на встречу представители большевистского руководства не были фигурами первой величины и вряд ли могли добиться каких-либо ощутимых результатов. В конечном итоге переговоры свелись к многочасовым словопрениям, нежеланием обеих сторон найти точки соприкосновения и расширить социальный базис власти. Такое расширение в перспективе открывало бы возможность проведения революционных преобразований в относительно мирной форме, без острой социальной ломки. Укрепление однопартийного режима диктатуры пролетариата неминуемо вело к умалению роли Советов в политической системе страны, к превращению их в придаток партийных органов. Создание власти одной партии, без политических оппонентов и союзников с неизбежностью обусловило также свертывание плюрализма взглядов и идей, ускорило развязывание в стране гражданской войны.

Большевики к этому времени укрепили лидирующие позиции. Мятёж юнкеров был подавлен. В бою под Пулковом генерал Краснов потерпел неудачу и отвел свои части в Гатчину. Делегаты от его казаков, которые больше всего желали возвращения в родные станицы, сообщили о своем желании начать мирные переговоры. Условие было простым: выдать Керенского в обмен на пропуск казаков на Дон с оружием и лошадьми. Гатчина для Керенского стала концом его политической карьеры, он вынужден был перейти на нелегальное положение. Краснов был арестован и доставлен в Петроград, но вскоре освобожден «под честное слово офицера» не поднимать оружие против советской власти. 2 ноября завершились боевые действия в Москве, продолжавшиеся без малого неделю. Два дня Первопрестольная хоронила убитых в гражданском противостоянии. В этих условиях ЦК РСДРП(б) под давлением Ленина и Троцкого принимает решение о прекращении переговоров с Викжелем. Пятеро несогласных (Каменев, Зиновьев, Ногин, Рыков, Миллютин) подали заявление о своем выходе из ЦК и отставке из состава правительства и ВЦИК. Ленин объявил поведение «отставников» и тех, кто с ними солидаризировались, дезертирством и предложил решительно осудить «преступное викжелание». Первый правительственный кризис у большевиков не повлек каких-либо серьезных последствий, просто были назначены новые наркомы.

Еще одним шансом в деле реализации демократической альтернативы развития политических процессов в стране стало *Учредительное собрание*.

В ноябре 1917 г. впервые в истории России состоялись всеобщие выборы. Блок социалистических партий собрал более половины голосов избирателей, большевики получили поддержку четверти населения страны. Буржуазные партии не собрали и одной седьмой части голосов. Большевики предложили большинству Учредительного собрания признать существующее правительство и его декреты как реальность. Отказ депутатов привел к тому, что собрание было распущено *5 января 1918 г.*, едва успев начать свою работу. Верные большевикам воинские части силой оружия разогнали в Москве и Петрограде демонстрации его сторонников. Пролилась кровь.

Становление советской власти в провинции постепенно перерастало в гражданскую войну. На Дону формировался всероссийский антисоветский центр. Сюда бежали из-под ареста генералы, участники Корниловского мятежа. Прибывали многие политические деятели вчерашней России: генерал Алексеев, лидер кадетов Миллюков, бывший председатель Государственной думы Родзянко. Сложным оставалось положение на Украине, в Прибалтике, Закавказье и Туркестане. В Центральном промышленном районе России советы ряда городов (Костромы, Твери, Брянска, Ярославля, Рязани, Владимира и др.) обладали реальной властью еще до октября 1917 г. Они лишь узаконили свое положение. В поволжских городах (Самаре, Царицыне, Сызрани, Симбирске) власть Советов установилась мирным путем. В Калуге и Туле этот процесс затянулся до конца года, а в уездах и того дольше. В Западной Сибири Советы взяли власть лишь в декабре 1917 г., а на Дальнем Востоке – весной 1918 г.

Сражаясь с легальной оппозицией, большевики время не теряли. 29 октября Совнарком принял декрет «О восьмичасовом рабочем дне». Закон устанавливал, что рабочий день не должен превышать 8 ч, не считая перерыва на обед. Для лиц, не достигших 18 лет, рабочее время сокращалось до 6 ч. Работать по найму могли лишь достигшие 14-летнего возраста.

13 ноября в полосе обороны Западного фронта парламентарии двинулись к немецким окопам. У них имелись официальные полномочия нового главковерха прапорщика Крыленко на ведение переговоров об установлении перемирия на всем Восточном фронте. Немцы согласились, предлагая начать их 19 ноября в Ставке своего верховного командования – Брест-Литовске. Крыленко тут же издал приказ о прекращении огня. Разрешались только ответные боевые действия. 9 декабря начались *мирные переговоры*. Условия советской делегации были известны: мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения всех народов.

На предприятиях всех форм собственности был введен рабочий контроль, началась национализация промышленности – перевод частных предприятий в собственность государства. Были аннулированы внутренние и внешние займы прежних правительств, национализированы коммерческие банки. Однако это не принесло желаемой стабильности, а еще туже затянуло узлы противоречий в стране, обострило фактически уже начавшуюся в стране гражданскую войну.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

К РАЗДЕЛУ IV

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Февральская революция 1917 г. Сборник документов. М., 1996.
 Тайна Октябрьского переворота: Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания. СПб., 2001.
Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 2003.
Керенский А.Ф. На историческом повороте. Мемуары. М., 1993.
Набоков В.Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1991.
Никитин Б. Роковые годы. М., 2000.
Родзянко М.В. Крушение империи. М., 1990.
Савинков Б. Воспоминания террориста. М., 2006.
Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993.
Троцкий Л. Моя жизнь. М., 2006.
Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993.
Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990.

Литература

- Боханов А.Н.* Сумерки монархии. М., 1993.
Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.
Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов. М., 2008.
Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917 – 1920 год. М., 2002.
Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.
Пейн Р. Ленин: жизнь и смерть. М., 2008.
Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997.
Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания. Портрет в интерьере эпохи. М., 2008.
Руднева С.Е. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.). История форума. М., 2000.
Руднева С.Е. Предпарламент. Октябрь 1917 года. Опыт исторической реконструкции. М., 2006.
Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция. М., 2005.

Сенин А.С. Московский железнодорожный узел, 1917–1922. М., 2004.

Старцев В.И. 27 февраля 1917. М., 1984.

Ушаков А., Федюк В. Лавр Корнилов. М., 2006.

Электронные ресурсы

www.nivestnik.ru – журнал «Новый исторический вестник»

Иоффе Г. Революционер. Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19) – 4 (22).

Мартынова А.Е. Российское студенчество и Февральская революция // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13).

Марченя П.П. Массы и партии в 1917 г. Массовое сознание как доминанта русской революции // Новый исторический вестник. 2008. № 2 (18).

Марченя П.П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17).

Найдис С.М. И.И. Петрункевич: в России и в эмиграции // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9).

Сенин А.С. Борьба за власть на российских железных дорогах: Викжель, Викжедор, Всопрофжель... (1917–1918 гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Какие проблемы должна была, по-вашему, разрешить Февральская революция? Была ли она неизбежна?
2. Каков характер Февральской революции? Можно ли считать ее завершенной?
3. Каковы результаты и историческое значение Февральской революции 1917 г.?
4. Что стало высшим органом государственной власти в России после отречения императора от престола?
5. Объясните сущность двоевластия. Как и в силу каких обстоятельств оно сложилось?
6. Как и почему менялся партийный состав Временного правительства?
7. Как и почему менялись лозунги партии большевиков от февраля к октябрю 1917 г.?
8. Почему провалилось наступление на Юго-Западном фронте в июне 1917 г.?
9. Как изменились настроения общества в России летом-осенью 1917 г.? Чем это было вызвано?
10. Сравните А.Ф. Керенского и генерала Л.Г. Корнилова как политиков. В чем заключались причины конфликта между ними? Какой характер носил этот конфликт? Аргументируйте свои ответы.
11. Действительно ли события, названные Корниловским мятежом, являлись военным мятежом против правительства? Аргументируйте свой ответ.

12. Какие явления и события позволяют характеризовать разразившийся в России осенью 1917 г. кризис как общенациональный?

13. Как изменились состав правительства и центральные органы управления после октября 1917 г.?

14. Какие факторы определяли позицию Викжеля в ноябре 1917 г.?

15. Кто из руководителей большевиков и почему поддержал программу Викжеля?

16. Что побудило большевиков пойти на разгон Учредительного собрания?

17. Оцените возможности Учредительного собрания установить контроль над ситуацией, сложившейся в России к началу 1918 г.

18. Будучи в изгнании (середина 1930-х гг.), Л.Д. Троцкий записал в своем дневнике: «Если бы в Петрограде не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции, руководство большевистской партии помешало бы ей совершиться». Можно ли согласиться с этим? Был ли Октябрь 1917 г. в России исторически неизбежен? Аргументируйте свое мнение.

Раздел V

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1917 – 1922 год.

Лекция 18

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Гражданская война в России явилась итогом глубочайшего кризиса, в который Россия погружалась на протяжении начала XX в. Незавершенность запоздалых реформ, экономическая слабость, усугубленная Русско-японской, а затем и Первой мировой войнами, колоссальность жертв, понесенных в этих войнах, размывание авторитета власти, крах официальной идеологии, развал государственного аппарата и армии – все это повлекло радикализацию масс, революционные взрывы 1905 и 1917 гг., крушение монархии, распад страны. Апогеем идейного, социально-политического раскола российского общества и стала ожесточенная междоусобная (гражданская) война.

Гражданская война – открытое вооруженное противостояние соперничающих за власть в стране непримиримо враждебных сил, каждая из которых претендует на единственно верное понимание и выражение истинных жизненных интересов граждан данной страны. Такие войны отличают особая жестокость и практически всеобщая вовлеченность гражданского населения.

Начало Гражданской войны в России ознаменовалось в конце октября – начале ноября 1917 г. вооруженными столкновениями в Петрограде и Москве. Они были развязаны руководителями партии большевиков, рвавшимися к власти. Дальнейшее расширение масштабов войны и ее затягивание вплоть до конца 1922 г. (на российском Дальнем Востоке) обуславливалось стремлением большевиков, захвативших государственную власть, монополизировать ее, уничтожив многочисленных противников. Наиболее активные и непримиримые антибольшевистские силы объединились в Белом движении.

Белое движение – совокупность государственных образований, вооруженных сил, политических институтов и общественных организаций, боровшихся в годы Гражданской войны против диктатуры большевиков в России военными, экономическими, политическими и идеологическими средствами с целью ее ликвидации в масштабах всей страны. В ходе войны главное место занимал

военный аспект (создание боеспособной вооруженной силы). Второстепенными, вспомогательными были вопросы государственного строительства и «устройства тыла», в связи с чем решались вопросы внутренней и внешней политики (крестьянский, рабочий, национальный), создавался государственный аппарат, регулировалась экономическая жизнь. Термин возник после окончания Гражданской войны, в эмигрантский период антибольшевистской борьбы.

Для большевиков подавление сопротивления противников было единственной возможностью удержать власть в крестьянской стране с целью превращения ее в базу международной социалистической революции. Оценивая опыт Парижской коммуны, В.И. Ленин считал главной причиной ее гибели неспособность «подавить сопротивление свергнутых эксплуататоров». Большевики были совершенно уверены в исторической оправданности и справедливости применения беспощадного насилия против своих врагов и «эксплуататоров» вообще, а также принуждения по отношению к колеблющимся средним слоям города и деревни, прежде всего крестьянству.

Для многих участников Белого движения – офицерства, казачества, интеллигенции, помещиков, буржуазии, бюрократии и духовенства – вооруженное сопротивление большевикам было единственным средством борьбы за возвращение утраченной власти и сохранение России в их традиционном понимании. На протяжении всей войны смысл существования Белого движения, ведущей силы антибольшевистского лагеря, состоял в попытках на части территории бывшей империи воссоздать армию и государственный аппарат, восстановить права собственности и свободу торговли, мобилизовать все возможные людские и хозяйственные ресурсы для того, чтобы создать массовую и снабженную всем необходимым армию, обеспечить ей поддержку со стороны большинства населения и свергнуть власть большевиков. На стороне белых были опыт государственного управления, знание военного дела, накопленные материальные богатства, а также тесные связи со странами Запада. К этому добавились оскорбленность в патриотических чувствах, решимость защитить цивилизацию и культуру, классовая ненависть к «черни», нараставшие в борьбе жестокость и мстительность, острая жажда возмездия. Все это вместе взятое в значительной мере компенсировало их численное меньшинство.

Решающим фактором, определявшим ход войны, стала позиция крестьянства (более 80% населения), колебавшегося от пассивности до активной вооруженной борьбы против красных и белых. Это была крестьянская реакция на политику большевистской диктатуры, а равно и диктатур белых генералов. В результате соотношение сил «красных» и «белых» неоднократно менялось, что в конечном итоге предопределило исход войны.

Упрочение власти большевиков, их внутренняя и внешняя политика, распад Российской империи и зарождение Белого движения вызвали активное вмешательство в Гражданскую войну в России ведущих мировых держав. Их побудило к этому прежде всего стремление реализовать собственные экономические и политические интересы за счет России: в идеале – расчленив Россию и навсегда вывести ее из разряда великих держав, устранив таким образом конкурента. При этом задача ликвидации чуждого им большевистского режима являлась вторичной. Хотя возможности держав ограничивались социально-экономическим кри-

зисом, вызванным мировой войной, их военная интервенция, а также материальная помощь белым армиям существенно повлияли на ход войны.

Противовесом интервенции, «экспорта контрреволюции» стали упорные попытки большевиков осуществить «экспорт революции» в молодые национальные государства, образовавшиеся из окраин развалившейся Российской империи. Большевики стремились вооруженным путем «советизировать» их, чтобы расширить плацдарм «мировой социалистической революции», вызвать революционные взрывы в сопредельных странах Европы и Азии. Ряд факторов, как внутренних, так и международных, способствовал частичной реализации стратегии большевиков.

Многие народы, чьи территории входили в состав Российской империи, в условиях Гражданской войны восстановили или впервые обрели государственную независимость, вступив на путь демократического развития. Отстаивая национальные интересы, их правительства своей политикой способствовали ослаблению антибольшевистского лагеря; иногда их вооруженные силы действовали против «белых». Но с другой стороны они существенно ограничили большевикам возможность «экспорта революции». Наиболее значительную роль в этом сыграли Польша, Эстония и Грузия.

Чтобы понять закономерности хода Гражданской войны, выявить ведущие тенденции в кажущемся хаосе событий, вскрыть главные факторы победы большевистской диктатуры и поражения Белого движения, необходимо положить в основу изучения Гражданской войны четкую периодизацию, основанную на фиксации действительно переломных моментов, когда в силу многообразных и взаимосвязанных причин резко менялось соотношение сил.

Первым таким переломным моментом явился насильственный захват большевиками власти и создание ими однопартийного правительства, Совета народных комиссаров (Совнаркома, СНК), во главе с Лениным 25–26 октября 1917 г.

С 1 февраля 1918 г. СНК ввел на территории России григорианский календарь (новый стиль). Разница между ним и юлианским календарем (старым стилем) в XX в. составляет 13 дней, поэтому 1 февраля стало 14-м. События, произошедшие до 1(14) февраля, принято датировать старым стилем, после 1(14) февраля – новым.

Захват большевиками власти дал решающий толчок возникновению Белого движения. Дальнейшие победы и поражения воюющих армий на фронтах (независимо от численности войск и протяженности фронтов) определялись соотношением военных сил большевистского государства и антибольшевистских государственных образований. А силы эти в свою очередь прямо зависели от их экономических ресурсов, от массовости социальной опоры, от помощи со стороны зарубежных союзников, от политико-морального состояния фронта и тыла.

Первый период Гражданской войны (октябрь 1917 – февраль 1918 г.) отличался относительной быстротой и легкостью установления власти «советских партий» (большевиков и их первоначальных союзников – *левых эсеров* и мелких партий социал-демократического толка) и ликвидации вооруженного сопротивления их противников (под Петроградом, в Москве, на Украине, Дону, Кубани и т. д.).

Левое крыло в Партии социалистов-революционеров возникло в годы Первой мировой войны как оппозиционное руководство партии, в 1917 г. выступа-

ло против продолжения войны, сотрудничества с Временным правительством как «контрреволюционным» и коалиции с кадетами. На II Всероссийском съезде советов левые эсеры голосовали за большевистские декреты о мире и о земле, были избраны во ВЦИК. В ноябре образовали самостоятельную партию.

Для этого периода характерна прежде всего широкая социальная опора у большевиков. Они решительно ликвидировали помещичье (и вообще частное) землевладение, декларировали передачу земли крестьянам, приступили к выводу страны из мировой войны, ввели рабочий контроль в промышленности, признали право народов бывшей империи на обретение государственной самостоятельности. Поэтому основная масса населения поддержала их. Эта массовая поддержка компенсировала численную и организационную слабость первоначальной вооруженной силы большевиков (отрядов *Красной гвардии*, революционно настроенных матросов и солдат старой армии).

Однако первые же дни и недели пребывания у власти развеяли дооктябрьские иллюзии большевиков о невозможности упорного и организованного сопротивления «свергнутых эксплуататоров» и скорой помощи со стороны европейского пролетариата. Правительство Ленина сразу же столкнулось с саботажем чиновников министерств и крупных общественных и коммерческих организаций: те упорно отказывались выполнять декреты (законодательные декларации) Совнаркома и ВЦИК.

Саботаж – намеренный срыв работы учреждения или предприятия, противодействие выполнению решений правительства.

Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК), избиравшийся съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских (впоследствии – красноармейских), – псевдопарламент, фактически не обладавший реальной властью и являвшийся ширмой всевластия Совнаркома.

Те, кто поднялись на вооруженную борьбу против власти большевиков (офицеры, казаки тыловых частей, юнкера, студенты и гимназисты), в первые послеоктябрьские месяцы не обрели сколько-нибудь значительной социальной опоры. Поэтому их попытки организовать сопротивление в обеих столицах, в других городах, на фронте и в казачьих областях оказались слабыми.

Донскому атаману *А.М. Каледину* не удалось поднять казаков-фронтовиков против Совнаркома, ибо казачьи части, возвращаясь с фронта, расходились по домам. Уставшие от войны казаки не хотели драться, а тем более с большевиками, объявившими о прекращении германской войны. По этой же причине генералам *М.В. Алексееву* и *Л.Г. Корнилову* за декабрь 1917 – январь 1918 г. не удалось сформировать на Дону многочисленную армию из добровольцев.

Генерал от кавалерии Каледин Алексей Максимович (1861–1918) из старинного донского казачьего рода, окончил Михайловское артиллерийское училище в 1882 г. и Николаевскую академию Генштаба в 1889 г. Участвовал в Первой мировой войне; с марта 1916 г. по май 1917 г. командующий 8-й армией, прорвавшей Аавстро-венгерский фронт у Луцка во время Брусиловского прорыва. В июне 1917 г. Донским войсковым кругом был избран атаманом Донского казачьего войска. 29 января 1918 г., когда выяснилось, что казаки отказались защищать Новочеркасск, «столицу» Дона, и его неминуемо должны занять посланные на Дон Совнаркомом отряды Красной гвардии, солдат и матросов, сложил с себя полномочия и застрелился.

Генерал от инфантерии Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) из семьи солдата, окончил Московское пехотное юнкерское училище в 1876 г. и Николаевскую академию Генштаба в 1890 г. Участвовал в Русско-турецкой 1877–1878 гг., Русско-японской и Первой мировой войнах. С августа 1915 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего русской армией, в апреле – мае 1917 г. Верховный главнокомандующий, с 30 августа – начальник штаба главноверха А.Ф. Керенского. 11 сентября подал в отставку. После захвата власти большевиками уехал из Петрограда в Новочеркасск, где приступил к формированию добровольческих частей из офицеров и юнкеров. С января по август 1918 г. ведал в Добровольческой армии финансами, внешней и внутренней политикой. Умер от болезни.

Генерал от инфантерии Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) из семьи казачьего офицера Сибирского казачьего войска, окончил Михайловское артиллерийское училище в 1892 г. и Николаевскую академию Генштаба в 1898 г. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. С августа 1914 г. командир 48-й пехотной дивизии, в апреле 1915 г. попал в плен, в июле 1916 г. бежал. В марте-апреле 1917 г. командовал войсками Петроградского военного округа, в мае-июне командовал 8-й армией, в июле – войсками Юго-Западного фронта. С 18 июля – Верховный главнокомандующий русской армией. 25 августа отказался подчиниться главе Временного правительства А.Ф. Керенскому. 2 сентября был арестован и заключен в тюрьму в г. Быхове. 19 ноября был освобожден и уехал в Новочеркасск, где 25 декабря 1917 г. вступил в командование Добровольческой армией.

В Добровольческую армию вступили 5 тыс. офицеров, юнкеров и гимназистов старших классов. Не удержавшись на Дону, армия в феврале двинулась на Кубань, рассчитывая получить там поддержку казачества. Эти расчеты не оправдались: кубанские казаки, как и донские, не хотели воевать. Добровольцам, оказавшимся во враждебном окружении местного населения, на Кубани пришлось вступить в партизанскую войну на выживание.

В ряду антибольшевистских выступлений ярким, трагическим событием стало казачье Астраханское восстание, до недавнего времени мало известное.

К началу января 1918 г. в Астрахани и всей Астраханской губернии царила предгрозовая атмосфера. Войсковое правительство Астраханского казачьего войска и Астраханский ВРК были готовы начать открытую борьбу друг с другом и находились в напряженном выжидании. Город патрулировали одновременно красногвардейские и казачьи патрули. Все силы противостоящих сторон были приведены в полную боевую готовность. «Атмосфера в городе все больше и больше накалялась. Днем – срывание погон с офицеров. По ночам – обыски, аресты, патрули. По ночам слышались выстрелы. Предчувствие приближения грозы было у всех. Автомобили носились по городу...» – писал очевидец событий.

В большинстве уездов вернувшимися домой солдатами-фронтовиками была уже установлена советская власть. ВРК, опиравшийся на поддержку солдат гарнизона, населения рабочих окраин, по примеру Саратова и Царицына, уже разогнавших «свою контру», счел необходимым перейти к решительным действиям. Предъявив ультиматум о прекращении работы «примиренческому» эсеро-меньшевистскому Комитету народной власти, ВРК назначил на 15

января созыв губернского съезда Советов с целью провозглашения в губернии советской власти.

Атаман И.А. Бирюков при поддержке войскового штаба и правительства принял решение о немедленном выступлении против большевиков всеми наличными силами, не дожидаясь прибытия в город Астраханской казачьей бригады. Силы были невелики: две офицерские роты, полк казаков-добровольцев, Астраханская четырехорудийная батарея, переукомплектованная офицерами, рота студентов и гимназистов, записавшихся в «вольные казаки». Общая их численностью составляла 1600–1700 человек.

Большевикам также приходилось рассчитывать только на добровольческие формирования: отряды из солдат 156-го запасного пехотного полка, Красную гвардию и партизанские отряды из крестьян-фронтовиков ближайших к городу уездов.

В ночь с 11 на 12 января казаки развернули боевые действия против большевиков. Начали с артобстрела крепости. Однако заставить врасплох уже подготовившиеся к атаке силы ВРК не удалось. Председатель ВРК есаул М.Л. Аристов загодя получил необходимую информацию от сочувствовавших большевикам казаков. Передовые казачьи и офицерские отряды увязли в стычках и перестрелках в городских кварталах. В крепость и порт по условленному сигналу были стянуты красные добровольческие отряды из рабочих и крестьян. Партизанские отряды действовали в русских и татарских кварталах, на городских окраинах в тылу у наступающих казаков. Вглубь этих тупиков казаки идти не решались: здесь из каждого дома мог раздаться внезапный выстрел в спину.

Кровавая схватка в Астрахани затянулась почти на две недели. Бои шли с переменным успехом. Несколько раз восставшим казакам удавалось почти вплотную подойти к крепости, но все попытки лобового штурма были отбиты. Не удались и фланговые атаки с целью окружить главную цитадель противника, отрезать ее от источников пополнений. Центр города полыхнул пожарами.

Время работало против восставших. Большая часть казаков Астраханской бригады, так же как и 3-го полка и Запасной сотни, от участия в боевых действиях отказалась. Боеспособность подходила к концу. Ожидавшаяся помощь от союзников – калмыков, донских казаков, Добровольческой армии – не пришла. Крестьяне уездов оказывали на станции давление, требуя возврата добровольцев и угрожая в противном случае сжечь беззащитные казачьи дома. Моральный дух казаков падал. Большевики же, напротив, 19 января получили ободряющее известие от саратовских и царицынских однопартийцев: вдоль железнодорожной ветки Саратов – Астрахань на подмогу им продвигается Восточная армия под командованием С.И. Загуменного (около 2 тыс. штыков, 40 пулеметов, 6 орудий), по мере движения пополняясь крестьянами Саратовской и Астраханской губерний.

К 20 января в руках казаков остались лишь северо-восточная окраина города и железнодорожный вокзал. Однако неожиданно казаки тоже получили помощь – от уральцев и оренбуржцев. Пробиравшиеся с Западного фронта в родные станции 1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион под командованием войскового старшины Пискунова и отряд уральцев (30 человек

при двух пулеметах) во главе с полковником В.С. Толстовым откликнулись на просьбу астраханцев и согласились принять участие в борьбе.

Воспрянув духом, 22–23 января казаки снова начали решительный штурм центра города и крепости. Но вновь потерпели поражение и, понеся потери, отступили к вокзалу. Оренбуржцы и уральцы, не желая увязнуть в боях и остаться без оружия и боеприпасов, заторопились воссоединиться. Деморализованные казаки стали покидать свои части. Войсковое правительство приняло решение об оставлении Астрахани. 24 января, разделившись на два отряда, казаки отступили из города. Началось преследование и избиение восставших. Их отряды были рассеяны. Атамана И.А. Бирюкова, руководителей и участников восстания станичники выдали Астраханскому ВРК для организации открытого процесса над ними.

По Астрахани прокатилась волна насилия. Большие потери большевиков – около 2 тыс. человек убитыми и ранеными – распалили жажду мести. Астраханская помещица М. Румянцева писала своей подруге в Симбирск: «Столько жертв, столько бедствий. Лучшая часть города сгорела, так как сожжена большевиками... магазины разграблены или сгорели, 1-я гимназия... сгорела. Директор 1-ой гимназии чудом спасся от расстрела. Били его до потери сознания, был долгое время глухим от побоев, все его имущество сгорело. Директора Мариинской гимназии таскали с издевательствами по улицам, и он до сих пор сидит. Но самое ужасное – было избиение учащихся за то, что многие участвовали в боях как белогвардейцы. Хватали не только больших, но и 11–12-летних, которые, конечно, не могли участвовать в этой войне, и чинили над ними дикую расправу. Многих избивали и расстреливали тут же на улице, некоторых тащили в крепость, где они сидят до сих пор и ждут суда. И теперь еще в форме нельзя показываться. У наших знакомых толпа растерзала сына – реалиста последнего класса. Столько горя, столько слез теперь в Астрахани!»

Экспедиционные отряды большевиков прошились по казачьим станицам в поисках оружия и офицеров. Астраханское казачье войско было ликвидировано. К весне 1918 г. астраханские станицы и улусы Калмыцкой степи заявили о признании советской власти.

В конце 1917 – начале 1918 г. большевистская власть оказалась защищенной от интервенции. Обострившаяся до предела вооруженная борьба Антанты и Четверного союза на Западном фронте, а с другой стороны – недооценка опасности большевизма в правительственных кругах Великобритании, Франции и США не позволили им немедленно оказать поддержку антибольшевистским силам в России.

Большевики впервые осуществили «экспорт революции» в образовавшуюся в ноябре 1917 г. Украинскую народную республику, высшим органом власти которой стала Центральная рада, составленная из представителей украинских социалистических партий (эсеров, меньшевиков и т. п.). Центральная рада отказалась признать большевистский Совнарком и взяла курс на отделение Украины от России. Тогда руководство большевиков в декабре 1917 г. организовало в Харькове 1-й Всеукраинский съезд Советов, который провозгласил Украину Советской республикой, объявил Центральную раду вне закона и сформировал правительство в основном из большевиков. Российское большевистское прави-

тельство оказало содействие украинскому в формировании войск, направив на их усиление отряды Красной гвардии, солдат и матросов из России. Исполняя организованные большевиками вооруженные выступления рабочих в украинских городах, советские войска свергли власть Центральной рады на большей части территории Украины. Киев был взят 26 января 1918 г. В ответ на насильственную вооруженную «советизацию» Украины Центральная рада провозгласила независимость Украинской народной республики (11 января) и пошла на заключение мира с Германией и ее союзниками в Бресте (27 января). В соответствии с договором германские войска должны были очистить Украину от большевиков в обмен на поставки продовольствия.

Активность и многообразие сопротивления большевикам было в немалой степени спровоцировано последовательным стремлением большевистского руководства монополизировать власть в стране, физически уничтожив все прочие политические силы, включая даже социалистические, демократические (меньшевики, эсеры и т. п.). С первых дней своего пребывания у власти большевики приступили к созданию аппарата собственной диктатуры. Особая роль при этом отводилась карательно-репрессивным органам. Первым из них стала *Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК)*, созданная 7 декабря 1917 г. Председателем ее назначили одного из старейших большевиков-ленинцев, *Ф.Э. Дзержинского*.

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) родился в польской шляхетской семье в Виленской губернии (Западного края Российской империи). В 7-м классе гимназии вступил в социал-демократический кружок и вскоре бросил учебу, считая, что «надо быть ближе к массе и самому у ней учиться» (из автобиографии 1921 г.). Путь профессионального революционера начал в качестве агитатора, «проникая в совершенно не тронутые массы – на вечеринки, в кабаки, там, где собирались рабочие». С 1898 г. на нелегальном положении. Неоднократно арестовывался полицией, по приговору суда высылался в Вятскую губернию и Восточную Сибирь, бежал из ссылки, переходил границу, жил в эмиграции. Один из организаторов вооруженных выступлений в 1905–1908 гг. в Западном крае. В 1906 г. был введен в состав ЦК РСДРП. С 1912 по февраль 1917 гг. отбывал заключение в каторжных тюрьмах. С августа 1917 г. член ЦК РСДРП(б). В период подготовки и проведения вооруженного восстания член Петроградского ВРК. В начале декабря по личному поручению В.И. Ленина организует ВЧК, с 7 декабря бессменный председатель ВЧК (впоследствии ГПУ, ОГПУ). Одновременно с 25 марта 1919 г. нарком внутренних дел РСФСР, с 20 февраля 1920 г. председатель Главного комитета по всеобщей трудовой повинности, с 14 апреля 1921 г. нарком путей сообщения, со 2 февраля 1924 г. председатель ВСНХ СССР. Умер 20 июля 1926 г. во время выступления на одном из партийных заседаний, где резко критиковал высшее партийное руководство.

За первые месяцы своей работы ВЧК при поддержке большевистского Совнаркома дополнительно к оперативно-розыскным функциям присвоила себе также право суда и приведения в исполнение вынесенных ею же приговоров. Уже к лету 1918 г. ВЧК развернула широкую сеть своих местных подразделений (губернских, городских, уездных ЧК), в которых работали несколько тысяч сотрудников, и сформировала корпус собственных войск численностью более 26

тыс. бойцов. Тем самым ВЧК превратилась в универсальный и мощный инструмент укрепления диктатуры большевиков.

5 января 1918 г. в Петрограде начало работу Учредительное собрание.

Требование созыва Учредительного собрания было центральным в программах большинства социалистических и либеральных партий (от меньшевиков до кадетов). Соответствующий пункт содержался и в программе партии большевиков. Предполагалось, что, будучи избранным путем всеобщих равных прямых выборов при тайном голосовании, оно сможет решить основные проблемы развития страны – обеспечить справедливое решение аграрного и рабочего вопросов, определить форму правления, разработать и принять конституцию страны. В выборах, назначенных и подготовленных еще Временным правительством и проведенных уже при большевиках в ноябре – декабре 1917 г., приняли участие около половины избирателей. Итоги первых в истории России свободных, демократических выборов (впервые голосовали женщины, солдаты и неимущие) показали, что большевики не имеют поддержки большинства населения. Эсеры получили 40,6% голосов, прочие социалистические партии – 17,8%, большевики – 22,9%, остальные 18,7% голосов были отданы кадетам, представителям национальных, областнических, казачьих объединений и правых организаций.

Получив в результате первых в России истинно демократических выборов большинство в собрании, социалисты во главе с эсерами, а также поддерживавшие их беспартийные депутаты, не примирившись с незаконным захватом власти большевиками, намеревались сформировать новое правительство вместо Совнаркома. В этом правительстве, считали они, могли быть представлены все демократические силы, но в нем не должно было быть места лидерам большевиков Ленину и Троцкому.

Троцкий (настоящая фамилия – Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) из семьи зажиточного крестьянина-колониста, сотрудничал в качестве журналиста и редактора в социал-демократических изданиях, в 1905 г. возглавлял Петербургский совет рабочих депутатов, в сентябре 1917 г. вступил в партию большевиков, был одним из руководителей Октябрьского переворота в Петрограде, с 26 октября 1917 г. по 22 февраля 1918 г. народный комиссар по иностранным делам, с марта 1918 г. народный комиссар по военным делам, с сентября 1918 г. до января 1925 г. председатель Реввоенсовета РСФСР (СССР).

Поэтому 6 января по решению Ленина большевики разогнали Учредительное собрание, предварительно расстреляв организованные в его поддержку в Петрограде народные демонстрации, и сразу вслед за тем начали репрессии против своих бывших товарищей по борьбе с самодержавием: социалистические партии были объявлены контрреволюционными, их газеты закрывались, их лидеры и активисты арестовывались. Единственной партией, которая поддержала большевиков в деле разгона Учредительного собрания, стали левые эсеры, чьи представители еще в декабре получили 7 мест в Совнаркоме.

Разгон всенародно избранного Учредительного собрания под предлогом его «контрреволюционности» явно обнаружил стремление партии Ленина любыми способами удержать захваченную власть и тем самым поколебал симпатии к ней крестьян и части рабочих, вызвал рост враждебности к ней среди интеллигенции, мелкой и средней городской буржуазии.

10 января в Таврическом дворце начал работу *III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов*, а 13 января к нему присоединились делегаты открывшегося *III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов*. Слияние Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов произошло и на местах. Так было завершено создание единой системы Советов.

Постановлением *III объединенного Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов* «О федеральных учреждениях Российской Республики» провозглашалось учреждение федерации советских республик, основанной на добровольном союзе всех народов, населяющих Россию, – Российской социалистической федеративной советской республики (РСФСР).

15 января, в дни работы съезда, СНК принял декрет о создании *Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА)*, комплектуемой на добровольных началах из рабочих и крестьян. 18 января *III съезд Советов* утвердил «*Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа*», в которой для защиты завоеваний революции декретировалось, с одной стороны, образование Красной армии, с другой – полное разоружение имущих классов.

Решения этого съезда Советов, представлявшего интересы далеко не всех социальных слоев и народов России, по сути подменили собой те решения, которые население страны ожидало от Учредительного собрания. И это стало еще одним фактором усиления антибольшевистской борьбы.

Боевая ценность первых формирований добровольческой Красной армии была невысока. Они были наскоро сколочены из совершенно разнородных элементов – частей старой армии, отрядов красногвардейцев, матросов-анархистов, крестьянских ополчений. Их отличала худшего вида *партизанищина*: выборность командиров, «митинговое управление» (когда на митингах бойцы решали, выполнять ли приказы командиров).

В начале 1918 г. в только что созданную добровольческую Красную армию офицеры, даже из средних слоев, не пошли: служить «агентам немцев» и «узурпаторам власти» они считали позором и предательством России. В нее записывались солдаты, развращенные войной, не пожелавшие вернуться к мирному труду, а решившие и дальше жить на казенном содержании. Пошли и деклассированные, уголовные элементы, рассчитывавшие на то, что положение «человека с ружьем», возможность легально заниматься «грабежом награбленного» вполне обеспечит их материальные потребности. Поэтому первые формирования Красной армии отличались крайне низкой дисциплиной и боеспособностью. Один из ее руководителей, Г.Я. Сокольников, характеризовал их так: «Героизм отдельных лиц и бандитизм основных масс».

Призывы большевиков к пролетариату («Все, как один, – в ряды Красной армии!!!» и т. п.) отзыва не находили. И когда немцы и австрийцы после отказа Троцкого подписать мир двинулись в наступление, противопоставить им оказалось нечего. Первые части добровольческой Красной армии разбежались при подходе немцев так же резво, как и совершенно разложившиеся части старой армии, уже демобилизованной большевиками.

Угроза занятия Петрограда немцами вынудила большевиков прибегнуть к ужесточению дисциплины в армии и обратиться к патриотическим чувствам населения. 22 февраля был опубликован написанный Троцким декрет

«Социалистическое отечество в опасности». Декрет, в частности, возродил смертную казнь, отмененную Временным правительством. Смысл декрета был таков: «Раньше мы, большевики, были не у власти, и отечество для нас являлось всего лишь территорией, где можно разжечь пожар мировой пролетарской революции, после победы которой отечеством пролетариата станет весь мир. До Октября для нас самым главным было свалить Временное правительство, поэтому мы были разложеницами: пропагандой против войны разлагали армию. Теперь мы у власти, теперь мы превращаем Россию в базу мировой пролетарской революции, и эту базу, то есть социалистическое отечество, мы должны защитить любой ценой. Для достижения этой цели все средства хороши».

Декрет «Социалистическое отечество в опасности» требовалось донести до «широких масс». По всей стране большевики организовывали митинги, их ораторы призывали к вступлению в Красную армию. Самые сознательные рабочие записывались, но таких нашлось немного.

В итоге спустя десятки лет, даже в относительно новой энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1987) можно прочесть почти дословное повторение одного из лживых утверждений советской историографии: День Красной армии отмечается с 1918 г., когда «в обстановке наступления войск германо-австрийского блока на Советскую Россию 22 февраля 1918 года опубликован декрет-воззвание Совнаркома от 21 февраля “Социалистическое отечество в опасности”. 23 февраля 1918 года состоялись митинги в различных городах страны. Этот день ознаменовался массовым вступлением добровольцев в Красную армию. В ознаменование массового подъема советского [!] народа на защиту социалистического отечества и мужественного сопротивления отрядов Красной армии германо-австрийским захватчикам день 23 февраля стал отмечаться ежегодно».

В действительности все было иначе.

Отряды матросов Балтийского флота – «краса и гордость революции», посланные под Нарву, бежали с поля боя, за что их предводитель большевик П.Е. Дыбенко был тогда же отдан под партийный суд.

Организованное сопротивление оказали отряды под командованием полковника И.Г. Пехливанова. Этот русский подданный болгарского происхождения, герой сражений Первой мировой войны на верность Совнаркому не присягал, но собрал вокруг себя «ударников» – георгиевских кавалеров, получил немного боеприпасов из Петрограда и ненадолго задержал немцев на псковском направлении.

В итоге 23 февраля немцы взяли Минск, а 25-го Псков. Остановило их только подписание «похабного» Брестского мира.

Таким образом, 23 февраля 1918 г. в действительности было днем позорного бегства Красной армии и восстановления смертной казни.

Спустя год, когда большевики построили основу армии, необходимой им прежде всего для уничтожения противников внутри России, 23 февраля 1919 г. был объявлен «Днем красного подарка». Имелось в виду организовать добровольные пожертвования населения в пользу Красной армии. С предложением провести «День красного подарка» выступил заместитель Троцкого Э.М. Склянский еще в январе 1919 г. К 23 февраля подготовили плакаты, ор-

ганизовали митинги, а главное – провели массовые конфискации имущества у «буржуев». Армия действительно остро нуждалась в теплой одежде, обуви, лекарствах и многом другом, но население не спешило всем этим делиться. На фронт посылали шинели, валенки, недырявые сапоги, перевязочные материалы, специально сшитые кисеты и пр. Конфискованные у «буржуев» под благовидным предлогом бобровые шубы и соболя манто, естественно, фронтовикам не достались. И в отличие от 23 февраля 1918 г., широкомасштабная кампания «Дня красного подарка» запомнилась хорошо.

В 1920 г. большевикам вновь понадобились массовые митинги – в ознаменование побед над белыми на Восточном фронте и в преддверии побед на Южном. Но день январского декрета о создании Красной армии уже прошел. Тогда решили увязать празднование с годовщиной «Дня красного подарка», когда, по утверждению большевистской пропаганды, проявилась «массовая солидарность тыла и фронта». В итоге годовщину отметили скромно – несколькими статьями в прессе.

23 февраля 1921 г. пропаганда уже слегка раскрутила годовщину событий, связанных с созданием Красной армии.

И наконец, 23 февраля 1922 г. впервые полноценно и торжественно отпраздновали День Красной армии, с парадом на Красной площади. А первоначальное значение даты, истинные события того дня в 1918 г. стали уже забываться под напором лживой праздничной пропаганды.

Все же, несмотря на партизанщину и низкую боеспособность, первые части Красной армии за счет поддержки рабочего и крестьянского населения, многократного численного превосходства и снабжения со складов старой армии сумели ценой больших жертв подавить разрозненные очаги антибольшевистского сопротивления, установить советскую власть в Сибири, на Дальнем Востоке. И в частности, удержать Екатерinoдар. При штурме этого города 13 апреля погиб первый командующий Добровольческой армией генерал Корнилов и в командование вступил генерал А.И. Деникин.

Генерал-лейтенант Деникин Антон Иванович (1872–1947) из семьи бывшего крепостного крестьянина, выслужившегося в офицеры, окончил курсы при Киевском пехотном юнкерском училище в 1892 г. и Николаевскую академию Генштаба в 1899 г. Помимо службы занимался военной публицистикой, автор рассказов и очерков о жизни русской армии. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. В 1917 г. главнокомандующий армиями сначала Западного фронта, затем Юго-Западного. 29 августа был арестован по распоряжению Временного правительства за поддержку Л.Г. Корнилова. 19 ноября был освобожден из тюрьмы и выехал из Быхова в Новочеркасск, где вступил в Добровольческую армию. С февраля 1918 г. помощник командующего Добровольческой армией, с апреля командующий армией, с января 1919 г. главнокомандующий вооруженными силами на юге России. 4 апреля 1920 г. после их отступления в Крым передал командование генералу П.Н. Врангелю и покинул Россию. В 20–30-е гг. жил в Англии, Бельгии, Венгрии и Франции, где написал 5-томник «Очерки русской смуты», первое фундаментальное исследование Гражданской войны. Отказался от предложения гитлеровцев переехать в Германию и в хороших материальных условиях продолжить историко-литературную работу. В 1945 г. переехал в США, где и умер.

Первый период Гражданской войны повлек немалые жертвы с обеих сторон, но ни одной из них не дал решающего преимущества, сохранялось неустойчивое равновесие. И для красных, и для белых это был период организационной слабости, период становления своих вооруженных сил и госаппарата. В городах Поволжья, Сибири, а также в Петрограде и Москве возникли одна за другой подпольные офицерские организации. Добровольческая армия сумела выжить и сохранить основные кадры. Белое движение переживало подпольно-партизанский период становления, когда закладывались идейные, организационные, кадровые и материальные основы будущих белых правительств и их армий. В то же время большевистское руководство форсировало строительство советского аппарата в центре и на местах, пришло к выводу о необходимости формирования массовой вооруженной силы как главного фактора упрочения собственной власти. Крестьянство в массе своей проявляло относительное равнодушие как к «белым», так и «красным». Именно это обусловило отсутствие решающих успехов у той и другой стороны.

Лекция 19

ОБОСТРЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В 1918 Г.
И ИНТЕРВЕНЦИЯ

Второй период (март – ноябрь 1918 г.) характеризуется коренным изменением соотношения социальных сил внутри страны, что явилось прямым результатом политики правительства Ленина.

Более, чем разгон Учредительного собрания, отношение разных групп населения к большевикам ухудшило заключение *3 марта 1918 г.* с Германией и ее союзниками *Брестского мирного договора*, по которому под контроль Германии передавались Прибалтика, Польша, Белоруссия и Украина. Правительство Ленина вынуждено было принять эти предъявленные в ультимативной форме условия после успешного наступления германских войск, взявших 23–24 февраля Минск и Псков, когда выяснилось, что Красная армия не в состоянии защитить Петроград, как и Россию в целом. Главным мотивом принятия этих унижительных условий было стремление любой ценой сохранить свою власть над Россией с целью превращения ее в базу международной революции. Но основная масса населения, даже смертельно устав от тягот почти четырехлетней войны, не смогла примирить свои патриотические чувства с интернациональными расчетами большевиков. Заключение сепаратного мира с Германией, уступка ей значительной территории и выплата 6 млрд золотых марок (это составляло 2 млрд 778 тыс. золотых руб., или 4800 т золота) были восприняты как невыполнение большевиками их обещания заключить «всеобщий демократический мир без аннексий и контрибуций», как предательство национальных интересов России. Брестский мир был прозван в народе «похабным».

Сепаратный мир – заключаемый государством с противником отдельно от государств-союзников, входящих в один с ним военно-политический союз, ведущий войну.

Аннексия – насильственное присоединение территории страны или ее части другой страной.

Контрибуция – денежная сумма, выплачиваемая после войны побежденной страной стране-победительнице.

Но наиболее резкий рост враждебности к большевикам среди крестьянского населения вызвал их поворот в продовольственной политике. Получив

помещичью землю, крестьяне (прежде всего зернопроизводящих губерний – украинских и южнорусских) считали несправедливым сохранение введенной Временным правительством государственной хлебной монополии.

Хлебная монополия – исключительное право государства (в лице соответствующего центрального учреждения и его местных и зарубежных органов) на скупку по заниженным ценам у сельхозпроизводителей и торговлю хлебом (продовольственным и фуражным зерном) внутри страны, его экспорт и импорт. Впервые попытку ввести хлебную монополию предприняло Временное правительство весной 1917 г. в целях обуздания спекуляции хлебом, улучшения снабжения армии и городов. Оказалась сорвана отказом крестьян и помещиков продавать хлеб по низким государственным ценам.

Низкие цены, по которым государство скупало зерно, в условиях обесценения бумажных рублей и роста цен (инфляции) не позволяли крестьянам, имеющим излишки хлеба, не только получать прибыль от его продажи и приобретать остро необходимые и постоянно дорожавшие промышленные товары, но даже окупать затраты на его производство. Зажиточная верхушка деревни («кулаки») и середняки, уклонявшиеся в 1917 г. от продажи зерна по низким ценам и тем сорвавшие хлебную монополию, ждали от большевиков разрешения свободной торговли и одновременно продавали его по высоким спекулятивным ценам, наживаясь на голоде населения городов и зернопотребляющих губерний.

«Кулаки» – зажиточная верхушка крестьянства (накануне 1917 г. – около 15%, владельцы наибольшего количества земли, скота и сельхозорудий. Они постоянно нанимали на работу бедноту, ежегодно получали большое количество зерна сверх собственных потребностей и продавали его на рынке. Они являлись основными производителями и поставщиками сельхозпродукции на рынок, обладали наибольшими свободными средствами для развития сельскохозяйственного производства. С точки зрения большевиков, они являлись сельской буржуазией, которая подлежала уничтожению, как самый многочисленный эксплуататорский класс в России.

Средняки – средний по зажиточности слой крестьянства (накануне 1917 г. – около 20%). Они владели средним количеством земли, скота и сельхозорудий, иногда нанимали сельхозрабочих, периодически получали небольшое количество зерна сверх собственных потребностей и продавали его на рынке, стремясь выбиться в «кулаки».

Между тем с захватом в феврале–марте германскими и австрийскими войсками Украины и продвижением их на территорию Донской области прекратился подвоз зерна в центральные губернии России с Украины, крайне затруднилась его доставка с Дона и Кубани. Резко сократилась продажа хлеба в городах, выросли очереди, появились панические настроения. По городам прокатились стихийные голодные бунты, направленные против местных органов Советской власти. Недовольство населения и страх перед надвигавшимся голодом использовали противники большевиков, убеждая, что голод стал результатом неумения новой власти решать хозяйственные проблемы. Широко распространился лозунг «Долой хлебную монополию и большевиков из Советов!».

Для решения продовольственной проблемы в мае 1918 г. Народный комиссариат по продовольствию (Наркомпрод) был наделен неограниченными чрезвычайными полномочиями по закупке хлеба по низким государственным ценам,

свободная торговля запрещалась, были введены карательные меры против лиц, скрывающих хлебные излишки и отказывающихся продавать зерно государству по установленным им ценам (ниже рыночных). Под излишками имелась в виду та часть собранного урожая хлеба, которая, за вычетом продовольственного и фуражного зерна, необходимого для пропитания крестьянской семьи и прокорма скота, а также для засева полей на следующий год, могла быть продана на рынке. Тем самым правительство Ленина сделало решительный шаг в направлении, совершенно противоположном чаяниям и интересам крестьян: оно ввело *продовольственную диктатуру (проддиктатуру)*.

В мае рабочие крупных городов, наиболее страдающие от голода, по собственному почину начали формировать вооруженные *продовольственные отряды (продотряды)* и посылать их в деревни за продовольствием. Правительство Ленина поддержало это движение.

В июне, когда в результате восстания Чехословацкого корпуса был прекращен подвоз хлеба из Сибири и некоторых районов Поволжья, продовольственное положение еще более обострилось. Волна стихийных бунтов поднималась все выше, грозя смести власть большевиков. В этих условиях сохранение хлебной монополии и диктаторские методы ее проведения оказались единственным способом не только спасения населения городов от голода, но и (что было более важным для большевиков) развертывания Красной армии и строительства госаппарата.

Однако сопротивление зажиточного крестьянства хлебной монополии росло. Правительству Ленина стало очевидно: одной военной силы для проведения ее в жизнь недостаточно и потому необходимо найти в деревне социальную опору. Такой единственной опорой большевиков в деревне была беднота, экономически и политически зависимая от зажиточной части деревни. В июне правительство Ленина приступило к организации *комитетов бедноты (комбедов)*, которые стали чрезвычайными органами власти в деревне. С их помощью большевики попытались организовать беднейших крестьян и батраков, обеспечить им поддержку (в том числе вооруженную) со стороны рабочих и направить против зажиточных крестьян, имеющих зерно, предназначенное для продажи. При этом были учтены и использованы как вековая ненависть бедноты к зажиточным односельчанам («мироедам»), так и ее заинтересованность в получении части конфискованного хлеба и перераспределении бывших помещичьих земель, лучшая и большая часть которых была захвачена «кулаками».

Деревенская беднота – малоземельные и безземельные крестьяне (накануне 1917 г. – около 60% всего крестьянства). Одни из них арендовали землю и прочее у «кулаков», другие работали в «кулацких» хозяйствах в качестве батраков – наемных сельхозработчих (батраки, в понимании большевиков, – сельский пролетариат).

Мироедами (от слова «мир» в значении «крестьянская община») называли «кулаков», у которых крестьяне брали в долг или в аренду землю, зерно, сельхозорудия и скот на кабальных условиях возврата или отработки.

За лето комбеды (хотя активно действовали только те, которым постоянно помогали продотряды и привлеченные к сбору хлеба части Красной армии) собрали достаточно «излишков», чтобы поддержать полуголодное существование городов и потребляющих губерний. Одновременно они конфисковали у «кула-

ков» часть земли, скота и инвентаря, распределив их между бедняками. Ленин назвал это «социалистической революцией в деревне».

Однако, сняв остроту продовольственной проблемы, комбеды оттолкнули от большевистской власти середняков, которые в насильственных мерах против зажиточной верхушки увидели угрозу своим собственным интересам и устремлениям мелких хозяев – выбиться в крупные сельхозпроизводители. В итоге середняки поддержали кулачество в его борьбе против большевиков, и в зернопроизводящих губерниях на борьбу против большевистской власти поднялась основная масса сельского населения. Против большевиков выступила самая активная сила – бывшие фронтовики, поддерживавшие их в октябрье 1917 г. Одновременно выросла популярность левых эсеров, которые выступили как против Брестского мира, так и против конфискации, продотрядов и комбедов.

Согласно официальной версии советской историографии, выражая резкий рост недовольства крестьян политикой большевиков, левые эсеры 6 июля убили германского посла графа В. Мирбаха и подняли вооруженное восстание в Москве, пытаясь свергнуть ленинский Совнарком и разорвать договорные отношения между Германией и РСФСР. Данные современных исследователей дают основания подозревать большевистское руководство в провокации.

Подавив восстание, большевики обрушили репрессии против левых эсеров, выводя их представителей из органов советской власти. Результатом стало окончательное установление однопартийной диктатуры большевистской партии. Одновременно по мере роста числа восстаний и заговоров большевики усиливали репрессии, арестовывая и расстреливая своих противников – не только действительных, но и возможных. Среди многих 17 июля в Екатеринбурге был расстрелян содержавшийся там под арестом бывший император Николай II с семьей.

Параллельно в течение весны – лета 1918 г., стремясь полностью уничтожить экономическую базу своих противников, большевики повели наступление на городскую буржуазию. В значительной мере эта «красногвардейская атака на капитал» была вынужденной: во-первых, сопротивляясь *рабочему контролю* над производством и распределением, а во-вторых, поскольку из-за высокой инфляции производство перестало приносить прибыль, владельцы стремились закрыть предприятия и оставить рабочих без заработка. Поэтому правительство Ленина вынуждено было в *апреле* приступить к *национализации* некоторых отраслей промышленности, а уже в *июне* был принят декрет о национализации всей крупной промышленности. Управление национализированной промышленности и транспортом было сосредоточено в *Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ)*.

Национализация – перевод в государственную собственность из частной собственности земли, ее недр и лесов, промышленных предприятий, банков, транспорта и т. д. Сопровождается переходом национализированного имущества под управление государства в лице соответствующих учреждений.

Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР – центральный орган руководства экономикой. Учрежден в декабре 1917 г. для национализации экономики России. Сосредоточился на управлении государственной промышленностью и к концу 1920 г. разросся до колоссальных размеров, став самым многочисленным из советских бюрократических учреждений (свыше 1 млн сотрудников).

2 сентября ВЦИК принял постановление о превращении РСФСР в «единый военный лагерь». Было введено централизованное снабжение Красной армии продовольствием. В ответ на террористические акты эсеров против большевистских руководителей (в частности, покушение на Ленина 30 августа, совершенное эсеркой Ф. Каплан) *в сентябре* был объявлен *красный террор*. ВЧК и ее местные органы арестовывали и объявляли заложниками известных политических и общественных деятелей, генералов и офицеров, представителей дворянства, буржуазии, интеллигенции и духовенства, которых затем расстреливали. По приговорам ЧК беспощадно расстреливались все те, кто боролся против советской власти не только делом, но и словом. Причем при вынесении приговоров чекисты руководствовались прежде всего «революционной целесообразностью» и «классовым чутьем», а посему участь арестованных решалась не столько в зависимости от фактически совершенного и собранных улик, сколько от их социального происхождения, образования и профессии. Наконец, началась организация концентрационных лагерей для «классовых врагов». (К концу 1920 г. было создано более 100 лагерей, в которых содержалось около 75 тыс. человек.) Красный террор стал массовым средством истребления «классово чуждых элементов» и устрашения населения. Постепенно в деятельности государственного аппарата большевиков неупорядоченные чрезвычайные меры вытеснялись централизованными диктаторскими методами управления и организованным террором против всех социальных групп и отдельных лиц, так или иначе сопротивлявшихся новой власти или хотя бы несогласных с ней.

Поворот казачества и значительной части крестьянства против большевиков позволил Белому движению получить в зернопроизводящих районах юга и востока страны социальную опору и экономическую базу.

На юге, восстав против Советов и большевистского хозяйничанья, которое они воспринимали как грабеж, донские казаки *в мае* восстановили атаманскую власть. Избранный атаманом генерал *П.Н. Краснов* приступил к формированию из казачьих отрядов Донской армии, пользуясь содействием германских войск и наладив с ними обмен зерна на вооружение и боеприпасы. Этим была спасена от гибели Добровольческая армия Деникина, которая укрепилась на юге Донской области. В нее вступали не только сотни офицеров, но и тысячи кубанских казаков, вслед за донцами поднявшихся на борьбу против большевиков.

Генерал от кавалерии Краснов Петр Николаевич (1869–1947) из семьи казачьего генерала, окончил 1-е военное Павловское училище в 1889 г. и Офицерскую кавалерийскую школу в 1909 г. Военную службу совмещал с литературной работой. Участвовал в Первой мировой войне, осенью 1917 г. командовал 3-м конным корпусом. В мае 1918 г. был избран Кругом спасения Дона войсковым атаманом Донского казачьего войска. В феврале 1919 г. из-за противоречий с А.И. Деникиным оставил свой пост и уехал из России. В 20–30-е гг. жил в Париже и Берлине, где писал воспоминания, романы и статьи. В 1941 г. приветствовал нападение гитлеровской Германии на СССР и приступил к формированию в составе германской армии казачьих частей из эмигрантов и военнопленных. По окончании Второй мировой войны вместе с тысячами офицеров и казаков был передан англичанами советскому командованию и 17 января 1947 г. по приговору Верховного суда СССР повешен в Москве.

25 мая 1918 г. против большевиков выступил Чехословацкий корпус (до 45 тыс. бойцов). Сформированный на Украине русским командованием из пленных чехов и словаков, бывших офицеров и солдат австрийской армии корпус после заключения Брестского мира был объявлен частью французской армии. По соглашению с правительством Ленина корпус начал продвижение в эшелонах на Пензу, а от нее по Транссибирской железнодорожной магистрали во Владивосток для последующей переброски морским путем на Западный фронт. Выступив в ответ на попытку большевиков разоружить их, части корпуса заняли крупные города вдоль магистрали от Пензы до Владивостока (7000 км), что дало возможность выйти из подполья и приступить к активной борьбе многочисленным офицерским организациям. Отход крестьянства Поволжья, Урала и Сибири от поддержки большевиков позволил им в короткий срок сформировать из офицеров, интеллигенции и крестьян антибольшевистские армии.

В районе Средней Волги была сформирована *Народная армия* (командующий полковник Н.А. Галкин), которая формально подчинялась образованному в июне в Самаре *Комитету членов Учредительного собрания (Комуч)* – демократическому правительству (преимущественно из эсеров – членов разогнанного Учредительного собрания), претендующему на статус всероссийского. Наиболее активной и боеспособной частью ее – Отрядом особого назначения – командовал В.О. Каппель.

Генерал-лейтенант Каппель Владимир Оскарович (1883–1920) из дворян, окончил Николаевское кавалерийское училище в 1904 г. и Николаевскую военную академию в 1913 г. Участвовал в Первой мировой войне; с августа 1917 г. начальник оперативного отделения штаба Юго-Западного фронта. В начале 1918 г. добровольно вступил в Красную армию, служил в штабе Приволжского военного округа, в составе которого летом перешел на сторону «белых». В декабре 1919 г. был назначен А.В. Колчаком командующим армиями Восточного фронта. При отступлении из Омска умер 26 января 1920 г. от воспаления легких.

В районе Новониколаевска (ныне – Новосибирск) была сформирована *Сибирская армия* (командующие А.Н. Гришин-Алмазов, затем П.П. Иванов-Ринов), подчинявшаяся *Временному сибирскому правительству*, созданному в Томске.

Именно эти армии при участии чехословацких частей ликвидировали слабые силы Красной армии и советскую власть от Волги до Тихого океана. Формально подчиняясь демократическим правительствам, созданным преимущественно социалистами с целью восстановления власти Учредительного собрания, армии эти возглавлялись и формировались монархическим офицерством, стремившимся к установлению военной диктатуры как единственной, на их взгляд, силы, способной свергнуть диктатуру большевиков.

К ноябрю 1918 г., опираясь на сочувствие, поддержку и прямое участие в войне зажиточного крестьянского и казачьего населения зернопроизводящих регионов, Белое движение выросло из подпольно-партизанского состояния в малочисленные, но хорошо организованные армии, закрепившие за собой районы Дона, Кубани, Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, богатые людскими и хозяйственными ресурсами.

Расстановка сил на международной арене с марта по ноябрь 1918 г. существенных изменений не претерпела. Занятые войной на Западном фронте страны Антанты и Четверного союза еще не имели возможности активно вмешаться в Гражданскую войну в России. Однако развитие событий на территории России привело их к решению начать *интервенцию*.

Интервенция (вторжение) – вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другого. Международным правом рассматривается как правонарушение.

Стремясь восстановить Восточный фронт против Германии и не допустить захвата немцами завезенных в Россию военных припасов (а с другой стороны – ссылаясь на такую необходимость), страны Антанты силами флотов установили *блокаду России* и приступили к высадке десантов в портах по ее окраинам. В будущем они должны были послужить плацдармами и базами для развертывания военных операций в направлении районов, где союзники имели экономические интересы, и центров большевистской власти.

Блокада – военная, политическая и экономическая изоляция какой-либо территории, насильственное прекращение ее сообщений и связей с внешним миром.

Плацдарм – район, служащий базой развертывания войск для ведения боевых действий.

В *марте 1918 г.* в Мурманске были высажены первые десанты – сначала британский, затем французский. В *апреле* японский и британский десанты высадились во Владивостоке. В августе началась высадка американских и японских войск во Владивостоке, тогда же британские, французские и американские части заняли Архангельск. Главную ставку летом 1918 г. правительства Антанты сделали на восставший Чехословацкий корпус, объявленный частью французской армии. Германские войска в свою очередь угрожали Советской России с территории Прибалтики, Белоруссии, Украины и Донской области, однако их наступательные возможности ограничивались как продолжением широкомасштабных операций на Западном фронте, так и выгодностью, с материальной точки зрения, сохранения Брестского договора с правительством Ленина.

Уже к концу лета Советская Россия оказалась в окружении войск различных антибольшевистских вооруженных сил и правительств (генеральских, казачьих и демократических), а также стран Антанты и Германии. В *июле – сентябре* решающие военные события происходили на Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге: части Донской армии, заняв почти всю Донскую область, наступали на Царицын, Добровольческая армия вела успешные операции по занятию Кубани и всего Северного Кавказа, части Народной армии и Чехословацкого корпуса установили контроль над Средним Поволжьем.

Рост вооруженных сил противников и активизация их действий заставили большевиков отказаться от добровольческой (и потому малочисленной и слабой) Красной армии и приступить к созданию регулярной массовой армии. 29 мая 1918 г. постановлением ВЦИК было введено ее комплектование путем мобилизации. В июне было сформировано управление Восточным фронтом, в сентябре был образован *Революционный совет республики (Реввоенсовет, РВСР)*, учреждена должность главнокомандующего, организован полевой штаб и созданы управления Северным и Южным фронтами. Председателем РВСР

был назначен Троцкий, главкомом – *И.И. Вацетис*. Развертывание Красной армии путем мобилизации и создание всех звеньев аппарата военного управления потребовали значительного количества офицеров, что заставило большевиков мобилизовать и широко использовать десятки тысяч офицеров старой русской армии на штабных и командных должностях.

Вацетис Иоаким Иоакимович (Вацетис Юхим) (1873–1938) *из семьи латышского крестьянина, окончил Николаевскую академию Генштаба в 1909 г. Участвовал в Первой мировой войне; в 1917 г. полковник, командир 5-го Земгальского стрелкового полка, во главе которого в октябре перешел на сторону большевиков. С апреля 1918 г. командовал Латышской стрелковой дивизией, руководил подавлением восстания левых эсеров в Москве 6 июля, после чего был назначен командующим Восточным фронтом, с сентября 1918 г. по июль 1919 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами РСФСР (одновременно в январе – марте 1919 г. являлся командующим армией Советской Латвии).*

Централизация управления, введение единоначалия, реорганизация фронтового и армейского аппаратов, использование офицеров и широкое применение репрессий (расстрелы бойцов и командиров за невыполнение боевого приказа, оставление противнику армейского имущества, дезертирство и т. п.) позволили преодолеть партизанщину, ослабляющую красноармейские части по сравнению с белыми офицерскими и казачьими формированиями. Если весной 1918 г. численность Красной армии не превышала 300 тыс. добровольцев, то в ноябре ее численность превысила 800 тыс. человек; на Северном, Восточном и Южном фронтах сражались 12 армий, сформированных и организованных по образцу дореволюционных российских вооруженных сил.

Успешные операции Красной армии в *сентябре–октябре* позволили отвоювать у чехословаков и Народной армии Среднее Поволжье, защитить Царицын и не допустить объединения антибольшевистских сил юга и востока России. Однако Добровольческая армия Деникина в ходе кровопролитных боев с Красной армией Северного Кавказа заняла Кубань и Черноморье с Новороссийском, где после победы на Западном фронте должны были появиться союзники по Антанте, на чью помощь войсками и снабжением Деникин делал главную ставку. Вооруженная борьба на Кубани, где в смертельной схватке сошлись, с одной стороны, офицеры-добровольцы и казаки, защищавшие свои сословные привилегии, с другой – безземельные инородные крестьяне, горящие желанием получить помещичьи и казачьи земли и потому поддерживавшие большевиков, носила исключительно упорный и ожесточенный характер: в плен не брали и потери обеих сторон исчислялись десятками тысяч.

В ноябре–декабре 1918 г. произошли события, которые привели к новому обострению Гражданской войны и расширению масштабов военных действий в ходе ее *третьего периода (ноябрь 1918 – март 1919 г.)*.

Осенью несколько изменились настроения части среднего крестьянства. Хотя значительная доля сельского населения (прежде всего казаки, «кулаки» и крестьяне-середняки) радовалась избавлению от большевиков и продиктатуры, но их готовность к борьбе с большевиками редко выходила за пределы родных областей и губерний. В условиях ожесточения войны и нарастания хозяйственной разрухи они не хотели жертвовать своей жизнью и имуществом ради

ликвидации большевистской власти в центральных районах России. Поэтому мобилизации и реквизиции, проводившиеся антибольшевистскими властями, проходили с большими трудностями. Кроме того, поскольку печатавшиеся ими бумажные рубли быстро обесценивались, денег для расчетов с населением за реквизированное имущество постоянно не хватало. В результате пополнение войск личным составом и лошадьми, их снабжение продовольствием и фуражом срывалось, поэтому части (например, Добровольческой армии на Северном Кавказе) вынуждены были проводить в прифронтовой полосе насильственные мобилизации и бесплатные реквизиции, что быстро привело к грабежам, а также расстрелам и поркам тех, кто уклонялся от мобилизаций и сопротивлялся реквизициям.

Реквизиция – принудительное изъятие имущества или денег у частных лиц действующими от имени государства командирами частей за символическую плату или обязательства расплатиться позднее.

Все эти меры вызвали отрицательную реакцию как крестьянства Поволжья и Сибири, так и южнорусского казачества. Дело доходило до восстаний и массового дезертирства мобилизованных крестьян, ухода целых частей с фронта.

Своевременно уловив положительную для себя перемену в настроениях части середняков, большевики в *ноябре 1918 г.* упразднили комбеды, чтобы ликвидировать эту причину недовольства. Но одновременно в губернских и уездных городах они начали развертывать сеть тыловых революционных комитетов (ревкомов), которые, как и комбеды, подменяли собой выборные Советы, служа органами большевистской диктатуры.

С другой стороны, в условиях усиления экономической разрухи и роста расходов на содержание воюющей армии правительство Ленина искало решение всех хозяйственных проблем на пути ликвидации частной собственности, сужения сферы товарно-денежного обращения и усиления государственного управления экономикой, рассчитывая окончательно лишить экономической базы сопротивляющиеся группы населения и сосредоточить максимум хозяйственных средств на удовлетворении нужд фронта. Самой острой проблемой оставалась продовольственная. Поскольку выпуск в обращение свежоотпечатанных бумажных рублей вел к ускорению роста цен, а Наркомпроду и органам снабжения Красной армии постоянно не хватало денег для закупки у крестьян нужного количества зерна, проддиктатура в форме государственной монополии на торговлю хлебом уже не могла дать его в количестве, достаточным для войск и городского населения.

Поэтому в *январе 1919 г.* была введена *продразверстка*. Необходимое государству количество продовольственного и фуражного (для лошадей) зерна разверстывалось (раскладывалось) между зернопроизводящими губерниями (внутри них – между уездами, волостями, селами и хозяйствами) и принудительно забиралось у крестьян (формально – за плату по низким ценам, фактически – большей частью без всякой оплаты, выписывая квитанции).

В *ноябре 1918 г.* в расстановке сил на международной арене произошли кардинальные изменения. Германия и ее союзники потерпели поражение и капитулировали, последовавшие затем *революция в Германии* и распад Австро-Венгрии дали Антанте возможность использовать освободившиеся войска для широкомасштабной интервенции против Советской России и других советских респу-

блик. В середине ноября в Яссах состоялось совещание представителей Антанты и различных антибольшевистских организаций, на котором последние обратились с просьбой о вооруженном вмешательстве в дела России. Разработанный план пре-дусматривал нанесение главного удара из района Одессы в направлении центров советской власти.

В конце ноября английские и французские корабли с войсками прибыли в Одессу, Севастополь и Новороссийск. Основные силы, состоявшие из французских и греческих частей, сосредоточились в районе Одессы. Однако с первых же шагов стран Антанты в России стало очевидно, что столь долго и с такими надеждами ожидавшиеся антибольшевиками союзники, во-первых, не собираются выдвигать крупные силы к центру России на фронт против Красной армии РСФСР и войск Советской Украины, а во-вторых, каждая из союзных стран преследует свои собственные интересы в «русском вопросе». Япония стремилась к оккупации Дальнего Востока, а США, не желая ее усиления как конкурента, всячески препятствовали продвижению японских войск вглубь России. Великобритания пыталась утвердиться на богатом нефтью Кавказе и превратить его во «вторую Индию». Франция рассчитывала установить контроль над Криворожским и Донецким бассейнами, в предприятия которого были вложены огромные французские капиталы. Наконец, материальная помощь со стороны Антанты, которую белые считали их «святым союзническим долгом», далеко не соответствовала ожиданиям. Так, ни Великобритания, ни Франция не предоставили Деникину никаких валютных займов, Франция не оказала помощи снабжением, а Великобритания начала поставки через Новороссийск вооружения, боеприпасов, обмундирования и снаряжения лишь с февраля 1919 г. Но тем не менее именно благодаря этим поставкам Добровольческая армия Деникина, которая до этого снабжала сама себя почти исключительно трофейным военным имуществом, перестала с прежней остротой нуждаться в патронах и снарядах.

Лишь в конце января 1919 г. французское командование начало наступление из района Одессы на Криворожье и Донбасс. Однако французские и греческие части оказались неспособны на активные широкомасштабные операции. Царившие в них антивоенные и пробольшевистские настроения подрывали их боеспособность, привели к ряду восстаний и вынудили командование прекратить наступление вглубь России. В марте–апреле 1919 г. войска Советской Украины, не встречая серьезно-го сопротивления, заняли южные районы республики и большую часть Крыма. Войска Антанты бесславно эвакуировались из Одессы и Севастополя.

Между тем неудачи на Средней Волге войск созданного в *сентябре 1918 г.* в Уфе *Временного всероссийского правительства (Уфимской директории)*, в которую входили социалисты, занятие Добровольческой армией всего Северного Кавказа и исчезновение иллюзорных надежд на широкомасштабное участие войск Антанты в войне против большевиков ускорили процесс установления белых военных диктатур на востоке и юге России.

В ноябре 1918 г. в результате совершенного офицерами-монархистами переворота в Омске была ликвидирована переехавшая туда в октябре демократическая Уфимская директория и всю полноту военной и гражданской власти сосредоточил в своих руках военный министр адмирал *А.В. Колчак*, провозгласивший себя Верховным правителем России и Верховным главнокомандующим русской армией.

Адмирал Колчак Александр Васильевич (1873–1920) из семьи морского офицера, окончил Морской корпус в 1894 г. В качестве гидрографа и магнитолога участвовал в Полярных экспедициях. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах; с августа 1916 г. по июнь 1917 г. командующий Черноморским флотом. С ноября 1918 г. по январь 1920 г. Верховный правитель России и верховный главнокомандующий русской армией. 16 января 1920 г. в Иркутске представители союзного и чешского командования передали Политцентру, местному социалистическому правительству. После захвата города большевиками был расстрелян ими 7 февраля.

В феврале 1919 г. атаман Краснов в связи с поражениями донских частей на фронте и уходом с юга России поддерживавших его германских интервентов был вынужден признать главенство генерала Деникина, в результате чего Донская и Добровольческая армии были объединены в *Вооруженные силы Юга России (ВСЮР)* под главным командованием Деникина. В Омске и Екатеринодаре были созданы правительства и центральные учреждения по образцу дореволюционных министерств, на подконтрольной территории восстанавливалась губернская администрация и судебная система, снова обретали силу законы Российской империи и Временного правительства.

Лекция 20

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И БЕЛЫЕ ДИКТАТУРЫ В 1919 г.:
ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Четвертый период войны (март 1919 – март 1920 г.) отличался наибольшим размахом вооруженной борьбы и коренными изменениями в расстановке сил внутри России и за ее пределами, которые предопределили сначала успехи белых армий, а затем их поражение.

Введение продразверстки проходило с большими трудностями. Местным органам Наркомпрода приходилось прибегать к принуждению при учете и сборе хлеба по продразверстке, когда у крестьян без оплаты или за обесценившиеся деньги отбирались не только «излишки», которые могли быть проданы, а еще и часть зерна, необходимого крестьянам для собственного пропитания и посева. Иногда в обмен на хлеб органы Наркомпрода давали крестьянам некоторое количество остро необходимых им промтоваров (сельхозорудия, ткани, обувь, керосин, спички и т. д. – крестьяне нуждались буквально во всем), однако из-за скудости государственных запасов обмен на промтовары был редкостью.

Большевистская пропаганда убеждала крестьян в том, что их обязанность – дать хлеб в долг пролетарскому государству, которое защищает их от возвращения помещиков, а после победы над «белыми» восстановит промышленность и вернет им долг промтоварами. Но эта пропаганда действовала на крестьян слабо. В начале 1919 г., когда на фронтах установилось относительное затишье и крестьяне центральных районов России не ощущали непосредственной угрозы возвращения помещиков, введение продразверстки повсеместно вызывало недовольство.

Между тем после раздела и последующего перераспределения помещичьей земли комбедами многие бедняки увеличили свои наделы и перешли в категорию середняков, в результате чего доля середняков в деревне выросла до 60%. Исходя из этого и преследуя цель смягчить негативное отношение крестьян к продразверстке и закрепить начавшийся поворот части середняков на свою сторону, в *марте 1919 г.* большевики на *VIII съезде* партии провозгласили курс на «союз с середняком». Однако на деле широко были распространены принудительные меры по изъятию хлеба и фуража, особенно в прифронтовой полосе. В ряде районов, где преобладало зажиточное и наиболее антибольшевистски на-

строенное население (например, в казачьих областях), проводились массовые репрессии. В ходе *расказачивания* на Дону весной 1919 г. местными властями по указанию из Москвы были расстреляны многие бывшие бойцы Донской армии, запрещалось носить казачью форму и даже произносить слово «казак».

Поэтому на почве продразверстки, реквизиций и произвола властей часто происходили вспышки массового недовольства и восстания. Крестьяне никак не хотели мириться с изъятием у них «излишков» хлеба без всякой оплаты и запретом продавать его на рынке по «вольной» цене, считая продразверстку «бессовестной грабильной». Стремясь избежать сдачи «излишков» по продразверстке, крестьяне стали сокращать запашку, чтобы производить зерно только для питания своей семьи и прокорма скота, а также на семена. Сокращение запашки грозило в будущем голодом.

Продразверстка и запрет свободной торговли стали главной причиной роста ненависти крестьян к коммунистам, которых крестьяне в своем сознании стали противопоставлять большевикам, давшим землю в 1917 г. Формальным основанием для такого заблуждения стало переименование партии на VII съезде в марте 1918 г. из РСДРП(б) в Российскую коммунистическую партию (большевиков) – РКП(б).

Наиболее сильными антикоммунистические настроения были среди донских казаков. В *апреле* поголовно восстало казачье население верхнего Дона (в боях с «красными» принимали участие даже женщины и дети), что позволило ВСЮР, придя на помощь восставшим, быстро занять этот район и создать плацдарм для наступления на Москву. В *августе* вышел из подчинения Реввоенсовету Южного фронта командир Донского конного корпуса Ф.К. Миронов, популярный среди казаков, вступивших в Красную армию, благодаря своим выступлениям как против власти «старорежимных» атаманов, так и против диктатуры большевиков и расказачивания.

Миронов Филипп Кузьмич (1872–1921) *из семьи бедного донского казака, окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище в 1898 г. Участвовал в Русско-японской войне. За участие в революционных выступлениях казаков в 1906 г. был лишен офицерского чина. Участвовал в Первой мировой войне; добился возвращения офицерского чина, в 1917 г. войсковой старшина (полковник), помощник командира 32-го Донского казачьего полка. В 1918 г. командовал частями, сформированными им на Дону из казаков, поддержавших советскую власть. С июня 1919 г. формировал в Саранске Донской конный корпус из казаков, во главе которого в результате конфликта с политорганами Южного фронта 24 августа самовольно повел корпус на фронт. Был смещен с должности, арестован и вместе с группой помощников приговорен реввоен трибуналом к расстрелу, но в октябре был помилован ВЦИК. С сентября по ноябрь 1920 г. командовал 2-й Конной армией, сыгравшей решающую роль в разгроме Русской армии П.Н. Врангеля.*

Обострение вооруженной борьбы в условиях углубляющегося экономического кризиса заставляло правительство Ленина принимать военно-хозяйственные меры, направленные на дальнейший подрыв частной собственности, обуздание стихии свободного рынка и использование скудных ресурсов прежде всего для снабжения Красной армии. Принятие этих мер подстегивалось и убеждениями большевиков, считавших частную собственность главной причиной бедности,

безработицы и прочих социальных бед, а свободу торговли – основой капиталистического хозяйства.

С лета 1919 г. резко возросли темпы национализации в промышленности. В собственности государства и его централизованное управление перешли все крупные и средние предприятия, а также часть мелких. Ресурсы и мощности нескольких предприятий объединялись таким образом, чтобы на одном налаживать выпуск необходимой для армии продукции.

В ноябре была введена картофельная разверстка и усилены *повинности*, ложившиеся основной тяжестью на сельское население, – гужевая (перевозка людей или грузов на своих телегах или саниах), дровяная (заготовка дров) и др. Наркомпрод стремился к охвату продразверсткой всех без исключения продуктов сельского хозяйства и активно формировал собственную вооруженную силу – *Продовольственную армию (Продармию)*, отряды которой забирали у крестьян, не сдавших добровольно зерно по продразверстке, не только «излишки», но и часть зерна, необходимого для пропитания и засева.

Одной из наиболее острых проблем была стремительная *инфляция* и *распад денежной системы*, главными причинами которых были падение промышленного производства и выпуск огромного количества бумажных денег. Инфляция в свою очередь породила невиданную *спекуляцию*, которая стала главным средством выживания большинства горожан. Они ездили в деревни, где выменивали остатки своего имущества (одежду, обувь и т. д.) у крестьян, остро нуждающихся в промтоварах, на продукты. Поскольку главной тарой в таких массовых и мелких обменных операциях стали мешки, то такого рода спекулянтов стали называть *мешочниками*, а спекуляцию – *мешочничеством*.

Единственный способ предотвратить остановку полуразрушенных кризисом военных предприятий и железных дорог, продолжать хотя бы на минимальном уровне заготовку топлива и продовольствия, спасти городское население от голода, холода и обнищания большевики видели в *натурализации хозяйственных связей и заработной платы*. Натуральный паек (прежде всего в виде хлеба) к концу 1919 г. достиг 80% зарплаты и позволил поддерживать полуголодное существование рабочих и снабжать армию в условиях стремительного роста цен, бестоварья и массовой спекуляции. При натурализации зарплаты естественно распространилась уравнительность распределения, поскольку речь шла не о поощрении эффективного труда, а об удовлетворении примерно одинаковых для всех минимальных потребностей. Стремясь свести к минимуму выпуск бумажных денег и «запереть» товарно-денежное обращение, правительство Ленина отменило плату обесцененными деньгами за общественный транспорт и коммунальные услуги.

Со второй половины 1919 г. в связи с острой нехваткой рабочей силы (вследствие мобилизаций рабочих в Красную армию и их самовольного ухода в деревни из-за голода в городах) правительство Ленина стало все шире практиковать принудительное привлечение к труду и выполнению различных повинностей трудоспособного населения (для заготовки дров, ремонта железных дорог, перевозки грузов и т. д.). В *январе 1920 г.* СНК РСФСР принял постановление о введении *всеобщей трудовой повинности*.

В течение 1919 г. продразверстка, национализация, свертывание товарно-денежного обращения и другие военно-хозяйственные меры, во многом учитывав-

шие опыт государственного регулирования экономики, накопленный европейскими странами (особенно Германией) за годы мировой войны, суммировались в политику, получившую по ряду внешних «коммунистических» признаков (уравнительная натуральная оплата труда, отсутствие торговли и денег) название *«военный коммунизм»*. Переход к такой политике не только вынуждался войной и кризисом, но и подталкивался марксистскими идеями большевиков, отрицавшими частную собственность и рыночные отношения как основу капитализма и первопричину эксплуатации и угнетения.

Разительное отличие от территории «Совдени» представлял собой тыл «Колчакии» и «Деникии».

«Совденией» или «Совнаркомией» «белые» называли территорию, подвластную большевистским Советам. «Колчакией» и «Деникией» большевистская пропаганда именovala территории, находившиеся под властью Колчака и Деникина.

Главным направлением внутренней политики правительств Колчака и Деникина стало восстановление частной собственности и свободы торговли, что, на первый взгляд, отвечало интересам как крупных собственников, так и средних слоев города и деревни, прежде всего крестьян. Однако на деле эта политика не только не приостановила кризис в экономике, но ускорила ее полный развал.

Для оплаты расходов на содержание и снабжение армии, финансирования транспорта, военного производства и добычи топлива белые правительства без всяких ограничений печатали и выпускали в обращение десятки миллиардов бумажных рублей. С другой стороны, на их территории обращались рубли, выпущенные императорским, Временным и советским правительствами, а также иностранная валюта.

Например, чрезвычайно пестрым оказался денежный оборот на территории ВСЮР. В сентябре 1919 г. правительство Деникина стало печатать и выпускать в обращение собственные денежные знаки, сразу прозванные «колокольчиками» (на билетах достоинством 100 руб. был изображен Царь-колокол). Кроме них обращались донские бумажные рубли (самыми ходовыми из которых были банкноты достоинством 100 руб., прозванные «ермаками» из-за помещенного на них изображения Ермака), рубли, выпущенные императорским («романовские» или «николаевские») и Временным («думские» и «керенские») правительствами, карбованцы и гривны, выпущенные украинскими властями, и крымские рубли. Существенную долю оборота составляли деньги, выпущенные органами советской власти: во-первых, советские рубли 1918 и 1919 гг. выпуска, во-вторых, дензнаки, выпущенные правительствами советских республик, существовавших на Северном Кавказе. Наконец, в свободном обращении находилась завезенная немцами, французами, англичанами и американцами иностранная валюта.

Эмиссия – выпуск государством в обращение бумажных денежных знаков.

Неограниченная эмиссия в сочетании с чрезвычайной пестротой денежного обращения при постоянном сокращении объемов промышленного и сельскохозяйственного производства вела к падению курса рубля относительно мировых валют и росту цен на внутреннем рынке (инфляции). Например, с мая по октябрь 1919 г., когда ВСЮР наступали на Москву, инфляция составила 114% (среднемесячная – 19%). С ноября 1919 г. по январь 1920 г., когда ВСЮР отступали из-под Орла к границам Кубани, инфляция составила 321 % (средне-

месячная – 107%). Наконец, за февраль, когда части Красной армии наступали на Екатеринодар, инфляция составила 89%. Т. е. покупательная сила рубля за период с августа 1918 по февраль 1920 г. упала в 69 раз, и рубль стал равняться 0,12 коп. довоенного 1913 г. Соответственно росли цены.

Крупная и средняя буржуазия практически ничего не сделала для восстановления производства, поскольку это не сулило «нормальной» прибыли, а направила свои капиталы в спекулятивные махинации в сфере торговли, наживая баснословные барыши на вывозе за границу сырья (зерна, шерсти и т. д.) и поставках армии продовольствия, обмундирования и т. д. Торговцы наводнили сельскую местность, скупая зерно для экспорта и продавая промтовары по ценам, по которым их могла купить только зажиточная верхушка деревни. Крестьяне не хотели продавать свою продукцию за обесценившиеся бумажные рубли и не везли ее на городские рынки, предпочитая обменивать на необходимые им промтовары.

В условиях обесценения рубля и острой нехватки продовольствия и промтоваров (тканей, одежды, обуви, керосина, спичек, мыла, соли, сахара и т. д.) вся внутренняя торговля приобрела характер массовой *спекуляции*, когда торговцы придерживали товары на складах и не пускали их в продажу в расчете на дальнейший рост цен. В итоге спекуляция еще сильнее подстегивала рост цен, что обрекало на жизнь впроголодь и обнищание широкие средние слои городского населения, включая офицерство, чиновничество и интеллигенцию.

Своекорыстная политика буржуазии, стремившейся восполнить свои материальные потери, понесенные от большевистских экспроприаций, и смотревшей на армию прежде всего как на сферу выгодного приложения капитала, привела к срыву снабжения армии. В результате войсковые части вынуждены были обеспечивать себя путем грабежа и насильственных реквизиций продовольствия, фуража, одежды и т. д. у крестьян и горожан, что цинично именовалось «самоснабжением» и получением «от благодарного населения».

На территорию, занятую ВСЮР, возвращались помещики. Пока в правительстве готовились и обсуждались проекты земельной реформы, суть которых сводилась к передаче крестьянам за выкуп минимальной части помещичьей земли лишь после окончания войны, местные военные и гражданские власти помогали вернувшимся в свои имения помещикам и их управляющим расправляться с крестьянами и выколачивать «недоимки» (долги по арендной плате) за 1917–1918 гг. Помещичья жажда немедленной мести крестьянам и компенсации материальных потерь свела на нет попытки Деникина и его правительства привлечь на свою сторону крестьян Украины, южных и центральных районов России туманными обещаниями «утолить земельный голод».

В Сибири, где не было помещичьего землевладения, главными причинами роста недовольства крестьян против «белых» стали насильственные мобилизации людей и реквизиции хлеба, скота, лошадей, повозок и прочего имущества.

Все попытки сопротивления мобилизациям и реквизициям воспринимались «белыми» как большевизм и беспощадно подавлялись расстрелами, виселицами и массовыми порками шомполами и плетью, что вызывало озлобление крестьян и заставляло их браться за оружие. (Оружия, принесенного фронтовиками при демобилизации старой армии, в деревне было припрятано немало.)

Свобода торговли, обернувшаяся для крестьян грабежом со стороны торговцев, восстановление помещичьего землевладения, насильственные мобилизации

и реквизиции, белый террор – все это вызвало резко отрицательную реакцию крестьянства и части казачества. Надежды избавиться с приходом «белых» от продразверстки и террора большевистских властей быстро сменялись озлобленностью к «белым» и решимостью силой отстаивать свои права на землю и вырванный хлеб. Так, в сознании крестьян юга России и Украины слова «Добармия», «Деникин» и «деникинцы» стали прочно ассоциироваться с грабежом и насилием, вызывая жгучую ненависть.

В итоге в течение лета – осени 1919 г. в настроении основной части деревни произошел перелом в пользу советской власти. Он ярко проявился в срыве мобилизаций в белые армии, росте дезертирства, в стихийных восстаниях и росте повстанческого движения «зеленых».

«Зелеными» называли скрывавшиеся (как правило, в лесах) отряды из крестьян, либо восставших против большевистской или белой властей, либо дезертировавших из Красной армии или белых войск. «Зеленые» вели борьбу за «землю и волю» для крестьян. Помимо повстанцев и дезертиров в «зеленых» отрядах было немало анархистов и уголовников.

Летом 1919 г. обширные пространства Сибири, южных районов России и Украины оказались быстро охвачены повстанческим движением, в котором, как и осенью 1917 г., объединились под демократическими требованиями «земли и воли» практически все слои крестьянства, включая часть кулачества. Большевистским организациям в белом тылу с трудом и далеко не везде удалось поставить под контроль повстанческие силы; многими отрядами и «армиями» руководили эсеры и анархисты. Крестьяне из своей среды выдвигали ярких вождей и талантливых командиров. Одним из них стал Н.И. Махно, командовавший Повстанческой армией, которая насчитывала от 50 до 80 тыс. бойцов и действовала на территории Екатеринославской и Таврической губерний.

Махно Нестор Иванович (1889–1934) из семьи бедного крестьянина с Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии (ныне – Днепропетровская область Украины), окончил церковно-приходскую школу, в юности сблизился с анархистами, участвовал в террористических актах и «экспроприациях» (грабежах), за что в 1909 г. был приговорен к 10 годам каторги, которую отбывал в Бутырской тюрьме в Москве. Получил свободу во время Февральской революции. С апреля 1918 г. командовал повстанческим крестьянским отрядом, боровшимся в Екатеринославской губернии против австро-германских оккупантов, местных властей и помещиков за «землю и волю», за что был прозван местными крестьянами «баткой». В 1919–1920 гг. командовал Повстанческой армией Украины, действуя против Красной армии, украинских войск С.В. Петлюры и войск А.И. Деникина; главным врагом его повстанцев была та власть, которая утверждалась на территории Екатеринославской губернии и реквизировала у крестьян хлеб, лошадей и прочее имущество для своих нужд. В августе 1921 г. с небольшим отрядом ушел в Румынию. С 1922 г. жил в Париже.

Махновские отряды разбивали тыловые части ВСЮР и разгоняли местную администрацию, срывали мобилизации и реквизиции, разрушали железные дороги и вносили хаос в снабжение. На борьбу с «зелеными» Деникин и Колчак вынуждены были отвлекать значительные силы с фронта. Однако, воюя против «белых» и помещиков, повстанцы отнюдь не сочувствовали коммунистам и же-

ляли возвращения советской власти без большевистского засилья в Советах и диктаторских методов управления.

Таким образом, опробовав (часто буквально на собственной спине) политику белых военных и гражданских властей, которая живо напомнила дореволюционное хозяйничанье помещиков, хлеботорговцев и полицейских, деревня, включая часть зажиточной верхушки, поднялась на борьбу против «белых», вольно или невольно оказывая тем самым помощь Красной армии.

Отнюдь не проникшись социалистической идеологией и оставаясь чуждыми большевизму, крестьяне на деле выбрали советскую власть как меньшее из зол, как гарантию от возвращения помещиков, как силу, способную установить в стране «мир и порядок». По сути это был выбор между ненавистным прошлым и неизвестным будущим, в котором крестьяне надеялись получить возможность вольной и сытной жизни после прекращения войны и установления в России одной, но крепкой власти.

Дабы изменить в свою пользу расстановку сил вне России, партия большевиков пыталась наладить связи с возникшими в разных странах в условиях послевоенного социально-экономического кризиса коммунистическими партиями и организациями, а также с социалистическими партиями, перешедшими на революционные и интернационалистические позиции после распада II Интернационала. За этим стояло намерение создать международное коммунистическое движение, возглавить его и направить эти партии на решительное завоевание власти в своих странах при помощи России.

II Интернационал – международное объединение рабочих и социалистических партий и организаций, созданное в 1889 г. Распался после начала Первой мировой войны в 1914 г., когда лидеры самых крупных социалистических и рабочих партий – Германии, Франции и Великобритании – отказались от прежних лозунгов совместной борьбы рабочих всех стран против империализма и поддержали свои национальные правительства, начавшие войну.

В марте 1919 г. в Москве был проведен I конгресс Коммунистического интернационала (Коминтерна), образованного коммунистическими и близкими к ним партиями и организациями, признававшими необходимость проведения социалистической революции и установления диктатуры пролетариата по российскому образцу. Коминтерн фактически стал инструментом «экспорта революции» из Советской России.

Весной – летом 1919 г., казалось бы, начали сбываться надежды большевиков на социалистические революции в развитых европейских странах и помощь мирового пролетариата. В Баварии, Венгрии и Словакии различными путями, мирными и насильственными действиями были установлены советские республики (Баварская, Венгерская и Словацкая), в правительствах которых значительную роль играли политические партии и группы, близкие к российским большевикам. Однако никакой реальной помощи РСФСР в борьбе с мировым капиталом они оказать не могли. Напротив, они сами рассчитывали на помощь Красной армии, но оказать ее у большевиков не было никакой возможности из-за остроты Гражданской войны в России и опасного положения самого правительства Ленина. В силу внутренних и внешних причин их существование было недолгим (от одного месяца в Баварии и Словакии до 4,5 месяцев в Венгрии) и они были ликвидированы национальными правитель-

ствами и вооруженными силами (в Венгрии – при содействии войск Румынии и Чехословакии).

Надежду на помощь извне питали также лидеры и рядовые участники Белого движения. Но политическая и материальная помощь западных держав не могла компенсировать белым диктатурам потери экономической и социальной базы. Во-первых, потому, что она была отнюдь не бескорыстной; во-вторых, не такой значительной, как принято было изображать в советской исторической литературе, и далеко не достаточной. И в-третьих, условием ее оказания ставились серьезные политические требования: признание независимости национальных государств, образовавшихся на окраинах бывшей империи (прежде всего Польши, Финляндии, республик Прибалтики и Закавказья), передача помещичьей земли крестьянам, созыв Учредительного собрания, установление в России после победы над большевиками парламентской республики и т. п. Именно в этом правительства стран Антанты видели непременное условие поддержки Колчака и Деникина большинством населения, оказания помощи белым армиям со стороны вооруженных сил Финляндии, Польши, Грузии и других «новообразований» и, наконец, более щедрого снабжения «белых».

Иной их позиция быть не могла. Острый социально-экономический кризис в послевоенной Европе существенно сужал возможность материальной помощи русским антибольшевикам. С другой стороны, демократические силы во Франции и Великобритании (прежде всего рабочий класс и социалистически настроенная интеллигенция) оказывали сильнейшее давление на свои правительства, требуя прекратить поддержку и снабжение «белых» как «реакционеров». В этой ситуации только проведение ими демократической политики, по мнению правительств стран Антанты, могло способствовать образованию широкой антибольшевистской коалиции из «белых» диктатур и окраинных национальных государств, обеспечить белым поддержку большинства российского населения и позволить приступить к оказанию куда более щедрой материальной помощи, включая предоставление валютных займов.

Белые диктаторы и их окружение, со своей стороны, считали материальную помощь «моральной обязанностью» союзников, поскольку Россия понесла огромные людские и материальные потери ради общей победы и большевизм, на их взгляд, в равной степени угрожает как России, так и всей Европе. Поэтому они очень болезненно воспринимали предъявляемые западными союзниками требования и выставляемые условия, уклонялись от обещания каких-либо демократических преобразований, особенно от признания независимости новых государств, за исключением Польши.

Материальная помощь «белым» предоставлялась главным образом в виде товарных кредитов, выделявшихся на оплату поставляемых военных материалов. Великобритания, снабжая Деникина, не ставила вопрос об их возврате. Франция настаивала на компенсациях валютой или зерном. Такая материальная помощь по сути являлась продолжением политики предоставления займов императорской России. С марта 1919 по март 1920 г. англичане доставили на юг России 74 танка, 100 самолетов, более 1200 орудий, почти 2 млн снарядов, 6100 пулеметов, 200 тыс. винтовок, 500 млн патронов, более 500 тыс. комплектов обмундирования, 629 грузовиков и машин скорой медицинской помощи, 279 мотоциклов, 6 броневедомостей, 12 тыловых госпиталей на 500 коек и 25 полевых госпиталей.

Поскольку этих поставок не хватало для снабжения и вооружения войск, внешнеторговые учреждения Деникина и Колчака закупали у иностранных фирм необходимые военные материалы, либо используя запасы иностранной валюты, либо вывоза в обмен на зарубежные рынки сырье, прежде всего зерно. Правительство Колчака использовало на нужды снабжения армии часть захваченного золотого запаса, депонировав его в иностранных банках. Правительство Деникина стремилось увеличить вывоз зерна и других видов сырья, хотя население, промышленность и транспорт на территории ВСЮР сами остро в них нуждались. При этом иностранные и отечественные частные фирмы, привлекавшиеся к поставкам, вздували цены до сверхспекулятивных и наживали на снабжении белых армий огромные прибыли. В итоге, потребовав от белых правительств значительных затрат валютой, использования золота и вывоза сырья, собственные закупки на внешнем рынке лишь незначительно дополнили поставки союзников по Антанте. А вместе поставки и закупки обеспечили белые армии вооружением, боеприпасами, обмундированием и снаряжением менее чем на половину их потребностей. Трофеи, добытые в бою и оплаченные кровью, и в 1919 г. оставались одним из источников получения пушек, винтовок, снарядов, патронов и т. д.

Оказывая материальную помощь, правительства Антанты и их военные и дипломатические представители в белых «столицах» упорно давили на военных диктаторов, требуя проведения демократических реформ. Но поскольку Колчак и Деникин уклонялись даже от заявлений и обещаний провести демократические преобразования, страны Антанты так и не признали их де-юре и не рискнули увеличить материальную помощь.

В национальной политике белые диктаторы и их правительства проявляли крайнюю нетерпимость ко всем национальным государствам, образованным на окраинах бывшей империи, национальным организациям и их лидерам. Во главу угла они ставили принцип воссоздания «единой неделимой России». Деникин не сумел наладить отношения даже с правительствами казачьих областей, особенно Кубани, где в органах казачьей власти преобладали социалисты, украинофилы и сторонники автономии края (так называемые «самостийники»).

Поэтому образовавшиеся на окраинах государства, несмотря на острую враждебность к большевистской власти в России, предпочли уклониться от военной помощи «белым», имея все основания опасаться, что после победы над большевиками Колчак и Деникин повернут свои войска против них и попытаются силой отнять выстраданную и добытую дорогой ценой независимость.

Так, летом 1919 г. союзники попытались направить финскую армию на поддержку наступавшей на Петроград *Северо-Западной армии* генерала *Н.Н. Юденича*, но несмотря на их давление, Колчак отказался принять предварительное условие главы финского государства *К. Маннергейма* – признать независимость Финляндии. В результате 50-тысячная финская армия, которая могла помочь Северо-западной армии взять Петроград, осталась осенью безучастным свидетелем ее разгрома «красными». (Армия Юденича отступила на территорию Эстонии, где была разоружена и распущена ее властями.) Тогда же *Ю. Пилсудский*, глава польского государства, приостановил активные действия польских войск на Украине против советских войск, чтобы не помогать наступлению Деникина на Москву. (В эмиграции Деникин был убежден в том, что именно Польша «спасла Советскую власть от гибели».)

Генерал от инфантерии Юденич Николай Николаевич (1862–1933) из потомственных дворян, окончил Александровское военное училище в 1887 г. и Николаевскую академию Генштаба в 1892 г. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах; с июля 1915 г. по март 1917 г. командовал Кавказской армией и затем армией Кавказского фронта, действовавшими против турецкой армии. В 1919 г. командовал Северо-Западной армией. С 1920 г. жил в эмиграции.

Фельдмаршал барон Маннергейм Карл-Густав-Эмилий (1867–1951) окончил Николаевское кавалерийское училище в 1889 г. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войне; с июня 1915 г. начальник 12-й кавалерийской дивизии, в июле 1917 г. был произведен в генерал-лейтенанты. В 1918 г. главнокомандующий финляндской армией, подавившей вместе с германскими войсками революцию в Финляндии. С декабря 1918 г. по июль 1919 г. регент Финляндии. С 1931 г. председатель Совета государственной обороны, с 1938 г. фельдмаршал, с 1939 г. по 1944 г. главнокомандующий финляндской армией, с августа 1944 г. по март 1946 г. президент Финляндии.

Пилсудский Юзеф (1867–1935) из семьи литовского шляхтича, окончил Виленскую гимназию, проучился один год на медицинском факультете Харьковского университета. Участвовал в революционном движении, проповедуя социалистические взгляды и террор, но, испытывая враждебность к России, превыше всего ставил задачу обретения Польшей независимости. Имея косвенное отношение к подготовке «Народной волей» покушения на Александра III, был арестован и по делу «1 марта 1887 г.» осужден на 5 лет ссылки в Восточную Сибирь. С началом Первой мировой войны приступил в Кракове к формированию польских легионов в составе Австро-венгерской армии. Став одним из предводителей легионеров и вступив на путь вооруженной борьбы с Россией, отошел от революционных идей и превратился в крайнего националиста с диктаторскими замашками. 11 ноября 1918 г. по договоренности с германским командованием был провозглашен главой польского государства и главнокомандующим Войска польского. Ставил своими целями максимальное ослабление России независимо от того, какая власть в ней установится, и воссоздание «Великой Польши от моря до моря». С 1919 г. «начальник государства», с 1920 г. маршал. В мае 1926 г. в результате военного мятежа установил авторитарный режим, занимая должность военного министра (иногда премьер-министра).

В итоге внешние и внутренние противники большевиков не сумели организовать ни одного «объединенного и комбинированного» похода на большевистскую Москву, поскольку их союз раздирался глубокими противоречиями. Эти противоречия в сочетании с растущей солидарностью европейских рабочих и средних слоев с Советской Россией летом – осенью 1919 г. изменили соотношение сил на международной арене в пользу большевиков. В результате они сумели поодиночке ликвидировать белые диктатуры и разгромить их вооруженные силы, а затем приступить к «советизации», также поодиночке, национальных государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи.

В силу внутренних и внешних факторов положение на фронтах *летом – осенью 1919 г.* коренным образом изменилось в пользу Красной армии.

Нежелание большинства крестьян воевать за «белых» вело к систематическому провалу мобилизаций, что вынуждало командование колчаковских и деникинских войск ставить в строй пленных красноармейцев из тех же крестьян, мобилизованных советскими властями (на юге России белые начали практиковать это еще осенью 1918 г.). При этом доля крестьян в составе белых армий выросла до 80%. Поэтому по мере поворота крестьян против «белых» началось массовое дезертирство, уход к «зеленым» и перебежки к «красным». Это резко подрывало боеспособность белых войск.

В то же время в Красной армии начались обратные процессы. Несмотря на значительное количество дезертиров, мобилизации в Красную армию во второй половине 1919 г. проходили много успешнее, чем в 1918 г. Десятки тысяч дезертиров с лета начали добровольно возвращаться, на сторону «красных» стали переходить большие группы и даже целые части «белых», сформированные из насильно мобилизованных крестьян и поставленных в строй пленных красноармейцев. В итоге части регулярной Красной армии, на 90% состоящие из крестьян и пользовавшиеся сочувствием и поддержкой сельского населения, оказались значительно сильнее и числом, и духом по сравнению с белыми частями. Именно это предопределило коренной перелом в борьбе на Восточном и Южном фронтах.

Ему способствовало и более рациональное, благодаря военному коммунизму, использование незначительных запасов топлива и сырья, что позволяло правительству Ленина сохранять на небольшом еще не остановившихся заводах производство вооружения, боеприпасов, обмундирования и снаряжения. Продразверстка давала минимально необходимое количество продовольствия для армии. В результате отрезанная блокадой от внешних рынков Советская Россия смогла лучше вооружать и снабжать свою армию.

С другой стороны, продолжалось организационное укрепление Красной армии. В начале 1919 г. в партии большевиков обострилась борьба двух групп, имеющих противоположные взгляды на строительство вооруженных сил. Одна из них, возглавляемая председателем РВСР Троцким, объединяла сторонников регулярной организации и дисциплины в армии, единоначалия и широкого использования *военных специалистов (военспецов)* – офицеров старой армии – на командных и штабных должностях под жестким контролем *военных комиссаров* как представителей партии в вооруженных силах. Другая группа, прозванная *военной оппозицией*, в которую входили Сталин и *К.Е. Ворошилов*, отстаивала коллективное руководство и выступала против использования «буржуазных офицеров», держась тем самым за партизанщину, которая вознесла их на высокие командные посты. На деле их позиция часто приводила к безграмотному управлению, большим потерям и поражениям. В марте 1919 г. большинство делегатов VIII съезда партии, отвергнув взгляды военной оппозиции, поддержало курс Ленина и Троцкого на максимальное использование военспецов под контролем комиссаров, укрепление единоначалия и дисциплины.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) *из рабочих, член партии большевиков с 1903 г., с октября по декабрь 1918 г. командующий 10-й армией Южного фронта, затем нарком внутренних дел Украины, в июне – июле 1919 г. командовал 14-й армией, с ноября 1919 по май 1921 гг. член РВС 1-й Конной армии, участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа, с 1925 по*

1934 г. председатель РВС СССР, в 1934 – 1940 гг. нарком обороны, поддерживал сталинские репрессии против командного состава РККА.

Активные усилия РВСР по мобилизации офицеров и укреплению ими командования и штабов фронтов, армий, корпусов, дивизий, бригад и т. д., широко развернутая *армейскими полторганами* агитационно-пропагандистская работа, направление тысяч коммунистов на должности комиссаров, ужесточение их контроля за командирами и беспощадные репрессивные меры (вплоть до расстрелов по приговорам *реввоенрибуналов*) против командиров и бойцов, отказавшихся выполнить боевой приказ, мародеров и дезертиров позволили улучшить управление войсками, укрепить дисциплину в частях, уменьшить грабежи, наладить отношения армии с местным населением и тем самым повысить ее боеспособность.

Политические органы РККА – органы партии большевиков в системе управления армией. Их создание началось летом 1918 г. в виде политических отделов (политотделов) штабов фронтов, армий, корпусов и дивизий, которыми руководили военные комиссары и политработники частей. Политотделы подчинялись созданному в мае 1919 г. Политическому управлению РВСР и ведали партийной пропагандой, культурно-просветительской работой и приемом в партию, руководили партийными организациями частей, штабов и различных военных учреждений.

Революционные военные трибуналы – судебные органы РККА, которые выносили приговоры по делам о преступлениях, совершенных военнослужащими и военнопленными. Были созданы в 1919 г. при РВС армий и фронтов; высшим органом военной юстиции являлся Реввоенрибунал Республики (РВТР) при РВСР.

Наконец, 1 июня 1919 г. ВЦИК РСФСР при участии представителей большевистских правительств других советских республик принял декрет «Об объединении советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом». На словах признавая независимость и самоопределение трудящихся этих республик, на деле декрет вводил централизованное командование и управление из Москвы их вооруженными силами, финансами, военной промышленностью и железнодорожным транспортом. По сути это был первый и одновременно решающий шаг к образованию будущего СССР. Движущей силой этого объединительного процесса были не интернациональные чувства и воля трудящихся масс, а воля партии большевиков, Политбюро и Центральный комитет которой фактически правили из Москвы всеми советскими республиками, поскольку компартии этих республик являлись составными частями РКП(б). Большевистское руководство тем самым стремилось распространить свою власть на максимально возможную территорию бывшей Российской империи, что приобрело жизненно важное значение в ситуации, когда не оправдались надежды на пролетарские революции в европейских странах и создание социалистических «Соединенных штатов Европы», как Ленин назвал будущее всеевропейское пролетарское государство.

Политбюро ЦК РКП(б) создано в 1919 г. как высший исполнительный орган партии; членами его в 1919–1920 гг. являлись несколько высших руководителей партии, в том числе В.И. Ленин.

Созданная на основе декрета от 1 июня единая РККА включила 16 армий, ее численность к концу 1919 г. достигла 3 млн человек, в то же время как общая

численность всех белых армий не превысила 500 тыс. В июле новым главкомом был назначен *С.С. Каменев*.

Каменев Сергей Сергеевич (188–1936) из семьи военного инженера, окончил военное училище и Николаевскую академию Генштаба в 1907 г., участвовал в Первой мировой войне, в 1917 г. полковник. В январе 1918 г. добровольно вступил в РККА. С сентября 1918 г. командующий Восточным фронтом, с июля 1919 г. по март 1924 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами республики и член РВСР. В 1930 г. вступил в партию большевиков. В 20–30-е гг. занимал ряд высших военных постов, включая начальника штаба РККА.

Решающие военные события в марте 1919 – марте 1920 г. происходили на востоке и юге России.

В *мае–июне 1919 г.* произошел коренной перелом на *Восточном фронте*. В течение лета и осени армии Восточного фронта (в июле – августе им командовал *М.В. Фрунзе*) при поддержке партизан освободили от колчаковских войск огромные пространства Урала и Западной Сибири. В январе 1920 г. власть Колчака была ликвидирована.

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925) из семьи военного фельдшера, большевик с 1904 г. За революционную деятельность дважды приговаривался к смертной казни, оба раза заменявшейся пожизненной ссылкой, откуда оба раза бежал, активно участвовал в вооруженном восстании в ноябре 1917 г. в Москве. С февраля 1919 г. командующий 4-й армией, с мая – командующий Туркестанской армией, с июля командующий Восточным фронтом, с августа 1919 г. командующий Туркестанским фронтом, с сентября по ноябрь 1920 г. командующий Южным фронтом. В 1921–1924 гг. командовал войсками Украины и Крыма, в 1925 г. председатель РВСР и нарком по военным и морским делам. Умер во время хирургической операции.

В *октябре – ноябре 1919 г.* произошел (отчасти благодаря операциям в деникинском тылу Повстанческой армии Махно) коренной перелом на *Южном фронте*, которым командовал *А.И. Егоров*. Дошедшие в октябре почти до Тулы ВСЮР отступили в декабре главной массой на Дон и Кубань. В *декабре 1919 – марте 1920 г.* войска *Юго-Западного фронта* под командованием Егорова заняли часть Украины с Киевом и Новороссию с Одессой. А войска *Кавказского фронта* под командованием *М.Н. Тухачевского* заняли Дон, Кубань и Черноморье. Остатки Добровольческой, Донской и Кавказской (из кубанских частей) армий ВСЮР числом до 50 тыс. Деникин эвакуировал из Новороссийска в Крым.

Егоров Александр Ильич (1883–1941) из мещан, окончил Казанское юнкерское пехотное училище в 1905 г., участвовал в Первой мировой войне. В 1917 г. полковник. В 1917 г. вступил в партию левых эсеров, в 1920 г. – в партию большевиков. В январе 1918 г. добровольно вступил в РККА. С декабря 1918 г. по май 1919 г. командующий 10-й армией Южного фронта, с июля командующий 14-й армией Южного фронта, с октября командующий Южным фронтом, с января по декабрь 1920 г. – командующий Юго-Западным фронтом. В 20–30-е гг. занимал ряд высших военных должностей, включая начальника Генштаба РККА и заместителя наркома обороны, был произведен в маршалы. В 1938 г. был арестован и в 1941 г. расстрелян.

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937) из дворян, окончил Александровское военное училище в 1914 г., участвовал в Первой мировой войне,

большую часть которой пробыл в немецком плену, в 1917 г. поручик. В январе 1918 г. добровольно вступил в РККА, затем вступил в партию большевиков. С июня 1918 г. командующий 1-й армией Восточного фронта, с января 1919 г. командующий 8-й армией Южного фронта, с апреля по ноябрь 1919 г. командующий 5-й армией Восточного фронта, с февраля по апрель 1920 г. командующий Кавказским фронтом, с апреля 1920 г. по март 1921 г. командующий Западным фронтом. В 20–30-е гг. занимал ряд высших военных должностей, вплоть до заместителя наркома обороны, был произведен в маршалы. В 1937 г. был арестован, осужден как «иностраннный шпион» и расстрелян.

Главным итогом этого решающего периода Гражданской войны явилось укрепление большевистской диктатуры и ее вооруженных сил, образование военно-политического союза советских республик, ликвидация наиболее сильных государственных образований Белого движения – военных диктатур Колчака и Деникина – и разгром их армий.

Лекция 21

ГИБЕЛЬ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

И ВООРУЖЕННЫЙ ЭКСПОРТ БОЛЬШЕВИЗМА В 1920–1922 гг.

Пятый период Гражданской войны (апрель–ноябрь 1920 г.) включает в себя военные действия против польской армии и ликвидацию остатков ВСЮР на юге России.

Победы 1919 г. большинством коммунистов – как рядовыми, так и занявшими начальственные должности на разных уровнях быстро растущего государственного аппарата – были восприняты как лучшее доказательство правильности и эффективности политики военного коммунизма. К лету 1920 г. подавляющее большинство работников партийных и советских учреждений утвердилось во мнении, что военный коммунизм приведет РСФСР и другие советские республики непосредственно к социализму. В соответствии с этими взглядами диктаторские методы руководства экономикой и общественной жизнью и курс на окончательную ликвидацию частной собственности и рынка были усилены.

В 1920 г. правительство Ленина активизировало продразверстку и распространило ее почти на все продукты сельского хозяйства. Теперь крестьяне должны были практически безвозмездно отдавать государству не только хлеб и картофель, но и другие продукты питания, а также сырье – кожу, шерсть и т. д. *В ноябре были национализированы все мелкие предприятия и ремесленные мастерские.* Были сделаны новые шаги к полной натурализации заработной платы и отмене платежей за жилье, городской транспорт, коммунальные услуги и т. д., что сопровождалось пропагандистской кампанией за скорую «полную отмену денег, как и положено при социализме», особенно активной среди крестьян, сохраняющих деньги разных властей в надежде на отмену продразверстки и разрешение свободы торговли.

Наконец, возникла и была реализована идея использования в промышленности и на транспорте принудительного труда красноармейцев (активными сторонниками этого были Троцкий и Сталин), что означало перенесение военных методов управления на экономику и милитаризацию труда. Боевые армии реорганизовывались в *трудовые армии*, и бывшие красноармейцы, ставшие трудармейцами, восстанавливали шахты и рубили уголь, ремонтировали железные

дороги и т. д. Хотя эффективность и качество их труда были низкими, большевики в условиях полной хозяйственной разрухи и военного коммунизма не имели другой возможности приступить к восстановлению топливной промышленности и транспорта.

В то же время среди партийных и советских работников возникла и другая точка зрения на военный коммунизм. На опыте практической работы некоторые из них пришли к заключению, что принудительное изъятие у крестьян сельхозпродуктов и государственный натуральный обмен (сельхозпродуктов на промтовары) между городом и деревней – главные причины недовольства крестьян, сокращения запашки и полуголодного существования городского населения. Они предлагали, как минимум – не вводить сразу продразверстку на только что занятых Красной армией территориях (это, в частности, предлагал Троцкий), а как максимум, заменить продразверстку натуральным налогом (зерном и другими сельхозпродуктами), о чем просили сами крестьяне, и разрешить им продавать на рынке часть своей продукции, остающуюся после уплаты налога государству. Однако большинство руководящих работников партии (и прежде всего Ленин) были последовательными противниками свободы торговли, которая, с их точки зрения, была основой капитализма. Ленин несколько раз очень резко выступал против тех, кто предлагали отменить продразверстку или хотя бы ослабить ее.

Между тем ситуация в стране менялась в соответствии с объективными экономическими законами, а не с утопическими взглядами большевиков.

Правительство Ленина не смогло организовать натуральный обмен между городом и деревней как из-за отсутствия запасов промтоваров, так и невозможности их получения в связи с умиранием промышленности. Положение с продовольствием в городах стало катастрофическим. В виде натурального пайка выдавались главным образом «ржавые» селедки и «осьмушка» хлеба, напоминающего землю. В результате до 80% рабочих покинули свои предприятия и разошлись по деревням, где можно было прокормиться ремонтом и мелким производством сельхозинвентаря, инструментов и т. д.

На почве голода во всех промышленных городах происходили забастовки рабочих. Большевистские власти использовали против рабочих органы ВЧК и даже войсковые части. Участников забастовок подвергали арестам, молодых рабочих отправляли на фронт. В итоге выступления рабочих против военно-коммунистической политики дополнялись протестами против «самодержавия» ЦК партии большевиков и террора «чрезвычайки». Таким образом, в 1920 г. социальная база большевистской диктатуры в городах значительно сузилась.

Крестьяне в условиях военного коммунизма потеряли заинтересованность не только в увеличении, но даже в сохранении сельскохозяйственного производства, поэтому они сокращали посевы и производство продуктов до собственного потребительского минимума, дабы не иметь никаких «излишков», подлежащих безвозмездной сдаче государству. С точки зрения мелкого товаропроизводителя, не было никакого смысла производить больше, поскольку все излишки отбирались, торговля была запрещена, а натуральный обмен с городом не был налажен.

Летом 1920 г., когда Гражданская война на большей части территории России закончилась и угроза возвращения помещиков исчезла, в политических настроениях крестьян произошел очередной перелом. Наиболее трудоспособная и политически активная часть деревни начала решительно требовать отмены

продразверстки и восстановления свободы торговли между городом и деревней. Недовольство крестьян быстро вылилось в восстания и повстанческое движение на Украине, в Поволжье, Западной Сибири, Тамбовской губернии и других районах. Почти в каждой губернии существовали крестьянские отряды (по большевистской терминологии – «банды»), которые срывали проведение продразверстки, убивали большевиков, работников советских и продовольственных органов, милиционеров и т. д. Небывалой жестокостью сопровождались операции в советском тылу отрядов Повстанческой армии Махно.

Недовольство крестьянской массы продразверсткой и диктатурой большевиков распространилось на Красную армию, 90% которой составляли крестьяне. Несмотря на пропаганду и репрессии, в частях росли антибольшевистские настроения. Особенно быстро они распространялись среди казаков, служивших в белых армиях, одни из которых перешли на сторону «красных», а другие были взяты в плен и поставлены в строй в конце 1919 – начале 1920 г. Это приводило к выступлениям против комиссаров и большевистской партии вообще, разлагало войска и понижало их боеспособность. В такой ситуации использование частей Красной армии для борьбы против крестьянских восстаний стало опасным для большевистского режима. В ответ он усилил пропаганду и репрессии в армии, которые были направлены в том числе против командиров из крестьян, популярных в красноармейской массе. Так, в феврале 1920 г. по ложному обвинению в убийстве комиссара корпуса и подготовке мятежа был арестован, в мае осужден выездной сессией РВТР в Ростове и расстрелян вместе с ближайшими помощниками командир Конного корпуса *Б.М. Думенко*, самый известный на юге командир Красной конницы, сформировавший части, развернутые впоследствии в 1-ю и 2-ю Конные армии (в 30-е гг. все его заслуги были приписаны *С.М. Буденному*).

Думенко Борис Макеевич (1888–1920) из донских крестьян, участвовал в Первой мировой войне, в 1917 г. вахмистр. В 1918 г. сформировал из крестьян один из первых на Дону краснопартизанских конных отрядов, который затем развернул в полк, бригаду и дивизию (С.М. Буденный служил у него заместителем). С января по май 1919 г. начальник 4-й кавдивизии, был тяжело ранен. С сентября 1919 г. по январь 1920 г. командир Конного корпуса. В декабре 1919 г. вступил в партию большевиков. В январе 1920 г., разгромив лучшие части Донской армии, во главе корпуса занял Новочеркасск, «столицу» белого Дона. Реабилитирован в 1964 г.

Существенно изменилась в пользу большевиков расстановка сил за пределами России. Для стран Антанты стало очевидным, что антибольшевики в России не пользуются народной поддержкой и потому не способны ликвидировать правительство Ленина; следовательно, поддерживать их материально – значит выбрасывать деньги на ветер. С другой стороны, вывести европейские страны из послевоенного экономического кризиса и социальной напряженности можно было только при условии восстановления традиционных экономических связей с Россией (импорта ее сырья и продовольствия и экспорта в нее промышленных товаров), в противном случае Европа оказывалась перед угрозой попасть в полную финансовую и сырьевую зависимость от США. Наконец, в среде рабочих, средних слоев и социалистически настроенной интеллигенции европейских стран росло движение солидарности с Советской Россией.

В такой ситуации *в январе 1920 г.* по инициативе Великобритании и Италии Верховный совет Антанты принял решение о *снятии блокады* и возобновлении торговли «с населением России». Такая формула исключала признание большевистского правительства, на чем твердо настаивала Франция. Реально это решение стало осуществляться значительно позднее благодаря прежде всего активности британского правительства Д. Ллойд Джорджа, которое стремилось опередить конкурентов и захватить в свои руки торговлю с Россией, надеясь компенсировать огромные расходы на снабжение ВСЮР в течение 1919 г. и попутно «перевоспитать» большевиков экономическими средствами. В мае 1920 г. в Лондоне начались советско-британские торговые (а по сути политические) переговоры, которые завершились *в марте 1921 г.* подписанием *торгового договора*.

Наиболее непримиримой и бескомпромиссной по отношению к большевикам была Франция, стремившаяся, в отличие от Великобритании, не к сохранению раздробления России, а к ее воссозданию как противовеса Германии и единого должника, способного возратить долги французским кредиторам. Поэтому Франция активно поддерживала Польшу в ее антирусской политике.

Национальные государства, образовавшиеся на окраинах бывшей Российской империи, чтобы обезопасить себя от «экспорта революции», после разгрома армий Колчака, Деникина и Юденича пошли на заключение мирных договоров с большевистской Россией. В 1920 г. такие договора с РСФСР заключили Эстония, Грузия, Литва, Латвия и Финляндия, что означало юридическое признание правительства Ленина.

Короткий крымский период Белого движения, связанный с именем генерала *П.Н. Врангеля*, которому Деникин *в апреле 1920 г.* передал пост главкома ВСЮР, представляет особый интерес с точки зрения как изменения внутренней политики и стратегии последнего военного диктатора, так и перемен в отношениях между белыми и Антантой.

Генерал-лейтенант барон Врангель Петр Николаевич (1878–1928) из потомственных дворян шведского происхождения, по окончании Горного института в 1901 г. поступил на военную службу, окончил Офицерскую кавалерийскую школу в 1911 г. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах; в 1917 г. генерал-майор, командир Сводного конного корпуса. В августе 1918 г. вступил в Добровольческую армию, в составе которой командовал сначала 1-й конной дивизией, затем 1-м конным корпусом. В 1919 г. командовал армиями ВСЮР: с января – Кавказской Добровольческой, с мая Кавказской, в декабре – Добровольческой. С апреля 1920 г. главнокомандующий ВСЮР и правитель юга России, в ноябре 1920 г. эвакуировался с остатками войск из Крыма в Турцию. В эмиграции жил в Турции, Сербии и Бельгии.

Врангель и его ближайшие помощники сумели сделать главный вывод из опыта поражений Колчака и Деникина: борьба с Красной армией в центре России без поддержки крестьянства – дело безнадежное. Кроме того, Врангель попытался положить конец укоренившимся при Деникине насильственным мобилизациям и реквизициям зерна, лошадей, скота, подвод, одежды и другого имущества у крестьян, неоднократно издавая самые категоричные приказы на этот счет и создав в войсках специальные военно-судные комиссии для рассмотрения жалоб крестьян на грабежи и насилия со стороны военнослужащих.

Переформировав остатки ВСЮР в 25-тысячную армию, он 11 мая дал ей наименование «*Русская армия*», рассчитывая тем самым придать ей народный характер и подчеркнуть ее отличие от «Добrarмии», название которой было ненавистно для крестьянского населения юга России и Украины и связывалось им с восставлением помещичьего землевладения, грабежами и террором.

Постоянно помня, что Деникин «не справился с территорией», Врангель и приглашенный им на пост главы правительства А.В. Кривошеин считали, что большевиков можно свергнуть не «походом на Москву», не «завоеванием России», а «созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа». Они предполагали обеспечить на занятой территории «законность и порядок», свободу торговли, проведение аграрной реформы в интересах зажиточных крестьян-собственников, создать более высокий материальный уровень жизни населения и организовать «демократическое» управление.

Тогда, по расчетам Врангеля и Кривошеина, русский народ, доведенный военным коммунизмом и террором «чрезвычайек» до обнищания и озлобления, «сам свергнет иго большевиков» и Русской армии останется лишь постепенно продвигаться вперед, закрепляя за собой освобожденные территории. По сути они планировали политику «двух России»: созданная ими «вторая Россия», как альтернатива большевистской, должна была существовать до тех пор, пока русский народ не сделает выбор в ее пользу и не сметет большевистский режим.

Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921) *из семьи офицера, окончил Юридический факультет С.–Петербургского университета, с 1908 по 1915 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием, член Государственного совета и Совета министров, ближайший помощник П.А. Столыпина в проведении аграрной реформы. С 1920 г. в эмиграции.*

Земельный закон, быстро разработанный и одобренный Кривошеиным, продолжил курс столыпинской аграрной политики применительно к опыту Гражданской войны. Он сводился к увеличению зажиточной прослойки, для чего часть помещичьих земель, фактически захваченных крестьянами, передавалась им в собственность за большой выкуп, который необходимо было выплатить за 25 лет.

Крестьяне были довольны положением закона, что захваченная помещичья земля остается за ними, говоря: «Наконец-то “белые” и о нас вспомнили». Основная масса сельского населения встретила наступающие части Русской армии хоть и настроенно, но в целом доброжелательно, рассчитывая с ее приходом избавиться от ненавистной продразверстки и получить долгожданную свободу торговли хлебом.

Однако когда началась реализация «приказа о земле», совершенно неожиданно для «белых» выяснилось, что таврические крестьяне «особой жадности на землю не проявляют». Доминирующим чувством деревни была крайняя усталость от войны и разрухи. Даже самые богатые, не говоря уже о середняках, рассчитывая с возвращением «белых» на избавление от тягот военного коммунизма, не собирались пополнять и снабжать Русскую армию, отдавать по реквизициям лошадей, скот, зерно, продукты, одежду, повозки и т. д., а также нести различные повинности, разорительные для хозяйства. В июне сельские сходы в Северной Таврии часто выносили такие решения: «Ни хлеба, ни скота, ни людей мы вам, кадюкам,

не дадим. Как начали воевать, так и продолжайте себе с Богом». Особенно решительно крестьяне отказывались подчиняться приказам Врангеля о мобилизациях. К середине августа вместо предполагавшихся 100 тыс. новобранцев Таврическая губерния дала Русской армии не более 20 тыс., которые спешили дезертировать при первой возможности.

В экономической области правительству Врангеля и Кривошеина не удалось предотвратить дальнейшее умирание промышленности и транспорта, приостановить падение курса рубля и рост цен. Главной причиной этого явился крах финансовой системы, неизбежный при продолжении военных действий. Маленькая занимаемая территория была не в состоянии обеспечить воюющую армию всем необходимым. В 1920 г. расходы на содержание армии и флота, закупку продовольствия в Крыму и Северной Таврии составили 250 млрд руб. Чтобы покрыть этот огромный дефицит бюджета, вызванный военными расходами, правительство усилило эмиссию. Всего за 1920 г. было выпущено около 177 млрд руб., что еще сильнее подстегнуло инфляцию. Если к апрелю 1920 г. покупательная сила бумажного рубля ВСЮР упала по сравнению с российским рублем 1914 г. более чем в 700 раз (т. е. то, что в 1914 г. покупалось менее чем за 15 коп., теперь можно было купить не менее чем за 100 руб.), то к ноябрю 1920 г. она упала в 10 000 раз (т. е. за то, что в 1914 г. покупалось за 7–9 коп., теперь приходилось платить 1000 руб.).

В начале августа, когда Красная армия погнала польские войска к Варшаве и Львову, Франция решила укрепить положение Врангеля и подтолкнуть его на выручку Пилсудского. 10 августа, сославшись на «демократический» характер проводимых в Крыму реформ, признал врангелевское *Правительство юга России*. (Это был единственный случай признания белого правительства России западной державой.) В течение августа — октября Севастополь и Париж торговались из-за условий займа. Наконец, в середине октября правительство и финансовые круги Франции согласились отпустить предметы военного снабжения на сумму 100 млн фр., причем они включили сюда ранее выделенные 11 млн и 29 млн, которые были потрачены на снабжение Деникина. Условия были поставлены жесткие: продавать во Францию половину всех вывозимых с юга России хлеба, угля, шерсти, табака, кож, а половину вырученной суммы направлять на погашение займа, каковой погасить полностью не позже 31 декабря 1921 г. Причем все, что можно было закупить и доставить в Крым на 100 млн фр., составляло лишь 10% военного имущества, запрошенного Врангелем у Франции. Остальные 90% французы соглашались поставить лишь за немедленную уплату валютной.

Свобода торговли, введенная Врангелем на занятой территории в июне особым приказом, по расчетам правительства, должна была обеспечить крестьян сельхозорудиями и промтоварами, а городское население и армию — продовольствием и товарами первой необходимости. Однако в условиях инфляции и острого товарного дефицита торговля во врангелевской Таврии, как и всюду при белых, приняла характер бешеной спекуляции сверху донизу: от оптовых операций «китов» до массового мешочничества и уличной торговли с лотка. С апреля по октябрь цены на промтовары выросли в среднем в 15 раз, на продовольствие — в 20 раз.

Свобода торговли, при которой крестьяне лишились своего главного богатства — хлеба, не получая взамен ни платежеспособных денег, ни минимально потребного количества промтоваров, вызывала у них острейшее недовольство. В ре-

зультате срывались государственные закупки зерна и продовольствия для армии и городов. В такой ситуации части Русской армии, несмотря на строжайшие запреты Врангеля, вернулись к широкому применению насильственных бесплатных реквизиций, в ходе которых у крестьян отбирали продовольствие, зерно, лошадей и т. д.

Врангель быстро осознал, что его расчеты на привлечение крестьян к поддержке Русской армии не оправдываются. Поэтому он предпринял попытку перенести борьбу на Кубань, где на почве недовольства казаков продразверсткой, запретом торговли и террором ЧК ширилось повстанческое движение против большевистской власти. В августе он высадил на Кубани десант. Группа войск (около 5 тыс.) под командованием генерала С.Г. Улагая должна была присоединить к себе повстанческие отряды, поднять казаков на борьбу и захватить Екатеринодар. Однако население казачьих станиц, даже сочувствуя десанту, не оказало ему существенной поддержки, а многие повстанческие отряды, не желая поддерживать «белых», не присоединились к нему. Потерпев поражение, десантная группа Улагая вернулась в Крым.

Поворот в настроениях крестьян против армии Врангеля затронул и действовавшие в Екатеринославской и Таврической губерниях отряды Повстанческой армии Махно. Повстанцы и их командиры все громче требовали от Махно начать борьбу с врангелевцами. В *октябре* Махно заключил соглашение с советским командованием о совместных операциях против «белых» вплоть до освобождения Крыма.

Все это привело к разгрому Русской армии Врангеля армиями *Южного фронта* под командованием *М.В. Фрунзе* в Северной Таврии в октябре. При отступлении в Крым насильно мобилизованные крестьяне разбежались, бывшие пленные красноармейцы группами, убивая офицеров, перебежали к наступающим «красным». В *ноябре 1920 г.* Крым был взят войсками Южного фронта при участии отрядов Повстанческой армии Махно. Остатки Русской армии и гражданских беженцев (до 150 тыс. человек) Врангель с помощью флота союзников сумел эвакуировать в Турцию.

Не менее успешно для большевиков развивались события на востоке России.

Не имея достаточных военных сил для занятия Дальнего Востока и очищения его от японских войск и остатков колчаковских армий, а также увлекшись иллюзорными перспективами «советизации» Польши, правительство Ленина пошло на создание в *апреле 1920 г.* в качестве временного буферного государства между РСФСР и Японией *Дальневосточной республики (ДВР)*, в руководстве которой ведущую роль играли большевики. В мае при поддержке РСФСР из забайкальских и амурских краснопартизанских отрядов, мелких колчаковских частей, перешедших на сторону Советов, и частей РККА была сформирована *Народно-революционная армия (НРА) ДВР*.

Осенью *«каптелевцы»* (остатки армий колчаковского Восточного фронта, с ноября 1919 по апрель 1920 г. под командованием генерала *В.О. Каптеля* совершили *«Великий Сибирский поход»* от Омска до Читы; во время похода Каптель умер от воспаления легких) и *«семеновцы»* (войска атамана *Г.М. Семенова*), сведенные в *Дальневосточную армию*, под ударами НРА ДВР, местных партизанских отрядов и частей РККА из Забайкалья отступили в полосу отчуждения *Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД)*.

Генерал-лейтенант Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) забайкальский казак, окончил Оренбургское казачье юнкерское училище в

1911 г. Участвовал в Первой мировой войне. В марте 1918 г. в районе КВЖД сформировал Особый Маньчжурский отряд, в апреле создал Временное правительство Забайкальской области, в сентябре был произведен в полковники и назначен командующим 5-м отдельным Приамурским корпусом. В январе 1919 г. был назначен адмиралом А.В. Колчаком командующим войсками Читинского военного округа, с мая командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с июня войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с декабря генерал-лейтенант, главнокомандующий войсками тылового района. В январе 1920 г. Колчак передал ему всю полноту военной и гражданской власти на территории Российской Восточной окраины, в ноябре во главе подчиненных ему войск отступил из Забайкалья в Маньчжурию. В декабре 1921 г. вынужден был эмигрировать в Порт-Артур. Жил в Японии и Китае. В сентябре 1945 г. был захвачен советскими войсками в Дайрене (Маньчжурия) и по приговору Верховного суда СССР повешен 30 августа 1946 г.

Совершенно иной характер носили события на советско-польском фронте.

После провала попыток заключить с Польшей мирный договор и перехода польских войск к активным наступательным действиям операции Красной армии имели целью не столько освобождение занятой поляками территории Украины и Белоруссии, сколько «советизацию» Польши и выход к границам Германии. По сути «поход за Вислу» со стороны политического и военного руководства большевиков стал «вторым Брестом», второй попыткой детонировать социалистическую революцию за пределами России (сначала в Польше, а затем в Германии), на что были направлены усилия Коминтерна. Стратегическое планирование главного командования РККА исходило из этих политических целей и опиралось на преувеличенные представления Коминтерна о революционных возможностях польского пролетариата. Главный удар планировалось нанести в направлении Минск – Варшава. Именно в Белоруссию, на *Западный фронт* (командующий – *Тухачевский*), направлялась большая часть пополнений с востока и юга, а прикрывавший Украину *Юго-Западный фронт* (командующий – *Его-ров*), получил их значительно меньше.

Правительство Пилсудского со своей стороны намереваясь воспользоваться слабостью России, стремилось присоединить к Польше территорию Украины, получить выход к Черноморскому побережью и таким образом создать «Великую Польшу от моря до моря». Поэтому главной целью польской армии было занятие Украины с Киевом и района Одессы. Именно на этих направлениях польское командование сосредоточило основные силы, создав большое численное превосходство над войсками советского Юго-Западного фронта.

Начав 25 апреля наступление, польские войска нанесли тяжелое поражение войскам Юго-Западного фронта и заняли значительную часть Правобережной Украины с Киевом. Ценой больших потерь войскам фронта удалось отвоевать их в июне–июле.

В июле – первой половине августа успешное наступление войск Западного фронта окончилось их выходом к Варшаве. Однако вместо ожидавшегося революционного взрыва в Польше произошел массовый патриотический подъем. В польскую армию потекли добровольцы, ее дух окреп, боеспособность повысилась. С другой стороны, боеспособность Красной армии на территории Польши значительно понизилась ввиду враждебности местного населения, не-

понимания красноармейцами интернациональных целей «похода за Вислу» и новой вспышки в России и на Украине недовольства подрывающей, которое проникло в армию. В результате во *второй половине августа* войска Западного фронта, понеся невиданные за всю войну потери (из 150 тыс. бойцов фронт потерял более 100 тыс. убитыми и попавшими в плен), потерпели сокрушительное поражение под Варшавой, а войска Юго-Западного фронта были оставлены поляками у Львова.

Результатом военных действий стало осознание большевистским руководством невозможности насильственной «советизации» Польши, как и польским правительством – невозможности создать «Великую Польшу от моря до моря». В октябре было заключено перемирие, а в *марте 1921 г. – Рижский мирный договор* (между Польшей, с одной стороны, и советскими республиками Россией, Украиной и Белоруссией – с другой), по которому западные районы Белоруссии и Украины отошли к Польше.

Провал планов раздуть «мировой пожар» на Западе большевики отчасти компенсировали на Востоке, стремясь «советизировать» максимум возможного из бывшей территории Российской империи – прежде всего Среднюю Азию и Закавказье.

Плацидармом и базой «советизации» Средней Азии стала созданная в 1918 г. *Туркестанская советская республика*. В августе – сентябре 1919 г. части Красной армии сформированного *Туркестанского фронта* под командованием *Фрунзе*, разгромив крупные отряды *басмачей*, установили прочную связь между Советской Россией и Туркесреспубликой, которая получила из России большую материальную и военную помощь, а ее войска влились в РККА.

Басмачи (от турк. «басмак» – нападать) – бойцы повстанческих формирований, боровшихся против советской власти и Красной армии в Средней Азии. Отряды басмачей состояли как из представителей феодальной знати, исламского духовенства, родоплеменной верхушки и зажиточных групп населения, так и из бедных крестьян (дехкан).

В январе 1920 г. части Красной армии, воспользовавшись народным повстанческим движением против местных властителей и баев (феодалов), которому большевики России и Туркесреспублики оказали прямую поддержку, заняли территорию Хивинского ханства, где в апреле была образована *Хорезмская народная советская республика*. В конце августа – начале сентября 1920 г. части Красной армии, воспользовавшись народным восстанием в Бухаре против эмира, также подготовленным при содействии российских и туркестанских большевиков, заняли территорию Бухарского эмирата, где была образована *Бухарская народная советская республика*.

По аналогичной схеме проходила «советизация» Закавказья.

В конце апреля 1920 г. части Красной армии вступили в Баку, получив ожидаемый призыв поднявшей восстание местной организации большевиков. К середине мая власть национального правительства, возглавлявшегося партией «Мусават», была ликвидирована военным путем почти на всей территории и самостоятельная Азербайджанская республика прекратила существование. В течение всего 1920 г. части Красной армии подавляли антибольшевистские мятежи, решающим образом способствуя укреплению *Азербайджанской социалистической советской республики*.

В ноябре – декабре 1920 г. части Красной армии, воспользовавшись народными восстаниями, организованными большевиками в некоторых районах Республики Армения, поспешили занять ту ее территорию, которую еще не успела оккупировать наступающая турецкая армия. Правительство партии «Дашнакцутюн» было свергнуто войсками при участии повстанцев, и созданная *Армянская социалистическая советская республика* стала еще одним оплотом большевизма в Закавказье.

Шестой – завершающий – период *Гражданской войны (декабрь 1920 – октябрь 1922 г.)* включает, с одной стороны, наиболее острую и масштабную вооруженную борьбу между большевистской диктатурой и народным повстанческим движением, направленным против военного коммунизма и «комиссаро-державия», с другой – завершение насильственной «советизации» Закавказья и Дальнего Востока, т. е. утверждение большевистской власти вооруженным путем почти на всей территории бывшей Российской империи.

Наибольшей остроты и размаха крестьянские восстания, перераставшие в относительно организованные повстанческие движения, достигли *зимой 1920/1921 – весной 1921 г.* На Украине и юге России продолжали совершать рейды отряды Повстанческой армии Махно (до 30 тыс.), в Тамбовской губернии действовала крестьянская армия *А.С. Антонова* (до 50 тыс.), в Западной Сибири – крестьянская армия *В.А. Родина* (до 100 тыс.), а также отряды в казачьих областях Дона и Кубани. Большинство повстанцев составляли крестьяне и казаки, провоевавшие всю войну как в белых войсках, так и в Красной армии. За три месяца на охваченных восстаниями территориях повстанцами было убито более 10 тыс. коммунистов, чекистов, милиционеров и продработников. Почвой для столь массового и жестокого антибольшевистского движения стало предельно острое недовольство продразверсткой и теми жестокими мерами, которыми она осуществлялась. Военными и политическими руководителями повстанцев были, как правило, эсеры. Идеология повстанчества отрицала «диктатуру справа» (белых генералов) и «диктатуру слева» (большевиков) и была нацелена на поиски *«третьего пути»* (ни капитализм, ни коммунизм) и «истинного народоправства». Самыми популярными лозунгами повстанцев были «Долой продразверстку!», «Да здравствует свободная торговля!», «За Советы без коммунистов!».

Антонов Александр Степанович (1888–1922) *из тамбовских мещан, член партии эсеров с 1906 г., за участие в террористических актах был сослан в Сибирь, после Февральской революции вернулся в Тамбов, служил в милиции. В конце 1918 г. организовал отряд, ставший вооруженной силой губкома партии эсеров, и во главе его боролся против большевиков. С ноября 1920 г. по август 1921 г. возглавлял главный оперативный штаб повстанческих частей. Убит после ареста.*

Недовольство продразверсткой и сочувствие повстанцам глубоко проникло в массу красноармейцев из казаков и крестьян. Нередкими были случаи, когда части отказывались воевать против повстанцев, называя их «братьями». Троцкий и большевистская верхушка РККА отвечали на это жестокими репрессиями. Так, опасаясь, что Ф.К. Миронов может стать вождем зреющего казачьего восстания на Дону, в конце января 1921 г. его сняли с должности командира 2-го конного корпуса (бывшей 2-й Конной армии) и вызвали в Москву якобы для на-

значения инспектором кавалерии РККА. По пути он был арестован и доставлен в Бутырскую тюрьму, в апреле его застрелил часовой.

Кульминацией антибольшевистского сопротивления стало восстание матросов Балтийского флота и рабочих ремонтных мастерских в Кронштадте в *марте 1921 г.*, грозившее перекинуться на Петроград и с большим трудом подавленное войсками под командованием Тухачевского.

Эти события начала 1921 г. Ленин назвал самым острым кризисом большевистской власти. Он считал, что крестьянское повстанческое движение во главе с Махно, Антоновым и другими несло в себе гораздо большую опасность для диктатуры большевиков, чем армии Колчака, Деникина и Врангеля, поскольку последние не были поддержаны крестьянством. Надежду на удержание власти, по мнению Ленина, большевикам давало лишь то, что «история не научила» крестьян выступать по всей России одновременно.

Усиление хозяйственной разрухи, рост массового недовольства крестьян и рабочих, нарастание повстанческого движения, восстаний и забастовок, трудности использования Красной армии для борьбы против народа – все это показало наиболее реалистически мыслящим лидерам большевиков, в том числе Ленину, что сохранение продрозверстки создает смертельную угрозу большевистской власти. Они пришли к выводу, что в условиях угасания революционного движения на Западе у них есть единственная возможность спасти свою власть в России – отказ от самых ненавистных для крестьянства элементов военного коммунизма, отказ от надежд через военный коммунизм перейти непосредственно к социализму.

Вынужденная замена решением *X съезда* партии большевиков продрозверстки *продналогом в марте 1921 г.* (Ленин попытался сохранить основу военного коммунизма – прямой натуральный продуктообмен между частными крестьянскими хозяйствами и государственной промышленностью) и последовавшее за ней летом (не менее вынужденное в условиях голода, полной разрухи в промышленности и на транспорте, отсутствия запасов промтоваров) разрешение свободы торговли в целом умиротворили российскую деревню. Сужение социальной базы повстанческого движения позволило Красной армии ликвидировать крестьянские и казачьи формирования на Украине, в Тамбовской губернии, на Дону и Кубани, в Поволжье и Сибири.

Значительно меньших усилий и потерь потребовало от большевиков завершение «советизации» Закавказья силами *Кавказского фронта*. В феврале 1921 г., когда грузинские большевики подняли против социал-демократического правительства Грузинской демократической республики вооруженное восстание, подготовленное под руководством Кавказского бюро ЦК РКП(б), и провозгласили образование *Грузинской социалистической советской республики*, войска фронта, в нарушение мирного договора 1920 г. вторглись на территорию Грузии. К середине марта при содействии повстанцев-большевиков они ликвидировали демократическую власть и ее вооруженные силы.

Так путем военного «экспорта революции» большевики фактически сколотили основу будущего СССР.

На третьем фронте вооруженной борьбы – дальневосточном – из-за слабости Народно-революционной армии Дальневосточной республики и присутствия японских войск военные действия затянулись до *ноября 1922 г.*

Гражданская война стоила России колоссальных потерь. Народное хозяйство было в корне разрушено: промышленное производство упало до 20%, сельскохозяйственное – до 50% относительно от уровня 1913 г. Общие людские потери составили, по разным подсчетам, от 10 до 12 млн; из них в боевых действиях погибли со всех сторон свыше 1 млн, жертвами красного и белого террора, а также бандитизма стали около 2 млн, умерли от ран, голода, холода и болезней 5–7 млн, до 2 млн эмигрировали.

Важнейшим итогом Гражданской войны явилось окончательное утверждение в России большевистской диктатуры и гибель государственных образований и политических сил, одни из которых представляли привилегированные социальные группы императорской России и боролись за ее реставрацию, соглашаясь лишь на некоторые демократические «уступки», другие – Россию демократическую, объективно выражающую интересы широких средних слоев города и деревни, прежде всего крестьянства.

Решающей причиной победы большевиков стал выбор, сделанный основной массой российского крестьянства. Это был выбор вынужденный и неокончательный, выбор не в пользу социализма по-большевистски, а против буржуазно-помещичьего и самодержавно-бюрократического строя по-русски. Отрицательно реагируя на насилие, несправедливость и утопичность в политике большевиков, крестьяне в конце концов были вынуждены примириться с ней, дабы избежать еще худшей альтернативы – возвращения помещиков. Но их интересы, традиции и психология мелких товаропроизводителей отторгли сами основы большевистской политики и идеологии. В 1920 г. крестьяне жили надеждой, что с окончательным изгнанием белогвардейцев и помещиков в стране установятся мир, порядок и справедливость в их понимании: вслед за свободой распоряжаться землей они получат свободу распоряжаться продуктами своего труда.

Однако вынужденная готовность крестьян временно нести тяготы военного коммунизма ради победы над «белыми» была ошибочно истолкована большевиками как их восприимчивость к коммунистическим идеям, а с другой стороны – как доказательство эффективности массовой пропаганды «светлого коммунистического будущего» в сочетании с мерами принуждения и террора против колеблющихся и сопротивляющихся.

К концу Гражданской войны в РСФСР и союзных с ней советских республиках (или на их территориях, контролируемых Красной армией) под давлением объективных экономических и военно-политических обстоятельств сложилась своего рода чрезвычайная военно-хозяйственная диктатура. Сама логика вооруженной борьбы в крестьянской стране с разрушенной экономикой и государственностью направила большевиков на путь создания однопартийного диктаторского режима, огосударствления и милитаризации экономики, насаждения военного коммунизма.

Исходя из утопических представлений о возможности непосредственного перехода от капитализма к социализму, большевики увидели в победах на хозяйственном и военном фронтах лучшее доказательство реальной возможности скачка в социализм при помощи военно-коммунистических, диктаторских методов. Несмотря на недовольство крестьян продразверсткой, большинство коммунистов, в том числе Ленин, в 1920 г. были уверены, что крестьяне будут давать государству хлеб по разверстке и после войны, по крайней мере до полно-

го восстановления промышленности и транспорта. Военно-коммунистические тенденции и диктаторские методы стали в 1920 г. главными теоретическими и практическими ориентирами для партии большевиков.

К 1921 г. в стране сложилась громоздкая партийно-государственная машина. Отождествление вынужденных военно-коммунистических методов управления экономикой и социальной сферой с «коммунистически организованным трудом и распределением» привело к тому, что создаваемое большевиками «государство диктатуры пролетариата» в крестьянской стране взяло на себя непомерно много в регулировании общественной жизни. В результате большевики вместо диктатуры пролетариата создали диктатуру неповоротливого военно-бюрократического партийно-государственного аппарата, неспособного оперативно реагировать на изменение социально-экономической и политической ситуации и исправлять собственные ошибки с минимальными потерями.

Военно-коммунистические деформации затронули как органы советской власти, так и большевистские организации сверху донизу. В стране образовался мощный бюрократический слой, включивший, с одной стороны, партийных работников и советских служащих, а с другой – старых чиновников дореволюционной закалки, которые спешно обзаводились партийными билетами. Этот слой быстро терял связи с народными массами, перенимал и воспроизводил худшие черты российской дореволюционной бюрократии, превращался в особую социальную силу, приобретал огромное влияние и возможность действовать в своих собственных интересах, чаще всего чуждых и далеких от чаяний народа. Опыт Гражданской войны убедил этот слой в универсальности средств насилия и пропаганды при решении экономических, социальных, политических и идеологических проблем. Наконец, именно этот слой стал главной опорой большевистской диктатуры, подменив собой и подмяв под себя ростки «непосредственного участия трудящихся в управлении государством».

Этот новый правящий социальный слой в 1921 г. отказался от военного коммунизма только тогда, когда столкнулся с реальной угрозой крестьянской войны. Только почувствовав угрозу потери власти, он перешел к новой экономической политике со значительным опозданием, что стоило стране огромных людских и хозяйственных потерь. Такой частичный возврат к рынку (т. е. к капитализму, по понятиям большевиков) партийно-государственная бюрократия не могла считать ничем иным, как только «временным вынужденным отступлением» – даже вопреки мнению своего вождя, в конце жизни пришедшего к выводу, что нэп в России – «всерьез и надолго». Твердолобый марксизм и «чрезвычайные» управленческие навыки нового правящего слоя сами по себе обрекали нэп на скорую ликвидацию. Вместе с тем все это свидетельствовало, что большевистский режим с самого своего рождения начал терять способность к своевременному самореформированию.

Другим важнейшим итогом Гражданской войны стало фактическое образование военно-политического и военно-хозяйственного союза советских республик во главе с РСФСР и политическим центром в Москве. Двигателем этого процесса было отнюдь не стремление трудящихся разных национальностей, веками живших в одном государстве и связанных тесными экономическими и культурными узами, объединиться в «братскую семью» для защиты от внутренних и внешних врагов, а усилие партии большевиков, ставшей монопольно правящей

во всех советских республиках в результате как внутренних революционных процессов, так и «экспорта революции» силами объединенной РККА. Создание такого союза в границах если не всей, то хотя бы большей части бывшей Российской империи рассматривалось большевиками в качестве важнейшего условия выживания их диктатуры по мере того, как жизнь разрушала их иллюзорные надежды на скорую международную социалистическую революцию и помощь пролетариата развитых стран Запада.

Наконец, Гражданская война и интервенция сформировали у большевиков основные тактические приемы внешней политики, важнейшими из которых стали игра на экономических и политических противоречиях капиталистических стран, использование торговли в качестве «пряника» и Красной армии в качестве «кнута» в отношениях с соседями, дестабилизация внутривнутриполитической обстановки в других странах через нелегальные структуры Коминтерна, а также путем политико-экономического давления и пропаганды, социальных конфликтов и кризисов, создающих условия для вооруженного «экспорта революции». Такое «мирное сосуществование» было ничем иным, как по сути выжиданием нового кризиса западной цивилизации и подготовкой к вооруженному столкновению с ней. В ходе будущего столкновения, которое большевики считали неизбежным, надлежало решить задачу, не решенную в 1918–1920 гг., – завершить «советизацию» всей территории бывшей империи и начать «советизацию» Центральной и Западной Европы.

Короткая история Белого движения подвела итог России, погибшей в феврале 1917 г. В белом тылу получили ускоренное и полное завершение те экономические, социальные, политические и духовные процессы, которые привели Российскую империю к революционному кризису 1917 г. Поэтому борьба белых армий закономерно завершилась их поражением. Тем не менее Белое движение, опираясь на неустойчивую поддержку средних слоев и половинчатую помощь союзников, своим отчаянным сопротивлением затянуло Гражданскую войну в центре России на 3 года, а на востоке страны – на 5. И в исторической перспективе Белое движение отнюдь не потерпело полного поражения. Ибо, подавляя его вооруженное сопротивление, большевистская власть в России сумела победить и окончательно утвердиться только ценой перерождения из «пролетарской демократии» в диктатуру руководящих партийно-государственных бюрократических структур, что решающим образом предопределило ее последующую трансформацию в обреченный на гибель тоталитарный режим.

Лекция 22
РОССИЙСКИЕ ГОРОДА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
НАСЕЛЕНИЕ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

Победная для большевиков Гражданская война принесла России огромные людские потери, причинила колоссальный ущерб экономике, ввергла народ в невиданное обнищание. За годы войны страна потеряла около 13 млн человек – убитыми во время боевых действий, расстрелянными в ходе красного и белого террора, умершими от голода и эпидемий, бежавшими за границу.

В начале 1920-х гг. будущий советский академик С.Г. Струмилин, опираясь на материалы переписи населения 1920 г., подсчитал: с учетом несостоявшихся рождений *общие демографические потери* превысили 21 млн душ.

По оценке демографа Е.З. Волкова (его книга «Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет» была опубликована в 1930 г.), численность населения в период 1918–1922 гг. (в тогдашних границах СССР) менялась следующим образом:

Год	Численность тыс. человек	Абсолютный прирост тыс. человек
1 янв. 1918	140 903,4	—
1 янв. 1919	139 700,6	– 1202,8
1 янв. 1920	137 092,5	– 2608,1
1 янв. 1921	134 275,8	– 2816,7
1 янв. 1922	133 890,1	– 385,7
1 янв. 1923	133 467,2	– 422,9

Таким образом, за 5 лет, с 1918 по 1922 г., убыль населения составила 7436,2 тыс. человек.

Подсчеты других демографов дали более высокие цифры. Так, С. Максудов (псевдоним эмигрировавшего в США советского демографа А. Бабеньшева) определил людские потери России в 10,3 млн (без эмигрантов), А.Я. Боярский – в 12 млн, Б.Ц. Урланис – в 10–11 млн.

В 1980 г. в Институте истории СССР АН СССР была разработана компьютерная методика использования данных Всесоюзной переписи 1926 г. для установления численности населения страны в предшествующие годы. Исходя из возрастной структуры населения и основываясь на содержащихся в источниках данных о естественном и механическом движении населения, ее авторы восстановили динамику численности народонаселения страны за 1917–1926 гг. (Этот прием получил название методики ретроспективного использования материалов переписей населения с учетом комплекса дополнительных данных, имеющихся в распоряжении историка.) Согласно расчетам осенью 1917 г. население России (на территории в границах 1926 г.) насчитывало 147 644 тыс. человек, а к началу 1920 г. оно сократилось на 7 083,3 тыс., к 1921 г. – на 10 887 тыс., к 1922 г. – на 12 741,3 тыс.

В 1920 г. *численность городского населения* сократилась по сравнению с довоенной 1913 г. почти на 8 млн (на 30%): если в 1913 г. оно составляло 28,4 млн, то к 1920 г. уменьшилось до 20,1 млн. Особенно остро потери городского населения ощущались в Европейской России, так как именно здесь были сосредоточены крупные промышленные центры, сильно пострадавшие от национализации и от военного коммунизма в целом. Только с 1917 по 1920 г. городское население Европейской России сократилось на 3,5 млн (на 25%).

Опустошение в первую очередь коснулось столичных городов.

В 1918 г. жители Петрограда бросали квартиры и имущество на произвол судьбы, покидая голодающий город в поисках хлеба. Бывший адвокат Н. Майер писал о состоянии города в том году: «Громадное большинство желало уехать. К тому было много причин – весь Петроград в то время стремился уехать в провинцию или деревню, ибо первые судороги голода, цепко взявшего Петроград в свои холодные, скользкие лапы, уже сжимали страшными кольцами городское население. Бегство из Петрограда принимало панический характер».

К июню 1918 г., как показала проведенная тогда перепись, численность населения Петрограда по сравнению с 1910 г. уменьшилась на 427 451 человека (на 22%), а по сравнению с 1915 г. – на 840 507 (на 36%). «Если притом иметь в виду, что падение произошло крайне быстро, на протяжении всего нескольких месяцев, – отмечал доктор С.А. Новосельский, проводивший перепись, – то изменения эти, очевидно, нужно отнести к области патологических общественных явлений, а не к области физиологии населения, его нормальной эволюции. Этот острый патологический процесс обезлюдения Петрограда не приостановился с момента переписи. По имеющимся, правда, не особенно точным сведениям, число петроградского населения с начала июня до половины августа понизилось еще на 250–300 тысяч... Петроград тяжело болен, как тяжело больна и Россия. Вопрос, выздоровеет ли Петроград, “быть Петрограду пусту”, быть ли вообще Петрограду, – это лишь часть общего вопроса, выздоровеет ли Россия, будет ли Россия».

По данным Бюро санитарной статистики Московского статистического отдела, смертность в Москве, составлявшая в 1914 г. 23,2 на 1000 горожан, выросла в 1918 г. до 29,8, сделала чудовищный скачок в 1919 г. – до 45,4, чуть снизилась, оставаясь весьма высокой, в 1920 г. – до 36,2. Резкое снижение смертности в Москве наступило только в 1923 г., когда она составила 14 на 1 000 москвичей.

Динамика смертности по Петрограду была аналогичной.

Обезлюдение российских городов вызывалось целым комплексом взаимосвязанных причин.

Во-первых, росла смертность горожан от голода и от эпидемий (брюшной, сыпной и возвратный тифы, дизентерия, малярия, грипп «испанка» и др.). При этом смертность непосредственно от голода была меньше, чем от инфекционных болезней, широко распространившихся в том числе и на почве хронического недоедания, которое было одним из основных факторов ослабления организма, снижение его сопротивляемости желудочно-кишечным, сердечно-сосудистым и легочным заболеваниям.

Обычная, мирная норма хлебного питания в России составляла 19 пудов в год на человека. Фактически же, по данным Госплана РСФСР, в потребляющих районах (губерниях Нечерноземного центра) в конце Гражданской войны, в 1920 – 1921 гг., приходилось 12,6 пуд. для сельского и 9,8 пудов для городского населения, а в производящих (губернии Поволжья и Центральной черноземной области) – соответственно 12,3 и 10,2 пудов. На юго-востоке и в Сибири сельское население питалось лучше – 16,4 и 15,9 пуд. Горожане же на юго-востоке получали хлеба 9,9 пудов, а в Сибири – 12,1 пудов.

Статистика выявила зависимость смертности от возраста. Самой высокой была смертность среди детей младше 4 лет и среди пожилых людей старше 65 лет. Только за 3 года войны безвозвратные потери населения страны от острых инфекционных болезней превысили 2 млн. В результате баланс между рождаемостью и смертностью имел отрицательный характер, происходили значительные изменения в возрастно-половой структуре городского населения. Особенно велики были потери среди мужчин. Так, в Петрограде смертность среди мужчин в 1920 г. составила 49,4%, а среди женщин – 38,6% (в целом по стране в 1,5 раза выше, чем у женщин).

Во-вторых, из-за закрытия и остановки промышленных предприятий в результате политики военного коммунизма сотни тысяч городских рабочих уезжали в деревню, надеясь прокормиться в сельской местности прежде всего ремонтом сельхозинвентаря. Причем отток рабочих из городов был особенно ощутим в промышленных районах, производящих губерниях.

В-третьих, зажиточные горожане (верхний и средний слои чиновничества, крупная и средняя буржуазия, офицерство, часть интеллигенции), спасаясь от красного террора, мобилизаций, всеобщей трудовой повинности, голода, холода и инфекционных болезней, уезжали на запад и юг, а оттуда – за границу. Общая численность эмигрантов, по подсчетам историков и демографов, составила 1,5–2 млн.

В-четвертых, происходило рассасывание из городов пришлого населения периода мировой войны, прежде всего беженцев из западных районов. По некоторым данным, эта категория городского населения насчитывала почти 2,5 млн человек.

В-пятых, часть жителей центрально-европейских городов переехала в города Украины, Сибири и Северного Кавказа. Продовольственное положение там было значительно лучше, поскольку это были преимущественно сельскохозяйственные районы.

В итоге к осени 1920 г. лишь в 5 городах (Киеве, Одессе, Харькове, Ташкенте, Баку) население превышало 200 тыс. 13 городов (Саратов, Ростов-на-Дону, Казань, Самара, Омск, Екатеринодар, Нижний Новгород, Астрахань, Екатеринослав, Тула, Оренбург, Минск, Николаев) насчитывали более 100 тыс. жителей и около 40 – от 50 до 100 тыс. горожан.

По неполным данным переписи 1920 г., на территории РСФСР были зафиксированы 84 282 906 жителей, в том числе 72 231 692 в селах и 12 051 264 в городах. К 1920 г. Москва и Петроград потеряли около 60% своих жителей. В Москве осталось немногим более 1 млн человек против 1,7 млн жителей в 1914 г., в Петрограде – 706 тыс. человек против 2 млн в 1914 г.

С другой стороны, по оценке историка А.С. Сениявского, резко изменился *социальный состав городского населения*. «Один и тот же населенный пункт до 1917 г. и в начале 1920-х годов, например, Москва, – принципиально разные общественные явления, разные города, даже если почти полностью сохранилась архитектура, виды и объемы производимой продукции и т. д. С октября 1917 г. в течение нескольких лет из города исчезли целые классы, сословия, социальные слои. Не было дворянства, практически уничтожено старое купечество. Вытеснялось, растворялось и также уничтожалось мещанство. Мало что осталось и от квалифицированного, особенно потомственного, рабочего класса. По сути, мировая война, революция и Гражданская война смели те социальные категории, которые, собственно, и составляли основу города. Города наполнили крестьяне и полукрестьяне».

Экономический кризис и обезлюдение городов вызвали распад *городского хозяйства*. В столицах он шел быстрее, в провинциальных городах – медленнее.

Что прежде всего бросалось в глаза – города быстро теряли свой обычный, «городской» вид. Гасло освещение, пропадали телефонная связь и вода в водопроводе, останавливались трамваи, исчезали автомобили и даже извозчики. Особенно быстро цивилизованность, ухоженность и лоск теряли столицы. Петербуржец Г.А. Князев записал в своем дневнике в июле 1918 г. мрачные мысли, навеянные быстрым запустением родного города: «На улицах почти совсем нет извозчиков, очень мало ломовиков, еще меньше автомобилей. Некоторые улицы и площади зарастают травой. Столица Российской империи принимает захолустный, провинциальный вид: “Быть Петербургу пусту”».

Жители уральских городов с лета 1917 г. стали испытывать все больше неудобств. Расшатались никем не ремонтируемые деревянные тротуары. Перестали убираться улицы. Летом горожане страдали от зноя и пыли на дорогах, которые больше не поливались, и от зловония, распространяемого базарами и общественными уборными, находящимися в антисанитарном состоянии. Дворы национализированных домов были покрыты гниющим мусором, навозом и кухонными отбросами. Зимой горожане лавировали среди сугробов и выделявали замысловатые па на обледенелых дорогах, летом – ходили по проезжей части улиц, чтобы не покалечить ноги на сломанных половицах дощатых тротуаров и избежать попадания в голову мусора, летящего прямо из окон. В передвижениях по пришедшим в упадок городским улицам население всегда было начеку и демонстрировало чудеса ловкости.

Поздней весной 1921 г. в районе Верх-Исетского металлургического завода, когда грузовик продавил мост через реку Исеть, остававшийся свыше трех недель без ремонта, екатеринбургская печать сообщала: «Обыватели прыгают, как козлы, через провалы, и на чем свет стоит ругают советскую власть».

Неменьшие неудобства доставляла горожанам неразвитость водопроводной сети. В Уфе водопровод обслуживал едва ли половину жителей, остальные уфимцы брали воду из реки и уличных кранов, причем при пользовании ими

следовало платить 50 коп. за ведро. Забор речной воды затруднялся расположением города на крутом склоне реки Белой и тяжестью подъема. Следствием этих обстоятельств была экономия в расходовании воды в ущерб гигиене. Весной и летом многочисленные общественные сады города объедались козами – «любимейшими животными уфимцев», по наблюдению местных журналистов. В разгар июльской жары на городском базаре царила антисанитария.

В июле 1921 г. власти города объявили неделю чистки и водоснабжения, предполагавшую прежде всего копку общественных колодцев, поскольку городской «водопровод пришел в страшно запущенное состояние». В августе пришлось повторить неделю чистки, так как санитарное состояние дворов и улиц не улучшилось. Губернский коммунальный отдел во исполнение декрета правительства РСФСР от 1 сентября 1921 г. об установлении платы за коммунальные услуги ввел с сентября оплату за воду, вследствие чего домовые краны стали недоступны для посторонних. Источником воды для обитателей домов без водопровода стали исключительно водоразборные колонки, но их было мало. Хотя водопровод и был приведен в порядок, но дефицит воды в Уфе продолжал напоминать о себе самым чувствительным образом, прежде всего в банях.

Ассенизационное дело также оказалось в плачевном состоянии. Уфа, которая не знала хорошо налаженной ассенизации и до революции 1917 г., а потому страдала от вспышек инфекционных заболеваний, оказалась в тяжелом санитарном состоянии. В 1916 г. из губернского центра было вывезено 34,7 тыс. бочек нечистот, в 1917 г. – 34,1 тыс., в 1918 г. – до 22,8 тыс., т. е. произошло снижение в полтора раза, в 1919 г. – 22,1 тыс. бочек. Отдел здравоохранения Уфимского губисполкома в 1920 г. следующим образом охарактеризовал организацию ассенизации в губернском городе: «С наступлением революционного 1917 года и периодическим занятием города разными властями, эвакуации его с вывозением имущества, особенно лошадей, отчасти и бочек, прекращением дел частными ассенизаторами, постепенным приходом частного инвентаря в полную негодность, – дело ассенизации города совершенно разрушилось и с начала 1918 г. город совершенно не очищался. Вся ассенизационная деятельность сводится в настоящее время к тому, чтобы не дать нечистотам в общественных учреждениях перелиться через край выгребных ям и разлиться по городу, что удается далеко не всегда, частные обыватели совершенно не очищаются. Жильцы муниципальных домов очищаются в виде исключения».

В такой ситуации эпидемии тифа и холеры стали обычным делом в российских городах. Ежегодно заболевали десятки тысяч, тысячи умирали.

Все острее становился *жилищный кризис*.

Относительно лучших жилищных условиях оказались домохозяева в некрупных городах, а также ответственные советские работники. Так, к ноябрю 1920 г. в Кургане сложилась следующая ситуация с жильем: «Население, проживающее в национализированных домах, уплотнено, но граждане, живущие в своих домах, как жили ранее, так живут и теперь, занимая с семьей в 3–4 человека по 5 и 6 комнат, а также и ответственные работники расположились прекрасно». Иначе выглядели жилищные условия тех, кто снимали жилье, не имея протекции, да еще в местах, пострадавших от военных действий. В крайне тяжелом положении оказались рабочие, не имевшие собственного жилья и оказавшиеся на Урале в порядке трудовой повинности для восстановления промышленных предприятий.

Управление благоустройства и коммунальных предприятий Челябинского горисполкома в сентябре 1919 г., после ухода колчаковцев, предприняло обследование коммунальных строений и частных домов, реагируя на поток жалоб и заявлений горожан. Оказалось, не только частные домовладения, но и основные коммуникации губернского центра пребывали в состоянии распада. Так, мост через реку Миасс по улице Уфимской, одной из главных улиц города, грозил обрушением. «Мост на деревянных ряжевых устоях, ряжи пришли в ветхость, неоднократно чинены, особенно в местах соприкосновения с водой, концы прогонов совершенно сгнили, верхний настил весь проездился, местами доски до того изъездились, что колесами захватывает нижний настил. Во время больших водоразлитий вода в отверстие моста не помещается, разливается и проходит по Хлебной площади в старое русло р. Миасс, что является громадным неудобством для сношения жителей заречной части с городом».

Картины запустения являли глазу и другие губернские центры Урала. Весной 1921 г. оренбургская печать, сетуя на грязь в городе, ехидно замечала: «У нас существуют, наверное, сотни разного рода комиссий, подкомиссий, уполномоченных и даже “чересчур уполномоченных”. Но вот кучи мусора на улицах Оренбурга не исчезают, а растут все более и более». За время Гражданской войны 20 % жилья в Оренбурге было уничтожено, еще столько же пришлось в негодность, в том числе по причине отсутствия водосточных труб, разобранных жильцами на дымоходы печей – «буржук», отчего углы и стены домов из-за подтекания воды промерзли и покрылись грибом.

В уральских городах, небогатых многоквартирными доходными домами для состоятельных жильцов, жилые помещения быстро приходили в негодность из-за несовершенства систем канализации, водопровода и отопления. Так, акт осмотра полуподвального помещения дома в Вятке в феврале 1919 г. гласил: «Пол сеней и коридора... покрыт толстым слоем замерзшей жидкости, по-видимому, сточного характера; ватерклозетом пользоваться совершенно нельзя – дверь его крепко вмерзла в замерзшую сточную жидкость пола сеней и не открывается; дверь, ведущая из сеней в специально устроенное, рядом с ватерклозетом, помещение с водопроводным краном и раковиной, также вмерзла в пол и полуоткрыта, пользоваться водопроводом нельзя, так как пол здесь также покрыт толстым слоем льда, раковина переполнена замерзшей водой, спускающейся целой горой льда до самого пола».

Запущенное печное отопление частных домовладений также было чревато многими неприятностями, прежде всего пожарами. Ранним летом 1921 г. из-за начавшей жары и ветхого состояния печных дымоходов выгорела четверть заводского поселка Кыштым в Екатеринбургской губернии. В огне погибло более 700 домов, много скота и домашней птицы. Без крыши над головой остались 1031 семья, включая 2323 взрослых и 1834 ребенка. Очевидец оставил описание поселка, пережившего пожар: «Въезжаешь в город с грустным гнетущим чувством. Перед глазами безотрадная, унылая картина. Целые ряды улиц выгорели буквально дотла. От домов остались одни печи, от строений – только фундаменты. Деревья и те сгорели. Цветущий город превратился в пустыню». В Вятке более 40% пожаров за 1919–1920 гг. возникли из-за несвоевременной чистки дымоходов труб и неисправности печей.

При такой разрухе городского хозяйства горожанам приходилось проявлять исключительную изобретательность.

Одним из символов тогдашней России стала печь-«буржуйка», подробное описание которой сохранилось в воспоминаниях современников: «Все мы разогревали свою скудную пищу на “буржуйках”. Это кусок кровельного железа, свернутого в короткую трубку в 1/2 аршина высотой. Сверху отверстие, прикрываемое тоже железным тонким кружком. Сбоку небольшое отверстие, куда вставляется тонкая железная труба... С другого боку пониже крошечная дверца; через нее можно протолкать маленькие кусочки лучинки или простую бумагу и – зажечь. Это и есть “буржуйка”. Зовут ее так, потому что, не имея ни дров, ни денег для их закупки, мы все, обыватели – «буржуи», только на ней и варили свою пищу».

В связи с недостатком электричества и керосина для освещения придумывались суррогаты жидкого топлива. На закате колчаковского режима екатеринбургская печать советовала населению использовать для освещения смесь из чистого спирта и скипидара в пропорции 4 : 1 или из восьми частей спирта и одной части пихтового масла.

Таким образом, быт жителей городов разительно изменился и потребовал от них выработки соответствующих навыков. Нужно было научиться самим добывать топливо, не обращать внимания на холод и посторонние неприятные запахи, спать в одежде, привыкнуть к отсутствию освещения и еще много других благ цивилизации.

Хозяйственный кризис и война увеличили масштабы и ухудшили последствия традиционной российской беды – *пьянства*.

На протяжении веков в российской ментальности употребление спиртного считалось нормой, при этом неизменно присутствовало отрицательное отношение к пьянице, настроенность к трезвеннику и позитивная оценка умеренно пьющего. В народной традиции употребление спиртных напитков было прочно связано прежде всего с праздниками, торжествами и досугом вообще, а в военные годы оно стало сопутствовать действиям войск на фронте и многим сторонам повседневной жизни в тылу. Этим грешили рабочие и крестьяне, городские низы и представители интеллигенции, военнослужащие красных и белых армий, партийные функционеры и ответственные работники, стражи порядка и представители разнообразных властных органов.

Яркие картины повального пьянства, распространившегося в деморализованной революцией русской армии, дал на основе личных впечатлений Артем Веселый в своем знаменитом романе «Россия, кровью умытая».

«За станцией перед винными складами, день и ночь ревмя ревела, буйствовала пьяная многотысячная толпа. Солдаты, казаки вольные недуром ломились в ворота, лезли через кирпичные стены. Во дворе упившиеся не падали – падать было некуда – стояли, подпирая друг друга, качались, как гурт скота. Некоторые умудрялись и все-таки падали; их затапывали насмерть».

В самом помещении пьяные гудели и кишели, будто раки в корзине. Колебался свет стеариновых свечей, на стенах под сетками поблескивали термометры и фильтры. В бродильных чанах спирт-сырец отливала синеватым огнем. Черпали котелками, пригоршнями, картузами, сапогами, а иные, припав, пили прямо как лошади на водопое. В спирту плавали упущенные шапки, варежки, окурки. На дне самого большого чана был отчетливо виден затонувший драгун лейб-

гвардии Преображенского полка в шинели, в сапогах со шпорами и с вещевым мешком, перекинутым через голову».

Волна «пьяных» погромов прокатилась по стране в конце 1917 г. Так, первый масштабный погром в губернском городе на Урале произошел в Перми 3–5 ноября 1917 г.

В ночь с 3 на 4 ноября, после представления в цирке, в солдатской среде возникло предложение громить магазины. Поначалу разнесли лавку городского общества потребителей, далее – склад вин, где толпа перепилась и двинулась по городу, круша все попадававшиеся на пути торговые заведения, включая книжные и музыкальные магазины. К одурманенным алкоголем солдатам примкнули бабы-солдатки, подростки, не только пьяные, но и трезвые обыватели Перми в стремлении поживиться чужим добром. Вот как описывали местные журналисты со слов очевидцев раннее утро 4 ноября в Перми: «Идет пьяный солдат и баба после грабежа ювелирного магазина. У солдата руки в крови, зато на всех пальцах много золотых колец. Баба, идущая с ним под руку, тоже разукрашена драгоценностями: на руках и кольца, и браслеты, и другие золотые вещи. Бежит пьяный солдат: в руках у него пять будильников-часов. Шатаясь и скверно ругаясь, плетется солдат. Под мышкой левой руки у него две иконы новенькие, а в правой руке – железная палка. Этой палкой он, как бы по пути, разбивал стекла подряд всех домов в первом этаже, где он может достать палкой окна».

Пьяные бесчинства продолжались весь день. Была попытка разграбить железнодорожные склады, но ее сорвали вооруженные рабочие. В ночь на 5 ноября солдаты штурмом захватили пивоваренный завод, расположенный в центре города. Весь следующий день пиво ведрами и чайниками доставлялось в солдатские казармы. Последовали погромы частных квартир. В этот день власти уездного Екатеринбурга во избежание разгрома винного склада слили 9 тыс. ведер спирта в городской пруд. Эффект оказался прямо противоположным ожиданиям «отцов» города: спирт плавал на поверхности и поверх льда, маня многочисленных «страждущих», преимущественно солдат местного гарнизона. Пьяное буйство сопровождалось беспорядочной стрельбой. Очевидец так живописал сцену пьяного разгула в центре города: «Солдаты, ругаясь, толкая друг друга, бросались на лед, к краю проруби и с радостью лакали из нее разбавленный водой спирт, не обращая внимания ни на грязь, что текла в ту же прорубь, ни на навоз, окружающий ее. Лед не выдержал – провалился, и все лакающие погрузились в холодную воду. Но – счастье их – вода была мелка. Отдуваясь, хохоча, солдаты вылезали на лед и снова начинали пить. Пили до одурения, до «положения риз». Многих тут же у проруби рвало, и рвотная пакость плавала в проруби, но «алчущие», не смущаясь этим, отмахивали ее рукой и пили».

Пьяная вакханалия не ограничивалась городами, а широко разливалась и по сельской местности. Известия об аресте Временного правительства разрядили огромный потенциал агрессии, накопившийся у населения в течение 1917 г. Снижение градуса социальной напряженности стоило значительного материального ущерба: многие торговые заведения вынуждены были закрыться. Не обошлись «пьяные» погромы и без человеческих жертв.

Мировая война, революционные потрясения и Гражданская война создали клубок причудливо переплетенных факторов, благоприятствующих распространению пьянства. Введение сухого закона в сочетании с обязательными по-

ставками хлеба из деревни по твердым ценам превратили самогонование в экономически выгодное дело, приносящее двойную и даже тройную прибыль. Страна втягивалась в самогонную вакханалию. Советская власть не собиралась заниматься продажей спиртного на государственном уровне.

Разруха Гражданской войны повысила ценность алкоголя не только как средства избавления от каждодневных страхов, ухода от действительности, собственной социальной неустроенности. Значительно возросло его физиологическое значение. Переход на малокалорийную, законсервированную с помощью соли пищу усилил роль спиртных напитков как источника дополнительных калорий и утолителя жажды. Современник тех событий писатель Михаил Осоргин заметил: «...Под селедку и воблу страстно хотелось водки».

Кроме того, ухудшение санитарного состояния городов, участвовавшие вспышки эпидемий, дефицит медикаментов превратили алкоголь в основное антисептическое и лекарственное средство.

Наконец, инфляция денежных знаков, дефицит самых необходимых товаров и услуг превратили горячительные напитки в своеобразное средство платежа. В условиях действия сухого закона место профессионально изготовленных алкогольных напитков заняли суррогаты – денатурат, политура, одеколон, лак, саmogон.

В 1917 г. началось быстрое распространение самогонования. Так, газета «Вятская речь» от 21 января 1917 г. поместила корреспонденцию из Уржумского уезда: «...Всякий знает, что хлеб всему голова, что хлеб ныне есть, а следовательно, почему бы из хлеба не сварить кумышки [кумышка – водка домашнего производства. – Авт.]. Понаделали трубок медных, жестяных, и даже прибрали дула от старых ружей, все это приспособили так, что стали получать перегонное вино домашнего производства. Вино это имеет крепость выше сорока градусов, и спрос на него большой, так что курильщики не успевают его курить. Из одного пуда ржаной муки получается одно ведро вина, которое продается за двенадцать рублей». Кустарное производство спиртных напитков – всех этих «кумышек», «самосидок», «самокруток» – вызывало излишние траты зерна, картофеля, сахара. Это существенно обострило продовольственную проблему в годы Гражданской войны, когда в «самогонных целях» использовались уже миллионы пудов зерна.

Большевистское правительство пыталось бороться с самогонованием, отнеся самогонщиков к разряду «врагов народа». Декрет ВЦИК от 9 мая 1918 г. предписывал предавать их суду. В декабре 1919 г. появился декрет СНК «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». Исключение коснулось виноградных вин и других напитков крепостью до 12°. В определенной мере декрет подтверждал «сухой закон» 1914 г. И все же повсеместно наблюдались вспышки пьянства на всех социальных уровнях, на которые центральное и местное партийное руководство реагировало вяло. Вслед за злоупотреблением спиртным распространялись хулиганство, драки, кражи, азартные игры и другие преступные проявления.

Пьянство стало бичом и Красной, и белых армий. Часто взятие города «красными» или «белыми» превращалось в кошмар для его жителей. Победители громили винные склады и магазины, начиналось повальное пьянство и разгул, сопровождаемые грабежами и даже убийствами. К победителям тут же приме-

шивались уголовники и даже обыватели, которые рассчитывали пожить за краткое время безвластия.

Так, «отличилась» 1-я Конная армия после взятия Ростова-на-Дону в январе 1920 г. «12 января... Всюду вспыхивали пожары, начались грабежи и разгромы магазинов... – живописал в своем дневнике секретарь Реввоенсовета армии С. Орловский. – Густые толпы с посудой окружали магазины. На улицах можно было видеть пьяных бойцов, ходивших с подбитыми глазами и оравших песни силными от перепоя голосами...

13 января. Грабежи в городе усиливаются. Комендатура города пока тщетно борется с бандитизмом. Наши бойцы тоже орудут повсю...

14 января. Грабежи по городу и пьянство продолжают. При получении сведений о начавшемся погроме опечатанных магазинов К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный решили лично выехать на место происшествия. Сели на лошадей, и маленький отряд в количестве 7 человек направился по указанному адресу. Винный магазин открыт, витрины выбиты, но на улице никого нет. В соседнем мануфактурном магазине наворочены груды полотна и кружев. Из подвала винного магазина, где, очевидно, сосредоточены запасы, идет гул.

К.Е. Ворошилов устанавливает оцепление, и, спешиваясь, мы подходим к дверям, ведущим в погреб. Пахнет винным спиртом, слышится звон посуды, песни и ругань. С.М. Буденный зычно кричит: «Все, кто там, выходи! Сейчас же выходи из погреба!» Ответа нет. Следует повторный окрик: «Выходи немедленно, откроем стрельбу». Упившиеся не слышат и этого окрика. Даем залп поверх погреба, и после этого выбегают сначала поодиночке, а затем толпой женщины...

Разгон окончился. Спускаемся в подвал и видим людей, барахтающихся в озере вина, выпущенного из бочек и затопившего подвал. Там и сям плавают мертвые тела тех, кто уже не был в состоянии выбраться...

Пьянство периода Гражданской войны изменило традиционного потребителя спиртного в стране. Специалисты, изучавшие алкоголизм в 1920-е гг., сошлись во мнении, что «современный алкоголизм отличается от довоенного. Война и революция с их потрясающими переживаниями, большее количество инвалидов и травматиков, в частности, с ослабленной нервной системой, эпидемии, в особенности недоедание голодных годов и т. д., сделали многих менее устойчивыми против алкоголя, и реакции на алкоголь стали более бурными».

Вдобавок с окончанием Гражданской войны в среде фабрично-заводских рабочих стали возрождаться обычаи бытового пьянства: традиция «первой полочки», с которой следует угостить товарищей по работе, «обмывания нового сверла» и т. д. и т. п. Уже в 1922 г. во многих городах обыденным явлением стали кордоны женщин и детей у проходных промышленных предприятий в дни зарплаты.

Разруха городского хозяйства, изменения в социальном составе горожан, пьянство и процессы нравственной деградации населения вызвали в годы Гражданской войны всплеск *преступности*.

Главным социальным фактором роста городской преступности было размытие сельского уклада и маргинализация сельского населения. Этот процесс в начале XX в. выражался на селе зарождением категорий населения с прогородской ментальностью (в результате широкого отходничества и различных промыслов), а в городе – появлением новых горожан крестьянского происхождения. Их социальная неадаптированность зачастую выливалась в девиантное (пре-

ступное) поведение, за которым стоял маргинальный менталитет. Количество маргиналов, в том числе представителей люмпенизированных слоев, и в городе, и в деревне было достаточно велико: не менее двух третей городского и половина сельского населения.

Наиболее активная и дееспособная часть мужчин в большинстве своем прошла через фронты мировой и Гражданской войн. Но крестьянин, на долгие месяцы оторванный от сельской, традиционной и естественной для него среды обитания, по своему менталитету переставал быть крестьянином, ибо война с ее лишениями и ужасами была сильнее фактором маргинализации. Она ломала и корежила судьбы, уродовала психику и мировоззрение, меняла систему ценностей, навыков и т. д. Война научила убивать, насилие стало нормой, человеческая жизнь обесценилась.

В итоге население революционной России испытало все «прелести» криминальной активности в отношении личной собственности – краж, разбоев, грабежей и убийств в целях присвоения чужого имущества. Свободный доступ к оружию, частая смена властей, отсутствие налаженной охранительной и пенитенциарной систем обеспечивали питательную среду для криминального мира.

И красная и белая периодическая печать периода Гражданской войны с тревогой отмечали нарастание волны преступности в стране. Колчаковский «Наш Урал» сообщал своим читателям в начале февраля 1919 г.: «Преступность начинает угрожающе расти. Газетная хроника пестрит сообщениями о кражах, мошенничествах, обманах, грабежах, к судебным следователям пачками начинают поступать уголовные дела. Кражи, так называемые домашние, учиняемые прислужкой, прачкой, жильцами, сделались обыденным явлением. Взлом сундуков, замков, магазинных затворов – ничто не останавливает преступника. Не оставляет он без внимания и публичные места, как, например, театры. Начинает развиваться грабеж в виде старомодного «кошечничества» (в Иркутске). А в Омске, претендующим на звание столицы России, небезопасно выходить по вечерам на улицу во избежание встречи с грабителем».

Как и на востоке страны, в южных городах разгул уголовной преступности подтолкнули инфляция и бестоварье, разорение, обнищание и безработица. Вооруженные банды из люмпен-пролетариев, разорившихся мелких хозяйчиков и дезертиров терроризировали население. Наибольшей организованностью и жестокостью отличались банды из разложившихся офицеров. Чем хуже шли дела на фронте и слабела власть в тылу, тем стремительнее росла преступность. Так, в 1920 г. крымские города стонали от убийств и вооруженных налетов, которые приняли массовый характер и стали обычным делом. Государственная стража (полиция), чины которой разбегались или в лучшем случае бездействовали из-за низкого жалования и от страха за свою шкуру, оказалась бессильна против уголовщины. Они предпочитали не замечать ее «подвигов», а самые аморальные входили с ней в долю.

Горожане, вступившие на путь преступлений в годы Гражданской войны, пополняли уголовную среду, как правило, на всю оставшуюся жизнь. В 1920-е гг. советские специалисты, изучавшие социальный состав преступников, их культурно-образовательный уровень, их психофизические свойства и т. д., отмечали прямую связь между преступностью и двумя пережитыми страной кровавыми войнами. Так, профессор Е.К. Краснушкин в статье «К психологии и психопатологии» писал:

тологии убийства» прямо указывал: «...Самым важным, почти решающим направлением психологического развития фактором для многих явилась война, дававшая простор стремлениям личности к грабительскому способу наживы, к мародерству, понизившая ценность жизни и вообще повлекшая за собой одичание отдельных людей». В качестве доказательства он привел нашумевшее в 1923 г. в Москве дело легкового извозчика Комарова-Петрова, который в течение 1921 г. убил ради ограбления 29 человек. «До войны у него в прошлом, кроме беспробудного пьянства, бродяжничества, нестойкого и разгульного образа жизни, – некрупные имущественные преступления без пролития крови. Кражами он занимался в первое время по возвращении с войны в Москву. Но на войне он научился низко ценить жизнь человека, убивать и, видимо, заниматься мародерством. Отсюда его формула оправдания себя в его убийствах перед судом: “На войне убивали честных людей, а я убивал спекулянтов”».

Фактором, особенно часто толкавшим людей на преступление, включая убийства, был голод. Помесячное распределение убийств в 1922 г. в голодавших регионах было совершенно необычным: подъем до мая месяца с последующим непрерывным снижением до конца года. На основе анализа этих данных известный исследователь М.Н. Гернет сделал вывод: «При исследовании причин убийств криминалисты-социологи указывали и на общий уровень культуры вообще, и на развитие грамотности в частности, и на влияние войн. Особенности нашего месячного распределения вскрывают в первую голову влияние именно голода. На самом деле, разлагающее влияние войны и тем более низкого культурного уровня не могло оборваться на мае или июне месяце 1922 г. Такое влияние может быть только более или менее длительным, а вместе с тем ослабевать лишь очень медленно и постепенно... В пределах же изучения месячного распределения убийств говорить о влиянии на них войны и общего культурного уровня не приходится. Здесь мы констатируем влияние только голода». Иными словами, преступность начала снижаться в связи с улучшением продовольственного положения регионов, охваченных голодом в 1921 г.

Однако в целом по стране на конец Гражданской войны и переход к мирной жизни в условиях нэпа пришелся новый рост преступности. А.О. Эдельштейн, изучавший хулиганство в советских городах в начале 1920-х гг., писал: «Война, тормозя многие высшие психические процессы, оказывает растормаживающее влияние в других отношениях на психику народа, в частности на низшие инстинкты, вырабатывает дешевое отношение к чужой жизни, к чужому человеку, к имуществу и прочее». Мирная жизнь была омрачена всплеском хулиганства. По данным Наркомата юстиции, охватывающим 48 губерний РСФСР, число осужденных за хулиганство составило в 1923 г. 11 927 человек, а в 1924 г. уже 22 633 человека, иначе говоря; данное правонарушение за один годросло почти на 90% (в последующие годы эта тенденция сохранялась). Специалисты предполагали, что «та энергия, которая в годы 1918–20 находила себе выход на полях сражения, ныне, не всегда находя для себя здоровое русло, идет в этот канал хулиганства».

Среднестатистический хулиган Москвы и ее окрестностей начала 1920-х гг., порожденный Гражданской войной, – это молодой человек лет 20, без каких-либо культурных интересов, тесно спаянный с улицей, ее бытом, охотник при случае выпить, который за словом в карман не лезет и спуску не дает, готов сам

спровоцировать приятеля, такого же взрывного по своему психическому складу парня, как и он сам.

Мировая и в особенности Гражданская войны явились важнейшими факторами роста сексуальных преступлений. Условия войны отрывали огромные массы мужского населения от нормальных условий общежития и тем самым уже создавали предпосылки для роста половой распущенности. Криминалисты-социологи по этому поводу даже ввели понятие «криминальные издержки» революции. Кроме того, в этот период рушились прежние привычные воззрения, высказывались новые взгляды, складывались начала нового быта и жизненного уклада. Зачастую под «революционностью в половом вопросе» понимался культ голей физиологии, и это упрощенство считалось характерным признаком пролетарского мировоззрения. Наконец, статистика свидетельствует о значительном омоложении этой категории преступников к середине 1920-х гг. по сравнению с 1913 г. Если доля возрастной группы от 18 до 25 лет осталась на уровне около 50%, то доля возрастной группы до 18 лет выросла с 10% почти до 20%.

Городская преступность активно подпитывалась *беспризорничеством* – социальным злом, ставшим прямым следствием Гражданской войны.

Беспризорники многократно приумножили хулиганство и бандитизм на городских улицах. Именно в их среде зародилась новая воровская субкультура, сохранившаяся в современном тюремном фольклоре.

По данным Наркомата просвещения РСФСР, в 1921 г. в республике насчитывалось 935 482 беспризорника. На каждом шагу, в любом месте горожанин сталкивался с беспризорным ребенком или подростком. Беспризорники пополняли советские пенитенциарные учреждения, где вливались в блатной мир, перенимали и дополняли его субкультуру.

Беспризорничество нашло яркое отражение в художественной литературе тех лет. Писатель Вячеслав Шишков, широко известный своими романами «Угрюм-река» и «Емелян Пугачев», посвятил ему повесть «Странники». «Самая крупная повесть», по замечанию литературоведов, была написана в течение 3 лет – с 1928 по 1930 г. Писатель не ограничился внешним изображением; он стремился проникнуть в суть этого явления, детально воспроизводя язык, приемы, обычаи и все стороны жизни беспризорников.

Вот как он изобразил наиболее характерные ситуации:

«Орава человек в пятнадцать худых, с испитыми, болезненными лицами ребятишек, отстав от товарищей, продельвала возле баржи упражнения. Некоторые подкладывали под рубаху горб, скрючивали ногу и култыхали на костылях, как прирожденные калеки. Иные подвязывали под колено деревянную ногу, строили просительную физиономию и, пригнув голову к плечу, шли с вытянутой рукой вперед, жалостно скуля: «Подайте калек несчастному, отец – вдовец, мать – сирота».

«Ванька Щегол, длинный и чрезмерно худой, растравлял подживавшую рану на предплечье: он смочил ее слюною, натер солью и молотым перцем; показалась сукровица; стало очень больно: парень закрутился на месте и стиснул зубы – рана горела. Через час, когда Ванька Щегол будет выпрашивать подавание, рана покроется гноем. Андрюшка Грач, короткошеий урод с вдвинутой в плечи вихрастой головой, зашурив правый глаз, приляпал на него лепешку из крутого теста и вдавил в это тесто стеклянное искусственное яблоко, а в рыжие, длинные, как у монаха, лохмы густо насадил шишек чертополоха. Потом,

ся перед осколком зеркала, измазал лицо грязью, ловко скрыв спайку теста с кожей. Получилась отталкивающая маска странного уродства: левый – натуральный – глаз был полуприкрыт, правый – стеклянный – глазище, похожий на глаз быка, тупо смотрел неподвижным зрачков вверх. Антураж слепорожденно-го уродо был готов».

Описанное Шишковым «представление» называлось «Чревоушатель с ку-клой», на жаргоне беспризорников – «фармазон».

Эти «шалости» беспризорников, чинимые лишь ради насыщения желудка, были относительно «невинными» даже с точки зрения советского Уголовного кодекса. Но они шли и на тяжкие преступления, неизбежно попадая в подчинение к взрослым и опытным уголовникам? пополняя традиционный уголовный мир России.

Москвич Ю.А. Федосюк вспоминал: «Снующие в уличной толпе грязные, угольно-черные подростки в лохмотьях. Обычное явление Москвы 1920-х годов – беспризорные. Печальное наследие Гражданской войны – дети, оставшиеся без родителей, без крова и какой-либо опеки. У них своя, таинственная жизнь, о которой мало кому известно. Откуда родом, чем питаются, где ночуют – никто толком не знает...

Обычный промысел – попрошайничество, мелкое воровство. Особенно последнее. При появлении группы беспризорных на рынке торговли испуганно старались прикрыть руками свой товар – словно куры, прячущие под крыльями цыплят при виде коршуна. Только немногие беспризорные занимались “честным ремеслом” – покупали пачку папирос (сигарет тогда еще не было) и продавали их россыпью втридорога.

Жалость к беспризорным сочеталась со страхом перед ними. Жизнь закалила этих ребят, сняла все моральные препоны и превратила их в наглых и коварных волчат. Приютишь, накормишь беспризорного – нет никакой гарантии, что вместо благодарности не будешь ограблен. Большими группами они не ходили, чтобы не бросаться в глаза, бродили по двое, по трое. Конечно, существовала у них какая-то организация, лидеры повзрослее, посылавшие их на попрошайничество и на кражи и забиравшие львиную часть добычи. Известно было, что взрослые банды грабителей использовали беспризорных как “форточников”, для стояния “на стреме” и других вспомогательных услуг, требующих юркости и смелости.

Лазить по карманам беспризорным было особенно трудно – слишком выдавала внешность, заставлявшая мужчин придерживать карманы, а женщин крепко сжимать сумочки. Использовали приемы отвлечения: затевалась показная драка, шумиха, и в это время к глазееющим подкрадывались сзади и быстро выхватывали ценности.

Особенно много беспризорных можно было видеть на Каланчевской площади. В поисках лучшей жизни они непрерывно мигрировали по разным городам, пользуясь порожними товарняками, тормозными площадками, вагонными крышами. Естественно, что площадь трех вокзалов была местом, где беспризорных всегда было особенно много. Не случайно по всем ее стенам были расклеены предупредительные листовки: “Остерегайтесь карманных воров”.

В пассажирских поездах беспризорные ходили попрошайничать. Чаще всего – в товарно-пассажирских, которые именовались в народе “Максим Горький”

или попросту “Максим”, ибо ехала в них небогатая публика, во многом напоминавшая героев Горького. Слово это было настолько общеупотребительным, что давно уже не вызывало улыбки, а стало почти термином. «На скорый не достал, придется на максиме ехать», – можно было услышать около вокзальных касс. В классные вагоны беспризорных не пускали проводники, в «максимах» таковых, кажется, вовсе и не было.

Для попрошайничества использовались особые сценарии и репертуар, придуманные явно не самими попрошайками, а их взрослыми патронами. Вот дверь вагона открывается, и на пороге появляется маленький оборванец со страдальческим выражением на лице. Четко и звонко он заученно провозглашает на весь вагон: “Граждане-товарищи! Вы видите перед собой круглую сироту, обездоленную жизнью. Батка погиб в немецкую войну, мамка померла с голоду в гражданскую. Приютила меня с сестренкой бабушка Анисья. Сестренка померла от тифу, бабушка, царство ей небесное, скончалась от старости, и вот остался я круглой сиротой-горемыкой. Нету у меня никого на целом свете, и живу я подаванием добрых людей. Граждане-товарищи, на оставьте несчастную сироту, помогите кто чем может”.

Далее следовала заунывная, сердцецепительная песня... После монолога и песни пассажирки начинают сопеть носами и утирать уголками косынок слезы. Расстегиваются кошельки и развязываются узелки. В ладонь сироты сыплются медные монеты, в котомку – куски хлеба».

Как показали исследования медиков, беспризорники, эти жертвы Гражданской войны, быстро стали и жертвой *наркомании*. Обследование задержанных за бродяжничество в 1923–1924 гг. подростков показало, что 80% из них приобщились к наркотикам в 9–11 лет и приобрели стойкое пристрастие к ним. «Нюхнуть марфету», как прозвали в народе кокаин, можно было в те годы прямо на улице. Мальчишки с папиросными лотками торговали на рынках кокаином. Они предлагали желающим «антрацит», «кикер», «кокс», «мел», «муру», «нюхару». Под этими жаргонными словечками скрывался порошок, поступавший в Советскую Россию контрабандным путем. Нередко продавцы жульничали, добавляя в кокаин мел, а позже – соду или аспирин. Это, конечно, снижало качество наркотика, но вряд ли могло отвратить от него. Заядлые наркоманы потребляли иногда 30–40 г кокаина в день, стремясь добиться вожделенного эффекта.

До 1914 г. кокаин – весьма дорогой наркотик – употребляли преимущественно дамы полусвета, состоятельное офицерство и обеспеченные представители богемы. Мировая и Гражданская войны коренным образом изменили тип российского наркомана, сильно его «демократизировав». Нередко приобщение к морфию являлось следствием тяжелых ранений, требовавших хирургического вмешательства с применением наркотиков. Однако морфием кололись не только раненые, но и сами медики. Данные 1919–1922 гг. свидетельствуют, что в Петрограде почти 60% морфинистов были врачами, медсестрами, санитарями. Остальные прошли фронты двух войн.

Но не только увечья и физические страдания пробуждали тягу к наркотикам. «Победивший народ» поспешил приобщиться к наркотикам как к «буржуйской роскоши». «Серебряную пыль» кокаина с наслаждением вдыхали не только беспризорники и уголовники, но и рабочие и совслужащие, красноармейцы и матросы, белые офицеры и антибольшевистская интеллигенция. Кокаин порой был

доступнее водки, и потому наркомания широко распространилась как в красных, так и в белых городах, питая рост преступности.

Наркомания в городах шла рука об руку с *проституцией*. Чаще всего к кокаину прибегали именно представители преступного мира и проститутки. Социологический опрос 1924 г. выявил, что более 70% женщин, задержанных органами милиции за торговлю телом, систематически употребляли наркотики. При этом почти половина из них предпочитали именно кокаин. В тайных притонах продажной любви, как правило, можно было приобрести и «марафет».

В годы Гражданской войны на большевистской территории торговля женским телом изменилась под воздействием реалий военного коммунизма. Голод снизил сексуальную активность. Деньги, позволявшие осуществлять акт купли-продажи женского тела, обесценились и потеряли прежнюю значимость. Закрылось большинство увеселительных заведений, традиционных мест скопления женщин легкого поведения.

Советская власть, объявив проституцию социальной аномалией, порожденной эксплуататорским строем, искала новые методы борьбы с ней. Всероссийское совещание работниц, проходившее в Москве в ноябре 1918 г., провозгласило: «Исходя из того, что корни проституции зарыты глубоко в капиталистическом обществе, совещание призывает бороться с проституцией не только закрытием домов терпимости, не только наказанием сводников и продавцов живого товара и устраниванием домов для спасения падших девиц, а революционным искоренением всех остатков капиталистического общества при переходе к коммунистическому хозяйству, введением обеспечения материнства, осуществлением государственного воспитания детей, заменой буржуазной семьи свободным браком».

Среди потребителей услуг проститутки были советские хозяйственники, представители интеллигенции и пролетарии. Согласно данным опроса, в 1920 г. к услугам уличных женщин прибегало 43% рабочих и 41% выходцев из иных социальных слоев.

Для белого тыла, напротив, был характерен бурный расцвет традиционной проституции.

С одной стороны, самые дорогие проститутки – «дамы полусвета» – поспешили покинуть обе столицы и другие крупные города, где установилась власть большевиков, и уехать вслед за своими содержателями и клиентами. Многие межуаристы отмечали необычайное обилие красивых, разряженных и напомаженных женщин на бульварах и в городских садах, в ресторанах и театрах «столиц» антибольшевистских режимов – в Киеве в 1918 г., Ростове-на-Дону в 1919 г., Севастополе в 1920 г. Окруженные толпой поклонников, в основном – спекулянтами и тыловыми офицерами-снабженцами, они отличались вспыхнувшей вдруг любовью к иностранной валюте.

Общезвестно, что взимание проститутками платы в иностранной валюте – один из самых ярких признаков кризиса национальной финансовой системы. В городах врангелевского Крыма, например, проститутки делили на категории в зависимости от того, какую валюту они просили с клиентов. Самые дорогих – изящно одетых и эффектных – называли «фунтоловками» (те оценивали свой поцелуй в 1 фунт стерлингов); более доступных, бравших плату турецкими лирами, – «мамзель Лирских» (или «лирическихми»); а самых опустившихся – «уличную шантрапу» – титуловали «принцессами долларов».

С другой стороны, жизнь впроголодь и обнищание в условиях стремительной инфляции толкали к занятию проституцией многих женщин. В 1920 г. голодавшие в крымских городах семьи офицеров и чиновников, интеллигенция и беженцы меняли остатки имущества на продовольствие у крестьян. На рынках предлагалось все, начиная от фамильных медальонов, кончая ношеным нижним бельем. Когда менять было уже нечего, жены фронтовых офицеров и беженки шли на панель, попадая в разряд «мамзелей Лирских».

Переход к нэпу, нормализация повседневной жизни, восстановление денежного обращения активизировали проституцию в традиционном виде. Это повлекло и активизацию борьбы с ней. В принятом в 1922 г. Уголовном кодексе РСФСР появились статьи, определяющие наказание за притоносодержательство, за принуждение к занятию проституцией, за вовлечение в сексуальную коммерцию несовершеннолетних. Однако наказание за торговлю собственным телом установлено не было. Известный венеролог В.М. Броннер заявлял: «Основное положение, из которого мы исходим при построении нашей работы, это то, что борьба с проституцией не должна быть заменена борьбой с проституткой. Проститутки – это только жертвы или определенных условий, или тех мерзавцев, которые их в это дело втягивают».

Первыми спрос на доступных женщин предъявили представители нэпманов – разного рода предприниматели, подрядчики, перекупщики. И это вполне естественно: они раньше других ощутили наличие свободных денег. В 1923 г. покупали продажную любовь уже 61% мужчин, работавших на фабриках и заводах, и 50% занятых в иных сферах (торговле, управлении и т. д.). Вопреки «социалистическим нормам» многие рабочие, в особенности молодежь, считали вполне естественным покупать ласки доступных девиц. «Фабричные пареньки», по свидетельству медиков и социологов, полагали, что пользоваться услугами проституток и болеть венерическими болезнями – дело обычное, служащее доказательством «молодечества».

Таким образом, Гражданская война прервала тенденции предшествующих десятилетий – рост городского населения и развитие городов как двигателей цивилизации и прогресса. Страна была в немалой степени отброшена в свое «сельское» прошлое. Социальный состав обезлюдевших городов радикально демократизировался, а их повседневную жизнь сделали трудно-выносимой жилищный кризис, развал городского хозяйства и преступность во всех ее проявлениях.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

К РАЗДЕЛУ V

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001.
 За спиной Колчака. Документы и материалы. М., 2005.
 Красный террор глазами очевидцев. М., 2009.
 Кронштадт, 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М., 1997.
 Окрест Колчака: Документы и материалы. М., 2007.
 Филипп Миронов: Тихий Дон в 1917–1921 гг. Документы. М., 1997.
 Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., 1998.
 Белое дело. Избранные произведения: в 16 кн. Кн. 11. Белый Крым. М., 2003.
 Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. Кн. 12. Казачий исход. М., 2003.
 Бунин И. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990.
 Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994.
 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. II, III. М., 2003.
 Елисеев Ф.И. С Корниловским конным. М., 2003.
 Краснов П.Н. На внутреннем фронте. М., 2003.
 Махно Н.И. Азбука анархиста. М., 2005.
 Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003.
 Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924. М., 1997.
 Савинков Б. Воспоминания террориста. М., 2006.
 Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993.
 Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2006.
 Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990.

Литература

- Антропов О.О. Астраханское казачество. На переломе эпох. М., 2008.
 Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции. Колчаковское золото, 1918–1957. М., 2008.
 Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

- Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007.
- Венков А.В.* Атаман Краснов и Донская армия, 1918 г. М., 2008.
- Голованов В.* Нестор Махно. М., 2008.
- Гражданская война в России. Лекции и учебно-методические материалы. М., 2006.
- Давыдов А.Ю.* Нелегальное снабжение российского населения и власть, 1917–1921 гг. Мешочники. М., 2002.
- Дэвис Д., Трани Ю.* Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002.
- Зими́на В.Д.* «Белое дело» взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны, 1917–1920. М., 2006.
- Зырянов П.Н.* Колчак. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2009.
- Ильюхов А.А.* Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. М., 2007.
- Ипполитов Г.* Деникин. М., 2006.
- Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. М., 2009.
- Карпенко С.В.* Врангель. Последний главком. М., 2006.
- Козлов А.И.* Антон Иванович Деникин (человек, полководец, политик, ученый). М., 2004.
- Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. М., 2000.
- Красовицкая Т.Ю.* Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917 – 1920 год. М., 2002.
- Леонов С.В.* Рождение советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. М., 1997.
- Мельтюхов М.И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты, 1918–1939. М., 2009.
- Молодцыгин М.А.* Красная Армия: рождение и становление, 1917–1920. М., 1997.
- Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
- Павлюченко С.А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.
- Павлюченко С.А.* «Орден меченосцев». Партия и власть после революции, 1917–1929 гг. М., 2008.
- Пейн Р.* Ленин: жизнь и смерть. М., 2008.
- Поликарпов В.Д.* Пролог Гражданской войны в России (октябрь 1917 – февраль 1918). М., 1976.
- Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986.
- Рышков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на Востоке России (вторая половина 1918 – 1919 гг.). Новосибирск, 2008.
- Семанов С.Н.* Кронштадтский мятеж. М., 2003.
- Семанов С.Н.* Махно. Подлинная история. М., 2001.
- Сенин А.С.* Московский железнодорожный узел, 1917–1922. М., 2004.

Телицын В. «Бессмысленный и беспощадный»?... Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003.

Шаццло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции, 1917 – начало 1920-х годов. М., 2008.

Электронные ресурсы

www.nivestnik.ru – журнал «Новый исторический вестник»

«Гроза тыла и любимец фронта». Генерал Я.А. Слещов в 1920–1921 гг. // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10).

Писарев А.Л. Усмирение Чечни (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2000. № 1.

Антропов О.О. Астраханская армия: война и политика // Новый исторический вестник. 2000. № 1.

Иоффе Г. Революционер. Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19) – 4 (22).

Ипполитов С.С. Финансовая интервенция в Белую Россию // Новый исторический вестник. 2000. № 1.

Калугин Ю. Тайна расстрела Думенко. Признания бежавшего из могилы // Новый исторический вестник. 2008. № 2 (18).

Корнева Е.А. Контрразведка А.В. Колчака. Организация и освещение политических настроений населения и войск // Новый исторический вестник. 2000. № 1.

Минаев В.В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы Гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3).

Можаяева Л.А. Партии и организации антибольшевистского лагеря // Новый исторический вестник. 2000. № 1.

Найдис С.М. И.И. Петрункевич: в России и в эмиграции // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9).

Ревин И.А. Крестьяне Могилевские. Родословная семьи и история Тихого Дона // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20).

Сенин А.С. Борьба за власть на российских железных дорогах: Викжель, Викжедор, Всопрофжель... (1917–1918 гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13).

Зимина В.Д. Гражданская война 1918–1922 гг. как политический конфликт в развитии российской государственности // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Какие причины привели к Гражданской войне в России? Классифицируйте их на экономические, социальные, политические, духовные.

2. Каковы последствия заключения Брестского мира? Систематизируйте их на экономические, социальные, политические, военные, идеологические.

3. Что определяло сущность и методы продовольственной политики большевиков в 1918 г.?

4. Как шло установление однопартийной диктатуры большевиков? Разделите этот процесс на периоды и обоснуйте периодизацию.

5. Какие цели преследовали интервенты и в какой мере им удалось добиться их? Сравните германскую интервенцию с интервенцией стран Антанты. Охарактеризуйте общее и особенное в них.

6. Какую роль сыграли в Гражданской войне казачьи государственные образования? Могли ли они стать альтернативой большевистской диктатуре и белым режимам? Аргументируйте свой ответ.

7. Сравните продовольственную диктатуру большевиков со свободной торговлей у «белых».

8. Сравните военный коммунизм большевиков с экономической политикой, проводившейся белыми правительствами.

9. Каковы причины, особенности организации и идеология крестьянского повстанческого («зеленого») движения? В чем, по-вашему, оно было сильнее, а в чем слабее по сравнению с Белым движением? Аргументируйте свой ответ.

10. Какие факторы определили причины и итоги советско-польской войны 1920 г.?

11. Каковы последствия Гражданской войны для населения страны?

12. Каковы последствия Гражданской войны для экономики России?

Раздел VI

СССР В 1920–1930-е гг.

Лекция 23

НЭП, ВЛАСТЬ БОЛЬШЕВИКОВ И ОБЩЕСТВО

В ходе Гражданской войны хозяйственная разруха неуклонно нарастала. Прежде всего шло постоянное сокращение числа действующих предприятий и падение производительности труда рабочих, материально не заинтересованных в количестве и качестве выпускаемых изделий. Но это не вызывало особых волнений большевиков. В декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов в выступлениях лидеров партии и государства не прозвучало особой тревоги по поводу очевидной экономической неэффективности военного коммунизма. Главной задачей по-прежнему считалась необходимость удержать власть до победы пролетарских революций в развитых странах. Предполагалось, что в ходе мировой революции будет образовано единое коммунистическое государство. За основу политической системы в нем будут взяты Советы, уже созданные в России, а к ним добавится передовая система организации производства западных стран.

Но планы эти были иллюзорными. А ситуация в стране все обострялась, выходила из-под контроля большевистской власти и в итоге вылилась в тяжелейший *социально-экономический и политический кризис конца 1920 – начала 1921 г.*

Во-первых, в условиях Гражданской войны и политики военного коммунизма полностью прекратила существование финансово-кредитная система, деньги при отсутствии товаров в продаже обесценились, практически превратились в цветные бумажки, цены достигли астрономических размеров: товары, стоившие до 1914 г. рубли, теперь стоили на черном рынке сотни тысяч.

Во-вторых, крестьяне с оружием в руках поднимались против продразверстки и «комиссародержавия». Наибольшей остроты крестьянские восстания, переросшие в относительно организованные повстанческие движения, достигли к весне 1921 г. На Украине и на юге России сражались отряды Повстанческой армии Н. Махно (до 3 тыс.), в Тамбовской губернии действовала крестьянская армия А.С. Антонова (до 50 тыс.), в Западной Сибири воевала

крестьянская армия В.А. Родина, беспокойно было в казачьих областях Дона и Кубани. В рядах повстанцев находились казаки и крестьяне, провоевавшие всю Гражданскую войну как в белых войсках, так и в Красной армии. За три месяца на охваченных восстаниями территориях погибли более 10 тыс. партийных, советских работников, чекистов, милиционеров. Руководителями повстанцев, как правило, были эсеры. Идеология повстанцев отрицала диктатуру генералов и большевиков и ратовала за «третий путь», путь «истинного народоправства». Самыми популярными среди повстанцев были лозунги «Долой продразверстку!», «За Советы без коммунистов!», «Да здравствует свободная торговля!». К массовому повстанческому движению добавились демонстрации и забастовки рабочих в Петрограде и других промышленных городах. Кульминацией антибольшевистского движения стало *восстание матросов Балтийского флота и рабочих ремонтных мастерских в крепости Кронштадт в марте 1921 г.*, грозившее перекинуться на Петроград. Властям с большим трудом удалось подавить его, направив против восставших части Красной армии под командованием М.Н. Тухачевского.

В-третьих, к окончанию Гражданской войны в европейской части России в рядах Красной армии насчитывалось 5 млн бойцов и командиров. Но средств на их содержание (питание, обмундирование, обувь и т. д.) у страны не было. В армии росли антибольшевистские настроения, дезертирство и бандитизм. Единственным выходом стала демобилизация армии. К 1923 г. остались под ружьем 516 тыс. человек. Демобилизация армии, сокращение штатов и числа предприятий и учреждений, приток населения из голодающих губерний привели к тому, что массовым явлением в городах стала безработица.

В-четвертых, по стране катился вал преступности и бандитизма. «Петроградская правда» писала в ноябре 1922 г.: «Среди широких масс создается представление, что после 12 часов вечера выйти на улицу нельзя – разденут. Грабители наглеют. На днях вывесили объявление: “До 9 часов шуба ваша, а после – наша”. Грабежи, кражи, разбои, убийства – характерная черта российской повседневности начала 20-х гг.

В-пятых, партия большевиков оказалась на грани раскола. Внутри нее началась острая борьба. Внешне эта борьба выглядела как «*дискуссия о профсоюзах*», по сути же это был ожесточенный спор между теми, кто предлагали ослабить политику военного коммунизма (как минимум, смягчить для крестьян условия продразверстки и частично вернуть рабочим право участвовать в управлении предприятиями), и теми, кто настаивал на дальнейшем «закручивании гаек» военного коммунизма, видя в нем самую короткую и прямую дорогу к социализму и дальше, к коммунизму настоящему (обществу без частной собственности, торговли, денег и эксплуатации).

В.И. Ленин, который в 1920 г. категорически отвергал все предложения смягчить продразверстку, осознав масштабы кризиса и оценив его как самый острый кризис большевистской власти за все три года ее существования, пришел к заключению, что перейти к социализму через военный коммунизм невозможно, а власть большевиков в России может быть спасена только уступками крестьянству, которое после разгрома белых армий и ликвидации угрозы возвращения помещиков больше не хочет мириться с продразверсткой и отсутствием свободы торговли.

Преодолев сопротивление и недоверие многих делегатов, считавших отказ от продразверстки «отступлением», Ленин добился на *X съезде РКП(б) в марте 1921 г. принятия решения о замене продразверстки продуктовым (натуральным, а не денежным) налогом*. На этом настаивали сами крестьяне. Веками они платили собственнику земли часть урожая, привыкли к такой форме уплаты за право пользоваться землей, считали продналог справедливым и рассчитывали, как и прежде, оставшуюся после уплаты налога часть урожая продавать на рынке по «вольным» (рыночным) ценам, чтобы на вырученные деньги покупать необходимые им промышленные товары (сельхозорудия, одежду, обувь, ткани, керосин, мыло и т. д.).

Но первоначально Ленин и другие большевистские лидеры предполагали сохранить государственную монополию внутренней торговли и другие основы военного коммунизма. Они опасались давать крестьянам свободу торговли в масштабах страны, считая это возвращением к капитализму. Поэтому те сельскохозяйственные продукты, которые оставались у крестьян после уплаты натурального налога, предполагалось получать у них путем *прямого (т. е. без денег и рынка) обмена на промышленные товары через органы Наркомпрода*. А свободную частную торговлю предполагали ограничить местными рынками.

Утверждение, что переход к нэпу был осуществлен решением X съезда РКП(б), является одной из наиболее распространенных ошибок учащихся и студентов. В действительности его решения предусматривали сохранение прямого продуктообмена между городом и деревней с целью не допустить свободы торговли, а к нэпу как политике использования товарно-денежных отношений (разрешение свободы торговли, денационализации промышленности и т. д.) правительство В.И. Ленина вынуждено было перейти в условиях обострения социально-экономического кризиса летом – осенью 1921 г.

Развитием решения X партсъезда по экономической политике стали постановления X Всероссийской партийной конференции, проходившей в мае 1921 г. Конференция заслушала доклад Ленина об экономической политике и постановила:

«1. Коренная политическая задача момента состоит в полном усвоении и точном проведении всеми партийными и советскими работниками новой экономической политики. Эту политику партия признает установленной на долгий, измеряемый период времени и требует от всех проведения ее с безусловной тщательностью и добросовестностью.

2. Основным рычагом новой экономической политики признается товарообмен. Правильные взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством, создание вполне устойчивой формы экономического союза обоих этих классов на период перехода от капитализма к социализму невозможны без установления систематического товарообмена или продуктообмена между промышленностью и земледелием».

Однако экономическое развитие страны пошло по другому пути, который диктовался реальной ситуацией и законами развития экономики, а не иллюзиями и догмами большевиков.

В 1921 г. страшная засуха обрушилась на 35 губерний Средней и Нижней Волги, Предуралья, Северного Казахстана, Западной Сибири, т. е. на основные зернопроизводящие районы страны. На 20 млн десятин выгоревшей земли проживали 37 млн человек. Засуха – природное явление. Начался *голод*. Но голод – это уже явление социальное. За годы Гражданской войны у крестьян под видом «излиш-

ков» было принудительно изъято почти все зерно, включая семенное (т. е. отложенное для посева на следующий год), в деревне были съедены все сведенные к минимуму страховые запасы, до минимума сократилось поголовье скота. В итоге засуху крестьянские хозяйства встретили разоренными и обескровленными.

В Москву летели отчаянные телеграммы. «Один сплошной кошмарный ужас царит в нашем уезде (Бузулукский). Голод схватил за горло. Голодающие съели всех кошек, собак, всю падаль, стали есть умерших людей. Из амбара, куда складываются до погребения трупы людей, эти трупы по ночам воруются и съедаются. Раскапываются могилы... Бейте тревогу, окажите подмогу, иначе весь уезд превратится в пустыню». Человеческая жизнь стала разменной монетой в условиях социального эксперимента, проводимого большевистской диктатурой (насилованного насаждения военного коммунизма), усугубленного природной стихией.

К голоду добавились массовые антибольшевистские настроения среди населения, невозможность организовать товарообмен с деревней из-за отсутствия в распоряжении государства запасов промышленных товаров, отсутствие финансовых средств для восстановления промышленности и рост безработицы. Вдобавок столь фанатично ожидаемая большевиками – как вождями, так и рядовыми членами партии – «мировая революция» явно «запаздывала». Все это заставило большевиков окончательно отказаться от основ военного коммунизма и сделать следующий шаг к свободе товарно-денежных отношений, к использованию традиционных капиталистических (рыночных) методов хозяйствования.

Летом – осенью 1921 г. правительство Ленина отменило государственный товарообмен, разрешило *свободу торговли*, приступило к *денационализации промышленности*. Мелкие и средние предприятия (прежде всего легкой и пищевой промышленности) стали возвращаться их бывшим хозяевам в собственность или сдаваться в аренду другим предпринимателям. А предприятия, оставшиеся в собственности государства, получили право продавать часть своей продукции на свободном рынке.

Сущность *новой экономической политики (нэп)* состояла в *частичном возвращении к товарно-денежным отношениям при сохранении командных высот в экономике* в руках партийно-государственного аппарата (государственной собственности на землю и ее недра, тяжелую промышленность, транспорт и финансово-кредитные учреждения, государственной монополии внешней торговли).

Основными чертами нэп в *промышленности* были введение элементов хозрасчета (самостоятельности) в государственной промышленности, частичная денационализация средних и мелких предприятий легкой промышленности, поощрение частного и смешанного капитала, отмена всеобщей трудовой повинности, образование рынка рабочей силы, привлечение иностранного капитала через концессии, переход от натуральной оплаты труда к денежной и введение тарифной системы оплаты труда.

Основными чертами нэп в *сельском хозяйстве* были замена продразверстки продовольственным (натуральным) налогом, отказ от насаждения коммун на селе, разрешение ограниченной аренды земли и использования наемного труда, развитие системы контрактов и сельской кооперации.

Основными чертами нэп в *товарно-денежном обращении* были возвращение к свободной торговле хлебом и другими продуктами сельского хозяйства, а так-

же промышленными товарами, относительная стабилизация денежного обращения, развитие внешней торговли при сохранении государственной монополии на нее, восстановление принципа платности во взаимоотношениях государства с частником, государства с гражданином, государства с кооперацией.

Из декрета ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» от 21 марта 1921 г.:

«1. Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельца продуктами своего труда и своими хозяйственными средствами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом...

3. Налог взимается в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов, исходя из учета урожая, числа едоков в хозяйстве и наличия скота в нем...

7. Ответственность за выполнение налога возлагается на каждого отдельного хозяина, и органам советской власти поручается налагать взыскания на каждого, кто не выполнил налога. Круговая повинность отменяется...

8. Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства. Обмен допускается в пределах хозяйственного оборота как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах...»

Из декрета СНК «Наказ СТО о проведении в жизнь начал новой экономической политики» от 9 августа 1921 г.:

«...4. Предотвращая дальнейшее падение народного хозяйства, необходимо перестроиться на следующих началах: а) государство в лице Высшего совета народного хозяйства и его местных органов сосредотачивает в своем непосредственном управлении отдельные отрасли производства и определенное число крупных или почему-либо с государственной точки зрения важных, а также подсобных к ним предприятий, взаимно дополняющих друг друга, б) эти предприятия ведутся на началах точного хозяйственного расчета... [более 7000 промышленных предприятий].

5. Предприятия, не вошедшие в вышеуказанные группы, должны быть... сдаваемы в аренду кооперативам, товариществам и другим объединениям, а также частным лицам... [более 12 000 промышленных предприятий].

6. Предприятия, оставшиеся не сданными в аренду и ведение которых государство и его органы не берут на себя, подлежат закрытию, а рабочие и служащие распределяются между работающими предприятиями, по государственным работам и советским хозяйствам; оставшиеся же без работы поступают на учет отделов труда и получают помощь государства...

11. В тех же целях, для поднятия и устойчивости нашего рубля, необходимо проведение ряда мер к обратному приливу денег в кассы государства, исходя из принципа, что в области народного хозяйства государство при дан-

ном состоянии своих государственных ресурсов и впредь до поднятия хотя бы основных отраслей его, никаких хозяйственных услуг никому даром оказывать не может. В ряду принимаемых мер надо обратить внимание на открытие судо-сберегательных касс, разрешение кредитной кооперации, переход к ведению коммунальных предприятий на началах оплаты и т. п....

14. При осуществлении всей вышеуказанной экономической политики необходимо точное разграничение функций и компетенции различных хозяйственных советских учреждений... Высший совет народного хозяйства является органом (на правах комиссариата), проводящим в деловом порядке утвержденные Советом труда и обороны [так стал с 1920 г. именоваться Совет рабочей и крестьянской обороны] планы и общие хозяйственные директивы в области промышленности. При проведении в жизнь производственных заданий Совета труда и обороны все органы управления промышленностью несут строгую персональную ответственность по суду за рациональное ведение, на вышеуказанных хозяйственных основах, порученных им предприятий...»

Итак, свободная торговля, которая была для большевиков синонимом капитализма и спекуляции, была восстановлена ими после трех лет ожесточенной Гражданской войны и насильственного насаждения военного коммунизма, исключającego рынок. Разъясняя большевистской бюрократии вынужденность и неизбежность отказа от военного коммунизма, Ленин спустя год после отмены продразверстки заметил: «Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины».

Нэп быстро создал условия для восстановления сельского хозяйства и промышленности. Уже осенью 1922 г. появились первые признаки улучшения экономического положения: голод был преодолен, на рынках появились продукты, стали открываться частные магазины, частные предприятия дали первую продукцию. Но вместе с тем начался неизбежный рост частной собственности в деревне и в городе: поправляли свои хозяйства зажиточные крестьяне, богатели промышленники и торговцы, прозванные *нэпманами*.

Это крайне беспокоило многих членов партии большевиков, считавших, что денационализация и свобода торговли ведут к реставрации капитализма в России. Это беспокойство усиливали новые настроения в среде антибольшевистской эмиграции. Лидеры и идеологи либеральных и социалистических партий и групп оценили нэп как первый шаг большевиков к отказу от своих утопий и экспериментов, как возвращение России на нормальный путь исторического развития. В печати и устно они открыто выражали надежду, что нэп рано или поздно приведет к падению диктатуры большевиков.

В этих условиях жизненное значение для большевиков приобрел вопрос: куда ведет нэп – вперед, в социализм, или обратно, в капитализм?

В работах 1921–1923 гг. Ленин активно развивал свою теорию новой экономической политики. Он доказывал, что использование товарно-денежных отношений в форме госкапитализма при диктатуре большевистского государства, удерживающего за собой «командные высоты в экономике», – единственный путь крестьянской России к социализму, основой которого станут индустрия, общественная собственность и безрыночная экономика.

Государственный капитализм – тип рыночной экономики, для которого характерно активное вмешательство государства в хозяйственную жизнь и высокая доля государственной собственности в ведущих отраслях народного хозяйства.

Обеспечить переход отсталой, аграрной России к социализму, убеждал партию Ленин, должно сохранение за Советским государством командных высот в экономике: собственности государства на предприятия тяжелой промышленности, безраздельной государственной собственности на землю и ее недра, государственной монополии на банковское дело, на железнодорожный транспорт, на внешнюю торговлю. Сохранению монополии государства на внешнюю торговлю он придавал исключительное значение, считая ее не только средством пополнения бюджета валютой, но и своеобразной стеной, которая отгородит нэпманскую буржуазию от капиталистического мира, помешает им воспользоваться помощью «братьев по классу» в борьбе против большевистской власти.

Но особенно важным условием построения социализма в России – политическим – Ленин считал *сохранение монополии большевиков на политическую власть и сохранение единства партии*. Только при этих условиях, по его мнению, Советское государство сможет эффективно влиять на экономическую жизнь страны и направлять ее развитие по социалистическому пути.

Таким образом, нэп в своей зрелой форме нес в себе два глубоких и серьезных противоречия.

Первое: между рыночным методом строительства социализма и его целью – созданием безрыночной социалистической экономики.

Второе: между монополией большевиков на политическую власть и многообразием политических и экономических интересов различных социальных групп (рабочего класса, крестьянства, нэпманской буржуазии, бюрократии, интеллигенции).

Решение этих противоречий открывало перед страной два пути дальнейшего исторического развития.

Первый: большевики развивают нэп, проводя более радикальную экономическую реформу и открывая простор для рыночных отношений и частнопредпринимательской деятельности (включая отказ от государственной монополии на внешнюю торговлю), рискуя потерять власть.

Второй: большевики ликвидируют нэп и переходят к безрыночной экономике (без частной собственности, свободы торговли и предпринимательства), укрепляя свою монополию на власть.

По какому пути пойдет страна, зависело от экономических, социальных, политических и идеологических факторов.

Главным «мотором» нэпа и возрождения российской экономики на основе нэпа стали индивидуальное крестьянское хозяйство, предприимчивость крестьян, их заинтересованность в результатах своего труда. Являясь монопольным производителем продовольствия и сырья, крестьянин распоряжался теперь выращенной продукцией по собственному усмотрению. Его обязанностью перед государством была своевременная уплата продналога, который с 1924 г. мог уже выплачиваться не сельхозпродуктами, а деньгами. Крестьянин сам решал, сколько посеять, сколько оставить в амбаре, а сколько продать. Он жил по принципу: в первую очередь обеспечить себя. Внутри крестьянского двора кустарным способом изготавливали одежду, обувь, домашнюю утварь. Если крестьянин шел

в сельскую лавку, то покупал там товар, который не мог сам произвести, – соль, спички, мыло, керосин, ситец.

Материальный достаток крестьян был разным. Однако благополучие деревни росло, она возрождалась после революционных и военных потрясений. Доля *середняцких* хозяйств увеличивалась (до 60% сельского населения). Зажиточные крестьяне, «*кулаки*» (до 15% сельского населения), являлись своеобразным гарантом против голода для бедняков: в случае нужды под кабальные условия займа было у кого одолжить продукты до нового урожая.

Восстанавливающееся крестьянское хозяйство являлось и залогом благополучия города, поскольку крестьянский рынок был главным источником продуктов для горожан.

Товарная продукция поступала от крестьян, которые либо продавали ее заготовителям (частным, государственным и кооперативным), либо торговали сами. Особенно велика была роль частника-заготовителя в глубинных районах. Во второй половине 20-х гг. частник закупал около четверти хлеба в производящих губерниях и до трети сырья. Частник (нэпман) участвовал в производстве товаров, особенно важную роль он играл в торговле. Получение прибыли было главным стимулом и целью предпринимательской деятельности нэпмана, именно оно обеспечивало быстроту передвижения, оперативность, высокую сохранность товаров.

В целях рентабельности производства на государственных предприятиях осуществлялся их перевод на *хозяйственный расчет* и объединение их в *тресты*.

Трест – монополистическое объединение предприятий одной отрасли, в составе которого отдельные предприятия теряют свою производственную и коммерческую самостоятельность и подчиняются единому управлению.

В тресты объединялись предприятия одной отрасли, наиболее крупные, с лучшим техническим оборудованием и удобно расположенные для объединения. Каждый трест возглавлялся правлением. Предприятия, входящие в трест, не пользовались правом юридического лица, не имели своего баланса и отчетности, не могли самостоятельно выступать на рынке. Все эти права предоставлялись только управлениям трестов. Процесс завершился в 1922 г. К середине 1923 г. в стране насчитывалось 478 трестов, из них центральных, находящихся в ведении ВСНХ, – 133 и местных – 345.

Наряду с трестами появились синдикаты. Производственными вопросами они не занимались. В их функции входило снабжение производства сырьем, сбыт готовой продукции. С образованием СССР в декабре 1922 г. вся промышленность была подразделена по значению на три категории: общесоюзную, которой управлял ВСНХ СССР, республиканскую и местную.

Восстановление товарно-денежных отношений потребовало скорейшей стабилизации государственных финансов. В *октябре 1921 г.* был создан *Государственный банк РСФСР*. Он призван был способствовать кредитам и другим банковским операциям, развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота. Наряду с Госбанком появились отраслевые банки, создаваемые на акционерных началах. К концу 20-х гг. помимо Госбанка СССР действовало 6 коммерческих, 2 кооперативных и 45 коммунальных банков; решающую роль в них играло государство.

В 1922–1924 гг. Наркоматом финансов, возглавляемым *Г.Я. Сокольниковым*, была проведена первая советская денежная реформа.

Сокольников (*настоящая фамилия – Бриллиант*) Григорий Яковлевич (1888–1939) из семьи врача, учился на юридическом факультете Московского университета, с 1905 г. член РСДРП, участвовал в Декабрьском вооруженном восстании в Москве в 1905 г., в 1907 г. был арестован и позже сослан в Сибирь, в 1909 г. бежал из ссылки и покинул Россию, в эмиграции окончил юридический факультет и курс доктората экономических наук в Сорбонне, в апреле 1917 г. вернулся в Россию вместе с В.И. Лениным. В октябре 1917 г. являлся одним из руководителей вооруженного переворота в Петрограде, в 1918–1920 гг. занимал командно-политические должности в Красной армии. С 1922 по 1926 г. нарком финансов РСФСР (СССР), в ходе внутрипартийной борьбы в конце 20-х гг. поддерживал Н.И. Бухарина. В 1937 г. по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» был приговорен к 10 годам тюремного заключения; умер в Верхнеуральском политизоляторе.

Поначалу в два приема была осуществлена деноминация огромной денежной массы, имеющей хождение по стране.

Деноминация – замена обесценившихся бумажных денежных знаков новыми с понижением их номинальной цены («зачеркивание нулей»).

В 1922 г. за 100 тыс. любых денежных знаков давался 1 советский рубль. На следующий год уже за 1 млн денежных знаков выдавался 1 советский рубль. Так в стране было запрещено хождение других денежных знаков. 7 марта 1924 г. в оборот был введен *золотой червонец*. Червонец, приравненный к 10 дореволюционным золотым рублям, обеспечивался золотом и другими легко реализуемыми ценностями. Вместо обесцененных совзнаков времен Гражданской войны были выпущены медные и серебряные монеты, казначейские билеты. Денежная реформа стабилизировала финансово-кредитную систему, позволила преодолеть бюджетный дефицит. Правда, червонец недолго оставался конвертируемой валютой. Уже в 1926 г. спрос частного рынка на золото и иностранную валюту настолько превысил предложение, что Госбанк прекратил размен.

Одновременно в начале 20-х гг. была введена *система прямых и косвенных налогов* – подоходный, сельскохозяйственный, промысловый, акцизы на товары широкого потребления. Была восстановлена оплата проезда на транспорте, почтовые и гербовые сборы, оплата коммунальных услуг и т. д. Все эти налоги и платежи обеспечивали поступление денег в государственный бюджет.

Особое место в российской экономике занимали *частная промышленность и торговля*. Во внутренней розничной торговле около 75% товарооборота принадлежало частным торговым предприятиям, оптовую контролировало государство. Важность рынка и нэпмана для снабжения населения выглядит бесспорной на фоне слабого развития государственной промышленности и торговли. Обувную, трикотажную, швейную отрасли легкой промышленности, традиционно развитые в аграрной России, представляли мелкие предприятия с большой долей ручного труда. Даже наиболее технически оснащенная текстильная промышленность производила в середине 20-х гг. на человека в год всего 12 м хлопчатобумажных тканей при численности населения 154,2 млн человек. Выпуск другой продукции был еще меньшим. На душу населения в год производилось 80 см шерстяных тканей, полботинка, один носок или один чулок.

С 1923 г. в стране начался экономический подъем. К середине 20-х гг. сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность достигли в основном довоенного

уровня. К 1925 г. довоенный объем промышленного производства был восстановлен. Быстрое восстановление экономики отчасти было обусловлено не только переходом к нэпу, но и резким сокращением военных расходов.

В годы нэпа страна пережила два *экономических кризиса*: в 1923–24 гг. и в 1927–28 гг. Первопричина их состояла в том, что слабо развитая промышленность и отсталое сельское хозяйство не создавали друг для друга емких рынков сбыта. Промышленность не удовлетворяла потребности сельского хозяйства в сельхозорудиях и промтоварах народного потребления, а сельское хозяйство не могло полностью снабдить промышленность сырьем, а городское население – продуктами питания.

Кризис 1923–24 гг. вошел в историю как «*кризис сбыта*». Причина кризиса заключалась в том, что руководство хозрасчетных трестов и синдикатов, желая получить максимальную прибыль, предельно взвинтило цены на производимые промышленные товары. В то же время государственные закупочные цены на сельскохозяйственные товары оставались низкими. Разница между высокими ценами на промтовары и низкими на сельскохозяйственные товары получила название «*ножницы цен*». Они достигли максимальной величины в октябре 1923 г. Низкая покупательная способность крестьян привела к затовариванию складов и магазинов промышленной продукцией. Полки ломились от товаров, но цены были столь высокими, что крестьяне отказывались покупать товары, считая цены грабительскими. Сокращение объемов продаж вызвало уменьшение прибыли заводов и фабрик, что привело к задержкам в выплате зарплаты рабочим. Это в свою очередь вызвало протесты рабочих. Начались митинги и демонстрации.

Выйти из кризиса позволило административное вмешательство государства в процесс ценообразования. В 1924 г. отпускные цены на продукцию государственных предприятий были в приказном порядке понижены на 30%. С другой стороны, прошло повышение закупочных цен на сельхозпродукты, сопровождаемое форсированной государственной закупкой зерна для экспорта.

В результате «кризис сбыта» был быстро ликвидирован. Однако на смену ему пришел *товарный голод*. Если прежде товаров было много, но крестьяне не могли их купить из-за высоких цен, то теперь крестьяне имели деньги, но товаров в продаже не хватало.

Один из лидеров партии, Н.И. Бухарин, активно развивавший ленинские идеи нэпа, считал, что дальнейшее развитие рыночных отношений – лучшее средство преодоления кризисов и вместе с тем путь СССР к социализму. Это, на его взгляд, должно было создать условия для свободного развития индивидуальных крестьянских хозяйств в направлении богатых ферм; и в дальнейшем богатое крестьянство через свободное товарно-денежное обращение вполне сможет сотрудничать с государственной промышленностью – покупать производимые ею товары и тем самым давать необходимые финансовые средства для проведения индустриализации. Бухарин, в отличие от многих большевиков, не считал богатых крестьян («кулаков») угрозой советской власти и полагал, что через кооперацию, развитие которой направлялось государством, они будут приобщаться к социалистической (коллективной) форме хозяйствования.

Верхи партии большевиков – И.В. Сталин, Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев – поддержали Бухарина. В *апреле 1925 г.* ЦК партии принял решение понизить

размер сельхозналога и брать его с крестьян исключительно деньгами, что должно было стимулировать развитие внутренней торговли. Кроме того, крестьянам было разрешено использовать наемный труд сельхозрабочих и выходить из общины для создания самостоятельных хозяйств.

Хотя в 1926 г. валовой объем промышленного производства в целом превысил довоенный уровень, первые результаты нового аграрного курса были отрицательными для власти большевиков. Заплатив денежный налог, крестьяне большую часть зерна отложили в запас и не повезли на рынок, выжидая, когда магазины наполнятся промтоварами.

Тем не менее восстановление промышленного производства создало условия для улучшения материального положения рабочих. Все рабочие и служащие имели право на ежегодный отпуск не менее двух недель. Повышалась реальная заработная плата, а с ней и спрос на товары народного потребления. Интересы народного потребления диктовали расширение как частного и государственного производства товаров широкого потребления, так и торговли. Но они не совпадали с планами большевистского руководства, которое в конце 1925 г. приняло решение об ускоренном развитии тяжелой и оборонной промышленности.

Одним из факторов, решающим образом повлиявших на принятие такого решения, стало нарастание экономического отставания СССР от развитых капиталистических стран. Оборудование на предприятиях, не обновлявшееся многие годы, морально устаревало. Снижалась производительность. Западные страны уверенно переходили на новые технологии, модернизированное оборудование, повышали качество продукции, всесторонне развивали науку. Мир вступал в новую стадию научно-технического прогресса: массовое применение находили радиотехнические устройства, автоматизация производства. В СССР только 1924 г. были изготовлены первые колесные и гусеничные трактора на Путиловском, Харьковском и Коломенском заводах. На следующий год было выпущено около 500 тракторов, а рубеж производства в 1000 машин был преодолен только в 1928 г.

Переход к политике форсированной *индустриализации* был проведен силами государства в рамках плановой централизованной экономики. В выборе форм и методов индустриализации решающую роль сыграла идеология – марксистское неприятие рынка и частной собственности. Политическое руководство стремилось осуществить индустриализацию в кратчайшие (10–15 лет) сроки, ожидая скорой войны. В декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) провозгласил главной задачей экономической политики развитие тяжелой промышленности при сохранении рыночных связей между городом и деревней. Началась разработка *первого пятилетнего плана*.

Решающим условием его выполнения был форсированный экспорт зерна и других видов сельхозсырья, являвшийся главным источником валюты для закупки машин и оборудования за границей для строящихся промышленных предприятий. С другой стороны, численность городского населения одновременно со строительством новых промышленных предприятий увеличивалась, государство должно было гарантировать его снабжение продовольствием. Индустриализация, следовательно, нуждалась в огромном количестве зерна. Хлебозаготовки, однако, шли не так быстро, как того желало руководство страны. В 1927 г. не были выполнены планы хлебозаготовок; государство недополучило по сравнению с 1926 г. 128 млн пудов.

Кризис хлебозаготовок 1927/28 гг. во многом был вызван тем, что Великобритания весной 1927 г. разорвала дипломатические отношения с СССР. О скорой войне заговорили газеты. Война – это всегда недостаток продовольствия и рост цен не него. В городах вспыхнула паническая закупка товаров и продуктов питания; полки магазинов опустели. Потому крестьяне, заплатив налог, опять решили придержать зерно и не везти его на рынки. Перебои с поставками хлеба в государственные магазины вели к повышению цен на рынке. Подорожание зерна, которое шло и на корм животным (фураж), вызвало подъем цен на продукцию животноводства. Началась цепная реакция повышения цен. Возникла реальная угроза голода в городах и срыва снабжения Красной армии.

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) в целях выхода из кризиса принял решение о дальнейшем развитии индустрии в городе и переходе к активному созданию коллективных хозяйств в деревне. Но при этом решения съезда предполагали сбалансированное развитие промышленного и аграрного секторов народного хозяйства, а главное – использование рыночных механизмов регулирования экономики. По сути экономическая программа, принятая XV съездом, являлась продолжением и развитием основ нэпа.

Однако в начале 1928 г. Сталин, сосредоточивший в своих руках власть в партии, приступил к кардинальному повороту в экономической политике. Во время поездки по Сибири в январе 1928 г., встречаясь с партийно-хозяйственными руководителями, он объяснил заготовительный кризис сопротивлением кулачества. Назвав кризис хлебной стачкой он оценивал его как сознательный саботаж со стороны «кулаков», рассчитывающих на значительное повышение цен. От местных руководителей он потребовал принять против «кулаков» чрезвычайные меры, главной из которых была конфискация хлеба. В частности, он предложил (фактически – потребовал) применять к саботажникам хлебозаготовок 107-ю статью Уголовного кодекса РСФСР, карающую лишением свободы за спекуляцию. Судей и прокуроров, не готовых к подобным действиям, Сталин назвал «господами», которых следовало «вычистить» и заменить.

Этот начатый Сталиным кардинальный поворот в экономической политике полностью противоречил как взглядам Ленина на нэп, так и решениям XV партсъезда. Его конечной целью была ликвидация нэпа и создание в СССР безрыночной экономики.

В соответствии с экономическими переменами в стране в 20-е гг. менялась *социальная структура общества*. По данным на 1924 г., социальная структура была весьма характерна для государства аграрно-индустриального типа: рабочие составляли 10,4% населения, крестьяне и кустари – 76,7%, служащие – 4,4%, промышленники и торговцы (нэпманы) – 8,5%. Процентное соотношение городских и сельских жителей составляло 18 : 82.

Одной из острейших социальных проблем была *безработица*.

В 1921–1922 гг. демобилизация армии, сокращение штатов и числа работающих предприятий и учреждений, приток населения из голодающих губерний вызвали рост населения в городах и появление безработицы. На протяжении 20-х гг. наряду с быстрым ростом численности рабочих наблюдался внешне парадоксальный рост числа безработных. В основном это объяснялось тем, что государство налоговый прессинг и поиск лучшей доли «выталкивали» в города многих крестьян на поиски временного или постоянного заработка.

По данным Госплана, количество рабочих, занятых в промышленности в 1921–1922 гг., составляло менее 1 млн 250 тыс. человек, затем начался стабильный рост: в 1923 и 1924 гг. оно составило соответственно 1 млн 900 тыс. и 2 млн 300 тыс. человек. Безработица увеличилась со 160 тыс. человек в конце 1921 г. до 641 тыс. в конце 1922 г., а к концу 1923 г. было зарегистрировано 1 млн 240 тыс. безработных, что составило 18% занятых в народном хозяйстве. На каждые 100 человек, искавших работу, в среднем приходилось только 29 рабочих мест; средний период безработицы составил около 3 месяцев.

Сохранялась острота жилищной проблемы.

Таким образом, основные итоги нэпа в социально-экономической сфере состояли в следующем: восстановление сельского хозяйства, промышленности и транспорта, возрождение и развитие торговли, рост численности городского населения, повышение уровня жизни населения, появление и рост экономической мощи «новой буржуазии» в городе и деревне, появление и рост безработицы, нарастание нестабильности.

Лекция 24

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВЕ В 1920-е гг.

В основных чертах политический режим в 20-е гг. характеризовался следующими чертами: сохранение и укрепление авторитарной диктатуры, завершение разгрома оппозиционных политических партий, политические процессы над оппозицией, ограничение внутрипартийной демократии, превращение органов госбезопасности («вооруженный отряд партии») в инструмент партийной власти и внутрипартийной борьбы, борьба в политическом руководстве за власть после смерти Ленина, становление партийно-государственной номенклатуры, относительная демилитаризация общества, завершение правового оформления советской государственности и судопроизводства.

Начало 20-х гг. внесло существенные изменения в высший эшелон правящей партии. В течение 5 лет на вершине партийно-государственной пирамиды находился признанный В.И. Ленин, лидерство которого признавали даже самые амбициозные большевистские вожди *Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев*.

Сталин (настоящая фамилия – Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953) из семьи сапожника, после окончания в 1894 г. духовного училища в г. Гори учился в Тифлисской духовной семинарии, откуда в 1899 г. был исключен. В 1898 г. вступил в грузинскую социал-демократическую организацию «Месаме-даси». После 1903 г. примкнул к большевикам. В 1906–1907 гг. руководил проведением экспроприаций в Закавказье для пополнения партийной кассы. В 1907 г. один из организаторов и руководителей Бакинского комитета РСДРП. Ревностный сторонник Ленина, по инициативе которого в 1912 г. был кооптирован в состав ЦК и в Русское бюро ЦК РСДРП(б). В 1902–1913 гг. шесть раз подвергался арестам, ссылкам, четыре раза бежал из мест ссылки. В 1917 г. член редколлегии газеты «Правда», Политбюро ЦК партии большевиков, Военно-революционного центра. В 1917–1922 гг. нарком по делам национальностей, одновременно в 1919–1922 гг. – нарком Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), с 1918 г. член Реввоенсовета Республики (РВСР), в годы Гражданской войны занимал несколько политических постов в Красной армии. В 1922–1953 гг. генеральный секретарь партии большевиков.

Каменев (*настоящая фамилия* – Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) из семьи инженера, с 1901 г. в РСДРП, учился на юридическом факультете Московского университета, в 1902 г. был арестован и выслан в Тифлис, откуда уехал за границу, затем дважды приезжал в Россию для партийной работы и снова арестовывался. В 1915–1916 гг. в ссылке сблизился с И.В. Сталиным. С апреля 1917 г. член ЦК партии большевиков. В октябре 1917 г. считал несвоевременным проведение вооруженного восстания. На II Всероссийском съезде Советов был избран председателем ВЦИК, покинул этот пост в декабре. В 1918–1926 гг. председатель Моссовета, с 1919 г. член Политбюро. В апреле 1922 г. предложил назначить И.В. Сталина генеральным секретарем ЦК РКП(б). В 1923–1926 гг. заместитель председателя СНК СССР, в 1922–1924 гг. заместитель председателя, а в 1924–26 гг. председатель Совета Труда и Оборона. В 1923–1926 гг. директор Института Ленина, а затем на дипломатической и административной работе. В 1935 г. осужден по делу «Московского центра» на 15 лет, затем по «Кремлевскому делу» осужден на 10 лет. В 1936 г. приговорен к смертной казни по делу «Антисоветского объединенного троцкистского-зиновьевского центра» и расстрелян.

Зиновьев (*настоящая фамилия* – Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936) сын владельца молочной фермы, получил домашнее образование, в 1901 г. вступил в РСДРП. Участник революции 1905–1907 гг. С 1908–1917 гг. в эмиграции, откуда возвратился вместе с В.И. Лениным. С апреля 1917 г. член ЦК партии большевиков, в октябре 1917 г. выступил против захвата власти путем вооруженного восстания. С декабря 1917 г. председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В 1919–1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна. В 1926 г. был отстранен от руководства Петросоветом и Исполкомом Коминтерна. С 1928 г. ректор Казанского университета, с 1931 г. работал в Наркомпросе РСФСР. В 1934 г. был арестован и осужден на 10 лет по делу «московского центра», в 1936 г. был приговорен к смертной казни по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» и расстрелян.

Опираясь на свой непреклонный авторитет, Ленин проводил последовательный экономический курс. В декабре 1922 г. состояние здоровья Ленина резко ухудшилось. По настоянию врачей он переехал в Горки, дачное место под Москвой. Между приступами болезни Ленин диктовал письма и статьи, излагая в них свои мысли о дальнейшем развитии страны и задачах партии. Им были надиктованы «Странички из дневника», «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «О нашей революции», «Лучше меньше, да лучше», «К вопросу о национальностях и “автономизации”», «Письмо к съезду». Впоследствии эти ленинские работы получили собирательное название «ленинское завещание».

В «Письме к съезду» Ленин дал характеристики шестерым видным членам ЦК партии, от взаимоотношения которых зависело единство партии. «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью... Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого

места и назначить на это место другого человека». Троцкий был охарактеризован как человек, страдающий «самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

Увидев в начале 1921 г., что «дискуссия о профсоюзах» быстро привела к созданию фракций внутри партии, к острой борьбе между фракциями и фактически поставила партию на грань раскола, Ленин пришел к заключению: сохранение единства партии – важнейшая гарантия построения социализма.

Фракция – часть политической партии со своей групповой дисциплиной, которая обособилась в результате несогласия с общей линией партии, ведет против нее борьбу, но остается в ее рядах.

Поэтому на X съезде он добился принятия резолюции «О единстве партии». Этим решением запрещалось создание фракций внутри партии. По сути это был решающий шаг к ликвидации внутрипартийной демократии, который впоследствии привел к установлению режима личной власти Сталина.

Борьба между вождями за власть в партии и государстве началась уже в 1923 г., поскольку весной Ленина парализовало.

Внутрипартийная борьба 20-х гг. прошла несколько этапов.

Первый этап длился с осени 1923 до начала 1925 г.

Наиболее амбициозные лидеры партии, Троцкий и Зиновьев (его поддерживали Каменев и Сталин), видели себя единоличными преемниками Ленина. Осенью 1923 г. Троцкий, член Политбюро и председатель Реввоенсовета СССР, обнаружил, что лично ему преданных руководящих работников в партийно-государственном аппарате «оттирают» и убирают с занимаемых должностей. Эту кадровую политику проводили противники Троцкого, прежде всего Сталин, который, используя полномочия генерального секретаря ЦК РКП(б), стремился сконцентрировать управление партией в ее центральных органах – ЦК, Политбюро и др. Эта ситуация толкнула Троцкого выступить с обвинениями партийной верхушки – членов Политбюро Каменева, Зиновьева и Сталина – в «обюрокрачивании». Он требовал положить конец «секретарскому бюрократизму», остро критиковал внедряемую Сталиным систему назначения руководителей «сверху» и предлагал выбирать их «снизу». Для борьбы с бюрократизацией он публично предложил «опираться на учащуюся молодежь, как на вернейший барометр партии». С другой стороны, в опубликованной осенью 1924 г. работе «Уроки Октября» Троцкий подчеркнул свою роль в успехе Октябрьского переворота и вспомнил эпизод со «штрейкбрехерством» Зиновьева.

Борьба против Троцкого объединила троих членов Политбюро – Каменева, Зиновьева и Сталина («тройка»).

«Кризис сбыта» и поиск путей выхода из него в очередной раз, как прежде – другие кризисы в стране, вызвал острую дискуссию внутри партии и обострил борьбу за власть. Дискуссия велась вокруг двух главных вопросов – экономической политики и демократизации партии.

Каменев, Зиновьев, Сталин и их сторонники видели причину кризиса в установлении слишком высоких цен на продукцию государственной промышленности, обвиняя в этом заместителя председателя ВСНХ Г.Л. Пятакова, сторонника Троцкого. Поскольку Троцкий для выхода из кризиса предлагал начать индустриализацию, финансируя ее путем повышения налогообложения крестьян, «тройка» поддерживала его оппонента Н.И. Бухарина, выступав-

шего за ослабление налогового пресса на крестьян с целью создания условий для подъема аграрного сектора.

Пятаков Георгий Леонидович (1890–1937) *из семьи инженера, владельца и директора сахарного завода, в 1910 г. за участие в социал-демократической организации был исключен из Петербургского университета, где учился на юридическом факультете. В 1921–1927 гг. заместитель председателя Госплана РСФСР и ВСНХ. Был арестован в 1936 г. и в 1937 г. расстрелян.*

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) *сын учителя, участвовал в революции 1905–1907 гг., в 1906 г. вступил в РСДРП. С 1907 г. учился на экономическом отделении юридического факультета Московского университета, откуда был исключен в 1911 г. В 1911 г. был сослан в Архангельскую губернию; бежал из ссылки и эмигрировал. В 1917 г. вернулся в Россию и был избран членом ЦК партии большевиков. В дни Октябрьского переворота 1917 г. редактировал газету «Известия». В 1918–1929 гг. главный редактор газеты «Правда», одновременно в 1919–1929 гг. член Исполкома Коминтерна (с 1926 г. его фактический руководитель), с 1924 г. член Политбюро. В 1929–1932 гг. член Президиума ВСНХ СССР, с 1932 г. член коллегии Наркомтяжпрома. В 1934–1937 гг. редактор «Известий». Член ЦК партии в 1917–34 гг. (кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1934–37 гг.). Автор многих работ по философии и политэкономии. В 1938 г. приговорен к смертной казни по делу «антисоветского правотроцкистского блока» и расстрелян.*

С другой стороны, «тройка» обвинила Троцкого и его сторонников, названных «левой оппозицией», в попытке натравить одну часть партии на другую (партийную молодежь на старые кадры). Это обвинение было очень серьезным, поскольку в глазах рядовых членов партии попытка ее раскола воспринималась как очень опасное нарушение заветов Ленина. Изобретенный Зиновьевым термин «троцкизм» стал использоваться как синоним антиленинизма.

Быстрый выход из «кризиса сбыта» за счет административного вмешательства в ценообразование и использование подконтрольной Сталину партийной печати для массированного обвинения «оппозиции» в троцкизме и попытке расколоть партию позволили Каменеву, Зиновьеву, Сталину и их сторонникам получить поддержку большинства членов партии в ходе партийной дискуссии. К лету 1924 г. дискуссия закончилась поражением левой оппозиции.

За дискуссией последовала массированная компания по дискредитации Троцкого. Все его реальные и мнимые ошибки трактовались как борьба против Ленина и партии. В частности, Сталин опубликовал в «Правде» письмо Троцкого к Н.С. Чхеидзе, написанное в 1913 г., в котором содержались неуважительные высказывания в адрес Ленина.

Троцкий потерпел поражение. В январе 1925 г. он был снят с постов председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам.

Второй этап длился с весны по конец 1925 г.

Переход «кризиса сбыта» в «товарный голод» и срыв хлебозаготовок в 1925 г. из-за отказа крестьян везти большую часть хлеба на рынок убедили Каменева и Зиновьева в ошибочности взглядов Бухарина. Крестьянство, решили они, пошло по капиталистическому пути развития, и необходимо вернуть его на социалистический путь мерами государственного принуждения, в чем они видели первый

шаг к выходу из кризиса. Вторым шагом они считали ускоренное развитие государственной индустрии. Однако, считая невозможным возврат к продразверстке, реальных источников финансирования индустриализации они не видели, что привело их к заключению о невозможности построить социализм в СССР из-за его экономической отсталости до тех пор, пока не победят революции в развитых странах и победивший европейский пролетариат не окажет СССР необходимую экономическую помощь. Тем самым, Каменев и Зиновьев фактически разделили взгляды Троцкого.

Сталин со своей стороны поддерживая Бухарина, верившего в возможность построения социализма в изолированном СССР, выдвинул тезис о возможности построения социализма в «отдельно взятой стране» даже в условиях агрессивного капиталистического окружения. Из этого он делал вывод о необходимости развития экономического и дипломатического сотрудничества с этим окружением. Кроме того, стремясь к единоличному лидерству и используя полномочия генсека, Сталин стал перемещать преданных Зиновьеву партийных чиновников на периферийные должности.

Поскольку Троцкий предпочел уклониться от участия в дискуссии по основным направлениям политики перед XIV съездом партии, Сталин и его окружение главной мишенью выбрали Каменева и Зиновьева, при этом выдвинув на острие борьбы Бухарина.

Зиновьев и Каменев расценили взгляды Сталина как предательство марксистской идеи мировой революции и принципов пролетарского интернационализма. Они и их сторонники осудили принятое в апреле 1925 г. решение о снятии ограничений по найму батраков и аренде земли, проведенное при поддержке Сталина. Главным идеологом «отступления вправо» ими был назван Бухарин, призвавший зажиточных крестьян «обогащаться, не боясь никаких репрессий». По их мнению, укрепившись экономически, «кулаки» стали бы претендовать и на политическую власть в стране.

В ходе дискуссии Сталин и его окружение, как и Бухарин, обвинили Каменева и Зиновьева в капитулянтстве и отходе от ленинизма. Большинство партии поддержало Сталина и Бухарина, поскольку признать правоту взглядов Каменева и Зиновьева о невозможности построения социализма в одной стране означало потерять основу и цель политики партии большевиков. Каменев, Зиновьев и их сторонники подконтрольной Сталину партийной печатью были названы «*новой оппозицией*».

На состоявшемся в декабре 1925 г. XIV съезде партии «новая оппозиция» потерпела поражение, поскольку, во-первых, большинство делегатов являлись выдвиженцами и назначенцами Сталина, во-вторых, призывы оппозиции к разжиганию классовой борьбы как внутри страны, так и за ее пределами не нашли отклика ввиду усталости от войн и разрухи; наконец, в-третьих, делегаты, как и многие рядовые члены партии, действительно воспринимали Каменева и Зиновьева как капитулянтов, коль они не верят в построение социализма в отдельно взятом СССР.

В итоге Зиновьев был снят с должности 1-го секретаря партийной организации Ленинграда, где у «новой оппозиции» было много сторонников (вместо него был назначен *С.М. Киров*), а затем и лишен должности председателя Исполкома Коминтерна, фактическим руководителем которого вместо него стал Бухарин.

Киров (*настоящая фамилия* – Костриков) Сергей Миронович (1886–1934) с 1921 г. 1-й секретарь ЦК Компартии Азербайджана, с 1926 г. 1-й секретарь Ленинградского губкома, горкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). 1 декабря 1934 г. был убит в Ленинграде.

Третий этап длился с весны 1926 по конец 1927 г.

В 1926 г. ситуация в стране осложнилась. Во время выборов в местные Советы беспартийные крестьяне проявили большую активность и получили много мест, а доля коммунистов и рабочих в местных Советах уменьшилась. При этом крестьяне стали настаивать на создании своей, крестьянской партии.

В этой обстановке в *апреле 1926 г.* произошло объединение группы Троцкого и группы Каменева – Зиновьева; бывшие соперники простили друг другу ранее нанесенные обиды и оскорбления. Так образовалась группа, прозванная сталинской пропагандой *объединенной левой оппозицией или троцкистско-зиновьевским блоком*.

Эта группа обвинила Сталина его сторонников в предательстве идеалов не только мировой, но и русской революции в угоду «нэпманам», в правом уклоне, т. е. поддержке богатого крестьянства, в проведении политики, ведущей к перерождению диктатуры пролетариата в диктатуру партийной бюрократии, к победе бюрократии над рабочим классом. Троцкий, Каменев и Зиновьев предлагали начать форсированную индустриализацию, рассматривая ее как начало и экономического соревнования с капитализмом в преддверии новой мировой войны, и строительства социализма. Главным источником средств для индустриализации они считали зажиточных крестьян: требовали обложить их сверхналогом, а собранные средства направить в государственную тяжелую промышленность. Это должно было способствовать подготовке к новой войне и мировой революции.

Сталин резко критиковал взгляды объединенной левой оппозиции, воспринимая ее как серьезную угрозу своей власти. Он умело использовал ленинские аргументы, обвиняя ее лидеров в намерении расколоть партию и разрушить союз рабочего класса и крестьянства. Вероятно, Троцкий, Каменев и Зиновьев не понимали истинных намерений Сталина, всерьез полагая, что он стремится стать полновластным диктатором, чтобы повернуть страну к реставрации капитализма. Сталин между тем также считал форсированную индустриализацию первоочередной задачей и вдобавок хорошо понимал, что нет иного пути обеспечить ее финансирование, кроме конфискации хлеба у богатых крестьян и закупки за границей современного промышленного оборудования в обмен на экспортируемый хлеб. Но главной его задачей в этот период был поиск не путей экономического развития, а способов окончательного устранения от власти своих главных соперников Троцкого, Каменева и Зиновьева. Поэтому он демонстративно поддерживал Бухарина, искренне и активно боровшегося против объединенной левой оппозиции, не разделяя в действительности его взглядов на развитие нэпа в рыночном духе, в частности, на необходимость обогащения крестьян.

В ходе борьбы Сталин одержал очередную победу: *в октябре 1926 г.* Троцкий, Каменев и Зиновьев были исключены из Политбюро.

В 1927 г., после разрыва Великобританией дипломатических отношений с СССР, новая антисоветская интервенция считалась делом ближайшего будущего. Это дало объединенной левой оппозиции некоторую поддержку среди

военных и студентов. В мае – июне ее активисты распространили «Заявление 83-х», под которым стояли 1,5 тыс. подписей представителей старой партийной гвардии, что свидетельствовало о консолидации сил, выступающих против Сталина и Бухарина. Не имея возможности легальной деятельности, сторонники Троцкого, Каменева и Зиновьева использовали знакомые с дореволюционных времен методы нелегальной деятельности – выпуск заявлений и листовок, устройство конспиративных собраний и т. д. 7 ноября 1927 г., в день 10-й годовщины Октябрьской революции, они провели в Москве и в Ленинграде демонстрации, альтернативные официальным. Сталин и подчиненный ему партаппарат умело использовали эту ситуацию, обвинив объединенную левую оппозицию в том, что в своем стремлении расколоть партию она «перешла границу советской легальности». Троцкий и Зиновьев в октябре 1927 г. были исключены из ЦК, а в ноябре – из партии.

На состоявшемся в декабре 1927 г. XV съезде партии Сталин и партаппарат создали по отношению к объединенной левой оппозиции атмосферу острой нетерпимости. Большинством голосов съезд проголосовал за исключение из партии 75 активных оппозиционеров, включая Каменева.

Из письма Л.Д. Троцкого членам РКП(б) от 8 сентября 1923 г.

«...Назначение секретарей губкомов стало теперь правилом. Это создает для секретаря независимое, по существу, положение от местной организации... Назначенный центром и тем самым почти независимый от местной организации, секретарь является, в свою очередь, источником дальнейших назначений и смещений – в пределах губернии. Создаваемый сверху вниз секретарский аппарат, все более и более самодовлеющий, стягивает к себе все нити... Создалась за последние год –полтора специфическая секретарская психология, главной чертой которой является убеждение, что секретарь способен решать все и всякие вопросы без знакомства с существом дела... Бюрократизация партийного аппарата достигла неслыханного развития применением методов секретарского отбора...»

Из речи Л.Б. Каменева на XIV съезде ВКП(Б) в декабре 1925 г.:

«...Мы против того, чтобы создавать теорию “вождя”, мы против того, чтобы делать “вождя”. Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику, и организацию, стоял над политическими органами. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полномочное Политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии и, вместе с тем, чтобы был подчиненный ему и технически выполняющий его постановления Секретариат... Мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя...»

В январе 1928 г. Троцкий и другие лидеры оппозиции были высланы из Москвы в Алма-Ату и другие населенные пункты страны. А в 1929 г. Троцкого обвинили в контрреволюционной деятельности и выслали из СССР, лишив гражданства.

Четвертый этап длился с весны 1928 по весну 1929 гг.

В начале 1928 г. в целях выхода из «кризиса хлебозаготовок» Сталин и его окружение приняли решение об изъятии «излишков» у «кулаков», отказывавшихся продавать их по низким закупочным ценам. Но благодаря этой мере получить необходимое количество зерна все же не удалось. Поэтому весной 1928 г. Сталин предложил начать конфискацию «излишков» у середняков. Против это-

го выступили Бухарин и разделявшие его взгляды на нэп глава правительства А.И. Рыков, а так же лидер советских профсоюзов М.П. Томский.

Рыков Алексей Иванович (1881–1938) из семьи крестьянина, выбывшегося в мелкие торговцы, в 1901 г. был арестован за революционную деятельность и исключен из Казанского университета, где учился на юридическом факультете, в 1902 г. вступил в РСДРП, участвовал в революции 1905–1907 гг. и Октябрьском вооруженном перевороте 1917 г. В ноябре 1917 г. вошел в состав первого большевистского правительства в качестве наркома внутренних дел. В 1918–1921 гг. и в 1923–1924 гг. председатель Высшего совета народного хозяйства, одновременно с 1921 г. зам. председателя СНК, а также Совета труда и обороны (СТО). С 1922 г. член Политбюро. В 1924–1930 гг. председатель СНК СССР, одновременно, в 1924–1929 гг., председатель СНК РСФСР, в 1926–1930 гг. председатель Совета труда и обороны. В 1931–1936 гг. нарком почт и телеграфа, нарком связи СССР. В 1938 г. приговорен к смертной казни по делу «антисоветского правотроцкистского блока» и расстрелян.

Томский (настоящая фамилия – Ефремов) Михаил Павлович (1880–1936) из семьи рабочего, с 1904 г. участвовал в социал-демократическом движении. С 1919 г. член ЦК партии большевиков, в 1922–1930 гг. член Политбюро. В 1919–1921 и в 1922–1929 гг. – председатель ВЦСПС. В 1929–1930 гг. заместитель председателя Высшего совета народного хозяйства. В обстановке массовых репрессий покончил жизнь самоубийством.

В сентябре 1928 г. в «Правде» была опубликована статья Бухарина «Заметки экономиста» с изложением его программы: пойти на уступки крестьянину-середняку, прекратить конфискации и возвратиться к экономическим методам регулирования внутреннего рынка.

Это дало основание Сталину устранить из партийного и государственно-го руководства последнюю группу лидеров, которых он считал соперниками в борьбе за власть. В *ноябре 1928 г.* на пленуме ЦК ВКП(б) взгляды Бухарина, Рыкова, Томского и их сторонников были объявлены «*правым уклоном*» и осуждены как попытка спасти сельскую буржуазию и сорвать строительство социализма. Вслед за этим в печати началась руководимая Сталиным кампания по дискредитации Бухарина как теоретика. Он был объявлен лидером «правого уклона» и все, что он сделал для развития ленинской теории нэпа, было перечеркнуто.

Урок провала хлебозаготовок в 1927/28 гг. не был принят в расчет Сталиным и его окружением: соизмерить темпы индустриализации с реальными возможностями страны, поскольку государство не справлялось со снабжением населения. Напротив, отправной вариант 1-го пятилетнего плана был заменен амбициозным «оптимальным» вариантом, в котором все контрольные цифры механически были увеличены на 20%. В *ноябре 1928 г.* на пленуме ЦК Сталин поставил задачу догнать и перегнать в промышленном развитии передовые капиталистические страны. В то же время повторялась ситуация хлебозаготовок прошлого года. Средняки и зажиточные крестьяне, основные держатели товарного хлеба, недовольные условиями заготовок, придерживали зерно. Крестьянская логика была проста: кто же враг своему хозяйству – продавать хлеб по 1 руб., если же весной возьмет 4–5 руб?.

Опять последовали административные санкции и конфискации.

На местах санкции принимали порой курьезные формы бойкотов и запретов. Запрет «на воду» означал посты у колодцев, которые решали, кому воду давать, а кому нет. Бойкот «на здравствования» означал запрет здороваться с бойкотируемыми. Бойкот «на огонь» запрещал топить печь, а если хозяин ослушался, то приходили и заливали ее. Запрещалось ходить в гости к бойкотируемым, а если нужно по делу, то брали понятых. О бойкоте предупреждал плакат на воротах дома: «Не подходи ко мне – я враг советской власти». Если плакат исчезал, бойкотируемого штрафовали, поэтому члены семьи должны были дежурить у ворот, чтобы плакат не стащили. Мазали ворота и окна дегтем. Существовал запрет на посещение общественных мест: прогоняли из больницы, из сельсовета, детей бойкотируемого исключали из школы. Крестьян, не поддававшихся угрозам сдать хлеб, держали в закрытом помещении по несколько дней, бывало, что им не давали есть и спать. Социальная обстановка в деревне накалялась. И все же план не был выполнен.

В декабре 1928 г. Политбюро разрешило Советам крупных промышленных центров ввести карточки на хлеб. Цель карточной системы состояла в том, чтобы обеспечить потребление рабочих и служащих за счет сокращения расхода хлеба для снабжения «непролетарского населения». Городская торговля не закрывалась для сельских жителей, но покупки нормировались (столько-то в одни руки), цены на хлеб повышались.

В феврале 1929 г. карточная система на хлеб стала всесоюзной. Хлеб трудовому населению городов должен был отпускаться по специальным книжкам. В столичных городах для рабочих и служащих промышленных предприятий полагалось 900 г. печеного хлеба в день, для членов их семей и безработных – 500 г. В остальных промышленных городах и рабочих поселках – соответственно 600 и 300 г. Перебои с продовольствием привели к тому, что на местах в дополнение к хлебным карточкам стали стихийно распространять нормирование и карточки на другие продукты – масло, мясо, сахар, крупы и т. д. Такова обстановка, в которой разыгралась последняя крупная внутривластная дискуссия 20-х гг. о выходе из «кризиса хлебозаготовок» и борьба с «правым уклоном». Основными оппонентами в ней выступили Сталин и Бухарин.

Они по-разному оценили причину и сущность кризиса, по-разному видели и пути выхода из него.

Сталин настаивал на том, что кризис носит структурный характер: отсутствие прогресса в деле индустриализации порождает товарный голод, а индивидуальное крестьянское хозяйство не способно обеспечить потребности промышленности, поэтому главный виновник кризиса – «кулак-саботажник». Бухарин же видел главную причину кризиса в ошибке, допущенной в выборе и реализации экономического курса (отсутствие резервного фонда промтоваров, разрыв цен на зерновые и технические культуры и др.), следовательно, по его мнению, главным виновником кризиса являлось политическое руководство страны.

Сталин для выхода из кризиса настаивал на принятии административных чрезвычайных мер: форсировании индустриализации, создании колхозов (видя в них инструмент перекачивания зерновых и прочих ресурсов из деревни в город), ликвидации кулачества как «последнего эксплуататорского класса», установлении жесткого контроля над крестьянством. В противовес ему Бухарин предлагал для выхода из кризиса использовать экономические методы: увеличить выпуск

промышленных товаров народного потребления (чтобы стимулировать крестьян к продаже своей продукции), достигнуть сбалансированность цен на зерно и технические культуры, усилить налогообложение «кулаков», закупить хлеб за границей, развивать кооперацию в деревне.

В *апреле 1929 г.* XVI партконференция осудила «правый уклон» и тогда же Бухарин был смещен с поста председателя Исполкома Коминтерна. В *ноябре 1929 г.* Бухарин был выведен из состава Политбюро. Под давлением Сталина и его окружения Бухарин, Рыков и Томский тогда же признали свои «ошибки».

Таким образом, в результате жесткой и беспринципной борьбы Сталин стал единоличным и непререкаемым лидером ВКП(б), что дало ему возможность, по его собственным словам, «послать нэп к черту».

Одной из причин победы Сталина явилось умелое использование им органов государственной безопасности для контроля за настроениями членов партии и для борьбы против всех «оппозиций».

Большевики изначально с крайней подозрительностью относились ко всем «классово чуждым элементам», в частности к так называемым «старым специалистам», поступившим на службу в советские и прочие учреждения. «Спец как сословие не принял Октябрьскую революцию», «правы те, для кого спец имярек белогвардеец», – эти и подобные высказывания мелькали на страницах центральной и местной печати.

Серьезной проверке политическое прошлое и нынешняя благонадежность советских служащих были подвергнуты в ходе первой всеобщей «чистки» государственных учреждений, организованной в конце 1924 г. по инициативе ЦК РКП(б). Несмотря на официальное объяснение данного мероприятия как направленного на улучшение кадрового состава учреждений, социальная направленность «чистки» была очевидна. В партийном постановлении четко оговаривалось, что из числа проверяемых исключались рабочие, коммунисты и комсомольцы. В состав комиссии входили представители губернского или уездного (в зависимости от статуса учреждения) комитета партии, сотрудник органов госбезопасности (ОГПУ), руководитель учреждения и председатель профсоюзного комитета. Все увольняемые делились на три категории: 1) элементы, чуждые и непригодные для работы в советском аппарате по политическим мотивам, увольнялись без права трудоустройства; 2) лица, непригодные для работы по деловым качествам или политическим мотивам; 3) преданные партии и государству сотрудники, но с низкой квалификацией переводились на низшие должности в этом же учреждении.

В ноябре 1928 г. ЦК ВКП(б) снова констатировал, что госаппарат сильно пропитан элементами старого чиновничества, что было воспринято на местах как сигнал к началу нового витка массовой «чистки». Серьезными неприятностями в плане жилья, трудоустройства, получения образования грозило попадание в категорию лишенцев, т. е. лиц, лишенных избирательных прав в Советском государстве. К их числу, согласно Конституции РСФСР 1918 г., принадлежали: «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступление с имущества и т. п., в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники, г) монахи и духовные служители церкви и религиозных культов, д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных

отделений..., е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой, ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором. Эти категории населения находились под усиленным наблюдением органов госбезопасности.

Советские органы госбезопасности в связи с окончанием Гражданской войны и переходом к нэпу были реорганизованы. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), созданная в декабре 1917 г., и ее местные органы в *феврале 1922 г.* были реорганизованы в *Государственное политическое управление (ГПУ)* при Наркомате внутренних дел РСФСР, наделенные теми же полномочиями. С образованием союзного государства в июле *1923 г.* при правительстве СССР было образовано союзно-республиканское *Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ)*. Руководитель органов госбезопасности остался прежний – *Ф.Э. Дзержинский*. В ведении ОГПУ находилась собственная система мест заключения, с сетью политизоляторов (Суздальским, Ярославским, Верхнеуральским, Челябинским, Тобольским). В места заключения ОГПУ направлялись «политические преступники» и особо опасные уголовники. Только в Соловецком лагере особого назначения осенью 1927 г. их содержалось 12896. За ОГПУ сохранялись внесудебные полномочия (право судить самостоятельно, минуя обычную судебную систему). Более того, выполняя указания Сталина, органы ОГПУ начали вмешиваться во внутрипартийные дела.

Из Положения о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылок и заключения в концентрационный лагерь от 24 марта 1924 г.:

«1. Предоставить ОГПУ право в отношении лиц, признаваемых ими на основании нижеперечисленных признаков социально-опасными:

а) высылать таковых из местностей, где они проживают, с запрещением дальнейшего проживания в этих местностях на срок не свыше трех лет,

б) высылать таковых из тех же местностей с запрещением проживания, сверх того, в ряде местностей или губерний, согласно списка, устанавливаемого ОГПУ на тот же срок,

в) высылать с обязательством проживания в определенных местностях по специальному указанию ОГПУ и обязательным в этих случаях гласным надзором местного отдела ГПУ на тот же срок,

г) заключать в концентрационный лагерь сроком до трех лет,

д) высылать за пределы государственной границы Союза ССР на тот же срок.

2. Вынесение постановлений о высылке возложить на Особое совещание в составе трех членов коллегии ОГПУ по назначению председателя ОГПУ, с обязательным участием прокурорского надзора...»

Из воспоминаний бежавшего из Соловецкого лагеря бывшего офицера С.А. Мальсагова «Адский остров. Советская тюрьма на далеком севере», изданных в Лондоне в 1926 г.

«В северных лагерях особого назначения немало представителей так называемых гуманитарных профессий: инженеров, адвокатов, литераторов, учителей, врачей. Очень много учителей начальных и средних классов, а также университетских преподавателей...

Имеется немалое количество крестьян, рабочих, ремесленников и мелких служащих. Довольно хорошо представлены донские, кубанские, сибирские казаки и народы Кавказа. Из нерусских, являющихся советскими подданными, на Соловках наиболее многочисленны эстонцы, поляки, карелы и евреи... Самые большие группы заключенных составляют офицеры старой и новой армии, деловые люди дореволюционной поры и эмпманы, видные представители старого режима – бюрократы и аристократы, а также духовенство. В настоящее время на Соловках находятся приблизительно триста епископов, священников и монахов. К этому количеству следует прибавить несколько сотен мирян, сосланных на Соловки вместе с духовными лицами, главным образом по 72-й статье УК – «религиозная контрреволюция, сопротивление конфискации церковных ценностей, религиозная пропаганда, обучение детей в религиозном духе и т. д....»

Либерализация экономической жизни при Ленине сопровождалась ужесточением политического режима, репрессиями против всех врагов большевистской власти.

Летом 1922 г. состоялся судебный процесс над партией эсеров в Москве. В Западной Европе он был встречен крайне болезненно социалистами и всей левой интеллигенцией. Суд послужил началом отхода западноевропейской интеллигенции, с восторгом воспринявшей революцию, от Советской России. М. Горький назвал этот процесс «гнусным убийством», «бессмысленным и преступным истреблением интеллигенции в безграмотной и некультурной стране». На организованном властями весной 1923 г. съезде партии социалистов-революционеров было сделано заявление о роспуске партии и призыве ее членов вступать в РКП(б). В 1923–1924 гг. аналогичная судьба постигла ряд организаций меньшевиков.

Таким образом, к середине 20-х гг. остатки многопартийности в СССР были ликвидированы, в стране еще прочнее утвердилась монополия на власть одной партии – РКП(б). Разрозненные организации российских политических партий действовали лишь в эмиграции.

Свертывание Сталиным новой экономической политики в конце 20-х гг. породило новую полосу репрессий против интеллигенции. Одна из задач репрессивной политики состояла в том, чтобы постоянно выискивать и карать «врагов народа», сваливая на них ответственность за провалы в экономике и острые социальные проблемы.

В марте 1928 г. периодическая печать сообщила о раскрытии в Шахтинском округе Донбасса «вредительской организации», занимающейся «экономической контрреволюцией». Более полусотни инженерно-технических работников из числа старых специалистов оказались на скамье подсудимых. Бесхозяйственность, износ оборудования, техническая неграмотность, небрежность шахтеров вменялись в вину «спецам», трактуясь как их «диверсионная деятельность». «Шахтинское дело» помогло Сталину сформулировать тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Взаимосвязь чрезвычайных мер в экономике и общественно-политической жизни получила свое идеологическое обоснование. Началась вакханалия борьбы с «вредителями» во всех отраслях промышленности, сельского хозяйства, науки, искусства. Опыт, накопленный органами госбезопасности в ходе внутрипартийной борьбы, оказался весьма кстати в отношении «спецов».

Лекция 25

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И СССР

В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 1920-х гг.

Первая мировая война и Гражданская война в России обусловили складывание принципиально новой геополитической ситуации в Европе.

Во-первых, наряду с системой европейских стран возникло государство, провозгласившее построение социализма в качестве своей конечной цели и приступившее к коренным, фундаментальным преобразованиям в области экономики, социальной сферы, политики и культуры.

Во-вторых, Первая мировая война привела к перераспределению сил на европейском континенте. Из двух противоборствующих коалиций – Антанты и Четверного союза – последняя потерпела поражение. Развалилась Австро-Венгерская империя, длительное время игравшая заметную роль в европейской политике. В лидеры вышли Англия и Франция, которые стали определять основы послевоенных международных отношений.

В-третьих, все более активно вовлекались в европейские дела Соединенные Штаты Америки.

В-четвертых, Первая мировая война изменила менталитет европейских народов. С одной стороны, она вызвала усиление национализма, с другой – усилила стремление многих стран к коллективной безопасности. Выдвижение на первый план укрепления безопасности в межгосударственных отношениях отражало переход от культа силы к установлению международного правопорядка, к поискам действенных методов защиты всеобщего мира.

Преобладающей тенденцией в развитии международных отношений после прихода большевиков к власти в России стало жесткое противостояние двух различных общественно-политических систем.

Попытки вооруженного экспорта революции и поддержка революционного движения в других странах Европы (Ноябрьская революция в Германии в 1918 г., революционные выступления в Венгрии, Баварии и Словакии в 1919 г., приведшие к образованию советских республик, создание Коммунистического интернационала в 1919 г., поход Красной армии на Варшаву в 1920 г., формирование коммунистических партий и массовые выступления трудящихся Европы в начале 20-х гг.) наталкивались на решительное противодействие ведущих

политических партий и лидеров капиталистических стран, которые изначально не приняли тот социальный эксперимент, начатый большевиками в России. Это противостояние пронизывало все сферы отношений, в первую очередь международные, лишая их стабильного и устойчивого характера. Потому так много было международных кризисов и конфликтов в 20-е гг., которые в конце концов привели к крушению *Версальской системы*.

Версальская система представляла собой совокупность договоров и соглашений, подписанных победителями в Первой мировой войне с побежденной Германией и ее союзниками на Парижской конференции с января 1919 г. по январь 1920 г., а также различных договоров, которые были заключены ведущими европейскими державами с малыми странами Европы. В правовом и международно-политическом плане они фиксировали и подтверждали появление на европейской карте независимых государств (Королевства сербов, хорватов и словенцев; с 1929 г. – Югославии, Чехословакии, Венгрии, Польши), а также определяли взаимоотношения Англии и Франции с Германией. В то же время они породили новые противоречия и создали предпосылки для конфликтов в Европе.

В центре Европы напряженные отношения складывались между Германией, Чехословакией и Австрией. Обострены были взаимоотношения чехов с венграми и поляками. Шла борьба между балканскими странами. Развивалось соперничество Англии и Франции из-за гегемонии в Европе, на Балканах и на Ближнем Востоке. Усугублялись противоречия между Францией и Германией, Италией и Францией. Чтобы укрепить Версальскую систему, была подписана серия договоров: между Чехословакией и Югославией (август 1920 г.), между Румынией и Чехословакией (апрель 1921 г.), между Румынией и Югославией (7 июня 1921 г.), между Чехословакией и Югославией (31 августа 1922 г.), что попутно привело к формированию *Малой Антанты*. Однако основных противоречий версальской системы это не устранило.

Малая Антанта – блок Чехословакии, Румынии и Югославии, существовавший с 1920 по 1938 г.

Наиболее стабильным оставался внешнеполитический курс Великобритании, направленный на поддержание европейского равновесия и недопущение возникновения центра сил, военно-экономические возможности которого превысили бы возможности Британской империи и ее союзников. Стратегическим партнером Великобритании являлась Франция, а вероятными противниками Лондон считал поверженную Германию и Советскую Россию.

Франция оказалась в более сложном положении. В лице побежденной Германии она по-прежнему видела потенциального врага. В то же время Россия – главный союзник Франции на континенте и антигерманский противовес – оказалась вне системы международных отношений. Создаваемая в 20-е гг. система договоров Франции с малыми государствами Европы (Польшей, Чехословакией, Румынией) не могла компенсировать отсутствие России, а противоречия с Англией, склонявшейся к более мягкой позиции в отношении Германии и препятствовавшей французскому влиянию на континенте, крайне затрудняли выполнение главной задачи французской внешней политики – сохранению в неизменном виде Версальской системы. Таким образом, степень прорусских симпатий французского руководства находилось в прямой зависимости от возрождения побежденной Германии.

Опустошенная войной Германия находилась в самом сложном положении. По Версальским соглашениям она была обязана выплатить крупные *репарации* Англии и Франции, сократить вооруженные силы. Германии было разрешено иметь только 100-тысячную армию (рейхсвер) и флот ограниченного тоннажа, запрещалось иметь современные виды вооружений (танки, самолеты, подводные лодки).

Репарация – возмещение убытков, понесенных в ходе войны, которое выплачивалось стране-победительнице страной, потерпевшей поражение.

Стремясь выйти из международной изоляции, германская дипломатия проводила гибкую политику. Высокомерие держав-победительниц и неравноправное положение в европейском сообществе подталкивали Германию к сближению с Советской Россией. В мае 1921 г. было заключено временное советско-германское соглашение о возобновлении торговых отношений.

Большевистские внешнеполитические взгляды основывались на концепции мирного сосуществования двух миров – капиталистического и социалистического – до тех пор, пока не началась всемирная социалистическая революция. Она предусматривала, с одной стороны, установление политических и экономических отношений с западными странами ради того, чтобы обезопасить большевистскую власть от новой интервенции и восстановить экономику, с другой – поддержку революционного движения во всем мире.

В 1920 г. Советская Россия подписала первые договоры с соседями – Эстонией, Латвией и Финляндией, – установив с ними дипломатические отношения.

В *марте 1921 г.* в Риге состоялось подписание мирного договора между Польшей, с одной стороны, и советскими республиками Россией, Украиной и Белоруссией, который подвел итог Советско-польской войны 1920 г. (к Польше отошли западные районы Белоруссии и Украины).

Деловые круги Запада, ощущая негативные последствия выпадения традиционных российских товаров (сырья, прежде всего зерна) из мировой торговли, стремились восстановить прерванные связи. Заманчивой для них была и перспектива оживления огромного внутреннего рынка Советской России, на котором можно было продавать продукцию своих промышленных предприятий. К тому же предприниматели односторонне истолковывали сущность новой экономической политики, расценивая ее как буржуазное перерождение страны.

В *марте 1921 г.* после почти годичных переговоров было заключено *советско-британское торговое соглашение*. Помимо возобновления торговли правительства РСФСР и Великобритании договорились воздерживаться от всяких враждебных действий и пропаганды друг против друга. Таким образом, Великобритания первой из ведущих западных стран открыла для себя доступ к дешевому российскому сырью.

Активные переговоры велись со странами, примыкавшими к южным границам РСФСР. В *феврале 1921 г.* были подписаны мирные договоры с Ираном и Афганистаном, в марте – с Турцией, в ноябре – соглашение об установлении дружественных отношений с Монголией.

Переговоры сопровождалось оживлением внешнеэкономических связей. Об этом свидетельствовало подписание торговых соглашений с Англией, Германией и рядом других государств. Создавалась сеть советских торговых представительств за рубежом. Там, где не удавалось открыть торгпредства, создавались

акционерные общества. Широкую известность приобрело открытое в Англии общество «Аркос». Начав с импортных операций, связанных с закупкой продовольствия и товаров широкого потребления, советская сторона возобновила экспорт отечественных сырьевых товаров на мировой рынок (льна, пеньки, пушнины, лесоматериалов, зерна, нефти и т. д.). Постановлением правительства весной 1921 г. были открыты для захода иностранных торговых судов порты Петрограда, Архангельска, Одессы, Новороссийска. Число стран, с которыми Советская Россия начала торговать, выросло за 1921 г. с 7 до 14.

Серьезным тормозом в дальнейшем развитии отношений с Западом оставалась проблема российских долгов. Общая сумма долговых обязательств дореволюционной России равнялась 60 млрд руб., из них 16 млрд составлял внешний долг.

По существу в 20-е гг. внешняя политика государств и международные отношения сводились к поискам урегулирования спорных финансовых и торговых вопросов. Взаимосвязь экономических факторов и внешней политики держав континента в этот период была особенно сильной. Осенью 1921 г. правительство РСФСР выразило готовность вести переговоры о взаимных требованиях и признании довоенных долгов при условии дипломатического признания и прекращения действий, угрожающих безопасности советских республик. Для обсуждения этих вопросов предлагалось созвать международную экономическую конференцию.

Решение было принято в январе 1922 г. на Каннской конференции верховного совета Антанты, которая явилась первым официальным признанием со стороны Запада возможности мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим и политическим строем. Заметным событием в ходе подготовки конференции стала Балтийская конференция представителей Латвии, Польши, Эстонии и РСФСР (март 1922 г.), высказавшаяся за упрочение мира в Восточной Европе, за активизацию торговых отношений и установление прямых финансовых связей через кредитные учреждения.

Международная экономическая конференция состоялась в *Генуе* (Италия) *10 апреля – 19 мая 1922 г.* В ней приняли участие представители 29 стран. РСФСР представляла на конференции и другие советские республики, с которыми предварительно был заключен «дипломатический союз». Запад требовал от Советской России возвращения всех долгов царского и Временного правительств, возвращения или возмещения иностранцам национализированной собственности, отмены государственной монополии внешней торговли. В ответ советская сторона предложила возместить ей ущерб (в размере 39 млрд руб.), причиненный военной интервенцией. К обоюдному согласию прийти не удалось.

В этой ситуации советская делегация, возглавлявшаяся народным комиссаром иностранных дел РСФСР *Г.В. Чичериным*, сумела воспользоваться в своих интересах противоречиями между Германией и странами-победительницами. В местечке *Рапалло 16 апреля 1922 г.* был подписан *советско-германский договор*, в соответствии с которым обе стороны отказывались от возмещения убытков, причиненных друг другу в период войны, а Германия – от претензий в связи с национализацией собственности своих граждан в России. Советская Россия и Германия согласились расширить свои экономические связи на основе взаимной выгоды.

Чичерин *Георгий Васильевич* (1872–1936) *из семьи отставного дипломата, происходившей от старинного дворянского рода. В 1895 г. окончил*

историко-филологический факультет Петербургского университета. Член РСДРП с 1905 г., с 1908 г. примыкал к меньшевикам-партийцам. Жил в Германии и во Франции, участвовал в работе социалистических партий. В годы Первой мировой войны «интернационалист». В 1915 г. в Лондоне один из организаторов и секретарей «Комитета помощи русским политкаторжанам и ссыльнопоселенцам», член Британской социалистической партии. После Февральской революции 1917 г. главный секретарь Российской делегатской комиссии в Лондоне, занимавшейся отправкой политэмигрантов в Россию. В начале января 1918 г. вернулся в Россию, вступил в партию большевиков и был назначен сначала товарищем наркома иностранных дел, а с мая – наркомом. Занимал пост наркома иностранных дел РСФСР до 1923 г., с 1923 по 1930 гг. наркома иностранных дел СССР. Член ЦК партии большевиков в 1925–1930 гг. Автор трудов по международным отношениям.

Переговоры между РСФСР и западными странами безрезультатно продолжались на Гаагской конференции по сокращению вооружений (15 июня – 19 июля 1922 г.) с участием Латвии, Польши, РСФСР, Финляндии и Эстонии. СССР не ратифицировал конвенцию, принятую на Лозаннской конференции (20 ноября 1922 г. – 24 июля 1923 г.) о черноморских проливах, предусматривавшую свободный проход в Черное море военных кораблей любой страны, поскольку это угрожало СССР с юга.

К середине 20-х гг. для большевистского руководства окончательно стало очевидно, что ставка на мировую социалистическую революцию оказалось не состоятельной. Для Советского государства это означало необходимость строительства социализма в обстановке международной изоляции.

Весной 1923 г. в Белом море советскими военными кораблями были задержаны английские рыболовецкие траулеры, которые вели промысел в советских территориальных водах. В этой связи 8 мая 1923 г. английский министр иностранных дел Дж. Керзон направил в адрес правительства СССР ноту, в которой обвинил СССР в антибританской агитации в Азии (Афганистане, Иране и Индии) и потребовал уплаты компенсации за расстрел в 1920 г. английского шпиона Дэвисона и за арест других разведчиков. В случае отказа советского правительства в течение 10 дней принять эти условия нота угрожала разрывом всяких отношений. В ответной ноте от 11 мая 1923 г. советское правительство отказалось удовлетворить требование Керзона об отзыве советских представителей из Кабула и Тегерана. Конфликт был урегулирован дипломатическими средствами. После дополнительного обмена нотами, в которых были установлены взаимные обязательства не вмешиваться во внутренние дела друг друга и воздерживаться от враждебных актов, оба правительства признали переписку законченной.

В феврале 1924 г. впервые пришедшее к власти в Великобритании правительство лейбористов официально признало СССР. Были установлены дипломатические отношения, Взаимные финансовые претензии (по поводу компенсации потерь от национализации и интервенции) были на неопределенное время сняты. Была признана советская монополия внешней торговли. Однако уже осенью английская разведка опубликовала так называемое «письмо Зиновьева» (председателя исполкома Коминтерна), где излагались рекомендации коммунистам Англии по разрывыванию подрывных действий против собственного правительства. Скандал обострил советско-британские отношения.

Тем не менее в течение 1924 г. многие европейские государства, не желая уступать Великобритании первенство в крайне выгодной торговле с СССР, начали устанавливать с ним дипломатические отношения. Вслед за Италией, Норвегией, Швецией, Австрией, Грецией и другими странами дипломатические отношения с СССР в октябре 1924 г. установило правительство «левого блока» Франции во главе с Эррио, сторонникам активного франко-советского сотрудничества.

Однако поддержка большевистским правительством революционного движения на Западе постоянно ставила эти отношения под угрозу. В 1926 г. во время всеобщей забастовки шахтеров в Англии СССР по линии Коминтерна оказал им денежную помощь. В мае 1927 г., начав активные поиски «агентов Коминтерна», английская полиция совершила налет на контору «Аркос» в Лондоне. Используя найденные при обыске документы, правительство консерваторов обвинило большевистскую Москву во вмешательстве во внутренние дела Великобритании, разорвало дипломатические отношения с СССР и аннулировало торговое соглашение 1921 г. В июне 1927 г. русский эмигрант Б. Коверда застрелил в Варшаве советского посла П.Л. Войкова. Правительство большевиков расценило это убийство как часть «международного империалистического заговора» с целью спровоцировать войну против СССР. Все это привело к резкому обострению отношений между СССР и западными странами.

Польское правительство, опасаясь, что страна окажется втянутой в войну, не стало осложнять отношений с СССР. Коверда был осужден к длительному тюремному заключению. С другой стороны, правительства стран Западной Европы, дорожа торговлей с СССР, не последовали примеру Великобритании и не разорвали дипломатические отношения с Москвой. «Военная тревога 1927 г.» закончилась тем, что в ноябре 1929 г. лейбористы, вновь пришедшие к власти в Великобритании, восстановили дипломатические отношения с СССР.

Тем временем соперничество Англии и Франции между собой, все большее вовлечение США в европейские дела привели к тому, что начался активный процесс включения Германии в систему международных отношений.

Первой крупной ревизией Версальских соглашений, на неприкосновенности которых настаивала Франция, явился репарационный план Ч. Дауэса, принятый на Лондонской конференции в августе 1924 г. Он значительно снижал немецкие выплаты по репарациям и урезал возможности французских санкций через репарационную комиссию. Фактически нарушался запрет на всеобщую воинскую повинность, в обход которого в Германии существовали различные полувойенные или военизированные формирования и организации. Согласно решениям Лондонской конференции предусматривался вывод союзных войск из Рура. Однако основы будущей ремилитаризации создавались прежде всего благодаря развитию германской тяжелой промышленности, в которую вкладывались крупные американские и английские капиталы.

В 1929 г. план был переработан комитетом финансовых экспертов во главе с американскими бизнесменами О. Юнгом и Д. Морганом. Новый репарационный план определил общую сумму платежей, изменил порядок взимания репараций («план Юнга»). В 1931 г. Германия в соответствии с объявленным мораторием вообще прекратила репарационные платежи. Всего с 1924 по 1932 г. Германия получила в виде займов и инвестиций до 32 млрд марок, а выплатила репараций и платежей по займам 19,3 млрд марок. 12,5 млрд марок, оставшихся

в стране, позволили к концу 20-х гг. восстановить в основном промышленный потенциал Германии.

Заметную роль в этом сыграли *Локарнские соглашения*, подписанные в *октябре 1925 г.*, которыми гарантировалась незыблемость границ Германии с западными соседями Францией и Бельгией. Великобритания стала гарантом этих соглашений. Германия обязалась не размещать свои войска на левом берегу Рейна, пока союзные войска не будут эвакуированы из рейнской зоны. Нейтральная зона между Германией, Францией и Бельгией призвана была помешать возникновению в будущем военного конфликта между этими странами. Локарнские соглашения вступили в силу с принятием в 1926 г. Германией в Лигу Наций, где она заняла место постоянного члена Совета Лиги.

Лига Наций – международная организация, созданная в 1919 г. на Парижской мирной конференции державами-победительницами и ставившая целью развитие сотрудничества между странами и обеспечение мира и безопасности. Фактически прекратила свою деятельность в 1939 г., формально была распущена в 1946 г.

Германия успешно адаптировалась к новой европейской системе. И этот процесс усиливался. Великобритания отказалась от использования Германии для усиления своих позиций и ослабления французской гегемонии в Европе. А США с помощью плана Дауэса стремились усилить позицию Германии в противовес англо-французскому влиянию.

Локарнские соглашения вызвали отрицательную реакцию СССР, поскольку он был отстранен от участия в конференции, где решались вопросы европейской безопасности. Кроме того, советские границы никем не гарантировались. Что касается Польши и Чехословакии, то у них были все основания считать, что ведущие западноевропейские державы улаживали свои разногласия за их счет.

Таким образом, отношения как между победителями и побежденными в самом капиталистическом мире, так и между капиталистическими странами и СССР оставались сложными, были чреваты международными кризисами и конфликтами.

В этой обстановке укреплению безопасности в Европе способствовала деятельность Лиги Наций, которая представляла собой первую в истории попытку цивилизованных стран согласованными усилиями не допустить перерастания межгосударственных противоречий в военные конфликты. СССР с самого начала не признавал Лигу Наций. Почти каждая ее акция встречала противодействие советского правительства. Исключения делалось лишь для чисто технических вопросов или по сугубо гуманитарным соображениям. Когда в апреле 1925 г. СССР получил приглашение на созываемую Лигой конференцию по урегулированию международной торговли оружием, то оно было отвергнуто с указанием на недопустимость вмешательства Лиги во внутренние дела Советского государства. Та же участь постигла приглашение Лиги Наций принять участие в работе Подготовительной комиссии конференции по разоружению в Швейцарии в декабре 1927 г., поскольку после убийства в 1923 г. в Лозанне В.В. Воровского и оправдания убийцы, бывшего белого офицера, швейцарским судом советское правительство разорвало дипломатические отношения со Швейцарией. Советская делегация включилась в работу лишь с IV сессии в ноябре – декабре 1927 г.

Вслед за подписанием Локарнских соглашений, оставляющих открытым вопрос о границах Германии на востоке, Чичерин предпринял поездку за рубеж с целью нейтрализации их «антисоветской направленности». В Москве решено было расстроить враждебную комбинацию подписанием соглашений с соседними государствами, которые содержали бы их обязательство воздерживаться от нападения на СССР, а в случае нападения какой-либо третьей стороны – сохранять нейтралитет. Первый из серии таких договоров – о дружбе и нейтралитете – был подписан между СССР и Турцией в декабре 1925 г. Аналогичные договоры были подписаны с Афганистаном, Литвой, Ираном, Латвией, Эстонией, Польшей, Финляндией, а затем и Францией. 24 апреля 1926 г. был подписан советско-германский договор, подтвердивший Рапальское соглашение как основу двусторонних отношений.

Все подписанные договоры о ненападении и нейтралитете несомненно отвечали целям безопасности СССР, и представляли собой более гибкую модель поведения «социалистического государства в капиталистическом окружении». Она покоилась на двух противоречивых основаниях: идеологизированном принципе пролетарского интернационализма, в соответствии с которым СССР всемерно поддерживал коммунистическое и национально-освободительное движение в мире, и прагматической установке на мирное сосуществование государств с различным общественным строем. В целом в советской политике по отношению к капиталистическому Западу в 20-е гг. идеологические подходы к международным делам постепенно уступали место реалистическим соображениям.

Аналогичную политику СССР проводил и на Дальнем Востоке. Весной 1923 г. в ответ на просьбу китайского революционного лидера Сунь Ятсена в Южный Китай была направлена группа советских военных и политических советников. Весной 1924 г. в Пекине состоялось подписание договора об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой, которое восстанавливало дипломатические отношения между ними. Китайское правительство уведомило, что оно решило уволить со службы в своей армии и полиции бывших подданных Российской империи, которые представляют угрозу безопасности СССР (т. е. эмигрантов).

Договор этот был особенно выгоден обеим странам в условиях усиления Японии, дестабилизирующей геополитическое равновесие на Востоке. В кратчайшие сроки Япония создала современные отрасли промышленности, но в развитии технологий островное государство отставало от стран Запада на несколько десятилетий. Нужен был рынок сбыта продукции для японской промышленности, но без конкуренции со стороны западных товаров. Это подталкивало правящие круги Японии к территориальным захватам прежде всего в Китае. В 1927 г. премьер-министр Танака подписал меморандум, ставший программой японской агрессии.

В условиях обострившихся после Локарно противоречий (особенно между Англией и Францией) это представляло серьезную угрозу международной безопасности. Линию на конфронтацию «двух миров» подтвердил XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г. До прихода нацистов к власти в Германии советское политическое руководство считало англо-американские противоречия основными, всячески подчеркивая свою неприязнь к Великобритании. И.В. Сталин умело пользовался каждым обострением отношений СССР с «капиталистическим

окружением», нагнетая военную напряженность, чтобы обосновать необходимость чрезвычайных мер внутри страны.

Со второй половины 1927 г. большое место в международной политике занимал вопрос о заключении *пакта против войны (пакт Келлога – Бриана)*. Тот факт, что советская позиция определилась не сразу, отражал борьбу мнений в руководстве страны по вопросу о внешнеполитическом курсе. В день, когда в Париже пакт против войны подписали первые 15 государств (27 августа 1928 г.), правительство СССР получило официальное приглашение присоединиться к нему. Через несколько дней, отметив многочисленные слабости пакта, оно, тем не менее, изъявило согласие, считая, что этим лишает его антисоветской направленности. Формальное присоединение состоялось 6 сентября 1928 г. Более того, по инициативе СССР 9 февраля 1929 г. в Москве был подписан протокол о досрочном введении в действие пакта против войны между СССР и соседними – Эстонией, Латвией, Польшей и Румынией. Чуть позже к ним присоединились Литва, Турция и Иран.

24 июня 1929 г. пакт Келлога – Бриана вступил в силу. К этому времени к нему примкнули уже 44 государства. Разумеется, он не мог стать гарантией от обострения межгосударственных отношений и перерастания их в военные конфликты.

Тем временем на Дальнем Востоке разразился *конфликт* на Китайско-Восточной железной дороге (была построена Россией и находилась в совместном владении и управлении СССР и Китая). После прихода к власти в результате переворота главнокомандующего Чан Кай-ши Китай предъявил претензии на единоличное владение КВЖД, затем начались провокации. В *мае 1929 г.* китайская полиция в поисках «агентов Коминтерна» совершила налет на генконсульство СССР в Харбине («столица» КВЖД). В июне был захвачен телеграф КВЖД и началось закрытие советских хозяйственных учреждений. Все это сопровождалось массовыми арестами советских граждан; количество арестованных и посаженных в концлагеря в конце лета превысило 2 тыс. Наконец, в августе китайские войска вторглись на советскую территорию. После этого СССР разорвал отношения с Китаем и использовал военную силу для возвращения под свой контроль территорий, захваченных китайцами. К ноябрю 1929 г. части Красной армии разгромили захватчиков и выполнили эту задачу.

Рубеж двух десятилетий был отмечен крупными международными событиями, изменившими общеевропейскую ситуацию. Начавшийся в 1929 г. *мировой экономический кризис* подорвал и без того непрочные устои всеобщего мира. Его иллюзорность объяснялась столкновением различных глобальных тенденций. Обострились проблемы национализма и интернационализма, стремление к взаимодействию и взаимосвязанности мира с сепаратистскими действиями отдельных государств. На эти процессы накладывались противоречия между СССР и капиталистическим миром. В своей совокупности все эти факторы и противоречия создали взрывоопасную конфликтную ситуацию в Европе.

Лекция 26

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СССР

Экономика СССР в конце 1920-х гг. характеризовалась нестабильным равновесием, быстро сдвигающимся к дисбалансу, острому противоречию между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством.

Село в условиях нэпа оказалось в большей степени самодостаточным, т. е. обеспечивающим себя, и не имеющим внутренних стимулов для интенсивного развития, для выхода на рынок. 90% пахотной земли вернулось к трехпольному севообороту. Производство зерна остановилось на довоенном уровне: 1913 г. – 76,5 млн т, 1926 г. – 76,8 млн т, 1927 г. – 72,3 млн т, 1928 г. – 73,3 млн т, 1929 г. – 71,7 млн. т. Поэтому *индустриализация*, которая в силу объективных предпосылок была начата с создания базовых отраслей тяжелой промышленности, не могла обеспечить рынок необходимыми для села товарами. Возник замкнутый круг: для восстановления баланса нужно было ускорить индустриализацию, а для этого требовалось увеличить приток продовольствия, сельскохозяйственного сырья (в том числе экспортных его видов, прежде всего зерна) и рабочей силы из деревни. Для этого нужно было увеличить производство зерна, повысить его товарность, создать на селе потребность в сельхозмашинах – продукции тяжелой промышленности.

Из сложившейся ситуации, непрерывно порождающей экономические кризисы, было три выхода:

- 1) постепенное развитие трудовых единоличных крестьянских хозяйств, их дальнейшее кооперирование, повышение благосостояния деревни. Однако он требовал времени и терпения со стороны партии большевиков;
- 2) поддержка набирающего силу зажиточного крестьянства («кулаки»), расслоение деревни на крупных производителей (фермеров) и пролетариат;
- 3) ликвидация зажиточного крестьянства и создание крупных механизированных коллективных хозяйств.

Другой кардинальный вопрос заключался в выборе способа индустриализации. Не имея, в отличие от дореволюционной России, иностранных кредитов и инвестиций, а также зависимых территорий как важных источников финансовых средств, СССР мог осуществить индустриализацию лишь за счет внутренних ресурсов.

Н.И. Бухарин отстаивал щадящий вариант – постепенное накопление через продолжение и развитие нэпа, а И.В. Сталин – форсированный вариант. Победила точка зрения Сталина. Весной 1929 г. был утвержден 1-й пятилетний план (1928–1932 гг.) развития народного хозяйства СССР. Основная задача пятилетки определялась так: «Создание собственной передовой технической базы для социалистической реконструкции всего народного хозяйства». План предполагал форсированное развитие тяжелой промышленности (группа «А») за счет перекачивания средств из легкой промышленности и сельского хозяйства (группа «Б»), экспорта зерна, леса, пушнины, золота, художественных ценностей (часто по заниженным ценам). План предусматривал создание 1500 новых предприятий, включая такие гиганты индустрии, как Магнитогорский и Кузнецкий металлургические заводы, тракторные заводы в Сталинграде, Харькове, Челябинске, Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения, автозаводы в Москве и Горьком.

Цели индустриализации в СССР состояли в следующем: преодоление технико-экономической отсталости, достижение экономической независимости, подведение технической основы под сельское хозяйство, развитие новых отраслей промышленности, создание отечественного военно-промышленного комплекса (ВПК). В 1928 г. в Красной армии было 92 танка и 300 тракторов-тягачей, боевых самолетов почти не было (для сравнения: Военно-воздушные силы Франции располагали 6 тыс. самолетов).

Особенности индустриализации в СССР состояли в следующем: главный источник накопления – перекачивание средств из деревни и трудовой энтузиазм советских людей, развитие производства средств производства – главное направление индустриализации, милитаризация экономики, создание мощного отечественного военно-промышленного комплекса, высокие темпы индустриализации, использование подневольного труда заключенных.

Из общего числа предприятий-новостроек была выделена группа первоочередных. Эти 50–60 объектов обеспечивались всем необходимым. Их стоимость достигла половины общих капиталовложений в промышленность. Но и среди ударных строек предпочтение получили 14 наиважнейших. Их лично курировал Г. К. Орджоникидзе, председатель ВСНХ СССР, а с 1932 г. – нарком тяжелой промышленности СССР.

Большинство населения восприняло 1-ю пятилетку как свое родное дело и самоотверженным трудом старалось осуществить плановые задания. Массированная пропаганда подогревала трудовой энтузиазм и самопожертвование ради построения социализма. Быстрыми темпами шло строительство Кузнецкого металлургического комбината с производственной мощностью 3 млн т металла в год. Проект строительства завода был разработан по заказу советского правительства американской фирмой «Фрейн». Около 1000 дней понадобилось строителям, чтобы в трудных сибирских условиях, при недостаточной механизации вывести первоклассный завод.

Один из руководителей стройки, знаменитый металлург И.П. Бардин:

«Со всех концов страны стекались к нам люди. Вместе с русскими и украинцами работали казахи, киргизы. Сколько совершили эти ранее неграмотные, никогда не видевшие настоящего завода люди трудовых подвигов! Бетонщики вместо 150 замесов давали по 408... Клепальщики делали 266 заклепок в смену

при норме 105. Землекопы иногда выполняли по 10 дневных норм за смену. Комсомольцы производили клетку на большой высоте при 50-градусном морозе. Огнеупорщики укладывали за смену по 15 тонн кладки на человека».

3 апреля 1932 г. была дана первая плавка сибирского металла. Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты стали основой второй угольно-металлургической базы на востоке страны.

Успешное начало пятилетки вызвало эйфорию успеха у высшего партийного руководства. Начиная с осени 1929 г. и до середины 1932 г. плановые задания в промышленности несколько раз пересматривались в сторону увеличения. В начале пятилетки у советских руководителей была огромная вера в то, что западные технологии, перенесенные с помощью иностранных специалистов на «советскую почву» и соединенные с «преимуществами плановой экономики», совершат экономическое чудо в СССР. (Это оказалось заблуждением, которому вскоре суждено было растаять.) Особенно велико было уважение перед производственными достижениями США. Основные индустриальные объекты строились по американским образцам. Не случайно Нижний Новгород (Горький), где на новом автомобильном заводе копировалась при помощи американцев конвейерная система Форда, называли «русским Детройтом», а Новосибирск – «сибирским Чикаго». Американские нефтяные компании имели своих представителей в Баку и Грозном. Слова «американские темпы», «фордизм» звучали по всей стране. Приезжавшие в СССР иностранцы встречали своих соотечественников на всех важнейших индустриальных объектах. Что двигало людьми? Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис, потрясший Европу и США, работал на советскую индустриализацию: квалифицированные рабочие и инженеры бежали от безработицы на Западе. Многие приезжали из идейных соображений, причем не только коммунисты. Людей захватывала идея построения нового рабоче-крестьянского мира. Жизнь в СССР кипела, в то время как западный мир переживал жестокий экономический кризис.

Поскольку форсированное развитие тяжелой индустрии требовало колоссальных материальных средств и трудовых ресурсов, одновременно с индустриализацией в годы 1-й пятилетки (1928–1932 гг.) началась насильственная *коллективизация сельского хозяйства*.

Планы сельскохозяйственных заготовок предшествующих лет не выполнялись. Репрессии и конфискации, проводимые властями во время заготовительных кампаний, влекли уменьшение посевных площадей и массовый забой скота. Крестьяне стремились сделать свои хозяйства беднее, чтобы не подвергаться конфискациям. Несмотря на сокращение сельскохозяйственного производства, план заготовок на 1929/30 г. был увеличен, поскольку промышленности нужно было сырье и импортное оборудование, рабочим – продовольствие. Уже весной 1929 г. пятилетним планом предусматривалась коллективизация 4–4,5 млн хозяйств (16–18% общего числа крестьянских хозяйств).

Добровольно вступали в *коллективные хозяйства (колхозы)* преимущественно бедняки и батраки. Вступившие в колхоз крестьяне, оставаясь производителями сельхозпродукции, переставали быть ее собственниками. Колхозы – новый собственник, полностью зависимый от государства, – должны были исправно сдавать свою продукцию государству в соответствии с планом и по ценам, которые диктовало государство. Только то, что оставалось после выполнения планов

сдачи продукции государству и создания семенных и резервных фондов, распределялось между колхозниками.

Первые колхозы не имели тракторов и другой сельскохозяйственной техники, не было в деревнях и опытных механизаторов. Поэтому с 1929 г., с началом коллективизации, власти стали создавать в сельской местности *машинно-тракторные станции (МТС)* государственные предприятия, в которых были сосредоточены кадры специалистов и механизаторов, сельскохозяйственная техника (трактора, комбайны и т. д.) для обслуживания полевых работ в колхозах. Колхозы должны были заключать с МТС договор на техническую обработку своих полей и рассчитываться за нее своей продукцией.

Цели коллективизации сельского хозяйства состояли в следующем: создание системы бесперебойного перекачивания средств из деревни в город на нужды индустриализации; ликвидация кулачества как последнего эксплуататорского класса, ликвидация «аграрного перенаселения, ликвидация частного сектора в сельском хозяйстве (полное огосударствление экономики), создание крупного сельскохозяйственного производства, эффективно использующего современные сельхозмашины и механизмы.

Уже в первый год коллективизация в целом решила проблему хлебазаготовок: обеспечила промышленность сырьем, городское население – хлебом и другими продуктами, дала достаточно зерна для экспорта, чтобы закупить самое современное промышленное оборудование для строящихся предприятий. Однако она породила тяжелую катастрофу, которая сопровождалась массовыми страданиями и человеческими жертвами. Именно в ходе коллективизации были допущены принципиальные ошибки с самыми тяжкими последствиями для населения.

Аграрники-марксисты упрощенно делили крестьянство на три категории: «кулаки», середняки, бедняки. Научная школа профессора А.В. Чаянова, исходя из теории трудового крестьянского хозяйства, различала шесть социальных типов и выделяла в категорию кулацких лишь то хозяйство, «центр тяжести доходов которого лежит в торговых оборотах, ростовщическом кредите, в том числе сдаче в аренду инвентаря на кабальных условиях».

По постановлению правительства СССР от 21 мая 1929 г., к «кулакам» были отнесены те, кто обладали хотя бы одним из следующих признаков: систематически применяли наемный труд для сельскохозяйственных работ, имели в хозяйстве мельницу, маслобойню или иное предприятие с механическим двигателем, постоянно или сезонно сдавали внаем оборудование, помещение под жилье или предприятие, систематически сдавали внаем сельхозмашины с механическим двигателем, занимались торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством. Помимо этого советские органы получили право вводить свои признаки применительно к местным условиям.

Благодаря активной пропаганде и широкому применению насильственных мер к осени 1929 г. по уровню коллективизации вперед вышли традиционные зернопроизводящие районы – Северный Кавказ, Нижняя Волга и степная часть Украины. 7 ноября «Правда» опубликовала статью Сталина «Год великого перелома», где утверждалось, что партии «уже удалось повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов... к новому социалистическому пути развития», удалось организовать «коренной перелом в недрах самого крестьянства и

повести за собой широкие массы бедноты и середняков». Ноябрьский пленум ЦК партии провозгласил курс на ускорение темпов коллективизации. Решено было направить в деревню 25 тыс. рабочих, которые должны не только возглавить колхозы, но и организовать их. В начале декабря для выработки мер по сплошной коллективизации была создана комиссия Политбюро ЦК партии под председательством наркома земледелия СССР Я.А. Яковлева. 27 декабря, выступая на конференции аграрников-марксистов, Сталин объяснил: «Наступить на кулачество – это значит сломить кулачество и ликвидировать его как класс... Мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса».

Однако не было ясности в вопросе о характере создаваемого типа хозяйства.

В 1920-е гг. существовали следующие формы коллективного ведения крестьянского хозяйства:

коммуна – максимальная степень обобществления производства и даже быта;

артель – обобществлены основные средства производства (земля, сельскохозяйственный инвентарь, скот);

товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы) – общий труд по обработке земли.

Местные власти не знали, что организовывать – колхоз, где обобществляются лишь основные средства производства (земля, рабочий скот, орудия труда) и сохраняется приусадебное хозяйство (огород, корова, домашняя птица), или коммуны, где остатки частного хозяйства окончательно ликвидируются. Не знали, как организовывать и оплачивать труд, как сочетать колхозы и старые кооперативные организации. На десятки вопросов у местных властей не было ответов ни Москвы, ни из личного опыта. Так открывался простор для самодейтельности, для административного произвола и насилия. Ретивость администраторов, которые поголовно записывали в колхозы целые деревни или создавали коммуны, вызывала сопротивление состоятельных крестьян. Они забивали скот на мясо, не желая отдавать его в колхоз. В результате поголовье крупнорогатого скота сократилось с 1928 г. по начало 1934 г. на 26,6 млн голов (45%).

Чтобы пресечь забои скота, в январе 1930 г. появились постановления ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с хищническим убоем скота», «О запрещении убоя лошадей и об ответственности за незаконный убой и хищническую эксплуатацию лошадей». Сельхозпредприятия и единоличники штрафовались в десятикратном размере стоимости забитого животного, а «кулаки» подвергались полной или частичной конфискации скота с одновременным привлечением к уголовной ответственности. Ответственность колхозов и колхозников в этих постановлениях была неслучайна: из-за отсутствия колхозных ферм, кормов, просто из-за равнодушия часто забивали ослабленный недокормом и плохим уходом скот, сведенный с крестьянских подворий.

Комиссия Яковлева подготовила предложения, которые легли в основу постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. Согласно ему важнейшие зерновые районы (Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга) должны были закончить в основном коллективизацию осенью 1930 г. или весной 1931 г. Остальные зерновые районы, к которым относились Украина, Сибирь, Урал, Центральные

Черноземная область и частично Казахстан, должны были закончить коллективизацию осенью 1931 или весной 1932 г. В целом по стране постановлением ЦК ВКП(б) предусматривалось в пределах пятилетки «решить задачу коллективизации огромного большинства крестьянских хозяйств». Основной формой колхозного строительства признавалась сельскохозяйственная артель (колхоз).

15 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) образовало комиссию по выработке мер в отношении «кулаков» (председатель В.М. Молотов). Результатом работы комиссии стало постановление ЦК ВКП(б) от 30 января *«О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»*. В тот же день постановление по телеграфу было передано для исполнения всем местным партийным организациям. Одновременно к ликвидации кулачества подключались органы госбезопасности (ОГПУ) и войска. В районах сплошной коллективизации отменялось действие закона о разрешении аренды земли и применении наемного труда в единоличных крестьянских хозяйствах. Местным органам власти предоставлялось право применять все необходимые меры борьбы с кулачеством, вплоть до полной конфискации имущества и выселения их за пределы данных районов и областей.

ЦК партии установил дифференцированный подход к различным категориям кулацких хозяйств. К первой категории отнесли «контрреволюционный кулацкий актив» в 60 тыс. человек; к ним должны были применяться репрессивные меры в виде заключения в исправительно-трудовые лагеря; организаторы контрреволюционных выступлений подлежали расстрелу. Ко второй категории были отнесены крупные «кулаки» в количестве 150 тыс., которые подлежали выселению вместе с семьями в отдаленные районы страны, из них около 70 тыс. в округа Северного края, 50 тыс. в Сибирь, остальные на Урал и в Казахстан в «необжитые или малообжитые местности для использования высылаемых или на сельскохозяйственных работах, или на промыслах (лес, рыба, прочие)». Третью категорию составили кулацкие хозяйства, которые расселялись в пределах района на новых, специально отводимых для них землях за пределами колхоза. Для них создавались специальные поселки. Списки подлежащих раскулачиванию по группам составлялись местными властями, принимались сельскими сходами и утверждались районным начальством. Судьбу людей решали «тройки» – внесудебные органы в составе секретаря партийного органа, председателя исполкома Совета и представителя органов госбезопасности. В качестве актива выступали сельские коммунисты и комсомольцы. Ударной силой выступала беднота, занимавшая ключевые позиции в местных органах власти. Во вновь создаваемых колхозах эта группа получала значительные материальные выгоды.

В результате административный произвол принял массовый характер. Руководители некоторых областей и республик взялись завершить коллективизацию уже весной и осенью 1930 г. Раскулачивание зачастую принимало форму сведения личных счетов, припоминания давних обид и обычной зависти к чужому благосостоянию, поэтому в число «кулаков» и «подкулачников» попадали середняки, а нередко и бедняки. Земля, скот, хозяйственные постройки раскулаченных передавались в колхоз, личное имущество, продукты питания конфисковывались, а затем раздавались односельчанам.

Почти вся масса репрессированных (власти называли их *спецпереселенцами*) была выселена в 1930–1931 гг. На спецпоселения прибыло 388 тыс. семей

(1,8 млн человек). Около 200 тыс. крестьянских семей успели «самораскулачиться» – продать или раздать родным имущество и уехать в город. Крайне тяжелые условия перевозки, быта и труда приводили к высокой заболеваемости, смертности среди спецпереселенцев. Особенно страдали старики и дети. Руководила этой бесчеловечной кампанией комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по спецпереселенцам под председательством А.А. Андреева. Она рассматривала и удовлетворяла заявки хозяйственных органов на людские ресурсы, фактически на рабский труд. В 1931 г. в ведение ОГПУ перешло «хозяйственное, административное и организационное управление по спецпереселенцам, а также все материальные и денежные фонды, отпущенные на спецпереселение».

Весной 1933 г. Сталин и Молотов направили «всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры» директиву с указанием прекратить применение массовых выселений и острых форм репрессии. «Мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только “кулаков”, но и единоличников и часть колхозников». Зимой 1935 г. ЦИК СССР разъяснил, что восстановление в гражданских правах высланных «кулаков» не дает им права выезда с мест спецпоселений.

Кампания по раскулачиванию тяжело отразилась на всем крестьянстве. Из его среды насильственно была изъята наиболее грамотная, опытная, предприимчивая часть. Коллективизация разрушала патриархальные устои крестьянской жизни. Своим особенно опасным врагом большевики считали Русскую православную церковь, а также другие конфессии. По стране прокатилась волна закрытия храмов. Священнослужители подвергались гонениям; многие из них были репрессированы. Прилюдно с церковью сбрасывали кресты, колокола. Насилие власти вызывало ответный протест крестьян.

Крестьяне обращались с жалобами в местные и центральные партийно-государственные органы, уходили из села, сокращали запашку, забивали скот на мясо. Помимо пассивных форм сопротивления были и активные, вооруженные – вплоть до восстаний. В январе-марте 1930 г. число вооруженных выступлений достигло 2 тыс.росло число убийств в конфликтах между сторонниками и противниками колхозов.

Первая волна насильственной коллективизации и репрессий продолжалась до весны 1930 г., когда половина крестьянского населения была загнана в колхозы. После публикации статьи Сталина «Головокружение от успехов» (март 1930 г.) последовала пауза, чтобы дать крестьянам возможность спокойно провести весеннюю посевную. Но с осени 1930 г. коллективизация и раскулачивание развернулись с новой силой. К 1933 г. основные аграрные районы страны были коллективизированы. В целом процесс был объявлен завершенным к середине 1930-х гг., когда 90% хозяйств и 94% посевных площадей было объединено в колхозы.

Увеличивавшиеся год от года государственные заготовки изымали не только товарный, но и необходимый для потребления крестьян продукт. В итоге колхозы оставались с небольшой суммой денег, поскольку заготовительные цены были низкими. В 1931 г. директивные хлебозаготовительные цены составляли 5–12 коп. за кг. В то же время стоимость одного килограмма пшеничной муки по низким карточным ценам в городах равнялась 25–28 коп., а на рынке – 4–5 руб. Государственные закупочные цены на говядину и баранину составляли от 17 до

36 коп. за кг, на молоко – 17 коп. за литр. При этом карточная цена на мясо в городе равнялась 1 руб. 50 коп. Коммерческие и рыночные цены были еще выше. Вычищая колхозные амбары, государство снабжало сельское население скудно и нерегулярно.

Хотя сельское население по численности более чем в 3 раза превосходило городское (на 1 января 1933 г. в сельской местности проживали 125,4 млн человек, в городах – 40,4 млн), деревня обеспечивалась в последнюю очередь. В 1931–1933 гг. на снабжение сельских жителей государство выделило 30–40% швейных изделий, обуви, мыла, трикотажа. Еще хуже сельское население обеспечивалось продовольствием (чаем, солью, сахаром, рыбными продуктами и т. д.). Направляемые в деревню товары имели целевое назначение, т. е. не распределялись поровну, а шли на обеспечение определенных групп населения, прежде всего работников МТС и государственных совхозов.

Система государственных заготовок и снабжения приводила к тому, что *голод* поражал те или иные районы даже в урожайные годы. Неурожай же, который не брался в расчет при составлении планов заготовок, грозил голодной смертью. 1931 и 1932 гг. выдались неурожайные. Планы государственных заготовок в основных зерновых районах страны – на Украине, Северном Кавказе, Поволжье – не были изменены в сторону уменьшения. И именно сюда пришел голод. Официальная печать упорно замалчивала факты недорода и голода. В помощь голодающим не была мобилизована ни советская, ни мировая общественность. Когда сотни тысяч крестьян в поисках куска хлеба начали бежать из деревни, правительство в январе 1933 г. разослало директиву партийно-государственным органам, ОГПУ с предписанием не допускать массового выезда людей из голодающих районов. Люди поели всех домашних животных, употребляли в пищу траву. Были случаи людоедства. Смертность достигла ужасающих размеров. С осени 1932 г. до весны 1933 г. население страны сократилось приблизительно на 7,7 млн человек.

Весной 1933 г. голодающие районы получили от государства семена, и посевные площади не сократились. Урожай 1933 г. был получен удовлетворительный. Жизнь входила в привычную колею. Но в памяти народа остались страшные картины *голода 1932–1933 гг.*

Принудительно загнанные в колхозы крестьяне в массе своей относились к колхозному добру как к чужому. Широко распространились работа спустя рукава и хищения колхозной собственности. Поэтому в феврале 1931 г. была установлена уголовная ответственность за порчу или поломку принадлежащих колхозам, совхозам и МТС тракторов и сельхозмашин. Если порча проистекала из-за халатности, наказанием были принудительные работы сроком до 6 мес. За те же неоднократные или повлекшие крупный ущерб действия – лишение свободы на срок до 3 лет. 7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», более известное в народе как «закон о колосках». Оно возвело расхитителей в ранг врагов народа, приравнивало хищения к государственным преступлениям, предполагало суровые репрессии – расстрел, лишение свободы на срок не менее 10 лет без права амнистии. Постановление не содержало градаций размеров украденного, и его проведение в жизнь сопровождалось судебным произволом.

Подневольный труд спецпереселенцев и заключенных стал одним из источников роста индустриального могущества СССР.

В июле 1929 г. правительство издало постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных» «в целях эксплуатации природных богатств». Для руководства лагерной системой весной 1930 г. было организовано управление лагерей ОГПУ (УЛАГ ОГПУ), менее чем через год получившее статус главного управления – ГУЛАГ. Система лагерей стала стремительно распространяться по стране. В 1932 г. в СССР насчитывалось 11 исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), на следующий год их число достигло 14, в том числе добавились Бамлаг (строительство железной дороги), Дмитровлаг (строительство судоходного канала «Волга-Москва»). В начале 1939 г. в системе НКВД СССР имелось уже 42 лагеря.

Столь же стремительно росла численность лагерных заключенных. В 1930 г. она составляла 179 тыс. человек, в 1931 г. – 212 тыс., в 1932 г. – 268,7 тыс., в 1933 г. – 334,3 тыс., в 1934 г. – 510,3 тыс. (данные на 1 января каждого года).

Из приказа наркома внутренних дел СССР № 0012 от 10 января 1936 г.:

«В целях максимального удешевления стоимости строительства и капитального ремонта автогужевых дорог осуществляемых местными органами Цудортранса (Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог автомобильного транспорта) НКВД приказываю:

1. Обеспечение строительства и капитального ремонта рабочей силой на автогужевых дорогах, за исключением объектов, проходящих ближе 50 км от государственных границ Союза ССР, возложить на ГУЛАГ НКВД...»

Из приказа наркома внутренних дел СССР № 078 от 16 августа 1937 г.:

«Во исполнение постановления СНК СССР об организации Наркомвнутделю лесозаготовительных лагерей приказываю:

1. Организовать нижеследующие лагеря: а) Тайшетский, б) Томск-Асинский, в) Куломский, г) Усть-Вымский, д) Ивдельский, е) Каргопольский, ж) Локчимский [пока 7 лагерей]...

4. Работы 4 квартала 1937 г. организовать с учетом приема к 1 января 1938 г. не менее 15000 заключенных в каждом лагере, с тем чтобы с начала 1938 г. лагеря приступили к основным лесозаготовительным работам».

В 1935 г. был принят новый *Примерный устав сельскохозяйственной артели*. Он устанавливал, что земля – общенародная государственная собственность, закрепляется за артелью в бессрочное пользование и не подлежит ни купле-продаже, ни сдаче в аренду. Размеры приусадебного участка колхозника устанавливались республиканскими наркоматами земледелия. Они колебались от ¼ до ½ га. Устав определял порядок распределения доходов колхоза: из произведенных артелью продуктов она была обязана выполнить поставки государству, возратить семенную ссуду, расплатиться с МТС, засыпать семена для посева, страхования от урожая и бескормицы, создать неприкосновенный семенной и кормовой фонды, а еще по решению общего собрания – фонды помощи инвалидам, старикам, временно нетрудоспособным, нуждающимся семьям красноармейцев, на содержание детских яслей и сирот. Остатки продуктов артель распределяла между своими членами по *трудо дням*. Было установлено, что все работы в колхозе производятся личным трудом его членов. По найму могли привлекаться только лица, обладающие специальными

знаниями (агрономы, зоотехники, инженеры и т. д.). Оплата была сдельной; правление разрабатывало, а общее собрание утверждало нормы выработки по всем работам и расценки в трудоднях.

Поскольку после всех расчетов колхоза нередко платить по трудодням было нечем, колхозники окрестили данную систему работой «за палочки» (трудодень отмечался в табели единицей – отсюда «палочка»). В 1939 г. около трети колхозов выдавали на трудодень 1 кг зерна, менее 4% вообще не выдавали зерно на трудодни. Жизнь колхозника обеспечивала только продукция, выращенная на приусадебном участке и на домашнем подворье, именно она спасала семью от голода.

К середине 1930-х гг. цели коллективизации были достигнуты, но за них была заплачена дорогая цена.

Экономические последствия насильственной коллективизации состояли в следующем: создание системы перекачивания средств из деревни в город, отвлечение огромных средств от развития сельскохозяйственного производства и инфраструктуры села, огосударствление аграрного сектора экономики, отчуждение крестьян от собственности и результатов труда, ликвидация экономических стимулов развития сельскохозяйственного производства, ликвидация «аграрного перенаселения». Социальные последствия состояли в следующем: была ликвидирована самая преуспевающая часть сельского населения, произошел массовый «исход» крестьян из деревень, на селе возник дефицит рабочих рук.

Планы экономического развития на *2-ю пятилетку (1933–1937 гг.)* были более реалистичными и сбалансированными. «Вторая пятилетка будет по преимуществу пятилеткой освоения новых предприятий в промышленности, пятилеткой организационного укрепления новых предприятий в сельском хозяйстве – колхозов и совхозов», – объявил объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. Увеличились капиталовложения в производство предметов потребления за счет уменьшения инвестиции в тяжелую промышленность.

В ходе 2-й пятилетки началось создание легкой и пищевой промышленности, которые до этого развивались на кустарной основе. Развитие отечественного машиностроения создавало базу для обеспечения легкой и пищевой промышленности советским оборудованием, что позволило сократить его импорт. Расширение посевов технических культур улучшило сырьевую базу легкой и пищевой промышленности. Удалось ослабить, а в отдельных случаях преодолеть зависимость от импорта сырья. Возникли швейная, кожевенная, трикотажная, обувная отрасли промышленности. Число отраслей пищевой промышленности возросло за годы 2-й пятилетки с 13 до 32. Наконец-то начала развиваться холодильная промышленность. В конце 2-й пятилетки в стране появилось мороженое. То, что ранее советская пропаганда называла буржуазной роскошью, становилось более или менее доступным – украшения, косметика, лакированные туфли, дамские туалеты.

Однако купить престижные бостоновые костюмы, шерстяные пальто (700 руб.) крепдешиновые платья (200 руб.), кожаную обувь (180 руб.), могли очень немногие. Например, в 1935 г. средняя зарплата молодых рабочих ленинградских предприятий составляла 275 руб.

Тем не менее наглядные успехи социалистического строительства, качественный рост рабочего класса в сочетании с массовой пропагандой привели к тому, что самые сознательные, передовые рабочие начали соревноваться за повы-

шение производительности труда, за пересмотр существующих технических норм, за освоение передовой техники. Это движение получило название «стахановское». Родиной стахановского движения стал Донбасс. В ночь на *31 августа 1935 г.* шахтер Алексей Стаханов, работая отбойным молотком, за смену нарубил 102 т угля, превысив норму в 14 раз. Этот производственный успех был хорошо организован и подготовлен. Обычно забойщик рубил уголь, отгребал, крепил забой – теперь Стаханов действовал только отбойным молотком, а все остальные операции осуществляли другие рабочие, т. е. этот рекорд принадлежал не герою-одиночке, а целому коллективу. Партия большевиков остро нуждалась в мифологизированных образах передовых рабочих, которых можно было бы представить как образец для всего рабочего класса, поэтому выбор организаторов рекорда остановился именно на Стаханове.

Стахановское движение, подогреваемое партийным аппаратом, стремительно нарастало во всех отраслях народного хозяйства. Его вожаками были А. Бусыгин и И. Гудов – в машиностроении, М. Мозай и А. Дегтярев – в металлургии, сестры Е. и М. Виноградовы – в легкой промышленности, П. Кривонос – на железнодорожном транспорте, М. Демченко, П. Ангелина, К. Борин – в сельском хозяйстве. В каждой отрасли с учетом ее специфики использовались различные приемы. В одних случаях применялось разделение труда (пример А. Стаханова), в других – совмещение профессий, в третьих – увеличение количества обслуживаемых станков, в четвертых – ускорение работы оборудования и т. д.

С началом 2-й пятилетки изменилась и *внешняя торговля СССР*. В три раза по сравнению с 1-й пятилеткой уменьшились расходы на импорт, состоявший на 90% из средств производства (станков, оборудования и т. д.). Развитие отраслей, созданных в 1-й пятилетке, позволило прекратить импорт десятков видов изделий – железа, стали в болванках, рельсов, водяных турбин, паровых котлов, блюмингов, машин для текстильной промышленности, автомобилей, целлюлозы и др. Изменилась структура экспорта: если в годы 1-й пятилетки экспортировалось сельскохозяйственное сырье, что обостряло дефицит продуктов питания на внутреннем рынке, то во 2-й пятилетке более 70% экспорта составили промышленные товары, в том числе продукция машиностроения, продаваемая в восточные страны. С 1934 г. снизился экспорт зерна, а также вывоз продуктов животноводства и рыболовства.

Ноябрьский (1934 г.) пленум ЦК ВКП(б) принял решение об отмене карточной системы на хлеб и некоторые другие продукты в 1935 г. Новые цены в свободной торговле оказались выше пайковых (карточных). Сталин по этому поводу заметил, что цена – это рыночная категория. Действительные цены на хлеб в условиях карточной системы существовали на рынке, а пайковая цена была искусственно занижена и представляла «подарок рабочему классу от государства». Он также отметил, что спекуляция и воровство явились порождением карточной системы. Разрыв пайковых и рыночных цен толкал, по его словам, честных людей на спекуляцию и воровство. Введение свободной торговли явилось косметической мерой, призванной несколько приукрасить социалистическую экономику, заключенную в порочный круг товарного дефицита и централизованного распределения. Значительная часть продукции шла на внерыночное потребление – снабжение государственных учреждений, армии, заключенных, промышленную переработку и т. д.

В годы 2-й пятилетки внерыночное потребление несколько сократилось, но с началом 3-й пятилетки (1938–1942 гг.) вновь стало быстро расти. За 1939 г. в розничную торговлю в расчете на одного человека поступило всего лишь 1,5 кг мяса, 2 кг колбасных изделий, около 1 кг сливочного масла и 5 кг кондитерских изделий. Приоритеты в экономической политике оставались прежние – развитие тяжелой индустрии, в первую очередь оборонной промышленности.

По официальным данным, военные расходы в 1-ю пятилетку составляли 3–7% всех расходов госбюджета, во вторую – 9–16%. Общие военные расходы в довоенном 1940 г. достигли трети государственного бюджета, или 56 млрд руб. (в ценах тех лет). В итоге и без того недостаточные фонды товаров, поступавшие в торговлю, сократились. Товарный дефицит обострялся ростом денежных доходов населения. Низкое предложение товаров в торговле порождало невозвращение выплаченных денег в госбюджет. Дефицит бюджета покрывался денежной эмиссией (работал печатный станок). Денежная масса в обращении к концу 1940 г. выросла по сравнению с началом 1938 г. почти вдвое – с 13,6 млрд руб. до 24,5 млрд.

Обостряла товарный дефицит и правительственная политика цен. Власти искусственно (за счет дотаций) сдерживали рост цен на товары наибольшего спроса – хлеб, муку, крупы, макароны. Товарный дефицит заставлял сохранять в открытой торговле нормирование. Совнарком СССР установил нормы отпуска товаров в одни руки. В 1936–1939 гг. покупатель не мог приобрести больше 2 кг мяса, колбасы, хлеба, макарон, сахара, 3 кг рыбы, 500 г масла и маргарина, 100 г чая, 200 штук папирос, 2 кусков хозяйственного мыла, ½ л керосина. Помимо официальных правительственных норм существовали и неофициальные. Продавцы и граждане, стоящие в очередях, сами вводили их: «Больше килограмма в одни руки не давать», «Отпускать не больше 5 м в одни руки» и т. д.

Между тем растущая советская промышленность и транспорт все больше нуждались в рабочих руках и сырье. В 1940–1941 гг. некоторые управления и отделы ГУЛАГа были превращены в самостоятельные главные управления (главки): Главное управление лагерей лесной промышленности, Главное управление лагерей железнодорожного строительства, Главное управление лагерей горно-металлургической промышленности и т. д. Каждый главк имели свою систему лагерей. В итоге ввиду громадного притока заключенных в период *массовых репрессий второй половины 1930-х гг.* ГУЛАГ превратился в огромное промышленное ведомство, ведущее хозяйственную деятельность в малообжитых, труднодоступных районах страны.

Из описания Карагандинского лагеря:

Карагандинский лагерь расположился в малонаселенной, безводной и полупустынной части Центрального Казахстана. Территория лагеря составляет 18 000 кв. км и равна половине территории таких европейских государств, как Бельгия, Голландия, Дания и Швейцария. Административно лагерь поделен на 22 отделения. Климат резкоконтинентальный, который обостряется еще значительной приподнятостью над уровнем моря (400–800 метров). Тепловой режим территории очень резок. Летом температура достигает +60°, зимой –50°. Открытая площадь лагеря не защищена от ветров, и они бывают почти всегда. Сила ветра в среднем 4 м/с. Временами ветры усиливаются до величин шторма – 20 м/с и выше. Летом – пыльные бури, зимой – сильные снежные метели. Значительная разряженность воз-

духа и малое количество в нем паров делают территорию лагеря климатически вредной для сердечных больных.

Последнее замечание, конечно, никоем образом не относилось к заключенным, к «врагам народа». Оно касалось вольнонаемных работников и охраны, сторожившей узников. Аналогичные природно-климатические условия существовали в местах расположения других лагерей ГУЛАГа с некоторой поправкой на географию – северо-восток, север, северо-запад и т. д. Помимо прокладки автомобильных дорог, лесозаготовок заключенные возводили десятки народнохозяйственных и оборонных объектов. Только в 1938 г. за ГУЛАГом числилось 16 крупнейших строек: Углический, Рыбинский, Куйбышевский гидротехнические узлы на Волге, Норильский комбинат, морская база Балтийского флота в Лужской губе, Байкало-Амурская железная дорога протяженностью более 4 тыс. км, строительство вторых железнодорожных путей на Дальнем Востоке и т. д. и т. п. Весной последнего довоенного 1940 г. в системе ГУЛАГа насчитывалось 53 лагеря, 475 исправительно-трудовых колоний (ИТК), в том числе 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных, 172 «контрагентских», заключенные которых обслуживали стройки и хозяйства других ведомств, и 50 колоний для несовершеннолетних.

Физическое состояние заключенных быстро ухудшалось из-за недостатка питания, тяжелой работы, сурового климата, неблагоприятных бытовых условий и т. д. Нарком внутренних дел Л.П. Берия докладывал главе правительства В.М. Молотову весной 1939 г.: «Существующая в ГУЛАГе НКВД СССР норма питания в 2000 калорий рассчитана на сидящего в тюрьме и не работающего человека. Практически и эта заниженная норма снабжающими организациями отпускается только на 65–70%. Поэтому значительный процент лагерной рабочей силы попадает в категории слабосильных и бесполезных на производстве людей. На 1 марта 1939 г. слабосильных в лагерях и колониях было 200000 человек, и поэтому в целом рабочая сила используется не выше 60–65 процентов». Но стройки пятилеток нуждались пусть даже в ослабленной рабочей силе, а потому Берия 15 июня 1939 г. приказал: «Немедленно прекратить практику зачета рабочих дней за сроки отбывания наказания и отменить систему условно-досрочного освобождения осужденных в итл, колониях и тюрьмах НКВД. Отменить произведенные зачеты дней всем осужденным, отбывающим наказание в лагерях, колониях и тюрьмах. Осужденный должен отбывать установленный судом срок своего наказания полностью». Жестокость данного приказа очевидна. Он лишал возможности тысячи заключенных досрочно выйти на свободу благодаря ударному труду. Но созданной Сталиным партийно-государственной системе важнее были кубометры вынутой земли, уложенного бетона, тонны добытых полезных ископаемых, километры новых железнодорожных путей, чем судьба конкретного человека за колючей проволокой.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

К РАЗДЕЛУ VI

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997.
- ГУЛАГ. Главное управление лагерей, 1918–1960. Сборник документов. М., 2000.
- Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг.: в 5 т. М., 2000.
- Письма во власть, 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 2002.
- Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение, 1930–1940: в 2 кн. Кн. 1. М., 2005.
- Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991.
- Сталин и Каганович. Переписка, 1931–1936 гг. М., 2001.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 гг. М., 2001.
- Авдеенко А. Наказание без преступления. М., 1991.
- Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990.
- Берия С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. М., 2002.
- Валентинов Н.В. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991
- Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1991.
- Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2006.
- Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1997.
- Ширяев Б. Неугасимая лампада. М., 2007.
- Шульгин В.В. Три столицы. М., 1991.

Литература

- Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007.
- Виноградов С.В. НЭп: опыт создания многоукладной экономики. М., 1996.
- Гимпельсон Е.Г. НЭп и советская политическая система, 20-е гг. М., 2000.
- Голотик С.И., Минаев В.В. Население и власть. Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004.
- ГУЛАГ. Экономика принудительного труда. М., 2008.

- Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. М., 2009.
- Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003.
- Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.
- Ивеницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004.
- Иконников-Галицкий А. Криминальный Петроград, 1922–1926. В тихом омуте нэпа. М., 2008.
- Илизаров Б. Тайная жизнь Сталина. М., 2004.
- Ильина И.Н. Общественные организации в 1920-е годы. М., 2000.
- Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! М., 1997.
- Коэн С. Бухарин. М., 1992.
- Красильников С. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2009.
- Мельтохов М.И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты, 1918–1939. М., 2009.
- Никулин В.В. Власть и общество в 20-е гг. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921–1929 гг.). СПб., 1997.
- Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции, 1917–1929 гг. М., 2008.
- Пахомов С.А. Социокультурный портрет предпринимателя периода нэпа и его отражение в пропаганде и массовом сознании. М., 2005.
- Пейн Р. Ленин: жизнь и смерть. М., 2008.
- Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» Николай Ежов. М., 2008.
- Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986.
- Радзинский Э.С. Сталин: жизнь и смерть. М., 2009.
- Рейфилд Д. Сталин и его подручные. М., 2008.
- Семанов С.Н. Кронштадтский мятеж. М., 2003.
- Такер Р. Сталин: путь к власти. М., 1990.
- Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ – НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008.
- Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 годы. М., 2000.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России. М., 2008.
- Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009.
- Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996.
- Цакунов С.В. В лабиринте доктрин. Из опыта разработки экономического курса страны в 20-е годы. М., 1994.
- Шишкин В.А. Цена признания. СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924–1929 гг.). СПб., 1991.
- Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997.
- Этлбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М., 2006.

Электронные ресурсы

www.nivestnik.ru – журнал «Новый исторический вестник»

«Студенты просят, чтобы органы НКВД навели в институте большевистский порядок». Историко-архивный институт в 1936–1940 гг. // Новый исторический вестник. 2002. № 1 (6).

Голдман В. Проза о советском паспорте. Рабочие и свободное переселение (конец 1920 – начало 30-х гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 1 (12).

Данилин А.Б. Нэповская Россия: «социалистическая рационализация» рынка труда // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3).

Евсеева Е.Н. Эмигрантская и советская высшая школа 20-х гг. (Опыт сравнительной характеристики) // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3).

Иголкин А.А. Ленинский нарком. У истоков советской коррупции // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10).

Кулинич Н.Г. Дальневосточные города в 1920–1930-е гг. «Пережитки прошлого» в жизни населения // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20).

Орлов И.Б. Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг.: мифы и реальность // Новый исторический вестник. 2002. № 1 (6).

Поляков В.А. Комиссия М.И. Калинина: из истории государственной помощи голодающим (1921 г.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16).

Симонов А. Дело Якова Лиманского // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21).

Данилин А.Б. Тесты и задания по теме «Советская Россия (СССР) в системе международных отношений в 20-е гг.» // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Какие причины вынудили большевиков отказаться от военного коммунизма и перейти к новой экономической политике?

2. Составьте сравнительную таблицу основных черт военного коммунизма и новой экономической политики в области промышленности, сельского хозяйства и товарно-денежного обращения.

3. Что большевики называли командными высотами в экономике? Могли или нет, по-вашему, эти командные высоты обеспечить переход аграрной России к социализму? Аргументируйте свой ответ.

4. Какое значение (экономическое и политическое) имела для большевиков государственная монополия внешней торговли?

5. Какие факторы влияли на расклад и соотношение сил в ходе борьбы за власть в партии большевиков и государстве?

6. Составьте сравнительную таблицу этапов борьбы за власть. Отрадите в ней ход и результаты этой борьбы не в виде схемы «кто с кем против кого», а в их взаимосвязи с изменениями социально-экономической ситуации в стране.

7. За счет каких объективных и субъективных причин И.В. Сталину удалось сосредоточить в своих руках власть в партии и государстве? В чем и за счет чего, по-вашему, уступили ему все соперники в борьбе за власть? Аргументируйте свой ответ.

8. Как сочеталась в советской внешней политике борьба за предотвращение новой мировой войны с поддержкой мирового рабочего движения, с деятельностью Коминтерна?

9. Какие этапы индустриализации вы можете выделить? Охарактеризуйте каждый из них.

10. Какими были цели коллективизации? Какова взаимосвязь между ними?

11. Какие в конце 1920 гг. существовали определения кулачества? Что подразумевалось партией большевиков под политикой ликвидации кулачества как класса?

12. Какую роль в экономическом развитии СССР сыграл принудительный труд заключенных? Аргументируйте свой ответ.

Раздел VII

ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ В 1920–1930-е гг.

Лекция 27

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Российская эмиграция после 1917 г. – уникальное историческое явление, обусловленное особенностями развития России в XIX – начале XX в. Глубина и устойчивость социального раскола в дореволюционном российском обществе, пропасть между верхами и низами, подавляющее преобладание в политической системе тенденции строительства и укрепления государственной машины, отсутствие различий между властью и собственностью, подмена демократического разделения властей дифференциацией функций внутри огромного бюрократического аппарата – все эти факторы предопределили характер эмиграции. Предопределили главное в ней – преобладание политической целесообразности и естественного желания сохранить жизнь над всеми материальными и моральными соображениями в пользу того, чтобы остаться на родине.

В процессе формирования российской эмиграции после 1917 г. можно выделить три этапа (*или три волны эмиграции*):

- эмиграция времен Гражданской войны и первых послереволюционных лет,
- эмиграция последних лет Второй мировой войны,
- эмиграция из СССР 70–80-х гг.

Российская эмиграция первой послереволюционной волны, часто именуемая «белой» или антибольшевистской, занимает особое место в самом эмиграционном процессе. Будучи значительной по своим масштабам (географическому, демографическому, экономическому, социальному, политическому, идеологическому, культурному), она состояла из многих разбитых по странам диаспор, объединенных общероссийским прошлым и культурой.

Диаспора (греч., англ., нем. diaspora – рассеяние) – значительная часть народа (этнической общности), пребывающая вне страны его основного поселения.

Именно это стало фундаментом зарубежной России (или российского зарубежья) как уникального подобию государственности. Уникальность ее состояла

в том, что из обычных трех составляющих – народа, территории и власти – она имела только «народ», пыталась создать «территорию» и напрочь была лишена «власти».

Географически эмиграция из России была прежде всего направлена в страны Западной Европы. Ее главной «перевалочной базой» стал Константинополь, а основными центрами – Белград, София, Прага, Берлин, Париж, на Востоке – Харбин.

Российская эмиграция времен Гражданской войны и первых послевоенных лет включала остатки белых войск и гражданских беженцев, представителей дворянства и бюрократии, предпринимателей и творческой интеллигенции, самостоятельно покинувших Россию или высланных по решению большевистского правительства.

Разруха и голод, большевистские национализация и террор, просчеты правительства Антанты, нерациональность политики белых властей и поражения белых войск породили эвакуацию антантовских войск и беженцев из Одессы (март 1919 г.), эвакуацию Вооруженных сил на юге России генерала А.И. Деникина и беженцев из Одессы, Севастополя и Новороссийска (январь – март 1920 г.) в Турцию и Балканские страны, отход Северо-западной армии генерала Н.Н. Юденича на территорию Эстонии (декабрь 1919 – март 1920 г.), эвакуацию Земской рати генерала М.К. Дитерихса из Владивостока в Китай (октябрь 1922 г.).

Самой большой по численности стала эвакуация частей Русской армии и гражданских беженцев из Крыма в Турцию, осуществленная на сотне с лишним военных и торговых судов. По данным войсковой и агентурной разведки Красной армии, из крымских портов было эвакуировано 15 тыс. бойцов казачьих частей, 12 тыс. офицеров и 4–5 тыс. солдат регулярных частей, 10 тыс. юнкеров военных училищ, 7 тыс. раненных офицеров, более 30 тыс. офицеров и чиновников тыловых частей и учреждений и 60 тыс. гражданских лиц, среди которых большую часть составляли семьи офицеров и чиновников. Общая цифра, которая встречается в различных источниках, колеблется от 130 до 150 тыс. человек.

В Турции в районе Галлиполи был размещен лагерем 1-й армейский корпус генерала А.П. Кутепова, в состав которого были включены остатки регулярных частей бывшей Добровольческой армии. На острове Лемнос расположились остатки кубанских казачьих частей, сведенные в Кубанский корпус генерала М.А. Фостикова. Донской корпус генерала Ф.Ф. Абрамова разместили в лагерях под Константинополем, преимущественно в районе Чаталджи. По сведениям командования Русской армии на 16 ноября 1921 г., в военных лагерях проживало: в Галлиполи – 26485 человек, из них 1354 женщин и 246 детей; на Лемносе – 8052, из них 149 женщин и 25 детей; в Чаталдже – 729, из них 548 женщин и детей.

В конце 1920 – начале 1921 г. разведорганы Красной армии получали самые разные (порой сильно расхоdivшиеся) данные о численности войск, сосредоточенных в военных лагерях, а также о количестве гражданских беженцев, живущих в Константинополе и в лагерях, расположенных в окрестностях турецкой столицы и на Принцевых островах. После многократных уточнений численность войск была определена в 50–60 тыс., из которых почти половину составляли офицеры, а гражданских беженцев – в 130–150 тыс., из них около 25 тыс. составляли дети, около 35 тыс. – женщины, до 50 тыс. – мужчины призывного

возраста (от 21 до 43-х лет) и около 30 тыс. – пожилые мужчины, негодные к службе в армии.

Первую попытку подсчитать общую численность эмигрантов из России предпринял в ноябре 1920 г., еще до эвакуации Русской армии из Крыма, американский Красный Крест. Основываясь на приблизительных данных различных беженских организаций, он определил ее почти в 2 млн человек. Еще примерно 130 тыс. военных и гражданских беженцев врангелевской эвакуации довели эту цифру почти до 2 млн 100 тыс.

По данным Лиги Наций, опубликованным в сентябре 1926 г., после Октябрьского переворота 1917 г. Россию покинули 1 млн 160 тыс. человек.

Точную численность первой волны эмиграции установить очень сложно: слишком сильно разнятся цифры всевозможных учреждений и организаций, слишком много беженцев не было учтено при оставлении ими страны, слишком часты были приписки, которыми грешили русские организации, стремившиеся получить материальную помощь в как можно большем объеме. Поэтому в исторической литературе можно встретить самые разные цифры. Наиболее часто встречается цифра 1,5–2 млн человек, покинувших Россию в 1918–1922 гг.

Национальный, половозрастной и социальный состав эмигрантов отчасти характеризует информация, собранная в Варне в 1922 г. путем опроса почти 3,5 тыс. человек. Уезжали преимущественно русские (95,2%), мужчины (73,3%), среднего возраста – от 17 до 55 лет (85,5%), с высшим образованием (54,2%).

Сразу же за эмиграцией началась и реэмиграция.

Уже летом 1920 г. на юг России, занятый Русской армией генерала Врангеля, стали возвращаться офицеры деникинских армий, выехавшие в Турцию и Балканские страны в январе – марте. По данным Полевого штаба РВСР, к середине ноября возвратились 2850 человек, в большинстве – из Константинополя.

В ноябре – декабре 1920 г., сразу же после высадки с кораблей частей Русской армии генерала Врангеля и беженцев, рядовые солдаты и казаки, осыпав от горячки отступления и эвакуации и преодолев в себе страх перед большевиками, стали предпринимать попытки вернуться на родную землю на лодках.

3 ноября 1921 г. ВЦИК РСФСР принял декрет об амнистии военнослужащих белой армии, в котором им была дана возможность вернуться в Советскую Россию. Свыше 120 тыс. беженцев воспользовались ею, в подавляющем большинстве – солдаты и казаки. Этому способствовали, во-первых, разочарование в Белом движении и его вождях; во-вторых, тяготы жизни в лагерях и еще более горькая и унизительная жизнь неимущих гражданских беженцев в Константинополе (отсутствие работы, жилья и еды); в-третьих, ослабление страха перед большевиками; в-четвертых, политика командования Антанты, которое видело в Русской армии опасную силу и сокращением ее содержания стремилось ускорить процесс перевода ее чинов на положение гражданских беженцев. Некоторую роль сыграл и такой фактор: после Первой мировой войны в Россию возвращались (главным образом из Америки) трудовые и религиозные эмигранты – духоборы и молокане.

С лета 1921 г. командование Русской армии, заручившись согласием правительств Королевства сербов, хорватов, словенцев (с 1929 г. – Югославии) и Болгарии, начало переброску частей в эти страны. Вслед за военными потянулись и беженцы.

Врангель оказался единственным из белых вождей, эвакуировавшим после поражения в Гражданской войне регулярные армейские части (до 50 тыс. человек), добившимся от Запада их размещения вначале в военных лагерях на территории Турции, а потом в славянских странах Балканского полуострова и предполагавшим еще в течение ряда лет возобновить борьбу с большевиками. Правда, тогда многим современникам из числа эмигрантской общественности это казалось безрассудством, ведь обратный путь в Россию теперь целиком зависел от помощи мировых держав, и без того погрязших в заботах послевоенного устройства и отступивших от планов прямого вмешательства в дела молодого Советского государства. И как бы в доказательство этого Франция, являвшаяся последним покровителем белых на юге России и полновластным хозяином на Ближнем Востоке (Турция, Балканы), решила бесповоротно свернуть любые попытки Врангеля манипулировать своими войсками. Французским военным властям удалось отправить разуверившихся врангелевцев (в первую очередь казаков) партиями в несколько тысяч каждая в Латинскую Америку и даже в Советскую Россию, а наиболее бесшабашных привлечь в иностранный легион.

Взбешенный коварством французов Врангель сумел, как всегда, умерить горячность трезвым расчетом. Соединяя галантность с прямым нажимом в переговорах с французскими военными представителями, играя на человеколюбии вчерашних союзников и намекая им на возможные бесчинства со стороны еще послушных ему частей в случае применения со стороны французов насилия, Врангель добился и снабжения их питанием, и сохранения за собою прерогатив главнокомандующего. Однако штабу Врангеля следовало поторопиться разместить армию в более комфортных условиях, чем те, в которых уже почти полгода она пребывала в Турции – на полуострове Галлиполи (1-й армейский корпус – около 30 тыс. человек) и на острове Лемнос (Донской корпус – 15 тыс.).

Размещение армии в славянских странах на Балканах – такой вариант напрашивался сам собой. Это не встретило принципиальных возражений с французской стороны: славянские страны Балканского полуострова – Болгария (царство Болгарское) и Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) – были той периферией имперских интересов Франции, перебросить на которую неустроенные массы русских военных не составило бы особых хлопот. А договариваться об условиях проживания, платить за «постой» – это уже забота Врангеля. Самого же Врангеля устраивали такие факторы: сочувствие русским, закрепленное исторической традицией, консервативный настрой близких к престолам обеих монархий политических кругов, а также досягаемость советской территории. С самого начала перемещение армии на Балканы Врангель замыслил исключительно как промежуточный этап, временную и необходимую меру для ее спасения.

Уже сама дипломатическая подготовка переезда армии на Балканы для врангелевского командования стала дорогой через тернии. Для Врангеля предпочтительнее было бы сосредоточить Русскую армию целиком на территории Королевства СХС. Король Александр I Карагеоргиевич слыл бесспорным покровителем русских. Но сербы уже разместили у себя около 20 тыс. беженцев после денкинской эвакуации. Бюджет искусственно созданного усиления Антанты колоссального государства и без того трещал по швам,

а задача унифицировать под эгидой Сербии пестрые в этническом отношении территории наталкивалась на сопротивление экстремистов (например, хорватских). В свою очередь в Болгарии монархисты после обернувшегося катастрофой участия страны в Первой мировой войне на стороне Германии были вынуждены уступить свои позиции партии аграриев – Болгарскому народно-земледельческому союзу (БЗНС). Диктаторские замашки взлетевшего к вершинам власти на волне солдатского восстания лидера БЗНС и главы правительства А. Стамболийского делали его режим разновидностью болгарской «кереңицины», оказавшейся между двух огней – внушительной Болгарской партией коммунистов и правомонархическими кругами военных. Кроме того, оба славянских государства находились в весьма непростых отношениях друг к другу. Нейиский мирный договор 1919 г. лишил Болгарию, обладательницу некогда самой мощной армии на Балканах, многих территорий, отошедших соседям, в частности Королевству СХС (часть Македонии).

В обеих странах предполагалось приобщить русские части к восстановительным работам и (частично) к государственной службе (например, в пограничной страже Королевства СХС). Этот план был тем более выгоден правительствам славянских стран, что нехватка инженерных кадров могла быть восполнена за счет военных инженеров Русской армии. Однако вопреки надеждам переговорный процесс с сербской стороной, неуклонно требовавшей от русского штаба внесения нужных для пропитания чинов денежных сумм, затянулся до лета 1921 г.

В мае 1921 г. болгарское правительство дало согласие на прием тысячной партии казаков. Предназначенные к переезду в Болгарию части собрались на ее территории зимой 1921/22 гг. В июле 1921 г. в Королевство СХС начали прибывать с Лемноса кубанские казачьи части, в октябре к ним присоединилась кавалерийская дивизия, стоявшая в Галлиполи.

По прибытии в Болгарию части 1-го армейского корпуса разместились в северных районах страны по границе с Румынией, в южных – по границе с Францией и Македонией, части Донского корпуса – в южных районах страны. По мере истощения казны Русской армии офицеры, казаки и солдаты устлавались на различные общественные и частные работы, чтобы самим содержать себя (переходили на трудовое положение). Трудились порой по 11–13 ч в сутки. Это был уникальный опыт совмещения профессионального и морального долга с неизбежной заботой о хлебе насущном без всякого принуждения, который, пожалуй, не имел аналогов в русской истории. Всюду, где только ни трудились они (вчера еще герои сражений, а ныне – скромные эмигранты), – в рудниках и на пашне, прокладке железных и шоссейных дорог, на фабриках и в торговых ларьках – за бесцветным и монотонным течением жизни они сохраняли верность Белой идее. «Нелегко было сменить привычные седло и винтовку на лопату и топор, но сила дисциплины, заложенная Врангелем еще в Крыму, была такова, что продолжала удерживать их вместе, несмотря на тяжкие испытания, выпавшие на их долю на Лемносе и Галлиполи, и полную свободу, которую они получили в Балканских странах. В пыли, обнаженные по пояс, они прокладывали туннели, валили дрова, а вечером, умывшись и надев мундиры, собирались на вечернюю поверку и молитву, как в мирные времена у себя на родине». (Врангель А.П. Генерал Врангель: доверие воспоминаний // Бароны Врангели. М., 2006. С. 497)

Задача сохранения Русской армии на чужбине с каждым годом все более превращалась в совершенно нереальную. Таяла численность армии. Переход чинов на беженское положение, постепенная потеря трудоспособности теми, кто оставались в рядах армии, возраставшее желание покинуть Балканские страны и направиться в государства Западной Европы, где можно было лучше устроиться, – все это размывало фундамент армии. Начался переезд врангелевского офицерства из Болгарии и Королевства СХС во Францию. Но многие навсегда остались на Балканах.

В 1922 г. только в Королевстве СХС (Югославии) проживали более 45 тыс. русских. Значительные колонии эмигрантов из России возникли в Чехословакии, Германии, Франции и других государствах Европы, в том числе тех, что приобрели независимость в результате распада Российской империи (Финляндии, Польше, Эстонии и др.). Численное распределение эмигрантов по странам проживания постоянно менялось. Российская эмиграция первой волны напоминала собой переливающуюся из страны в страну массу. Это объяснялось исключительно поиском наиболее благоприятной обстановки для адаптации к жизни на чужбине.

Славянские страны были предпочтительнее для русских по причинам близости культуры и благожелательной политики властей, много сделавших для эмигрантов. В Югославии выходцы из России находились в привилегированном положении. Поскольку Россия до октября 1917 г. предоставляла сербам всю совокупность прав, вплоть до поступления на военную службу, то и русские эмигранты в Сербии пользовались широкими правами. Им предоставлялось право занятия промыслами и торговлей, право производить операции с валютой, что для иностранцев было запрещено местным законодательством.

Самой острой проблемой было физическое выживание. В этой ситуации особое значение приобретала способность эмиграции к самоорганизации, к созданию действенной структуры для решения всего комплекса проблем, связанных с жизнеобеспечением. Такой структурой стал Центральный объединенный комитет Российского общества Красного Креста, Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов (ЦОК). Он субсидировался державами Антанты и фактически превратился в своего рода министерство по гражданским делам, если иметь в виду, что штаб Врангеля и функционировавшие при нем учреждения занимались прежде всего вопросами обеспечения и снабжения армии. Через ЦОК шло снабжение российских беженцев продуктами питания, одеждой и прочими предметами первой необходимости. Была создана целая система по реабилитации и устройству чинов белых армий, получивших увечья. По его инициативе Лига Наций учредила должность Верховного комиссара по делам русских беженцев. 20 августа 1921 года норвежский полярный исследователь и общественный деятель Ф. Нансен дал свое согласие возглавить дело помощи русским. Чтобы решить проблему перемещения беженцев из одного государства в другое, по его инициативе были введены «беженские паспорта», узаконенные международными соглашениями от 5 июля 1922 г. и от 31 мая 1926 г. До октября 1929 г. эти паспорта признавали 39 стран. Однако Англия, Италия, Испания, Португалия, Швеция, Дания, Норвегия, Канада, Австралия, Новая Зеландия и некоторые другие страны закрыли свои двери перед обладателями «нансеновских паспортов».

Политический спектр эмиграции отличался необычайной пестротой: от организаций монархистов и даже фашистов до левых, социалистических партий –

эсеров и меньшевиков. В центре стояла кадетская партия, проповедовавшая либеральные ценности. Ни одна из этих организаций и партий не представляла единого политического течения и распадалась на две-три и более групп. Все они располагали печатными органами, строили планы освобождения России от большевизма и ее возрождения, разрабатывали программы и выступали с заявлениями по тем или иным политическим вопросам.

Кадеты, расколовшиеся после поражения в Гражданской войне на правых и левых, издавали две газеты – «Руль» в Берлине под редакцией В.Д. Набокова и И.В. Гессена и «Последние новости» в Париже под редакцией П.Н. Милокова.

Эсеры издавали печатные органы с популистскими названиями: «Революционная Россия» (центральный орган) под редакцией лидера партии В.М. Чернова и «Воля России» – в Праге под редакцией В.Л. Лебедева, М.А. Слонима, В.В. Сухомлина и Е.А. Сталинского. В Париже выходил журнал «Современные записки» под редакцией Н.Д. Авксентьева, М.В. Вишняка и В.В. Руднева. В Ревеле (современный Таллинн) в начале 20-х гг. эсеры специально для распространения в Советской России издавали газету «За народное дело» и журнал «За народ». Меньшевики выпускали в Берлине один из самых объемных журналов в эмиграции, «Социалистический вестник» под редакцией Л. Мартова, Ф. Абрамовича и Ф. Дана.

Кроме этих основных печатных органов существовали десятки эмигрантских журналов и газет самых различных направлений.

Не менее разнообразной была общественно-политическая жизнь дальневосточной ветви российской эмиграции. Наиболее сильно здесь были представлены монархисты. Еще в 1922 г. из Приморья в Харбин перебрались 13 монархических обществ и организаций. Однако, как и в Европе, эти силы оказались расколотыми. Самая крупная организация – «Союз легитимистов», возглавляемый генералом В.А. Кислицыным, – поддерживала великого князя Кирилла Владимировича. Другие отдавали предпочтение великому князю Николаю Николаевичу. Опираясь на офицерский корпус военных и казачьих частей, имея поддержку духовенства, западных эмигрантских сил и отчасти китайских властей, монархисты были не только самой многочисленной частью политической эмиграции в Китае, но и самыми непримиримыми борцами против большевистской власти в России.

Параллельно возникли новые направления.

В 20-е гг. частью русской диаспоры в Харбине был профессорско-преподавательский состав российских университетов, большинство представителей которого являлись приверженцами идей кадетской партии. Еще в конце Гражданской войны наиболее дальновидные члены партии предложили сменить тактику борьбы с большевиками. Профессор Харбинского юридического факультета Н.В. Устрялов в 1920 г. издал сборник своих статей «В борьбе за Россию». В нем проповедовалась бесперспективность нового военного похода против Советов. Более того, подчеркивалось, что большевизм защитил единство и независимость России, а Белое движение связало себя с интервентами. «Начинать сначала то, что практически не удалось при несравненно лучших условиях и при неизмеримо богатейших данных, – могут, в лучшем случае, лишь политические Дон-Кихоты», – считал Устрялов.

Летом 1921 г. в Праге вышел сборник статей «Смена вех», ставший программой нового политического течения в российском зарубежье. Авторы статей

(Ю.В. Ключников, С.С. Лукьянов, Ю.Н. Потехин и другие) считали: если неудача революции нежелательна для интеллигенции, а ее победа в той форме, в какой она осуществилась, непонятна, то остается третий путь – перерождение революции. Одновременно в Париже П.Н. Милюков, лидер кадетской партии, опубликовал статью «Что делать после Крымской катастрофы?» с аналогичными выводами. Не принимая большевизма и примирения с ним, он считал, что должны кардинально измениться методы его преодоления для восстановления России как великого и единого государства. Провозглашаемая новая тактика должна была ориентироваться на внутренние антибольшевистские силы России (крестьянское повстанческое движение и т. д.).

Размышление о судьбах России, о специфике ее геополитического положения, приведшей к победе большевизма, реализовались в новом идеологическом направлении – *евразийстве*.

Родоначальниками евразийства стали молодые талантливые ученые: филолог Н.С. Трубецкой, музыковед П.П. Сувчинский, географ и экономист П.Н. Савицкий, юристы В.Н. Ильин и Н.Н. Алексеев, философ-богослов Г.В. Флоровский, историки М.М. Шахматов, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин. Евразийцы начали публицистскую деятельность в Софии в 1920 г., а продолжили ее в Праге, Париже и Берлине. Они выпускали сборники «Евразийская хроника» в Праге и «Евразийский временник» в Берлине и Париже, а со второй половины 20-х гг. печатали во Франции газету «Евразия». Культивируя самобытность России, они готовы были примириться с советскими преобразованиями, если они шли на пользу этой самой исторической социально-культурной индивидуальности российской государственности.

В середине 20-х гг. начала угасать надежда на скорое возвращение в Россию, освободившуюся от ига большевиков. Этому способствовала «полоса признания» СССР правительствами европейских и азиатских государств. Дипломатические успехи большевистской власти, основанные на умелом использовании заинтересованности многих стран в возобновлении торгового обмена с Россией, пагубно отражались на правах эмигрантов.

После установления в 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Китаем советское правительство отказалось от прав и привилегий, касающихся всех концессий, приобретенных царским правительством, в том числе от прав экстерриториальности в районе КВЖД. Согласно дополнительным соглашениям прекращалась служба русских эмигрантов в китайской армии и полиции, а КВЖД объявлялась чисто коммерческим предприятием, управляемым на паритетных началах СССР и Китаем. В соответствии с советско-китайскими договоренностями на железной дороге имели право работать лишь советские и китайские граждане, что нанесло серьезный урон эмигрантам, не имеющим подданства.

Поэтому часть эмигрантов, чтобы сохранить за собой место работы, перешли в советское подданство и получила советские паспорта, часть – в китайское подданство, остальные же должны были получать и ежегодно обновлять так называемый годовой вид на жительство в Особом районе восточных провинций. Состоятельные эмигранты в поисках более комфортных условий жизни переезжали из Харбина в США и страны Западной Европы. Остались и пытались приспособиться к местным условиям те, кому не на что и некуда было ехать.

Сходные процессы имели место и в западноевропейских странах.

Так, во Франции до 1924 г., когда французское правительство признало СССР и установило с ним дипломатические отношения, в Париже действовало русское посольство, а в ряде крупных городов – русские консульства. Посол бывшего Временного правительства В.А. Маклаков пользовался немалым влиянием во французских правительственных кругах, благодаря чему русские дипломатические представительства защищали интересы эмигрантов, выдавая им документы, удостоверяющие их личность, социальное положение, профессию, образование и т. п.

Особое значение имела помощь русских дипломатических представительств эмигрантам, решившим принять подданство той страны, где они проживали, поскольку у многих не было ни денег, ни возможности осилить все юридические формальности, требуемые в таких случаях.

Признание СССР повлекло закрытие русских посольств и консульств в европейских странах, что значительно затруднило защиту прав российских эмигрантов.

Серьезные перемены происходили в рядах военной эмиграции – одной из крупнейших частей российского зарубежья. В середине 20-х гг. армия трансформировалась в конгломерат различных военных обществ и союзов. В этой ситуации генерал П.Н. Врангель, формально сохранявший звание главнокомандующего Русской армией, в 1924 г. создал *Русский общевоинский союз (РОВС)*.

К концу 20-х гг. РОВС объединил под своим началом большинство военных организаций. По данным штаба Врангеля, в 1925 г. РОВС насчитывал в своих рядах 40 тыс. человек. Поначалу РОВС финансировался из сумм, находившихся в распоряжении командования Русской армии, но они скоро иссякли. Поскольку в мировом сообществе отсутствовали силы, готовые открыто финансировать консервативную военную организацию, выступающую за воссоздание Российской империи, главным источником средств РОВС стали членские взносы и пожертвования, которых было далеко не достаточно для развертывания полномасштабной деятельности. Вместе с тем некоторые структуры РОВС пошли на сотрудничество с разведками иностранных государств, при их финансовой и другой поддержке проводя разведывательные операции против СССР.

С другой стороны, РОВС оказывал юридическую и материальную помощь военным эмигрантам. Многие нетрудоспособные эмигранты получали различные пособия, некоторые были устроены в больницы и дома престарелых. Немало делалось в историко-мемориальной области: собирались материалы по истории войсковых частей периода Гражданской войны, создавались военные музеи.

Главная задача, поставленная Врангелем перед РОВС, – сохранение кадров армии в условиях эмигрантского рассеяния и добывания офицерами средств на жизнь собственным трудом – была решена не до конца. Формально объединив значительную часть российской военной эмиграции, РОВС не смог создать широкого и боеспособного военно-политического движения за рубежом. Противоречия внутри руководства и призывы к военной интервенции против СССР привели к изоляции РОВС, конфронтации с демократическими силами эмиграции, конфликтам с правительствами Франции, Германии и Болгарии, оттоку солдат и казаков из военных организаций.

В 1929 г., во время вооруженного конфликта на КВЖД, военной частью эмиграции была предпринята попытка реализовать на практике идею возобновления борьбы с большевистской властью. С китайской территории через границу

СССР были направлены вооруженные белые отряды, имевшие целью поднять восстание и разгромить советские пограничные гарнизоны. Однако теория вооруженного вторжения эмигрантских военных формирований на территорию СССР не выдержала проверки практикой: население не оказало им поддержки, а противостоять регулярным частям Красной армии они не смогли.

ГПУ – ОГПУ – НКВД, широко прибегая к вербовке агентов среди эмигрантов и созданию подставных подпольных организаций в СССР, стремились парализовать разведывательную и диверсионную деятельность РОВС, ликвидировать самых непримиримых его руководителей. В результате РОВС не сумел организовать антисоветское подполье в СССР, все проекты создания антибольшевистского движения на его территории так и остались на бумаге. Контрразведка РОВС не смогла обеспечить защиту организации и ее руководства от активных мероприятий советских органов госбезопасности. В 1930 г. в Париже был похищен председатель РОВС генерал А.П. Кутепов, в 1937 г. – генерал Е.К. Миллер.

Несмотря на правовые, материальные и другие сложности жизни в изгнании, эмиграция думала о будущем. Сохранить национальную культуру, приучить детей любить все русское, воспитать подрастающее поколение для будущей России, закалить его волю, выработать твердый характер – такая задача ставилась перед эмигрантскими учебными заведениями. В эмиграции сохранилась та же система образования, которая существовала в дореволюционной России, – начальная школа (государственные, земские и церковно-приходские), средняя школа (гимназии, реальные училища), высшие учебные заведения (институты, университеты, консерватории). Среди выходцев из России насчитывалось 16 тыс. студентов, чья учеба была прервана мировой войной и революцией. За 10 лет изгнания 8 тыс. молодых людей получили высшее образование, главным образом, в Чехословакии и Югославии.

Россию покинули около 3 тыс. дипломированных инженеров, сотни образованных специалистов во всех направлениях естественных, технических и гуманитарных наук. Правительства государств, где оказались беженцы, проявили к ним много доброжелательности и человеческого сочувствия. Но помимо выражения этих чувств в их действиях была и существенная доля своекорыстия и меркантильности. Среди русских эмигрантов было немало научной и технической интеллигенции. Приток профессорско-преподавательских кадров, ученых и инженеров сыграл заметную роль в оживлении научной и культурной жизни многих европейских и азиатских стран.

Правительства оказывали существенную помощь русским эмигрантским организациям, не обладавшим своими достаточными средствами в обучении российских детей и молодежи. В начале 1921 г. по инициативе помощника министра иностранных дел Чехословакии Гирсы был подготовлен государственный культурно-просветительный план помощи русским. Он был одобрен президентом страны Т. Массариком. Чешское правительство выделило средства на содержание студентов, находившихся на территории Чехословакии. С конца 1921 г. Чехословакия стала принимать русских студентов из других стран. Весной 1922 г. 1700 русских студентов стали стипендиатами чехословацкого правительства. Они были расселены в общежитиях и (частично) на частных квартирах, получили одежду, питание, деньги на карманные расходы. До образования русских учебных заведений студенты распределялись по высшим учебным заведениям

Чехословакии в Праге, Брно, Братиславе и других городах. На эти цели власти Чехословакии израсходовали большие суммы. Ассигнования, начавшись с 10 млн чешских крон в 1921 г., перевалили за 300 млн к 1926 г. *«Русская акция помощи»* – так были названы эти меры чехословацкого правительства.

Власти Чехословакии, как и других европейских государств, в начале 20-х гг. были убеждены, что большевизм не продержится в России более 5–7 лет, а после его гибели молодежь, получившая в республике образование, вернется в Россию и «послужит там закваской для образования нового европейского демократического государственного строя». Благодаря помощи правительства эмигрантам удалось образовать в Чехословакии целый ряд русских учебных заведений: Русский юридический факультет, Русский педагогический институт имени Яна Амоса Каменского, Русское железнодорожное техническое училище и др.

В Харбине существовало 6 высших учебных заведений, в Париже – 8.

В середине 20-х гг. чехословацкие власти начали свертывать русскую акцию помощи. Союз русских студентов в Пшибраме сообщал в МИД Чехословакии, что к началу 1931 г. «русские студенты были лишены правительственных стипендий», на предприятиях идут увольнения и в «числе увольняемых со службы инженеров в первую очередь оказываются русские, притом и те, в коих предприятия нуждаются».

На то было несколько причин. Мировой экономический кризис конца 20-х гг. затронул все отрасли хозяйства, науку и культуру. В этой обстановке все настойчивее звучали требования чехов (прежде всего трудящихся) ограничить выделение средств и рабочих мест «бывшим белогвардейцам». С другой стороны, власти не могли не реагировать на протесты СССР – как официальные, так и в средствах массовой информации – против «подкармливания белогвардейцев».

В этой ситуации русская высшая школа стала менять свой характер и направленность, переходя на подготовку специалистов для тех стран, где оказались эмигранты. Многие учебные заведения стали закрываться или преобразовываться в научно-просветительские центры. Материальная помощь правительств и общественных организаций стран, приютивших эмигрантов из России, быстро иссякала. Главным источником финансирования стала собственная коммерческая деятельность эмигрантских учебно-научных заведений.

Среди эмигрантов были ученые, заслужившие мировую известность: авиационный конструктор И.И. Сикорский, разработчик телевизионных систем В.К. Зворыкин, химик В.Н. Игнатьев. Согласно данным анкетирования 1931 г. в эмиграции находились около 500 ученых, в том числе 150 профессоров. Успешно работали научные институты в Белграде и Берлине. Русские академические группы имелись почти во всех крупных столицах, из которых парижская и пражская имели право присуждения ученых степеней.

Российские эмигранты оказали огромное влияние на развитие мировой культуры. Писатели И.А. Бунин и В.В. Набоков, композитор С.В. Рахманинов, певец Ф.И. Шаляпин, балерина А.П. Павлова, художники В.В. Кандинский и М.З. Шагал – это маленькая толика перечня русских мастеров искусств, работавших за рубежом.

На общественных началах было создано 30 эмигрантских музеев.

Из архивохранилищ наибольшую известность приобрел *Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА)*. Он был образован в феврале 1923 г. и до 1924 г. назывался архивом русской эмиграции. Архив провел регистрацию всех военных, политических и культурных организаций, находящихся в эмиграции. В эти организации были направлены информационные сообщения об образовании архива с просьбами о передаче на хранение их материалов. До конца 30-х гг. в архив передали свои документы сотни русских организаций и деятелей эмиграции. В 1939 г., после оккупации Чехословакии Германией, архив оказался под контролем МВД фашистского рейха. После окончания Второй мировой войны по требованию советского правительства архив был передан СССР. 650 ящиков материалов российской эмиграции 20–40-х гг. были перевезены в Москву. Решением НКВД СССР доступ к документам был строго ограничен. И только весной 1987 г. документы организаций и деятелей эмиграции начали рассекречивать, сделав основой источниковой базы для изучения истории российского зарубежья нынешним поколением историков.

К специфическим чертам российской эмиграции как особого социально-культурного феномена следует отнести устойчивую преемственную связь всех волн по сохранению и развитию национальной культуры, а также открытость к культурам стран проживания и свободное взаимодействие с ними. В совокупности своей они обусловили приверженность эмигрантов к корням, оставленным в России, их ощущение себя органической частью национальной культуры и, следовательно, взаимодействие регионов расселения, давшее возможность не утратить духовно-культурную целостность. Все это происходило в условиях культурной интеграции, представлявшей собой сложный процесс перехода от «культурного шока» с его элементами враждебности, изоляции и дезорганизации, к ситуации, когда элементы собственной и чужой культуры, контактируя и проходя через конфликты между разными культурными стереотипами, стали сливаться.

Лекция 28

РОССИЙСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ЭМИГРАЦИИ

Успешная интеграция эмигрантов из России в европейское общество была невозможна без глубокого вхождения российского предпринимательства в национальные экономики государств, предоставивших убежище российским колониям. Предприниматели как наиболее социально активная часть общества, обладающая к тому же специальными навыками и определенными денежными средствами, одними из первых начали процесс адаптации к новым условиям жизни на чужбине. Очень часто именно через призму русского бизнеса европейское общество воспринимало российскую эмиграцию; именно бизнес стоял у истоков возникновения «русской моды» в Европе 1920-х гг., и во многом именно российскому предпринимательству в эмиграции суждено было стать той цементирующей силой, которая связывала разрозненные группы беженцев в единое национальное сообщество вне пределов родины.

Значение предпринимательской деятельности для приспособления беженцев к жизни на чужбине особенно ярко видна на примере Константинополя, столицы поверженной Османской империи, и Парижа, столицы державы-победительницы.

Материальное положение российских беженцев в *Константинополе* было катастрофичным. Перенаселенность города, достигшая с прибытием эмигрантов из России невероятных масштабов, обострила все его социально-экономические проблемы. Нехватка жилья, безработица, инфляция, резкое социальное расслоение и нищета – вот типичные приметы Константинополя начала 1920-х гг. Для большинства беженцев поиск средств существования стал основной задачей в этот драматический период. И если определенная часть эмигрантов предпочла положиться в этом вопросе на помощь благотворительных организаций и западных правительств, снабжавших беженские лагеря скудными продовольственными пайками, то наиболее социально активная часть беженцев предприняла попытку организовать собственное дело. Как правило, подобные начинания не приносили организаторам ощутимого достатка. Однако значение российской коммерции в Турции начала 1920-х гг. для выживания многих сотен и тысяч соотечественников трудно переоценить.

Группы беженцев из 3–4 человек, в прошлом адвокатов, купцов, врачей, чиновников, складывали капитал в 100–200 турецких лир и открывали коммер-

ческое предприятие – комиссионный, мясной или книжный магазин, ресторан или дешевую закусочную. Именно в этот период в Константинополе возникло такое явление, как российское предпринимательство. Малый бизнес предоставлял российским беженцам возможность заработать себе на жизнь даже в условиях резко обострившейся социально-экономической ситуации в самой Турции.

Родоначальницей русских комиссионных магазинов можно считать первую «Выставку и распродажу вещей русских беженцев», открытую в здании русского посольства и носившую название «Exposition de Russe». Выставка начала работу в апреле 1920 г. Официально цель декларировалась благая: во-первых, познакомить иностранцев с богатствами материальной русской культуры; во-вторых, продать выставленные вещи по наиболее выгодной цене, минуя спекулянтов. Помещение для выставки было предоставлено за символический процент, отчисляемый в пользу Красного Креста.

Успех выставки-распродажи был колоссальным. В первый же день выручка достигла 8 тыс. турецких лир. За все время существования выставки (около 1,5 мес.) было продано вещей на сумму 200 тыс. лир. Считая, что вещи продавались по минимальной цене, в 5–10 раз ниже их действительной стоимости, можно судить о масштабах богатства, вывезенного из России.

Но истинный Клондайк был открыт русскими совсем в другом деле – игорном бизнесе. Началось все с одной частной лотереи на окраине Константинополя. Предприятие оказалось столь успешным, что в течение следующего года по всему городу возникло несколько десятков заведений, где шли азартные игры.

Страсти вокруг русских игорных домов накалились в Константинополе до такого предела, что турецкие женщины подали петицию в городской муниципалитет. Рассерженные дамы писали: «Наши мужья стали неузнаваемыми: с раннего вечера стремятся покинуть семью и бежать в ненавистные игорные дома, точно муравьи, облепившие улицы. Только к рассвету возвращаются они без денег и без стыда. С семьями порвано. Патриархальный быт, созданный велениями Корана и державшийся тысячелетия, рухнул окончательно для многих наших мужей. Пощадите турецкую женщину. Возвратите ей мужа!»

Веления Корана в Турции соблюдались свято, и русские лото по распоряжению константинопольских властей закрылись. Но так просто победить русскую изобретательность было невозможно. Буквально через несколько дней после закрытия игорные заведения воскресли под новыми названиями, продолжая выкачивать деньги из легковверных мусульман.

На другом «нравственном полюсе» русской колонии в Константинополе находились открытые беженцами библиотеки. Интерес к русской книге в эмиграции пережил невиданный расцвет. Во всех «столицах беженского рассеяния» во множестве возникали издательства, книжные магазины, склады и библиотеки. Тоска по родине, не отпускавшая русских людей ни на мгновение, породила этот невиданный в истории книгоиздательского дела спрос. В Константинополе открылись русские библиотеки «Культура», Л.З. Бабока, «Книжное дело», «Знание» и множество других, не считая клубных и церковных, которые заказывали из книгоиздательств Парижа и Берлина огромное количество литературы – как классической, так и современной. Один чиновник на турецкой таможне искренне удивлялся: «Как могут русские все это прочесть? Помилуйте, вся Турция не получает столько книг в год, сколько получает один русский книжный магазин в месяц!»

Вместе с тем основу российского предпринимательства в Турции составляли более простые и незамысловатые его формы: изготовление на продажу сувениров и предметов домашнего обихода, торговля в разнос, импровизированные столовые, где за минимальную цену можно было получить тарелку щей или каши, и т. п.

Во *Франции* правовое положение российских фирм как юридических лиц было сложным. Проблема доказательства своих прав на имущество и капиталы, принадлежавшие российским акционерным обществам и находившиеся за границей, встала перед их правлениями уже в 1917 г., когда начали поступать первые отказы иностранных партнеров под разными предлогами выполнять свои обязательства. В 1918 г., после декрета советской власти о национализации акционерных обществ, практика невозврата средств российских фирм западными банками стала обычным явлением. Предлоги назывались самые различные, но в качестве главного фигурировал довод, что полномочия членов правлений русских акционерных обществ, которым удалось эмигрировать из России, не подтверждены общими собраниями акционеров, а посему и сами правления юридически неправомочны.

За несколько дней до признания советского правительства Францией (22 октября 1924 г.) по распоряжению президента сенского трибунала был назначен временный администратор «над всеми имуществами, правами и интересами, описанными или управляемыми русской ликвидационной комиссией (*Commission de Liquidation Russe*) или теми, о коих она имеет сведения, а также всеми прочими бесхозяйными имуществами того же происхождения и свойства, с наиболее широкими правами для того, чтобы обеспечить охрану или управление означенными имуществами». Вслед за этим в начале декабря 1924 г. по распоряжению французского правительства президентом Гражданского трибунала департамента Сены через прокурора республики при этом трибунале был наложен секвестр на имущество российских акционерных обществ во Франции. Было заявлено, что названные общества, в особенности русские банки, подчиненные в России советскому законодательству, имели во Франции отделения, правовое положение которых в тот момент времени оставалось неопределенным и вынуждало французские власти принимать меры по охране принадлежавшего им имущества, для временного управления которым было назначено специальное ответственное лицо – представитель Франции при русско-французском третейском суде Жодон. В связи с этим событием возникла правовая полемика, в которой противники секвестра указывали на то, что распоряжение французского правительства последовало без согласования с кредиторами и акционерами российских банков, среди которых были и французские граждане. С другой стороны, защитники секвестра ссылались на временный характер правительственного распоряжения, на неопределенность юридического статуса отделений российских акционерных обществ в эмиграции, когда самих обществ уже не существовало. В результате жалоб, поданных отделениями нескольких русских банков, действовавших во Франции (Международного, Русско-Азиатского и Русского для внешней торговли банков), секвестр с их имущества и капиталов был снят.

Однако наибольшего коммерческого успеха во Франции удалось добиться малому и среднему российскому бизнесу. В эмиграции ему удалось развить активную деятельность на западноевропейском рынке. В условиях острой кон-

курении в сфере товарного производства на Западе накануне мирового экономического кризиса, при резком противодействии внедрению «чужаков» русские эмигранты сумели отвоевать значительные рыночные ниши у национальных товаропроизводителей и создать свои собственные. Подобным рыночным завоеванием и несомненным успехом российского предпринимательства в эмиграции явилось издательское дело. Значение русскоязычной печати для интеграции беженцев в чужую для них социокультурную среду имело едва ли не первостепенное значение среди прочих факторов, влиявших на их вхождение в новое, зачастую враждебное общество. Русские газеты, ориентированные на эмиграцию, становились для нее источником информации не только о событиях в России и во всем остальном мире, но и своеобразным пособием по бытовым, правовым, экономическим вопросам повседневной жизни. Количество периодических изданий на русском языке во Франции увеличивалось с каждым годом. В 1920 г. издавалось 10 газет и журналов, в 1922 г. – 29, в 1926 – 34, к 1928 г. их общее количество достигло 52. Русскоязычная печать стала важнейшим инструментом сохранения русской культуры и национальной традиции, связующим элементом между десятками тысяч соотечественников на чужбине, дававшим возможность сохранить чувство принадлежности к общности, называемой русским народом.

Годом расцвета для русскоязычного издательского дела явился 1923 г. В Париже активно действовали издательства «Русский экономист», «Русское издательство», «Медный всадник», «Франко-русская печать» и ряд других, печатавших книги, относившиеся к самым разнообразным отраслям знания. Так, книжным магазином и складом «A la joie du bibliophile» предлагались произведения В.О. Ключевского, В.Г. Белинского, Шекспира, Н.А. Добролюбова, Н.С. Гумилева и других. «Русское издательство» специализировалось на образовательной и специальной литературе, издав, в частности, «Справочник шофера», пособие «Строительное искусство», «Автомобиль и трактор», «Практическая электротехника», периодический журнал «Экономический вестник». «Франко-русская печать» выпустила в свет в 1923–1924 гг. «Курс русской грамматики», «Курс арифметики», «Правописание и экспериментальная психология» и ряд других учебных пособий. Хорошо прослеживается тематическая направленность изданий. С одной стороны, они были ориентированы на беженцев, которые нуждались в приобретении прикладных специальностей, позволявших получить работу на французском рынке труда. Одновременно был очевиден спрос на общеобразовательную и художественную литературу, что подтверждает тезис о стремлении российской эмиграции сохранить свой культурный и интеллектуальный потенциал.

Издательская деятельность эмигрантских фирм приобретала все больший размах, становясь, с одной стороны, высокодоходным бизнесом, а с другой – весомым фактором сохранения русской культуры за пределами родины. Начиная с 1920 г. в эмигрантских изданиях рекламные публикации о выходе в свет произведений российских авторов, о переиздании русской классики, открытии и деятельности новых типографий приобрели периодический характер. Так, в мае 1920 г. «Русское книгоиздательство» в Париже осуществило издание «Двенадцати» А. Блока, монографии Гончарова и Ларионова «Декоративное искусство в новом театре», романа П. Мериме «Графиня Диана Марсель Прево», «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Тараса Бульбы» и «Ревизора» Н.В. Гоголя, рассказов Э. Золя и Л.Н. Толстого и других произведений. В июне 1920 г.

«Последние новости» опубликовали рекламное объявление о начале подписки на «Русскую газету».

Особенно успешной в первой половине 1920-х гг. являлась частная медицинская практика российских врачей. Большое количество квалифицированного среднего медицинского персонала и врачей среди гражданских беженцев (около 4% их общего числа), с одной стороны, и острая потребность российской эмиграции в русскоязычном медицинском обслуживании – с другой, обусловили взаимный интерес врачей и пациентов. В мае 1920 г. в Париже открылись русская клиника на 40 коек, предоставлявшая помощь в области акушерства и хирургии, частная русская «Аптека Гамбурга». В августе 1920 г. медицинская помощь на некоторый промежуток времени стала преобладающим видом услуг в том секторе рынка, который был занят российским предпринимательством. В одном из номеров парижских «Последних новостей» 8 из 19 рекламных объявлений были посвящены именно частной врачебной практике.

В определенный момент времени тема зарабатывания денег стала очень популярной и начала активно обсуждаться русской эмиграцией во Франции. Значительную ее часть составляли бывшие коммерсанты средней руки, заработавшие некоторые деньги в предвоенные и военные годы в России, но в эмиграции оказавшиеся «...с горами аспирина, акциями банков-однодневок, паями самых экзотических компаний, но только не с тем, что было единственно нужно, – валютой, чужой разменной монетой, средством для спокойной походки на “том берегу”». Очень скоро, уже к концу 1921 г., эта относительно благополучная часть беженства проела то немного, что удалось привезти с собой из России, и пополнила собой, с одной стороны, люмпенизированные слои русской эмиграции, а с другой – класс малых и средних предпринимателей, сумевших реализовать накопленный на родине опыт и создать небольшие фирмы во Франции. Своего рода символом этого периода стал образ русского графа, который до рассвета доил коров на своей ферме под Парижем, разводил свиней и завтракал за одним столом со своими рабочими.

Представляют интерес данные о структуре и пропорциональных соотношениях отраслей малого предпринимательства, осваивавшихся русскими беженцами в начале 1920-х гг. Так, в отчете кредитного общества «Credit au Travail», ориентированном на выдачу ссуд российским беженцам, содержались следующие данные: на организацию сельскохозяйственных предприятий (обработку земли, птицеводство, молочное хозяйство) за два месяца 1921 г. было выдано 8 ссуд на общую сумму 60 тыс. франков; на механические мастерские и фабрики – 9 ссуд на сумму 70,5 тыс. фр., на пансионы и рестораны – 5 ссуд на 44 тыс. фр., на торговые предприятия – 6 ссуд в сумме 64 тыс., на литературно-художественные предприятия – 10 ссуд в сумме 23 тыс. фр., по одной ссуде получили беженцы, планировавшие открыть кинематографическое дело и заняться частным извозом. Работу получили 225 семей, из них в сельском хозяйстве – 135.

Приведенная статистика дает представление о нишах французского рынка, где успехи русских эмигрантов в области частного предпринимательства были наиболее заметны. Бурное развитие русского издательского дела в начале 1920-х гг., тяготение части русских эмигрантов к техническим видам деятельности и стремление многих из них к сельскохозяйственному производству, как наиболее верному и знакомому делу, нашли свое отражение в структуре выдававшихся ссуд и кредитов.

Существовал еще один важный фактор, который обусловил рост интереса российских эмигрантов к сельскохозяйственному производству. Миграция населения из сельской местности в середине 1920-х гг. стала настоящим бедствием для французской экономики. Даже более напряженный ритм работы в городе не мог остановить отток работников из фермерских хозяйств. Кроме того, во время войны погибли около полутора миллионов французов, 1800 тыс. стали инвалидами. Две трети из их числа были крестьянами. Играло свою роль и общее падение рождаемости в сельских семьях, рост культурных запросов французов. Газеты того периода в большом количестве публиковали объявления о сдаче в аренду ферм в сельскохозяйственных областях Франции. Снижались и размеры арендных платежей: за эксплуатацию участка земли площадью 4–6 га с домом, но без орудий труда, его хозяева в 1926 г. назначали арендную плату в 1000 фр. в год. Такая ситуация вызвала приток в страну мигрантов из других стран, в частности Италии и Бельгии. Особую активность в колонизации французских земель проявляли именно итальянские семьи. Их вниманием пользовались, главным образом, земли на юго-западе страны. Заселение и производственное освоение пустовавших ферм поощрялось и поддерживалось французским правительством. Так, для проезда переселенцев, направлявшихся на сельские работы, были введены льготные железнодорожные тарифы. Другими словами, сельскохозяйственное производство во Франции стало в середине 1920-х гг. объектом правительственного протекционизма.

Фермерские хозяйства русских эмигрантов во Франции действительно часто оказывались рентабельными, не только давая средства к существованию, но и становясь высокодоходным делом. Таким примером стали русские цветочные хозяйства, ориентированные на снабжение огромного французского парфюмерного и цветочного рынка. Сбыт готовой продукции был практически неограниченным: многочисленные перекупщики, цветочные аукционы, рынки и магазины покупали цветы быстро и за наличные деньги. Сохранились сведения о русском моряке, который возделал участок скалистой местности для выращивания роз и жасмина для последующего производства духов. В результате ценность его участка земли за 3 года увеличилась в 10 раз.

Однако пример этот являлся скорее исключением из правил. Типичное фермерское хозяйство русских беженцев представляло собой участок земли площадью 4–6 га, третья часть которого отводилась под луг для выпаса скота, остальное предназначалось для пашни и небольшого огорода. В ноябре обычно высевалась рожь, урожай снимался в июле. В августе проводился посев клевера, весной – картофеля. Доход такой фермы, включая торговлю молоком, составлял около 12 тыс. фр. в год. В пересчете на каждого члена семьи, состоявшей из 3–4 человек, получалось, что дневной заработок работника был равен 6–9 фр. По этой причине молодые люди из эмигрантской среды стремились найти работу в городе, где заработок был на порядок выше. На земле оставались, как правило, семейные казаки с богатым опытом сельскохозяйственных работ, которым было сложно адаптироваться к образу жизни промышленного рабочего.

Тенденции развития малого российского бизнеса во Франции были общими для всей Европы. Ориентация русских беженцев на развитие бизнеса в сфере торговли и обслуживания повлекла появление во французских городах множества учреждений и фирм, обладавших особым «русским» колоритом, вызывавшим в 1923–1925 гг. удивление и остроту коренных жителей. Парижские «Послед-

ние новости» публиковали описание «наиболее блестящей» улицы Берлина – Унтер дер Линден, которая была «увешана русскими вывесками «Ресторан», «Книжный магазин», «Банк», «Магазин мод». Такую же картину представляли и парижские улицы. Впрочем, никого не вводила в заблуждение показная роскошь русских фирм. Основную массу беженцев постепенно охватывал процесс пролетаризации. Офицеры работали грузчиками и открывали мастерские, «дамы из общества» работали официантками, нередко зарабатывали на жизнь проституцией. «...Пускали пыль в глаза сотни. Трудились и работали десятки тысяч. Много спекулянтов строили свое благополучие на биржевой игре...» Наряду со спекулянтами «шиковали элементы, причастные к советскому пирогу, или остаткам золотого фонда бывшей Российской империи». Приметой времени во Франции являлись эпманы, приезжавшие из Москвы и «мыслящие только в долларах».

Подавляющее большинство российских эмигрантов в Европе (и во Франции, в частности) фактически вели борьбу за существование – часто, впрочем, весьма успешно. Они активно проводили экспортно-импортные торговые операции, умело играя на изменении курсов европейских валют; завязывали экономические связи с соседними и отдаленными государствами. Значительное количество русских находили работу в банках, фирмах, ресторанах российского происхождения.

Сфера общественного питания в середине 1920-х гг. являлась профилирующей областью русского бизнеса во Франции с одновременной активизацией всех прочих его отраслей. В апреле 1924 г. рекламный раздел парижских «Последних новостей» содержал уже 154 объявления, 18 из которых были посвящены скупке драгоценностей; 32 – частной медицинской практике, 7 – юридическим услугам, 8 – издательскому делу, 6 – концертной деятельности, 14 – рекламе учреждений общественного питания (ресторанам, столовым и пр.). В названиях российских коммерческих структур преобладание русской национальной символики и колорита стало окончательным, вытеснив французские и английские, на которые делался акцент в 1921–1922 гг. В Париже 1924 г. были популярны рестораны «Русь», «Волга», «Хлеб-соль», «Москва», «Русский уголок», «Тройка», «Ванька-Танька», «Золотая рыбка». Русский ресторан «Primrose», чтобы не отстать от тенденции и привлечь посетителей, вынужден был в рекламном объявлении делать приписку: «как в старой Москве».

К середине 1920-х гг. в Париже насчитывалось более 120 русских ресторанов самых разных ценовых категорий: от очень дорогих ночных кабаре на Монмартре, рассчитанных на богатую иностранную клиентуру, до дешевых столовых, ориентированных на французский пролетариат и русскую эмиграцию. Русское ресторанное дело давало средства к существованию в общей сложности более 6000 российских беженцев, работавшим в сфере обслуживания, занимавшимся продовольственными поставками, артистической деятельностью и т. д.

Наиболее распространенной сферой деятельности эмигрантов разных национальностей в Париже являлась уличная розничная торговля. Организация этого дела не требовала значительных капиталовложений. Патент на торговлю стоил в 1926 г. около 280 фр. в год. Помимо этого торговец должен был заключить соглашение с владельцем какого-либо кафе и арендовать у него столик, с которого и вести торговлю. Заниматься торговлей вразнос французским законом было запрещено. Очень часто у русских беженцев, пытавшихся начать свое

дело, не хватало денег на аренду лотка и они вынуждены были нарушать установленный порядок. В этом случае они часто становились добычей особых агентов полиции, одетых в штатское и призванных следить за соблюдением правил уличной торговли в Париже. В том случае, если им удавалось поймать торговца «с поличным», последнему грозило заключение в полицейском участке на одни сутки и конфискация товара.

Постепенно продолжал возрастать удельный вес оптовых фирм в структуре русского рынка Франции. Товарищество чайной торговли «П.М. Кузьмичев с сыновьями», оптовая фирма по торговле сахаром и кофе «Василий Перлов с сыновьями» проводили в середине 1920-х гг. агрессивную рекламную политику, прорываясь на продовольственные рынки Парижа.

Таким образом, российскому предпринимательству суждено было стать одним из существенных факторов, способствовавших организационному оформлению российских беженских колоний и их интеграции в европейское общество. Как правило, русские эмигранты, приходившие к решению начать предпринимательскую деятельность, объединялись в небольшие коллективы – создавали артели, открывали цеха и т. п. Возникавшие в результате объединительные тенденции тормозили процесс распыления эмиграции, способствовали ее консолидации на наиболее здоровой основе – экономической.

Белика роль российского предпринимательства и с точки зрения создания условий для социальной реабилитации эмигрантов, их интеграции в общественную жизнь и экономику стран пребывания. Открытие собственного дела или освоение фермерского хозяйства русскими эмигрантами, хотели они того или нет, фактически означало прощание с мечтой о возвращении на родину. С этого момента ассимиляция беженцев начинала идти ускоренным темпом, поскольку любой бизнес так или иначе является интеграцией в экономику с неизбежным расширением круга общения, установлением новых связей, контактами с органами государственного управления и т. п., в отличие от промышленных рабочих в городах, которые после многолетнего пребывания в эмиграции могли так и не научиться говорить по-французски.

С другой стороны, российское малое предпринимательство способствовало сохранению культурных и национальных традиций значительной части русского народа, волею судьбы оказавшейся на чужбине. Ежедневная работа в русском коллективе среди соотечественников, с привычными методами труда и управления неизбежно становилась связующим фактором, защищая образ мышления русских беженцев от трансформации под влиянием внешней среды.

Российский эмигрантский бизнес в Европе не был явлением изолированным. Так, деятельность российских издательских фирм в Германии была самым тесным образом связана с политикой советского государства в области книгопечатания. Именно заказы, ориентированные на удовлетворение потребностей Советской России, создали экономическую основу, на которой смогли развить свою деятельность большинство русских издательств в Германии. Экспортная составляющая в доходах российских фирм позволяла им выдерживать конкуренцию более стабильных в экономическом смысле немецких компаний.

Экономическое положение российских фирм в Европе было тесно связано с процессами, происходившими в национальных экономиках. Послевоенный кризис, резкое падение некоторых национальных валют, дефляция в Германии,

повышение стоимости жизни – все эти этапы так или иначе оказывали серьезное воздействие на русскую предпринимательскую деятельность.

Несомненно и благотворное воздействие российского предпринимательства на экономическую жизнь европейских государств. Вливание российского финансового, интеллектуального и людского капиталов в экономику способствовало восстановительным тенденциям и преодолению последствий мирового экономического кризиса.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

К РАЗДЕЛУ VII

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Политическая история русской эмиграции, 1920–1940 гг. Документы и материалы. М., 1999.
- Русская военная эмиграция 20 – 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание, 1920–1922 гг. Кн. 1. Исход; Кн. 2. На чужбине. М., 1998.
- Куприн А.И.* Голос оттуда, 1919 – 1934. М., 1999.
- Белое дело. Избранные произведения: в 16 кн. Кн. 12. Казачий исход. М., 2003.
- Белое дело. Избранные произведения: в 16 кн. Кн. 13. Константинополь – Галлиполи. М., 2003.
- Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. I. Россия в Германии; Т. II. Россия во Франции. М., 2001.
- Одоевцева И.* На берегах Сены // Одоевцева И. Избранное. М., 1998.
- Савич Н.В.* После исхода. Парижский дневник, 1921–1923 гг. М., 2008.

Литература

- Антропов О.О.* Астраханское казачество. На переломе эпох. М., 2008.
- Ипполитов Г.* Деникин. М., 2006.
- Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004.
- Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции. Колчаковское золото, 1918–1957. М., 2008.
- Кузнецов Н.А.* Русский флот на чужбине. М., 2009.
- Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.
- Русские без Отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. М., 2000.
- Стефан Д.* Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции, 1925–1945. М., 1992.
- Щацлло М.К.* Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции, 1917 – начало 1920-х годов. М., 2008.

Электронные ресурсы

www.nivestnik.ru – журнал «Новый исторический вестник»

- Матин Н.* Воспоминания о службе в Иностранном легионе в Алжире, Тунисе и Сирии // Новый исторический вестник. 2000. № 2 (2).
- Бельчик Ю.В. В.И. Юркевич: корабли и страны* // Новый исторический вестник. 2006. № 1 (14).
- Евсеева Е.Н.* Русский народный университет в Праге (1923 – 1933) // Новый исторический вестник. 2001 № 1 (3).
- Евсеева Е.Н.* Эмигрантская и советская высшая школа 20-х гг. (опыт сравнительной характеристики) // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3).
- Егоров Н.Д.* Разведка Красной армии против белой эмиграции (20-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3).
- Зимица В.Д.* Дети русской эмиграции. Выживание ради самосохранения России // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11).
- Зимица В.Д.* Интеллигенция российского зарубежья 1920–30-х гг.: новые споры о старом // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3).
- Иоффе Г.* Революционер. Жизнь и смерть Бориса Савинкова // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19) – 4 (22).
- Можяева Л.А.* Мать Мария (1891–1945) // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5).
- Можяева Л.А.* Русское студенческое христианское движение (1921–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001 № 1 (3).
- Найдис С.М. И.И. Петрункевич: в России и в эмиграции* // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9).
- Новиков А.П. В.М. Чернов и эсеровская эмиграция в начале 1920-х гг.* // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19).
- Писаревская Я.Л.* Две России в Маньчжурии. Социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.) // Новый исторический вестник. 2000. № 2 (2).
- Попов А.В.* Русская православная церковь за границей: образование и раскол (1920–1934 гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 1 (12).
- Сергеев В.П.* Численность и экономическое положение русских в Эстонской республике в 1920 – начале 30-х гг. // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3).
- Широкова Е.А.* Генерал А.А. фон Лампе и его дневник. Взгляд на военную эмиграцию // Новый исторический вестник. 2000. № 2 (2).
- Березовая Л.Г.* Культура русской эмиграции (1920 – 30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5).
- Голотик С.И., Карпенко С.В., Мироненко С.В.* Приложения и задания к лекции «Российская эмиграция 1920–30-х гг.» // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Почему российскую эмиграцию часто называли Россней № 2?
2. Какие политические течения существовали в среде российской эмиграции?
3. Какую значение для эмиграции имело сохранение Русской армии?

4. Какие виды предпринимательской деятельности российских эмигрантов получили наибольшее распространение в Турции в начале 1920-х гг.?

5. Охарактеризуйте правовые проблемы, с которыми сталкивались российские фирмы при восстановлении своей деятельности во Франции.

6. По каким направлениям шло развитие российского бизнеса во Франции и почему?

7. Какую роль сыграло предпринимательство в процессе адаптации эмигрантов на чужбине?

8. Перечислите национальные особенности российского предпринимательства в эмиграции. Назовите причины появления таких особенностей. Приведите примеры.

9. Каким образом сказывалась общеэкономическая ситуация в послевоенной Европе на деятельности российского бизнеса? В чем заключалось их взаимовлияние?

Раздел VIII

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Лекция 29

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В 1939 – ИЮНЕ 1941 гг.

В ситуации неотвратимости угрозы войны главной задачей внешней политики СССР должно было стать обеспечение наиболее выгодного соотношения сил для борьбы с противником. Лучшим средством для этого было бы заключение возможно более мощного по составу военного союза, с одной стороны, и внешнеполитическая изоляция противника – с другой. Вторая задача внешней политики – создание выгодных условий и времени вступления в войну. Гипотетически это означало ситуацию, когда страна и ее вооруженные силы наиболее готовы к началу войны, отношения с потенциальными союзниками оформлены в виде конкретных военных договоров и согласованных планов совместных действий, противник максимально ослаблен или не готов к началу войны. И третья, не менее важная задача – обеспечение выгодного стратегического положения для собственных вооруженных сил, в котором они способны максимально эффективно выполнять задачи или обороны, или же решительных наступательных действий.

Важно понять, насколько успешно советская внешняя политика, действия политического руководства СССР смогли решить эти задачи.

Отношения СССР с потенциальными союзниками в борьбе против Германии определялись заключением *советско-германского договора о ненападении 1939 г.* и начавшейся вскоре войной в Европе. *23 августа* И.В. Сталин и В.М. Молотов, практически единолично решавшие в тот период вопросы внешней политики, сделали выбор в пользу Германии. Советское руководство предпочло конкретные выгоды, которые давал пакт, довольно неопределенным перспективам возможного англо-франко-советского военного союза.

1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу. Началась *Вторая мировая война*, самая страшная и разрушительная война в истории человечества.

Поворот советской политики от возможного союза с Англией и Францией к сотрудничеству с Германией происходил весьма осторожно. Объяснялось это как внезапностью германской инициативы, так и масштабностью сделанных предложений. На протяжении сентября – октября 1939 г. советская дипломатия действовала постепенно. С одной стороны, Москва не торопилась захватить ту часть Польши, что отходила в «сферу интересов» СССР согласно секретному протоколу к пакту 23 августа. Только *17 сентября* после многократных и настойчивых пожеланий германской стороны Красная армия получила приказ перейти польскую границу и двинуться навстречу вермахту, уже вышедшему к линии разграничения «сфер германских и советских интересов в Польше». С другой стороны, советское руководство всячески пыталось успокоить Англию и Францию, опасавшихся возможных союзнических отношений СССР и Германии. В целом советской дипломатии это удалось. Одновременно с вторжением на польскую территорию, объявленную «освободительным походом Красной армии в Западную Белоруссию и Западную Украину», Москва сделала заявление о нейтралитете Советского Союза в начавшейся войне. По сути, однако, СССР вступил во Вторую мировую войну. Вступил как союзник Германии и оставался таковым до вероломного нападения Германии 22 июня 1941 г.

Тем не менее английская и французская дипломатия с готовностью приняла эту позицию Москвы. Английские политики пришли к выводу, что СССР совершил вторжение в Польшу «в целях сдерживания немцев». И уже в октябре 1939 г. в правительственных кругах Англии вполне серьезно обсуждался вопрос о возможности заключения торгового договора с СССР. Довольно спокойно союзники восприняли и появление частей Красной армии в Эстонии, Латвии и Литве, куда они были введены после заключения этими государствами *пактов о взаимопомощи с СССР в сентябре – октябре 1939 г.*

Безусловно, эта «умиротворяющая» позиция западных держав не могла не подтолкнуть советское руководство к дальнейшей экспансии в Восточной Европе. Осознав, что нейтралитет СССР в условиях разгоравшейся войны в Европе жизненно важен Англии и Франции, Сталин начал действовать более решительно. В позиции западных держав заработал по сути тот же механизм, что и в отношении германской экспансии в конце 1930-х гг. – боязнь развязывания войны связала руки активной дипломатии.

Своеобразный внешнеполитический Рубикон советское руководство перешло *28 сентября 1939 г.*, заключив с Германией новый договор – «*о дружбе и границах*». Дело было не в установлении общей государственной границы, что являлось скорее вопросом техническим, и не в «обмене» территориями, после чего Литва вошла в «сферу интересов» СССР. Советское руководство, отбросив колебания в выборе, открыто сделало ставку на Германию, прямо заявив о «дальнейшем развитии дружественных отношений между своими народами».

С этого момента начинается углублявшееся вплоть до весны 1941 г. сотрудничество Советского Союза с Германией в различных сферах.

Важнейшим для обеих сторон стало *экономическое сотрудничество*.

Первый шаг в его развитии был сделан еще накануне подписания пакта о неападении – 19 августа 1939 г., когда было заключено кредитное соглашение на общую сумму 380 млн марок. В обмен на поставки в Германию нефти, хлопка, зерна, фосфатов и другого сырья СССР получал броню, станки, оптические при-

боры. Подписание договора «о дружбе и границе» дало новый толчок взаимовыгодной торговле. Обе стороны постарались извлечь максимальную выгоду.

При подготовке нового соглашения в октябре 1939 г. германская делегация во главе с К. Шнурре рассчитывала приобрести стратегическое сырье на сумму 1,5 млрд марок, предлагая промышленные товары на сумму 1 млрд марок. Но встречное предложение делегации А. Микояна повергло немцев в изумление: «Советы» хотели получить товаров на ту же сумму и, главное, почти одно оружие! Перечень заказа включал широчайший спектр: от дальномеров до тяжелых крейсеров, от биноклей до танков, от прицелов до образцов всех (!) немецких самолетов. Советские руководители, осознав, что Германия чрезвычайно заинтересована в получении стратегического сырья в преддверии начала наступления на Западе, просто «повышали ставки». Однако список советских требований был слишком велик даже в этих условиях. Итог заключенного *11 февраля 1940 г.* в Москве *хозяйственного соглашения между Германией и СССР* оказался более скромным для обеих сторон. СССР должен был поставить в Германию сырья на 800 млн марок, в том числе 900 тыс. т нефти, 500 тыс. т железной руды, 100 тыс. т хромовой руды и тысячи тонн цветных металлов. В стоимость советских поставок также был включен транзит стратегических материалов в Германию из Ирана, Афганистана и других стран. В свою очередь Советских Союз получал из Германии товаров и услуг на сумму 600 млн марок. В число поставок входили образцы вооружений и военной техники, в том числе бронетехника, самолеты и недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов».

Значительной оказалась и советская помощь германским военно-морским силам. В октябре 1939 г. правительство СССР предложило германскому командованию создать военно-морскую базу на Кольском полуострове, в 35 милях от Мурманска. Эта база получила название «Базис норд». Она использовалась немецкими кораблями и подводными лодками для ремонта и дозаправки так же, как и другие советские порты.

Однако этим советско-германское сотрудничество не исчерпывалось. Летом – осенью 1940 г. советские ледоколы «Ленин», «Сталин» и «Каганович» провели Северным морским путем в Тихий океан германский рейдер «Комет», замаскированный под торговый корабль. Выйдя в Тихий, а затем и Индийский океан, он начал топить торговые корабли англичан.

Опираясь на поддержку Германии, советское руководство приступило к решению финского вопроса. Первоначально оно намеревалось использовать ту же модель решения проблемы, что и со странами Балтии. Но неуступчивость финской стороны, не соглашавшейся предоставить базы для размещения подразделений Красной армии, поставила Советский Союз перед необходимостью применения силы.

Полагаясь на подавляющее превосходство своих вооруженных сил над малочисленной финской армией и невмешательство западных держав, Сталин начал *войну против Финляндии. 30 ноября 1939 г.* части Красной армии начинают боевые действия на финской границе. На следующий день в г. Терийоки (ныне г. Зеленогорск) было провозглашено «народное правительство Финляндской демократической республики» во главе с известным деятелем Коминтерна Отто Куусиненом. СССР немедленно признал это правительство и заключил с ним договор о взаимопомощи и дружбе.

Однако расчеты большевистских политиков на этот раз не оправдались. Попытка создания марионеточного правительства в Терийоки вызвала резко негативную реакцию мирового сообщества. Не получилось и блицкрига: военные действия приобрели затяжной и кровопролитный характер. К концу декабря возникла реальная угроза вмешательства в конфликт европейских держав, прежде всего Англии и Франции. И все же в феврале 1940 г. Красной армии удалось добиться решающих успехов на фронте, и война завершилась заключением мирного договора *12 марта 1940 г.* Советский Союз получил часть финской территории на Карельском перешейке, на Кольском полуострове, финны сдали в аренду полуостров Ханко (бывший Гангут).

Наиболее важным результатом этой войны считалось то, что удалось отодвинуть границу от Ленинграда, но не меньшее значение имела аренда военноморской базы на Ханко. Вместе с базами на территории Эстонии и Моонзундского архипелага удалось восстановить существовавшую еще в начале века систему обороны устья Финского залива, что закрывало противнику путь к Ленинграду с моря.

Собственно военный итог оказался не в пользу Красной армии: она понесла тяжелейшие потери, которые никто не мог предположить. Потери воюющих сторон в советско-финляндской войне 1939 – 1940 гг. составили:

Потери		СССР	Финляндия
Личный состав	убитые и умершие	87 506	21 396
	пропавшие без вести	39 369	1434
	пленные	5567	847
	раненые, больные	264 908	43 557
Техника и вооружение	танки	653	50
	самолеты	406	62
	орудия, минометы	422	500

Весной–летом 1940 г. вновь кардинально изменилась ситуация в Европе.

В апреле Германия неожиданным и стремительным ударом захватила Данию и Норвегию. В мае также неожиданно для союзников вермахт нанес удар по Бельгии, Голландии и через их территорию вторгся во Францию. Объединенные англо-французские силы потерпели сокрушительное поражение. И уже 22 июня Франция капитулировала. Германии понадобилось всего 6 недель, чтобы сокрушить мощнейшую военную державу в Европе.

Таким образом, самый потрясающий блицкриг за всю историю войн радикальнейшим образом изменил баланс сил в Европе. Прежняя схема, на которую опирался Сталин в своих внешнеполитических расчетах, рухнула. Теперь Гитлер, уничтожив на какое-то время потенциальную угрозу войны на два фронта, получил свободу действий на Востоке. Близкая возможность столкновения СССР и Германии вырисовывалась все более четко.

Для Сталина это означало необходимость выбора нового курса. И снова, как в 1939 г., к необходимости этого выбора подтолкнули действия британской дипломатии. 1 июля 1940 г. английский посол в СССР С. Криппс передал Сталину послание У. Черчилля, пытавшегося выяснить позицию советского руководства в новой расстановке сил. Это можно было расценить как попытку создать основу для совместных действий против Германии. Но и в этот раз Сталин сделал ставку на Германию. Через несколько дней после встречи с Криппсом Молотов передал резюме этой встречи германскому послу в Москве Ф. фон Шуленбургу, открыв перед немцами «все карты».

Одновременно советское руководство сделало следующий шаг в территориальной экспансии. В *середине июня* в страны Балтии были введены дополнительные соединения Красной армии, тогда же советское правительство направило руководителям Эстонии, Латвии и Литвы ноты с требованием изменить состав правительств с целью «честного проведения в жизнь» договоров о взаимопомощи с СССР. Вскоре новые правительства были сформированы.

Затем СССР перенес направление своей экспансии на юг. 26 июня советское правительство потребовало от Румынии возвращения Бессарабии. В *конце июня* части Красной армии были введены на территорию Бессарабии и Северной Буковины. В *начале августа* эти земли были включены в состав созданной Молдавской ССР и Украины.

В эти же дни в состав СССР на правах республик были приняты Литва, Латвия и Эстония. Поглощение Советским Союзом стран Балтии крайне негативно было воспринято на Западе. Отношения с Англией и США заметно ухудшились.

Впрочем, эта реакция не слишком обеспокоила советское руководство. Гораздо важнее была реакция Германии. И если присоединение Бессарабии вполне соответствовало содержанию секретного протокола к пакту Молотова – Риббентропа, поскольку эта территория входила в сферу интересов Советского Союза, то включение стран Прибалтики в состав СССР, особенно захват Северной Буковины, вызвали в Берлине беспокойство. С этого момента начинается охлаждение отношений и дипломатическое противостояние двух стран.

Вскоре Германия взяла реванш. В конце августа в Вене состоялся арбитраж по поводу территориального спора Венгрии и Румынии с участием Италии и Германии. Мало того что Советский Союз не был приглашен к участию в работе арбитража, Германия выступила гарантом новых границ Румынии, что советской стороной было расценено как прямое нарушение советско-германского пакта о ненападении.

В сентябре отношения осложнились еще больше. На территории Румынии и Финляндии появились германские войска, 27 *сентября 1940 г.* в Берлине был подписан *германо-итало-японский договор о военном союзе (Тройственный пакт)*. Во всех случаях Советский Союз был поставлен перед фактом.

Все возникшие проблемы должен был решить визит главы советского правительства и наркома иностранных дел Молотова в Берлин 12–13 *ноября 1940 г.* Однако он закончился ничем. Попытка Молотова решить вопросы, «отравляющие германо-русские отношения», не принесла результатов. Выдвинутые Германией условия присоединения к Тройственному пакту были явно не приемлемы для советской стороны. Состоявшееся вскоре присоединение к пакту Венгрии и Румынии лишь подчеркнуло жесткость позиции германской дипломатии.

Москва попыталась противостоять германскому давлению на Балканах. В конце ноября советское правительство предложило Болгарии заключить пакт о взаимопомощи, но это предложение было отвергнуто.

После провала миссии Молотова в Берлин для советского руководства наступил «момент истины».

Из записи бесед писателя К. Симонова с маршалом А.М. Василевским:

«Что немцы готовились к войне и что она будет, несмотря на пакт, были убеждены все, кто ездил в ноябре сорокового года вместе с Молотовым в Берлин. Я тоже ездил в составе этой делегации, как один из представителей Генерального штаба. После этой поездки, после приемов, разговоров там ни у кого из нас не было ни малейших сомнений в том, что Гитлер держит камень за пазухой. Об этом говорили и самому Молотову. Насколько я понял, он тоже придерживался этой точки зрения».

(Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1990. С. 358–359)

Сохранение прежней позиции во внешней политике, в основе которой была ставка на сотрудничество с Германией и неприятие любых попыток Англии и США к сближению, вызывало все большее сомнение. Отношения с Германией подошли по сути к своему пределу: что-либо делить к обоюдной выгоде уже было нечего, военный союз для обеих сторон представлялся невозможным. Ставка германского руководства на сохранение Советским Союзом нейтралитета в условиях невозможности скорой победы над Англией делала Германию чрезвычайно уязвимой, а советскую позицию слишком сильной, что было заведомо не приемлемым для Гитлера. В данной ситуации столкновение между СССР и Германией становилось лишь вопросом времени. И непонимание Москвой этой ситуации заранее отдавало инициативу Берлину.

На этом фоне особенно значимым выглядело не только продолжение, но и расширение экономического сотрудничества СССР и Германии. Несмотря на осложнение дипломатических отношений и провал миссии Молотова, 10 января 1941 г. в Москве было подписано новое хозяйственное соглашение. Общий объем торговли достиг пика в мае 1941 г. В Германию продолжали безостановочно идти эшелоны с нефтью, цветными металлами, зерном, хлопком, а в Советский Союз – промышленное оборудование, броня, образцы вооружения, технология. Всего же с 23 августа 1939 г. по 22 июня 1941 г. сумма размещенных заказов обеих стран достигла 3 млрд марок, а сумма выполненных заказов – 1,2 млрд марок.

Весной советская дипломатия предприняла последнюю попытку политического противоборства с Германией. 5 апреля 1941 г. в Москве был подписан советско-югославский договор о дружбе и ненападении. Но германская реакция на эту попытку была быстрой и жесткой. На следующий день части вермахта перешли югославскую границу. 15 апреля Югославия капитулировала.

Единственным ощутимым успехом советской внешней политики стало заключение с Японией пакта о нейтралитете 13 апреля 1941 г., что значительно снижало угрозу войны на два фронта.

Таким образом, в течение 22 мес. мирной передышки, купленной ценой сближения с Германией и отказа от возможного сотрудничества с Англией, Францией и США, советское руководство проводило активную внешнюю политику, результаты которой оказались весьма противоречивыми.

Прямым результатом этой политики стала успешная экспансия в западном направлении, включение в состав СССР ряда независимых государств и отторжение ряда территорий от соседних стран. Весьма ощутимыми были результаты экономического сотрудничества с Германией. Советская экономика получила большое количество станков, оборудования, новые технологии. И пожалуй, самое важное: в распоряжении командования Красной армии и Военно-морского флота оказались образцы немецкого вооружения и военной техники, в том числе самые новейшие. Они подверглись тщательному изучению. Специалисты промышленности могли познакомиться с новейшей немецкой техникой и технологией, использовать этот опыт в создании техники для Красной армии. Технические специалисты армии и флота получили прекрасную возможность изучить сильные и слабые стороны немецкой техники и выработать наиболее эффективные средства и способы борьбы с противником непосредственно перед началом войны. Такой возможности не получила ни одна армия того времени.

Но были и весьма негативные последствия. Так, Германия к 22 июня 1941 г. выполнила свои обязательства по поставкам в Советский Союз в размере 68% от объема советских поставок. Это означало, что Германия осталась должной 234,2 млн марок.

Но главными все же были политические последствия. В момент начала войны с Германией Советский Союз все-таки оказался один. И уже в ходе войны пришлось создавать антигитлеровскую коалицию, договариваться о механизмах взаимопомощи и взаимодействия. Это требовало большого времени как раз в период, когда вермахт продвигался по советской территории по 60–70 км в сутки. В те же 22 мес. Германия сумела создать коалицию европейских государств, вооруженные силы которых вместе с вермахтом обрушились на СССР в июне 1941 г.

Точно так же продвижение госграницы СССР на запад имело негативные последствия. Победа в «зимней войне» стала для СССР поистине пирровой. Цена за квадратный километр финской территории была несоизмерима с полученными выгодами. Главное же было в том, что исходные цели «поглощения» Финляндии достигнуты не были. По сути это было первое поражение в процессе советской экспансии. И еще одно: совершенно шокирующее впечатление на Запад произвела демонстрация военной слабости Красной армии. На фоне ошеломляющих успехов вермахта в Европе это выглядело особенно разительно. Наконец, самым значимым военно-политическим итогом этой войны стало то, что взамен потенциально нейтральной страны на северо-западной границе вблизи стратегически важного центра страны – Ленинграда – СССР получил реального противника, буквально обреченного на скорый реванш.

Весьма неоднозначным было включение новых территорий в состав Советского Союза. С одной стороны, численность населения возросла на 14 млн человек, граница была отодвинута на западе на расстояние от 300 до 600 км. Одновременно возникла необходимость оборудования линии новой государственной границы и, главное, создания необходимой инфраструктуры приграничных округов. Насколько удалось решить эту задачу, свидетельствует тот факт, что к началу войны в 1941 г. пропускная способность советской железно-дорожной сети на западном театре боевых действий уступала германской более чем в два раза, в то время как до присоединения новых территорий это соот-

ношение было почти равным. Следует отметить и враждебность значительной части населения к советскому режиму на вошедших в состав СССР территориях. Это создавало прекрасные возможности для вербовки германской разведкой многочисленной агентуры среди населения и успешной диверсионной деятельности с началом войны.

Таким образом, преимущества военно-стратегического характера, полученные Советским Союзом в результате сближения с Германией, существенно осложнялись или же практически сводились на нет возникшими проблемами. Требовалось значительное время для реализации этих преимуществ, а его уже не оставалось.

Противоречивость результатов советской внешней политики заключалась в том, что они могли дать положительный эффект только при длительной передышке, на которую, собственно, и рассчитывал Сталин, совершая выбор в пользу сближения с Германией. Но в ситуации, когда эта передышка оказывалась слишком короткой, возник обратный эффект: все «плюсы» обратились в «минусы».

Лекция 30

ГЕРМАНИЯ И СССР В ПРЕДДВЕРИИ СТОЛКНОВЕНИЯ

В два предвоенных месяца происходили важнейшие события в ходе подготовки обоих государств к столкновению.

Германия и ее союзники завершили сосредоточение и развертывание вооруженных сил на границах с СССР. Советское руководство в свою очередь приняло некоторые меры по отражению возможной агрессии. Для обеих сторон эти два месяца были решающими. Вермахт в ходе сосредоточения ударных сил был особенно уязвим, а с каждым новым днем скрывать развертывание новых дивизий на востоке становилось все труднее. Для Красной армии это был последний шанс, когда еще можно было предпринять экстренные меры для предотвращения надвигающейся катастрофы.

План ведения войны против СССР, оформленный в виде директивы № 21 *«Вариант Барбаросса»*, был утвержден в декабре 1940 г. Он основывался на идеях блицкрига, столь эффектно реализованных вермахтом в ходе военных кампаний на Западе. Ключевые идеи блицкрига предусматривали достижение победы в ходе краткосрочной кампании путем полного разгрома и уничтожения основных сил противника в приграничных сражениях. Как и в кампаниях в Западной Европе, победы предполагалось достичь за счет не подавляющего общего превосходства в силах над противником, а за счет превосходства в управлении и организации взаимодействия артиллерии, танков, пехоты и авиации, за счет быстроты маневра и концентрации сил на направлениях главного удара. Оперативно-тактическая составляющая блицкрига предполагала прорыв фронта и окружение основных сил противника ударами танковых клиньев во взаимодействии с авиацией.

Реализовать блицкриг против СССР предстояло трем группам армий, во главе которых стояли опытные полководцы фельдмаршал В. фон Лееб – группа армий *«Север»*, генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок – группа армий *«Центр»*, генерал-фельдмаршал Г. фон Рунштедт – группа армий *«Юг»*. Бронированными клиньями вермахта были танковые группы генералов Э. Гепнера, Г. Гота, Г. Гудериана и Э. Клейста. Каждая группа армий имела самостоятельное стратегическое направление.

За две недели до назначенной даты сосредоточение и развертывание германских войск, предназначенных для вторжения, было завершено. Переброска войск

к восточной границе была осуществлена постепенно, с соблюдением всех мер маскировки и дезинформации противника. В последнюю декаду мая железные дороги рейха были переведены на ускоренный режим, их пропускная способность увеличилась в три раза. С 10 июня войска, предназначенные для первого удара, стали выдвигаться в исходные районы в 7–30 км от границы.

Всего для вторжения были сосредоточены огромные силы Германии и ее союзников. Германские силы на востоке имели в своем составе 153 дивизии и 3 бригады, 3 воздушных флота «люфтваффе», располагавших 4170 танками, 3616 самолетами и 40 500 орудиями). Финляндия выделила для войны с СССР 16 дивизий и 3 бригады (86 танков, 3500 орудий), Румыния – 13 дивизий и 9 бригад (60 танков, 393 самолета и 3000 орудий), Венгрия – 5 бригад (81 танк, 48 самолетов, 200 орудий).

Боевой состав вооруженных сил СССР и Германии, сосредоточенных на границе к 22 июня 1941 г.	Германия и ее союзники	СССР
Личный состав (млн человек)	4,4	3,0
Танки и самоходные орудия (тыс. шт.)	4,0	11,0
Орудия и минометы (тыс. шт.)	39,0	39,4
Боевые самолеты (тыс. шт.)	4,4	9,1

Особенностью группировки германских и союзных им войск была неравномерность ее распределения. В первом эшелоне вторжения была сосредоточена основная масса войск – около 80%, из них большая часть (70% пехотных дивизий, 75% орудий и минометов, 90% танков и свыше 90% самолетов) была сконцентрированы на территории между Балтикой и Карпатами, что составляло лишь около 40% протяженности советской границы. Целью подобной дислокации было достижение решающего (четырёх- и пятикратного) превосходства в силах на направлениях главного удара. Это превосходство было необходимым условием реализации оперативно-стратегической составляющей блицкрига.

Германское командование сумело в установленные сроки сосредоточить на советской границе и приготовить к вторжению огромную массу войск и военной техники. Что наиболее важно, при этом ему удалось добиться эффекта полной внезапности, что стало залогом успешности вторжения. Сам по себе этот факт очень показателен, ибо уже в начале XX в. в связи с ростом численности вооруженных сил и размеров инфраструктуры, необходимой для их обеспечения, скрыть подготовку армии к нападению уже было невозможно.

Каковы же были действия советского военно-политического руководства в эти два решающих месяца?

Прежде всего необходимо признать: у него не было недостатка в информации о намерениях противника. Вскоре после утверждения директивы № 21 о ее существовании стало известно в Москве, а еще через три месяца ее содержание в главных чертах уже не было тайной для советской разведки. В феврале 1941 г.

советское руководство было осведомлено о начале сосредоточения германских войск в пограничных с СССР районах. По мере приближения даты вторжения массив информации о приготовлениях Германии нарастал подобно снежному кому.

Распространено мнение о полном бездействии советских военных и политических лидеров. Это неверно: определенные шаги были сделаны. Весной 1941 г. с Дальнего Востока на запад было переброшено 8 дивизий и 2 бригады, началось срочное формирование 20 механизированных корпусов и 10 артиллерийских противотанковых бригад резерва главного командования (эти бригады должны были стать мощным резервом противотанковой обороны).

В мае Наркомат обороны приступил к формированию дополнительной армии в составе Киевского особого военного округа и трех армий второго стратегического эшелона прикрытия границы. В мае–июне был проведен призыв 800 тыс. человек под видом учебных сборов. 12 июня началось выдвижение к границе из состава внутренних округов 26 стрелковых дивизий (только половина из них успели прибыть к месту назначения до 22 июня). 19 июня нарком обороны С.К. Тимошенко отдал приказ о создании фронтовых управлений и выводе их на командные пункты. Это уже означало начало превращения военных округов во фронтовые объединения, т. е. переход от организации мирного времени к военной.

Однако по сути своей это были не более чем полумеры. Так, полная мобилизация предусматривала призыв 5 млн человек и поставку в армию 620 тыс. лошадей. Те дивизии, что перебрасывались к западным границам, не были полностью укомплектованы личным составом, имели лишь 20–30% автомобилей и около 50% процентов тягачей, что существенно ограничивало их боеготовность. В любом случае противостоять полностью отмобилизованным дивизиям вермахта они не могли. Более того, поспешное формирование 30 корпусов и бригад, учитывая их грандиозные штаты, только распыляло и без того немногочисленные подготовленные командные кадры, боеготовую технику, средства связи и обеспечения.

Проблема готовности к отражению удара крайне осложнялась дислокацией соединений пограничных военных округов. Конфигурация государственной границы представляла собой неровную линию, имевшую два больших выступа в сторону Германии – Белостокский в полосе Западного особого военного округа (с началом войны округ был переименован в Западный фронт) и Львовский в полосе Киевского особого военного округа (с началом войны переименован в Юго-Западный фронт). Особенностью дислокации частей Красной армии стало размещение в этих выступах большей части армейских объединений: в Белостокском выступе были сосредоточены 3, 4 и 10-я армии непосредственно на границе и 13-я армия в глубине, во Львовском – 6, 12, 18 и 26-я армии. В тылу этих армий, на некотором удалении от границы находились ударные резервы – те самые «бронированные кулаки»: 5 механизированных корпусов (6, 13, 14, 17 и 20-й) в составе Западного фронта и 8 мехкорпусов (4, 8, 9, 15, 16, 19, 22 и 24-й) Юго-Западного фронта. Часть из них была подчинена командующим армиями, остальные входили в резерв командования фронтом.

Такую дислокацию Красной армии в приграничных районах некоторые исследователи считают доказательством подготовки советским военно-политическим руководством нападения на Германию.

Однако этому есть и совсем другое объяснение. Армейские объединения были просто расположены вдоль границы по линейной схеме, как бы обтекая ее. С другой стороны, нависающее положение ударных сил Красной армии, когда на острие выступов находились самые мощные и наиболее укомплектованные армии, усиленные мехкорпусами, создавало прекрасные возможности для контрудара по противнику в случае его вторжения на советскую территорию. Это абсолютно соответствовало советской доктрине «ответного удара».

В конечном итоге именно от советского командования зависело, станут те самые выступы выгоднейшими плацдармами для уничтожающих ударов по противнику или же превратятся в гигантские котлы, в которых противник, окружив, уничтожит десятки дивизий Красной армии.

Ситуация мая–июня 1941 г. требовала от советского руководства быстрых и решительных действий. Вполне осуществимые мероприятия, способные ограничить ущерб от неизбежного уже нападения, зависели только от политической воли И.В. Сталина. Они предполагали или проведение мобилизации (хотя бы скрытой), или же, как минимум, приведение войск в повышенную боевую готовность. Однако вплоть до 22 июня Сталин отказывался от подобных шагов. Более того, все предлагаемые ему или же предпринимаемые на свой страх и риск мероприятия встречали очень резкую, а иногда и грубую реакцию.

В *середине мая* по указанию наркома обороны в Генштабе РККА был разработан план нанесения превентивного удара по германским войскам. Замысел отличался необычайной решительностью и масштабностью. Автор плана генерал А.М. Василевский, подчеркивая, что «Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар», предлагал «не давать инициативы действий Германскому Командованию... упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания...». Для этого нужно было провести «скрытое отобилизование войск под видом учебных сборов» и «скрытое сосредоточение» на границе 211 дивизий и 47 дивизий резерва во втором эшелоне.

Но реакция Сталина на проект этого плана оказалась очень резкой. Как вспоминал Г.К. Жуков, «он прямо-таки закипел, услышав о предупредительном ударе по немецким войскам...». Трудно сказать, как развивались бы события, если бы И.В. Сталин утвердил план А.М. Василевского. Но несомненно одно: упредить противника в нанесении первого удара Красная армия уже не успевала. Вермахт заканчивал передислокацию и сосредоточение заранее отобилизованных частей и соединений, а советским войскам еще только предстояло этот процесс совершить, да еще в скрытой форме, что само по себе увеличивало срок развертывания. Наконец, пропускная способность советских железных дорог в приграничных областях была меньше немецкой в два раза. По сути план Василевского был утопичен, а сам факт отдачи такого распоряжения наркомом обороны С.К. Тимошенко и начальником Генерального штаба Г.К. Жуковым говорит о многом. Или высшее командование РККА не имело истинного представления о возможностях Красной армии, полагая, что такая колоссальная задача, как скрытое отобилизование, сосредоточение и развертывание на границе 250 дивизий, ей по силам, или военачальники высшего ранга занимались откровенной утопией, демонстрируя Сталину свое служебное рвение.

Более реалистичным в той обстановке было бы решение принять экстренные меры по отражению нападения путем подготовленной обороны имеющимися силами. Для этого требовалось привести войска приграничных военных округов в повышенную боевую готовность. Эта задача не требовала столь масштабного мероприятия, как мобилизация 5 млн призывников, и могла быть осуществлена в минимальные сроки, как это предусматривалось существовавшим планом действий на случай угрозы войны. Однако Сталин вплоть до 22 июня самым жестким образом пресекал этот вариант.

В итоге возможность отразить нападение полностью зависела от политической воли Сталина. Что стояло за упорным нежеланием Сталина верить очевидным фактам? Это один из вопросов, до сих пор занимающих умы исследователей и служащий основой для всякого рода интерпретаций.

В действительности этот вопрос отнюдь не прост. Для ответа необходимо реконструировать совокупность важнейших факторов, влиявших на политические решения «вождя народов». Главным из них был ход войны в Европе. Германия увязла в войне против Англии, и быстрое ее окончание становилось очевидно невозможным. В этой ситуации нападение на СССР было равносильно началу войны на два фронта, которая для Германии была бы сродни самоубийству. Из этого Сталин сделал вывод, вполне логичный, с его точки зрения, о невозможности в ближайшее время (до разгрома Англии) нападения на СССР.

Эту уверенность Сталина не поколебали даже многочисленные донесения разведки об интенсивной подготовке вторжения. На одном из подобных донесений Сталин оставил резолюцию: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его». В этом тоже была своя логика: именно Англии столкновение Германии и СССР было чрезвычайно выгодно. Но не следует забывать, что Сталину поступала информация и совсем иного рода. Множество сообщений свидетельствовало, что Германия не готова к затяжной войне, а вермахт не готовится к зимней кампании. К этому следует добавить и настоящий вал дезинформации, прикрывавшей реальные приготовления к вторжению.

И все же вывод Сталина был настолько же логичен, насколько и неверен. Эту алогичную схему Гитлер уже опробовал, и не один раз. Нападение на Польшу, как и вся польская кампания, прошли в ситуации не вероятной, а реальной войны на два фронта. В то время как лучшие и наиболее подготовленные дивизии вермахта громили польскую армию, на западном фронте стояла полностью отмотилизованная французская армия, усиленная английским экспедиционным корпусом. Вероятная опасность «удара в спину» не смогла предотвратить и вторжения Германии в Данию и Норвегию в апреле 1940 г. Летом же 1941 г. угроза войны на два фронта была несопоставимо меньше, так как Франция уже капитулировала, а Англия после поражения на континенте в мае 1940 г. не могла и помышлять об активных действиях в Европе. И если уж соотносить опасность возможного «удара в спину» летом 1941 г. со стороны Англии в случае нападения на СССР или же советского нападения в ходе затянувшейся борьбы с Англией, то выбор Гитлера становится вполне очевидным.

Некоторым оправданием просчета Сталина может послужить факт, на который исследователи Второй мировой войны до сих пор не обращают внимания. Все ее кампании – от нападения вермахта на Польшу 1 сентября 1939 г. до

японской атаки Перл-Харбора 7 декабря 1941 г. – прошли по одному и тому же сценарию. Все жертвы нападения имели предостаточно информации о готовящейся агрессии, но никаких адекватных мер не предприняли. Очевидно, что во всех случаях действовал один и тот же механизм ошибки. Суть его проста. Политическое руководство страны, будь то Польша, Франция, Бельгия, СССР или США, получало по разным каналам два взаимоисключающих потока информации: один о готовящемся нападении, другой, представлявший в основе своей дезинформацию, об отсутствии такой угрозы. В подобной ситуации приходилось исходить из логических умозаключений, в которых вероятные действия противника оценивались на основе собственных логических построений. И все они – от польского правительства до американской администрации – делали один и тот же вывод: нападение в подобных условиях самоубийственно для агрессора, а значит, невозможно. Увы, во всех случаях жертвы агрессии недооценили авантюризм и самоуверенность противников.

И все же это оправдание не может снять ответственности с И.В. Сталина. Более того, в обстановке, когда он сконцентрировал в своих руках всю полноту политической, военной и государственной власти и самым жесточайшим образом пресекал любые попытки самостоятельных действий кого бы то ни было, вступала в действие формула: полнота власти прямо пропорциональна полноте ответственности.

Именно эта абсолютная концентрация власти, ставшая прямым результатом сталинской политики 1930-х гг., сделала невозможным какие-либо значительные меры по предотвращению внезапного нападения. Г.К. Жуков так описывал в своих воспоминаниях эту ситуацию: «Надо реально себе представлять, что значило тогда идти наперекор Сталину в оценке общеполитической обстановки... Заявить вслух, что Сталин неправ... могло тогда означать, что еще не выйдя из здания, ты уже поедешь пить кофе к Берия». Неудивительно, что и Г.К. Жуков, и С.К. Тимошенко, выполняя требования И.В. Сталина, в свою очередь жестко пресекали те немногие меры, которые пытались предпринять командующие округами в ответ на действия германской стороны. 20 июня командованию Прибалтийского особого военного округа была направлена грозная телеграмма за подписью начальника Генштаба РККА Г.К. Жукова: «Вами без санкции наркома дано приказание по ПВО о введении положения номер два. Это значит провести по Прибалтике затемнение... Выше распоряжение вызывает различные толки и нервирует общественность. Требую немедленно отменить отданное распоряжение, дать объяснение для доклада наркому».

Вся созданная Сталиным система управления была построена таким образом, что отданный приказ становился абсолютным, не подлежащим какой бы то ни было корректировке. Более того, любая попытка отклонения каралась весьма жестоко. Установка Сталина на то, что нападение Германии невозможно, а любые попытки повышения боеготовности войск могут это нападение спровоцировать, приводила к тому, что даже разговоры о нападении Германии жестко карались.

Для того чтобы в подобной морально-психологической атмосфере принять самостоятельное решение, требовалось незаурядное мужество и осознание меры ответственности за судьбу страны. Многие командиры все-таки решились провести некоторые меры. Командующий Прибалтийским округом приказал сосредоточить авиацию и привести в боевую готовность штабы армий, корпусов и

дивизий, развернуть узлы связи. 19 июня танковые и моторизованные дивизии начали выдвижение к границе. Командир 41-й стрелковой дивизии Киевского округа генерал Г.Н. Микишев по собственной инициативе привел дивизию в боевую готовность.

Но все-таки абсолютное большинство командиров и командующих, несмотря на все признаки приближающегося вторжения, предпочитали бездействовать в ожидании приказаний сверху. Вплоть до 21 июня Сталин отказывался предпринять какие-либо значительные меры по подготовке к отражению нападения.

Но вечером 21 июня в Москве была получена дополнительная информация (в том числе от немцев-перебежчиков) о том, что в ночь на 22-е начнется вторжение. И только тогда Сталин разрешил наркому обороны отправить в пограничные округа директиву о приведении войск в боевую готовность. Однако вопреки установленному порядку, по которому войскам должен был быть отправлен короткий сигнал «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.», Сталин приказал Тимошенко и Жукову подготовить особую директиву. Причем ее первоначальный вариант он отверг. «Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть вопрос еще уладится мирным путем, – пояснил Сталин Жукову. – Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений».

Из директивы № 1 от 21 июня 1941 г. Военным советам приграничных округов о приведении войск в полную боевую готовность в связи с возможным нападением фашистской Германии

1. В течение 22–23. 6. 41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22. 6. 41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22. 6. 41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по задержанию городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить. Тимошенко, Жуков

(Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 1. М., 1990. С. 370–371)

Директива № 1, утвержденная Сталиным, была адресована командованию приграничных округов. В ее тексте отразилась специфика атмосферы последних предвоенных дней и особенности сталинской системы управления. Она предупреждала о возможном нападении немецких войск в ночь на 22 июня и предписывала быть в полной готовности к отражению внезапного удара. Однако непреодолимая боязнь Сталина спровоцировать немцев губительно сказалась и здесь. В текст директивы был вставлен пункт, ставивший войскам задачу «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения». На этот раз привычное сталинское требование, облеченное в форму прямого приказа, воспринималось совершенно иначе. Теперь оно подлежало неукоснительному исполнению. И если поставить себя на место исполнителя, то легко представить, как это требование могло быть воспринято на местах командирами всех уровней. Возникла масса вопросов. Как определить провокацию? Что значит требование «не поддаваться на провокацию»? И наконец, как отличить провокации, «могущие вызвать крупные осложнения», от всех иных?

Не меньше вопросов вызывали и остальные пункты директивы.

Требование рассредоточить и замаскировать в течение ночи на 22 июня всю авиацию было не выполнимо ни при каких условиях. Во-первых, на это требовалось в несколько раз больше времени, чем давала самая короткая в году ночь. Во-вторых, для выполнения этой задачи просто не хватало летчиков: лишь 18% из них могли летать ночью, а для почти 1000 самолетов вообще не было экипажей.

Точно так же было невыполнимо требование о рассредоточении и маскировке войск приграничных округов за столь короткий срок.

Последний же пункт, строго предписывавший «никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить», по сути запрещал какую-либо инициативу командира в отражении нападения противника.

И если требование не поддаваться на провокации можно объяснить указанием самого Сталина, его уже выходившим за пределы здравого смысла страхом перед провокацией, которая приведет к войне, то чем объяснить нарочито обтекаемые формулировки остальных пунктов директивы, написанных профессиональными военными? И подписана она была не И.В. Сталиным, а военачальниками высшего ранга – наркомом обороны маршалом С.К. Тимошенко и начальником Генштаба генералом армии Г.К. Жуковым.

Сам Г.К. Жуков в своих воспоминаниях не дает анализа содержания директивы № 1, а лишь сетует на то, что она не успела дойти до всех частей и соединений армии до начала нападения. Она и не могла успеть, ибо по тогдашним условиям связи войска могли получить ее не раньше утра.

Командир не имеет морального права требовать от подчиненного исполнения заведомо не выполнимого приказа. Более того, командир сам несет ответственность за выполнение отданного им приказа наравне с подчиненными. Ни одно из этих правил не было соблюдено военачальниками, составившими и подписавшими директиву. Сработало совсем другое давнее правило: если формулировка приказа допускает возможность неверного толкования, то приказ обязательно будет понят неправильно. Требование не поддаваться на провокации в ходе первых часов немецкого вторжения привело к самым невообразимым реакциям командиров. Так, входившая в состав Юго-Западного фронта 135-я стрелковая дивизия утром 22 июня во время марша подверглась масси-

рованным ударам немецкой авиации. Но вместо ожидаемого и ясного приказа «По самолетам противника огонь!» поступил другой: «На провокации не поддаваться, по самолетам не стрелять». Легко представить, какое деморализующее воздействие на дух личного состава дивизии произвел этот приказ.

Совсем иначе поступил в той же ситуации нарком Военно-морского флота адмирал Н.Г. Кузнецов. Вечером 21 июня он был вызван в наркомат обороны, где маршал С.К. Тимошенко сообщил о возможном нападении Германии. Кузнецов не стал обращаться за указаниями к Сталину, не стал составлять директиву, подобную той, что готовил Жуков. Нарком ВМФ только распорядился отправить на флоты и флотилии условный сигнал «Готовность № 1». Согласно отработанной еще до войны системе оперативных готовностей на флотах уже знали, что делать, и когда немецкая авиация нанесла удар по военно-морским базам, она была встречена организованным огнем.

По сути направленная в войска из Москвы директива № 1 стала не чем иным, как попыткой высшего командования переложить ответственность на своих подчиненных. Попыткой – первой в этой войне, но далеко-далеко не последней. В ночь на 22 июня И.В. Сталин, С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков держали первый настоящий экзамен в роли коллективного органа высшего командования (позже он будет оформлен как Ставка Главного командования). И экзамен этот они не выдержали.

Лекция 31 ТРАГЕДИЯ 1941 г.

22 июня 1941 г. Советский Союз подвергся неожиданному, без объявления войны, нападению Германии. Началась Великая Отечественная война советского народа, ставшая составной частью Второй мировой войны.

Согласно устоявшейся в современной отечественной историографии схеме выделяются следующие периоды:

- первый: *июнь 1941 – ноябрь 1942 г.*;
- второй: *ноябрь 1942 – декабрь 1943 г.*;
- третий: *декабрь 1943 – май 1945 г.*;

Операции Красной армии против Японии в *августе 1945 г.* рассматриваются как самостоятельный и *завершающий период* участия СССР во Второй мировой войне.

В основу этой периодизации положен ход борьбы за стратегическую инициативу. В течение первого периода стратегической инициативой в целом обладала немецкая армия, ее командование определяло направление и время нанесения главных ударов, Красной армии приходилось вести широкомасштабные оборонительные сражения, отступая в глубь советской территории.

В ночь на 22 июня главный удар немецкой армии вторжения был нанесен по войскам *трех приграничных военных округов (фронтов)* – *Северо-Западного, Западного и Юго-Западного*. Чуть позже ударам подверглись и войска Южного фронта (бывшего одесского военного округа). Против них соответственно действовали три группы немецких армий – «*Север*», «*Центр*» и «*Юг*». В целом ни на одном из направлений немецкие войска не имели подавляющего превосходства, а в полосе действий Юго-Западного фронта значительное преимущество было на стороне Красной армии.

Директива № 1 еще передавалась из штабов округов в штабы армий и корпусов, когда в 3 ч 15 мин по всей линии советско-германской границы немецкая артиллерия открыла огонь. Одновременно сотни самолетов нанесли удары по военным и гражданским объектам. Бомбардировке подверглись и многие города, среди них Мурманск, Рига, Минск, Смоленск и Киев. В 3 ч 17 мин в Генштабе было получен первый доклад из Севастополя о налете немецкой авиации.

Из воспоминаний маршала Г.К. Жукова

«Нарком приказал мне звонить И.В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос генерала Власика (начальника управления охраны).

– Кто говорит?

– Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

– Что? Сейчас?! – изумился начальник охраны. – Товарищ Сталин спит.

– Будите немедленно: немцы бомбят наши города, началась война.

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили:

– Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И.В. Сталин. Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И.В. Сталин молчит. Слышу лишь его тяжелое дыхание.

– Вы меня поняли? – Опять молчание.

– Будут ли указания? – настаиваю я.

Наконец, как будто очнувшись, И.В. Сталин спросил:

– Где нарком?

– Говорит по ВЧ с Киевским округом.

– Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро...

В 4 часа 30 минут утра мы с С.К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И.В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках ненабитую табакерку.

Мы доложили обстановку. И.В. Сталин недоумевающе сказал:

– Не провокация ли это немецких генералов?

– Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация... – ответил С.К. Тимошенко.

– Если нужно организовать провокацию, – сказал И.В. Сталин, – то немецкие генералы бомбят и свои города... – И, подумав немного, продолжал: – Гитлер наверняка не знает об этом».

(Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 8 – 9)

Известие о начале войны оказалось полной неожиданностью для советского руководства и вызвало растерянность. И это вполне понятно: вся политика Сталина двух предвоенных лет исходила из невозможности подобного поворота событий, а все действия власти, зачастую абсурдные и ничем не обоснованные, были направлены на то, чтобы не спровоцировать это нападение.

Но если все-таки исходить из того, что сталинская политика была продиктована убежденностью в неготовности страны к войне и желанием отсрочить ее начало любой ценой, то реакция Сталина должна была быть совершенно иной. Ведь если бы он действительно так считал, то известие о нападении должно было вызвать даже не растерянность, а настоящий шок уже в первые часы. И все последующие действия должны были быть совсем иными – направленными на локализацию ущерба и, самое главное, выигрыш времени для приведения страны и армии в готовность к ведению войны. Лучший способ для этого – жесткая оборона на заранее подготовленных рубежах, в случае необходимости – отступление с целью сохранить боеспособные части и опять-таки выиграть время.

Однако действия Сталина были совсем иными. Вскоре после официального объявления Германией войны, переданного послом в Москве фон Шуленбургом, когда все сомнения отпали, Сталин без всяких колебаний утвердил предложенную Тимошенко и Жуковым *директиву № 2*. Войскам приказывалось «всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу». Но прошло всего несколько часов, и в войска была отправлена *директива № 3*. Содержание ее оказалось еще более решительным: совместными действиями Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов разгромить ударные группировки вермахта и перенести боевые действия на территорию Германии. Несмотря на возражения и колебания командования фронтами, Москва весьма жестко настояла на ее немедленном исполнении.

Эти действия Сталина никак не согласуются с его убеждением в неготовности армии к войне. Скорее это походило на ярость обманутого и обманувшегося человека, к тому же человека, уверенного в своих силах: «Ах раз так, то мы сейчас вам покажем!». В целом же первые шаги Сталина и высшего военного командования еще раз подтвердили: советское руководство не имело адекватного представления об истинном состоянии Красной армии и о ее реальных возможностях. И это обстоятельство сыграло роковую роль в исходе сражений на границе.

К моменту получения директивы № 3 войска трех фронтов оказались в тяжелейшем положении. Будучи застигнуты врасплох, они подвергались массированным ударам авиации, артиллерии и танковых групп противника. Немецким войскам удалось добиться внезапности на всех направлениях ударов.

Особенно ярко это проявилось в полосе действий Западного фронта. Когда на рассвете 22 июня части 28-го стрелкового корпуса попали под мощный огонь германской артиллерии, командиры просто не поверили в такую возможность и попытались сигналами ракет дать сигнал «свои», но это привело лишь к усилению обстрела. Командиры многих других частей, попав под обстрел и налеты авиации, просто предпочитали не предпринимать никаких действий, опасаясь «поддаться на провокацию».

Первые же удары вермахта вывели из строя линии связи и пункты управления войсками. Тяжелейшие последствия повлек удар люфтваффе по советским аэродромам утром 22 июня, в ходе которого было уничтожено свыше 800 самолетов. Вместе с потерями в ходе воздушных боев только ВВС Западного фронта лишились 40% состава. Уже в первый день войны немецкая авиация прочно захватила господство в воздухе, что имело решающее значение для исхода сражений начального периода войны. Постоянная и эффективная воздушная разведка позволяла немецкому командованию «заглянуть в карты» противника, своевременно раскрывая его замыслы. Штурмовые удары немецких бомбардировщиков срывали переброску резервов и выдвижение советских ударных сил в районы сосредоточения, уничтожали узлы связи и командные пункты, нарушая управления войсками. Люфтваффе сумели развернуть «воздушный зонтик» над ударными танковыми группировками, прорывавшими советскую оборону, обеспечив им разведку, прикрытие и расчистку путей прорыва. Завоевание господства в воздухе стало первым и необходимым условием очередного блицкрига вермахта.

Потеря связи с вышестоящими штабами привела к тому, что командиры дивизий и полков Красной армии были вынуждены принимать самостоятельные

решения. И вот здесь сказались все недостатки командного состава РККА. Боязнь ответственности, неспособность к принятию самостоятельных решений заставляли командиров ждать приказов сверху. Но приказов не было... Фронтовые штабы, потерявшие связь со штабами своих армий, пытались ее восстановить, направляя туда «делегатов связи». Но в тылу уже действовали многочисленные группы немецких диверсантов, в задачу которых входило разрушение проводной связи и перехват посыльных. Была еще радиосвязь, но она так и осталась неосвоенной: в войсках эффективно использовать ее еще не умели, как не умели еще кодировать и защищать переговоры. Специалисты немецких радиослужб без труда пеленговали работу советских радиопередатчиков, определяя по ним местоположение штабов, и наводили на них авиацию. В результате советские штабы весьма неохотно использовали радиосвязь.

Воспользовавшись эффектом внезапности и растерянностью советского командования, немецкие войска захватили практически все мосты через пограничные реки Западный Буг, Прут и др. Захват неповрежденных мостов стал обычным делом для вермахта: немцам это удавалось неоднократно, что наводит на мысль о своего рода закономерности. Объяснялись эти факты все той же боязнью ответственности советских командиров. Оказавшись в ситуации необходимости экстренного принятия самостоятельного решения и не имея возможности связаться с вышестоящим начальством, они, как обычно, предпочитали выжидать, полагая, что бездействие все же менее опасно для них лично, чем несанкционированное действие (конкретно – подрыв мостов).

Захват мостов через эти реки, которые могли бы стать серьезным препятствием, позволил немецкому командованию сходу бросить в наступление ударные танковые и механизированные части. К исходу дня 22 июня глубина продвижения немецких войск составила от 20 до 70 км. Практически по всей линии государственной границы германским войскам удалось прорвать оборону Красной армии и разрушить систему управления войсками. Только в это время в штабы фронтов поступила директива наркома обороны № 3.

В обстановке, когда командование фронтов еще не восстановило управление, а разведка еще не вскрыла состав и дислокацию немецких войсковых группировок и, самое главное, направления наносимых противником ударов, переходить в наступление было не просто бессмысленно, но преступно. К тому же на подготовку операции такого масштаба требовалось не менее 30 суток.

Из воспоминаний маршала Г.К. Жукова

«...Генерал Н.Ф. Ватутин сказал, что И.В. Сталин одобрил проект директивы № 3 наркома и приказал поставить мою подпись.

– Что это за директива? – спросил я.

– Директива предусматривает переход наших войск к контрнаступательным действиям с задачей разгрома противника на главнейших направлениях, притом с выходом на территорию противника.

– Но мы еще точно не знаем, где и какими силами противник наносит свои удары, – возразил я. – Не лучше ли до утра разобраться в том, что происходит на фронте, и уж тогда принять нужное решение.

– Я разделяю вашу точку зрения, но дело это решенное.

– Хорошо, – сказал я, – ставьте мою подпись».

(Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 14)

Вечером 22 июня войска приступили к выполнению директивы. По замыслу ее составителей планировалось, используя находившиеся в резерве фронтового командования механизированные корпуса, атаковать фланги немецких ударных группировок, прорвавшихся в глубь советской обороны, окружить их и уничтожить. По сути это было не чем иным, как ответным ударом по агрессору, что в точности соответствовало предвоенным представлениям о начале войны: «Полетит самолет, застрочит пулемет, Загрохочут железные танки, И линкоры пойдут, и пехота пойдет, И помчатся лихие тачанки!»

Выполняя директиву, командование трех фронтов бросило в наступление свой главный резерв – механизированные корпуса, те самые «бронированные кулаки», на которые возлагалось столько надежд. В количественном отношении эта была колоссальная танковая армада. Привлеченные к контрудару два мехкорпуса Северо-Западного фронта имели 950 танков против 600 немецких. Западный фронт направил во фланг противнику два мехкорпуса, имевших 1265 танков. Самую мощную ударную группировку использовало командование Юго-Западного фронта – 5 мехкорпусов, в составе которых насчитывалось в общей сложности 2803 танка (уже в ходе сражения к ним присоединился еще один мехкорпус, имевший около 1070 танков) против четырех немецких танковых дивизий, имевших всего 585 танков (в сражении участвовала еще одна танковая дивизия – 143 танка). Казалось бы, советская танковая лавина должна была просто раздавить немецкие войска. Но все три фронта потерпели жесточайшее поражение, в котором брошенные в контрнаступление мехкорпуса перестали существовать.

Почему и как это произошло, можно понять на примере действий 8-го механизированного корпуса генерала Д.И. Рябышева. Корпус входил в состав Юго-Западного фронта и к началу сражения имел 899 танков. В момент получения приказа о контрударе его дивизии совершали уже второй марш, выполняя распоряжение штаба фронта. Замысел контрудара заставил его изменить направление движения и снова начать передислокацию, затем все повторилось. В результате штабной неразберихи дивизии корпуса к моменту вступления в сражение прошли 480–500 км, в то время как боевые наставления предусматривали совершение маршей к месту боя не более 40–50 км. Поскольку ни одного часа для необходимого технического обслуживания корпус не получил, множество боевых машин пришлось оставить на дорогах. Марши корпуса были организованы крайне неумело: вместо положенных корпусу семи маршрутов движения было выделено только два, что приводило к многочисленным заторам на дорогах. Немецкая авиационная разведка сразу обнаружила выдвижение корпуса, и вплоть до района сосредоточения он подвергался непрерывным атакам с воздуха. Ни о какой внезапности его удара не могло быть и речи. В итоге в район сосредоточения 8-й мехкорпус вышел, имея только половину своих танков.

Из воспоминаний генерала Н.К. Попеля

«...Рябышев обернулся, поднял с земли фуражку, одернул комбинезон и несколько торжественным шагом двинулся навстречу головной машине. Из нее выходил невысокий черноусый военный. Рябышев вытянулся:

– Товарищ член Военного совета фронта...

Тот, к кому обращался комкор, не стал слушать рапорт, не поднес ладонь к виску. Он шел, подминая начищенными сапогами кустарник, прямо на Ря-

бышева. Когда приблизился, посмотрел снизу вверх в морщинистое скуластое лицо командира корпуса и сдавленным от ярости голосом спросил:

– За сколько проданся, иуда?

Рябышев стоял в струнку перед членом Военного совета, опешивший, не находивший что сказать, да и все мы растерянно смотрели на невысокого ладно скроенного корпусного комиссара.

Дмитрий Иванович заговорил первым:

– Вы бы выслушали, товарищ корпусной...

– Тебя, изменника, полевой суд слушать будет. Здесь, под сосной, выслушаем и у сосны расстреляем...

Я не выдержал и выступил вперед:

– Можете обвинять нас в чем угодно. Однако потрудитесь прежде выслушать.

– А, это ты, штатный адвокат при изменнике... – Теперь поток ругательств обрушился на меня.

Все знали, что член Военного совета не выносит, когда его перебивают. Но мне нечего было терять. Я воспользовался его же оружием. То не был сознательный прием. Гнев подсказал.

– Еще неизвестно, какими соображениями руководствуются те, кто приказом заставляет отдавать врагу с боем взятую территорию.

Корпусной комиссар остановился. Для того, чтобы смотреть мне в лицо, ему не надо поднимать голову. Мы одного роста. Перед моими глазами аккуратная черная полоска усов, нервно подергивается правое веко. В голосе члена Военного совета едва уловимая растерянность:

– Кто вам приказал отдавать территорию? Что вы мелете? Генерал Рябышев, докладывайте.

Дмитрий Иванович докладывает. Член Военного совета вышагивает перед нами, заложив руки за спину.

Корпусной комиссар понимает, что вышло не совсем ладно. Но не сдаётся. Он смотрит на часы и приказывает Дмитрию Ивановичу:

– Через двадцать минут доложите мне о своем решении...

Корпусной комиссар не дал времени ни на разведку, ни на перегруппировку дивизий. Чем же наступать?

Рябышев встает и направляется к вышагивающему в одиночестве корпусному комиссару.

– Корпус сможет закончить перегруппировку только к завтрашнему утру.

Член Военного совета от негодования говорит чуть не шепотом:

– Через двадцать минут решение – и вперед.

– Чем же «вперед»?

– Приказываю немедленно начать наступление. Не начнете, отстраню от должности, отдам под суд...

Создается подвижная группа в составе дивизии Васильева, полка Волкова и мотоциклетного полка. Основные силы закончат перегруппировку и завтра вступят в бой.

– Давно бы так, – член Военного совета исподлобья смотрит на Дмитрия Ивановича. – Когда хотят принести пользу Родине, находят способ...

Рябышев молчит. Руки по швам. Глаза устремлены куда-то поверх головы корпусного комиссара.

Член Военного совета прикладывает узкую белую руку к фуражке.

– Выполняйте. А командовать подвижной группой будет Попель.

Корпусной комиссар поворачивается ко мне:

– Займете к вечеру Дубно, получите награду. Не займете – исключим из партии и расстреляем...»

(Попель Н.К. В тяжкую пору. М., 2001. С. 137–140)

Из-за неумения обеспечить действия такой массы техники даже успешные поначалу действия некоторых корпусов и дивизий заканчивались ничем. 6-й мехкорпус Западного фронта, один из немногих полностью укомплектованных, насчитывал 1022 танка и также участвовал в контрударе. Однако его действия были парализованы немецкой авиацией, так как корпус совершенно не имел прикрытия с воздуха. Нехватка горючего и боеприпасов, которые так и не сумели подвезти службы тыла, заставили танкистов уничтожить свои машины и отступить. К исходу сражения в корпусе осталось всего 50 машин.

Штаб Западного фронта потерял управление войсками. Командующий фронтом генерал армии Д.Г. Павлов оставил свой командный пункт и уехал в войска, связи с ним не было, найти его не удавалось.

В итоге задуманный в Москве ответный удар привел к катастрофе. Только армии Юго-Западного фронта в ходе этого контрудара потеряли 2648 танков, и фронт практически лишился своих танковых резервов. Помощник командующего войсками Юго-Западного фронта по танковым войскам генерал В.Т. Вольский докладывал начальнику Автобронетанкового управления РККА генералу Я.Н. Федоренко: «...На 1 августа Юго-Западный фронт не имеет в своем составе механизированных соединений как боевых сколоченных единиц...». Та же участь постигла и мехкорпуса двух других фронтов.

15 июля высшее командование Красной армии подвело печальный итог «ответного удара»: остатки механизированных корпусов расформированы, их танковые дивизии переданы армейскому командованию. Исход «танкового побоища» на границе показал, что советское руководство, сумев с огромным трудом создать «разящий меч» РККА – грандиозную танковую армаду, служившую в течение долгих лет украшением военных парадов, просто не умело пользоваться.

Из воспоминаний члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микояна

«На седьмой день войны фашистские войска заняли Минск. 29 июня, вечером, у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда еще не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко, но тот ничего путного о положении на западном направлении сказать не мог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться в обстановке.

В наркомате были Тимошенко, Жуков и Ватутин. Жуков докладывал, что связь потеряна, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи – никто не знает. Около полудня говорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: “Что за Генеральный штаб? Что за на-

чальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?»

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой крик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек буквально разрыдался и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5–10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были мокрые».

(Микоян А.И. Так было. М., 1999. С. 389–390)

Для исправления ситуации на Западный фронт был направлен настоящий «маршальский десант» в составе Г.И. Кулика, Б.М. Шапошникова и К.Е. Ворошилова, подкрепленный через несколько дней С.К. Тимошенко и С.М. Буденным, а также начальником Главного политического управления Красной армии Л.З. Мехлисом – особо доверенным лицом Сталина. В итоге на Западном фронте оказались все (!) маршалы Советского Союза. Но и это не спасло фронт от разгрома. Танковые клещи вермахта сомкнулись в Минске: 28 июня навстречу друг другу вышли дивизии 3-й танковой группы генерала Г. Гота и 2-й танковой группы генерала Г. Гудериана, в окружение попали две армии Западного фронта – 3-я и 10-я – вместе с несколькими дивизиями 13-й армии (всего 26 дивизий). Кулик попал в окружение вместе с частями 10-й армии. Лишь незначительное количество солдат и офицеров смогли вырваться из окружения. По немецким данным, в плен попали 116 тыс. солдат и офицеров, в качестве трофеев было захвачено 1964 танка, 1505 орудий и 327 самолетов. 29 июня Павлов был отстранен от командования, его сменил Тимошенко.

Вскоре точно так же было сменено командование Северо-Западным фронтом, но и здесь положение не изменилось к лучшему. Отразив контрудар мехкорпусов, германские войска начали быстрое продвижение в глубь советской территории. И уже 26 июня танки одной из дивизий при помощи переодетых диверсантов захватили мосты через Западную Двину. В итоге задержать немцев на этом естественном рубеже не удалось, и 8 июля противник подошел к Пскову.

После захвата Минска германские войска продолжали движение на восток. Теперь их целью стал Смоленск. Советское командование пыталось задержать их, используя естественные преграды – реки Березину и Западную Двину. Но основной способ обороны оставался тем же: навстречу противнику направлялись один за другим поступавшие в распоряжение командования фронтом резервы, но это лишь давало возможность наступающим немецким войскам уничтожать их поодиночке.

В итоге 9 июля дивизии 2-й танковой группы Гудериана на западном направлении вышли к Днепру. Войска Юго-Западного фронта, потеряв в ходе контрудара 60% своих танков, начали отход к государственной границе 1939 г., стараясь избежать окружения со стороны прорвавшихся в глубину советской обороны танковых дивизий группы генерала Э. Клейста. Выручало их то, что немцам явно не хватало еще одной танковой группы для эффективных операций на окружение.

К 11 июля немецкие войска вышли на подступы к Киеву, где их удалось остановить.

Самое распространенное объяснение столь катастрофического начала войны – внезапность германского нападения. Начало этому положил Сталин в сво-

ем выступлении 6 ноября 1941 г. Но обращение к фактам позволяет поставить под сомнение это традиционное объяснение.

В действительности для многих штабов и войсковых частей факт нападения не был неожиданным. Так, войска Прибалтийского военного округа еще 18 июня получили приказ о приведении в боевую готовность и выступлении в новые районы сосредоточения. Приказ предписывал «части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять. Имея положенные нормы носимых и возимых запасов продовольствия, горюче-смазочных материалов, боеприпасов... с собой брать только необходимое для жизни и боя; пополнить личным составом каждое подразделение. Отозвать немедленно личный состав из командировок и снять находящихся на всевозможных работах. Марши совершать только в ночное время. В районах сосредоточения тщательно замаскироваться и организовать круговое охранение и наблюдение. Войска рассредоточить до роты; установить в районах сосредоточения безотказную и быстродействующую связь с подчиненными частями». (Но даже эти проведенные вовремя мероприятия ничего не изменили в ходе борьбы в полосе Северо-Западного фронта: и его дивизии потерпели жестокое поражение в первые дни войны.) Точно так же не было никакой внезапности нападения для войск Южного и Ленинградского фронтов, где активные боевые действия начались только в июле и точно так же оказались для них крайне неудачными.

Внезапным для советских войск оказался не сам факт нападения (в конечном счете, военный человек обязан быть готовым к неожиданностям) – совершенно неожиданным, даже шокирующим оказался масштаб ударов. Позднее Жуков признавал: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов». Советские генералы не допускали мысли, что противник может перейти в наступление всеми силами сразу. Как вспоминал начальник штаба 4-й армии генерал Л.М. Сандалов, «командиры корпусов и дивизий... предполагали, что... противник не рискнет вторгнуться большими силами и направит на нашу территорию лишь отдельные банды».

Наносимые германской армией удары были очень мощными, сразу всеми силами, и очень точными. Мобильность германских войск позволяла наносить эти удары очень быстро, выбирая наиболее слабые участки обороны Красной армии, сосредоточивая на этих участках многократно превосходящие силы, а в случае необходимости быстро меняя направление ударов. Отмечая эту особенность действий вермахта, М. Блок, участвовавший в боевых действиях французской армии весной – летом 1940 г., отмечал: «Немцы проводили эту войну под знаком “скоростных технологий”... Немцы наступали гораздо быстрее того, что мы ждали от них, и того, что предписывали правила. И так было в течение всей войны».

Но если для французской армии подобные действия вермахта действительно оказались абсолютными неожиданностями и шокирующими, то для Красной армии

это никак не должно было стать чем-то новым. Именно на эти особенности в действиях вермахта обращали внимание участники совещаний командного состава в декабре 1940 г. Но анализируя опыт немецкого блицкрига в Европе, советские военачальники сделали парадоксальный вывод (судя по всему, навязанный им «сверху» – партийным руководством): вермахт не посмеет применить стратегию и тактику блицкрига в войне против «страны с передовой общественно-политической системой». Исходя из этого положения, никаких мер по противодействию тактике германской армии принято не было, что и предопределило ее поразительную эффективность в июне 1941 г.

Более всего поражало и командование, и офицеров, и рядовых красноармейцев доведенное до автоматизма взаимодействие разнородных сил противника – авиации, танков, артиллерии, пехоты. Казалось, не люди, а четко отлаженная машина наносила один за другим сокрушительные удары. Совершенство этой машины подавляло.

Именно это превосходство вермахта обусловило тот шок, который отмечали многие участники начального периода войны. К.К. Рокоссовский, встретивший войну командиром 9-го мехкорпуса Юго-Западного фронта, неоднократно наблюдал проявления этого шока. «Нанесенный врагом неожиданный удар огромными силами и его стремительное продвижение в глубь территории на некоторое время ошеломили... наши войска. Они подверглись шоку... Наблюдались случаи, когда даже целые части, попавшие под внезапный фланговый удар небольшой группы вражеских танков и авиации, подвергались панике... Боязнь окружения и страх перед воображаемыми парашютными десантами противника в течение длительного времени были настоящим бичом».

Состоянием шока можно объяснить и распространившуюся в первые дни войны «диверсантоманию». Немецкие войска действительно очень умело и эффективно использовали группы диверсантов, часто переодевавшихся в форму Красной армии, пограничников и милиционеров, но их было немного. Однако слухи о диверсантах и парашютистах буквально наводнили войска и население приграничных областей. Этому во многом способствовала местная и даже центральная печать, призывая население к бдительности. Итогом стала настоящая эпидемия, охватившая войска и мирное население. Документы того времени бесстрастно фиксировали многочисленные тому примеры: «Неизвестный командир остановил автомашину с командным составом штаба, заявив им, что они шпионы, и пытался расстрелять»; «Младшим политкомандиром 141-го стрелкового полка из зенитного пулемета была расстреляна группа работников Управления государственной безопасности в количестве шести человек».

Часто впавшие в панику военнослужащие именно действиями диверсантов оправдывали свое бегство с позиций. Один из генералов штаба Юго-Западного фронта, оказавшись свидетелем паники, попытался ее прекратить. Остановив набитый солдатами грузовик, спешивший в тыл, он потребовал объяснений, но вместо ответа генерала затащили в кузов машины и начали допрашивать, после чего, объявив переодетым диверсантом, немедленно вынесли ему смертный приговор. Генералу удалось спастись только потому, что он сумел на ходу выпрыгнуть из машины.

Падению морального духа и стойкости войск способствовало отсутствие средств эффективной борьбы с немецкими танками и авиацией. Ничто не дей-

ствует так разлагающе на моральное состояние солдат, как собственное бессилие в борьбе с противником. Колоссальные потери в танках и артиллерии наряду с довоенными просчетами оставили части Красной армии без средств противотанковой обороны, по сути совершенно незащитными перед танками противника, что и породило явление, названное танкобоязнью. Зачастую было достаточно одного лишь известия о появлении немецких танков в тылу или на флангах, чтобы целые подразделения в панике оставляли свои позиции. Командование вынуждено было идти на меры, граничившие с отчаяньем. В частях создавались отряды бойцов – истребителей танков, вооруженных гранатами и бутылками с бензином. Особая инструкция предписывала им после израсходования гранат и бутылок заготавливать «грязь-глину, которой забрасывать смотровые щели» танков. Легко представить, насколько «повышали» моральное состояние войск подобные инструкции.

Но все-таки главной причиной поражений начала войны стал низкий профессионализм командного состава на всех уровнях – от командира взвода до Ставки Верховного главнокомандования.

Все недостатки командного состава Красной армии, очевидные еще в предвоенный период, с началом войны проявились в полной мере. Главный из них – неспособность к самостоятельному принятию решений и ожидание приказов сверху. В условиях разрушения линий связи этот недостаток оказался фатальным. Начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер, оценивая действия советских войск в приграничных сражениях, писал: «Ряд командных инстанций противника... полностью не знал обстановки, и поэтому на ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов. Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению».

И совсем другая ситуация складывалась в корпусах и дивизиях, во главе которых оказывались решительные и волевые командиры, способные на инициативные действия и не боящиеся отвечать за их последствия. Там уже не было места панике, противник встречал умелое и эффективное противодействие. Так, 99-я стрелковая дивизия полковника Н.И. Дементьева обороняла Перемышль до тех пор, пока не получила приказ отходить. Блестяще действовала 75-я стрелковая дивизия генерала С.И. Недвигина: вместе с Пинской флотилией адмирала Д.Д. Рогачева она умело противостояла 53 армейскому корпусу вермахта.

Большинство же начальников еще не умели командовать вверенными им ротами, батальонами, полками и дивизиями, еще не выработали навыков управления войсками в современном бою. Не было полного понимания важности организации управления, разведки и связи. Манера Павлова управлять войсками (потеряв связь с подчиненными ему армиями, вместо восстановления этой связи любой ценой он оставил командный пункт и уехал в войска) была широко распространена среди командного состава Красной армии. Отчасти этот способ управлять войсками был наследием традиции Гражданской войны, когда командир иначе как «вперед на лихом коне» и не мыслился. Но чаще в такой манере командовать проявлялось всеобщее недоверие к подчиненным («без меня ничего не смогут»). К тому же поездка в войска, на передовую становилась благодатным предлогом избежать постоянных, по любому поводу звонков из Москвы, чрезвычайно нервнующих командиров.

Крайне слабой оказалась фронтовая и армейская разведка практически всех фронтов. Так, командование Южного фронта планировало свои действия, исходя из донесений разведки, что противник имеет 9–10 дивизий, половина из которых танковые (900–960 танков). Фактически же противник располагал 5 пехотными дивизиям, 5 бригадами и всего 60 танками. В течение долгого времени разведка не могла установить номера не то что дивизий, но даже армий противника, действовавших на данном направлении.

Из рук вон плохой оставалась связь. 26–27 июня в ходе контрудара мехкорпусов Юго-Западного фронта части 8-го механизированного корпуса вышли на южную окраину Дубно. На несколько часов раньше с противоположной стороны к Дубно прорвался 19-й мехкорпус. Но находившиеся в десятке километров друг от друга части так и не смогли установить между собой связь, в итоге удар на Дубно окончился ничем.

Из воспоминаний генерала В.С. Архипова:

«Связь была самым слабым нашим звеном. И не только связь между двумя группами мехкорпусов, наносившими удар с юга (8-й и 15-й мк) и с севера (9-й и 19-й мк), но и связь высших штабов с этими группировками – штаба Юго-Западного фронта, который непосредственно руководил контрударом с юга, из района города Броды, и штаба 5-й армии, руководившего действиями 9-го и 19-го мехкорпусов. Слабая, с длительными перерывами радиосвязь была причиной опоздания информации, направляемой с линии фронта в высшие штабы. Поэтому и решения, которые принимались в штабах и, в свою очередь, передавались на фронт, часто не соответствовали изменившейся боевой обстановке. К примеру, вечером 26 июня, когда, смяв правый фланг 11-й немецкой танковой дивизии и разгромив один из ее танковых полков, наша дивизия вышла к Дубно, никто из нас не знал, что с юга, нанеся огромные потери другим соединениям 48-го немецкого моторизованного корпуса, успешно продвигается нам навстречу 8-й мехкорпус генерала Д.И. Рябых. Забегая вперед, отмечу, что подобная ситуация повторилась и на следующий день, когда все три корпуса – 36-й стрелковый, 8-й и 19-й механизированные – опять наступали на дубненском направлении. Опять мы и наши соседи, стрелки 36-го корпуса, вышли на подступы к Дубно, но не знали, что в город уже ворвалась 34-я танковая дивизия полковника И.В. Васильева из 8-го мехкорпуса. Таким образом, 26 и 27 июня советские танковые клинья дважды и очень глубоко – до 30 км – врезались в оба фланга немецкого 48-го моторизованного корпуса. Однако отсутствие связи между этими клиньями и взаимная неосведомленность не позволили довести дело до логического конца – до окружения 48-го моторизованного корпуса между Бродами и Дубно. А что такое окружение назревало, было видно и по войскам противника. Когда вечером 26 июня мы знали фашистов к Дубно, это уже было не отступление, а самое настоящее бегство. Части 11-й танковой перемешались, их охватила паника».

(Архипов В.С. Время танковых атак. М., 1981. С. 64–65)

Первые директивы главного командования РККА (особенно директива № 3) выявили и полное непонимание, в первую очередь Сталиным, всей сложности организации крупномасштабных операций. Объединениям, насчитывавшим десятки тысяч бойцов, тысячи танков и орудий, ставились задачи на передислокацию, сосредоточение, развертывание и подготовку к нанесению удара в течение суток (!), когда на подобного рода действия требовалось как минимум три не-

дели. Но несмотря на всю преступную безграмотность высшего командования, на местах эти указания принимали к немедленному исполнению. Созданная до войны система управления, основанная на угрозе репрессий и страхе, продолжала действовать с прежней эффективностью. Урок, полученный командованием Красной армии в 1937–1938 гг., был усвоен твердо.

Нарком Военно-морского флота адмирал Н.Г. Кузнецов так характеризовал главный принцип деятельности сталинской системы: «Сталин решал, остальным предоставлялось действовать в соответствие с этим... Люди, приученные не действовать самостоятельно, а лишь ждать распоряжений и указаний свыше, чтобы, не задумываясь, выполнять их, принесут мало пользы, если наступит суровый час. Боязнь наказания и безответственность нередко живут рядом друг с другом. Работа военного аппарата в этом случае идет не планомерно, а словно бы спазматически, рывками. Выполняли одно распоряжение и ждут следующего. А если оно не поступит вовремя?»

Уже первый опыт столкновения Красной армии с вооруженными силами Германии показал, что ахиллесова пята советской военной мощи – система управления, созданная в 1930-е гг. Сталин, используя массовый террор, обеспечил себе безраздельную власть. Этой же цели была подчинена и система управления Вооруженными силами. Она обеспечивала полный контроль Сталина над Красной армией в мирное время, но не соответствовала потребностям воюющей армии. Несмотря на длительное пребывание Сталина во фронтовых штабах в годы Гражданской войны и его тяготение к военным вопросам накануне Второй мировой, дело управления Вооруженными силами в его профессиональном смысле осталось выше понимания вождя.

В соответствии с предвоенными представлениями высшим органом стратегического руководства стала Ставка Главного командования Красной армии, образованная 23 июня 1941 г. Председателем ее был назначен нарком обороны маршал С.К. Тимошенко, членами – И.В. Сталин, В.М. Молотов, генерал армии Г.К. Жуков, маршалы К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный, нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов. При Ставке был создан институт постоянных советников, в число которых вошли некоторые высшие военачальники и партийные руководители.

Но в этом виде орган высшего военного руководства оказался крайне неудачным. Ни его состав, ни функции до войны определены не были, пришлось импровизировать, а время для этого было совершенно неподходящим. Но главным все-таки стал совершенно необоснованный выбор руководителя. Сам Сталин отказался возглавить новый орган управления, а Тимошенко хотя и стал главнокомандующим, все же должен был все свои решения постоянно согласовывать со Сталиным, что делало практически невозможным своевременное и грамотное принятие важнейших решений по управлению войсками. К тому же входившие в состав Ставки члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП(б) совершенно не собирались подчиняться Тимошенко, а наоборот, требовали от него отчетов и докладов, что окончательно дезорганизовало работу Ставки как органа управления войсками. В результате в первые дни войны Вооруженные силы остались без высшего руководящего органа.

Из воспоминаний наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова:

«У нас перед войной весь советский народ был отмобилизован против всякого врага, откуда бы он ни пошел на нашу Родину. Готовность жертвовать

собой ради Родины была доказана на деле. У нас было достаточно и материальной части, хотя более новая и не поспела на фронты к началу войны. Но чего у нас не было, так это организации.

Сейчас многое пытаются объяснить “вероломным и внезапным нападением” немцев, но на самом деле это неверно. Организация отражения “внезапного” нападения была настолько плохой, что, будь на передовом крае вдвое больше современных самолетов и пушек, чем было в ночь на 22 июня 1941 г., многие все равно погибли бы, не оказав должного противодействия. Впрочем, без единства действий всех видов Вооруженных сил на большее рассчитывать и не приходилось. Например, мы, моряки, могли принять большее участие в сражениях на сухопутных направлениях».

(Кузнецов Н.Г. Организация – ключ к победе // Адмирал Кузнецов/ Москва в жизни и судьбе флотоводца. М., 2000. С. 164)

Лишь 10 июля Сталин возглавил Ставку, а 19 июля стал наркомом обороны. 8 августа, через полтора месяца после начала войны, завершилось формирование органа высшего военного руководства – была создана *Ставка Верховного главнокомандования* во главе со Сталиным. Это ничем не оправданное опоздание с формированием высшего органа военного командования стало следствием и недооценки Сталиным важности вопросов военной организации и управления, и его собственной растерянности.

Из воспоминаний маршала Г.К. Жукова

«С военной точки зрения И.В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним начинал войну и вместе с ним закончил ее. До Сталинградской битвы И.В. Сталин практически слабо разбирался в вопросах военной стратегии и еще хуже в оперативном искусстве. Слабо разбирался и в организации современных фронтовых и еще хуже армейских операций.

В начале войны он пытался проявить свое личное оперативно-стратегическое творчество, основанное на его опыте времен Гражданской войны, но из этого ничего хорошего не получилось.

До разгрома немецких войск в районе Сталинграда он имел поверхностное понятие о взаимодействии в операциях всех родов войск и видов вооруженных сил...

Большим минусом для Верховного было то, что за время войны он лично ни разу не побывал в войсках фронтов и своими глазами не видел боевых действий войск. Все выводы он строил на основе докладов своих заместителей, Генштаба, командования фронтов и спецсообщений».

(Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 107–108)

В условиях абсолютной и бездумной преданности Сталину – главного качества военачальника, воспитываемого в предвоенные годы, – оказалось мало. Требовались совсем иные качества – самостоятельность, инициативность, ответственность и, конечно же, профессионализм. Требовалось срочно выявлять, выдвигать таких генералов, и, самое главное, давать возможность им проявить свои профессиональные качества. Но Сталин предпочел действовать по испытанной в 1930-е гг. схеме: есть неудачи – значит есть внутренние враги.

Из постановления Государственного Комитета Обороны от 16 июля 1941 г.:

«Государственный Комитет Обороны устанавливает, что части Красной армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко дер-

жат великое знамя советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо героически, отстаивая родную землю от фашистских грабителей.

Однако наряду с этим Государственный Комитет Оборона должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником...

Исходя из этого, Государственный Комитет Оборона, по представлению главнокомандующих и командующих фронтами и армиями, арестовал и предал суду военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

- 1) бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова;*
- 2) бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских;*
- 3) бывшего начальника связи Западного фронта генерал-майора Григорьева;*
- 4) бывшего командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора Коробкова;*
- 5) бывшего командира 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта генерал-майора Кособуцкого;*
- 6) бывшего командира 60-й горнострелковой дивизии Южного фронта генерал-майора Салихова;*
- 7) бывшего заместителя командира 60-й горнострелковой дивизии Южного фронта полкового комиссара Курочкина;*
- 8) бывшего командира 30-й стрелковой дивизии Южного фронта генерал-майора Галактионова;*
- 9) бывшего заместителя командира 30-й стрелковой дивизии Южного фронта полкового комиссара Елисеева.*

Воздавая должное славным и отважным бойцам и командирам, покрывшим себя славой в боях с фашистскими захватчиками, Государственный Комитет Оборона предупреждает вместе с тем, что он будет и впредь железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной армии, памятуя, что железная дисциплина в Красной Армии является важнейшим условием победы над врагом...»

Вину за разгром Западного фронта возложили на фронтовое командование и некоторых армейских командиров. Из преданных постановлением ГКО от 16 июля 1941 г. суду военного трибунала одни, включая Павлова, были расстреляны, другие приговорены к длительным срокам тюремного заключения.

16 июля указом Президиума Верховного Совета СССР в Красной армии (через 4 дня – на флоте) был в третий раз (1918–1928 гг. и 1937–1940 гг.) введен институт военных комиссаров, функции которых заключались прежде всего в контроле за деятельностью командиров и политико-моральным состоянием подчиненных. В третий раз руководство партии большевиков продемонстрировало свое недоверие комсоставу РККА и РККФ.

Отточенная в ходе репрессий 1930-х гг. система сработала без сбоев: виновные были найдены и приммерно наказаны, вместо них поставлены верные и на-

дежные соратники Сталина. Часть фронтов было объединено в рамках стратегических направлений. Во главе Северо-Западного был поставлен Ворошилов, самое важное – Западное – направление возглавил Тимошенко (в качестве усиления туда же был направлен скорый на выявление измены и расправу Мехлис), Буденный получил Юго-Западное направление.

Самым важным выводом, который сделал Сталин, был вывод о новом характере войны. Об этом вождь сказал в своем знаменитом обращении к стране 3 июля 1941 г.: «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск...». Другими словами, Сталин пришел к выводу: сил одной только Красной армии для победы над врагом недостаточно, необходимы усилия всего советского народа, мобилизация потенциала всего общества. Война должна вестись и на фронте, и в тылу, и на оккупированной территории. По сути обращение Сталина стало призывом к началу подлинной отечественной войны, в которой разгром врага должен был стать делом каждого члена общества. «Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа... Все силы народа – на разгром врага!»

Установка руководства на мобилизацию всего общественного потенциала и принятые в соответствии с ним меры оказались безусловно адекватными и своевременными. Благодаря этим мерам удалось провести массовую эвакуацию промышленности и населения, перевести всю экономику на удовлетворение потребностей войны, мобилизовать и вооружить миллионы людей, развернуть массовую партизанскую борьбу на оккупированной территории. Но все эти меры не смогли предотвратить новые катастрофические поражения Красной армии.

Лекция 32

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ СССР
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Историография Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. представляет собой полотно, зияющее «белыми пятнами и черными дырами». И это понятно: редкая страница истории Советского государства сталкивалась со столькими трудностями при исследовании, подвергалась такой жесткой цензуре и деформирующему воздействию политической конъюнктуры.

Вместе с тем по различным аспектам истории Великой Отечественной войны в СССР и Российской Федерации было издано больше, чем по любому другому хронологическому периоду отечественной истории. Исследования создавались применительно к каждой союзной и автономной республике СССР, к каждой области, почти к каждому городу; выпускались даже книги, посвященные военным годам отдельных промышленных предприятий. Доперестроечная советская литература о войне, взятая в целом, представляет собой огромный пласт, который не может и не должен быть предан забвению. Но разумеется, и на недостатки ее, весьма серьезные, нельзя закрывать глаза.

Осталось много пробелов, «забытых» и пропущенных страниц в летописи 1418 дней войны. Нельзя сказать, что факты неудач и поражений скрывались, поскольку скрыть их было сложно. Но масштаб и причины поражений практически не анализировались. Нельзя также сказать, что замалчивались трудности. Напротив, ими гордились, но не самими трудностями, а их преодолением, но опять же без разбора глубинных, истинных причин этих трудностей. За 45 послевоенных советских лет усилия историков, создавших в основных чертах картину фронтовых операций и жизни народа, породили вместе с тем немало фальсификаций, искажений и пробелов.

Кардинальные перемены в общественно-политической жизни страны на рубеже 1980–1990-х гг. сказались на освещении отечественной истории вообще и прежде всего истории войны. Развернулась острая критика предшествующей историографии и ее основных оценочных постулатов. Начав со вскрытия ошибок Сталина, критики перешли к разному всему и вся, что касалось войны, – ее характера как войны Отечественной, действий Вооруженных сил СССР. «Мы победили вопреки тогдашнему режиму», – резюмировал генерал Д.А. Волко-

гонов. Однако, думается, он слишком поддался «ветру перемен». Военный не может не понимать, что в «войне моторов» (тем более такого масштаба, как Великая Отечественная) нельзя победить, не создав высокоразвитой оборонной промышленности, не оснатив армию передовой техникой, не наладив прочной связи между фронтом и тылом, не поддерживая патриотический подъем населения, готовность к самопожертвованию. «Тогдашний режим» вряд ли можно считать стоящим в стороне от задач, от решения которых зависела и судьба режима Сталина, и судьба СССР как государства, и судьба живших в нем народов, больших и малых.

В середине 1990-х гг. политическое руководство России осознало значение фактора Победы 1945 г. в народном сознании. Юбилеи (а их за истекшие 10 лет было два – 50 и 60-летие Победы – в 1995 и 2005 гг.) неизменно активизировали работу научного исторического сообщества. Состоялись научные конференции, появились новые обобщающие труды. Например, военно-исторические очерки в 4 книгах «Великая Отечественная война. 1941–1945» (М., 1998–1999), ставшие итогом совместной деятельности четырех академических институтов – всеобщей, военной, российской истории, славяноведения РАН. Опубликованы документы, которые в своем большинстве прежде не были известны. Например, 25-томная публикация «Русский архив: Великая Отечественная» (М., 1993–2002), содержащая документы Ставки Верховного главнокомандования, приказы наркома обороны СССР и другие материалы. Сюда же надо добавить десятки монографий, сборники статей и публикации в периодической печати.

Все эти издания принесли немало нового документального материала и тем существенно расширили границы информационного пространства для изучения истории Великой Отечественной войны. Плюрализм, установившийся в отечественной исторической науке, позволяет высказывать различные точки зрения, но он же требует серьезной научной аргументации. И здесь уместно напомнить выдержку из записной книжки писателя Федора Абрамова: «У Солженицына рядовой человек только жертва существующего режима. А на самом деле он и опора его. И именно в этом вся сложность» (Известия. 1990. 4 февр.)

Достоверность этого жизненного наблюдения убедительно подтверждают архивные документы.

В 1995–1999 гг. государственными архивами России было исполнено более 4,2 млн социально-правовых запросов российских и зарубежных, в том числе государств СНГ и стран Балтии, организаций и граждан. Среди них около миллиона запросов о подтверждении участия в Великой Отечественной войне, в том числе в составе партизанских отрядов и подпольных организаций, в работе на трудовом фронте, в строительстве оборонительных сооружений. Наибольшее количество запросов было связано с подтверждением фактов угона на принудительные работы в Германию и другие страны Европы, нахождения граждан в тюрьмах, гетто, концлагерях. Поток запросов резко возрос после опубликования указа Президента России от 24 января 1995 г. «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период».

По неполным данным, архивами России было выдано около 800 тыс. архивных справок по таким запросам. Кроме того, в читальных залах государственных архивов с фильтрационно-проверочными и трофейными делами ознакомились

более 8 тыс. человек – главным образом те, на кого они были заведены, а также их родственники (Козлов В.П. Документы архивного фонда Российской Федерации по истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 6–8).

С 1993 по 1998 г. более 1000 архивных справок по запросам военных комиссариатов, органов социальной защиты и самих участников событий тех лет выдал Центр документации новейшей истории (ЦДНИ), собирающий подобные материалы. Так, в декабре 1992 г. управление ФСБ по Оренбургской области передало в ЦДНИ рассекреченные фильтрационно-проверочные дела на оренбуржцев и реэмигрантов из Китая, на тех, кто родились и призывались в действующую армию из Оренбургской области, а также на гражданских лиц, вывезенных в Германию с оккупированных территорий. На начало 1999 г. в ЦДНИ было собрано 11 тыс. фильтрационных дел, 14 тыс. немецких трофейных карточек, алфавитная картотека на 556 концлагерей и 15 тыс. военнопленных-оренбуржцев.

Сотрудники ЦДНИ Г.М. Десятков и Е.И. Шувалов на основе изучения фильтрационных дел подготовили и издали книгу «Сквозь муки ада» (Оренбург, 1997) об оренбуржцах, прошедших через немецкий плен. Книга разделена на две части; одна посвящена солдатам, которые решили, что лучше умереть, чем смириться с пленом; другая рассказывает о тех, кто стремились выжить любой ценой. Авторы по этическим соображениям изменили подлинные фамилии и имена (Журавлева Л.Б. Как используются фильтрационные дела на Оренбуржье // Отечественные архивы. 1999. № 1. С. 120).

Однако обнаружение ранее секретных документов не поколебало стереотипы знания большинства граждан России по истории 1941–1945 гг.

С 1991 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) начал проводить ежемесячные опросы населения России. Объем выборки составлял обычно 1600 человек взрослого населения. В январе 2005 г. правопреемник ВЦИОМ – Аналитический центр Юрия Левады – обратился к сюжетам Великой Отечественной войны. На вопрос, почему миллионы бойцов и командиров Красной армии оказались во вражеском плену, равное количество опрошенных (по 58%, сумма ответов больше 100%, так как респондент мог назвать несколько вариантов ответа) соглашались с тем, что это было связано с «внезапностью нападения Германии на СССР» и с «просчетами командования Красной армии». Ответ «из-за трусости и предательства» дали 8%, «из-за надежд населения на то, что Гитлер принесет людям освобождение от советской власти» – только 5%. На вопрос, почему в первые месяцы войны Красная армия терпела сокрушительные поражения, 41% опрошенных ответили в духе традиционных объяснений: «Красная армия была ошеломлена внезапностью нападения». 40% предпочли иное объяснение: «руководство Красной армии было обескровлено сталинскими чистками конца 30-х гг.». 37% согласились с тем, что СССР не успел подготовиться к войне; а 32% – с тем, что «Красная армия была значительно хуже обучена и вооружена, чем вермахт, несмотря на все заявления руководства о том, что “мы будем бить врага на его территории”».

Вариативность ответов свидетельствует о том, что в массовом сознании наших граждан еще живучи взгляды, привитые в средней школе, и оценки, заученные в высшем учебном заведении. Одна из причин этого, вероятно, состоит в падении интереса, по сравнению с советскими и «перестроечными» временами, к научной

и даже к научно-популярной исторической литературе, в том, что самостоятельное прочтение современной российской и переводной научной и научно-популярной литературы не стало потребностью для жителей постсоветской России. (Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // 60 летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной. Победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М., 2005. С. 112).

Следует обратить внимание на очень важное обстоятельство. Ныне здравствуют поколения людей, для которых перенесенные жертвы и страдания, благородные порывы наполняют смыслом прожитую жизнь, болят и саднят. Для них объективность – слишком жестокое испытание. А посему многие вопросы тех лет даже сегодня остаются без достоверных и исчерпывающих ответов. Как эмоционально выразился в свое время актер и кинорежиссер Евгений Матвеев, «Дайте нам умереть, а потом делайте, что хотите».

Один из таких вопросов: сколько советских людей погибли за четыре года войны?

По окончании войны, задолго до каких-либо историко-демографических исследований, И.В. Сталин назвал цифру – 5,3 млн человек военных потерь, включая пропавших без вести (очевидно, в большинстве случаев – пленных). В марте 1946 г. в интервью корреспонденту газеты «Правда» (Правда. 1946. 14 марта) людские потери были оценены генералиссимусом в 7 млн. Увеличение произошло за счет гражданских лиц, умерших на оккупированной территории или угнанных в Германию.

При жизни Сталина для советской пропаганды и исторической науки цифра потерь, названная им, являлась аксиомой. Ее не обосновывали и не подвергали сомнению, она исправно воспроизводилась в научной, научно-популярной, учебной и справочной литературе вплоть до 1961 г.

Между тем на Западе эта цифра была воспринята скептически. Уже в конце 1940-х гг. появились первые противоречащие советским данным расчеты демографического баланса СССР за военные годы. Поучаствовали в этом и наши соотечественники, проживающие в эмиграции. Показательный пример – исчисления Н.С. Тимашева, опубликованные в нью-йоркском литературно-политическом «Новом журнале» в 1948 г. (Тимашев Н. С. Население послевоенной России // Новый журнал. 1948. № XIX).

Проследим ход его рассуждений и методику подсчетов.

Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. определила его численность в 170,5 млн. Прирост в 1937–1940 гг. достигал, по его предположению, почти 2% за каждый год. Следовательно, население СССР к середине 1941 г. должно было достигнуть 178,7 млн. Но в 1939–1940 гг. к СССР были присоединены Западная Украина и Белоруссия (по терминологии автора, «восточная часть Польши»), три балтийских государства (Литва, Латвия и Эстония), карельские земли Финляндии, а Румыния вернула Бессарабию и северную Буковину. Поэтому за вычетом карельского населения, ушедшего в Финляндию, поляков, бежавших на запад, и немцев, репатрированных в Германию, эти территориальные приобретения дали прирост населения 20,5 млн. Учитывая, что рождаемость на присоединенных территориях была не более 1% в год, т. е. ниже, чем в СССР, а также принимаемая во внимание краткость временного отрезка между их вхождением в СССР и началом Великой Отечественной войны, автор определил прирост на-

селения для этих территорий к середине 1941 г. в 300 тыс. Последовательно сложив приведенные цифры, он получил 200,7 млн, проживавших в СССР накануне 22 июня 1941 г.

Далее Тимашев разделил 200 млн на три возрастные группы, опять же опираясь на данные Всесоюзной переписи 1939 г., – взрослые (старше 18 лет) – 117,2 млн, подростки (от 8 до 18 лет) – 44,5 млн, дети (моложе 8 лет) – 38,8 млн. При этом он учел два немаловажных обстоятельства. Первое: в 1939–1940 гг. из детского возраста перешли в группу подростков два очень слабых годовых потока родившихся в 1931–1932 гг., во время голода, который охватил значительные пространства СССР и негативно сказался на численности подростковой группы. Второе: в бывших польских землях и балтийских государствах лиц старше 20 лет оказалось больше, нежели в СССР.

Эти три группы Тимашев дополнил числом советских заключенных. Сделал он это следующим образом. Ко времени выборов депутатов Верховного Совета СССР, в декабре 1937 г., население СССР достигало 167 млн, из них избиратели составили 56,36% общей цифры, а население старше 18 лет, по данным Всесоюзной переписи 1939 г., достигло 58,3%. Полученная разница в 2%, или 3,3 млн человек, по его мнению, и составила «население» ГУЛАГа.

Далее Тимашев перешел к послевоенным цифрам. Численность избирателей, включенных в списки для голосования по выборам депутатов Верховного Совета СССР весной 1946 г., составила 101,7 млн. Прибавив к этой цифре 4 млн вычисленных им заключенных ГУЛАГа, он получил 106 млн взрослого населения в СССР на начало 1946 г. Рассчитывая подростковую группу, он взял за основу 31,3 млн учащихся начальной и средней школы в 1947/48 учебном году, сопоставил с данными 1939 г. (31,4 млн школьников в границах СССР до 17 сентября 1939 г.) и получил цифру 39 млн. Рассчитывая детскую группу, он исходил из того, что к началу войны рождаемость в СССР составляла приблизительно 38 на 1000, во второй четверти 1942 г. она сократилась на 37,5%, а за 1943–1945 гг. – наполовину. Вычитая из каждой годовой группы процент, полагающийся по нормальной таблице смертности для СССР, он получил на начало 1946 г. 36 млн детей. Таким образом, по его статистическим выкладкам, в СССР в начале 1946 г. проживали 106 млн взрослых, 39 млн подростков и 36 млн детей, а всего – 181 млн. Вывод Тимашева таков: численность населения СССР в 1946 г. была на 19 млн меньше, чем в 1941 г.

Примерно к таким же результатам приходили западные исследователи. В 1946 г. под эгидой Лиги Наций вышла книга Ф. Лоримера «Население СССР». К чести американского ученого, он прямо предупредил читателей, что его исчисления основаны на нескольких произвольных гипотезах, а посему просил не считать даваемые им цифры веским предсказанием. По одной из его гипотез, в ходе войны население СССР уменьшилось на 20 млн. В эту цифру он включил 5 млн мужчин, убитых на полях сражений, умерших от ран и в плену, а также 15 млн человек, которые СССР потерял вследствие сверхсмертности гражданского населения и дефицита рождений.

В опубликованной в 1953 г. статье «Людские потери во Второй мировой войне» немецкий исследователь Г. Арнтц пришел к заключению, что «20 млн человек – это наиболее приближающаяся к истине цифра общих потерь Советского Союза во Второй мировой войне». Сборник, включающий эту статью, был пере-

веден и в 1957 г. издан в СССР издательством иностранной литературы под названием «Итоги Второй мировой войны». Таким образом, спустя 4 года после смерти Сталина советская цензура (не приходится сомневаться, что на это было получено одобрение ЦК КПСС) пропустила в открытую печать цифру 20 млн, тем самым косвенно признав ее верной и сделав ее достоянием по крайней мере специалистов — историков, международников и т. д.

Илишь в 1961 г. первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров СССР Н.С. Хрущев на пике борьбы с культом личности Сталина в письме шведскому премьер-министру Т. Эрландеру признал, что война с фашизмом «унесла два десятка миллионов жизней советских людей» (Международная жизнь. 1961. № 12. С. 8). Таким образом, по сравнению со Сталиным Хрущев «увеличил» советские людские потери почти в 3 раза. Однако источники происхождения этой цифры (т. е. кто и в силу каких обстоятельств преподнес Хрущеву эту цифру, кем и на основании каких материалов она была подсчитана) до сих пор не известны.

В 1965 г., по случаю 20-летия Победы в Великой Отечественной войне, новизбранный руководитель КПСС Л.И. Брежнев сказал о «более 20 миллионах» человеческих жизней, потерянных советским народом в 1941–1945 гг. В изданном тогда же 6-м, заключительном, томе фундаментальной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» было заявлено, что из 20 млн погибших почти половину «составляют военные и мирные жители, убитые и замученные гитлеровцами на оккупированной советской территории». Спустя 20 лет после окончания войны Министерство обороны СССР признавало гибель 10 млн советских военнослужащих (История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1965. Т. 6. С. 30).

Спустя четыре десятилетия руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН профессор Г.А. Куманев в подстрочном комментарии поведал правду о подсчетах, которые проводили военные историки в начале 60-х гг. при подготовке «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза». «Наши потери в войне были тогда определены в 26 млн. Но “высокими инстанциями” оказалась принятой цифра “свыше 20 млн”» (Куманев Г.А. Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд., доп. и испр. М., 2004. С. 365).

В результате «20 миллионов» не только прижились на десятилетия в исторической литературе, но стали частью национального самосознания.

Во второй половине 1980-х гг. в обстановке нарастающей гласности вопрос о прямых военных потерях СССР был поднят наряду со многими другими острыми вопросами советской истории. К тому же стало очевидным, что методом прямого подсчета жертв войны учесть все смерти невозможно. И дело не только в недостатке информации, содержащейся в источниках. Ведь люди гибли не только на полях сражений, под бомбежками и артиллерийскими обстрелами, в ходе карательных акций гитлеровцев (это прямые военные потери). Смерть постигала советских граждан в результате общего ухудшения условий жизни — голода, холода, болезней и репрессий (это косвенные потери). Наконец, произошло неизбежное снижение рождаемости, а это уже потери демографические. Итак, «демографическая цена» Великой Отечественной войны состоит из прямых, косвенных и демографических потерь.

В 1990 г. последний Генеральный секретарь ЦК КПСС и президент СССР М.С. Горбачев обнародовал новую цифру потерь, полученную в результате исследова-

ний ученых-демографов, – «почти 27 миллионов человек» (Горбачев М.С. Уроки войны и победы // Известия. 1990. 9 мая).

В обстановке слома идеологических запретов начала 1990 х гг., как из рога изобилия, посыпались статьи и книги на эту трагическую, ранее замалчивавшуюся тему.

В 1991 г. вышла книга Б.В. Соколова. В ней прямые военные потери СССР исчислялись примерно в 30 млн, в том числе 14,7 млн военнослужащих, а «действительные и потенциальные потери» – в 46 млн, включая 16 млн неродившихся детей. Автор уверял читателей, что «получить иные результаты просто невозможно» (Соколов Б.В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991. С. 11, 14–15, 22).

Однако спустя несколько лет тот же Б.В. Соколов в статье «Цена войны: людские потери СССР и Германии, 1939–1945 гг.» опроверг сам себя, заявив, что «наши оценки и методика расчетов претерпели большие изменения по сравнению с использованными в “Цене победы”». За этим следует загадочная фраза о введенных в оборот новых материалах. Однако о содержании этих материалов, об их анализе он предпочел умолчать (Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне. Сборник статей. СПб., 1998. С. 197).

Посредством «претерпевших большие изменения» расчетов цифру потерь Б.В. Соколов получил следующим образом. Из численности советского населения на конец июня 1941 г., определенного им в 209,3 млн, он вычел 166 млн, проживавших, по его мнению, в СССР на 1 января 1946 г., и получил 43,3 млн погибших. Затем из полученного числа вычел безвозвратные потери в вооруженных силах (26,4 млн) и получил безвозвратные потери мирного населения – 16,9 млн (Соколов Б.В. Цена войны: людские потери СССР и Германии, 1939 – 1945 гг. // Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. С. 212, 221, 225).

Здесь необходимо прояснить природу появления цифры потерь в советских вооруженных силах в 26,4 млн. В статье Б.В. Соколова «Людские потери России и СССР в войнах, вооруженных конфликтах и иных демографических катастрофах XX в.», опубликованной в журнале «Грани» (1997 г. № 183), сказано: «Считается, что в ходе каждой войны между числом убитых и раненых существует определенная зависимость, близкая к прямо пропорциональной, а их соотношение между собой на протяжении данной войны обычно принимается за постоянную величину. Можно назвать близкое к действительности число убитых красноармейцев за всю войну, если определить тот месяц 1942 г., когда потери Красной армии погибшими учитывались наиболее полно и когда она почти не имела потерь пленными. По ряду соображений в качестве такого месяца мы выбрали ноябрь 1942 г. и распространили полученное для него соотношение числа погибших и раненых на весь период войны. В результате мы пришли к цифре в 22,4 млн убитых в бою и умерших от ран, болезней, несчастных случаев и расстрелянных по приговору трибуналов советских военнослужащих». И к полученным таким способом 22,4 млн он прибавил 4 млн бойцов и командиров Красной армии, погибших в неприятельском плену. Так и получилось 26,4 млн безвозвратных потерь, понесенных вооруженными силами (Соколов Б.В. Людские потери России и СССР в войнах, вооруженных конфликтах и иных демографических катастрофах XX в. // Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне. С. 289).

Помимо Б.В. Соколова аналогичные расчеты провели Л.Е. Поляков, А.Я. Кваша, В.И. Козлов и другие. Методическая слабость подобного рода расчетов очевидна: исследователи исходили из разницы численности советского населения в 1941 г. (которая известна очень приблизительно) и численности послевоенного населения СССР (которую точно определить практически невозможно). Именно эту разницу они сочли общими людскими потерями.

В 1993 г. вышло в свет статистическое исследование под броским названием «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах» (М., 1993), подготовленное коллективом авторов, который возглавлял генерал Г.Ф. Кривошеев. Основным источником статистических данных стали ранее секретные архивные документы, прежде всего – отчетные материалы Генерального штаба. Однако потери целых фронтов и армий в первые месяцы (авторы оговорили это особо) были получены ими расчетным путем. К тому же в отчетность Генерального штаба не вошли потери подразделений, организационно не входивших в состав советских вооруженных сил (армии, флота, пограничных и внутренних войск НКВД СССР), но принимавших самое непосредственное участие в боях (народного ополчения, партизанских отрядов, групп подпольщиков). Наконец, явно преуменьшено количество военнопленных и пропавших без вести. Эта категория потерь, по отчетности Генерального штаба, насчитывает 4,5 млн, из которых 2,8 млн остались в живых (были репатриированы после окончания войны или вторично призваны в ряды Красной армии на освобожденной от оккупантов территории). Соответственно, общее число не возвратившихся из плена, включая тех, кто не пожелали вернуться в СССР, составило 1,7 млн.

В итоге статистические данные справочника «Гриф секретности снят» сразу были восприняты как нуждающиеся в уточнениях и дополнениях.

И в 1998 г., благодаря публикации в «Известиях» статьи В. Литовкина «В годы войны наша армия потеряла 11 944 100 человек», эти данные пополнились на 500 тыс. запасников-резервистов, призванных в армию, но еще не зачисленных в списки воинских частей и погибших по пути на фронт (Известия. 1998. 25 июня).

В заголовок статьи автор вынес общую цифру потерь, в которую включены убитые, умершие от ран на этапах санитарной эвакуации и в госпиталях, осужденные на расстрел, умершие от болезней и несчастных случаев, пропавшие без вести и попавшие в плен, неучтенные потери первых месяцев войны. После исключения из этой цифры повторно призванных и вернувшихся из плена остается итог: по данным Генерального штаба, безвозвратные потери Вооруженных сил СССР составили 9 168 400 человек, из которых сражались с оружием в руках (так называемый списочный состав) 8 668 400 человек.

В статье В. Литовкина рассказывается, что с 1946 по 1968 г. специальная комиссия Генерального штаба, возглавляемая генералом С.М. Штеменко, готовила статистический справочник о потерях 1941–1945 гг. По окончании работы комиссии Штеменко доложил министру обороны СССР маршалу А.А. Гречко: «Принимая во внимание, что статсборник содержит сведения государственной важности, обнаружение которых в печати (включая и закрытую) или иным путем в настоящее время не вызывается необходимостью и нежелательно, сборник предполагается хранить в Генеральном штабе как особый документ, к ознакомлению с которым будет допускаться строго ограниченный круг лиц». И подготовленный сборник находился за семью печатями, пока генерал Г.Ф. Кривошеев не обнародовал его сведения.

Статья В. Литовкина, хотел того автор или нет, посеяла еще большие сомнения в полноте сведений, опубликованных в сборнике «Гриф секретности снят», ибо возник закономерный вопрос: все ли данные, содержащиеся в статсборнике комиссии Штеменко, были рассекречены?

Ведь, скажем, по приведенным в статье данным, за годы войны органами военной юстиции было осуждено 994 тыс. человек, из них 422 тыс. направили в штрафные подразделения, 436 тыс. – в места заключения. Оставшиеся 136 тыс., по-видимому, были расстреляны. Но читатель, знакомый с репрессивной практикой сталинского режима, с многочисленными фактами сокрытия числа жертв репрессий, конечно, должен усомниться в полноте этой цифры.

Не менее сомнительна и статистика военнопленных. Накануне международной конференции по вопросам преследования нацистских преступников, проходившей в Москве весной 1969 г., председатель ее организационного комитета, Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко на страницах «Правды» напоминал: «На территории СССР, подвергшейся оккупации, фашистские захватчики истребили и замучили 6 074 857 мирных жителей – мужчин, женщин, детей – и 3 912 283 советских военнопленных. В это число жертв не входят многие сотни тысяч советских людей, загубленных в гитлеровских концлагерях на территории Польши, Германии, Австрии, в лагерях смерти Освенцим, Дахау, Майданек, Заксенхаузен, Бухенвальд и других. 4 128 796 советских граждан угнали оккупанты в гитлеровскую Германию. Многие из них погибли в так называемых рабочих лагерях» (Руденко Р. Забвению не подлежит // Правда. 1969. 24 марта). Вероятнее всего, что в распоряжении бывшего главного советского обвинителя на Нюрнбергском международном трибунале 1945–1946 гг., были более точные сведения.

И все же справочник «Гриф секретности снят» существенно расширил и дополнил представления не только историков, но и всего российского общества о цене Победы 1945 г. Достаточно сослаться на статистическую выкладку, наводящую на очень серьезные размышления. С июня по ноябрь 1941 г. Вооруженные силы СССР ежедневно теряли 24 тыс. военнослужащих, из них 17 тыс. убитыми и до 7 тыс. ранеными, а с января 1944 г. по май 1945 г. – 20 тыс. военнослужащих, из них 5,2 тыс. убитыми и 14,8 тыс. ранеными.

В 2001 г. появилось значительно расширенное статистическое издание «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил» (М., 2001). Авторы дополнили материалы Генштаба донесениями войсковых штабов о потерях и извещениях военкоматов о погибших и пропавших без вести, которые рассылались родственникам по месту жительства, и полученная им цифра потерь возросла до 9 168 400 человек. Эти данные были воспроизведены в т. 2 коллективного труда сотрудников Института российской истории РАН «Население России в XX веке. Исторические очерки», изданном под редакцией академика Ю.А. Полякова (М., 2001).

В 2004 г. увидело свет второе, исправленное и дополненное издание книги руководителя Центра военной истории России Института российской истории РАН профессора Г.А. Куманева «Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (М., 2004; 1-е издание – М., 2000). В ней приведены данные о потерях: около 27 млн советских граждан. А в подстрочных комментариях к ним появилось то самое, упомянутое выше дополнение, раз-

ясняющее, что подсчеты военных историков еще в начале 1960-х гг. дали цифру 26 млн, но «высокие инстанции» предпочли принять за «историческую правду» иное – «свыше 20 млн».

Между тем историки и демографы продолжали искать новые подходы к выяснению величины потерь СССР в войне, привлекать в качестве статистических источников новые документы, разрабатывать новые методики подсчета.

Интересным путем пошел выпускник Историко-архивного института С.А. Ильенков, работавший в Центральном архиве Министерства обороны РФ. Он попытался вычислить потери личного состава Красной армии на основании картотек безвозвратных потерь рядового, сержантского и офицерского составов. Эти картотеки начали создаваться, когда 9 июля 1941 г. был организован отдел учета персональных потерь в составе Главного управления формирования и комплектования Красной армии (ГУФККА). В обязанности сотрудников отдела входили персональный учет потерь и составление их алфавитной картотеки. 5 февраля 1943 г. отдел преобразовали в Центральное бюро, а 19 апреля 1943 г. – в Управление персонального учета потерь личного состава действующей армии.

Учет вели по следующим категориям: 1) погибшие – по донесениям воинских частей, 2) погибшие – по донесениям военкоматов, 3) пропавшие без вести – по донесениям воинских частей, 4) пропавшие без вести – по донесениям военкоматов, 5) умершие в немецком плену, 6) умершие от болезней, 7) умершие от ран – по донесениям воинских частей, 8) умершие от ран – по донесениям военкоматов. Одновременно учитывались дезертиры, военнослужащие, осужденные на заключение в исправительно-трудовые лагеря, приговоренные к высшей мере наказания – расстрелу, снятые с учета безвозвратных потерь как оставшиеся в живых, находящиеся на подозрении в том, что служили у немцев (так называемые «сигнальные») и бывшие в плену, но оставшиеся в живых. Эти красноармейцы и сержанты не включались в перечень безвозвратных потерь.

После войны картотеки поступили на хранение в Архив Министерства обороны СССР (ныне – Центральный архив Министерства обороны РФ). С начала 1990-х гг. в архиве приступили к скрупулезному подсчету учетных карточек по алфавиту и категориям потерь. На 1 ноября 2000 г. было обработано 20 букв алфавита, по оставшимся необсчитанными 6 буквам был проведен предварительный подсчет, имеющий колебания в большую или меньшую сторону на 30–40 тыс. персоналий. Обсчитанные 20 букв по 8 категориям потерь рядового и сержантского состава Красной армии дали следующие данные: 9 524 398 человек. При этом 116 513 человек были сняты с учета безвозвратных потерь как оказавшиеся живыми по донесениям военкоматов. Предварительный подсчет по 6 не обсчитанным буквам дал 2910 тыс. человек безвозвратных потерь. Итог подсчетов получился таким: 12 434 398 красноармейцев и сержантов потеряла Красная армия в 1941–1945 гг. (Напомним, что это без потерь Военно-морского флота, внутренних и пограничных войск НКВД СССР.)

По такой же методике обсчитывалась алфавитная картотека безвозвратных потерь офицерского состава Красной армии, которая также хранится в ЦАМО РФ. Они составили около 1 млн 100 тыс. человек.

Таким образом, Красная армия в ходе Великой Отечественной войны потеряла погибшими, пропавшими без вести, умершими от ран, болезней и в плену 13 534 398 бойцов и командиров (Ильенков С.А. Память о миллионах павших

защитниках Отечества нельзя предать забвению // Военно-исторический архив. 2001. № 7 (22). С. 76–77, 78). Эти данные на 4 865 998 человек превышают безвозвратные потери Вооруженных сил СССР (списочный состав) по данным Генерального штаба, куда вошли красноармейцы, военные моряки, пограничники, сотрудники внутренних войск НКВД СССР.

В 1997 г. была опубликована статья доктора исторических наук, сотрудника Института военной истории С.Н. Михалева «Цена войны: демографический аспект». Его методика подсчета демографических потерь СССР в годы Великой Отечественной войны заслуживает внимания.

За исходные цифры он взял: а) численность населения страны к середине 1941 г.; б) оценку ожидаемой численности населения на конец 1945 г., поскольку именно тогда, по мнению Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской, изложенном в их труде «Население Советского Союза 1922–1991 гг.» (М., 1993), стало возможным подвести итоги смертности военнослужащих Красной армии, находившихся к концу войны на излечении в госпиталях; в) оценку реальной численности населения к концу 1945 г.

Для получения первой цифры он использовал данные Всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг., которые представлены: а) в архивных документах – 162 039,5 тыс. к началу 1937 г. и 167 306 тыс. к началу 1939 г.; б) в энциклопедическом словаре «Народонаселение» (М., 1994) – соответственно 162 500 и 168 524 тыс.; в) в оценках исследователей, в частности В.Б. Жиромской, – соответственно 162 400 и 167 600 тыс. Каждый из трех вариантов дает оценки среднегодового прироста населения в 1937–1939 гг. от 2,59 до 3,012 млн. Поэтому и численность населения СССР в границах сентября 1939 г. по состоянию на середину 1941 г. колеблется от 174,05 до 176,3 млн. К этим цифрам он прибавил оценки численности населения территорий, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг., которые колеблются от 17,4 до 20 млн. Величину естественного прироста населения для Литвы, Латвии, Эстонии, западных районов Украины и Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины Михалев взял из «Демографического энциклопедического словаря» (М., 1985) и получил прибавку 0,3 – 0,1 млн. Таким образом, численность населения СССР к 22 июня 1941 г. он оценил в пределах 191,8–196,4 млн человек.

Вторую исходную цифру – ожидаемую численность к концу 1945 г. – он вычислил с помощью нахождения значения возможного естественного прироста за 4,5 года.

Третью – численность населения СССР к концу 1945 г. – он вывел из итогов Всесоюзной переписи 1959 г.

В результате С.Н. Михалев пришел к убеждению: во первых, в преувеличении оценки демографических потерь СССР (27 млн); во-вторых, в невозможности однозначной оценки этих потерь; в-третьих, в целесообразности искать истину в пределах полученных верхней и нижней границ (Михалев С.Н. Цена войны: демографический аспект // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. Российско-германская конференция историков в Волгограде. Май 1995 г. М., 1997. С. 21–22).

Мы намеренно привели две методики расчетов демографических потерь СССР и безвозвратных потерь личного состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Первая основывается на архивных материалах, вторая

носит оценочный характер. Первая стремится к выяснению истины, вторая, на наш взгляд, отчасти тенденциозна. Впрочем, каждый вправе иметь собственное мнение, какая из цифр ближе к исторической действительности.

Наконец, отметим еще одну новую тенденцию в изучении демографических итогов Великой Отечественной войны.

До распада СССР не было необходимости в оценке людских потерь для отдельных республик или национальностей. И только на исходе XX в. Л.Л. Рыбаковский попытался рассчитать приблизительную величину людских потерь РСФСР в ее тогдашних границах. По его оценкам, она составила примерно 13 млн человек. Правда, он замечает, что было бы наивно претендовать на большую точность при той исходной информации, которой можно располагать в конце 1990-х гг. (Рыбаковский Л.Л. Людские потери России в войне 1941–1945 гг. М., 2000. С. 34).

По его подсчетам, на всех оккупированных (полностью или частично) территориях России до войны проживали чуть более 30 млн человек. Часть из них находились в армии, часть мигрировали в районы, не занятые врагом, а часть были вывезены на принудительные работы в Германию. Получается, что на оккупированных территориях России во время войны реально могли находиться не более 25 млн человек. Опираясь на этнодемографический метод, разработанный и использованный для оценки численности оstarбайтеров, приходящихся на долю России и доживших до 1999 г. (Рыбаковский Л.Л., Князев В.А., Захарова О.Д. Остарбайтеры: численность, здоровье и условия жизни в современной России. М., 1999), он получил цифру 7,4 млн потерь только гражданского населения.

Потери военнослужащих, приходящиеся на долю РСФСР, он исчислил из величины безвозвратных потерь СССР, предложенной военным ведомством. «Если принять, что доля России в безвозвратных потерях (8668,4 тыс.)... равна 66,3%, то их величина составит 5,7 млн человек». Суммировав 7,4 млн и 5,7 млн, он получил 13,1 млн человеческих жизней, заплаченных РСФСР за победу в Великой Отечественной войне (Рыбаковский Л.Л. Людские потери России в войне 1941–1945 гг. С. 30, 32).

Думается, подведение демографических итогов Великой Отечественной войны еще не закончено. Возможны и необходимы поиск новых архивных материалов и разработка новых методик подсчетов. Не должна быть предана забвению память о миллионах наших соотечественниках, павших в Великой Отечественной войне.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

К РАЗДЕЛУ VIII

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 гг.: Документы и материалы. М., 2004.

Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы: в 2 т. М., 1990.

Дьяков Ю.Л., Бушueva Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество, 1922–1933. Известные документы. М., 1992.

«Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М.; СПб., 2004.

«Зимняя война», 1939–1940: в 2 кн. Кн. 2. И.В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М., 1999.

Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944. СПб., 1995.

Лубянка в дни битвы за Москву. Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., 2002.

Оглашению подлежит. СССР – Германия, 1939–1941. Документы и материалы. М., 1991.

Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны. Материалы декабряского (1940 г.) Совещания высшего командного и политического состава Красной армии. Т. 12(1). М., 1993.

Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны. Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12(1–2). М., 1997.

Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13(2–1). М., 1994.

Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995.

Скрытая правда войны. 1941 год. Известные документы. М., 1992.

1941 год. Документы: в 2 кн. М., 1998.

Баграмян Н.Х. Так начиналась война. М., 2000.

Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М., 1982.

Берия С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. М., 2002.

- Бидерман Г.* В смертельном бою. М., 2005.
- Блок М.* Странное поражение. М., 1999.
- Ванишков Б.Л.* Записки наркома // Знамя. 1988. № 1, 2.
- Василевский А.М.* Дело всей жизни: в 2 кн. М., 1990.
- Гальдер Ф.* От Бреста до Сталинграда. Смоленск, 2001.
- Горбатов А.В.* Годы и войны. М., 1989.
- Гот Г.* Танковые операции
- Гудериан Г.* «Танки – вперед!» Смоленск, 1999.
- Грабин В.Г.* Оружие победы. М., 2000.
- Григоренко П.* В подполье можно встретить только крысы... М., 1997.
- Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. М., 1990.
- Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989.
- Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002.
- Конев И.С.* Записки командующего фронтом. М., 2000.
- Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. Откровенные свидетельства. М., 1999.
- Маништейн Э.* Утерянные победы. М., 2002.
- Попель Н.К.* В тяжкую пору. М., 2001.
- Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1997.
- Симонов К.* Глазами человека моего поколения. Размышления о Сталине. М., 1990.
- Шапталов Б.* Испытание войной. М., 2002.
- Яковлев А.С.* Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 1987.

Литература

- 1939 год. Уроки истории. М., 1990.
- Бешанов В.В.* Танковый погром. М., 2001.
- Война и политика, 1939–1941. М., 1999.
- Герасимов Г.И.* Деятельность высших военных коллегияльных органов по повышению боеспособности Красной армии (1921 – июнь 1941 г.) М., 1999.
- Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. М., 1995.
- Дрогозов И.* Железный кулак РККА. Танковые и механизированные корпуса Красной армии, 1932–41. М., 1999.
- «Зимняя война», 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999.
- Киличенков А.* Краткий курс Великой Отечественной войны. М., 2008.
- Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004.
- Мельтохов М.И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты, 1918–1939. М., 2009.
- Мельтохов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу, 1939–1941 гг. М., 2008.
- Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997.
- Радзинский Э.С.* Сталин: жизнь и смерть. М., 2009.

Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР, 1921–1941. М., 2001.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. М., 1992.

Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.

Соколов Б.В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991.

Сувениров О.Ф. РККА накануне... (Очерки истории политического воспитания личного состава Красной Армии, 1929 – июнь 1941 г.). М., 1993.

Тайны и уроки «зимней войны», 1939–1940. СПб., 2000.

Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001.

Черушев Н.С. Удар по своим. Красная Армия, 1938–1941. М., 2003.

Чубарьян А.О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис, сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008.

Электронные ресурсы

www.nivestnik.ru – журнал «Новый исторический вестник»

Калюсина Р.Н. Горькие радости // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3).
Красовицкая Т.Ю. О детстве, минах и многом другом // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10).

Хаустова К.А. Воспоминания старшины медсанбата // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13).

Быстрова И.В. СССР и союзники в годы Второй мировой войны. «Человеческое измерение» сотрудничества // Новый исторический вестник. 2007. № 1 (15).

Киличенков А.А. «Т-34» против панцерваффе. Из истории ментального противостояния на советско-германском фронте (1941–1945 гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 1 (12).

Сомов В.А. Война и люди. «Нездоровые настроения» советского населения в 1941–1942 гг. // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Какие задачи подготовки к войне решала советская внешняя политика и каковы были достигнутые результаты?

2. Чем объяснялась осторожная позиция советской внешней политики? Чем объяснить сходство политики «умиротворения» Германии и политики западных держав в отношении СССР осенью 1939 г.?

3. Каковы были военно-политические итоги «зимней войны» 1939–1940 гг.?

4. Что явилось причиной окончательной переориентации политики СССР на отношения с Германией? Аргументируйте свой ответ.

5. Каковы были причины сохранения Советским Союзом приверженности отношениям с Германией летом 1940 г.? Чем объяснить советскую территориальную экспансию летом 1940 г.?

6. Чем объяснялось расширение советско-германского экономического сотрудничества в начале 1941 г. несмотря на охлаждение политических взаимоотношений двух стран?

7. Насколько советская внешняя политика смогла обеспечить интересы страны в условиях надвигающейся войны?

8. Какова была эффективность советской внешней политики при подготовке к войне?

9. Каким было соотношение сил Германии и СССР перед 22 июня 1941 г.?

10. Как повлияли на подготовку СССР к отражению нападения Германии политические взгляды и личные качества И.В. Сталина?

11. Чем было продиктовано издание директивы № 3?

12. Насколько директива № 3 оказалась адекватной сложившейся обстановке?

13. Каковы были непосредственные причины поражений Красной армии в приграничных сражениях?

14. Каким образом в начальный период войны проявились особенности советской военно-политической системы и как они повлияли на ход событий?

15. Каковы демографические потери, понесенные СССР в 1941–1945 гг.?

Раздел IX

СССР В 1945–1953 гг.

Лекция 33

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Победа во Второй мировой войне досталась СССР чрезвычайно дорогой ценой. Война ураганом пронеслась над наиболее развитыми в экономическом отношении районами. Разорению подверглось большинство промышленных центров в европейской части страны. Военное лихолетье пришлось и по основным зерновым областям – Украине, Северному Кавказу, Поволжью. Еще более тяжкими оказались людские потери.

Потери СССР в войне составили около 27 млн человек, 1710 городов, 70 000 сел и деревень, 31 850 промышленных предприятий, где до войны работали около 4 млн рабочих, 1135 шахт, дававших стране 100 млн т угля в год, 65 000 км железнодорожных путей, 36,8 млн га посевных площадей, 30% национального богатства.

Послевоенную разруху, трудности восстановления народного хозяйства усугубила жесточайшая *засуха 1946 г.* Солнце безжалостно уничтожило посевы зерна в Молдавии, на Украине, в Центрально-Черноземных областях, Поволжье, на Северном Кавказе. Сельские районы и города охватил *голод*. Точных данных о количестве его жертв нет. Сам факт голода тщательно скрывался властями, в официальных партийно-государственных документах употреблялся термин «продовольственные затруднения».

29 августа 1946 г. правительство сообщило о решении отложить отмену карточной системы на год ввиду засухи в ряде районов СССР и сокращения государственных запасов. В начале сентября на места было разослано сообщение о повышении пайковых цен на продовольствие. Реакция населения была резко отрицательной. В центр последовали сообщения о «враждебных выпадах» людей: «Вчера платили за хлеб 3 руб., а сегодня 10. Где только денег наберешь?», «Опять начали собирать с нас деньги, чтобы готовиться к войне с Америкой», «За границей рабочие добиваются лучшей жизни забастовками, а у нас этого делать нельзя». И тем не менее рабочие завода «Эльфа» в Виль-

ные объявили стачку, используя аргумент, что при зарплате 200 руб. денег не хватает даже на обед. Справедливости ради следует отметить и наличие противоположных взглядов: «Жертвы неизбежны и необходимы...», «Эти тяготы не так уж и велики, не сравнятся с пережитыми во время войны. Лишь бы подольше жил товарищ Сталин, тогда будет все в порядке».

Историк В.Ф. Зима, исследовавший причины и последствия голода 1946–1947 гг. в СССР, полагает, что в целом по стране в послевоенные годы голодало около 100 млн человек, а всего с 1946 по 1948 г. от голода и вызванных им болезней погибли около 2 млн человек, в том числе в Российской Федерации не менее 500 тыс.

В условиях нехватки собственных продовольственных ресурсов советское правительство оказывало продовольственную помощь другим странам, в первую очередь восточноевропейским, которым навязывался социалистический путь развития. Только в 1946–1947 гг. в Болгарию, Румынию, Польшу, Чехословакию и другие государства из СССР было отправлено 25 млн т. зерна.

В отличие от стран Запада, которые по плану госсекретаря США Д. Маршалла в 1948–1952 гг. получили до 17 млрд долл., СССР при восстановлении экономики почти целиком рассчитывал на собственные внутренние ресурсы. Заметную роль сыграли лишь немецкие репарации (4,3 млрд долл.), принудительный труд 3,2 млн немецких и 600 тыс. японских солдат и офицеров, находящихся в советском плену.

Из Германии прибывали эшелоны с техникой, рабочими, инженерами, конструкторами. В счет репараций в Куйбышев была полностью перебазирована фирма «Юнкерс», в Москву – фирма «Отпель», в Красногорск – фирма «Цейс». Однако вскоре советские власти, поняв трудности подобных перевозок, перешли к созданию совместных предприятий на территориях государств, бывших союзников Германии, конечно, под своим полным контролем.

Только огромными усилиями можно было поднять из руин города и села, промышленные предприятия, восстановить инфраструктуру.

Инфраструктура – составные части общего устройства экономической или политической жизни, носящие вспомогательный характер, но обеспечивающие нормальную деятельность системы в целом.

Труд советских людей был самоотверженным и честным. Героизм, смекалку, находчивость проявляли рабочие, инженеры, служащие.

На заводе «Азовсталь» (г. Мариуполь) немцы, отступая, подорвали мощную доменную печь. Домна осела более чем на 3,5 м, сдвинулась с места на 1,3 м, наклонившись на 20 градусов. Эксперты считали, что печь выгоднее разобрать, а на ее месте построить новую, но инженеры предложили, не разбирая домну, поднять ее гидравлическими домкратами, выровнять и передвинуть на старое место. Доменная печь весом 1300 т за 18 рабочих смен была поднята и передвинута на проектную отметку. При использовании обычных методов потребовалось бы не менее 6 мес. для выполнения аналогичной работы. В начале сентября 1946 г. домна выдала первый чугун.

Но героизм не может быть ни массовым, ни продолжительным. И за подъемом следовал спад, когда люди, измученные войной и непосильным трудом, начинали уставать и проявлять недовольство. Они жаловались партийным и советским властям.

«Почему в столовой опять нет хлеба?», «Когда станут полностью отоваривать продовольственные карточки, в частности, на сахар?», «Хватит напряженно работать. Устали».

В середине марта 1946 г. вновь избранный Верховный Совет СССР утвердил 4-й пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. Основные задачи пятилетки заключались в восстановлении пострадавших районов страны, довоенного уровня промышленности и сельского хозяйства. План предполагал выйти на довоенный (1940 г.) уровень в течение двух лет – к 1948 г., а до конца пятилетки значительно превысить его.

Задания 4-го пятилетнего плана:

«Завершить в 1946 г. послевоенную перестройку народного хозяйства, использовать производственную мощность военной промышленности для дальнейшего увеличения экономической силы Советского Союза».

«Обеспечить дальнейшее повышение обороноспособности СССР и оснащение вооруженных сил Советского Союза новейшей техникой».

«Превзойти довоенный уровень народного дохода и уровень народного потребления, для чего всемерно поднять пищевую промышленность, развернуть массовое производство предметов широкого потребления, умножить колхозные доходы, увеличить товарооборот; отменить в ближайшее время карточную систему, заменив ее развернутой культурной советской торговлей».

На встрече с избирателями в феврале 1946 г. Сталин говорил о предстоящих перспективах развития экономики страны, делая упор на тяжелую промышленность. «Что касается на более длительный период, то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который бы дал нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем». По мысли Сталина, выплавка чугуна должна была возрасти до 50 млн т, стали – до 60 млн т, добыча нефти – до 60 млн т. «Только при этом условии можно считать, что наша Родина гарантирована от всяких случайностей... На это уйдет, пожалуй, три новые пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

В условиях перехода от войны к миру встал вопрос о путях развития экономики страны, о ее структуре и системе управления. Речь шла не только о конверсии военного производства, но и о целесообразности осуществления сложившейся модели экономики.

Экономическая модель 20–30-х гг. – с гипертрофированным военным сектором, строжайшей централизацией и жесткостью плановых заданий вплоть до каждого отдельного промышленного предприятия, полным отсутствием экономических стимулов и рыночного обмена, всеохватным административным надзором сверху за работой директорского корпуса – не отвечала потребностям послевоенных лет. Эта модель «мобилизационной», т. е. «директивной», экономики, оправданная в экстремальных условиях военного времени, нуждалась в изменениях применительно к мирным условиям. Подобные настроения возникали не только у партийно-государственных руководителей и экономистов, но и у простых граждан. Однако все попытки перемен в экономической области разбивались об идеологические постулаты и геополитические претензии. Негативную роль сыграли личные амбиции советского политического руководства во главе со Сталиным и американской администрации Г. Трумэна.

Восстановление и развитие народного хозяйства на довоенной технической и технологической базе программировали его дальнейшее отставание от научно-технического прогресса. Достижения научно-технического прогресса применялись преимущественно в оборонной промышленности, которая стеной секретности была отгорожена от гражданского сектора.

В конце 40-х гг. был продолжен курс *форсированного индустриального развития* СССР на прежних административных методах управления. Колебания от внеэкономического принуждения к материальному стимулированию закончились. Несмотря на частичную конверсию оборонной промышленности, военно-промышленный комплекс (ВПК) получил дальнейшее развитие. Военные расходы отнимали до четверти национального дохода страны.

Эти огромные расходы, высасывая все соки из народного хозяйства, способствовали быстрому наращиванию советской военной мощи:

1947 г. – принят на вооружение 7,62 мм автомат М.Т. Калашникова (АК-47) – самое массовое автоматическое стрелковое оружие;

октябрь 1948 г. – проведены успешные летные испытания баллистической ракеты Р-1 (дальность 270 км), совместного детища конструкторских бюро С.П. Королева, В.П. Глушко (двигатели), Н.А. Пилюгина (системы управления), В.П. Бармина (наземное оборудование). Решением правительства от 28 ноября 1950 г. комплекс с баллистической ракетой Р-1 был принят на вооружение Советской армии;

29 августа 1949 г. – взорвана отечественная атомная бомба, созданная усилиями советских ученых, в первую очередь И.В. Курчатова, Ю.Б. Харитона, Я.Б. Зельдовича и А.Д. Сахарова.

Ракетно-ядерная гонка между СССР и США требовала колоссальных ассигнований. Американцы определили стоимость производства атомной бомбы в 2 млн долл. В Советском Союзе подобные сведения находились под секретом, но вряд ли сильно отличались. По пятилетнему плану на 1951–1955 гг. только на строительство и реконструкцию предприятий ракетного производства ассигновалось около 6,4 млрд руб. Роста капиталовложений в оборонный сектор экономики можно было добиться за счет (или в ущерб) других отраслей народного хозяйства, в первую очередь – деревни и легкой промышленности.

В 1945–1950 гг. распределение капиталовложений было следующим: 88% – в тяжелую промышленность, 12% – в легкую. Удельный вес производства группы «А» (средства производства) в общем объеме выпущенной промышленной продукции составил в 1945 г. 74,9%, в 1946 г. – 65,9%, в 1953 г. – 70%.

Сельское хозяйство держалось на внеэкономическом принуждении. Власти указывали крестьянину порядок выполнения полевых работ. Уборку зерновых необходимо было завершить в течение 18–20 дней. Вслед за косовицей требовалось организовать вязку снопов и складирование их в копны. Предписывалось осуществить тщательный сбор колосьев, широко привлекая к этому школьников. К обмолоту зерна нужно было приступать не позднее 5 дней после начала косовицы. Заготовительным органам вменялось в обязанность как можно скорее вручить колхозам обязательства по поставкам государству сельскохозяйственной продукции, исходя из того, к какому разряду урожайности отнесен тот или иной колхоз, «пресекая при этом всякие антигосударственные попытки, направленные к занижению урожайности и тем самым к искусственному снижению

размеров натуроплаты». Судам указывалось «строго карать расхитителей хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, вплоть до применения закона от 7 августа 1932 г.».

Кроме натуральной оплаты (зерном, картофелем) за свой труд на общественных полях, колхозники получали деньги. Доходы большинства колхозов были низкие, не обеспечивающие достаточную оплату труда и необходимое расширение производства. В 1949 г. более половины колхозов страны имели ежегодный доход менее 50 тыс. руб. (в ценах тех лет). Этого едва хватало на самое необходимое, без чего ведение сельскохозяйственного производства вообще было немыслимо. Удельный вес денежных поступлений от колхоза в совокупном доходе семьи колхозника был невелик – всего 20%. Продукты питания – картошку с молоком (основная еда послевоенного поколения) – колхозники получали из личного подсобного хозяйства (подворья), а большую часть денежных доходов – от продажи продуктов горожанам.

Труд на колхозном поле, ферме был плохо механизирован. Дойка, уборка навоза, приготовление кормов, их подвозка – все это делалось вручную, отнимая много сил и времени. Еще одним бедствием деревни были низкие заготовительные цены на колхозную продукцию (зерно, картофель, мясо, молоко). Колхозы в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) сдавали государству половину всего произведенного зерна, больше половины мяса и молока, а заготовительные цены на эту продукцию не возмещали даже затрат на их производство, что приводило к разорению производителя. Вот почему работу в поле или на ферме крестьянин рассматривал как тягостную обязанность. Ежегодно значительная часть посевных площадей убиралась с большим опозданием, часть урожая оставалась в поле под снегом. Здесь сказывались равнодушие людей, изношенность сельхозмашин (тракторов и комбайнов), недостаток квалифицированных кадров механизаторов, позиция машинно-тракторных станций (МТС), которые, получая за свою работу натуроплату с урожайности на корню (в поле), не были заинтересованы материально в сохранении собранного урожая. Специалисты с высшим образованием стремились осесть в управленческом аппарате многочисленных ведомств, руководящих сельским хозяйством.

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 ноября 1945 г.:

«Образовать союзно-республиканский Народный комиссариат технических культур СССР, возложив на него руководство производством хлопка, сахарной свеклы, льна, конопли, табака, махорки, чая, цитрусовых культур, каучуконосов, эфиромасличных культур, сои..., а также руководство шелководством».

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1946 г.

«Разделить Министерство земледелия СССР на два союзно-республиканских министерства: Министерство земледелия СССР; Министерство животноводства СССР. Признать необходимым образование Министерств животноводства в союзных и автономных республиках».

В связи с административной реорганизацией органов управления сельским хозяйством на местах началась организация самостоятельных краевых, областных и районных отделов земледелия, технических культур, животноводства, а МТС были поделены между тремя министерствами в зависимости

от специализации колхозов. В итоге возникла громоздкая система органов управления, порождавшая параллелизм и путаницу в руководстве, а численность управленцев выросла в два раза.

Данные о системе управления позволяют сказать, что мужик, кормивший двух генералов в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина, находился в более благоприятных условиях, чем среднестатистический житель советской деревни послевоенных лет.

Реорганизация была осуществлена без учета особенностей сельскохозяйственного производства, где невозможно отделить полеводство от животноводства.

Помимо работы в колхозе, каждый крестьянин должен был в обязательном порядке заплатить сельскохозяйственный налог государству за пользование личным подворьем. Сельхозналог был одним из источников пополнения государственного бюджета, львиная доля которого тратилась на форсированное развитие тяжелой индустрии, так называемой группы «А» – «производство средств производства». Правительство неоднократно пересматривало нормы доходности крестьянских хозяйств (в 1946, 1948 и 1952 гг.). Если в 1940 г. крестьяне и единоличники выплатили государству 2,4 млрд руб. сельхозналога, то в 1952 г. – уже 8,7 млрд руб. Колхозник, имевший в хозяйстве корову, свинью, двух овец, 0,15 га земли под картофелем и 0,05 га грядок овощей, платил в 1940 г. 100 руб. сельхозналога, в 1952 г. – уже 1116 руб. Не имея возможности рассчитаться с государством по налогам, крестьяне вырубали фруктовые деревья и забивали домашний скот. Для уплаты сельхозналога колхозник вынужден был продавать на рынке почти всю произведенную на личном подворье продукцию.

Государственная политика по отношению к деревне послевоенных лет отрицательно сказывалась на развитии советской экономики. Колхозники старались выработать обязательный минимум трудодней, чтобы не попасть под суд, а в дальнейшем не особенно утруждали себя работой на общественных полях и фермах, сосредотачиваясь на работе на приусадебном участке размером 50 соток, который был по сути единственным источником их существования. Частыми стали случаи, когда колхозники использовали часть заброшенных колхозных земель для посевов овощей и т. д. для себя. Многие не отработывали и необходимого минимума трудодней. Когда ситуация «тихого саботажа» в колхозах стала очевидной для властей, были приняты дополнительные меры по ужесточению внеэкономического принуждения.

19 сентября 1946 г. вышло постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В этом документе подвергались резкой критике «раздувание штатов управленческого и обслуживающего персонала», «растаскивание колхозного имущества» районным начальством, «нарушение демократических основ управления колхозами», «увеличение приусадебных участков» и «неправильное расходование трудодней». Вслед за постановлением началась кампания по изъятию «незаконно захваченных земель» и наведению порядка в учете трудодней, проводимая в соответствии с советской карательной практикой.

В сентябре 1946 г. было опубликовано постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба», которое предусматривало снижение норм выдачи хлеба иждивенцам и детям, снятие с продовольственного снабжения ряда категорий иждивенцев, рабочих и служащих

предприятий местной промышленности, МТС и совхозов. Тем самым советское руководство увеличивало, несмотря на надвигающийся голод, свои продовольственные запасы, дававшие возможность дотянуть до нового урожая.

Эта мера была жестокой. Миллионы мальчишек и девочек, едва переживших ужасы войны, в большинстве своем оставшиеся без отцов, вынуждены были вместо школы идти ради продовольственной карточки либо на завод, либо в ремесленное училище, где они получали бесплатный обед и форменную обувь и одежду. Многие рабочие местной промышленности, МТС и совхозов отважились на протест в форме невыхода на работу, случались избиения ответственных партийных работников. По стране поползли слухи: «На заводе “Большевик” уже повесились 10 женщин из-за того, что нечем кормить детей... Это делают вредители – хозяин отдыхает в Сочи, вот они и вредят...». Распространялись листовки, анонимные письма. Но явления эти были единичными. Основная же масса населения молчала.

В феврале 1947 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), посвященный положению дел в сельском хозяйстве. Ничего нового в его решениях не прозвучало. Резолюция пленума по-прежнему ставила задачу восстановления довоенного уровня валового сбора зерна в течение трех лет, выполнения заданий пятилетнего плана: в 1950 г. собрать 127 млн т при достижении средней урожайности 12 ц с гектара. Достигнуть такого результата предусматривалось экстенсивным и административным путем, т. е. посредством расширения посевных площадей, «улучшения руководства сельским хозяйством», ликвидации нарушений устава сельхозартели, устранения недостатков в организации труда колхозников, улучшения работы МТС.

2 июля 1948 г. Президиум Верховного Совета принял указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни».

Указ давал право местной администрации решать вопрос о выселении в отдаленные края (главным образом в Сибирь) не только колхозников, но и единоличников. Решение о выселении принимали колхозные собрания и сельские сходы. В качестве профилактической меры применялось предупреждение. Всего за 3 месяца действия указа было выселено по стране 23 тыс. крестьян, из них по Российской Федерации – 12 тыс. Административной мерой власти добились от жителей деревни видимого послушания и лояльности. Опасаясь попасть в «черный список» на выселение, крестьяне выходили на общественные работы.

Послевоенная разруха и необустроенность, голод, порожденный засухой 1946 г., подталкивали людей на противоправные действия – воровать, чтобы выжить самому и накормить детей. Волна краж захлестнула страну в первые послевоенные годы. Воровали не только в селе, но и в городе. Власти прибегли к старому административно-карательному приему.

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан» от 4 июня 1947 г.:

«Кража, т. е. тайное или открытое похищение личного имущества граждан, – карается заключением в исправительно-трудовые лагеря на срок от 5 до 6 лет.

Кража, совершаемая воровской шайкой или повторно, – карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от 6 до 10 лет».

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного имущества» от 4 июня 1947 г.:

«Кража, присвоение, растрата или иное хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества – карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от 5 до 8 лет с конфискацией имущества или без конфискации.

Хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества, совершаемое повторно, а равно совершенное организованной группой (шайкой) или в крупных размерах, – карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от 8 до 20 лет с конфискацией имущества».

Указы 1947 г. предусматривали уголовную ответственность (лишение свободы, ссылку) за «бытовое недоносительство», т. е. когда гражданин знал о хищении и разбое, но не поставил в известность правоохранительные органы. Данный шаг властей существенно пополнил контингент советских заключенных.

Министр внутренних дел Л.П. Берия, обосновывая необходимость проведения амнистии, докладывал Президиуму ЦК КПСС 26 марта 1953 г.: «В настоящее время в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях содержится 2 526 402 заключенных... Увеличение за последние годы общего числа заключенных объясняется в первую очередь тем, что принятые в 1947 году указы об усилении уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества и за кражи личной собственности граждан предусматривают исключительно длительные сроки заключения. На 1 января 1953 г. из общего количества заключенных за указанные преступления в лагерях содержалось 1 241 919 человек».

Подневольный труд советских заключенных – еще один источник восстановления и развития советской экономики в послевоенный период. Объем работ, выполняемых осужденными, вырос после войны в несколько раз. Именно с помощью осужденных в необжитых районах страны строились железные дороги, в том числе печально известная Северная дорога вдоль Северного Ледовитого океана от Салехарда до Норильска, впоследствии заброшенная. Заключенными сооружались объекты атомной промышленности, металлургические предприятия, гидроэлектростанции (Куйбышевская ГЭС), каналы (Волго-Донской судоходный канал) и многое другое. В 1949 г. предприятия лагерей и колоний МВД произвели промышленной продукции почти на 20 млрд руб., что составило более 10% общей валовой продукции, производимой в Советском Союзе. За цифрами сухой статистики скрывались тонны и кубометры угля, нефти, древесины, золота, платины, никеля, кобальта, асбеста и многого другого, столь необходимого для развития экономики. Цена человеческой жизни осужденного в расчет не принималась. Бесплатность принудительного труда рождала иллюзию его дешевизны. Однако расходы на содержание военизированной охраны, администрации лагерей, неэффективность труда обесцененных людей, работающих, как правило, не по специальности, без соответствующих машин и механизмов, без соблюдения правил безопасности, без материальных стимулов, делали себестоимость готовой продукции выше, чем на предприятиях с вольнонаемными рабочими. Возможность добиваться плановых показателей за счет новых осужденных негативно отражалась на внедрении в производстве научно-технических новшеств, повышении квалификации

работающих, производительности труда, развращала сознание администрации, инженеров, рабочих из числа вольнонаемных.

Благодаря мощному политико-административному нажиму, откровенному ограблению сельского хозяйства и легкой промышленности (группы «Б» – «производство товаров широкого потребления»), использованию подневольного труда заключенных и иностранных военнопленных, трудовому энтузиазму советских людей, истосковавшихся за годы войны по созидательному труду, в 1946–1950 гг. было восстановлено и построено 6200 промышленных предприятий.

Для сравнения: за годы первых пятилеток (1928–1941 гг.) было введено в строй 9000 предприятий.

Однако сельское хозяйство так и не достигло довоенного уровня, хотя по пятилетнему плану оно должно было его превысить на 27%.

Резко обозначилась серьезная диспропорция в развитии промышленности и сельского хозяйства. Если объемы производства промышленной продукции увеличился в 2,5 раза, то валовая продукция сельского хозяйства выросла только на 10%. Ситуация, сложившаяся в сельском хозяйстве, значительно затрудняла снабжение населения продуктами питания, а легкой промышленности – сырьем. В ситуации тяжелого продовольственного кризиса в Советском Союзе правительство экспортировало сельскохозяйственную продукцию, особенно в страны Центральной и Юго-Восточной Европы, приступившие к «социалистическому строительству». Цена ставки на продолжение форсированного индустриального развития без учета нужд и потребностей граждан Советского государства оказалась слишком высокой и дорогой.

Лекция 34

ВЛАСТЬ И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Советские люди, вынесшие невиданные тяготы военных лет, надеялись, что добытая ими победа коренным образом изменит жизнь к лучшему. Сам характер войны (отечественной, освободительной, справедливой) предполагал единство общества (и народа, и власти) в достижении общей национальной цели – разгромить агрессора. Поэтому победа в Великой Отечественной войне воспринималась как общая.

«9 мая мы все напились, без конца целовались, у кого сохранились пистолеты – стреляли в воздух и опять бежали за водкой, – вспоминал писатель В. Некрасов. – Мы победили!.. Победителей не судят! Увы! Мы простили Сталина все!.. И он, конечно же, понял теперь всю силу народа, поверившего в его гений... Понял... что к потокам крови прошлого, не военного, а довоенного, возврата нет. И мы, интеллигентные мальчики, поверили в этот миф и с чистой душой и открытым сердцем вступили в партию Ленина–Сталина».

Объединенная единой целью, единым интересом общность «народ – власть» начинает раскалываться постепенно, по мере налаживания мирной жизни, формирования комплекса обманутых надежд, проявления кризисных симптомов во властных структурах. В победном 1945 г. советские люди надеялись на улучшение материального благосостояния, верили, что отпадет надобность в политических и идеологических ограничениях. На селе упорно ходили слухи о предстоящем роспуске колхозов.

Из высказываний колхозников:

«Поля запущены, скота нет, никто работать не хочет... Все ждут, что, как распустят армию по домам, колхозы отменяют. Надо перевести всех на индивидуальное хозяйство, как было в 1927 году. Тогда восстановят все, завалят продуктами и деревню, и город».

«А в Америке, говорят, уже решили распустить все колхозы в СССР».

Верующие ждали открытия церквей, закрытых в 20–30-е гг.

Из высказываний верующих:

«Все-таки нажали на советскую власть американцы и англичане, добились своего. Теперь по всему Советскому Союзу началось богослужение. Вот у нас скоро откроется церковь. Тогда мы будем жить, как при царе-батюшке».

На второй день после победы над Японией (4 сентября 1945 г.) Президиум Верховного Совета СССР принял указ о прекращении чрезвычайного положения в стране и упразднении Государственного Комитета Обороны.

В 1946 г. закончила работу комиссия по подготовке проекта новой Конституции СССР. Проект, не выходящий за рамки довоенной политической доктрины, вместе с тем содержал ряд либеральных предложений. В нем допускалось существование мелкого частного хозяйства крестьян и кустарей, основанного на личном труде, и исключающее эксплуатацию чужого труда. При обсуждении проекта (его разослали «специальным порядком» в республики и наркоматы – только высшему руководству) высказывались идеи о децентрализации экономической жизни, о предоставлении больших хозяйственных прав на местах.

Аналогичные идеи прозвучали и в ходе закрытого обсуждения проекта программы ВКП(б), работа над которым завершилась в 1947 г.

На февральском 1947 г. пленуме ЦК партии по предложению А.А. Жданова было принято решение о пополнении комиссии по составлению новой партийной программы ввиду, как предполагалось, созыва в 1947 или 1948 г. XIX партийного съезда и выбытии из комиссии ряда членов, а также по причине отсутствия конкретных результатов работы. В новую комиссию вошли начальник Управления пропаганды и агитации ЦК Г.Ф. Александров (вскоре, попав в немилость за книгу «История западноевропейской философии», он лишится своих постов и его заменит М.А. Суслов), его заместители П.Н. Федосеев и М.Т. Иовчук, председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР О.В. Куусинен. Некоторое время работа велась, а потом замерла.

На пленуме, посетовав на загруженность работой и на возраст, Сталин предложил освободить его от обязанностей министра вооруженных сил. Этот пост занял Н.А. Булганин.

Жданов Андрей Александрович (1896–1948) с 1922 г. на советской и партийной работе, в 1934–1948 гг. – секретарь ЦК, одновременно (1934–1944 гг.) первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). В Великую Отечественную войну – член Военного совета войск северо-западного направления и Ленинградского фронта. Входил в ближайшее окружение Сталина, один из активных организаторов массовых репрессий в 1930–1940-е гг.

Последовали предложения о расширении внутрипартийной демократии, освобождении парторганов от функций хозяйственного управления, разработке принципов ротации кадров и др.

Поскольку оба проекта не были опубликованы и обсуждение их велось в узком кругу партийно-государственных работников высшего звена, появление именно в этой среде либеральных идей свидетельствовало о новых настроениях среди части советских руководителей.

Первым значительным политическим событием в жизни страны после окончания войны стали выборы в Верховный Совет СССР в феврале 1946 г. Подготовка к выборам широко освещалась в советской печати, газетные репортажи демонстрировали «морально-политическое единство» советского общества и «нерушимость блока коммунистов и беспартийных».

На самом деле ситуация была иной. НКВД фиксировал критические настроения в обществе и разговоры советских граждан перед выборами: «Зачем

выдвигать таких людей, как Сталин и Молотов? Все равно – хоть голосуй, хоть не голосуй – они там будут без наших выборов». Или: «Вот тогда (в 1917 г.) была настоящая демократия. А сейчас не выборы, а только оформление предложенных партией людей. Ни выставлять, ни изменять мы не можем». Или: «Хорошо сидеть в Кремле. Он за что-то не помирился с Гитлером – и давай воевать. И сколько погибло хороших людей ни за что ни про что! Лучше бы они сами сошлись, побились на кулаках и узнали бы, кто сильнее... Вот теперь война кончилась. И что мы имеем? Совершенно ничего... Разве это власть? Это настоящие грабители и бандиты, которые ведут к тому, чтобы снова была война или восстание». Конечно, такие высказывания не были всеобщими.

В большей степени настроения разочарования и недовольства проявлялись в вопросах избирателей, задаваемых официальным агитаторам: «Скоро ли будет отменена карточная система?», «Будут ли составляться "черные списки" на граждан, уклоняющихся от голосования?», «Будут ли члены участковой избирательной комиссии следить, кто как голосует?»

Во всех избирательных округах шло обсуждение кандидатов в депутаты, носившее формальный характер, поскольку эти выборы, как и довоенные, в 1937 г., были безальтернативными: по каждому избирательному округу выдвигался только один кандидат. По сути это было нечто вроде плебисцита или, как называл выборы Сталин, «суд избирателей над Коммунистической партией как над правящей партией». Сталин вынужден был учесть в своем выступлении перед избирателями Сталинского избирательного округа настроения, имевшие место в обществе.

Из речи И.В. Сталина на собрании избирателей Сталинского избирательного округа 9 февраля 1946 г.:

«Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах. Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система, особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары и на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы...»

Из информации о политических настроениях среди населения Новгородской области (февраль 1946 г.):

«Среди населения имеются отдельные лица, враждебно настроенные к советской власти, которые пытаются дискредитировать предстоящие выборы в Верховный Совет СССР. Об этом свидетельствует значительное количество фактов, когда отдельные лица выступают с критикой советской избирательной системы или используют продовольственные, жилищные и другие трудности для того, чтобы обвинить в этом советское правительство.

Вот некоторые из этих выступлений.

В городе Боровичи: «Прибавьте сначала хлеба, а потом разъясняйте, что нужно», «Почему только от нас берут, а нам ничего не дают?», «Стоит ли

голосовать, когда все равно выберут коммунистов?», Экспедитор совхоза «Боровичанин» Малышев заявил: «Выборы у нас не демократичные, а выбирают только того, кого назначит партия. Это не выборы, а смех». Педагог школы села Любытино Лебедев П.А. сказал: «Читал положение о выборах. Думал найти в нем какие-либо изменения в пользу демократии, в угоду Англии и Америке. Ничего не нашел. По-прежнему выборы будут одной “видимостью” и войдут в Верховный Совет те, кто угоден партии»...

Дорожкина Е.И.: «А что дает государство колхознику? Керосину нет, спичек нет, мыла нет, а о промтоварах и говорить нечего. Вот и вся забота государства о колхозниках. Верно, государство не забывает колхозников, все время к ним обращается и все требует: давай государству, а сам оставайся голодным. Если колхозников подвергнуть медицинскому освидетельствованию, то все они будут признаны непригодными к физическому труду...»

«Хороши речи, когда человек сытый. Ходят проверяют вшивость. Обеспечили бы хлебом, тогда и вшей не было бы. У немцев кушали вдоволь – и вшей не было... Выбирать не пойду, так как я голодаю».

На первой сессии Верховного Совета в марте 1946 г. был принят закон о преобразовании (фактически переименовании) Совета народных комиссаров СССР в Совет министров СССР, совнаркомов союзных и автономных республик – в соответствующие Советы министров, а наркоматов – в министерства. Союзное правительство по-прежнему возглавил Сталин, который сохранил за собой и пост министра вооруженных сил, но первым своим заместителем по этому министерству вместо попавшего в опалу маршала Г.К. Жукова сделал партработника Н.А. Булганина. В президиум Совета министров вошли 8 заместителей главы правительства: В.М. Молотов – министр иностранных дел, А.И. Микоян – министр внешней торговли, Л.П. Берия – руководитель Специального (атомного) комитета, Н.А. Вознесенский – председатель Госплана СССР, А.А. Андреев – руководил сельским хозяйством, А.Н. Косыгин отвечал за легкую и пищевую промышленность, К.Е. Ворошилов отвечал за культуру и культы и Л.М. Каганович – министр промышленности строительных материалов.

Жуков Георгий Константинович (1896–1974) маршал Советского Союза с 1943 г., четырежды Герой Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны проявил себя как талантливый полководец, сыгравший важнейшую роль в разгроме немецко-фашистских войск. С 1942 г. – заместитель наркома обороны СССР и заместитель Верховного главнокомандующего. От имени Верховного Главнокомандования 8 мая 1945 г. принял капитуляцию фашистской Германии. В 1945–1946 гг. главнокомандующий Группой советских войск и глава советской военной администрации в Германии. С марта 1946 г. главнокомандующий Сухопутными войсками и заместитель министра Вооруженных сил СССР. В этом же году был отстранен от должности Сталиным и занимал посты командующего войсками ряда военных округов. После смерти Сталина вновь вошел в высший эшелон власти (с 1955 г. министр обороны), но в 1957 г. снова попал в опалу и теперь уже Н.С. Хрущевым был освобожден от должности, а в 1958 г. уволен из Вооруженных сил.

Булганин Николай Александрович (1895–1975) с 1937 г. являлся председателем СНК РСФСР, с 1938 г. заместителем председателя СНК СССР. С 1944 г. был членом Государственного Комитета Обороны. С 1947 г., одновре-

менно являлся заместителем председателя Совета министров и министром Вооруженных сил. В 1953–1955 гг. министр обороны СССР. В 1953–1958 гг. председатель Совета министров СССР.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) революционную деятельность начал с участия в событиях первой русской революции в Казани. Член РСДРП с 1906 г. Участник революционных событий 1917 г. В 1920–1921 гг. секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1921–1930 гг. занимал пост секретаря ЦК партии большевиков и одновременно с 1926 г. члена Политбюро; в 1928–1929 гг. первый секретарь Московского городского комитета партии. В 1930–1941 гг. председатель СНК СССР и СТО СССР (до 1937 г.). Находясь на посту председателя СНК, сыграл одну из решающих ролей в раскрестьянивании страны, один из организаторов голода 1932–1933 гг. С 1939 г. нарком иностранных дел, подписавший пакт о ненападении с Германией (пакт Молотова–Риббентропа). С началом войны был назначен заместителем председателя Государственного Комитета Оборона. В качестве наркома иностранных дел (до 1949 г.) участвовал в переговорах с союзниками, в международных конференциях. После XIX съезда партии Сталин решил провести очередную смену руководства. На Молотова, который в 1949 г. был смещен с поста министра иностранных дел, обрушился град обвинений, в том числе в шпионаже в пользу США. Молотов был обречен, его спасла только смерть Сталина. После смерти Сталина занимал пост первого заместителя председателя Совета министров СССР и пост министра иностранных дел. В результате несогласия с курсом Хрущева и с решениями XX съезда КПСС, как участник «антипартийной группы», в 1957 г. был выведен из руководящих органов КПСС и отправлен послом в Монголию, в 1962 г. исключен из партии. Его постоянные обращения к съездам КПСС о восстановлении в партии отклонялись, но в 1984 г. при генеральном секретаре К.У. Черненко Молотов был восстановлен в партии и отправлен на пенсию.

Микоян Анастас Иванович (1895–1978) в 1926–1946 гг. занимал пост наркома внешней торговли, наркома снабжения, наркома пищевой промышленности, наркома внешней торговли СССР, с 1937 г. заместитель председателя СНК СССР. В 1943–1945 гг. член Государственного Комитета Оборона. С 1955 г. – первый заместитель председателя Совета министров СССР. В 1935–1966 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК. В 1964–1965 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР. В середине 50-х гг. выступил вместе с Хрущевым против культа личности Сталина.

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) многолетний руководитель органов госбезопасности, с его именем связаны чудовищные преступления сталинского режима в конце 30 – начале 50-х гг. Член РСДРП(б) с 1917 г. С 1921 г. на руководящих постах в ЧК – ГПУ. В 1931 – 1938 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Грузии. В 1938 г. был переведен в Москву, где стал заместителем, а затем наркомом внутренних дел. В 1938–1945 гг. нарком, в 1953 г. министр внутренних дел). Лично преданный Сталину, являлся исполнителем его воли, организатором многочисленных дел по устранению неугодных лиц. В 1941–1953 гг. заместитель председателя Совета народных комиссаров (Совета министров) СССР. В годы войны входил в состав Государственного Комитета Оборона (с 1944 г. в качестве заместителя председателя), курировал

оборонную промышленность, руководил карательными действиями СМЕРШа и заградительных отрядов. В 1944 г. возглавлял операции органов госбезопасности по депортации народов Северного Кавказа и Крыма. Один из организаторов массовых расстрелов польских военнопленных в Катыни (1940 г.). С 1944 г. курировал работы по созданию атомного оружия. В 1934–1953 гг. член ЦК, в 1946–1953 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК партии. После смерти Сталина сосредоточил в своих руках контроль над всеми правоохранительными органами, выступил с инициативой реформ. Опасаясь захвата власти Берией, партийная верхушка организовала заговор против него. Он был арестован в июне 1953 г. и вскоре приговорен к смертной казни.

Вознесенский Николай Алексеевич (1903–1950) в 1938–1941 гг., 1942–1949 гг. председатель Госплана СССР. В 1946–1949 гг. заместитель председателя Совета Министров СССР, член ЦК (1939 – 1949 гг.), Политбюро в 1947–1949 гг. Был репрессирован по «ленинградскому делу», реабилитирован посмертно.

Андреев Андрей Андреевич (1895–1971) входил в состав ЦК и Политбюро ЦК партии, председатель КПК при ЦК ВКП(б), занимал посты наркома РКИ СССР, заместителя и председателя СНК СССР, наркома путей сообщения, наркома земледелия

Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980) в разные годы занимал посты наркома текстильной промышленности, министра финансов, легкой промышленности, заместителя председателя СНК – Совета министров СССР, председателя СНК РСФСР. В годы войны (1941–1942 гг.) параллельно являлся заместителем председателя Совета по эвакуации. С 1959–1960 гг. председатель Госплана СССР, с 1960 г. первый заместитель председателя, в 1964–1980 гг. председатель Совета министров СССР. Входил в состав ЦК и Политбюро ЦК партии.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) с 1903 г. член партии, до 1917 г. профессиональный революционер, участник революционных событий 1917 г., участник Гражданской войны. В 1920–1930-х гг. благодаря своей близости к Сталину занимал высшие командные посты в Красной армии. Не обладая ни военными знаниями, ни качествами военачальника, в основном выполнял функции политического руководителя армии, тормозя в 30-е гг. техническое перевооружение армии, считая, что в предстоящей войне решающую роль будут играть крупные кавалерийские соединения (впоследствии это сказалось в поражениях Красной армии). Ворошилов входил в ближайшее окружение Сталина, был его верным сподручным; являясь наркомом обороны, способствовал уничтожению лучшей части высшего командного состава. После войны против Финляндии был снят Сталиным со своего поста. В годы Великой Отечественной войны маршал в очередной раз продемонстрировал неспособность командовать крупными операциями и ему было поручено контролировать подготовку резервов Красной армии. До смерти Сталина пользовался его доверием. В марте 1953 г. стал председателем Президиума Верховного Совета СССР. После выступления против Хрущева в 1957 г. и XXII съезда КПСС отошел от политической деятельности.

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) входил в ближайшее окружение Сталина; активный участник массовых репрессий. В разные годы

занимал посты первого секретаря ЦК КП(б) Украины, МК ВКП(б), секретаря ЦК ВКП(б), наркома путей сообщения, заместителя председателя СНК СССР, первого заместителя председателя Совета министров СССР. После 1957 г. был отстранен от активной партийно-государственной деятельности и переведен на хозяйственную работу.

Одновременно произошли некоторые изменения в составе Политбюро ЦК, в который на правах членов вошли Берия и Маленков, в качестве кандидатов – Булганин и Косыгин. Был утвержден и состав Секретариата ЦК: И.В. Сталин, Г.М. Маленков, А.А. Жданов, А.А. Кузнецов и Г.М. Попов.

В партийной иерархии Маленков переместился на несколько ступенек вверх. В отсутствие Сталина он должен был вести заседания Секретариата и Оргбюро.

Маленков Георгий Максимилианович (1902–1988) с 1920 г. состоял в партии большевиков. Был единственным человеком в окружении Сталина с законченным высшим образованием. В 1939–1946 гг. и 1948–1953 гг. секретарь ЦК, в 1946–1953 гг. и 1955–1957 гг. министр электростанций и заместитель председателя, в 1953–1956 гг. председатель Совета министров СССР. В 1939–1957 гг. член ЦК, в 1946–1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК партии. В годы войны являлся членом Государственного Комитета Оборона, военных советов фронтов, председателем Комитета по восстановлению хозяйства на освобожденных территориях. После войны в результате интриг Жданова попал в опалу и был отправлен в Сибирь. В 1948 г. его вернули в Москву, он снова оказался в окружении Сталина, занял пост секретаря ЦК и главы Оргбюро. После смерти Жданова его положение укрепляется. Принял участие в фабрикации «ленинградского дела» и «дела врачей». После смерти Сталина стал главой правительства, выступив с рядом реформаторских предложений. В результате борьбы за власть Хрущеву удалось устранить Маленкова с политической арены. После 1957 г. он был исключен из ЦК, смещен со всех постов и отправлен в Усть-Каменогорск директором ГЭС, а затем директором ТЭЦ в Экибастузе. В 1961 г. был исключен из партии и отправлен на пенсию. До конца жизни сохранял здравый рассудок, живо интересовался политической жизнью страны, с одобрением отнесся к перестройке.

Кузнецов Алексей Александрович (1905–1950) с 1937 г. сначала второй, затем первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, один из организаторов обороны Ленинграда в 1941–1944 гг., в 1946–1949 гг. секретарь ЦК КПСС, с февраля 1949 г. секретарь Дальневосточного бюро ЦК партии. Репрессирован по «ленинградскому делу», реабилитирован посмертно.

Попов Георгий Михайлович (1906–1968) с 1938 г. являлся вторым секретарем МГК, с 1945 г. первым секретарем МК и МГК ВКП(б); с 1946 по 1952 г. секретарь ЦК, в 1944–1950 гг. председатель Моссовета, член ЦК партии, с 1951 г. на хозяйственной и дипломатической работе.

В это же время Сталин начал расследовать «дело Жукова».

На Высшем военном совете в июне 1946 г. было зачитано показание командующего ВВС главного маршала авиации А.А. Новикова о «бонапартистских намерениях» Жукова и его нелояльном отношении к Сталину. В результате Жукова освободили от должности главнокомандующего Сухопутными войсками, а затем Совет министров освободил его и от обязанностей заместителя министра Вооруженных сил. Жуков был назначен командующим Одесским

военным округом. В феврале 1947 г., под предлогом ведения «непартийных разговоров», «отсутствия партийной скромности», «переоценки своей роли в Отечественной войне» Жуков был исключен из кандидатов в члены ЦК. В 1947–1948 гг. «дело» продолжало раскручиваться, и вскоре Жуков был направлен в Уральский военный округ. Характерно, что сам Жуков в своих бедах обвинял не Сталина, а Берия. За опалой Жукова последовали аресты генералов, связанных с ним по службе или пользовавшихся его покровительством. В 1947 г. были арестованы В.Н. Гордон, Г.И. Кулик, Ф.Т. Рыбальченко. В качестве обвинения им были предъявлены разговоры, записанные в их квартирах. Все они были обвинены в измене Родине и приговорены к смертной казни. Но «дело генералов» на этом не закончилось.

Накануне «дела Жукова» было инициировано «дело авиаторов». Были арестованы командующий ВВС главный маршал авиации А.А. Новиков и командующий 12-й воздушной армией маршал авиации С.А. Худяков. Это «дело» давало Сталину возможность собрать компромат на представителей военных кругов, казавшихся ему опасными, и конечно, на Жукова.

В мае 1946 г. арестованным по «делу авиаторов» были предъявлены обвинения в том, что они «протаскивали на вооружение ВВС заведомо бракованные самолеты и моторы крупными партиями и по прямому соговору между собой, что приводило к большому количеству аварий и катастроф в строевых частях ВВС, гибели летчиков». На разные сроки заключения были осуждены Шахурин, Репин, Новиков, Шиманов, Селезнев, Будников и Григорьян.

В массовом сознании большинства людей власть подразделялась на верховную и местную. Местная власть в лице директоров предприятий, председателей колхозов, руководителей партийных и советских органов являлась главным объектом критики со стороны населения. В своих бедах и невзгодах советские граждане винили в первую очередь местное начальство. Другое дело – власть верховная, которую олицетворял Сталин. Выведение Сталина за рамки критики спасало существующий политический режим. Культ личности вождя, благодаря победе, достиг апогея. Для многих советских людей Сталин выступал в роли последней надежды: «Сталин об этом ничего не знает», «Сталина обманывают» и т. п. Почтительное отношение к Сталину, его обожествление являлось не только плодом личных убеждений, личного выбора. Оно культивировалось всей советской идеологией и контролировалось партийно-государственными органами, в первую очередь МВД и МГБ.

1947 г. стал поворотным во взаимоотношениях власти и общества. Используя кредит доверия народа, власти откладывали принятие решений о реформировании экономики, политики, идеологии. Вместо обновления общества народу предлагались объяснения о наличии «временных трудностей», связанных с восстановлением разрушенного войной народного хозяйства, со сложностями внешнеполитической обстановки. Но трудности, тем более временные, рано или поздно преодолеваются. Не дожидаясь накопления критической массы недовольства, власть переключила энергию общества на поиск очередных врагов – внешних и внутренних.

Начали с разоблачительной критики Запада. Советская печать заполнилась статьями, которые раскрывали перед читателями антисоветскую направленность «доктрины Трумэна», экспансионистскую сущность «плана Маршалла».

Президиум Верховного Совета СССР указом от 15 февраля 1947 г. запретил браки между гражданами СССР и иностранцами.

Весной 1947 г. появилось партийно-правительственное постановление «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах», согласно которому создавались особые выборные органы «для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». Первый «суд чести» состоялся в Министерстве здравоохранения СССР в июне 1947 г. над профессорами Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскиным. Медики подготовили научную монографию «Пути биотерапии рака», рукопись которой с ведома советских властей передали американцам. Суд вынес решение «за антипатриотические и антигосударственные поступки» объявить ученым общественный выговор. По итогам суда было подготовлено закрытое письмо ЦК партии «О деле профессоров Ключевой и Роскина», где отмечалось «наличие среди некоторой части советской интеллигенции недостойных для наших людей низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и современной реакционной культурой буржуазного Запада».

Летом 1947 г. состоялась одна из первых творческих дискуссий в области общественных наук. Ее объектом стал учебник Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». В ходе *философской дискуссии*, проведенной под присмотром и при непосредственном участии секретаря ЦК партии Жданова, автор учебника был обвинен в «объективизме», поскольку увязал возникновение марксизма с предшествующей философской мыслью, в том числе буржуазной. Прежняя философия, по оценке Жданова, «не годна как инструмент практического воздействия на мир, как инструмент познания мира» из-за «греха» идеализма и метафизики.

«Железный занавес» отгородил Советский Союз от западных государств, бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Изоляционизм стал неотъемлемым атрибутом жизни послевоенного общества.

Изоляционизм – политика государственной замкнутости, социально-экономической обособленности.

1947 г. оказался знаменателен для советских людей и другими событиями. Во второй раз за советскую историю власти отменили смертную казнь.

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г.:

«1. Отменить в мирное время смертную казнь, установленную за преступления действующими в СССР законами.

2. За преступления, наказуемые по действующим законам смертной казнью, применять в мирное время заключение в исправительно-трудовые лагеря сроком на 25 лет».

Однако это продержалось недолго. Уже в 1950 г. по важнейшим государственным преступлениям (измене Родине, шпионажу, диверсии) смертная казнь была восстановлена.

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г.:

«Ввиду поступивших заявлений от национальных республик, от профсоюзов, крестьянских организаций, а также от деятелей культуры о необходимости внести изменения в Указ об отмене смертной казни...допустить применение к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам смертной казни как высшей меры наказания».

В декабре 1947 г. была проведена денежная реформа и была отменена карточная система на продовольственные и промышленные товары.

Из постановления Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные товары» от 14 декабря 1947 г.:

«При проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более что это будет последняя жертва... Порядок обмена ударит прежде всего по спекулятивным элементам. Потери же подавляющего большинства трудящихся... будут полностью покрыты благодаря отмене высоких коммерческих цен и снижению существующих пайковых цен на хлеб и крупу».

Из постановления Совета министров СССР «О нормах продажи продовольственных и промышленных товаров в одни руки». 14 декабря 1947 г.:

«...Предельные нормы отпуска в одни руки: хлеб печеный – 2 кг; крупа, макароны – 1 кг; мясо и мясoproductы – 1 кг; колбасные изделия и копчености – 0,5 кг; хлопчатобумажные ткани – 6 м; нитки на катушках – 1 катушка; чулки-носки – 2 пары; обувь кожаная, текстильная, резиновая – по 1 паре каждой; мыло хозяйственное – 1 кусок; мыло туалетное – 1 кусок; спичек – 2 коробки; керосин – 2 л».

Реформа была проведена в основном путем деноминации, т. е. замены прежних денежных знаков на новые с изменением их номинала. В течение недели гражданам предстояло обменять свои наличные деньги из расчета 1 : 10 (один новый рубль обменивался на 10 старых). Вклады в сберкассах пересчитывались по льготному курсу: до 3000 руб. перерасчет проводился по курсу 1 : 1, до 10 000 – 3 старых рубля за 2 новых, свыше 10 000 – 2 за 1. Несмотря на то, что реформа сократила объем наличных денег у населения, диспропорцию между спросом и предложением преодолеть не удалось. В ходе реформы был допущен целый ряд злоупотреблений служебным положением со стороны партийно-государственных чиновников.

Из докладной записки министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова в Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 мая 1948 г.:

«В ряде случаев в злоупотреблениях участвовали руководящие работники республиканских, областных, городских и районных советских, партийных и финансовых органов, а также банковских учреждений и сберегательных касс. За злоупотребления в связи с денежной реформой в других учреждениях, кроме торговых и финансовых, привлечено к уголовной ответственности 3449 человек, что составляет 17,6% к общему числу привлеченных. Кроме того, по этим делам привлечено 1124 спекулянта, за взятки использовавших работников торговли и финансовых органов в целях сохранения имевшихся у них значительных сумм путем вложения их в выручку торговых предприятий и незаконных вкладов в сберегательные кассы и отделения госбанка».

В 1950 г. советский рубль был переведен с долларовой на золотой паритет, что обеспечивалось достаточным золотым запасом в казне. В 1953 г. он составил более 2 тыс. т. Курс рубля в этот период был завышен по отношению к иностранной валюте, что объяснялось не развитием экономики, а политическими факторами.

Паритет – соотношение между денежными единицами разных стран либо по количеству золота, которое представляют данные денежные единицы, либо по их покупательной способности.

Для этих лет характерно явление, оставшееся в памяти людей старшего поколения как забота властей о «благе народа», – сталинские снижения цен на продовольственные и промышленные товары массового спроса. Первое снижение цен состоялось в 1948 г., с 1948 по 1954 г. такие мероприятия проводились ежегодно. Как правило, о снижении цен население оповещалось заранее. В магазинах появлялись красочные объявления и плакаты, приглашающие покупателей на распродажу. На предприятиях устраивались митинги, на которых трудящиеся благодарили партию и правительство. Реально цены снижались на несколько процентов, но пропагандистский эффект достигал куда большего размера. С политической точки зрения, это был беспроигрышный ход, но с экономической – иррациональный, противоречащий здравому смыслу.

По первому снижению цен на 20% подешевели спирто-водочные и парфюмерно-косметические изделия, витамины, мотоциклы и велосипеды, на 10% – табак и автомобили «Москвич». Денежная реформа и снижение цен не привели к качественному улучшению жизни советских людей. Если в Москве и Ленинграде удалось создать запасы основных видов продовольствия, то в регионах ситуация оставалась сложной: хлеба было меньше, чем при карточной системе, за продуктами выстраивались огромные очереди, сопровождаемые давками; не обходилось и без жертв.

При средней зарплате 500 руб. в месяц государственные розничные цены на некоторые важнейшие товары народного потребления в 1945–1952 гг. были следующими: 1 кг хлеба – 3–4 руб., 1 кг мяса – 28–32 руб., 1 кг сливочного масла – 62 руб., десяток яиц – 11 руб., шерстяной костюм – 1500 руб.

Существовала реальная оппозиция верховной власти в Советском Союзе или власть сознательно создавала образ «внутреннего врага»? Какие настроения преобладали среди различных социальных слоев советского общества?

Особый характер носило социально-экономическое развитие Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии. В этих новых районах, включенных в состав СССР накануне войны, а затем оказавшихся под немецкой оккупацией, началась коллективизация, или, как было принято называть, «социалистическое переустройство сельского хозяйства». При проведении коллективизации в западных районах страны не были учтены ошибки 30-х гг. – поспешность, нарушение принципа добровольности вступления в колхоз, игнорирование частнособственнической психологии крестьянства, местной специфики землепользования (хутора) и т. д.

В ответ на политические и социально-экономические мероприятия местное население встало на путь вооруженной борьбы против советской власти. Борьба носила ожесточенный и кровопролитный характер. В целях предотвращения «политического бандитизма» началось массовое выселение местных жителей. В 1945–1950 гг. было репрессировано 400 тыс. литовцев, 300 тыс. украинцев, 150 тыс. латышей, 50 тыс. эстонцев, 1 млн 500 тыс. крымских татар и народов Северного Кавказа.

С недоверием и подозрительностью относились власти (да и некоторая часть населения) к бывшим военнопленным и репатриантам.

Репатриант – возвращающийся на родину вследствие репатриации. Репатриация – возвращение на родину военнопленных, беженцев, эмигрантов и т. д.

Во время войны в фашистском плену находились 5,7 млн советских военнопленных, из них 3,3 млн (57,8%) погибли. Сотни тысяч людей, которых освободила Красная армия из плена, и тех, кто освободились раньше и успели принять участие в боевых действиях, оказались вновь в местах заключения или в ссылке, но уже в Советском Союзе.

Официальная статистика называет цифру 5 с лишним миллионов репатрированных советских граждан. Для приема репатриантов в пограничных областях создавались проверочно-фильтрационные пункты, где сотрудники органов внутренних дел, госбезопасности, военной контрразведки решали судьбу возвращающихся на родину людей. Естественно, что большая часть репатриантов стремились вернуться на прежнее место жительства, но органы регистрации не всегда шли навстречу их пожеланиям. После войны эти люди носили незримое клеймо «неполноценных» советских граждан. В анкетах, заполняемых при поступлении на работу или в высшее учебное заведение, появился специальный пункт о пребывании в плену или на оккупированной территории. У человека, отвечающего на этот вопрос анкеты утвердительно, шансы приобрести престижную профессию или поступить в институт резко уменьшались.

Беспощадным преследованиям со стороны властей подверглись граждане, сотрудничавшие с немецкими оккупантами, воевавшие в военных формированиях на стороне нацистской Германии. «Власовцы» – так презрительно называли этих людей – по фамилии советского генерала Власова, сдавшегося в плен немцам и с их помощью сформировавшего Русскую освободительную армию (РОА) для борьбы против сталинского режима.

Одни советские граждане перешли на сторону врага по идейным соображениям – чтобы бороться против диктаторской власти Сталина. Другие, как например, дети раскулаченных и репрессированных, – из-за ненависти к большевикам и желания мстить. Третьи – от безысходности, из трусости или в расчете на заработок и т. д. По сведениям специалистов, занимающихся проблемой коллаборационизма, в годы войны от 900 тыс. до 1,5 млн человек по тем или иным причинам сотрудничали с немецкой администрацией, служили в частях вермахта и различных полицейских, казачьих и национальных формированиях, работали на гестапо и т. д.

Коллаборационизм – сотрудничество жителей оккупированной страны с оккупантами.

Органы госбезопасности, ведя активные розыски таких лиц, относились к ним априорно как к «враждебным и социально-опасным элементам», как к «белобандитам» и «врагам народа», не вникали в причины и конкретные обстоятельства их службы у немцев. Главным было – найти и всенародно осудить. По всей стране один за другим проходили процессы над «изменниками Родины», как их именovala пропаганда. Их ждала смертная казнь или, в лучшем случае, лагерные работы, которые должны были привести к неизбежной смерти.

21 февраля 1948 г. правительство приняло секретное постановление о том, что все лица, которые отбыли срок заключения как политические преступники по приговору 30-х гг., вновь должны быть осуждены. Постановление предписывало создать сеть особых лагерей и определяло лимит их заполнения в 145 тыс.

осужденных. Как жилые, так и рабочие зоны особого лагеря надлежало специально оборудовать, чтобы исключить возможность побега, в жилых зонах вводился режим, близкий к тюремному (решетки на окнах, запирающиеся на ночь бараки, запрет покидать барак в нерабочее время). Заключенных особых лагерей предписывалось использовать на тяжелых работах.

В ноябре 1948 г. власти постановили сохранить депортированным народам статус спецпоселенцев навечно. Их общая численность составляла на конец 1952 г. 2 644 122 человека. Тем самым были перечеркнуты появившиеся после войны надежды у депортированных немцев, калмыков, чеченцев и других народов на возможную реабилитацию, возвращение в родные места и восстановление утраченной государственности. Подобное решение обусловило соответствующее настроение среди депортированных. «То, что нам сделала плохого советская власть, и то, что мы носили “славное” имя спецпереселенцев, мы не забудем до седьмого колена». Именно в послевоенном периоде нужно искать истоки конфликтов на межнациональной почве, которые дали о себе знать в нашей стране во второй половине 80 – 90-х гг. XX в.

На всех уровнях социальной жизни, практически во всех слоях советского общества в послевоенные годы существовали люди, предъявлявшие претензии к сложившемуся политическому режиму и властям. Представления о «монолитном единстве» общества и его преданности вождю, в целом верные в победном 1945 г., чем дальше, тем больше становились иллюзией. Слишком велика была дистанция между народом и властью.

В конце войны советские Вооруженные силы (с 1943–1944 гг. Красная армия стала именоваться Советской) насчитывали в своих рядах 11 млн человек. С 1945 по 1947 г. в ходе демобилизации к мирному труду вернулись 8,5 млн. Демобилизация проводилась неспешно и не достигла таких масштабов, как в США и Англии. Демобилизованным выдавались гражданские документы, направление на работу и продовольственная карточка на 5 дней.

Для многих фронтовиков возвращение в мирную жизнь оборачивалось трагедией.

«Контраст между уровнем жизни в Европе и у нас, контраст, с которым столкнулись миллионы воевавших людей, был нравственным и психологическим ударом», – вспоминал писатель-фронтовик Симонов.

Новый взгляд на себя, на мир, на судьбу страны формировался у фронтовиков не только под действием возросшего чувства личной ответственности, но и в результате осмысления новой информации, которую привнесла война. Она же стала своеобразным местом общения между людьми, жизненные дороги которых в мирное время часто не пересекались. На фронте встретились деревня и город, недоучившиеся студенты и недавние заключенные. Для некоторых горожан (особенно из интеллигентных семей) стало открытием, что деревня живет чуть ли не на грани голода, поскольку колхозы нередко вынуждены отдавать последнее, чтобы прокормить город.

Поэтому превращение поколения фронтовиков в обычных, управляемых граждан стало одной из важных задач государственной политики.

«Сталин – и это мое давнее убеждение, – размышлял ветеран войны историк П.В. Волобуев, – боялся фронтовиков, и не только из-за опасения, что из их среды выйдут советские “декабристы”... Он знал, что они представляли

наиболее активную часть народа, способную к тому же к объединению по законам "фронтового братства". Не случайно их вскоре после Победы перестали жаловать, немало фронтовиков оказалось за решеткой ГУЛАГа. Обращает на себя внимание, что Сталин, равно как и его преемники, не допустили фронтовиков в высшие эшелоны власти. Именно по вине «верхов» общественно-политический потенциал фронтовиков был не только не реализован, но по сути задавлен господствующим режимом».

Социальный феномен представляла собой послевоенная молодежь. Обостренное стремление к самовыражению при отсутствии житейского опыта часто подталкивают молодежь к нарочитой демонстрации своей непохожести на окружающий мир. Дети войны рано выросли, их мироощущение отличалось от представлений сверстников, выросших в мирное время. У этого поколения имелся некий запас внутренней самостоятельности и желание эту самостоятельность реализовать. В 1946–1947 гг. в ряде городов (Москве, Ленинграде, Воронеже, Свердловске и др.) возникли нелегальные группы и кружки молодежи. Официальная пропаганда вступала в противоречие с реалиями повседневной жизни послевоенных лет. Отсюда проистекало стремление самим разобраться в этом несоответствии.

«...Захотелось нам, чтобы все были сыты, одеты, чтобы не было лжи, чтобы радостные очерки в газетах совпадали с действительностью».

В программных документах молодежных групп Сталин обвинялся в предательстве интересов революции, звучал призыв к восстановлению справедливости и социализма. Представления о социализме у участников этих групп формировались при чтении полностью и самостоятельно осмысливании (а не заучивании цитат) работ К. Маркса и В.И. Ленина. Вывод их был категоричен: построенный в СССР Сталиным «социализм» есть не реализация великой мечты основоположников марксизма-ленинизма, а ее грубое извращение.

Конспиративные встречи, псевдонимы, проверки вновь принятых членов – все это напоминало игру, только наказание получилось слишком жестоким и взрослым. Из участников московского «Союза борьбы за дело революции» трое были приговорены к расстрелу, десять человек – к 25 годам лишения свободы, трое – к 10 годам. Аналогичные приговоры были вынесены в отношении членов молодежных организаций, раскрытых органами госбезопасности в других городах страны.

Репрессии второй половины 40-х гг. коснулись части партийно-государственных руководителей центрального и местного звена. Аресты и казни были средством разрешения клановых противоречий в борьбе за власть в среде партийных функционеров, наказанием за намерение провести хотя бы частичную демократизацию существующего политического режима.

В истории послевоенных репрессий особое место принадлежит «*ленинградскому делу*» (1949–1952 гг.), затронувшему властные структуры страны и Ленинграда. На верхнем уровне «ленинградское дело» стало исходом борьбы за влияние на вождя между двумя блоками. С одной стороны – А.А. Жданов и А.А. Кузнецов (бывшие руководители ленинградской парторганизации), с другой – Г.М. Маленков и Л.П. Берия. Смерть Жданова летом 1948 г. ускорила развязку. В ход пошел собранный компрометирующий материал. Начались аресты. Среди арестованных были высшие партийно-советские работники: председа-

тель Совета министров РСФСР М.И. Родионов, член Политбюро, председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский, секретарь ЦК партии А.А. Кузнецов. В общей сложности в Ленинграде и области были освобождены от работы более 2 тыс. руководителей, в том числе 1,5 тыс. партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников. Главный судебный процесс над 9 участниками «дела» состоялся в Ленинграде осенью 1950 г. Подсудимые обвинялись в том, что «представляли собой враждебную группу, которая с 1938 г. проводила вредительско-подрывную работу» с целью «превратить ленинградскую организацию в свою опору для борьбы с партией и ее ЦК». Шестеро из обвиняемых, включая 3 вышеназванных, были приговорены к расстрелу, остальные – к лишению свободы. Приговор привели в исполнение 1 октября 1950 г., восстановив специально для этого смертную казнь, отмененную в 1947 г.

Одновременно с чистками центрального аппарата состоялись разгромы центральных партийно-государственных аппаратов (по сути элит) некоторых союзных республик. Среди наиболее громких дел, связанных с именами республиканских руководителей, были «эстонское» и «мингрельское».

Сигналом к последнему послужила информация о фактах коррупции и злоупотреблений среди руководителей компартии Грузии. Большинство обвиняемых имели мингрельские фамилии (Мингрелия – одна из исторических провинций Грузии), поэтому дело получило название «мингрельского» (1951–1952 гг.). Возникнув как уголовное поскольку факты коррупции среди грузинского руководства действительно имели место, оно вскоре приобрело политический характер. Это уже представляло реальную угрозу Берии, мингрелу по национальности. Были арестованы 37 человек во главе с бывшим вторым секретарем ЦК компартии Грузии М.И. Барамия, несколько тысяч высланы за пределы республики. «Группе Барамия» инкриминировалось стремление ликвидировать в Грузии советскую власть и разделить республику на ряд «отдельных партийных княжеств».

Летом 1951 г. был арестован министр госбезопасности СССР В.С. Абакумов, его кресло занял партработник С.Д. Игнатьев. Вскоре начались аресты сотрудников центрального аппарата министерства. Еще одна перетасовка кадров в органах госбезопасности означала, что вождь недоволен деятельностью карательного ведомства и следует ожидать новых разоблачительных процессов.

«Дело врачей» – единственное в череде послевоенных дел, преданное огласке. Сообщение об аресте группы врачей, названных «убийцами в белых халатах», «врачами-вредителями», опубликовала газета «Правда» 13 января 1953 г. Медики обвинялись в сознательно неправильном лечении руководителей страны. «Врачи-вредители» якобы способствовали смерти первого секретаря Московского комитета партии А.С. Щербакова в 1945 г., секретаря ЦК партии А.А. Жданова в 1948 г. и готовили аналогичные «террористические акты» в отношении других высокопоставленных руководителей Советского государства и партии.

В условиях новой волны репрессий, обрушенных на советское общество, Сталин вынужден был решать проблему политического наследника.

Впервые вопрос о преемнике вождя был поднят уже в 1945 г., когда Сталин тяжело заболел после перенапряжения военных лет.

Дочь Сталина Светлана вспоминает, что в последний раз она видела отца в августе 1945 г. «В следующий раз, – пишет Светлана, – мы увиделись не ско-

ро. Отец заболел и болел долго и трудно. Сказались напряжение и усталость военных лет и возраст, – ему ведь было уже шестьдесят шесть лет».

Состояние Сталина было настолько критическим, что «второй человек» в партийно-государственной иерархии СССР – член Политбюро, заведующий идеологическим отделом ЦК ВКП(б) А.А. Жданов – проводил почти все время в Кремле, ожидая возможной передачи ему временных полномочий по руководству партией и страной.

В последующие годы проблема преемственности верховной власти приобрела еще большую актуальность. После смерти Жданова Сталин возвращается к вопросу о преемнике: «Вознесенский, по-моему, наиболее подходит на пост председателя Совмина, а Кузнецов – на пост Генерального секретаря... Как, не возражаете?» Никто не возражал, но подобные рассуждения вождя провоцировали борьбу за власть в его окружении.

Маленков не собирался терять свои позиции. И здесь его сторонником выступил Берия. В этой связи нельзя не вспомнить их роль в организации «ленинградского дела», кампании по разоблачению «космополитов», «дела Абакумова» и др. Таким способом они избавлялись от возможных претендентов на власть. Авторитет Маленкова в партийных кругах рос, еще больше окреп после XIX съезда партии, на котором он сделал отчетный доклад ЦК, а после съезда вел заседание пленума нового ЦК.

Сталин все чаще уезжал на юг для отдыха и лечения. В год своего 70-летия (1949 г.) он провел в отпуске 3 мес., а в 1950 г. его отпуск растянулся на 6 мес.

В октябре 1952 г. состоялся XIX съезд партии – почти через 14 лет после предыдущего. Съезд изменил наименование партии. Она стала называться Коммунистической партией Советского Союза (КПСС). Съезд также обсудил вопрос об изменениях в Уставе. В принятом новом Уставе партии давалось определение ее главных задач на период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. Изменения были внесены и в структуру центральных партийных органов. Вместо Политбюро учреждался Президиум ЦК (в составе 25 членов), а вместо Оргбюро – Секретариат. На состоявшемся после съезда, 16 октября, пленуме ЦК КПСС были избраны руководящие органы партии.

Сталин, выступая на пленуме с речью, сказал: «Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела... Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. А что значит вырастить политического, государственного деятеля? Для этого нужны большие усилия. Потребуется десять, нет – пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля. Но одного желания для этого мало. Воспитать идейно стойких государственных деятелей можно только на практических делах, на повседневной работе по осуществлению генеральной линии партии, по преодолению сопротивления всякого рода враждебных оппортунистических элементов, стремящихся затормозить и сорвать дело строительства социализма».

Сталин, таким образом, вновь заговорил о своем возрасте и попросил освободить его от исполнения функций генерального секретаря.

При этих словах Сталина встал Маленков, воздев руки и жестах прося зал немедленно отказать вождю. Из зала стали раздаваться возгласы: «Нет!»

Просим остаться!». Писатель К.М. Симонов, участник пленума, вспоминал: «Лицо Маленкова сразу же приобрело выражение человека, которого только что миновала прямая, реальная смертельная опасность, потому что именно он, ведущий практически большинство заседаний Секретариата ЦК, в случае другого решения вопроса был единственной кандидатурой».

Затем Сталин неожиданно для всех обрушился на Молотова и Микояна с обвинениями в нестойкости, нетвердости, в склонности к трусости и капитулянтству. Он четко дал понять, что не желает видеть своим преемником Молотова.

«Не знаю, – вспоминал Симонов, – почему Сталин выбрал в своей последней речи на пленуме ЦК как два главных объекта недоверия именно Молотова и Микояна. То, что он явно хотел скомпрометировать их обоих, принизить, лишить ореола одних из первых после него самых исторических фигур, было несомненно...».

Таким образом, Сталин вычеркнул из числа возможных преемников руководителей, входивших в 20–40-е гг. в ближайшее его окружение. Ранее подобная участь постигла Кагановича и Ворошилова. В последний год жизни большинство вопросов Сталин предпочитал решать с Маленковым, Берией, Хрущевым и Булганиным. Однако вождь не рассматривал их как потенциальных преемников – ни всех вместе, ни каждого в отдельности.

Эти зигзаги политической борьбы оставались неведомы для советских людей.

Смерть Сталина 5 марта 1953 г. остановила очередной виток репрессий. В тот же день состоялось совместное заседание членов ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР. На заседании были внесены изменения в руководство партий и страной. СССР вступал в новый период своего развития.

Послевоенные годы оставили без изменений советскую политическую систему, однако в обществе в это время происходили перемены, связанные с надеждами на либерализацию политического режима. Верховная власть в лице Сталина, используя сложности восстановления разрушенной войной экономики, ситуацию разгорающейся холодной войны, направила энергию недовольства в обществе по поводу не оправдавшихся ожиданий улучшения жизни по проверенному в 20–30-е гг. пути поиска врагов внутренних и внешних.

Лекция 35 ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Победа народа в Великой Отечественной войне возродила в обществе не только утрачиваемые в репрессиях чувства достоинства, уверенности в себе, не только уменьшила страх перед начальством, чиновником. С фронта возвращались люди, прошедшие ад кровавых сражений, пережившие горечь потери друзей, видевшие ежедневные картины смерти. Неменьшие испытания пережили люди и в тылу. Уже ставший привычным довоенный аскетизм был усугублен тяготами эвакуации, восстановления заводов, трудностями тылового быта. Но радость Победы над опаснейшим и сильным врагом (а часто и над самим собой) придавала силы налаживать мирную жизнь.

Переход к мирной жизни потребовал и от государства, и от людей значительных усилий для восстановления социально-культурной сферы СССР.

Фашистские захватчики разрушили 84 тыс. школ, сотни вузов и научно-исследовательских учреждений, сожгли и разграбили 430 музеев, 44 тыс. домов культуры, библиотек, клубов. Значительное количество историко-культурных ценностей было вывезено оккупантами в Германию.

Особое внимание уделялось восстановлению и дальнейшему развитию народного образования. С 1949 г. в стране повсеместно начал осуществляться переход к обязательному 7-летнему обучению, и что особенно важно – сельского населения. К 1952 г. в Советском Союзе в основном было введено всеобщее 7-летнее бесплатное образование.

Какие интересы, привязанности могли быть у школьников первых послевоенных лет? Любопытные сведения дало анкетирование 163 выпускников школ г. Челябинска в 1946 г. Половина юношей и девушек проводили свой досуг за чтением, треть занималась спортом, и только малая часть указала на интерес к музыке и живописи. Любимые писатели – А.М. Горький и Л.Н. Толстой (их назвали 30% опрошенных), за ними следовали А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, М.А. Шолохов, В.В. Маяковский, А.А. Фадеев, Н.А. Островский. Никто не упомянул опальных советских авторов и произведения зарубежных писателей. В ответах на вопрос о любимом литературном герое лишь 15% анкетированных назвали Павла Корчагина, Андрея Болконского, Татьяну Ларину, Наташу Ростову. Интересно, что часть выпускников отдал предпочтение героям, кото-

рые, с точки зрения советской педагогики, никак не могли служить примером для подражания, – Платону Каратаеву, Остапу Бендеру, Нехлюдову, Печорину. Молодых людей тянуло, как видим, к непростому философствованию о смысле жизни, к попыткам понять неординарного и «лишнего» Печорина...

Восстановление разрушенной войной экономики требовало специалистов с высшим и средним специальным образованием. Открывались новые высшие учебные заведения во Владивостоке, Иркутске, Новосибирске и других городах. С 1950 по 1955 г. появилось 50 новых вузов. Непрерывно росло и число студентов. В 1946 г. на 1-й курс высших учебных заведений страны поступили 205,1 тыс. человек при плане 195 тыс. Конкурса при поступлении практически не было: зачисляли всех получивших на вступительных экзаменах удовлетворительные оценки. В студенческие аудитории пришли и демобилизованные фронтовики. В 1946 г. их было 41 тыс., т. е. каждый пятый студент был фронтовиком. Это был качественно иной контингент студентов, с их часто не знакомым преподавателям опытом войны и фронтовой жизни. Они не боялись задавать непростые вопросы, требовали на них ясных ответов, а не изложения только марксистских схем и формул. Что важно, многие из них стремились получить гуманитарное образование.

Осенью 1951 г. в аудиториях вузов приступили к занятиям 350 тыс. первокурсников. В начале 50-х гг. в стране действовало 800 вузов и более 3 тыс. техникумов, где обучались свыше 3 млн студентов.

Победа вселила и в интеллигенцию надежды на ослабление идеологического диктата партийно-государственного аппарата.

«...И в конце войны, и сразу после нее, и в сорок шестом году, – вспоминал писатель К. Симонов, – довольно широким кругам интеллигенции <...> казалось, что должно произойти нечто,двигающее нас в сторону либерализации...»

Однако ожидания интеллигенции относительно либерализации политического режима и расширения свободы творчества оказались несостоятельными. Уже в 1946 г. были обнародованы три постановления ЦК ВКП(б) – о литературно-художественных журналах, кинематографии и театральном творчестве. В первую очередь сталинский режим внес «ясность» в то, как должны функционировать наиболее массово используемые в духовной жизни сферы культуры. Партийные документы подготовил секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии А.А. Жданов.

Из постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград” от 14 августа 1946 г.:

«Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия. Поэтому всякая проповедь безыдейности, аполитичности, “искусства для искусства” чужда советской литературе, вредна для интересов советского народа...

В журнале “Звезда” за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных,

идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой “Звезды” является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции “Звезды” известно, что Зощенко давно специализировался на писанин пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание... Злостно хулиганское изображение Зощенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами... Журнал “Звезда” всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой... Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, – “искусства для искусства”, не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе...»

Из постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 г.:

«... В театральной критике сложилась антипартийная группа последней буржуазного эстетства... Эти критики утратили свою ответственность перед народом, являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему буржуазного космополитизма; они мешают развитию советской литературы... Им чуждо чувство национальной советской гордости... Надо решительно, раз и навсегда покончить с либеральным попустительством всем этим эстетствующим ничтожествам, лишенным здорового чувства любви к родине и к народу, не имеющим за душой ничего, кроме злопыхательства и раздутаго самомнения. Надо очистить атмосферу искусства от антипатриотических обывателей...»

Драматурги и театры должны отображать в пьесах и спектаклях жизнь советского общества в ее непрерывном движении вперед, всячески способствовать дальнейшему развитию лучших сторон характера советского человека, с особой силой выявившихся во время Великой Отечественной войны».

Постановлением театры обязывались «ставить ежегодно не менее двух-трех высококачественных в идейном и художественном отношении спектаклей на современные советские темы».

Из постановления ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь» от 4 сентября 1946 г.:

«...ЦК ВКП(б) отмечает, что подготовленный Министерством кинематографии кинофильм “Большая жизнь”... порочен в идейно-политическом и крайне слаб в художественном отношении... В фильме фальшиво изображены партийные работники. Секретарь парторганизации на восстанавливаемой шахте показан в нарочито нелепом положении, поскольку его поддержка инициативы рабочих по восстановлению шахты может якобы поставить его вне рядов партии. Постановщики фильма изображают дело таким образом, будто бы партия может исключить из своих рядов людей, проявляющих заботу о восстановлении хозяйства...»

Объектами критики в первом постановлении были «салонная дворянская поэтесса Ахматова» («Не то монахиня, не то блудница, а вернее, блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой») и «мелкобуржуазный пошляк и

хулиган Зощенко». Поводы указывались самые нелепые: М. Зощенко обвиняли в очернительстве советской действительности на страницах детского рассказа «Приключения обезьяны», А. Ахматову упрекали в эстетстве и декадентстве. За критикой последовали организационные выводы. Литераторов исключили из Союза писателей СССР, перестали печатать, лишив, таким образом, возможности зарабатывать на жизнь. Журнал «Ленинград» был закрыт, а в «Звезде» поменяли редколлегию.

Постановление о музыке, осуждающее «антинародное» формалистическое направление в музыкальной культуре, появилось позже – в *феврале 1948 г.* В постановлении ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» указывались композиторы, чья «музыка перестала отвечать своему назначению – доставлять наслаждение». «Черный» список включал выдающихся деятелей отечественной музыкальной культуры – С.С. Прокофьева, Д.Д. Шостаковича, А.И. Хачатуряна, Н.Я. Мясковского.

Все партийные решения, принимаемые по специальным вопросам, выносились на широкое всенародное обсуждение. Организуя подобные кампании, власть преследовала несколько целей.

Во-первых, интеллигенции напоминали, что лозунг «искусство принадлежит народу», принципы партийности и классовости (метод социалистического реализма), существовавшие в довоенные годы, никто не отменял. Интеллигенция – слой образованных людей, главный смысл деятельности которого заключается в «служении народу». И если «народ» не понимает, если ему «не нужно» то или иное произведение, значит, следует подчиниться основному требованию к деятелям культуры – создавать произведения, понятные советским людям. «Всенародное обсуждение» власть использовала как инструмент воздействия на умонастроения наиболее думающей и сомневающейся части (прослойки) советского общества.

Во-вторых, предоставляя возможность населению высказаться вслух, невзирая на авторитеты, партийные органы тем самым способствовали выходу негативных эмоций у людей, выводя себя из-под критики за послевоенные несбывшиеся надежды и неосуществленные мечты.

В-третьих, у рядового советского человека возникало ложное ощущение сопричастности к большой политике, к процессу принятия решений верховной властью.

За всеми этими «проработками» явно просматривалась фигура Сталина. Вождь внимательно следил за новинками советской литературы и кино. В Кремле для него оборудовали специальный зал для просмотра фильмов. Сталину удавалось сохранять дистанцию при проведении погромных кампаний. Иницилируя их, вождь выглядел защитником справедливости.

Находясь в апогее культа собственной личности, вождь мог позволить себе и некоторые «чуждачества», особенно в первые послевоенные годы.

В 1946 г. журнал «Знамя» опубликовал повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда». Фронтовик, демобилизованный из армии по ранению, поведал читателям о «своей войне». Автор стал родоначальником нового жанра советской литературы – «окопной» прозы. Стиль изложения, фактура материала резко отличались от принятых схем изображения боевых действий. Книга поразила читателей своей правдивостью. В том же году увидела свет повесть Веры

Пановой «Спутники», тоже о войне как она есть – без придуманной героики, без ложного пафоса. Война была показана автором как трудная работа. Эти повести стали символами новой, послевоенной литературы.

И хотя произведения Пановой и Некрасова получили одобрение самого Сталина и им присудили сталинскую премию, не они определяли лицо послевоенной художественной прозы. Литературным образчиком времени стали романы С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» (1947 г.) и «Свет над землей» (в 2 кн., 1949–1950 гг.), рисующие лубочные картинки минувшей войны и героические будни послевоенной колхозной деревни. Романы М. Бубеннова «Белая береза» (1947 г.), Ф. Панферова «Борьба за мир» (в 2 кн., 1945–1947 гг.) и «В стране поверженных» (1948 г.) представляли собой типичные заказные произведения, изображающие события недавнего прошлого в духе решений партии и правительства.

В 1947 г. партийная печать подвергла критике роман А.А. Фадеева «Молодая гвардия», изданный в 1945 г. Подчеркивались серьезные недостатки книги, написанной руководителем Союза советских писателей. «...Из романа выпало самое главное, что характеризует жизнь, рост, работу комсомола, – это руководящая, воспитательная роль партии, партийной организации». В новой редакции романа (1951 г.) писатель учел замечания. Он показал деятельность руководителей партийного подполья г. Краснодона, создал вымышленный образ вдумчивого партийного руководителя.

Прямолинейностью, схематизмом характеров героев, упрощенностью страдали литературные произведения на так называемую «производственную тему». Фабрикацию подобных романов остро высмеял поэт А.Т. Твардовский в конце 50-х гг. в поэме «За далью даль».

Роман заранее напишут,
Приедут, пылью той подышат,
Потычут палочкой в бетон,
Сверяя с жизнью первый том.
Глядишь, роман, и все в порядке:
Показан метод новой кладки,
Отсталый зам, растущий пред
И в коммунизм идущий дед.
Она и он передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал...

Пристальное внимание власти уделяли кинематографу, самому доступному и на самом деле любимому широкими слоями населения виду искусства. Для человека послевоенного общества психологически было весьма характерным желание отдалить себя от негативных воспоминаний, связанных с войной. Самой доступной формой отвлечения от реальности было посещение кинотеатра. Каждый новый фильм становился событием, люди смотрели их помногу раз. Одним из «чуждачеств» партии (впрочем, небескорыстным) стал показ целого ряда трофейных фильмов. Сборы за просмотр этих фильмов были колоссальными. Но советские люди (особенно молодежь) впервые получили возможность

увидеть зарубежные фильмы. Особенно значимым стало это событие для молодежи, которая не видела заграничные, той жизни, которую сумели увидеть многие фронтовики. До сих пор современники вспоминают популярные в послевоенные годы фильмы «Девушка моей мечты», «Тарзан», «Серенада Солнечной долины». Романтика этих фильмов стала важным импульсом для многих шестидесятников, «детей XX съезда», как их называют.

Из отечественных фильмов самыми популярными были комедии И.А. Пырьева и Г.В. Александрова «Сказание о земле Сибирской» (1947 г.), «Кубанские казаки» (1950 г.), «Весна» (1947 г.). Фильмы рассказывали о послевоенной жизни – радостной, счастливой, полной изобилия. В действительности ничего подобного не было, но сюжеты кинолент совпадали с настроениями зрителей: так должно быть, и так будет. Да и герои этих фильмов уже отличались от героев предвоенных лент. Центральным стержнем сюжета, несмотря на обязательный «производственный фон», все-таки становилась мелодрама, подлинные, а не ходульные человеческие чувства. Послевоенный зритель полюбил «Кубанских казаков» не за горы продуктов, которых так недоставало у него на столе, а за любовь главных героев, за прекрасные песни, исполняемые и нынче. Но смелый, ловкий и справедливый Тарзан также стал культовым героем для молодежи, особенно для послевоенных подростков. Красота и элегантность М. Рокк восхищала советских девушек.

В этих условиях власть начала разворачивать кампанию борьбы с «низкопоклонством и раболепием перед иностранщиной». Власть настаивала, чтобы предпочтение отдавалось кинокартинам историко-биографического жанра, посвященным отечественной истории, лентам о войне и роли в ней Верховного главнокомандующего Сталина. Фильмы режиссеров Г.М. Козинцева «Пирогов» (1947 г.), Г.Л. Рошаля «Академик Иван Павлов» (1949 г.) и «Мусоргский» (1950 г.), М.Э. Чиаурели «Клятва» (1946 г.) и «Падение Берлина» (1949 г.) не сходили с экранов советских кинотеатров.

Партийная цензура строго следила за идейной выдержанностью снимаемых кинолент. Секретариат ЦК ВКП(б) запретил выпускать на экраны страны вторую серию фильма С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный» ввиду ее «антиисторичности и антихудожественности». От кинорежиссера В.И. Пудовкина, снимающего фильм «Адмирал Нахимов», Секретариат потребовал существенной перedelки сценария и изменения отдельных уже отснятых сцен. Но в центре внимания режиссеров все же оказывался реальный человек, его характер, его вклад в историю и культуру страны. Веселых героев «Волги-Волги», талантливо сыгранных прекрасными актерами, зрителю не с кем было сравнить, приходилось верить только режиссеру. О лауреате Нобелевской премии И.П. Павлове, об адмирале Нахимове, о гениальнейшем хирурге и педагоге Н.И. Пирогове можно было прочитать в книгах, сравнить с тем, что было показано в фильме, подумать.

С «формализмом» боролись и в изобразительном искусстве. Учрежденная в 1947 г. Академия художеств СССР во главе с А.М. Герасимовым превратилась в оплот метода социалистического реализма в живописи. От художников требовали изображения положительного героя, понятного советским людям. Самыми «проходными» были полотна и скульптуры, посвященные вождю, историческому прошлому, минувшей войне, мирной жизни Советской страны.

Создавались в эти годы и прекрасные произведения: картины А.П. Бубнова «Утро на Куликовом поле», Ю.М. Непринцева «Отдых после боя» (по поэме А.Т. Твардовского «Василий Теркин»), А.И. Лактионова «Письмо с фронта», А.А. Пластова «Сенокос» и «Жатва», монумент советским воинам в Берлине скульптора Е.В. Вучетича.

Но в эти же годы Н.В. Томским был создан памятник Н.В. Гоголю в Москве, так непохожий на прежний, любимый москвичами памятник, задвинутый подальше от глаз, в глубину двора. Советскому правительству был нужен другой Гоголь – не измученный собственной сатирой автор, сжегший свои «Мертвые души». Гоголь Н.В. Томского, этот «генерал от литературы», и поныне открывает перспективу московского бульвара. Такой Гоголь был весьма под стать и символу искусства того времени – монументу Сталина работы Вучетича, поставленному на Волго-Донском канале (на отливку крупнейшей фигуры вождя пошло 33 т меди).

Огромные потери в послевоенные годы продолжала нести наука. Безапелляционное и бездушное вмешательство партийных органов ощутили на себе многие отрасли науки и исследовательские направления. Продолжалась практика насаждения пренебрежительного отношения к достижениям западной научно-технической мысли, усилилось цитатничество. Целые научные направления объявлялись вредными, антимарксистскими.

Наиболее показательной в этом отношении стала *дискуссия биологов*.

Из письма академика Т.Д. Лысенко И.В. Сталину от 27 октября 1947 г.:

«Если мичуринские теоретические установки, которых мы придерживаемся и на основе колхозно-совхозной практики развиваем, в своей основе правильны, то назрела уже необходимость нашим руководящим органам образования и сельского хозяйства сказать свое веское слово, внести резкий перелом в дело воспитания наших кадров биологов, агрономов и животноводов <...> Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь этому хорошему, нужному для нашего сельского хозяйства делу».

Из письма И.В. Сталина Т.Д. Лысенко от 31 октября 1947 г.:

«Что касается теоретических установок в биологии, то я считаю, что мичуринская установка является единственно научной установкой. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретенных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину».

Поддержка вождя дала возможность Т.Д. Лысенко спокойно готовить проект доклада «О положении в биологической науке», в котором он громил своих научных оппонентов. Накануне печально знаменитой сессии Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ), в августе 1948 г., Сталин прочитал этот доклад внес немало изменений и исправлений. 27 июля в течение часа он, как впоследствии признавал сам Лысенко, «подробно объяснял... свои исправления, давал указания, как излагать отдельные места доклада». На сессии оппоненты Лысенко, куда более способные и знающие ученые, подверглись разгрому. Ряд важнейших направлений биологии (физиология растений, теория эволюции, экология) и селекции, и особенно хромосомная теория наследственности Г. Менделя и Т. Моргана, попали в разряд «антинаучных и буржуазных». И это понятно: теория наследственности была опасной для классовой идеологии большевизма.

Около 3 тыс. биологов лишились работы. Как видим, вмешательство Сталина в биологическую дискуссию не только предопределило личную победу президента ВАСХНИЛ Лысенко и его единомышленников над генетиками, но и обеспечило на долгие годы господство классового подхода в научно-исследовательских направлениях, и не только гуманитарных.

В аналогичном ключе проходила в 1950 г. *дискуссия по вопросам языкознания*.

По поручению вождя грузинский филолог А.С. Чикобава написал и опубликовал в газете «Правда» статью с критикой теории языковеда Н.Я. Марра (1864–1934).

Академик Марр еще до 1917 г. был известным специалистом в области археологии и изучения кавказских языков (главным образом, древнеармянского и древнегрузинского). Но после прихода большевиков к власти он увлекся идеями интернационализма и мировой революции и выступил с так называемой «новой теорией» языка, которую сам он называл яфетической (по имени одного из библейских героев, Яфета, сына Ноя). Одна из основных идей этой теории утверждала классовость языка.

Взгляды Марра едва не сыграли до войны трагическую роль в сравнительной лингвистике, позиции которой были очень сильны в мировой науке. Многие лингвисты, его противники, были репрессированы (например, Е.Д. Поливанов – блестящий исследователь десятков языков). От окончательного разгрома лингвистику спасло лишь то, что последователями Марра были малообразованные люди (например, Б. Аптекарь). Такие «ученые» были гораздо страшнее Марра. Сам же Сталин довольно спокойно относился к работам Марра, способствуя тому, чтобы Марр стал вице-президентом АН СССР. Но накануне войны его отношение к Марру изменилось.

Дело в том, что индустриальное развитие страны требовало однородного образования для всего населения. Сеть школ с образованием на нерусских языках уже со второй половины 30-х гг. неуклонно сокращалась, а сеть школ с образованием на русском языке – увеличивалась. «Интернационалистская» подоплека «яфетической теории» уже не помогала, а мешала развитию этого непростого и неоднозначно оцениваемого даже в наши дни процесса. Введение всеобщего, в том числе в сельской местности (а нерусские народы в подавляющем большинстве и были сельскими жителями), обострило вопросы, поднятые в статье Чикобавы.

В среде научной филологической общественности статья Чикобавы вызвала смятение и споры, кто прав, а кто ошибается. Но летом 1950 г. в «Правде» были опубликованы три статьи Сталина, посвященные дискуссии. Вождь, в частности, писал:

«Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками, и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина».

«Говорят, что многочисленные факты скрещивания языков, имевшие место в истории, дают основание предполагать, что при скрещивании происходит образование нового языка путем взрыва, путем внезапного перехода от

старого качества к новому качеству. Это совершенно неверно. Скрещивание языков нельзя рассматривать как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи».

«Он [Марр] был всего лишь упростиателем и вульгаризатором марксизма <...> Дискуссия помогла делу также и в том отношении, что она вскрыла идеологические прорехи в советском языкознании».

Специалистам, как и многим думающим людям, далеким от лингвистики, стало понятно, что последователи Марра и его научная школа разгромлены, что речь идет о новой политике. Научной общественности пришлось в очередной раз ударно латать прорехи в знании марксизма.

То, что речь идет о новой политике, прекрасно поняли и многие простые люди, до сих пор ничего не знавшие о «яфетической теории». У замечательного советского писателя Ф. Абрамова в его романе-трилогии «Пряслины» о судьбах российской деревни есть эпизод, когда председатель колхоза Лукашин попадает на районное совещание по вопросам языкознания. «Хотелось поскорее в парткабинет, хотелось самому своими глазами почитать. Прочитал. Посмотрел в окно – там шел дождь, посмотрел на Сталина в мундире генералиссимуса и начал читать снова: раз это программа партии и народа на ближайшие годы, то должен он хоть что-то понять в этой программе. Несколько успокоился Лукашин после того, как поговорил с Подрезовым. Подрезов словами не играл. И на его вопрос, какие же выводы из трудов товарища Сталина по языку нужно сделать практикам, скажем им, председателям колхозов, ответил прямо: “Вкалывать”».

На мировоззрение вождя, безусловно, повлияли научно-технический прорыв США и Великобритании в развитии физики и создании атомного оружия. После войны Сталин осознал, что прогресс в науке и технике зависит не только от «передовой» идеологии, но и от финансирования научных разработок. Во время избирательной кампании 1946 г. по выборам депутатов в Верховный Совет СССР Сталин подчеркнул: «...Я уверен, что если мы окажем должную помощь нашим ученым, то они сумеют в ближайшем будущем не только догнать, но и превзойти достижения науки за пределами нашей страны». За этими словами скрывался жесткий политический расчет Сталина, его подготовка к холодной войне.

Дело в том, что над учеными-физиками нависала опасность, не менее грозная, чем над биологами-генетиками. Однако «грозовое облако» их миновало. Еще в августе 1945 г. был создан специальный комитет в составе Л.П. Берия, Г.М. Маленкова, Н.А. Вознесенского, Б.Л. Ванникова, А.П. Завенягина, И.В. Курчатова, П.Л. Капицы, В. Махнеева, М.Г. Первухина. На комитет возлагалось «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». Научно-исследовательские отрасли, подведомственные Берия, были выведены из зоны критики и гонений на ученых. И это понятно: многие из них работали над созданием атомного оружия.

В 1947 г. в СССР вступил в действие крупнейший в мире синхрофазотрон для исследования атомных частиц. Весной 1953 г. на комитет дополнительно были возложены вопросы руководства всеми специальными работами «по атомной промышленности, системам “Беркут” и “Комета”, ракетам дальнего

действия». Новые наукоемкие технологии применялись по преимуществу в оборонной промышленности при создании новых образцов вооружений. Весьма логичны и ясны прагматические мотивы власти. Однако эти технические новшества и технологии были отгорожены от гражданского сектора промышленности стеной секретности и поэтому не могли сколько-нибудь серьезно повлиять на технический потенциал производства в целом. Финансирование науки в бюджете страны 1946 г. увеличилось в 3 раза, научные работники всех сфер получили значительные прибавки к зарплате.

Однако органы госбезопасности следили за крупными советскими учеными, составляя на них подробные досье, включающие особенности психологии опекаемого. По всем научным учреждениям прокатились так называемые «суды чести», на которых ученым приходилось разбирать и анализировать свое научное поведение. Зачастую дело этим не ограничивалось: разбирали их поведение в личной жизни, в быту. И хотя эти «суды чести» не существовали в ведомстве Берия, материалы на ученых все-таки собирали.

Любопытны чекистские характеристики академиков, составлявших цвет отечественной науки послевоенных лет. Вице-президент АН СССР И.П. Бардин «в быту с учеными не общается вследствие чрезмерной жадности его жены». Математик И.М. Виноградов «нелюдим, не эрудирован в других областях наук... холостяк, употребляет в значительных дозах алкоголь». Геолог А.Н. Заварицкий «по характеру сварлив, ведет замкнутый образ жизни». Физик И.В. Курчатов «по характеру человек скрытный, осторожный, хитрый и большой дипломат». Президент Академии наук СССР в 1945–1951 гг. физик С.И. Вавилов, родной брат Н.И. Вавилова, крупнейшего генетика, репрессированного еще в 30-е гг., «политически настроен лояльно, в обращении прост, в быту скромн».

Ощутимый урон духовной жизни, развитию культуры и науки в конце 40-х гг. нанесла борьба властей с космополитизмом. Она надолго уронила престиж страны–победительницы фашизма в мировом общественном мнении. Советский энциклопедический словарь 50-х гг. разъясняет, что «космополитизм–реакционная проповедь отказа от патриотических традиций, независимости и национальной культуры <...> является оборотной стороной и маскировкой агрессивного буржуазного национализма». Начатая Ждановым кампания «против низкопоклонства перед иностранщиной» трансформировалась в борьбу против космополитизма. Объектом травли стали советские евреи.

Многие евреи принадлежали к элите советской науки и культуры, занимали ответственные государственные посты. В развертывающейся с одобрения вождя кампании учитывался фактор бытового антисемитизма, присутствующий в различных слоях советского общества.

Антисемитизм – одна из форм национальной и религиозной нетерпимости, выражающаяся во враждебном отношении к евреям.

На заседании Секретариата ЦК партии 3 февраля 1948 г., проходившем под председательством Г.М. Маленкова, было принято постановление «О роспуске объединений еврейских писателей и о закрытии альманахов на еврейском языке». Основной удар обрушился на Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), внесший во время войны значительный вклад в борьбу с фашизмом, имевший международные контакты. Председатель комитета, руководитель Государствен-

ного еврейского театра в Москве, народный артист СССР С.М. Михоэлс был убит, а члены комитета арестованы. Всего по «делу ЕАК» в 1948–1952 гг. были репрессированы (приговорены к расстрелу и разным срокам лишения свободы) 110 человек.

В январе 1949 г. Оргбюро ЦК партии приняло решение начать разоблачение космополитизма. Газета «Правда» опубликовала статью «Об одной антипартийной группе театральных критиков», послужившую началом кампании.

В течение всего года проходила кадровая чистка во всех министерствах и ведомствах, научных организациях, редакциях газет и журналов. Отовсюду изгоняли евреев. Чистке по национальному признаку подверглось даже Министерство государственной безопасности СССР. Тень подозрения упала и на ближайших соратников Сталина. По «делу ЕАК» арестовали и осудили жену Молотова П.С. Жемчужину. Самого Молотова освободили в марте 1949 г. от обязанностей министра иностранных дел СССР. Еврей Каганович вместе с Андреевым и Ворошиловым, женатых на еврейках, были отстранены вождем от решения конкретных дел.

В узком кругу в декабре 1952 г. Сталин высказал мысль, что «любой еврей-националист – это агент американской разведки. Евреи-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно быть богачом, буржуа и т. д.). Они считают себя обязанными американцам».

Смерть Сталина остановила маховик государственного антисемитизма.

Содержание духовной жизни и направленность культурных процессов в СССР в первые послевоенные годы показывают, что после победы в войне верховная власть так и не выступила с программой ее либерализации. Она и не собиралась ее изменять. Надежды интеллигенции оказались тщетными. Речь и не могла идти о какой-либо либерализации, ибо сохранялась прежняя идеологическая доктрина – марксизм-ленинизм – по-сталински – как единственная база единоличной власти партии.

Партия по-прежнему стремилась сохранять не только власть над огромной страной, но и господствовать над каждой личностью, ее волей, ее интересами, ее стремлениями доискаться до ясных ответов на «вызовы времени», над ее попытками изменить свою жизнь, построить собственное будущее.

Ответом партии на рост критических настроений населения, особенно творческой интеллигенции, и на творческие поиски в науке, литературе и искусстве стала новая волна идеологических кампаний по борьбе с «низкопоклонством и раболепием перед иностранщиной», космополитизмом, безыдейностью, новая волна репрессивных мер против сомневающихся и недовольных.

Таким образом, и сами «вызовы времени» для большинства людей оставались неизвестными. Лишь промелькнули перед многими картины неведомого им «заграничного мира»: одним – из рассказов фронтовиков, другим – из трофейных кинофильмов, которые быстро были отвергнуты партийными пропагандистами как враждебные, идеологически чуждые и т. п. Набирала обороты холодная война, и партия требовала от общества новых усилий для победы в этой мировоззренческой схватке.

По целому ряду направлений советская наука и культура оказались отброшенными на десятилетия назад из-за глухого «занавеса», отгородившего отечественную интеллигенцию от научно-технических и культурных достижений Запада. «Россия – родина слонов», – горько иронизировали современники.

Советские учебники утверждали, что не Стефенсон, а отец и сын Черепановы построили первый паровоз; не братья Райт, а наш соотечественник Можайский поднял в небо первый самолет; противопоставляли работы Мичурина «реакционному учению» биологов Вейсмана и Моргана и т. п. Научные теории западных ученых объявлялись вредными, обращение к ним было возможно только с критических позиций.

Однако оставались и те, кто, пройдя фронт, побывав за границей, пришли в студенческие аудитории. Принесенные ими воздух свободы и критический настрой соединялись в умах и сердцах людей с собственным житейским опытом, собственными чаяниями и ощущениями своих возможностей. Все это, соединяясь, превращалось в сложнейшую духовную атмосферу, подавить которую полностью оказался не в состоянии идеологический гнет сталинского режима.

Смерть Сталина возродила надежды. Близился XX съезд.

Лекция 36 СССР В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ

Вторая мировая война коренным образом изменила геополитическую обстановку в мире и сам климат международных отношений. Война с фашизмом сплотила народы, приглушила идеологические разногласия. Отношения между союзными державами сохраняли партнерский характер. Надежды вселяло создание Организации Объединенных Наций (на конференции в Сан-Франциско в апреле–июне 1945 г.) и Нюрнбергский судебный процесс 1945–1946 гг., наказавший немецких военных преступников и продемонстрировавший относительную сплоченность стран-победительниц.

Политическая карта мира теперь выглядела по-иному. Такие крупные государства, как Германия, Италия и Япония, потерпели поражение. Франция была ослаблена войной и немецкой оккупацией. Англия в ходе войны постоянно наращивала свою военную мощь, но ее финансовые ресурсы оказались к 1945 г. истощенными. К этому необходимо добавить, что на огромной территории Британской империи, как и в колониальных владениях Франции и Нидерландов, началось массовое движение народа за независимость.

Только одна западная держава – Соединенные Штаты Америки – вышла из войны неизмеримо более сильной, чем вступила в нее. Людские потери США в войне по сравнению с потерями других стран были невелики. Американская территория не пострадала от военных действий. В то же время война дала толчок для резкого увеличения военного производства. В 1945 г. на долю США приходилось почти 70% промышленной продукции западных стран, около 30% мирового экспорта товаров. Более половины золотого запаса западного мира скопилось в сейфах американских банков. США превратились в лидера западного мира и «конструктора» послевоенной системы международных отношений.

Огромный вклад СССР в победу над гитлеровской Германией вызвал всплеск симпатий к нему на Западе. Благодаря самоотверженной борьбе с фашизмом и роспуску Коминтерна в 1943 г. резко возрос авторитет коммунистов в западных странах. Левые выходили на авансцену политической жизни европейских государств, в 9 из них коммунисты вошли в состав правительств. В Англии консерваторы вынуждены были уступить право управления страной лейбористам.

Резко увеличилось военное и политическое влияние СССР. Он не только вышел из международной изоляции, но стал признанной великой державой. Советское Министерство иностранных дел с трудом успевало размещать в Москве десятки новых посольств: их число достигло 50 (до войны было 23). В Совете Безопасности ООН СССР стал одним из 5 постоянных членов (наряду с США, Англией, Францией и Китаем). В контексте послевоенных территориальных изменений западные союзники признали право СССР на часть Восточной Пруссии (г. Кенигсберг с прилегающим районом; ныне – Калининградская область России), Южный Сахалин, Курильские острова, а также необходимость военного присутствия в Китае.

Еще важнее было то, что в соглашениях, подписанных в ходе Крымской и Потсдамской конференций стран – участниц антигитлеровской коалиции, было зафиксировано признание интересов СССР в государствах Восточной и Центральной Европы – Польше, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Югославии и Албании. Доминирующее военно-политическое и экономическое влияние Советского Союза в данном регионе (а также в Китае и Северной Корее) сложилось уже в ходе освобождения Советской армией этих стран от фашизма и японского милитаризма.

Таким образом, к исходу Второй мировой войны обозначились контуры двух новых сверхдержав и их потенциальных союзников, возникла почва для развязывания холодной войны.

Впервые метафора «холодная война» появилась на страницах английского журнала «Трибюн» осенью 1945 г. в международном комментарии известного писателя Дж. Оруэлла. Официальное понятие «холодная война» было введено в 1946 г. американским финансистом Б. Барухом в его речи относительно планов президента США Г. Трумэна оказать помощь Греции и Турции. Широкой популярности термина способствовал журналист У. Липпман, вынеся его в заголовок серии статей и своей книги «Холодная война. Очерк внешней политики США», вышедшей в 1947 г.

(Кашитанова А. Холодная война. Точка отсчета // Российская государственность: история и современность. СПб., 2003. С. 607)

Первый этап конфронтации (1945–1947 гг.) начался уже летом 1945 г. на Потсдамской конференции (работала с 17 июля по 2 августа) глав государств и правительств США, Англии и СССР.

СССР предъявил Турции требование начать переговоры о совместной обороне черноморских проливов (Босфора и Дарданеллы), сопровождаемое территориальными претензиями Грузинской и Армянской Советских Республик. В связи с присутствием советских войск в Северном Иране были созданы не зависимые от центрального правительства азербайджанская и курдская автономии. Маршал И.Б. Тито полностью ликвидировал оппозицию в Югославии. Преследовалась оппозиция в Болгарии, Румынии и Польше.

Тито Иосип Броз (1892–1980), президент Югославии с 1953 г. В 1915 г. оказался в России как военнопленный. С сентября 1920 г. – в Югославии, в компартии Югославии (КПЮ), с 1934 г. руководитель КПЮ, в 1935–1936 гг. работал в Коминтерне (в Москве), председатель Союза коммунистов Югославии (СКЮ) с 1966 г. (в 1940–1966 гг. генеральный секретарь). В период народно-освободительной войны в Югославии 1941–1945 гг. Верховный главнокомандующий Национально-освободительной армии Югославии. В 1945 г. возглавил

правительство Югославии. После разрыва отношений с СССР в 1948 г. Тито противостоял идеологическому и политическому давлению СССР, выдвинув собственную модель социалистического общества. Выступая поборником внеблоковой политики, стал одним из лидеров Движения неприсоединения.

Все это заставило лидера британских консерваторов У. Черчилля констатировать 5 марта 1946 г. в Фултоне (США):

«Моя обязанность заключается в том, чтобы представить вам некоторые факты о нынешнем положении в Европе. От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике “железная завеса” спустилась на континент. За этой линией хранятся все сокровища древних государств Центральной и Восточной Европы. Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София – все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере, и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы.

Коммунистические партии, которые были очень незначительны во всех этих восточных государствах Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и стремятся всюду установить тоталитарный контроль. Полицейские правительства превалируют почти во всех этих странах и до настоящего времени, за исключением Чехословакии; в них не существует никакой подлинной демократии... В значительном большинстве стран, стоящих далеко от русских границ и разбросанных по всему миру, созданы коммунистические “пятые колонны”, которые действуют в полном единении и абсолютном повиновении указаниям, полученным от коммунистического центра... Я не верю, что Советская Россия хочет войны. Она хочет плодов войны и безграничного распространения своей силы и своих доктрин... Наша старая доктрина равновесия является несостоятельной. Мы не можем позволить себе полагаться на незначительный перевес в силах, создавая тем самым соблазн для пробы сил...»/

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965), государственный деятель Великобритании, премьер-министр (1940–1945, 1951–1955 гг.).

После победы лейбористов на парламентских выборах Черчилль находился в отставке, но активной политической деятельности не прекратил. Выступая в Фултоне и призывая западные демократии к единению перед лицом растущей угрозы со стороны СССР и мирового коммунизма, он вместе с тем подтверждал стремление британского народа к установлению длительного сотрудничества с СССР. После вторичного избрания его премьер-министром в октябре 1951 г. Черчилль, оценивая новое соотношение сил между Востоком и Западом в ядерных вооружениях, подверг сомнению целесообразность давления на СССР. В мае 1953 г., выступая в палате общин, он выдвинул свою концепцию «саммита наций» – подготовки и созыва конференции на высшем уровне. В 1955 г. Черчилль по состоянию здоровья вышел в отставку и в последние годы жизни активной роли в политике не играл.

14 марта в форме интервью корреспонденту газеты «Правда» экс-премьеру Великобритании ответил действующий глава СССР И.В. Сталин. Он заявил, что речь Черчилля – «опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество. По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны».

Отвечая на конкретные обвинения в адрес советской внешней политики, Сталин сказал: «Что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать мирные устремления Советского Союза как экспансионистские тенденции нашего государства?»

Отныне советскому народу, как и до войны, предстояло жить с постоянным ощущением военной опасности, не ждать скорых перемен к лучшему и не надеяться на быстрое наступление изобилия и достатка. Советский пропагандистский аппарат подхватил идею вождя, призывая сограждан к преодолению «внутренних трудностей», к терпению во имя сохранения мира. Отсюда – закливание «только бы не было войны» и прощение властям всех непопулярных решений, если они оправдывались стремлением избежать нового военного столкновения.

Фактически на следующий день после победы советское руководство начало целенаправленную кампанию по созданию из вчерашних союзников образа врага. На совещании у Сталина обсуждался вопрос о возможном продолжении войны в Европе.

Писатель-фронтовик Д. Самойлов:

«Вариант дальнейшего похода на Европу – война с нынешними союзниками – не казался невероятным ни мне, ни многим из моих однополчан. Военная удача, ощущение победы и непобедимости, не иссякший еще наступательный порыв – все это поддерживало ощущение возможности и выполнимости завоевания Европы. С таким настроением в армии можно было бы не останавливаться в Берлине, если бы реальное соотношение сил было иным...»

Милитаристские настроения были присущи и некоторой части гражданского населения. Свидетельством этому служат вопросы советских граждан представителям властей:

«Будут ли увеличены государственные границы СССР на западе? Намерены ли мы забрать у Японии Южный Сахалин, Маньчжурию с Порт-Артуром и Корею? Будет ли в Польше и Югославии советская власть? Кому будет передана территория Восточной Пруссии? Может ли быть в Берлине советская власть? Когда начнут поступать к нам из Германии хлеб и машины? Будут ли вывозить товары широкого потребления из оккупированных районов Германии?»

Именно на такого рода настроения опирался Сталин, идя на конфронтацию с бывшими союзниками.

Переломным во взаимоотношениях между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции стал 1947 г.

Весной президент США Г. Трумэн обратился к конгрессу с предложением ассигновать 400 млн долл. для оказания помощи Греции и Турции. В послании обосновывалось право («доктрина Трумэна» по сдерживанию коммунизма) вмешиваться в дела различных районов мира, где, по мнению американского правительства, возникает угроза для интересов США.

Трумэн Гарри (1884–1972) – 33-й президент США (1945–1953 гг.), отдавший приказ об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, один из инициаторов создания НАТО.

Летом госсекретарь США Д. Маршалл объявил о плане экономической помощи странам Европы. Предоставление американской помощи по «плану Маршалла» сопровождалось рядом условий, которые должны были соблюдать государства, получающие кредиты.

Маршалл Джордж Кэтлетт (1880–1953) в 1939–1945 гг. занимал пост начальника штаба армии США, с 1944 г. генерал армии, в 1947–1949 гг. Государственный секретарь США, в 1950–1951 гг. министр обороны США.

«План Маршалла» – программа восстановления и развития Европы после Второй мировой войны путем предоставления ей американской экономической помощи. В осуществлении плана участвовали 17 европейских стран. В 1951 г. был заменен законом «о взаимном обеспечении безопасности», предусматривающим одновременное предоставление экономической и военной помощи.

Нарастание международной конфронтации, экономические трудности, порождаемые сокращением военных заказов и конверсией производства, способствовали ужесточению внутренней политики ведущих держав.

Конверсия – перевод промышленности с производства военной продукции на выпуск гражданской, или наоборот.

Весной 1947 г. коммунисты были выведены из состава правительств Франции и Италии.

Если первоначально в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы (Венгрии, Румынии, Болгарии, Польше) к власти пришли коалиционные правительства, то к *середине 1947 г.* при активном участии СССР практически завершилось вытеснение из политической жизни этих стран либеральных политических сил. Судьба коалиции в Чехословакии тоже во многом была предопределена, хотя там коммунисты пришли к власти только в феврале 1948 г.

В ответ на «план Маршалла» и в целях укрепления контроля над странами Восточной и Центральной Европы осенью 1947 г. на совещании представителей ряда компартий в Польше было принято решение о создании Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (*Коминформ*). Став своего рода преемником Коминтерна, Коминформ символизировал отказ от концепции «национальных путей к социализму». Как заявил в своем докладе на совещании секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии А.А. Жданов, после Второй мировой войны наметилась новая расстановка политических сил, образовались два лагеря: империалистический, антидемократический во главе с США и антиимпериалистический, демократический во главе с СССР. Странам Восточной Европы предлагалось строить жизнь по образцу и подобию «старшего брата», т. е. осуществить индустриализацию промышленности, коллективизацию сельского хозяйства и культурную революцию.

Однако не всех восточноевропейских руководителей устраивало подобное подчиненное положение и силовое давление со стороны Советского Союза.

Из воспоминаний югославского ученого, бывшего коммуниста М. Джиласа:

«Об этом нигде не писалось, но я помню из доверительных бесед, что в странах Восточной Европы – в Польше, Румынии, Венгрии – была тенденция к самостоятельному развитию. Приведу пример. В 1946 году я был на съезде чехословацкой партии в Праге. Там Готвальд говорил, что уровень культуры Чехословакии и Советского Союза различный. Он подчеркивал, что Чехословакия – промышленно развитая страна и социализм в ней будет развиваться

иначе, в более цивилизованных формах, без тех потрясений, которые были в Советском Союзе... Готвальд выступил против коллективизации в Чехословакии. В сущности, его взгляды не очень отличались от наших [Имеется в виду руководство Союза коммунистов Югославии]. Готвальду не хватало характера для борьбы со Сталиным. А Тито был сильным человеком».

В результате того, что руководство Югославии стало проводить более независимую от СССР политику и отошло от принципов, диктуемых советским руководством, в феврале 1948 г. между СССР и Югославией были разорваны дипломатические отношения и последняя была лишена какой-либо помощи.

В 1948 г. произошел первый крупный конфликт холодной войны – *Берлинский кризис*. Мир оказался на пороге новой войны. Весной советская военная администрация в своей (восточной) зоне оккупации Германии ввела ограничения на связь, транспорт и торговлю между Западным Берлином и западными зонами оккупации (американской, британской и французской), а также между восточной и западными зонами. Союзники ввели новые денежные знаки в своих зонах и распространили их на западные сектора Берлина. Советский Союз в свою очередь ужесточил блокаду Западного Берлина. США вместе с Англией и Францией пришлось налаживать «воздушный мост» с Западным Берлином и самолетами доставлять туда продукты, горючее и все необходимое для жизнедеятельности города. Противостояние бывших участников антигитлеровской коалиции становилось более открытым и опасным, а потому начались интенсивные дипломатические контакты. Лишь в мае 1949 г. СССР снял ограничения на перевозки в Западный Берлин.

Германский вопрос оставался одним из центральных в разногласиях между СССР и Западом. США и Великобритания считали, что без экономически сильной Германии не удастся восстановить европейскую экономику. Репарации с Германии, по решению Крымской конференции, должны были взиматься в трех видах (товарные поставки текущей продукции, поставки капитального оборудования и использование германского труда). На Потсдамской конференции был определен порядок репарационных платежей капитальным оборудованием: каждая из четырех стран-победительниц получала право в счет репараций производить изъятие немецкого промышленного оборудования в своей зоне оккупации. Советский Союз, как наиболее пострадавшая сторона, должен был получить 50% всех изъятий из Германии на сумму 10 млрд долл. Поскольку советская зона оккупации не могла полностью покрыть причитающуюся СССР сумму репараций, было установлено, что советская сторона получит дополнительные поставки оборудования из западных зон оккупации.

В конце 40-х гг. СССР стремился не допустить контроля за своими действиями в зоне оккупации и очень болезненно отреагировал на решение США и пяти западноевропейских государств включить Западную Германию в «план Маршалла» (1948 г.). Раскол Германии был предопределен. В мае 1949 г. в западной зоне оккупации возникла Федеративная Республика Германии, а в октябре 1949 г. в советской – Германская Демократическая Республика.

Другой зоной конфликта между бывшими союзниками стал *Дальний Восток*. 1 октября 1949 г. была провозглашена созданная не без советской помощи Китайская Народная Республика. Остатки войск гоминдановцев укрылись от коммунистов на острове Тайвань.

В новый центр напряженности быстро превращался и Корейский полуостров, поскольку попытки выработать единую политику великих держав в Корею полностью провалились. И после войны страна была разделена на две зоны: южную под контролем США (правительство Ли Сын Мана, столица – Сеул) и северную под контролем СССР (правительство Ким Ир Сена, столица – Пхеньян). Весной 1949 г. состоялись встречи советского руководства во главе со Сталиным и руководства Северной Кореи во главе с Ким Ир Сеном; были достигнуты договоренности о советской военной помощи и подготовке корейских офицеров в СССР.

К исходу 1949 г. социализм превратился в мировую систему с населением свыше 800 млн человек (более трети населения земного шара) и с территорией, составлявшей примерно 27% земной поверхности. Страны, принадлежащие к *мировой системе социализма*, имели договоры с СССР о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Эти договоры заключались на длительные сроки (до 20 лет) с возможностью их последующего продления, если ни одна из договаривающихся сторон не заявит об отказе. Помимо стран «народной демократии», подобный договор с Советским Союзом заключила Финляндия. В целях экономического взаимодействия под эгидой Москвы в 1949 г. был образован *Совет экономической взаимопомощи* «с задачей обмена хозяйственным опытом, оказания друг другу технической помощи, оказания взаимной помощи сырьем, продовольствием, машинами, оборудованием и т. п.». Первоначально в него вошли СССР, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния и Чехословакия, а позднее были приняты Албания (1949 г.) и ГДР (1950 г.).

Наконец, событием исторического значения стало успешное испытание в СССР *атомной бомбы в 1949 г.* Американская монополия на атомное оружие была ликвидирована. СССР стал обладателем атомной бомбы гораздо раньше, чем рассчитывали политики западного мира.

Распад колониальной системы в эти годы шел в основном в Азии и коснулся Индокитая, Индии, Индонезии. Страны-метрополии применяли все средства, вплоть до ведения локальных войн, против национально-освободительных движений и добивающихся независимости стран, чтобы удержать их под своим контролем.

Метрополия – колониальное государство по отношению к своим колониям.

Возникновение независимых государств Юго-Восточной Азии сопровождалось их признанием Советским Союзом, установлением с ними дипломатических отношений. При поддержке СССР в ООН Сирия и Ливан добились в 1946 г. эвакуации английских и французских войск со своих территорий. В ноябре 1947 г. Генеральная Ассамблея одобрила рекомендации о разделе Палестины на два государства – арабское и еврейское, и выделении Иерусалима в самостоятельную единицу с особым международным статусом. В мае 1948 г. было создано еврейское государство Израиль, с которым Советский Союз установил дипломатические отношения.

Подводя итоги первых послевоенных лет, госсекретарь США Джон Ф. Даллес вынужден был признать в начале 1950 г., что в мировом соотношении сил «произошла явная перегруппировка в пользу Советского Союза». В такой ситуации у вождя мировой системы социализма Сталина вполне могло наступить «головокружение от успехов».

В феврале 1950 г. в Москве состоялись переговоры с китайской делегацией в составе председателя правительства Мао Цзэдуна и министра иностранных дел Чжоу Эньлая. Был подписан советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимопомощи сроком на 30 лет. Заручившись поддержкой одной из крупнейших стран азиатского континента, Сталин дал согласие на попытку Северной Кореи вооруженным путем воссоединить север и юг Корейского полуострова.

25 июня северокорейские войска вторглись в южную зону. Мир оказался на грани реальной возможности перерастания холодной войны в «горячую», поскольку противоборство двух систем, происходившее в условиях научно-технической революции, органически было связано с гонкой вооружений, и в первую очередь с оружием массового уничтожения. Никогда ранее человечество не находилось в подобном положении. В тот же день Совет Безопасности ООН осудил «вооруженное нападение на Корейскую республику войск из Северной Кореи». Он потребовал от Пхеньяна отвести войска к 38-й параллели, которая делила страну пополам, и призвал всех членов ООН оказать «всю возможную помощь в выполнении настоящей резолюции и воздержаться от оказания помощи властям Северной Кореи».

Поначалу успех сопутствовал войскам Ким Ир Сена. Через 3 дня они взяли Сеул, позже под их контроль попал почти весь полуостров. Конфликт стремительно интернационализировался: под флагом ООН в него вмешались войска США и 15 других государств. Высадка американского десанта войск на юге Кореи, в Чемульпо, и его операции привели к тому, что северокорейские войска понесли большие потери, оказались отрезанными от баз снабжения горючим и боеприпасами. Война перешла в затяжную и кровопролитную стадию. Пришлось прибегнуть к помощи китайских «народных добровольцев». Советский Союз негласно направил в Северную Корею истребительную авиацию и системы противовоздушной обороны. Вначале это были два полка реактивных истребителей МиГ-15, а весной 1951 г. они были усилены целой авиационной дивизией, оснащенной истребителями усовершенствованного образца МиГ-15бис. В корейском небе разгорелись жестокие бои между американскими и советскими летчиками. Советским пилотам в соответствии с решением руководства страны командование категорически запретило пересекать 38-ю параллель и углубляться в воздушное пространство юга Корейского полуострова.)

По данным Генерального штаба СССР, за время боевых действий, с 1 ноября 1950 г. по 6 декабря 1951 г., советская истребительная авиация потеряла 63 машины и 30 летчиков, части противовоздушной обороны – 29 человек убитыми и 53 ранеными. Американцы потеряли 569 самолетов, из которых 510 было сбито в воздушных боях и 59 – огнем зенитной артиллерии.

В конце 1950 г. фронт стабилизировался почти на той же 38-й параллели, где начали военные действия северяне, и в дело вступили дипломаты. Переговоры продолжались два года, несколько раз прерывались, и уже после смерти Сталина, 27 июля 1953 г., соглашение о перемирии было подписано.

Хотя *Корейская война (1950–1953 гг.)* носила локальный характер, она безусловно способствовала гонке вооружений и ускоренному развитию военно-промышленного комплекса как в Советском Союзе, так и на Западе.

Холодная война, ее кризисы стимулировали увеличение во многих странах военных бюджетов, ориентирование их научно-промышленного потенциала на

создание более совершенных методов массового истребления людей, а также консервацию идеологических постулатов. Создавалась довольно упрощенная картина мира: с одной стороны, лагерь империализма во главе с США, осуществляющий политику насилия над народами, готовящийся к новой войне против СССР и его союзников; с другой – социалистический лагерь во главе с СССР, неизменно выступающий за мирное сосуществование. Концепция двух лагерей способствовала представлению об СССР на Западе как об источнике угрозы.

При таком подходе реалистичный анализ позитивных и негативных сторон во внешней политике стран обоих лагерей исключался. Советскими идеологами и пропагандистами политика Коммунистической партии и советского правительства объявлялась правильной и безошибочной, поскольку она базировалась на положениях марксистско-ленинской теории.

Взгляды Сталина на судьбы мира нашли отражение в его последней работе «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952 г.). Настаивая на том, что капитализм «загнивает», вожьд в очередной раз предрек всеобщий кризис и распад мировой капиталистической системы. А значит, остается в силе неизбежность войн между капиталистическими государствами; чтобы «устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм». Сталинскую брошюру изучали школьники, студенты, научная и творческая интеллигенция, рабочие, служащие – вся страна.

Мысль о возможности нового военного конфликта в сознании советских людей была тесно связана с пережитым во время совсем недавно закончившейся Великой Отечественной войны, коснувшейся всех и каждого. В Советском Союзе не было семьи, где кто-то не погиб, не был ранен, не стал инвалидом. Минувшая война по сути выстроила новую систему ценностей в советском обществе.

Один из лидеров «Пражской весны» 1968 г., З. Млынарж, в конце 40 – начале 50-х гг. учившийся в МГУ, вспоминал:

«Основой всего было убеждение, что ценой огромных жертв, принесенных в годы войны, Советский Союз решил судьбу человечества, а потому все другие государства обязаны относиться к нему с особым уважением. Любую критику Советского Союза эти люди воспринимали как оскорбление памяти погибших. В этом они оказывались заодно с правительством, как бы критически они ни относились к властям в других вопросах».

Аналогичных подходов во внешнеполитических вопросах советское руководство требовало от восточноевропейских стран. В конце 40 – начале 50-х гг. в них состоялись громкие политические процессы, в ходе которых видные национальные деятели были обвинены в государственной измене. Среди коммунистических лидеров, в чьей надежности сомневались советские власти, оказались В. Гомулка (Польша), Л. Райк и Я. Кадар (Венгрия), Т. Костов (Болгария), Я. Клементис и Р. Сланский (Чехословакия) и другие. К власти под нажимом советского руководства приходили руководители, которые безоговорочно поддерживавшие политическую линию СССР – М. Ракоши (Венгрия), Б. Берут (Польша). Репрессии и судебные преследования стали средством воздействия на население этих стран, средством устрашения и подавления инакомыслия. Так, в Восточной Германии было репрессировано более 120 тыс. человек (1945–1950 гг.), в Польше – около 300 тыс. (1944–1948 гг.), в Венгрии – 540 тыс. (за один 1952 г.). Под лозунгом «сплочения социалистического лагеря» пресекались все

попытки переосмысления коммунистической доктрины. Вместе с тем следует подчеркнуть: действия ведущих политиков Запада (прежде всего американской администрации) после Второй мировой войны далеко не всегда были адекватны устремлениям народов и государств, становившихся объектом их внимания.

Обстановка холодной войны с ее противостоянием двух систем изменила геополитический климат, разрушила надежды на мирное сотрудничество между союзниками по антигитлеровской коалиции, сделала гонку вооружений и противоборство военно-политических блоков тревожной и опасной реальностью второй половины XX в.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

К РАЗДЕЛУ IX

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991.
Берия С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. М., 2002.
Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс. М., 1997.
Жигулин А. Черные камни. М., 1989.
Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.
Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1997.

Литература

- Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1993.
Ванден Берге И. Историческое недоразумение? Холодная война, 1917–1990. М., 1996.
Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001.
Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М., 2000.
Пихоя Р.Г. Советский Союз. История власти, 1945–1991. М., 1998.
Радзинский Э.С. Сталин: жизнь и смерть. М., 2009.
Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция образа врага в сознании армии и общества. М., 2006.
 Советская внешняя политика в годы холодной войны, 1945–1985 гг. М., 1995.
Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы. История, теория и практика. СПб., 2008.

Электронные ресурсы

www.nivestnik.ru – журнал «Новый исторический вестник»

- Быстрова И.В.* Современная отечественная историография Холодной войны // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10).
Павленко О.В. Австрийский вопрос в холодной войне (1945–1955 гг.) // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10).
Голотик С.И., Евсеева Е.Н., Карпенко С.В., Красовицкая Т.Ю. Приложения и задания к лекции «СССР в 1945–1953 гг.: духовная жизнь» // Новый исторический вестник. 2002. № 1 (6).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Каковы внешние и внутренние условия, в которых проходило восстановление народного хозяйства СССР после Второй мировой войны? Как эти условия повлияли на методы и темпы восстановления?

2. В чем заключалось внеэкономическое принуждение в сельском хозяйстве? К каким последствиям оно приводило?

3. В силу каких причин сельское хозяйство и легкая промышленность отставали в своем развитии от потребностей страны?

4. В чем состояли причины голода 1946 г.? Сравните его с голодом начала 1920-х гг. и голодом 1932–1933 гг.

5. В чем проявился кризис режима личной власти И.В. Сталина в первые послевоенные годы?

6. В чем заключались причины поворота к репрессиям в 1947–1948 гг.?

7. Сравните репрессии второй половины 1940 – начала 1950-х гг. с репрессиями второй половины 1930-х гг. Какие факторы определили различия между ними?

8. Какими чертами характеризовалась духовная жизнь советского общества в послевоенные годы?

9. Какими мерами сталинский режим «регулировал» духовную жизнь советского общества? Насколько эти меры были эффективны? Аргументируйте свой ответ.

10. В чем проявлялся культ личности И.В. Сталина в послевоенные годы?

11. Какова была внешнеполитическая концепция сталинского руководства после Второй мировой войны? В чем она совпадала и чем отличалась от внешнеполитической концепции большевиков в 1920-е гг.?

12. Какие причины привели к началу Холодной войны?

13. Сравните взгляды лидеров стран Запада на СССР и его внешнюю политику со взглядами сталинского руководства на внешнюю политику ведущих капиталистических стран. Охарактеризуйте на этом основании идеологические основы холодной войны.

14. В чем заключался «германский вопрос» и какую роль он играл в холодной войне?

15. Какие цели преследовало сталинское руководство при вмешательстве в войну в Корее? Насколько эти цели были достигнуты? Аргументируйте свой ответ.

Раздел X

СССР В 1953–1985 гг.

Лекция 37

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В 1953–1964 гг.

Смерть Сталина открыла дорогу реформам в политической сфере. Значительная часть правящей верхушки СССР понимала, что необходимо модернизировать политическую систему советского общества, созданную Сталиным, и провести ее частичную *десталинизацию*. В противном случае сохранить контроль над обществом будет очень сложно. Среди внутренних проблем, которые требовали безотлагательного решения, своей остротой выделялись массовые репрессии, ГУЛАГ, бедственное состояние сельского хозяйства, национальный вопрос.

С другой стороны, смерть Сталина вызвала затяжной кризис власти, длительную борьбу за лидерство, что имело очевидную причину – отсутствие преемника, обладающего реальной властью. Сталин не был заинтересован в сильном «наследнике», который, как он был уверен, вполне мог попытаться свергнуть его. Поэтому после смерти Сталина к власти пришло так называемое коллективное руководство, состоящее из ближайшего окружения «вождя народов», – Г.М. Маленков, В.М. Молотов, Л.П. Берия, Н.С. Хрущев, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, Н.А. Булганин, К.Е. Ворошилов.

Система коллективного руководства выражала объективную расстановку сил. После смерти Сталина практически никто не мог установить личную диктатуру, ибо попытка одного стать новым вождем должна была вызвать объединенное сопротивление всех остальных. Отсутствие нового диктатора защищало остальных от репрессий с его стороны. В этом и состояла основа коллективного руководства, которая явилась прежде всего результатом отрицания жесткой личной диктатуры. С другой стороны, система коллективного руководства была также результатом вакуума власти, образовавшегося после смерти Сталина: никто из его «наследников» по своим качествам реально не мог быть лидером такого государства, как СССР. Сталинская система подняла на вершину власти людей, которые в условиях реальной демократии никогда не поднялись бы на нее: им не хватало ни об-

разования, ни политического опыта, чтобы осознать реальные проблемы страны и необходимость радикальных реформ.

В системе коллективного руководства выделялись *Л.П. Берия, Г.М. Маленков* и *Н.С. Хрущев*. Возможности каждого из них стать единоличным лидером страны определялись двумя факторами: формальным личным авторитетом и реальными властными полномочиями занимаемой должности.

С точки зрения авторитета, позиция Маленкова была наиболее сильной: после смерти Сталина он наследовал пост председателя Совета министров. Однако Сталин контролировал все рычаги управления, прежде всего ЦК партии, силовые министерства, Совет министров, а у Маленкова не было возможности подобного контроля, что ослабляло его влияние на политические процессы.

За Берией стояла огромная сила аппаратов Министерства внутренних дел и Министерства государственной безопасности, которые 5 марта 1953 г. на совместном заседании ЦК КПСС, Совета министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР были объединены в единое МВД СССР под его руководством.

У Хрущева шансов практически не было: за ним не стояло МВД–МГБ или какое другое мощное ведомство. Партийная власть была формально отделена от государственной, и при распределении ролей ему было рекомендовано сосредоточиться на работе в Секретариате ЦК, что не давало ему возможности действовать решительно. И потому он занял выжидательную позицию.

Стремясь к лидерству, Берия выступил с рядом инициатив. Его поддержал Маленков. По их совместному предложению начался процесс смягчения репрессивной политики. 27 марта был принят указ об амнистии, по которому освобождались более 1 млн человек (преимущественно уголовников). В апреле по предложению Берия было прекращено «дело врачей». Одновременно началась перестройка органов внутренних дел: ГУЛАГ был передан Министерству юстиции (кроме особых лагерей для политзаключенных), строительные главки из МВД – соответствующим министерствам. Предлагалось ограничить права Особого совещания при МВД СССР, сузить сферу применения принудительного труда в экономике, отменить пытки во время следствия.

Предложения Берии насторожили многих членов коллективного руководства, которые увидели в них стремление министра внутренних дел к приобретению популярности в народе.

В мае–июне 1953 г. Берия обратился в Президиум ЦК КПСС с тремя записками по национальному вопросу. В них он обосновывал необходимость пересмотреть принципы национальной политики, отказаться от насильственной русификации и выдвигать на руководящие посты национальные кадры. Во внешней политике Берия выступил с инициативой нормализации отношений с Югославией, за объединение ГДР и ФРГ с целью создания нейтрального демократического единого немецкого государства, за установление контактов с представителями «демократического социализма» на Западе.

Предпринятые Берия шаги обнаружили его стремление улучшить свой политический имидж на Западе и поднять популярность в советском обществе. Он готовился к захвату власти. Прежде всего он предполагал контролировать Министерство внутренних дел и Министерство обороны. Затем он собирался устранить Маленкова и Хрущева.

Вероятность установления новой личной диктатуры и возможность физической расправы объединили лидеров партии и государства. С немалым риском для себя Хрущев сумел сплотить высшее руководство против Берия и привлечь на свою сторону военных. В результате «верхушечного» заговора 26 июня 1953 г. на заседании Президиума Совета Министров СССР, превращенном по ходу в заседание президиума ЦК, Берия обвинили в ряде преступлений и тут же арестовали. Арест провели маршал Г.К. Жуков, К.С. Москаленко, другие генералы и офицеры. После закрытого следствия и суда Берия был осужден и в декабре 1953 г. расстрелян.

Устранение Берия завершило первый этап борьбы за власть. На передний план выдвинулся Маленков, который обладал значительными полномочиями и пользовался поддержкой военных. Политика десталинизации была продолжена.

В июле 1953 г. по инициативе Маленкова ЦК партии обсудил вопрос о методах руководства. На совещании партийных и хозяйственных работников в ЦК Маленков выступил с резкой критикой аппарата за бюрократизм, пренебрежение к нуждам народа, моральное разложение, взяточничество. Он заявил, что культ личности Сталина, его единоличные решения привели к серьезным ошибкам в управлении страной. Это стало следующим шагом к отказу от сталинских принципов партийной жизни.

В сентябре 1953 г. указом Президиума Верховного Совета СССР были ликвидированы Особое совещание при МВД СССР и другие внесудебные органы, выносившие приговоры по политическим делам без следствия и суда. Верховному суду СССР предоставлялось право пересматривать по протестам Генерального прокурора решения бывших коллегий ОГПУ, «троек» и особых совещаний при НКВД–МГБ–МВД СССР. В 1953 г. были прекращены следствия по текущим делам. Органы МВД–МГБ были поставлены под контроль партии.

Началась чистка аппарата государственной безопасности. В декабре 1953 г. были рассмотрены дела В.Г. Деканозова, Б.З. Кобулова и других руководителей репрессивных органов, в конце 1954 г. – бывшего министра госбезопасности СССР В.С. Абакумова. Все они были расстреляны по приговору суда.

Была осуществлена смена кадров и сужены полномочия репрессивных органов. В марте 1954 г. из МВД был выделен в качестве самостоятельного органа Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете министров СССР.

Продолжением десталинизации стала политическая *реабилитация*. В 1953 г. в лагерях ГУЛАГа содержалось около 2,5 млн человек (в 1945 г. – 1,5 млн). Многие из них сидели по сфабрикованным политическим обвинениям. В конце марта 1953 г. осужденные за «контрреволюционную деятельность» амнистированы не были. Наличие такого количества заключенных подрывало престиж СССР в мире. Реабилитация давала возможность укрепить авторитет нового руководства внутри СССР и за его пределами. В том же 1954 г. Верховный суд СССР реабилитировал осужденных по «ленинградскому делу». В 1955 г. началась реабилитация по политическим процессам 1930-х и начала 1950-х гг. С 1954 по начало 1956 г. были реабилитированы 7679 человек (многие посмертно).

Но сам Сталин и его действия в первое время после смерти диктатора новым руководством критике не подвергались. Объясняется это тем, что после смерти Сталина в советском обществе преобладали не ожидания перемен (как было после войны), а надежда на стабильность. Большинство народа смерть Сталина восприняло как личное несчастье. Люди ждали от нового руководства продол-

жения сталинской политики. Поэтому новые руководители страны представляли себя верными последователями Сталина, его «наследниками».

Параллельно с десталинизацией внутри политического руководства СССР велась ожесточенная аппаратная борьба за политическое лидерство между Маленковым и Хрущевым. Для устранения своего главного соперника Хрущев использовал силу партийного аппарата, который все более враждебно относился к Маленкову из-за его попыток бороться с бюрократизмом и ограничить использование административных методов управления. После ареста Берия значительно усилились позиции Хрущева: в сентябре 1953 г. он стал первым секретарем ЦК КПСС. В 1954 г. оппозиция Маленкову стала еще сильнее, сплоченнее и в начале 1955 г. перешла в решительное наступление.

В январе 1955 г. на пленуме ЦК КПСС Маленков был подвергнут резкой критике за ориентацию на преимущественное развитие легкой промышленности. Против Маленкова использовалось его высказывание о гибели цивилизации в случае начала новой мировой войны (официально утверждалось, что третья мировая война окончится гибелью капитализма и победой социализма). Кроме того, он был обвинен в соучастии в сталинских преступлениях. Маленков понял, что ему надо уходить, иначе его может ожидать участь Берия. Он «признал свои ошибки» и в *феврале 1955 г.* на сессии Верховного Совета СССР официально подал прошение об отставке. Просьба была удовлетворена, и на посту председателя Совета министров его сменил ставленник Хрущева Н.А. Булганин. Политическая карьера Маленкова закончилась.

Так в 1955 г. коллективное руководство прекратило существование, и на вершине политической власти СССР утвердился Хрущев.

Следующий год, 1956-й, стал вершиной процесса десталинизации. В *феврале* состоялась *XX съезд КПСС*, сыгравший значительную роль в истории страны. На нем была предложена программа модернизации советской авторитарной системы – по сути, ее укрепления за счет прекращения тотального террора и частичной демократизации.

Первая часть отчетного доклада, сделанного Хрущевым на съезде, была посвящена проблемам внешней политики. Впервые за много лет была сделана попытка объективно взглянуть на мировую реальность и предложен реальный выход из тупика атомной эры.

Далее докладчик остановился на социально-экономическом и политическом развитии советского общества. В докладе утверждалось, что СССР поднялся «на такую гору, на такую высоту, откуда уже зримо видны широкие горизонты на пути к конечной цели – коммунистическому обществу». И это утверждалось в то время, когда и вся огромная страна Советов, и советское руководство оказались в плену *5-й пятилетки (1951–1955 гг.)*. Ее завышенные показатели невозможно было выполнить, в целом она не отвечала условиям времени и действительным потребностям СССР. Затем начались прения. Они проходили в традиционном русле: из них складывалась картина успешного развития СССР под «мудрым руководством» ЦК КПСС. Затем съезд приступил к обсуждению директив *6-го пятилетнего плана* развития народного хозяйства (1956–1960 гг.), в которых детализировались разделы отчетного доклада, посвященные социально-экономическим вопросам. 24 февраля состоялись выборы руководящих партийных органов.

После того как съезд исчерпал повестку дня и фактически завершил работу, 25 февраля 1956 г. состоялось еще одно заседание, закрытое. На нем Хрущев выступил с докладом о *культе личности Сталина*. Впервые он рассказал о массовых политических репрессиях и грубых просчетах Сталина во внутренней и внешней политике. Он объяснил возникновение культа личности Сталина наличием агрессивного капиталистического окружения, трудностями построения социализма в одной стране, личными недостатками Сталина.

Из доклада первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956г.

«После смерти Сталина Центральный комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладавшего сверхъестественными качествами, подобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать, он непогрешим в своих поступках. Такое понятие о человеке и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет... В связи с тем, что не все еще представляют себе, к чему на практике приводит культ личности, какой огромный ущерб был причинен нарушением принципа коллективного руководства в партии и сосредоточением необъятной власти в руках одного лица, Центральный комитет партии считает необходимым доложить XX съезду Коммунистической партии Советского Союза материалы по этому вопросу... Выясняется, что многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили в 1937–1938 гг. врагами, в действительности никогда врагами, шпионами, вредителями и т. п. не являлись, что они, по существу, всегда оставались честными коммунистами, но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей–фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения... Единовластие Сталина привело к особо тяжким последствиям в ходе Великой Отечественной войны... Нам нужно решительно, раз и навсегда развенчать культ личности, сделать надлежащие выводы как в области идейно-теоретической, так и в области практической работы...»

Но критика сталинизма в докладе Хрущева не вышла за рамки осуждения некоторых личных качеств бывшего вождя. Право коммунистической партии на единоличную власть, отсутствие реальной демократии, насилие над объективными законами развития экономики – все это критике не подверглось. Таким образом, доклад Хрущева не давал возможности реально осознать причины возникновения культа личности Сталина. Однако первый шаг, смелый и серьезный, был сделан.

Шаг этот был продуман и подготовлен заранее. Решение о развенчании Сталина было принято в декабре 1955 г., а текст доклада стал результатом тщательной коллективной работы. В самом конце декабря на заседании Президиума ЦК была создана комиссия П.Н. Поспелова, которой было поручено изучить материалы о массовых репрессиях сталинского времени. К началу февраля 1956 г. комиссия закончила работу и представила в Президиум доклад. В нем был сделан вывод о том, что эти репрессии осуществлялись на основании дел, сфабрикованных следователями органов госбезопасности НКВД, применявших к подсудимым физические меры воздействия. Пытки и истязания заключенных

были санкционированы лично Сталиным, который заранее планировал массовые репрессии против партийного актива и членов ЦК партии. 9 февраля Президиум ЦК рассмотрел результаты работы комиссии и после острой дискуссии одобрил их. Было принято решение, что Хрущев на последнем (закрытом) заседании съезда делает доклад о культе личности Сталина. 18 февраля Хрущеву был представлен текст доклада, который он доработал лично. Затем доклад был разослан членам и кандидатам в члены Президиума ЦК, и в целом они текст одобрили. К 23 февраля работа по подготовке доклада была полностью завершена.

Используя разоблачение Сталина, новое политическое руководство хотело осуществить модернизацию системы, не меняя ее сущности. В начавшейся критике Сталина руководители партии и государства видели возможность списать на него последствия внутренней и внешней политики партии 1930 – начала 1950-х гг., в выработке и осуществлении которой они лично принимали самое активное участие. Основным и во многом единственным виновником нищеты и беспорядка общества, национальной катастрофы в начальный период Великой Отечественной войны они объявили Сталина. Через критику Сталина высшие партийные чиновники стремились снять с бюрократического аппарата ответственность за политику массового террора. Это отвечало интересам всей партийно-государственной бюрократии, большая часть которой была ответственна за кровь и страдания миллионов советских людей.

Сам Хрущев был уверен, что документы о его причастности к преступлениям либо уничтожены, либо надежно спрятаны. Он рассчитывал, что доклад поднимет его популярность среди советских людей. Критика Сталина позволяла ему скомпрометировать наиболее влиятельных и авторитетных членов Президиума ЦК, долгое время работавших со Сталиным.

Доклад Хрущева о культе личности произвел ошеломляющее впечатление на делегатов съезда. Было принято решение ознакомить с ним всех членов партии, комсомольский актив, работников советского аппарата, руководителей зарубежных коммунистических партий.

После XX съезда десталинизация, демократизация советской политической системы была продолжена. Как тогда выражались, настала «отменель».

Начался процесс децентрализации системы государственного управления, привлечения к управлению народных масс. В январе 1957 г. были сделаны шаги на пути расширения полномочий, материально-финансовой базы местных Советов. В ходе выборов в Советы всех уровней в результате осуществления курса на расширение социальной базы преобразований 60% депутатов составили рабочие и колхозники. Однако сущность Советов не изменилась. Как и раньше, они оставались безвластными, все решали партийные комитеты.

Пытаясь расширить социальную базу преобразований, Хрущев предпринял попытку оживить общественные организации, привлечь как можно больше граждан к участию в работе органов власти.

В 1957 г. была проведена реорганизация Всесоюзного центрального совета профсоюзов (ВЦСПС), в результате которой в три раза сократилась численность аппарата ВЦСПС и центральных комитетов отраслевых профсоюзов. Большинство первичных профсоюзных организаций возглавили профсоюзные активисты, заменившие «освобожденных работников», расширились права профсоюзов.

«Оттепель» оживила деятельность ВЛКСМ. Это проявилось в порыве комсомольцев осваивать целинные земли (было подано около 1 млн. заявлений), участвовать в крупнейших стройках. В 1956 г. был образован Комитет молодежных организаций, а в 1957 г. в Москве прошел *VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов*.

Под бдительным партийно-государственным контролем активизировалась деятельность различных общественных организаций: советов ветеранов, бригад содействия милиции, уличных и квартальных комитетов при домоуправлениях и т. п.

Хрущев предпринял меры по ограничению привилегий бюрократического аппарата. Он отменил денежные выплаты высшим работникам аппарата, печати и научных учреждений, выдаваемые сверх зарплаты и не облагаемые налогом, попытался ликвидировать спецстоловую «лечебного питания» для высших чиновников, ограничить права на персональные машины.

Процесс политической реабилитации включил еще одно направление – восстановление прав народов, пострадавших в период сталинизма. В феврале 1957 г. была восстановлена национальная автономия балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов, ликвидированная в годы войны. В составе РСФСР была восстановлена Чечено-Ингушская АССР, образована Калмыцкая автономная область. Кабардинская АССР была преобразована в Кабардино-Балкарскую АССР, Черкесская автономная область – в Карачаево-Черкесскую автономную область. Несмотря на этот позитивный процесс, предпринятые шаги оказались непоследовательными: не были восстановлены в правах немцы Поволжья, крымские татары, турки-месхетинцы.

Одновременно расширялись полномочия союзных республик. В их ведение передавались предприятия союзного подчинения, отчисления от некоторых видов налога. Ряд министерств союзного значения были преобразованы в союзно-республиканские. В мае 1956 г. руководство судебными учреждениями и органами юстиции перешло к союзным республикам, что привело к упразднению Министерства юстиции СССР. В 1957–1958 гг. были расширены права республик в сфере законодательства, внутреннего территориально-административного устройства и т. п.

Большие надежды возлагал Хрущев на *XXII съезд КПСС*, который состоялся 17–31 октября 1961 г. Хрущев представил новую программу партии (прежняя была разработана в 1919 г.) и заявил, что к 1980 г. в СССР будет создана «материально-техническая база коммунизма». На съезде Хрущев предпринял еще одно наступление на Сталина. Его доклад отвечал устремлениям интеллигенции, бывших репрессированных, молодежи.

После XXII съезда стало возможным публиковать в печати научные и публицистические материалы, художественные произведения о трагических страницах сталинского правления, называть имена жертв репрессий. Очень важным новшеством, включенным на XXII съезде партии в Устав КПСС, был пункт, согласно которому никто не мог занимать выборную должность в партии более трех сроков подряд, а состав руководящих органов должен был обновляться по меньшей мере на одну треть.

После съезда началась вторая волна реформ. Прежде всего Хрущев заставил партию еще больше сосредоточиться на экономической работе. В марте 1962 г. он провел реорганизацию руководящего аппарата сельского хозяйства. Это была предлюдия к самой необычной реформе. Согласно проекту этой реформы вся партия,

сверху донизу, меняла территориальную организацию на производственную. Ее аппарат подразделялся на две параллельные структуры – для промышленности и для сельского хозяйства, которые объединялись только «в верхах». В каждой области появилось по два обкома – по промышленности и по сельскому хозяйству, и каждый со своим первым секретарем. По этому же принципу разделялись и исполнительные органы областных Советов – (облисполкомы).

Началось создание так называемого общественного самоуправления. Фактически проводилась кампания по организации работы на общественных началах. Были созданы производственные совещания на предприятиях, которые обсуждали проблемы производства. Создавались различные общественные советы при партийных комитетах. Формировались добровольные народные дружины (ДНД), которые совместно с милицией охраняли общественный порядок. Учреждались общественные суды для рассмотрения бытовых правонарушений.

Такая «совещательная демократия» создавала ложный эффект активного участия народа в управлении, влияния «общественного мнения» на власть. По сути же все органы общественного самоуправления стали ширмой, прикрывающей всевластие бюрократии. Однако пропаганда активно доказывала, что государство «постепенно отмирает» и скоро, при коммунизме, будет заменено общественным самоуправлением.

Предпринятые меры способствовали некоторой либерализации тоталитарного режима, но они не были системными и носили переходный характер. Дальнейшее развитие зависело от расстановки политических сил в руководстве, от позиции и внутренних возможностей лидера, от реакции общества на проводимые мероприятия.

Консервативная часть партийного аппарата увидела в десталинизации и реформах большую опасность для себя, для своей власти и своих привилегий. Эти опасения усилили события 1956 г. в Польше и особенно Венгрии, где вспыхнуло народное вооруженное восстание против власти коммунистов. Активные выступления населения стран социалистического лагеря против социализма советского типа, рост оппозиционных настроений внутри СССР, инициативы Хрущева сплотили консервативно-охранительную часть советского руководства. Консерваторы попытались отстранить Хрущева от власти. Возглавили оппозицию Молотов, Каганович и Маленков.

Хрущев знал об их намерениях и стремился использовать в борьбе за власть расширенный состав Президиума ЦК, в который вошли его выдвиженцы Л.И. Брежнев, Г.К. Жуков, Ф.Р. Козлов, Е.А. Фурцева и Д.Т. Шепилов.

Ситуация обострялась. Удобный случай для оппозиции представился в *июне 1957 г.*, когда Хрущев находился с визитом в Финляндии. После возвращения он попал на созданное без его ведома заседание Президиума ЦК, на котором ему предложили уйти в отставку и занять пост министра сельского хозяйства. На сторону Хрущева встали Микоян, Суслов и Кириченко. Заседание Президиума ЦК длилось более трех дней. Несмотря на принятые меры по изоляции Хрущева, некоторые члены ЦК узнали о происходящем, срочно прибыли в Москву и добились созыва пленума ЦК. На встречу с членами ЦК пришли представители как консерваторов (Ворошилов и Булганин), так и реформаторов (Хрущев и Микоян). На этой встрече замыслы оппозиции оказались скомпрометированными. Хрущев сумел перейти в наступление. На пленуме ЦК оппозиция получила отпор. Было решено Молотова, Маленкова и Кагановича снять со всех руководящих постов.

Из постановления Пленума ЦК КПСС «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.», июнь 1957 г.

«Пленум Центрального комитета КПСС на заседаниях 22–29 июня 1957 г. рассмотрел вопрос об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова, образовавшейся внутри Президиума ЦК КПСС... С целью изменения политической линии партии эта группа антипартийными, фракционными методами добивалась смены состава руководящих органов партии, избранных на Пленуме ЦК КПСС... Они были против расширения прав союзных республик в области экономического и культурного строительства, в области законодательства, а также против усиления роли местных Советов в решении этих задач... Антипартийная группа не только не понимала, но и сопротивлялась мероприятиям партии по борьбе с бюрократизмом, по сокращению государственного аппарата... Эта группа упорно сопротивлялась и пыталась сорвать такие важнейшие мероприятия, как реорганизация управления промышленности, создание совнархозов в экономических районах... По вопросам сельского хозяйства участники этой группы обнаружили непонимание новых назревших задач... В области внешней политики эта группа, в особенности т. Молотов, проявляла косность и всячески мешала проведению назревших новых мероприятий, рассчитанных на смягчение международной напряженности, на укрепление мира во всем мире... Сговорившись между собой на антипартийной основе, они поставили перед собой цель изменить политику партии, вернуть партию к тем неправильным методам руководства, которые были осуждены XX съездом партии...»

Многие факторы обусловили победу Хрущева. XX съезд, первые успехи в сельском хозяйстве, многочисленные поездки по стране и огромный авторитет, страх людей перед возможностью возврата к репрессиям в случае прихода к власти оппозиции – все это помогло Хрущеву сохранить власть. Особо значимым фактором стала поддержка маршала Советского Союза министра обороны СССР Г.К. Жукова, невероятно популярного в народе после победы в Великой Отечественной войне.

Оппозиционеры не были репрессированы. Они получили второстепенные должности подальше от Москвы: Молотов – посла в Монголии, Маленков и Каганович – директоров отдаленных предприятий (первый – в Казахстане, второй – на Урале). Никого из них не исключили из партии. Еще несколько месяцев Булганин оставался председателем Совета министров, а Ворошилов – председателем Президиума Верховного Совета СССР. Однако и тот и другой были лишены реальной власти. Одновременно пошли на повышение и стали членами и кандидатами в члены Президиума ЦК те, кто зарекомендовали себя энергичными сторонниками Хрущева, – Аристов, Беляев, Брежнев, Козлов, Игнатов и Жуков.

Хрущев получил неограниченную власть в партии и государстве. Открывались хорошие перспективы для продолжения десталинизации. Однако этого не произошло. Прежде всего потому, что к этому оказался не готов сам Хрущев. Его тоже сильно впечатлили кровавые события 1956 г. в Венгрии, он не меньше своих противников-консерваторов опасался ослабления власти КПСС и ее идеологического воздействия на советское общество. Ради усиления этого воздействия началось формирование нового культа личности – теперь уже самого Хрущева.

Одним из первых его проявлений стало отстранения маршала Жукова от руководства Министерством обороны СССР в *октябре 1957 г.*, когда он находился

с визитом в Югославию и Албанию. Его обвинили в бонапартистских намерениях, т. е. в том, что он якобы хотел вывести Вооруженные силы СССР из-под контроля партии и установить в них «культ собственной личности». В действительности Жуков только сократил количество политических органов (структур КПСС) в армии и их штаты. В Жукове видели возможного кандидата на пост председателя Совета министров вместо Булганина. Хрущева раздражала огромная популярность Жукова, он сам хотел стать главой правительства СССР, укрепив свою власть. В *марте 1958 г.* Хрущев стал председателем Совета министров СССР, сохранив за собой и пост Первого секретаря ЦК КПСС. Исчезло разделение власти, осуществленное после смерти Сталина.

Так закончился новой победой Хрущева очередной этап его борьбы за власть. Однако его победа не привела к продолжению политики реформ. Произошло обратное. Хрущев и его сторонники увидели: наступает тот предел, за которым процесс десталинизации выходит из-под их контроля. Они почувствовали, что стихийное развитие этого процесса неминуемо ведет к дальнейшей политической активизации общества, росту критических настроений по отношению к КПСС, возникновению новых общественных движений и самостоятельных организаций. Все это может закончиться потерей КПСС монополии на власть. В результате произошла корректировка общего политического курса, по сути – отказ от дальнейшей либерализации. Было прекращено обсуждение в партийных организациях доклада Хрущева о культе личности, в стране началась массовая идеологическая и пропагандистская кампания против инакомыслия.

К началу 1960-х гг. Хрущев полностью исчерпал свой реформаторский потенциал. В то же время советское общество стало разочаровываться и в хрущевских реформах. Люди ждали улучшения элементарных условий жизни, а вместо этого видели, что руководящие партийные и государственные работники наделяют сами себя большими привилегиями, что их материальный уровень жизни значительно выше уровня жизни простых людей. В связи с обострившимися экономическими трудностями в конце 1950 – начале 1960-х гг., продовольственным кризисом и повышением цен в 1962 г. на мясо (на 30%) и масло (на 25%) начало расти недовольство, особенно среди рабочих. Рабочие выступления произошли в Донецке, Артемовске, Краматорске, Омске, Иванове и других промышленных центрах.

В *октябре 1959 г.* с помощью войск было подавлено выступление рабочих в Темиртау (Казахстан), требовавших улучшения условий труда. В *июне 1962 г.* в Новочеркаске (Ростовская область) началась забастовка рабочих-электровозостроителей, переросшая в массовую демонстрацию.

1 июня в 10 ч утра около 200 рабочих одного из цехов Новочеркасского электровозостроительного завода прекратили работу и потребовали повышения расценок. Они направились к заводоуправлению, по пути к ним присоединились рабочие других цехов. Собравшись у заводоуправления, около тысячи рабочих потребовали, чтобы начальство ответило на их вопрос: «На что нам жить дальше?». Вышедший к ним директор завода начал призывать забастовщиков вернуться на рабочие места. Увидев недалеко тележку, с которой торговали пирожками, он крикнул в толпу: «Не хватает денег на мясо – ешьте пирожки с ливером». Его слова вызвали бурю негодования, ошвытанный директор предпочел скрыться. Забастовка охватила почти весь завод. На тревожный заводской гулчок приходили жители ближайших районов, рабочие других предприятий. После полудня количе-

ство бастующих достигло 7 тыс. Они перекрыли железнодорожную магистраль из Ростова в Центральную Россию, остановив пассажирский поезд Ростов–Сара-тов. На локомотиве кто-то из рабочих написал: «Хрущева на мясо!».

Узнав об этих событиях, Хрущев приказал подавить выступление рабочих всеми мерами. Вечером в Новочеркасск были введены войска. Ночью многотысячная демонстрация рабочих и жителей города была разогнана. Были убиты 24 человека. Начались аресты «зачинщиков». Позже 7 рабочих, обвиненных в попытке свержения советской власти, были приговорены судом к смертной казни и расстреляны, 105 человек получили от 10 до 15 лет колонии строгого режима.

Новочеркассские события июня 1962 г. стали переломным моментом в уже-сточении репрессий по отношению ко всяким проявлениям недовольства населением СССР – условиями жизни, материальным положением, нехваткой продовольствия, ограничением духовной свободы. Вместе с тем все более частыми стали всплески активности социально и идеологически оформленных групп инакомыслящих – *диссидентов*. Руководство КГБ так определяло тех, кто противостояли советской власти: «фрондирующая интеллигенция», «националисты», «ортодоксальные религиозники». Партийным органам становилось все труднее отстаивать лидирующие позиции, они проигрывали идеологическое состязание возникшему в условиях «оттепели» *диссидентскому движению*.

Недовольство обществом половинчатостью хрущевских преобразований резко сократило социальную базу реформ, репрессии властей дискредитировали самого Хрущева. Его авторитет сильно упал во всех слоях общества. Люди рассказывали анекдоты о Хрущеве – от добродушно-насмешливых до издевательских.

Все это вынудило правящую верхушку и дало ей возможность подготовить заговор против лидера партии и государства. Хрущев стал представлять опасность для советской бюрократии как лидер, дискредитирующий партийную и государственную власть. С другой стороны, бесконечные реорганизации органов управления и кадровые перестановки угрожали карьере партийно-государственных, хозяйственных и военных работников. В этих условиях быстро сформировалась оппозиция Хрущеву.

В условиях отсутствия конституционного механизма смены руководителя страны подготовка смещения Хрущева негласно велась группой высокопоставленных партийно-государственных деятелей – А.Н. Шелепиным, М.А. Сусловым, Л.И. Брежневым, председателем КГБ СССР В.С. Семичастным и другими. Втайне от отдыхающего в Сочи Хрущева было решено созвать заседание Президиума ЦК КПСС. 13 октября Хрущев был срочно вызван в Москву якобы для обсуждения вопросов сельского хозяйства.

Из постановления ЦК КПСС «О возникших вопросах по поводу предстоящего пленума ЦК КПСС и разработок перспективного народнохозяйственного плана на новый период» от 12 октября 1964 г.

«1. В связи с поступающими в ЦК запросами о возникших неясностях принципиального характера по вопросам, намеченным к обсуждению на Пленуме ЦК КПСС в ноябре с. г., и в разработках нового пятилетнего плана признать неотложным и необходимым обсудить их на ближайших заседаниях Президиума ЦК КПСС с участием т. Хрущева. Поручить тт. Брежневу, Косыгину, Суслову и Подгорному связаться с т. Хрущевым по телефону и передать ему настоящее решение с тем, чтобы заседание Президиума ЦК провести 13 октября 1964 г.

3. Учитывая важное значение характера возникших вопросов и предстоящего их обсуждения, считать целесообразным вызвать в Москву членов ЦК КПСС и членов Центральной ревизионной комиссии КПСС для доклада Пленуму итогов обсуждения вопросов на Президиуме ЦК КПСС. Вопрос о времени проведения Пленума решить в присутствии т. Хрущева».

14 октября 1964 г. Пленум ЦК КПСС освободил Н.С. Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР. На Пленуме ЦК, так же как днем ранее на заседании Президиума ЦК КПСС, Хрущеву были предъявлены обвинения в развале экономики, принижении роли партийных и советских органов, личной нескромности, субъективности и волюнтаризме. В официальном сообщении говорилось об отставке Хрущева из-за преклонного возраста и по состоянию здоровья.

Волюнтаризм – в политике и общественной жизни произвольные решения, игнорирующие объективно существующие условия и закономерности.

Из постановления Президиума ЦК КПСС 14 октября 1964 г.

«Признать, что в результате ошибок и неправильных действий т. Хрущева, нарушающих ленинские принципы коллективного руководства, в Президиуме ЦК КПСС за последнее время создалась совершенно ненормальная обстановка, затрудняющая выполнение членами Президиума ЦК ответственных обязанностей по руководству партией и страной... Президиум ЦК КПСС считает, что при сложившихся отрицательных личных качествах как работника, преклонном возрасте и ухудшении здоровья т. Хрущев не способен исправить допущенные ошибки и непартийные методы в работе».

Новое поколение советской партийно-государственной бюрократии сумело сделать то, что не получилось у старой партийной верхушки в 1957 г. От власти был отстранен реформатор, в деятельности которого партийный аппарат увидел угрозу своей монополии на власть. Заговор поддержали КГБ и армия. «Они смогли меня снять простым голосованием, тогда как Сталин велел бы их всех расстрелять...» – сказал Хрущев сразу после пленума. Этими словами он подчеркнул главное, что ему удалось сделать, – демонтировать сталинский механизм единоличной власти и репрессий.

К.Т. Мазуров, бывший член Политбюро ЦК КПСС:

«В моем сознании существует два Хрущева. Один – реформатор в хорошем смысле слова, который вел к новой политике, новым методам работы в партийных организациях. А потом, после XXII съезда, его как кто-то подменил. То ли он уверовал в нашу Программу, в которой было сказано, что в 80-х годах мы уже при коммунизме будем, то ли чье-то влияние...»

М.Я. Гефтер, историк:

«Мировой лидер уходил с отечественной сцены банкротом. Но по сей день нам не хочется признать, что в его лице обанкротились мы сообща».

Отставка Хрущева не вызвала в стране недовольства. Хрущева поселили на даче под охраной, изолировав от внешнего мира. Имя его надолго исчезло из общественной жизни.

Главным итогом противоречивого лидерства Хрущева стало утверждение в стране более свободной атмосферы, в жизнь вошло поколение советских людей, не знающих страха перед властью.

Лекция 38

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В 1964–1985 гг.

14 октября 1964 г. пленум ЦК КПСС, освободив Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР, признал нецелесообразным совмещение в одном лице обязанностей первого секретаря ЦК и председателя общесоюзного правительства. Первым секретарем ЦК КПСС был избран Л.И. Брежнев. Председателем Совета министров по рекомендации Пленума Президиум Верховного Совета СССР назначил А.Н. Косыгина.

В ноябре 1964 г. очередной Пленум партии, основываясь на двухгодичном опыте существования новой структуры партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов, пришел к выводу, что перестройка этих организаций в 1962 г. была проведена поспешно и непродуманно. Практика работы по производственному принципу показала, что искусственное разделение их на промышленные и сельские внесло разноречивость в работу партийных и государственных организаций. Произошло смешение функций, прав и обязанностей между партийными, советскими и хозяйственными органами. В результате реорганизации аппарат краевых и областных органов значительно усложнился и разросся. Пленум решил привести структуру партийных органов в соответствие с Уставом партии.

В течение декабря 1964 г. были восстановлены единые краевые и областные партийные организации, вслед за этим восстанавливались районные комитеты партии, объединявшие руководство партийных организаций сельских, промышленных предприятий и строек. Аналогичная работа была проведена в отношении Советов депутатов трудящихся, профсоюзов и комсомола.

Брежнев представлял собой полную противоположность Хрущеву. И по характеру, и по интеллекту он не обладал качествами руководителя великой державы, которые нужны были для реализации планов обновления общества.

Из воспоминаний А.А. Громыко

«Помню, однажды, находясь на отдыхе в санатории под Москвой, я рекомендовал ему книгу о жизни Леонардо да Винчи, даже принес ее. Он обещал прочесть. Но недели через две вернул, сказав:

– Книгу я не прочел. Да и вообще – отвык читать».

Брежнев не был теоретиком, не задумывался глубоко над стратегией и перспективами развития страны. Отсюда и такие качества нового лидера, как ис-

ключительная осторожность при принятии политических решений, постоянная потребность выслушивать советы. Он оказался во главе партии в результате сложного переплетения интересов партийно-государственной номенклатуры. Многие ее представители рассматривали Брежнева как временную, промежуточную фигуру. В стране ощущалась усталость от импульсивных, непродуманных решений. Выдвинутый Брежневым принцип «стабильности кадров» означал отказ от всяких попыток радикального обновления общества. В руководстве республик, областей, министерств практически прекратились кадровые перемещения. XXIII съезд КПСС (1966 г.) изъясил из партийного Устава указания о нормах и сменяемости состава партийных органов и секретарей партийных организаций. Был записан формальный принцип систематического обновления партийных органов и преемственности руководства.

Из воспоминаний академика Г.А. Арбатова

«Человек этот [Брежнев] был типичным для верхушки тогдашней политической элиты. Начиная уже с того, что, имея формально диплом об окончании вуза, был малообразованным и даже не очень грамотным... Его самыми большими слабостями как руководителя государства были почти полное отсутствие экономических знаний, консерватизм, традиционность и прямо-таки аллергия на новое. Не хватало ему решительности, воли, что, правда, может быть, предохраняло его от ряда ошибок, но в то же время питало застой... Но это не значит, что у Брежнева не было сильных сторон; он был особенно искушен, даже изощрен и изобретателен в аппаратной борьбе».

Из воспоминаний А.Е. Бовина, бывшего работника аппарата ЦК КПСС

«Курс на стабильность, не сопровождавшийся развитием демократии, необходимыми переменами, обновлением кадров, начал порождать застой, мертвящую неподвижность, которая в свою очередь стала источником бесконтрольной бюрократизации, нравственно-политического разложения работников партийного и государственного аппарата. В партийных комитетах, в партийном аппарате стал увеличиваться удельный вес серых, невыразительных, бездуховных людей».

Г.И. Воронов, бывший член Политбюро ЦК КПСС:

«Будем объективны: в первое время многим пришлось не по душе сдержанность руководства, пришедшего на смену Хрущеву. Хотелось верить: раз стало меньше слов, значит, последует больше дел. Да и дела шли не так уж плохо: начались эксперименты в экономике, принесла плоды политика разрядки...»

Брежнев был избран уже не первым, а Генеральным секретарем ЦК КПСС. Искусный аппаратчик, он начал отстранять от должностей своих политических оппонентов, претендующих на высокие посты в партии и государстве, заменяя их людьми, преданными лично ему. Снятие с должностей происходило скорее по рабочим, нежели политическим мотивам. Секретарь московской партийной организации Н.Г. Егорычев лишился своего поста в связи с арабо-израильской войной (1967 г.) за критику военных мероприятий, касающихся противовоздушной обороны столицы. Глава органов госбезопасности В.Е. Семичастный был снят за то, что в 1967 г. не сумел воспрепятствовать эмиграции за рубеж дочери Сталина Светланы Аллилуевой. Место председателя КГБ занял Ю.В. Андропов. Ранее Н.В. Подгорный был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Многоопытный и авторитетный А.И. Микоян был отпущен на пенсию.

Постепенно менялся состав высшего политического органа страны – Политбюро. После XXIV съезда КПСС (1971 г.) в него входило 15 членов и 6 кандидатов в члены, в 1973 г. были введены руководители трех ведомств – иностранных дел (А.А. Громыко), обороны (А.А. Гречко), КГБ (Ю.В. Андропов).

В итоге к началу 70-х гг. победил умеренно-консервативный курс, который разделял Брежнев. Новый курс опирался на настроение тех слоев общества, чьи ожидания не оправдались в хрущевскую «оттепель» и которые требовали наведения порядка «твердой рукой».

Поворот вправо начался в первую очередь в идеологии. В центре общественного внимания вновь оказался вопрос о сталинском наследии. Из официальных документов постепенно исчезали упоминания о XX съезде партии, о «культе личности», был свернут процесс реабилитации жертв сталинского террора.

Из письма в ЦК КПСС оставшихся в живых детей коммунистов, необоснованно репрессированных Сталиным (сентябрь 1967 г.), подписанного П. Якиром, Л. Петровским, А. Антоновым-Овсеенко, Ю. Лариным-Бухариным, Ю. Вавиловым, А. Бокий, И. Шляпниковым и другими (всего 43 подписи)

«В настоящее время с трибун, в печати, по радио и телевидению пропагандируются “заслуги” Сталина. Фактически это является пересмотром постановлений XX и XXII съездов КПСС.

Нас это тревожит. И не только потому, что наши родные и мы сами, как миллионы других людей, стали жертвами созданной Сталиным машины преступлений. Нам тяжело сознавать, что в одобрение произвола в свое время были втянуты жестоко обманутые массы. Это не должно повториться. Возрождение прошлого ставит под удар идеи коммунизма, дискредитирует нашу систему, возводит в закономерность гибель миллионов невинных людей.

Любые попытки обелить черные дела Сталина таят в себе опасность повторения страшной трагедии нашей партии, всего нашего народа и коммунистического движения в целом».

Середина 60-х гг. ознаменовалась рядом актов правозащитного движения. 5 декабря 1965 г., в день Советской конституции, в Москве, на Пушкинской площади, состоялась первая в советское время демонстрация с правозащитными лозунгами. Участники акции – Ю. Галансков, А. Гинзбург, В. Буковский, Л. Богораз и другие – требовали от властей соблюдения Основного закона СССР, гласного суда над писателями Ю.М. Даниэлем и А.Д. Синявским, арестованными органами госбезопасности за публикацию на Западе своих «антисоветских» произведений. Демонстрация создала прецедент, а советское законодательство не предусматривало уголовной ответственности за подобные действия.

Так, ресталинизация и отрицательная реакция на нее со стороны части интеллигенции потребовали расширения правовой базы для уголовного преследования по политическим мотивам. На заседании Политбюро ЦК КПСС 15 сентября 1966 г. был одобрен проект указа Президиума Верховного Совета РСФСР о внесении дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации. Он пополнился ст. 190, часть 1: «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй в устных и письменных формах». За данное деяние предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, исправительно-трудовыми работами на срок до одного года

или штрафом до 100 руб. Части 2 и 3 новой статьи предусматривали наказания за надругательство над государственным гербом и флагом, за организацию или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок.

Статья 190 Уголовного кодекса РСФСР (и, соответственно, других республик) позволяла властям заявлять, что в Советском Союзе нет политических заключенных, ибо по этой статье осуждали не за убеждения, а за «конкретные действия». Тем не менее судебный процесс над литераторами, по согласованию с Секретариатом ЦК КПСС, был открытым. Синявский получил 5, а Даниэль – 7 лет лагерей строгого режима.

Своеобразным признанием со стороны властей нового явления общественно-политической жизни (диссидентства) стало создание в структуре КГБ специализированного управления по борьбе с «идеологическими диверсиями».

Диссидент – несогласный с господствующей идеологией, инакомыслящий.

В исследованиях последних лет диссидентское движение классифицируется по следующим основным направлениям: гражданские движения («политики»), самым массовым среди которых было правозащитное движение; религиозные движения (пятидесятников, адвентистов седьмого дня, евангельских христиан-баптистов и др.); национальные движения (армянское, грузинское, украинское); движения за возвращение на родину репрессированных народов (крымские татары, турки-месхетинцы); движения за выезд из СССР (евреев в Израиль, советских немцев в Федеративную Республику Германию).

В истории диссидентского движения в СССР выделяют три периода.

Первый – период становления (1965–1972 гг.).

В мае 1968 г. была создана Инициативная группа защиты прав человека в СССР. Первоначально в нее вошли 15 человек из Москвы, Киева, Харькова, Ленинграда, Ташкента. Группа занималась расследованием фактов и составлением обзоров о нарушении прав человека; просуществовала до 1972 г.

В июне 1968 г. был ограничен выезд евреев из СССР: не более 1500 человек в год, только лица преклонного возраста, не имеющие высшего и специального образования. Это вызвало широкий международный резонанс.

25 августа 1968 г. семеро диссидентов провели на Красной площади акцию протеста против ввода войск Организации Варшавского договора в Чехословакию – Л. Богород, К. Бабицкий, В. Делоне, В. Дремлюга, Н. Горбаневская, П. Литвинов, В. Файнберг. Они хотели «показать, что не все граждане страны согласны с насилием, которое творится от имени народа».

30 апреля 1968 г. начал нелегально выходить самиздатовский правозащитный бюллетень «Хроника текущих событий». Его главным редактором была Н. Горбаневская. Последний, 64-й, выпуск вышел в свет в 1983 г.

По данным КГБ СССР, за 1961–1971 гг. было выявлено 3096 «группировок политически вредного характера». 29 апреля 1969 г. председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов направил в ЦК КПСС письмо с планом развертывания сети психиатрических лечебниц. С 1969 г. власти приступили к широкому использованию психиатрии в политических целях. Инакомыслящих изолировали в психбольницах как душевнобольных.

В ноябре 1970 г. в Москве был создан Комитет прав человека в СССР. Инициаторами его создания были физики В.Н. Чалидзе, А.Н. Твердохлебов, А.Д. Сахаров. В марта 1971 г. академик А.Д. Сахаров написал Л.И. Брежневу «Памятную

записку», в которой предложил объявить амнистию политзаключенным, ввести гласность суда по политическим делам, запретить применение психиатрии в политических целях, обеспечить в СССР гласность, демократию, идеологический плюрализм. В ответ власти начали пропагандистские кампании по дискредитации писателя *А.И. Солженицына* и академика *А.Д. Сахарова*.

Второй – период кризиса (1973–1974 гг.). Был организован процесс над руководителями Инициативной группы *П.И. Якиром* и *В. Красиным*. Они не только признали себя виновными, но и на очных ставках призывали к тому же тех, кто были арестованы. Была организована и пресс-конференция для журналистов. В феврале 1974 г. *А.И. Солженицын* был выслан за границу. Коммунистическая пропаганда убеждала советских граждан: «Высылка этого отщепенца за пределы страны лишает возможности его зарубежных покровителей и далее спекулировать на “правах человека” в социалистическом обществе. Пусть этот пустоцвет “радует” своими “выдающимися произведениями” своих западных наставников». *В.К. Буковского* обменяли на лидера чилийских коммунистов *Л. Корвалана*.

Третий – период международного признания (1974–1975 гг.). Было создано советское отделение «Международной амнистии» во главе с *В.Ф. Тургиным* и *А.Н. Твердохлебовым*. *А.Д. Сахарову* присудили Нобелевскую премию мира.

В ноябре 1975 г. капитан 3-го ранга *В. Саблин*, замполит большого противолодочного корабля «Сторожевой» Балтийского флота, арестовав командира, вывел судно из Рижского залива в открытое море, чтобы по радиосвязи обратиться с воззванием к народу и его руководителям: «Великая Россия должна стать передовым и правовым государством, а не голодной отсталой страной!». Его план не удался. Он был осужден за «измену Родине» и расстрелян.

Четвертый – Хельсинский период (1976–1982 гг.). С 1976 г. в СССР диссиденты стали создавать группы по наблюдению за выполнением Заключительного акта общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанного в Хельсинки летом 1975 г. Такие группы были созданы в Москве, на Украине, в Литве, Грузии и Армении. В феврале 1977 г. прошли массовые аресты участников хельсинских групп. Лидер московской группы *Ю. Орлов* был осужден к 7 годам лишения свободы.

Наконец, в 1979 г. началось «генеральное наступление» властей на оппозицию. С арестом 500 видных участников диссидентского движения было дезорганизовано и обезглавлено. Прошли процессы *А. Щаранского*, *Г. Якунина*, *А. Марченко* и других. В январе 1980 г. была осуществлена административная высылка академика *А.Д. Сахарова* в режимный город Горький (ныне – Нижний Новгород) под надзор органов госбезопасности. Лидер правозащитного движения в СССР был лишен возможности общения с зарубежными журналистами, западными средствами массовой информации.

По подсчетам *Р. Медведева*, правозащитника и историка, в 1967–1970 гг. и в 1971–1982 гг. по «политическим» статьям УК РСФСР и других республик было арестовано около 10 000 человек. Еще несколько тысяч оказались в заключении как «националисты», «религиозники», «тунеядцы», «нарушители паспортного режима», «злостные нарушители общественного порядка» и т. п. Фактически к уголовной ответственности привлекалось около 1000 человек в год из числа диссидентов разных направлений. Приговоренные к разным сро-

кам заключения, они отбывали наказания, главным образом, в лагерях, расположенных в Мордовии.

Пропаганда внушала советским гражданам: диссиденты – наемные агенты Запада. Тем не менее семена сомнений, которые заронили в общественное сознание диссиденты, дали всходы в обстановке гласности и плюрализма мнений «перестройки» второй половины 80-х гг.

Жизнь требовала от властей определенной модернизации идеологических установок. Ведь согласно третьей Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии (1961 г.), уже в 1970 г. СССР должен был обогнать развитые страны Запада по производству продукции на душу населения, а к 1980 г. – построить материально-техническую базу коммунизма. Во второй половине 60-х гг. стало ясно, что цели, намеченные партийной программой, в установленные сроки достичь не удастся. Встал вопрос о заполнении идеологического вакуума. Партийные идеологи начали смещать акценты с задач коммунистического строительства к осмыслению уже достигнутой стадии развития, к разработке ее характеристики как социалистического общества, якобы достигшего высокой ступени развития.

Осенью 1967 г. на торжественном заседании, посвященном 50-летию Октябрьской революции, в докладе Брежнева прозвучал тезис о построении в СССР *«развитого социализма»*: «Концепция развитого социализма» объясняет всем нам суть нынешнего состояния советского общества и пути продвижения к коммунизму. Она в полной мере опирается на ленинское идейно-теоретическое наследие, развитое в соответствии с потребностями практики коммунистического строительства».

Теория все больше отрывалась от реальной жизни. С XXIV съезда партии в 1971 г. началась серия брежневских съездов (XXV – в 1976 г., XVI – в 1981 г.) – грандиозных триумфальных собраний, лишенных политического содержания. Из пятилетия в пятилетие повторялись фразы о подъеме материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда. Но реального механизма для выполнения этой цели создано не было. Повышение благосостояния советских людей сопровождалось на практике падением темпов роста национального дохода, его основы, все большим отставанием сельского хозяйства и легкой промышленности.

Кульминацией теоретических разработок партийных идеологов стала принятая в 1977 г. новая *Конституция СССР* – «Конституция развитого социализма». Работа над ней началась еще при Хрущеве. Отстранение его от власти приостановило работу над проектом Основного закона. В конце 1964 г. был заменен председатель Конституционной комиссии; им стал Брежнев. До середины 70-х гг. заметных сдвигов в разработке проекта не отмечалось, но затем работа активизировалась и была завершена. После обсуждения проекта, 7 октября 1977 г. Верховный Совет СССР принял новый Основной закон Советского государства. По структуре Конституция СССР 1977 г. отличалась от прежних советских конституций: она состояла из преамбулы, которая содержала теоретическое обоснование сущности развитого социализма, и 174 статей, сведенных в 9 разделов.

Из Конституции СССР 1977 г.

«В СССР построено развитое социалистическое общество...»

Это – общество, в котором созданы могучие производительные силы, передовая наука и культура, в котором постоянно растет благосостояние народа, складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности.

Это – общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ.

Это – общество высокой организованности, идейности и сознательности трудящихся – патриотов и интернационалистов.

Это – общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех.

Это – общество подлинной демократии, политическая система которого обеспечивает эффективное управление всеми общественными делами, все более активное участие трудящихся в государственной жизни, сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом.

Развитое социалистическое общество – закономерный этап на пути к коммунизму».

В отличие от первых советских конституций, Конституция 1977 г. прямо назвала главный стержень, суть советской власти. Статья 6 гласила:

«Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбы за победу коммунизма...».

Конституция содержала определение СССР как социалистического общенародного государства, выражающего волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны. В этой общей воле ведущая роль по-прежнему отводилась рабочему классу. Все другие социальные слои общества, встав на идейно-политическую позицию рабочего класса, присоединялись к государственной воле ведущего класса. Местные органы власти и управления стали именоваться Советами народных депутатов. Увеличивался срок их полномочий. В соответствии с новым основным законом СССР весной-летом 1978 г. были приняты новые конституции союзных и автономных республик, включая Российскую Федерацию. В большинстве случаев общесоюзные конституционные нормы механически дублировались в новых конституционных положениях республик.

В некоторых республиках произошли вспышки национального недовольства. Так, партийно-государственные руководители Грузии по согласованию с Москвой решили отменить государственный статус грузинского языка. Статья 73 проекта новой республиканской конституции провозглашала: «Грузинская ССР обеспечивает свободное употребление грузинского, а также русского, абхазского, осетинского и других языков большинства населения данной местности».

В Тбилиси состоялась многотысячная демонстрация протеста. Под давлением демонстрантов депутаты Верховного Совета Грузии были вынуждены оставить статью о языке без изменений. Но это выступление и сохранение статуса грузинского языка усилили недоверие к грузинам со стороны национальных меньшинств республики.

Вновь обострилась ситуация вокруг Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджана. Большинство населения области составляли армяне, а руководство назначалось из Баку. Армянская интеллигенция при каждом удобном случае напоминала властям о «карабахском вопросе». Опять зазвучали призывы о передаче области в Армянскую ССР, о ее переименовании в армянскую НКАО и т. д.

В это время в Москве произошло несколько террористических актов: взрывы самодельных бомб в поезде на Арбатской линии метро, на Никольской улице рядом с Историко-архивным институтом. За несколько минут до взрыва на Курском вокзале была обезврежена самодельная бомба с часовым механизмом, заложенная в чемодане, оставленном в зале ожидания. Оперативно-розыскные мероприятия КГБ закончились арестом группы армян. Суд над террористами происходил при закрытых дверях, что породило протесты правозащитников и слухи о том, что наказанию подверглись невиновные люди. Так или иначе, взрывы в столице прекратились.

Демографические и социальные дисбалансы также приводили к появлению все более явственных трещин в «новой исторической общности» людей. Общая численность населения СССР неуклонно росла и составила в 1960 г. – 212,4 млн, в 1970 г. – 241,7 млн, в 1980 г. – 262,4 млн человек. Но этот рост носил неравномерный характер, что не могло не вести к усилению национальной напряженности между представителями различных культур, особенно находящихся на разных стадиях социально-экономического развития.

Раннеиндустриальные общества, как и в других странах мира, переживали состояние демографического взрыва, а развитые индустриальные – замедление темпов рождаемости. Снижение рождаемости в славянских республиках СССР началось в 60-е гг., в то время как в республиках Средней Азии и Закавказья рождаемость оставалась высокой. За 30 лет (1959–1989 гг.) численность узбеков, туркмен, киргизов увеличилось втрое, а казахов, азербайджанцев, аварцев, чеченцев, ингушей – вдвое. Советский Союз вступил в среду вторичного этногенеза, когда часть населения стала все более осознавать важность своей принадлежности к конкретной этнокультуре, в то время как другая часть по-прежнему отождествляла себя с понятием «советский человек».

Этногенез – происхождение народа.

Аналогичный процесс проходил с 60-х годов и в США, когда все большая часть американцев стала ощущать себя китайцами, евреями, итальянцами и т. д. в первую очередь, а уж потом – гражданами США.

Возрождение национального самосознания особенно бурно шло в национальных республиках, где этносы (или титульные народы), чьим именем были названы эти республики, имели определенные привилегии в использовании национального языка, назначении партийно-государственных кадров. Все это переводило социальные трудности и заботы, отношения между руководством и населением в этническую плоскость. Политика (прежде всего культурная) осуществлялась в интересах той этнической или клановой группы, которая зани-

мала руководящие посты. Ситуация осложнялась тем, что некоторые народы не имели национально-государственных образований и «титультные» элиты стремились к ассимиляции этих этносов для облегчения управляемости и укреплению монолитности своих республик.

Советский Союз представлял собой разнородное образование, в котором существовали, с одной стороны, индустриальная цивилизация в европейской и североазиатской частях Федерации и, с другой стороны, среднеазиатские народы, только выходящие из доиндустриального состояния. На разных стадиях развития находились народы Северного Кавказа и Закавказья. Экономической основой северокавказских цивилизаций являлось сельское хозяйство. Широко применялся наемный труд.

В Ачхой-Мартановском, Сунженском и Шалинском районах Чечено-Ингушской АССР в начале 80-х гг. было выявлено 65 батраков из лиц без определенного места жительства (бомжей), выходцев из России и Украины. Для обслуживания хозяйства в 500 овец, 27 голов крупного рогатого скота и 29 лошадей было достаточно усилий большой патриархальной семьи и троих батраков. Свыше 60 тейповых (родовых) групп находилось в состоянии кровной вражды. Большинство преступлений совершалось с использованием боевого огнестрельного оружия. Власти автономной республики поддерживали мусульманство, выделяли автотранспорт паломникам, прибегали к помощи мусульманского духовенства в самых разных случаях. Более половины браков ингушей проводились по законам шариата. В год рождались более 4 тыс. младенцев, законных с точки зрения шариата, но не советского права. Сохранялась практика похищения невест и другие родовые обычаи. Индустриальный сектор существовал за счет труда русских. Коренное население составляло только 30% занятых в промышленном производстве, зато в торговле – 70%.

Таким образом, социальная структура Северного Кавказа характеризовалась минимальным развитием промышленных отношений.

Опыт азиатско-африканских государств свидетельствует, что по мере того как чуждые местной цивилизации индустриальные отношения разрушают традиционный жизненный уклад, накапливаются маргинальные слои, общество становится неуправляемым и склонным к национальным волнениям.

Маргинал (в социологии) – тот, кто находится вне своей социальной группы.

На всем пространстве Советского Союза существовали группы республик, в которых стадия общественного развития воздействовала на социально-экономические и этнические процессы:

1) прибалтийские республики (Литва, Латвия, Эстония) – индустриальная стадия развития;

2) РСФСР, Украинская и Белорусская ССР – индустриальное общество, несколько поколений которого «строили» социализм;

3) Закавказье (Грузия, Армения, Азербайджан) и Молдавия – индустриально-аграрное общество, переходящее к индустриальному;

4) Средняя Азия (Киргизия, Узбекистан, Туркмения, Таджикистан) и Казахстан – аграрно-индустриальные общества с преобладанием местных этносоциальных отношений.

Темпы капитальных вложений в экономику союзных республик в 2–4 раза превышали аналогичные показатели для Российской Федерации. В то время как

среднеазиатские республики выращивали 90% хлопка-сырца, на месте, в Узбекистане, перерабатывалось не более 10%. Монокультура хлопка вытеснила в республике все другие отрасли сельского хозяйства, что привело к самому низкому уровню потребления продовольствия. Занятость населения достигла самой низкой отметки в СССР – 77%.

В республиках крепло убеждение, что именно Россия виновата в социально-экономических проблемах каждой из них, усиливались антирусские настроения. При открытии новых предприятий министерства предпочитали завозить рабочую силу извне. В итоге (например в Латвии) около 50% населения составили приезжие. Приток новых людей снижал уровень социальной обеспеченности республики. Возникла диспропорция между преимущественно русскоязычным персоналом промышленных предприятий и работающими в сельском хозяйстве и сфере услуг латышами. Раздельный труд еще более обострял межнациональные отношения. В результате начался отток русского (русскоязычного) населения из большинства республик СССР. За пределами Российской Федерации в 1959–1969 гг. проживал 31% русских, в 1970–1978 гг. – 12%, а в 1979–1988 гг. – только 6%.

Так в конце 70 – начале 80-х гг. усиливались дезинтеграционные тенденции. Политическое руководство страны призывало к непримиримости в отношении национализма, шовинизма, национальной ограниченности. В системе народного образования при преподавании гуманитарных дисциплин упор делался на три аспекта российской национальной политики: нерусские народы присоединялись к империи добровольно; национально-освободительные движения, препятствующие присоединению, носили реакционный характер; включение нерусских народов в состав Российской империи имело прогрессивное значение для них.

У союзного центра не было сколько-нибудь продуманной национальной концепции политики. О национальном вопросе вспоминали в дни торжеств – 50 лет и 60 лет образования СССР, по случаю вручения правительственной награды тому или иному национально-государственному образованию либо при критике местного руководства за национализм.

Основную часть партийно-государственного аппарата 60 – 70-х гг. составляли люди, начинавшие свою карьеру после репрессий 30-х гг. В отличие от большевистских руководителей первого состава, они были лишены фанатической веры в социальную справедливость. По происхождению в составе правящей номенклатуры преобладали люди, родившиеся и выросшие в семьях крестьян-бедняков и неквалифицированных рабочих (70,5%), и только около 8% составляли те, кто происходили из семей работников умственного труда. В Политбюро ЦК КПСС в 1965–1984 гг. выходцы из крестьянской среды составляли около 65%, из рабочих – около 17%, из интеллигенции – 18%. Социологические обследования номенклатуры показали, что большинство партгосаппаратчиков сознательно выбрали свою стезю: комитет комсомола – вступление в партию – переход на партийную или государственную работу. Ряды КПСС стремительно росли: с 12,4 млн в 1966 г. до 19 млн в 1985 г. В 70-е гг. не осталось производственных объектов, учреждений, учебных заведений, в которых не было бы первичных партийных организаций. С 1971 по 1986 г. их численность выросла с 370 тыс. до 440 тыс. «Первички» являлись инструментом прямого вмешательства партии во все сферы производственной и общественной жизни, средством всеохватывающего

политического и идеологического контроля. Сосредоточение реальной власти в исполнительных органах партии – бюро, секретариаты, партийные комитеты – стимулировало рост численности партийного аппарата до 500 тыс. работников.

Вследствие бюрократизации правящей партии рядовые коммунисты отстранялись от реального участия в определении политической линии КПСС. «Правящий класс» был жизненно заинтересован в стабильности высшего политического руководства, жесткой централизации управления. По этим причинам в 1965–1984 гг. кадровые перестановки в высших эшелонах власти были сведены к минимуму. В составе ключевого органа власти – Политбюро ЦК КПСС – большинство его членов находилось более 15 лет, в ЦК КПСС – свыше 12 лет. При этом отдельные члены находились в ЦК от 34 лет (Б.Н. Пономарев, М.В. Зимянин) до 25 лет (М.С. Соломенцев, А.А. Громыко, Н.А. Тихонов). К началу 80-х гг. средний возраст членов Политбюро достиг 70 лет, а его заседания нередко продолжались не более получаса: больше столь пожилые люди не выдерживали.

Из воспоминаний Н.И.Рыжкова

«Власть у так называемых партийных лидеров была и впрямь абсолютной и почти безраздельной. По сути, аппарат партии намертво срастился с государственным управлением. В Совет министров частенько приходили на подпись постановления Совета министров же, подготовленные в ЦК...»

Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС П.Е. Шелеста

«27 октября 1972 г. Я все чаще и чаще задумываюсь на вопрос: почему среди нас, коммунистов-единомышленников, среди руководящего состава, существует такая коварная подлость, жесткость, необъективность и несправедливость по отношению к бывшим товарищам по работе при перемене его места и должности. Где же гуманность, о которой мы так “прекрасно” говорим? Где товарищество, уважение друг друга? Всего этого по-настоящему-то и нет. Нас губят, разъедают подхалимство, лесть, угодничество, трусость за свое положение. Борьба за власть стала еще сильнее и ожесточеннее, чем в прошлом за частную собственность. Власть – значит все».

Старость и болезни руководителей пагубно сказывались на общественных настроениях в стране, траурная музыка все чаще звучала по советскому радио и телевидению. В декабре 1980 г. скончался А.Н. Косыгин, в январе 1982 г. – М.А. Суслов (секретарь ЦК по идеологии), в ноябре 1982 г. – Л.И. Брежнев, в мае 1983 г. – А.Я. Пельше, в феврале 1984 г. – Ю.В. Андропов (пробыв в должности Генерального секретаря ЦК КПСС 15 мес.), в декабре 1984 г. – Д.Ф. Устинов (министр обороны СССР), в марте 1985 г. – К.У. Черненко (пробыв в должности Генерального секретаря ЦК КПСС 13 мес.). Верховная политическая власть деградировала. Народ зло шутил: «В СССР появился новый вид спорта – гонки на катафалках».

Искушенный в аппаратных интригах, Брежнев продвигал тех, кто работали с ним на Украине, а позднее – в Молдавии и Казахстане. На важные посты были назначены: фронтовой друг С.П. Трапезников (заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС), К.У. Черненко (с 1965 г. заведующий Общим отделом ЦК КПСС, ежедневно докладывающий почту Генеральному секретарю, ответственный за подготовку всех решений Секретариата и Политбюро ЦК КПСС), С.П. Цвигун и Г.К. Цинев (заместитель председателя КГБ СССР). В свою очередь окружение Брежнева делало все, чтобы поднять его авторитет, под-

черкнуть способности, сыграть на человеческих слабостях стареющего генсека. «Вождь», «верный ленинец», «выдающийся деятель ленинского типа» – эти эпитеты непременно сопровождали имя партийного руководителя в средствах массовой информации. За 18 лет пребывания у власти Брежнев получил 114 высших отечественных и иностранных государственных наград, в том числе 4 звезды Героя Советского Союза, звезду Героя Социалистического Труда, орден «Победы», 16 орденов, 28 медалей, маршальскую звезду с бриллиантами, почетное оружие. Специально для него был учрежден по инициативе Московского горкома партии памятный золотой знак «50 лет пребывания в КПСС». Позже эти значки (но уже незолотые) вручали в райкомах старым коммунистам.

В 60 – 70-е гг. ряды правящей партийно-государственной бюрократии пополнялись и расширялись за счет верхушки профсоюзов, военно-промышленного комплекса, научной и творческой интеллигенции. Это новое поколение номенклатуры принесло новые веяния и настроения. По уровню общей культуры, профессиональным знаниям оно было на голову выше старшего поколения: все имели высшее образование, а многие и ученые степени, неоднократно бывали на Западе и пользовались плодами «потребительского общества». Среди них одним из самых страшных наказаний считалось стать невыездыным. Для нового поколения правящего класса марксистская идеология была лишь привычной риторикой, своеобразным амулетом.

А.Д. Сахаров писал:

«Одним из факторов стабильности режима является то обстоятельство, что материальный уровень жизни хотя и медленно, но все же растет. Каждый человек, естественно, сравнивает свою жизнь не с далеким и недоступным Парижем, а с собственным нищим прошлым».

В конце 70-х гг. по мере расширения кругозора при одновременном замедлении темпа роста уровня жизни все более широкие слои населения задавались вопросом: как соотносится уровень жизни в СССР и в странах Запада? Прилавки западных супермаркетов вызывали у советских туристов психологический шок, кардинально менявший их взгляды, мировоззрение. Для правящей элиты, которая доказывала неоспоримые преимущества «реального социализма», зарубежные командировки означали приобщение к достижениям «общества потребления».

Номенклатура непрерывно наращивала бюрократический аппарат. С 1965 г. до середины 80-х гг. количество общесоюзных и союзно-республиканских министерств увеличилось с 29 до 62. Общая численность управленцев достигла 18 млн человек (1 управленец на 6–7 работающих). Около 1,6 млн трудилось в аппаратах министерств и ведомств, 11,5 млн составлял управленческий персонал предприятий и организаций, 3,5 млн – технический и обслуживающий персонал (машинистки, водители и т. д.). На содержание такого аппарата в середине 80-х гг. ежегодно тратилось 10% государственного бюджета (40 млрд руб.).

Атмосфера привилегий, безнаказанности и вседозволенности меняла психологию правящего класса. Формировался закрытый для посторонних «свой круг», в котором доминировали ощущения собственной исключительности, пренебрежительное отношение к нравственным ценностям, к простым людям. Привилегии и разложение руководящих кадров партии и государства на глазах миллионов граждан вели не только к падению престижа власти и представляемого

ею общественного строя, но и вызывали социальную апатию, распространение пьянства, ставшего подлинным национальным бедствием.

С 1960 по 1984 г. легальная продажа алкогольных напитков (водки, ликеро-водочных изделий, вина, шампанского, коньяка, пива) населению возросло с 490,9 до 1 416,2 млн декалитров, а потребление алкогольных напитков – с 3,9 до 8,4 литров «абсолютного алкоголя» на душу населения в год. (Статистика не учитывала ни самогоноварение, ни подпольно произведенную алкогольную продукцию.) Таким образом, потребление спиртного, поступающего по легальным торговым каналам, увеличивалось за этот период в расчете на душу населения более чем в 2 раза. В середине 80-х гг. в СССР насчитывалось более 4,5 млн алкоголиков, состоящих на учете в органах здравоохранения. Ежегодно 500 тыс. алкоголиков снималось с учета и столько же вновь ставилось. В то же время, учитывая, что продажа алкогольных напитков существенно пополняла государственный бюджет, власти расширяли их производство. За 60 – 70-е гг. производство водки на государственных предприятиях возросло в 2 раза, вина и шампанского – в 5 раз.

Одновременно шло моральное разложение общества. В нем утвердился двойная мораль, двойные стандарты жизни – официальные и реальные. На фоне активной партийно-государственной пропаганды успехов во всех сферах народного хозяйства, торжественных юбилеев, массовых награждений падала производственная дисциплина, расцветали протекционизм, семейственность, коррупция, нарастали массовый скептицизм и цинизм. Советский человек по сути вел двойную жизнь: одну – на производстве, в учреждении, другую – дома, в узком кругу домочадцев и друзей-единомышленников.

Из-за дефицита товаров и услуг в обществе появилось новое понятие – «достать». Имея какие-либо связи с правящей элитой, можно было достать все – от билетов на популярный спектакль до хорошо оплачиваемой должности. Все это, естественно, расслаивало общество, развивало паразитические, иждивенческие настроения, отбивало желание работать. По мере расслоения общества и углубления социального кризиса росло неосознанное недовольство существующей общественно-политической системой, появилось желание перемен и улучшения жизни.

Что же представляло собой советское общество в социальном срезе?

Продолжала расти численность рабочих: с 62 млн (55% занятого населения) в 1970 г. до 81,7 млн (более 60% занятого населения) в середине 80-х гг. Наиболее квалифицированная рабочая сила концентрировалась на предприятиях военно-промышленного комплекса. К выполнению физически тяжелого и неквалифицированного труда привлекались военнослужащие Советской армии, студенты, заключенные.

Ввиду большого оттока людей из сельской местности, там стала возникать нехватка рабочих рук. В результате получила распространение практика «шефской помощи» сельскому хозяйству. Заводские рабочие, студенты вузов, целые подразделения научно-исследовательских институтов направлялись осенью в колхозы и совхозы на уборку урожая, а в городах – на овощные базы. Это была своеобразная трудовая повинность.

Сохранялась серьезные территориальные различия внутри рабочего класса. В более выигрышном положении находились рабочие Москвы, Ленинграда, сто-

лиц союзных республик: они имели преимущества в условиях снабжения, доступа к культурной инфраструктуре. Рабочие других индустриальных центров жили в худших условиях.

Особенностью социальных процессов стало появление специфической группы внутри рабочего класса столичных городов – лимитчиков, приезжих из провинции «по лимиту». Ради получения столичной прописки эти люди готовы были жить в общежитиях и работать в любых производственных условиях. Этим бесправным положением лимитчиков пользовалась администрация столичных предприятий.

К началу 80-х гг. городское население страны выросло до 180 млн человек (в 1939 г. – 56 млн). Переход основной массы населения из разряда сельских жителей в городские отрицательно повлиял на развитие советского общества.

Начиная с 60-х гг. уменьшались различия в оплате за работу разной сложности и качества. Уравниловка в оплате труда подавляла стимул к труду, порождала недисциплинированность, паразитическую уверенность в гарантированном (независимым от трудового вклада) доходе, сковывала инициативу и самостоятельность. Атмосфера безделья и авралов в конце хозяйственного года, распространявшееся равнодушие к работе («работа не волк, в лес не убежит») развращающе действовали на молодежь, приходящую на производство. Несколько случаев, когда искреннее желание поработать не вылилось ни в какое, даже самое маленькое увеличение заработка, – и человек уже стремился не найти работу, а увильнуть от нее.

Положение усугублялось тем, что в условиях всеобщего дефицита потребительских товаров распределение многих из них нормировалось, так что реальным стандартом становилась не сама зарплата, а возможность ее «отovarить». В итоге в полную силу, как показывали социологические обследования середины 80-х гг., в СССР трудилась не больше трети всех занятых на производстве.

Многие рабочие опасались конфликтовать с администрацией, но коллективные акции протеста случались. По данным историка Л.М. Алексеевой, за послесталинское тридцатилетие произошло 76 забастовок: 3 из них состоялись во второй половине 50-х гг., 17 – в 60-е, 25 – в 70-е, 31 – в начале 80-х гг. Люди требовали повышения зарплат, сохранения льготных отпусков, отмены периодического пересмотра (в сторону увеличения) норм выработки и т. д. Главным образом, это были социально-экономические требования. Конфликты разрешались в ходе переговоров и уговоров со стороны заводской администрации, парткомов, при посредничестве профсоюзных комитетов предприятий.

Быстро росла численность интеллигенции: в начале 70-х гг. она составляла 29,9 млн. Высшее образование сохраняло высокий престиж. Это способствовало тому, что основная часть молодежи после школы стремилась поступить в институты и университеты. На начало 80-х гг. специалисты, получившие высшее и среднее специальное образование, составляли 40% городского населения. В результате возникла определенная диспропорция на рынке рабочих мест в городах: вакансии инженерно-технических должностей были заполнены, но образовались вакансии рабочих мест, не требующих особой квалификации и связанных в основном с физическим трудом. Труд инженерно-технических работников начал постепенно обесцениваться. Если в 1955 г. инженер получал в среднем на 70% больше, чем рабочий, то в 1985 г. разница

сократилась до 10%. Этому способствовала и система жесткого распределения молодых специалистов. Получая по разнарядке дипломированного специалиста, предприятие не могло обеспечить его работой по специальности, а потому вынуждено было использовать его на «подхвате», для выполнения неквалифицированной работы. В научно-исследовательских учреждениях работа основной массы сотрудников сводилась к «отсиживанию» на рабочем месте. Их потенциал оставался не востребованным. А результатом была потеря квалификации и деградация специалистов. Все это сказывалось на замедлении темпов научно-технического прогресса. Академик Р. Сагдеев заметил по этому поводу: «По приборной компьютерной вооруженности армия наших научных работников и инженеров скорее напоминает народное ополчение с самострелами в руках».

В 70-е гг. были сделаны крупные капиталовложения в социальную сферу – самые большие в абсолютном выражении за все предшествовавшие годы советской власти. Наибольшее продвижение было достигнуто лишь в одной сфере – жилищном строительстве. С 1970 по 1985 гг. в СССР было введено в строй более 31 млн квартир, свыше 157 млн человек улучшили свои жилищные условия. Однако жилищный вопрос оставался одной из самых болезненных социальных проблем в СССР, поскольку очередь на жилье не сокращалась, а продолжала расти. К середине 80-х гг. она составила около 14 млн семей. В 1979 г. в общежитиях проживало около 6 млн человек, а на начало 1988 г. – 11,5 млн. При этом ежегодно государство выделяло 5 млрд руб. только на поддержание уже построенного жилья.

Социальная структура советского общества оставалась относительно стабильной в силу того, что внутри каждой страты имущественные различия нивелировались.

Страта (в социологии) – общественный слой, группа людей, объединенных каким-нибудь общим социальным признаком.

Свыше 250 руб. на члена семьи получали в 1980 г. 1,3% населения, 150–250 руб. – 17,1%, 75–150 руб. – 55,9%, менее 75 руб. – 25,8%. Медленный рост благосостояния должен был сглаживать социальное напряжение между правящей партийно-государственной номенклатурой и остальной массой населения. Среднемесячная заработная плата в первой половине 80-х гг. выросла с 169 до 190 руб. в месяц, а зарплата рабочих – со 182,5 до 208,5 руб. При этом росли цены, существовала скрытая инфляция.

По данным западных социологов, советская женщина ежедневно преодолевала в среднем 12–13 км в поисках необходимых семье продуктов и товаров. Доля затрат на питание в расходах советской семьи снизилась с 1980 г. к 1985 г. с 33,5% до 30,7%. Освободившиеся средства шли на приобретение предметов культурно-бытового значения, мебели (рост 6,5 до 7%), уплату налогов (рост с 9,1 до 9,4%) и в семейные накопления (рост с 5,6 до 7,8%). Казалось бы, рост доходов, проходивший в условиях нарастающего дефицита потребительских товаров, позволял накопить средства, чтобы решить семейные проблемы позже. Однако по мере того как эти надежды не оправдывались, дефицит начинал раздражать и трансформироваться в острую социально-психологическую проблему, в недовольство существующим положением вещей. Таким образом, рост уровня доходов населения превращался в фактор кризиса, в лозунг «Так жить нельзя».

34,2% населения СССР в 1979 г. было моложе 20 лет. Молодежь оказалась менее привержена идеалам коммунистической идеологии. Все более очевидная дистанция между официально провозглашенными ценностями «развитого социализма» и реальностью побуждала молодых людей искать собственные идеалы, далекие от тех, которым учила система советского народного образования. По существу в стране не осталось (за исключением высшего политического руководства) ни одной значительной страты, которая была бы довольна своим положением.

Рано или поздно, все это неминуемо должно было вызвать всеобъемлющий кризис советского общества.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

К РАЗДЕЛУ X

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С.Хрущева: в 2 т. М., 2009.
- Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003.
- Берия С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. М., 2002.
- Григоренко П. В подполье можно встретить только крысы... М., 1997.
- Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.
- Хрущев С.Н. Пенсионер союзного значения. М., 1991.

Литература

- Бурлацкий Ф. Никита Хрущев и его советники – красные, черные, белые. М., 2008.
- Бурлацкий Ф. Юрий Андропов и аристократы духа. М., 2009.
- Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. М., 2000.
- Млечин Л.М. Брежнев. М., 2008.
- Петров Н.В. Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005.
- Пихоя Р.Г. Советский Союз. История власти, 1945–1991. М., 1998.
- Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2006.
- Семанов С. Председатель КГБ Юрий Андропов. М., 2008.
- Тaubман У. Хрущев. М., 2008.
- Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы. История, теория и практика. СПб., 2008.
- Хрущев С. Никита Хрущев. Кризисы и ракеты. М., 1994.

Электронные ресурсы

www.nivestnik.ru – «Новый исторический вестник»

- Шмелев Б.В. Пражская осень. Лирические записки десантника // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3).
- Гераськин Ю.В. Из истории хрущевского наступления на Русскую православную церковь // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19).

Киличенков А.А. Советский Военно-морской флот в Карибском кризисе // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Какие причины привели к возникновению после смерти И.В. Сталина коллективного руководства?
2. В силу каких причин шла борьба за власть внутри коллективного руководства? Какие этапы прошла эта борьба?
3. Какие факторы предопределили победу Н.С. Хрущева в борьбе за власть в партии и государстве? Мог ли в этой борьбе одержать верх Г.М. Маленков? Обоснуйте свой ответ.
4. В чем причины, суть и направления десталинизации?
5. Каково значение XX съезда КПСС в истории нашей страны?
6. Охарактеризуйте основные направления реформ Н.С. Хрущева. В какой мере проведение этих реформ диктовалось объективными потребностями страны, а в какой – субъективными намерениями и взглядами самого Н.С. Хрущева? Аргументируйте свой ответ.
7. В какой мере реформы Н.С. Хрущева и его политика в целом привели к модернизации советской политической системы?
8. Сравните заговоры против Н.С. Хрущева 1957 и 1964 г. Почему Н.С. Хрущев сумел одержать верх над своими противниками в 1957 г., но потерпел поражение в 1964 г.? Аргументируйте свой ответ.
9. Какие факторы влияли на восприятие советским обществом политики Н.С. Хрущева и его личности?
10. Чем отличались Л.И. Брежнев и его ближайшее окружение от предшествующих поколений советских руководителей? Как эти отличия влияли на их политику?
11. В силу каких причин и каким образом партийно-государственная бюрократия предопределила судьбу Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева как лидеров СССР? Аргументируйте свой ответ.
12. Как повлияли на политику советского руководства антикоммунистическое восстание в Венгрии в 1956 г. и «пражская весна» 1968 г.?
13. Как и почему менялась социальная структура советского общества в 1960 – 1970-е гг.?
14. Охарактеризуйте советскую партийно-государственную бюрократию 1970-х гг. как страту. Чем она отличалась от советской бюрократии 1930-х гг.?
15. Каковы причины возникновения диссидентского движения? Разбейте процесс его развития на периоды и обоснуйте периодизацию.
16. Какую роль диссидентское движение сыграло в жизни советского общества?
17. Прочитайте включенные в список рекомендуемых источников и литературы воспоминания Б. Шмелева «Пражская осень» и на их основе охарактеризуйте замысел, реализацию и последствия ввода войск стран – участниц Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г.

Учебное издание

ИСТОРИЯ РОССИИ, XX ВЕК

Курс лекций

Редактор *Веснянская А.К.*
Корректор *Трифорова Л.И.*
Технический редактор *Антонов С.Е.*
Верстка *Петрушев К.В.*

Гигиенический сертификат № 515204 от 28.06.2002

Подписано в печать 18.11.2009

Формат 60х90/16

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная. Усл. печ. л. 28

Тираж 5000 экз.

Издательство «Каллиграф»
117042, Москва, Скобелевская ул., д. 23
Тел.: (495) 970-72-63
E-mail: nivestnik@yandex.ru

Отпечатано в ООО «Информполиграф»
111123, Москва, ул. Плеханова, 3А